

ВЕСТНИК
ТОМСКОГО
ГОСУДАРСТВЕННОГО
УНИВЕРСИТЕТА
ФИЛОСОФИЯ. СОЦИОЛОГИЯ.
ПОЛИТОЛОГИЯ

Tomsk State University Journal
of Philosophy, Sociology and Political Science

Научный журнал

2021

№ 63

Свидетельство о регистрации
ПИ № ФС77-30316 от 16 ноября 2007 г.
выдано Федеральной службой по надзору в сфере массовых
коммуникаций, связи и охраны культурного наследия

Подписной индекс 44046 в объединенном каталоге
«Пресса России»

Журнал включен в БД Emerging Sources Citation Index (Web of Science
Core Collection) и в «Перечень рецензируемых научных изданий,
в которых должны быть опубликованы основные
научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук,
на соискание ученой степени доктора наук»
Высшей аттестационной комиссии
(№ 1528)

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

Суровцев В.А. (Томск, Россия) – главный редактор, доктор филос. наук, профессор. E-mail: surovtsev1964@mail.ru; **Рыкун А.Ю.** (Томск, Россия) – зам. главного редактора (социология), доктор соц. наук, профессор. E-mail: a_rykun@mail.ru; **Шербинин А.И.** (Томск, Россия) – зам. главного редактора (политология), доктор полит. наук, профессор. E-mail: shai52@mail.ru; **Агафонова Е.В.** (Томск, Россия) – ответственный секретарь, кандидат филос. наук, доцент. E-mail: agaton@rambler.ru; **Сухушина Е.В.** (Томск, Россия) – ответственный секретарь (социология), кандидат филос. наук, доцент. E-mail: elsukhush@inbox.ru; **Скочилова В.Г.** (Томск, Россия) – ответственный секретарь (политология), кандидат филос. наук. E-mail: veronassk@gmail.com; **Борисов Е.В.** (Томск, Россия) – доктор филос. наук, профессор; **Оглеzneв В.В.** (Томск, Россия) – доктор филос. наук, профессор; **Сыров В.Н.** (Томск, Россия) – доктор филос. наук, профессор; **Черникова И.В.** (Томск, Россия) – доктор филос. наук, профессор; **Ладов В.А.** (Томск, Россия) – доктор филос. наук, профессор; **Южанинов К.М.** (Томск, Россия) – кандидат филос. наук, доцент; **Шербинина Н.Г.** (Томск, Россия) – доктор полит. наук, профессор; **Кашпур В.В.** (Томск, Россия) – кандидат соц. наук, доцент

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ:

Химма Кеннет Э. (Университет Вашингтона, Сизтл, США); **Ренч Томас** (Технический университет, Дрезден, ФРГ); **Шефлер Уве** (Технический университет, Дрезден, ФРГ); **Вяткина Н.Б.** (Институт философии НАНУ, Киев, Украина); **Васильев В.В.** (Московский государственный университет, Москва, Россия); **Микиртумов И.Б.** (Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия); **Целищев В.В.** (Институт философии и права СО РАН, Новосибирск, Россия); **Диев В.С.** (Новосибирский государственный университет, Новосибирск, Россия); **Джонсон Марк С.** (Университет Висконсина, Мэдисон, США); **Балцер Харли С.** (Университет Джорджтауна, США); **Чалаков Иван** (Университет Пловдива, Болгария); **Вавилина Н.Д.** (Новый сибирский университет, Новосибирск, Россия); **Константиновский Д.Л.** (Институт социологии РАН, Москва, Россия); **Черныш М.Ф.** (Институт социологии РАН, Москва, Россия); **Ярская-Смирнова Е.Р.** (Государственный университет – Высшая школа экономики, Москва, Россия); **Малинова О.Ю.** (Институт информации по общественным наукам РАН, Москва, Россия); **Соловьев А.И.** (Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова, Москва, Россия); **Чахор Рафал** (Нижнесилезская высшая школа предпринимательства и техники, Польковице, Польша); **Шестопап Е.Б.** (Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова, Москва, Россия); **Шуберт Клаус** (Вестфальский университет им. Вильгельма, Мюнстер, ФРГ)

EDITORIAL BOARD:

Surovtsev V.A. (Tomsk, Russia) – Editor-in-Chief; **Rykun A.U.** (Tomsk, Russia) – Deputy Editor-in-Chief (Sociology); **Shcherbinin A.I.** (Tomsk, Russia) – Deputy Editor-in-Chief (Political Science); **Agafonova E.V.** (Tomsk, Russia) – Executive Editor; **Sukhushina E.V.** (Tomsk, Russia) – Executive Editor (Sociology); **Skochilova V.G.** (Tomsk, Russia) – Executive Editor (Political Science); **Borisov E.V.** (Tomsk, Russia); **Ogleznev V.V.** (Tomsk, Russia); **Syrov V.N.** (Tomsk, Russia); **Chernikova I.V.** (Tomsk, Russia); **Ladov V.A.** (Tomsk, Russia); **Uzhaninov K.M.** (Tomsk, Russia); **Shcherbinina N.G.** (Tomsk, Russia); **Kashpur V.V.** (Tomsk, Russia)

EDITORIAL COUNCIL:

Himma K.E. (University of Washington, Seattle, USA); **Rentsch T.** (Technical University Dresden, Germany); **Scheffler U.** (Technical University Dresden, Germany); **Viatkina N.B.** (Institute of Philosophy of NASU, Kiev, Ukraine); **Vasilyev V.V.** (Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia); **Mikirtumov I.B.** (Saint Petersburg State University, Saint Petersburg, Russia); **Tselishchev V.V.** (Institute of Philosophy and Law of SB RAS, Novosibirsk, Russia); **Diev V.S.** (Novosibirsk State University, Novosibirsk, Russia); **Johnson M.S.** (University of Wisconsin, Madison, USA); **Balzer H.S.** (Georgetown University, USA); **Tchalakov I.** (University of Plovdiv, Bulgaria); **Vavilina N.D.** (New Siberian Institute, Novosibirsk, Russia); **Konstantinovskiy D.L.** (Institute of Sociology, Moscow, Russia); **Chernysh M.F.** (Institute of Sociology, Moscow, Russia); **Iarskaia-Smirnova E.R.** (National Research University Higher School of Economics, Moscow, Russia); **Malinova O.Y.** (Institute of Information on Social Sciences of RAS, Moscow, Russia); **Soloviov A.I.** (Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia); **Czachor R.** (Lower Silesian University of Entrepreneurship and Technology, Polkowice, Poland); **Shestopal E.B.** (Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia); **Shubert K.** (Westphalian Wilhelm University, Muenster, Germany)

СОДЕРЖАНИЕ

ОНТОЛОГИЯ, ЭПИСТЕМОЛОГИЯ, ЛОГИКА

Андрушкевич А.Г., Ладов В.А. «Стратегия слияния» Майкла С. Мура и возможности построения онтологии права.....	5
Гапонов А.С. Проблема рациональности знания в постметафизической перспективе.....	12
Нехаев А.В. Парадокс Мура: знание о себе, самореференция и высокопорядковые убеждения	20
Спрукуль П.С. Байскопический подход Д. Притчарда в контексте гипотезы компьютерной симуляции.....	35
Тихонова С.В., Артамонов Д.С. Странное время в объектно-ориентированной онтологии: Харман и Латур.....	43

ИСТОРИЯ ФИЛОСОФИИ

Вольф М.Н. «Априорная» история философии Канта и Гегеля в историографии философии XIX в.	53
Ворохобов А.В. Генезис и эволюция антиметафизического тренда в философии Нового времени.....	64
Гашков С.А. К философской методологии исследования и классификации постструктурализма	75
Целищева О.И. Неопрагматизм между методом и анархией: синкретизм Ричарда Рорти.....	83

СОЦИАЛЬНАЯ ФИЛОСОФИЯ И ФИЛОСОФСКАЯ АНТРОПОЛОГИЯ

Гришаккина Е.Г., Тростянская И.Б., Полихина Н.А. Публикации в мегаколлаборациях: укрепление позиций российских университетов в мире.....	93
Демин И.В. Культурная антропология Клиффорда Гирца в контексте современной теории идеологий	111

СОЦИОЛОГИЯ

Исаев Д.П. О восприятии наставничества в научных династиях (по материалам интервью).....	122
Щанина Е.В. Информационно-коммуникационные технологии как адаптационный ресурс пожилых людей в условиях информатизации российского общества	131
Ярская-Смирнова Е.Р., Ярская-Смирнова В.Н. Маломобильные горожане как получатели и субъекты социальной помощи в период пандемии COVID-19: по данным социологического опроса	145

ПОЛИТОЛОГИЯ

Бизина М.Ю. Сравнительный анализ понятия «радикализм» с правовой и общественной точек зрения в Российской Федерации и странах дальнего зарубежья в новой цифровой реальности.....	153
Воробьев А.П., Константинова М.В., Еременко М.С. Политическая культура молодежи: гражданственность в политическом сознании и поведении	162
Каневский П.С. Векторы взаимодействия групп интересов и органов власти в Италии	172
Фельдман П.Я. IT-корпорации на пути к обретению политической субъектности: угрозы и возможности	184
Халед Р.К.Б. Власть и право: контекст бюрократической регламентации.....	194
Хахалкина Е.В. Будущее городов в условиях пандемии Ковид-19.....	202

МОНОЛОГИ, ДИАЛОГИ, ДИСКУССИИ

Ивлев Ю.В. Квазифункциональные отношения в логике и других областях знания.....	214
Хитрук Е.Б. Рецензия на монографию «Гендерная ментальность российской молодежи: психологический портрет» (под науч. ред. О.И. Ключко. СПб.: НИЦ АРТ, 2020)	236

АРХИВ

Оглеzneв В.В., Суровцев В.А. С небес на землю: от <i>Begriffsjurisprudenz</i> к аналитической юриспруденции	241
Харт Г.Л.А. Небеса понятий Иеринга и современная аналитическая юриспруденция	247

МАТЕРИАЛЫ КОНФЕРЕНЦИИ

«Достоевский в мировой и русской философской мысли: предвестие герменевтики и экзистенциальной аналитики» (ТГУ, 17–19 июня 2021 г.)	
Донских О.А. Человек за пеленой страха (по Кьеркегору и Достоевскому).....	258
Капичьяк Я. Достоевский в контексте истории философии Йиржины Попеловой-Отагаловой	268
Карабыков А.В. Генеалогия преступления: утилитаризм, историософия и катарсис (версия Достоевского).....	275
Пигалев А.И. Достоевский и Ницше о преодолении нигилизма	285
Полонников А.А. Экзамен в университете: реконтекстуализация	294
Семенюк А.П., Семенюк К.А. Подпольный герой и проблема самоидентичности в культуре модерна	307
Тарабанов Н.А. Гносеологические и этико-эстетические основания экзистенциальной аналитики Достоевского	314
Чешев В.В. Ф.М. Достоевский и В.С. Соловьев: религиозно-философский поиск	321
СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ.....	328

CONTENTS

ONTOLOGY, EPISTEMOLOGY, LOGIC

Andrushkevich A.G., Ladov V.A. Michael S. Moore's "Fusion Strategy" and a Legal Ontology Creation Possibilities	5
Gaponov A.S. The Problem of the Rationality of Knowledge in a Post-Metaphysical Perspective	12
Nekhaev A.V. Moore's Paradox: Self-Knowledge, Self-Reference, and High-Ordered Beliefs	20
Sprukul' P.S. Duncan Pritchard's Biscopic Approach in the Context of the Computer Simulation Hypothesis	35
Tikhonova S.V., Artamonov D.S. Weird Time in Object-Oriented Ontology: Harman and Latour	43

HISTORY OF PHILOSOPHY

Volf M.N. The "A Priori" History of Philosophy of Kant and Hegel in the 19th Century Historiography of Philosophy	53
Vorokhobov A.V. The Genesis and Evolution of the Anti-Metaphysical Trend in the Philosophy of the Modern Period	64
Gashkov S.A. On the Philosophical Methodology of Research and Classification of Poststructuralism	75
Tselishcheva O.I. Neo-Pragmatism Between Method and Anarchy: Richard Rorty's Syncretism	83

SOCIAL PHILOSOPHY AND PHILOSOPHY OF HUMANITY

Grishakina E.G., Trostyanskaya I.B., Polikhina N.A. Publications in Megacollaborations: Strengthening the Positions of Russian Universities in the World	93
Demin I.V. Cultural Anthropology of Clifford Geertz in the Context of the Contemporary Theory of Ideologies	111

SOCIOLOGY

Isaev D.P. On the Perception of Mentoring in Scientific Dynasties (Based on Interview Materials)	122
Shechanina E.V. Information and Communication Technologies as an Adaptation Resource of the Elderly in the Conditions of Informatization of Russian Society	131
Iarskaia-Smirnova E.R., Yarskaya-Smirnova V.N. Low-Mobility Urban Groups as Beneficiaries and Actors of Social Support During the Covid-19 Pandemic: The Results of a Sociological Survey	145

POLITICAL SCIENCE

Bizina M.Yu. Comparative Analysis of the Concept "Radicalism" From a Legal and Social Perspective in the Russian Federation and Non-CIS Countries in the New Digital Reality	153
Vorobiev A.P., Konstantinova M.V., Eremenko M.S. Political Culture of Youth: Civic Consciousness in Political Consciousness and Behavior	162
Kanevskiy P.S. Vectors of Interaction Between Interest Groups and Public Authorities in Italy	172
Feldman P.Ya. IT Corporations on the Way to Gaining Political Subjectivity: Threats and Opportunities	184
Khaled R.K.B. Power and Law: The Context of Bureaucratic Regulation	194
Khakhalkina E.V. The Future of Cities in the Circumstances of the Covid-19 Pandemic	202

MONOLOGUES, DIALOGUES, DISCUSSIONS

Ivlev Yu.V. Quasi-Functional Relations in Logic and Other Fields of Knowledge	214
Khitrak E.B. Book Review: Klyuchko, O.I. (Ed.) (2020) <i>Gender Mentality of Russian Youth: A Psychological Portrait</i> . St. Petersburg: NITs ART.	236

ARCHIVE

Ogleznev V.V., Surovtsev V.A. Down to Earth: From <i>Begriffsjurisprudenz</i> to Analytical Jurisprudence	241
Hart H.L.A. Jhering's Heaven of Concepts and Modern Analytical Jurisprudence	247

CONFERENCE MATERIALS

"Dostoevsky's Ideas in Global and Russian Philosophical Thought: a Prognostication of Hermeneutics and Existential Analytics" (Tomsk State University, 17–19 June 2021)	
Donskikh O.A. The Person Behind the Veil of Fear (By Kierkegaard and Dostoevsky)	258
Kapičiak J. Dostoevsky in Jiřina Popelová-Otáhalová's History of Philosophy	268
Karabykov A.V. The Genealogy of Crime: Utilitarianism, Historiosophy, and Catharsis (Dostoevsky's Version)	275
Pigalev A.I. Dostoevsky and Nietzsche on the Overcoming of Nihilism	285
Polonnikov A.A. A University Exam: Recontextualization	294
Semenyuk A.P., Semenyuk K.A. The Underground Hero and the Problem of Self-Identity in Modern Culture	307
Tarabanov N.A. Epistemological, Ethical, and Aesthetic Foundations of Dostoevsky's Existential Analytics	314
Cheshev V.V. Fyodor Dostoevsky and Vladimir Solovyov: Religious and Philosophical Search	321

INFORMATIONS ABOUT THE AUTHORS	328

ОНТОЛОГИЯ, ЭПИСТЕМОЛОГИЯ, ЛОГИКА

УДК 111

DOI: 10.17223/1998863X/63/1

А.Г. Андрушкевич, В.А. Ладов

«СТРАТЕГИЯ СЛИЯНИЯ» МАЙКЛА С. МУРА И ВОЗМОЖНОСТИ ПОСТРОЕНИЯ ОНТОЛОГИИ ПРАВА

В статье рассматривается сформулированная Майклом С. Муром «стратегия слияния», которая определяется как вариант скептического ответа на вопрос онтологии права. Приводятся аргументы в пользу того, что «слияние» не следует рассматривать в качестве скептического основания. Анализируется подход Герберта Харта к построению правовой онтологии и приводится ряд критических соображений по поводу скептицизма теории юридического языка.

Ключевые слова: право, онтология права, аскрипция

В настоящей работе мы разберемся в существе так называемой «стратегии слияния» (*the fusion strategy*), сформулированной профессором Иллинойского колледжа права Майклом С. Муром. С точки зрения Мура, «стратегия слияния» являет собой один из шести вариантов ответа на вопрос о месте, которое занимают в нашем мире юридические вещи (*legal things*) и/или юридические качества (*legal qualities*). В своей работе «Правовая реальность: натуралистический подход к правовой онтологии» профессор Мур формулирует данный вопрос следующим образом: «в каком смысле существуют юридические вещи: где они, как они соотносятся с неправовыми фактами, от которых они в каком-то смысле зависят?» [1. Р. 632]. Несмотря на то, что непосредственно «стратегии слияния» в работе посвящено не более трех страниц, она представляет для нас определенный интерес. Дело в том, что данный подход, с точки зрения американского правоведа, является формой скептического отношения к самой возможности построения онтологии права. Мур пишет, что сторонник «стратегии слияния» «утверждает, что вы никогда не верили, что такие вещи действительно существуют» [Ibid.], и, более того, в качестве иллюстрации приводит теорию юридического языка Герберта Харта. В рамках данного исследования мы, во-первых, постараемся детально рассмотреть изложенную Муром позицию и, во-вторых, продемонстрируем, что теорию юридического языка Харта не следует позиционировать в качестве скептически ориентированной в вопросе правовой онтологии.

Итак, о каком же слиянии идет речь? Разъясняя саму скептическую концепцию, Мур обращается к фразам «on behalf of» и «for the sake of», которые, по всей видимости, следует интерпретировать как «от имени» (например, поздравление от имени коллектива) и, соответственно, «во имя» или же «во благо» (во имя нашей веры/во благо всех людей). Учитывая все дальнейшие рассуждения профессора Мура, данный пример необходим для иллюстрации таких лингвистических средств, которые если и могут обладать неким рефе-

референтом, то лишь в ситуации, когда они являются частью предложения. В ситуациях, когда мы прибегаем к использованию «от имени» или «во благо», речь в самом деле не идет ни о каких именах и тем более ни о каком-либо благе. Аналогичным образом дела обстоят с такими фразами, как «интеллектуальный гном». Совершенно верным мы полагаем замечание, что для данного выражения мы не смеем полагать, что имеется некий сказочный низкорослик в качестве референта. В данном случае выражение никоим образом не относится к гномам в буквальном смысле слова и, следовательно, «гном» обладает значением лишь в своей связи с соответствующим модифицирующим прилагательным. Куайн называет подобные слова (а это, заметим, необязательно существительные) синкатегорематическими [2. Р. 94] и полагает, что их не следует рассматривать в качестве самостоятельных терминов. Специфика подобных терминов в том, что они не в состоянии обладать значением сами по себе, будучи «вырванными» из изначальной фразы, в состав которой они входят.

С точки зрения скептика, аналогичным образом обстоят дела и с юридически значимыми терминами. Если мы обратимся к словосочетанию «тайна голосования», то вне определенного значения оно не может обладать референтом. Однако ситуация кардинально меняется, если мы начинаем рассматривать фразу «Моя тайна голосования была нарушена», для которого мы якобы можем определить референтом. Сейчас следует сделать первое замечание по поводу рассуждений профессора Мура, который никак, однако, не уточняет характера референциональной связи между языковым выражением и неким фрагментом действительности. Мы не будем заострять на этом внимания лишь в силу того, что далее косвенно раскроем механизм связи языка и реальности при употреблении юридических выражений.

Собственно, именно приведенное выше обстоятельство Мур и определяет в качестве ситуации слияния: «фразы „слиты“, то есть единицей семантического значения здесь является не слово, а фраза» [1. Р. 637]. Таким образом, суть «стратегии слияния» заключается в том, что посредством объединения слов в большую языковую конструкцию снимается вопрос о возможности их (слов) референции. Однако по-прежнему остается не до конца понятным, в чем именно заключается скептицизм рассматриваемой стратегии.

Для Майкла Мура, стремящегося оправдать метафизические притязания лингвистической философии, определяющую роль в построении его натуралистической онтологии играет возможность безусловной референции терминов. Подход, в рамках которого значение рождается из горизонта предложения, для него оказывается неприемлемым. «Стратегия слияния» лишает американского профессора возможности построения ожидаемой правовой онтологии, если юридически значимые термины наделяются конкретным значением исключительно в контексте предложения. Однако для философско-правового исследования открываются новые возможности, стоит нам сделать допущение о том, что референциональная функция языка может реализовываться различными способами в зависимости от отличительных особенностей синтаксических единиц и посредством разнообразных функций языка. Более того, мы полагаем, что Мур в своих критических замечаниях в адрес теории юридического языка Харта косвенно указал вариант если не

построения исчерпывающей онтологии права, то как минимум перспективу ее формирования.

Далее определим, почему Герберт Харт квалифицируется Муром как сторонник «стратегии слияния». Ссылаясь на ироничное замечание Харта об онтологии трюков, используемых в игре в бридж [3. Р. 33], Мур проводит аналогию с юридической онтологией. Как невозможны приемы карточной игры вне игры, так и невозможны юридические объекты вне правовой практики. Так, с позиции Герберта Харта, те юридические вещи и качества, которые должны составлять онтологию права, открываются для нас именно в ситуациях реализации права. Здесь мы обнаруживаем более глобальную ситуацию «слияния» норм права и правоприменения. Далее Мур демонстрирует, каким образом термин «сливается» с фразой, что, тем не менее, не должно приводить нас к ситуации «синтаксической двусмысленности». Мур утверждает, что юридические термины «действуют как обычные существительные, к которым могут быть присоединены многие глаголы и прилагательные» [1. Р. 638]. И далее: «Короче говоря, нет слияния этих слов в словосочетания, соблазняющие нас рассматривать фразу как наименьшую единицу семантического значения» [Ibid.].

Если мы обратимся, допустим, к ситуации, в которой судья, вынося судебное решение по апелляционному делу, сообщает: «Суд оставляет приговор без изменений», то должны ли мы все-таки рассматривать предложение в качестве семантической единицы или, вероятно, значением в той или иной форме обладают составляющие его слова, в том числе юридически значимое «без изменений»? Каким образом термины «суд» и «без изменений» реализуют свои референциальные функции? Лолита Брониславовна Макеева пишет о феномене референции: «Иначе говоря, референция представляет собой действие, совершаемое людьми. Эта трактовка была создана в рамках философии языка в противовес другой трактовке, в соответствии с которой референция является отношением, имеющим место между элементами языка и компонентами предметной области, для репрезентации которой он предназначен» [4].

Если следовать мысли Мура, то обычные существительные и юридически значимые термины осуществляют свою референциональную функцию одинаковым образом. Однако для нас не до конца понятно, как это возможно. В ситуации употребления приведенного выражения референт для термина «суд», если мы не ошибаемся, должен угадываться интуитивно, тем более с учетом того, что в условиях действительной юридической практики не допускает столь тривиального употребления, обычно используется конкретное именование единственного суда. Так, к примеру, это может быть «Советский районный суд города Томска», что подводит нас к неизбежному принятию пресуппозиции тождества имен «суд» и «Советский районный суд города Томска» в рамках конкретного судебного разбирательства. Референциональная связь между словом «суд» и единственным соответствующим ему учреждением очевидна. Но точно так же очевидна ли связь между «без изменений» и неким фрагментом реальности? Имеет ли на самом деле место нечто такое, что референциально соответствует словам «без изменений»?

Для большей наглядности попробуем несколько детализировать данный пример. Как можно догадаться, гражданин обращается в суд апелляционной

инстанции с целью обжалования ранее вынесенного решения. В результате рассмотрения судья постановляет, что вынесенное ранее решение остается без изменений. Постановление суда выступает в роли некоего итога или результата тем событиям, которые имели место в зале заседания суда. По всей видимости, данными событиями вполне могли быть прения сторон и / или ознакомления с новыми ранее недоступными материалами по рассматриваемому делу. Однако что представляет собой именно правовой итог для всех тех событий? Очевидно, что это итоговое постановление суда. Но что может ему соответствовать в качестве референта? Если отталкиваться от мнения Стросона, который пишет о «референции к конкретному лицу, или единичному предмету, или отдельному событию, или месту, или процессу» [5. С. 55], то нет ничего такого, что соответствовало бы юридически значимому термину «без изменений». Вероятно, можно возразить, что приведенный юридический термин нетипичен или, допустим, является неприятным для сторонника натуралистической онтологии исключением. Но мы убеждены в том, что построение юридической онтологии не должно быть выборочным, включающим «удобные» для теории термины и качества.

Итак, в рассмотренной выше ситуации намечается именно скептическая установка. По замечанию профессора Мура, для теории юридического языка Харта характерна тяга к «слиянию»: термин «без изменения» обретает свое значение исходя из того предложения, частью которого он является. Попробуем далее проанализировать с точки зрения теории Харта предложение «Суд оставляет приговор без изменений».

Первое, на что нужно обратить внимание, это то, что в момент оглашения решения происходит приписывание именно юридического (в нашем случае судебного) статуса. По всей видимости, правовой статус приписывается тому обстоятельству, что в результате рассмотрения дела в апелляционном порядке вынесенный ранее приговор остается без изменений. Мы полагаем, что юридически значимое «без изменений» представляет собой не то же самое, что повседневное «без изменений». Так, например, мы можем наблюдать бросок игральной кости, в результате которого выпадет 5. Далее можно перебросить кубик, но в нашем примере опять выпадет 5. Иногда о таких ситуациях мы говорим: «Я перебросил, но без изменений», что, несомненно, означает, что во второй раз выпало то же самое, что и после первого броска. Однако юридически значимое «без изменений» никак не может свидетельствовать о том, что в результате рассмотрения дела в апелляционном порядке опять был вынесен обвинительный приговор. Более того, обращаясь к выражению «Суд оставляет приговор без изменений», мы обнаруживаем, что судья приписывает определенный юридический статус. Правовой статус, в свою очередь, приписывается внеправовому факту, т.е. результату тех определенных событий, которые имели место.

Если мы рассматриваем употребление юридических выражений в качестве перформативного действия [6], то возникает ситуация «слияния», во-первых, непосредственной нормы права и прецедента правоприменения и, во-вторых, термина с предложением.

Приведем еще одну иллюстрацию. Фраза «Я имею право на бесплатное высшее образование», очевидно, приписывает агенту речи определенное право, суть которого в возможности получения бесплатного высшего образова-

ния. С точки зрения Мура, если не имеет места ситуация, при которой онтологически состоятельна возможность существования данного «права на высшее образование» вне предложенного высказывания, то невозможна и онтология права. Безусловно, мы оказываемся слегка категоричными, говоря именно о невозможности построения онтологии права. Напомним, что сам Мур определяет позицию именно как скептическую, т.е. отрицающую какой-либо референт фразы, входящей в состав юридически значимого предложения. Однако отталкиваясь от аскриптивности юридических высказываний, мы получаем следующую картину. Некий гражданин заявляет: «Я имею право на бесплатное высшее образование», чем приписывает себе соответствующее право. Мы находим очевидным, что именно в акте употребления (т.е. приписывания права, которое осуществляется в момент употребления) актуализируется конкретная ситуация наличия данного права. Другими словами, норма права выступает в роли определенного правила, следуя которому, возможно осуществление акта приписывания определенного юридического качества или определенной юридической вещи. Если зафиксированная в законодательстве норма права представляет собой лишь правило, согласно которому следует определять тот или иной образ действия, то каким образом правило можно рассматривать в качестве юридического объекта? Именно здесь и начинается «слияние» права и правоприменения, которое позволяет нивелировать сам онтологический вопрос, поскольку правило не есть онтологический объект.

Однако мы с определенной долей оптимизма полагаем, что записывать Харта в ряды скептиков не следует. Постараемся аргументировать нашу позицию. Во-первых, как уже было сказано, отталкиваясь от теории аскриптивности юридических высказываний, мы заключаем, что та или иная норма права выступает именно в роли правила, задача которого определить тот или иной образ действия. Таким образом, к примеру, Уголовный кодекс РФ является не скопищем юридических свойств и вещей, но определенным набором правил и установок.

Далее, возьмем понятие «противоправность». По всей видимости, Мур считал бы его именно юридическим качеством и предположил бы, что оно должно в той или иной степени иметь место. Мы полагаем, что обстоятельство, при котором понятие «противоправность», входящее в выражение «противоправное поведение Билла», никак не может иметь референта, не должно вызывать сомнений. Однако стоит нам говорить о референте для выражения «противоправное поведение Билла», как мы можем обнаружить, что Билл громко слушал музыку после полуночи, что противоречит, допустим, определенному положению административного права. Однако нам не следует делать вывод о том, что таким образом онтология права нивелируется.

Во-вторых, наш оптимизм по поводу теории Харта заключается в установке, согласно которой для построения онтологии права необходимо обращать внимание не на нормы права, но на ситуации реализации правовых качеств и вещей. Сам Мур акцентирует, что правовые вещи «в каком-то смысле зависят» [1. Р. 632] от неправовых фактов. Теория аскриптивности юридического языка не только позволяет преодолеть проблему определения значения юридических терминов, но и представляет собой крайне удачный, на наш взгляд, вариант уточнения этой связи. Многообразие правовых норм представляет собой сово-

купность правил, которые позволяют юридически определить внеправовые вещи, явления и события. Так, к примеру, Билл громко слушает музыку ночью, а соответствующая норма права позволяет юридически описать событие, которое само по себе не является юридическим.

Таким образом, мы вынуждены заключить, что Майкл Мур, детализируя «стратегию слияния», ошибочно записывает сторонников определения права через правоприменение в ряды скептиков. Далее, Герберт Харт, по всей видимости, также не является скептиком в вопросах построения онтологии права, и его теория юридического языка в определенном смысле является гораздо более близкой к реализму, чем стремление референционально определить значение таких понятий, как «обязанность», «право» или «преступление».

Литература

1. Moore M.S. Legal reality: a naturalist approach to legal ontology // *Law and Philosophy*. 2002. Vol. 21, № 6. P. 619–705.
2. Quine W.V. Word and object. Massachusetts : The MIT Press, 2013. 277 p.
3. Hart H.L.A. *Essays in Jurisprudence and Philosophy*. Oxford : Oxford University Press, 1983.
4. Макеева Л.Б. Некоторые соображения о связи между референцией и онтологией // *Epistemology & Philosophy of Science*. 2010. № 3. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/nekotorye-soobrazheniya-o-svyazi-mezhdu-referentsiey-i-ontologией> (дата обращения: 25.07.2021).
5. Стросон П.Ф. О референции // *Новое в зарубежной лингвистике*. Вып. 13. М., 1982. С. 55–86.
6. Андрушкевич А.Г., Аскриптивные выражения и конструирование реальности // *Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология*. 2020. № 56. С. 5–12.

Alexandr G. Andrushkevich, Tomsk Scientific Center of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences (Tomsk, Russian Federation).

E-mail: andryusha.fsf@gmail.com

Vsevolod A. Ladov, Tomsk Scientific Center of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences (Tomsk, Russian Federation).

E-mail: ladov@yandex.ru

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya – Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science. 2021. 63. pp. 5–11.

DOI: 10.17223/1998863X/63/1

MICHAEL S. MOORE'S "FUSION STRATEGY" AND A LEGAL ONTOLOGY CREATION POSSIBILITIES

Keywords: law; legal ontology; ascription

The “fusion strategy” formulated by Michael S. Moore is a kind of a skeptical answer to the question of the ontology of law. From the point of view of Professor Moore, the theory of legal language by Herbert Hart is one of the variants of the “fusion”. On closer examination, we come to the conclusion that skepticism, which is a consequence of the “fusion” of the meaning of a word with a sentence, is relevant only when we insist on the variant of naturalistic legal ontology. For legally significant terms, it is impossible to determine the referent if they are excluded from the original sentence. The theory of the ascriptions of legal expression opens up new perspectives for the construction of a legal ontology. An example is the difference between the rule of law and law enforcement: if a rule of law is a rule that determines a certain course of action, then the specific situation of using the legal language allows establishing a connection between language and reality. Consequently, Hart’s theory is wrong to qualify as skeptical.

References

1. Moore, M.S. (2002) Legal reality: a naturalist approach to legal ontology. *Law and Philosophy*. 21(6). pp. 619–705. DOI: 10.1023/A:1021967205087
2. Quine, W.V. (2013) *Word and Object*. Massachusetts: The MIT Press.

3. Hart, H.L.A. (1983) *Essays in Jurisprudence and Philosophy*. Oxford: Oxford University Press.
4. Makeeva, L.B. (2010) Nekotorye soobrazheniya o svyazi mezhdru referentsiey i ontologiy [Some considerations about the relationship between reference and ontology]. *Epistemologiya i filosofiya nauki – Epistemology & Philosophy of Science*. 3. [Online] Available from: <https://cyberleninka.ru/article/n/nekotorye-soobrazheniya-o-svyazi-mezhdu-referentsiey-i-ontologiy> (Accessed: 25th July 2021).
5. Strawson, P.F. (1982) O referentsii [About the reference]. *Novoe v zarubezhnoy lingvistike*. 13. pp. 55–86.
6. Andrushkevich, A.G. (2020) Ascriptive Expressions and the Construction of Reality. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya – Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science*. 56. pp. 5–12. (In Russian). DOI: 10.17223/1998863X/56/1

УДК 1:3; 001.8:3

DOI: 10.17223/1998863X/63/2

А.С. Гапонов

ПРОБЛЕМА РАЦИОНАЛЬНОСТИ ЗНАНИЯ В ПОСТМЕТАФИЗИЧЕСКОЙ ПЕРСПЕКТИВЕ

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда
№ 18-18-00057, <https://rscf.ru/project/18-18-00057>.

В статье рассматривается проблема поиска оснований рационального знания в универсальной прагматике Юргена Хабермаса и неопрагматизме Ричарда Рорти. Через реконструкцию и сопоставление концепций этих двух современных мыслителей сделан вывод о том, что подход Хабермаса более последовательный и эвристичный.

Ключевые слова: рациональность, постметафизическая философия, современная герменевтика, формальная прагматика, коммуникативная рациональность, нормальный дискурс, аномальный дискурс, Хабермас, Рорти

Положения классической эпистемологии формировались на основе представления о познании как процессе отражения реальности в сознании познающего субъекта. Данное представление имплицитно признавало, с одной стороны, существование независимого от мира сознания, а с другой – наличие объективной действительности. Возможность получения неискаженного и истинного знания гарантировалась необходимыми условиями познания, которые, с точки зрения одних мыслителей, находились в сознании мыслящего субъекта, с точки зрения других – обеспечивалась структурой самих воспринимаемых фактов. Рациональность знания связывалась с возможностью апелляции к универсальным основаниям познания. Фундаментализм новой европейской теории познания проявлялся в поиске, как правило, внелингвистических универсальных оснований, благодаря которым происходит обоснование существующего знания, выраженного в научных и философских теориях.

Современная философия с ее «ориентацией на форму языка и интуицией контекстуальности предпонимания феноменов» [1. С. 431] поставила под вопрос базовые предпосылки традиционной эпистемологии, а также существование необходимых условий, обеспечивающих получение объективного и рационального знания. В горизонте постметафизического мышления становится верным афоризм Ницше о том, что «фактов не существует, а только интерпретации» [2. С. 794]. Интерпретация становится базовой когнитивной процедурой, а процесс познания начинает пониматься как коммуникативное взаимодействие внутри некоторого коммуникативного сообщества исследователей. Как замечает в одной из своих статей отечественный философ Касавин, «мы приходим к пониманию познания как целостной коммуникативно-деятельностной ситуации и ее окружения, т.е. познания, конструктивно задающего свой социокультурный контекст и одновременно осуществляющегося благодаря ему» [3. С. 50].

Однако, несмотря на радикальный разрыв с классической теорией познания, современные мыслители продолжают исследовать традиционные для нее

темы, помещая их в иной концептуальный горизонт и реализуя иные понятийно-категориальные стратегии в их осмыслении. Так, через критическое обсуждение идеи самореферентности аналитическая философия вновь ставит вопрос об основаниях познания, исследует возможность построения универсалистского эпистемологического дискурса [4] и указывает на несостоятельность релятивизма в теории познания [5].

В данной работе рассматриваются варианты осмысления проблемы оснований познания и условий получения рационального знания в современной философии. Мы рассмотрим проекты Юргена Хабермаса и Ричарда Рорти. С одной стороны, работы этих философов имеют между собой некоторое концептуальное сходство. Так, оба мыслителя предлагают свой взгляд на проблему роли и места философии в культуре. В своих размышлениях они привлекают идеи ведущих представителей как аналитической, так и континентальной философских традиций. Поэтому работы этих философов весьма эклектичны и за обилием ссылок порой сложно эксплицировать их концептуальные основания. Однако, несмотря на внешнее сходство, данные мыслители выражают разное отношение к проблеме условий рационального знания. Если Хабермас продолжает считать проблему рациональности конститутивной для своего философского поиска и призывает адаптировать ее к специфике современного философского мышления, Рорти же считает эту проблему пережитком классической эпистемологии и призывает отказаться от постановки этой проблемы.

Универсальная прагматика Хабермаса. Осмысляя сущность познавательного процесса, Хабермас продолжает мотивы феноменологической герменевтики. Как и основоположники данной традиции, он исходит из того, что наше бытие исторично, а «идея абсолютного разума вообще не входит в число возможностей исторического человечества» [6. С. 328]. В этой перспективе разум всегда существует как реальный исторический разум, т.е. он всегда сущностно связан с теми конкретными условиями, в которых осуществляется его деятельность. Наше мышление исторично по своей сути, его деятельность вырастает из определенного исторического контекста и движется по колее, проложенной языком конкретной культуры. Это приводит к тому, что при исследовании процесса познания парадигмальным становится не субъект-объектное отношение, а скорее ситуация так называемого коммуникативного взаимодействия.

Центральным элементом теории Хабермаса является концепция так называемого коммуникативного действия, которое определяется им как «языковая ситуация, в которой говорящий, находясь в коммуникации *со* слушателем, говорит *о* чем-то и выражает то, что *он сам об* этом думает» [7. С. 39]. Коммуникативное действие направлено на достижение взаимопонимания. При этом взаимопонимание трактуется не просто как одинаковое понимание участниками коммуникации смысла языкового выражения. Взаимопонимание в данном случае – это достижение согласия относительно чего-то, что имеет место в мире, взаимная прозрачность намерений и консенсус по поводу правильности высказывания в отношении intersubjectивного нормативного фона. Важно, что при коммуникативном согласии должно иметь место не вынужденное признание, обусловленное какими-то внешними факторами; оно должно быть признано значимым самими участниками коммуникативного взаимодействия.

В рамках своей концепции универсальной прагматики Хабермас различает два модуса языкового употребления: коммуникативный и когнитивный. Когнитивный модус связан с выражением некоторого положения вещей, которое имеет место в мире. Коммуникативный модус связан с сообщением одного субъекта другому чего-либо так, что последний понимает то, что ему сообщается. По мнению Хабермаса, только второй модус внутренне связан с условиями коммуникации. Когда мы говорим о некотором положении дел, наблюдаемом нами в мире, мы не участвуем с необходимостью в коммуникации, мы не совершаем некий речевой акт. Коммуникативное действие реализуется тогда, когда мы нацелены на понимание сообщаемого нам языкового выражения. Дело в том, что понимание некоторого языкового выражения подразумевает более сложную систему предпосылок, нежели простая фиксация факта в предложении. Некоммуникативное употребление языка имплицитно подразумевает только одно фундаментальное отношение – отношение между предложением и тем предметом в мире, о котором данное предложение сообщает. В рамках же коммуникативного употребления подразумеваются три фундаментальных отношения: во-первых, отношение между предложением и субъективным миром говорящего (так как сообщение выражает намерения говорящего), во-вторых, между предложением и объективным миром (так как сообщение говорит о чем-то в мире), в-третьих, между предложением и социальным миром (так как сообщение устанавливает отношение между говорящим и слушателем). Его конечной целью является достижение коммуникативного взаимопонимания, в результате которого участники коммуникации должны прийти к согласию относительно некоторого положения дел, имеющего место в мире. С точки зрения Хабермаса, когнитивный модус употребления языка является производным от коммуникативного, так как мы всегда включены в сеть коммуникативных практик и являемся участниками конкретных коммуникативных сообществ.

Ситуация, в которой коммуникативное употребление языка, или так называемая перформативная установка, мыслится как конститутивная для процесса познания, порождает ряд методологических трудностей. Так, например, в данной перспективе становится невозможной позиция нейтрального беспристрастного наблюдателя, это значит, что в процесс познания с необходимостью вмешиваются субъективные оценки, культурные нормы и стереотипы. Кроме того, перед нами встает вопрос о контекстуальной зависимости своей интерпретации. Не должны ли мы отказаться от попыток получить рациональное знание и от всяких претензий на универсальные истины?

Хабермас решает эти трудности введением концепта *коммуникативная рациональность*. С его точки зрения, речи внутренне присущи универсальные стандарты рациональности, которые предполагаются каждым участником коммуникативного процесса; «рациональная внутренняя структура действия, ориентированного на понимание, отражается в подстановках, которые *должны* принимать акторы, если они вообще включаются в эту практику» [8. С. 29]. Рациональность коммуникации связана с теми притязаниями, которые имплицитно существуют в рамках коммуникативного модуса языкового употребления, а именно притязания на пропозициональную истинность, субъективную искренность и нормативную правильность. Выражение имеет притязание на истинность, так как оно отображает нечто в объективной реальности, оно

притязает на то, чтобы быть правдивым, так как оно выражает намерения говорящего, и оно притязает на то, чтобы быть правильным, так как оно соотносится с «общественно признанными ожиданиями». Эти притязания являются необходимыми условиями рациональной коммуникации. Они могут подвергаться критике или быть полностью обоснованными, приниматься или отвергаться слушателем. Но, тем не менее, они с необходимостью предполагаются каждым участником осмысленной коммуникации. Действие структур коммуникативной рациональности не ограничивается только локальными контекстами, но обеспечивает выход за пределы той языковой ситуации, в которой реализуется коммуникативное действие. Таким образом, введением концепта коммуникативная рациональность» Хабермас снимает вопрос о том, как возможны универсалистские притязания нашего познания и представления о контекстуальной обусловленности познавательной деятельности. В рамках его теории универсальной прагматики структуры повседневной коммуникации становятся фундаментом познавательной деятельности.

Неопрагматизм Рорти. Философия Ричарда Рорти имеет терапевтический характер, ее смысл заключается в деконструкции представлений классической эпистемологии о процессе познания, а также в пересмотре ее места и роли в культуре. В своих произведениях американский философ призывает нас перестать ставить традиционные теоретико-познавательные вопросы; в частности, вопрос об основаниях и условиях рационального познания. В работе «Философия и зеркало природы» он пишет: «...попытка традиционной философии эксплицировать „рациональность“ и „объективность“ в терминах условий точности репрезентирования является вводящей в заблуждение попыткой сделать нормальный дискурс конкретной эпохи вневременным» [9. С. 9].

Рассматривая сущность познавательной деятельности, Рорти указывает на то, что философии необходимо отказаться от представления о познании как процессе отражения действительности в сознании познающего субъекта, поскольку данная концептуальная схема упрощает реальное положение дел. Для этого нам необходимо перестать рассматривать язык как средство выражения ментальных или физических явлений. Языковые предложения не устанавливают связь с некоторыми вневелингвистическими сущностями, они связаны с другими предложениями. Свою истинность предложения получают от других предложений и образуют множество словарей, предлагающих разные модели объяснения реальности. Словарь, который использует современная наука, не имеет привилегированную связь с миром, он не выражает более точных в сравнении с другими словарями репрезентаций некоторых сущностей. Он лишь один из многих исторически сложившихся способов описания реальности. Словари не имеют вне самих себя прочного фундамента и опоры в виде вневелингвистических сущностей вроде фактов объективного мира или структур чистого разума. И это касается не только словарей, выработанных философией или гуманитарными науками, но также и словарей естественных наук. Все словари вырабатываются для решения тех или иных практических целей и могут меняться по ходу изменения познавательных задач. В работе «Случайность, ирония, солидарность» Рорти указывает на то, что «наш язык и наша культура являются в той же степени случайностью, в какой является возникновение, например, орхидей или антропоидов в результате тысяч небольших мутаций (и вымирания миллионов других созданий)» [10. С. 37]. С точки

зрения Рорти, мы не можем выйти за пределы исторически сложившихся словарей и занять метапозицию, которая бы нашла общие основания для них.

На смену эпистемологии, с точки зрения Рорти, должна прийти герменевтика, которая рассматривается им не столько как методология «наук об обществе», сколько как культурная практика. Он присоединяется к традиции, для которой «герменевтика – это не философия, а утверждение исторического существования в эпоху конца метафизики» [11. С. 121–122]. С точки зрения американского философа, герменевтика отказывается от представления о познании как точном воспроизводстве объектов внешнего мира в сознании познающего субъекта, а также представления о существовании универсальных оснований, обеспечивающих возможность получения объективного и рационального знания. Традиционная эпистемология исходит из того, что благодаря этим условиям все дискурсы являются «соизмеримыми». Под «соизмеримостью» дискурсов Рорти понимает «возможность попадания под одно и то же множество правил, которые говорят нам, как может быть достигнуто рациональное согласие там, где, судя по всему, утверждения входят в конфликт» [9. С. 233]. Соизмеримые дискурсы встречаются не только в науке, но также в искусстве, философии и политике. Они связаны с устоявшимися в культуре исследовательскими, эстетическими, политическими и другими практиками, т.е. с устоявшимися конвенциями внутри некоторых коммуникативных сообществ. Рациональное согласие предполагает возможность создания идеальной коммуникативной ситуации, в которой ее участники принимают общие когнитивные основания, которые обеспечивают невынужденное признание истинности некоторых знаний о мире и обществе. С этой точки зрения, причины разногласий связаны с отходом от этих оснований и вмешательством в познавательный процесс некогнитивных случайных факторов. Стремление же к достижению согласия в процессе общения с другими людьми является сущностной характеристикой рационального субъекта с точки зрения эпистемологии. Рорти отрицает существование универсальных оснований познания, кроме того, он ставит под сомнение необходимость в соизмеримости и возможности достижения рационального согласия между разными дискурсами о мире. Отношения между различными дискурсами как отношение между частями проблемы в возможном разговоре, который не имеет единого когнитивного горизонта. При этом «надежда на соглашение не теряется, пока идет разговор. Это надежда не того рода, когда ожидается открытие существовавшего до того общего основания, но просто надежда на согласие или, по крайней мере, на волнующее и плодотворное разногласие» [Там же. С. 235].

Подход прагматизма основан на выделении соизмеримых и несоизмеримых дискурсов. Первый тип дискурсов Рорти называет «нормальными», второй – «анормальными». Он поясняет это различие следующим образом: «Нормальный дискурс – это то, что происходит в рамках множества принятых всеми конвенций о том, что считать относящимся к делу рассмотрением, что считать ответом на вопрос, что считать хорошим аргументом в пользу такого ответа или его обоснованной критикой. „Анормальный“ дискурс – это то, что случается, когда человек, не ведающий об этих конвенциях или оставляющий их без внимания, присоединяется к дискурсу» [Там же. С. 237]. Данное различие продолжает введенное Куном противопоставление «нормаль-

ной» науки «революционной» [12]. Как известно, «нормальной» считается наука, которая на основе принятых некоторым сообществом исследователей объяснений изучаемых явлений разрабатывает методы решения исследовательских проблем. «Революционная» же наука проблематизирует разделяемые «нормальной» наукой конвенции и предлагает новые модели объяснения мира, тем самым ставя множество новых исследовательских проблем.

Таким образом, Рорти выступает против господствующей в современной культуре веры в рациональное знание и силу науки. С его точки зрения, развитие культуры и философии будет связано с отказом от представления о существовании объективного независимого от наших описаний мира, а также с отказом от представления о существовании необходимых условий познания, которые обеспечивают значимость (притязания на значимость) наших истин вне локальных культурных контекстов. С его точки зрения, господствующие в современной культуре стандарты рациональности обусловлены исторически сложившимися культурными практиками. Характеризуя некоторое знание как «объективное» или «рациональное», с точки зрения Рорти, мы выражаем согласие с разделяемыми внутри некоторого научного сообщества конвенциями.

Итак, мы рассмотрели взгляды двух заметных современных мыслителей на проблему условий получения рационального знания. Для Хабермаса данная проблема остается одной из главных тем, направляющих его философские изыскания. Учитывая основные мотивы постметафизического мышления, он выявляет условия рационального знания в языке и коммуникативном взаимодействии. Для Рорти данная проблема оказывается пережитком эпохи классической эпистемологии. С его точки зрения, разговор о необходимых условиях познания, обеспечивающих получение всеобщих и необходимых истин, является попыткой придать словарю новоевропейской философии универсальный статус. Эта ситуация, по мнению американского философа, упрощает представление о процессе познания и может иметь негативные последствия для культуры.

На наш взгляд, более последовательной и эвристичной является позиция Хабермаса. Размышляя о проблеме оснований познания, Рорти имплицитно представляет эти самые основания как совокупность разделяемых некоторым сообществом исследователей предельно абстрактных принципов, из которых выводятся более частные положения. Он упускает из виду, что вопрос об основаниях и условиях познания направлен не на выявление фундаментальных положений, на которых базируются разные способы описания мира, а скорее на экспликацию условий, которые делают эти самые описания осмысленными. Кроме того, Рорти указывает на то, что различные словари находятся друг с другом во взаимодействии, которое предполагает характерную для всякого разговора «надежду на соглашение». Возникает вопрос, каков характер этой надежды? Не идет ли речь о нормативном ожидании, которое присутствует не только при коммуникативном взаимодействии внутри определенного языкового сообщества, но и при взаимодействии между собой различных способов описания мира? В контексте этих вопросов позиция Хабермаса выглядит более последовательной. Без притязания на рациональность участники коммуникации взаимодействия не могут ни понимать друг друга, ни не понимать. Или, как пишет Хабермас, «без коммуникативной си-

туации, в которой возможно непринужденно-принудительное воздействие лучшего аргумента, не могут идти в счет ни аргументы „за“, ни аргументы „против“» [8. С. 30].

Литература

1. *Апель К.-О.* Проблема феноменологической очевидности в свете трансцендентальной семиотики // Хрестоматия по истории философии (западная философия) : в 3 ч. М. : ВЛАДОС, 2001. Ч. 2. С. 428–464.
2. *Ницше Ф.* Так говорил Заратустра. К генеалогии морали. Рождение трагедии. Воля к власти. Посмертные афоризмы. Минск : Харвест, 2005. 1037 с.
3. *Касавин И.Т.* Критерии знания: собственно эпистемические или социальные? // Эпистемология: перспективы развития. М., 2012. С. 50–61.
4. *Ладов В.А.* Критический анализ иерархического подхода Рассела–Тарского к решению проблемы парадоксов // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2018. № 44. С. 11–24.
5. *Ладов В.А.* Идея ограничения теории типов в философии математики в контексте критики эпистемологического релятивизма // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2019. № 51. С. 43–52.
6. *Гадамер Х.-Г.* Истина и метод: основы философской герменевтики / пер. с нем. под ред. Б.Н. Бессонова. М. : Прогресс, 1988. 704 с.
7. *Хабермас Ю.* Моральное сознание и коммуникативное действие. СПб. : Наука, 2006. 380 с.
8. *Хабермас Ю.* Между натурализмом и религией. Философские статьи. М. : Весь Мир, 2011. 336 с.
9. *Рорти Р.* Философия и зеркало природы. Новосибирск : Изд-во Новосиб. ун-та, 1997. 320 с.
10. *Рорти Р.* Случайность, ирония, солидарность. М. : Русское феноменологическое общество, 1996. 280 с.
11. *Ваттимо В.* Эпоха интерпретации // Логос. 2008. № 4 (67). С. 120–128.
12. *Кун Т.* Структура научных революций. М. : АСТ, 2009. 317 с.

Alexander S. Gaponov, Tomsk Scientific Center of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences (Tomsk, Russia); Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation).

E-mail: gaponov@sibmail.com

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya – Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science. 2021. 63. pp. 12–19.

DOI: 10.17223/1998863X/63/2

THE PROBLEM OF THE RATIONALITY OF KNOWLEDGE IN A POST-METAPHYSICAL PERSPECTIVE

Keywords: rationality; foundations of knowledge; post-metaphysical philosophy; modern hermeneutics; formal pragmatics; communicative rationality; neopragmatism; normal discourse; abnormal discourse; Habermas, Rorty

The study is supported by the Russian Science Foundation, Project No. 18-18-00057.

This work examines the options for understanding the problem of the foundations of knowledge and the conditions for obtaining rational knowledge in modern philosophy. Projects by Jurgen Habermas and Richard Rorty are under consideration. On the one hand, the works of these philosophers bear some conceptual similarities. Thus, both thinkers offer their own views on the problem of the role and place of philosophy in culture. In their reflections, they draw on the ideas of leading representatives of both analytic and continental philosophical traditions. However, despite the outward similarity, these thinkers express a different attitude to the problem of the conditions of rational knowledge. If Habermas continues to consider the problem of rationality constitutive for his philosophical search and calls for adapting it to the specifics of modern philosophical thinking, Rorty considers this problem a relic of classical epistemology and calls for refusing to pose this problem. It is concluded that the position of Habermas is more consistent and heuristic. Reflecting on the problem of the foundations of cognition, Rorty implicitly represents these very foundations as a set of extremely

abstract principles shared by a certain community of researchers; from these principles, more particular propositions are derived. Rorty overlooks the fact that the question of the foundations and conditions of cognition is not aimed at identifying the fundamental provisions on which different ways of describing the world are based, but rather at explicating the conditions that make these very descriptions meaningful. In addition, Rorty points out that various dictionaries interact with each other, which implies the “hope of agreement” characteristic of any conversation. The question arises: what is the nature of this hope? Is it the question of normative expectation, which is present not only in communicative interaction within a certain linguistic community, but also in the interaction between different ways of describing the world? In the context of these issues, Habermas’s position appears to be more consistent.

References

1. Apel, K.-O. (2001) Problema fenomenologicheskoy ochevidnosti v svete transtsendental'noy semiotiki [The problem of phenomenological evidence in the light of transcendental semiotics]. In: Mikeshtina, L.A. (ed.) *Khrestomatiya po istorii filosofii (zapadnaya filosofiya): v 3 ch.* [A Reader on the History of Philosophy (Western Philosophy): in 3 parts]. Vol. 2. Moscow: VLADOS. pp. 428–464.
2. Nietzsche, F. (2005) *Tak govoril Zarathustra. K genealogii morali. Rozhdenie tragedii. Volya k vlasti. Posmertnye aforizmy* [Thus spoke Zarathustra. Towards a genealogy of morality. The birth of a tragedy. The will to power. Posthumous aphorisms]. Translated from German. Minsk: Kharvest.
3. Kasavin, I.T. (2012) Kriterii znaniya: sobstvenno epistemicheskie ili sotsial'nye? [Criteria of knowledge: epistemic proper or social?]. In: Lektorsky, V.A. (ed.) *Epistemologiya: perspektivy razvitiya* [Epistemology: Development Prospects]. Moscow: Kanon+. pp. 50–61.
4. Ladov, V.A. (2018) Critical analysis of the hierarchical approach to the solution of the paradox problem. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya – Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science*. 44. pp. 11–24. (In Russian). DOI: 10.17223/1998863X/44/2
5. Ladov, V.A. (2019) The Idea of Limiting the Type Theory in the Philosophy of Mathematics in the Context of the Criticism of Epistemological Relativism. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya – Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science*. 51. pp. 43–52. (In Russian). DOI: 10.17223/1998863X/51/5
6. Gadamer, H.-G. (1988) *Istina i metod: osnovy filosofskoy germeneytiki* [Truth and Method: Foundations of Philosophical Hermeneutics]. Translated from German by B.N. Bessonov. Moscow: Progress.
7. Habermas, J. (2006) *Moral'noe soznanie i kommunikativnoe deystvie* [Moral consciousness and communicative action]. Translated from German. St. Petersburg: Nauka.
8. Habermas, J. (2011) *Mezhdue naturalizmom i religiei. Filosofskie stat'i* [Between naturalism and religion. Philosophical articles]. Translated from German. Moscow: Ves' Mir.
9. Rorty, R. (1997) *Filosofiya i zerkalo prirody* [Philosophy and the Mirror of Nature]. Translated from English. Novosibirsk: Novosibirsk State University.
10. Rorty, R. (1996) *Sluchaynost', ironiya, solidarnost'* [Accident, irony, solidarity]. Translated from English. Moscow: Russian Phenomenological Society.
11. Vattimo, V. (2008) Epokha interpretatsii [The era of interpretation]. *Logos*. 4(67). pp. 120–128.
12. Kuhn, T. (2009) *Struktura nauchnykh revolyutsiy* [The structure of scientific revolutions]. Moscow: AST.

УДК 161.25

DOI: 10.17223/1998863X/63/3

А.В. Нехаев

ПАРАДОКС МУРА: ЗНАНИЕ О СЕБЕ, САМОРЕФЕРЕНЦИЯ И ВЫСОКОПОРЯДКОВЫЕ УБЕЖДЕНИЯ

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда
№ 18-18-00057, <https://rscf.ru/project/18-18-00057>.

В статье представлен критический анализ возможных решений парадокса Мура. Автор приходит к выводу, что основой такого решения должны стать исследования сложившейся практики самореферентного использования местоимения 'я'. Предложения вида 'р, но я не верю, что р' и 'р, но я верю, что не-р' абсурдны во всех контекстах и ситуациях, когда утверждающий их агент намеренно высказывается о самом себе.

Ключевые слова: парадокс Мура, знание о себе, транспарентность, самореференция, Хинтикка, Витгенштейн, Эванс

Логика не так проста, как думают сами
логики.

Людвиг Витгенштейн (из письма
Дж.Э. Муру, октябрь 1944 г.)

1. Парадокс Мура: основные симптомы и предварительный диагноз

Парадокс Мура¹ служит примером оригинальной философской головоломки, в которой предметом анализа становится особое семейство предложений, обычно используемых людьми для выражения (в определенном контексте) имеющихся у них убеждений. Предложения данного семейства должны соответствовать одной из двух форм [7] (также см.: [4. Р. 192, 200, 203, 205–206; 8. Р. 38; 9. Р. 15; 10. Р. 6; 11. Р. 285; 12. Р. 98; 13. Р. 69; 14. Р. 46; 15. Р. 40]):

(OMS1) «р, но я не верю, что р»	'р' & ~Bx'р'	оmissивная форма
(CMS1) «р, но я верю, что не-р»	'р' & Bx'~р'	комissивная форма

Предложения вида (OMS1) и (CMS1) скрывают в себе определенного рода абсурд², хотя при этом не могут служить примерами обычных формаль-

¹ Известно, что об этом парадоксе Мур уже рассуждает на своих лекционных курсах в Кембридже (1930–1940 гг.). Первое его описание он представил в своей общей реплике на замечания критиков (1942 г.) [1. Р. 540–543], а позднее и в небольшом эссе, посвященном теории дескрипций Рассела (1944 г.) [2. Р. 204]. Помимо опубликованных материалов, существует также и неполная неозаглавленная рукопись из архивного фонда Мура в университетской библиотеке Кембриджа (ориентировочно датируемая 1944 г.) [3]. Она представляет собой черновые наброски с ответами на некоторые замечания Витгенштейна (сделанные, по-видимому, на заседании Клуба моральных наук 26 октября 1944 г.) [4. Р. 191–193; 5. Р. 226–227; 6. Р. 365–366].

² Признавая абсурдность таких предложений, Мур делает важное замечание: «...когда мы говорим, что произносить их абсурдно, мы вовсе не имеем в виду, что абсурдно просто произносить такие слова, но скорее нечто вроде следующего: абсурдно произносить их так, как это обычно люди делают, используя такие предложения в целях утверждения пропозиции, которую они выражают» [3. Р. 207].

ных противоречий (вроде предложений вида « ϕ & $\sim\phi$ ») [1. Р. 543; 3. Р. 209; также см.: 4. Р. 201; 5. Р. 228–229; 12. Р. 98; 13. Р. 69; 14. Р. 47; 16. Р. 49; 17. Р. 99; 18. Р. 213; 19. Р. 121–122; 20. Р. 589, 599], поскольку для них выполняется ряд важных условий [3. Р. 208–209; 9. Р. 15; 13. Р. 71–72; 15. Р. 147; 21. Р. 65–66; 22. Р. 95; 23. Р. 1–2]:

(MSC1) Транспозиция (OMS1) и (CMS1) из первого лица в третье устраняет абсурдность утверждения выраженных этими предложениями пропозиций. Нет никакого абсурда в том, чтобы кто-то сказал обо мне « p , но *он не верит*, что p » или « p , но *он верит*, что *не- p* ».

(MSC2) Транспозиция (OMS1) и (CMS1) из настоящего времени в прошлое лишает подобные утверждения абсурдности даже без транспозиции самого лица, от имени которого утверждается выраженная этими предложениями пропозиция. Например, для меня вполне уместно было бы сказать « p , но *я не верил*, что p » или « p , но *я верил*, что *не- p* ».

(MSC3) Абсурдность утверждения (OMS1) и (CMS1) исчезает, когда мы включаем их в более широкий контекст эпистемических рассуждений либо используем в качестве основы контрфактических утверждений. Предложения «Предположим¹, что p , но *я не верю*, что p » и «Если бы было p , *я бы в это не поверил*» вовсе не выглядят абсурдными.

(MSC4) Отрицание (OMS1) и (CMS1) не станет примером обычной тавтологии. Предложения «*Неверно*, что p , но *я не верю*, что p » или «*Неверно*, что p , но *я верю*, что *не- p* » очевидно таковыми не являются.

Любое решение парадокса Мура, игнорирующее хотя бы одно из этих условий, не будет нами считаться успешным. Поэтому правильный анализ предложений вида (OMS1) и (CMS1) должен [11. Р. 284–287]: (i) определить подлинный источник их абсурдности; (ii) представить унифицированное объяснение причин абсурда для обеих форм (омиссивной и комиссивной) таких предложений; (iii) одинаково успешно объяснять не только примеры, в которых мы имеем дело с простыми утверждениями выраженных такими предложениями пропозиций, но и примеры, где речь идет непосредственно о самих убеждениях²; и наконец, (iv) предложить правдоподобную интерпретацию условий (MSC1–MSC4), при которых использование предложений вида (OMS1) и (CMS1) перестает быть абсурдным (в том числе и различных необычных способов употребления таких предложений, например, ситуации неохотного признания, неполной осведомленности, отказа от ответственности за сделанное утверждение и др.)³.

¹ Используемый здесь глагол ‘предположить’ следует понимать как простое изложение некоторого положения дел в мире без того, чтобы одновременно судить о его существовании или несуществовании в действительности.

² Ведь, как отмечает Шумейкер: «...есть что-то парадоксальное или логически странное в идее о том, что некто *верит* в пропозициональное содержание парадоксального предложения Мура, независимо от того, дает ли он лингвистическое выражение этой своей вере или нет» [24. Р. 213; также см.: 10. Р. 6; 12. Р. 98; 13. Р. 70; 20. Р. 587].

³ Существует масса необычных контекстуальных примеров, которые показывают, что предложения вида (OMS1) и (CMS1) могут осмысленно утверждаться говорящим без какого-либо нарушения (практического или теоретического) общих норм рациональности (подробнее см.: [8. Р. 43–44; 18. Р. 224–225; 19. Р. 109–110; 25. Р. 287–290; 26. Р. 219–229; 27. Р. 37–38; 28. Р. 542–544; 29. Р. 5155–5162]).

2. Простое решение: ‘сильные’ эпистемические связи между нашими утверждениями и убеждениями

Наиболее простая стратегия, используемая для решения парадокса Мура, обычно принимает ограниченный набор интуитивно понятных эпистемических принципов, регулирующих не только наши убеждения, но также и отношения этих убеждений к тому, что мы в действительности (искренним образом) утверждаем на практике¹:

(SSP1) $Ax'p' \supset Bx'p'$;

согласно (SSP1), если x утверждает, что p , то в нормальных обстоятельствах мы считаем, что, делая это утверждение, x верит, что p ;

(SSP2) $Ax'p' \supset \sim Bx'\sim p'$;

согласно (SSP2), если x утверждает, что p , то в нормальных обстоятельствах мы считаем, что, делая это утверждение, x не верит, что $\sim p$.

Вместе со следующим дополнительным принципом:

(AD) $Ax('p' \& 'q') \supset Ax'p' \& Ax'q'$,

(SSP1) и (SSP2), как кажется, без особого труда позволяют свести предложения вида (OMS1) и (CMS1) к абсурду:

(OMS1')	$Ax('p' \& \sim Bx'p')$		(CMS1')	$Ax('p' \& Bx'\sim p')$
$\therefore$ (OMS2')	$Bx'p' \& \sim Bx'p'$		$\therefore$ (CMS2')	$\sim Bx'\sim p' \& Bx'\sim p'$
			(AD), (SSP1), RA	
			(AD), (SSP2), RA	

Причина абсурдности в утверждениях предложений вида (OMS1) состоит в том, что если x (искренним образом) выражает свою веру в ' p ' (где ' $\sim p$ ' необходимым образом ложно), то для него было бы абсурдным не верить, что ' p ':

(SS-OMS) $\forall x(Bx\Box'p' \supset A\sim Bx'p')$.

Причина же абсурдности в утверждениях предложений вида (CMS1) в том, что если x (искренним образом) выражает веру в ' p ' (где ' $\sim p$ ' необходимым образом ложно), то для него было бы абсурдным верить в прямо противоположное:

(SS-CMS) $\forall x(Bx\Box'p' \supset ABx'\sim p')$.

Таким образом, в самом общем виде типичное простое решение гласит:

(SS) когда в нормальных обстоятельствах x (искренним образом) утверждает предложения вида (OMS1) и (CMS1), правильный анализ способен показать, что они скрывают в себе определенного рода противоречие (выраженное, в частности, наличием у x противоречивых доксатических состояний).

И тем не менее кажущаяся простота подобного решения обманчива. Мы не можем признать его успешным, поскольку оно фактически нарушает требование (ii) о том, что успешное решение парадокса Мура должно быть универсальным, т.е. наше объяснение абсурдности предложений вида (OMS1) и (CMS1) обязано монотонным образом распространять действие эпистемиче-

¹ В том или ином виде такой стратегии придерживался не только Мур [3. Р. 210–211], но и целый ряд других исследователей [17. Р. 108–109; 25. Р. 281–282; 30. Р. 264–265; 31. Р. 118–119]. Есть также и оригинальные формы инвертированных простых решений. Например, Линвилль и Ринг [32], Хил [10], Малкольм [33] и Коллинз [34] предлагают нам придерживаться альтернативного эпистемического принципа: (SSP1') $Bx'p' \supset 'p'$, – который вместо ‘расширения’ конъюкта ' p ' до выражения ‘Я верю, что p ', наоборот, ‘сокращает’ конъюнкт ‘Я верю, что p ' до простого утверждения ' p '. Голдстейн [22. Р. 94–95] для борьбы с оmissивными формами ‘парадокса Мура’ добавляет еще один эпистемический принцип: (SSP2') $\sim Bx'p' \supset Ax'\sim p'$.

ских принципов на обе формы таких предложений. Простое решение этого не делает. Ведь применение (SSP2) к (OMS1), равно как и применение (SSP1) к (CMS1), не позволяет нам достичь желаемого результата:

$$\begin{array}{l|l} \text{(OMS1')} & Ax('p' \& \sim Bx'p') \\ \text{∴ (OMS3')} & \sim Bx' \sim p' \& \sim Bx'p' \quad (\text{AD}), (\text{SSP2}) \end{array} \quad \left| \quad \begin{array}{l|l} \text{(CMS1')} & Ax('p' \& Bx' \sim p') \\ \text{∴ (CMS3')} & Bx'p' \& Bx' \sim p' \quad (\text{AD}), (\text{SSP1}) \end{array} \right.$$

Предлагаемая простым решением стратегия лишь *растворяет* абсурдность парадокса Мура в факте наличия в содержании предложений вида (OMS1) и (CMS1) лексически замаскированного противоречия. Она пытается продемонстрировать, что утверждение таких предложений (сделанное искренним образом) на самом деле является ничем иным, как довольно странным и весьма громоздким способом утверждения обычных формальных противоречий вида « ϕ & $\sim \phi$ » [13. Р. 70–71; 15. Р. 154–155; 18. Р. 218–219]. Принимая подобное решение, мы полностью игнорируем значение таких условий, как (MSC1), (MSC2) и (MSC4). Ведь очевидно, что любое (искреннее) утверждение противоречия будет абсурдным не только в примерах от первого, но и от третьего лица; оно сохранит свою абсурдность независимо от временного залога наших утверждений; равно как и отрицание якобы скрытого в парадоксе Мура противоречия не станет для нас выражением тавтологии.

3. Решение Хинтикки: эпистемическая логика и высокоуровневые убеждения

Для анализа предложений, включающих в себя понятия веры, Хинтикка создает специальную систему эпистемической логики. Ключевые компоненты этой логики – два модальных оператора Bx и Cx , которые являются формальными аналогами для выражений « x верит, что...» и «*это* совместимо со всем, во что x верит». По мнению Хинтикки, значение оператора Cx определяется интуитивно понятным принципом [21. Р. 25]:

(HSP1) рациональный агент x может придерживаться только непротиворечивых (взаимно совместимых) убеждений.

Чтобы убеждения x были непротиворечивыми, должно быть возможным, чтобы все они могли оказаться истинными и при этом x не требовалось бы отказываться ни от одного из них. Тем самым для x совместимость некоторого нового убеждения ' ψ ' с уже имеющимися в его распоряжении непротиворечивыми убеждениями $\{Bx'p1', Bx'p2', \dots, Bx'pn'\}$ предполагает возможность того, чтобы это убеждение также могло бы быть истинным наряду со всем тем, во что x верит, не вынуждая его при этом отказываться от какого-либо из своих убеждений. Иными словами, с формальной точки зрения, если для x множество убеждений $\{Bx'p1', Bx'p2', \dots, Bx'pn', Cx'\psi'\}$ является непротиворечивым, то и множество $\{Bx'p1', Bx'p2', \dots, Bx'pn', 'p1', 'p2', \dots, 'pn', '\psi'\}$ также должно быть для него таковым [21. Р. 24].

Для демонстрации того, что x не может придерживаться веры в предложения вида (OMS1) и (CMS1), Хинтикка привлекает следующий дополнительный принцип [21. Р. 67–68]:

(HSP2) $Bx'p' \supset BxBx'p'$;

согласно (HS2), наличие тесных эпистемических связей предложений вида « p , но x не верит, что p » и « p , но x верит, что *не- p* » с предложениями вида « x

верит, что дело обстоит таким образом, что p , и x не верит, что p » и « x верит, что дело обстоит таким образом, что p , и x верит, что *не- p* » свидетельствуют о том, что вера x в выраженные предложениями вида (OMS1) и (CMS1) позиции была бы невозможна [21. Р. 67]:

(OMS1)	$'p' \ \& \ \sim Bx'p'$		(CMS1)	$'p' \ \& \ Bx'\sim p'$	
(OMS2'')	$Bx('p' \ \& \ \sim Bx'p')$	(HSP2)	(CMS2'')	$Bx('p' \ \& \ Bx'\sim p')$	(HSP2)
(OMS3'')	$\{Bx'p', Cx\sim Bx'p'\}$		(CMS3'')	$\{Bx'p', CxBx'\sim p'\}$	
$\therefore$ (OMS4'')	$\{'p', Bx'p', \sim Bx'p'\}$	RA	$\therefore$ (CMS4'')	$\{'p', \sim p', Bx'p', Bx'\sim p'\}$	RA

Принцип (HSP1) требует, чтобы x , утверждающий такие предложения, верил или, по крайней мере, предположительно мог бы поверить в то, что он утверждает; и правильный анализ парадокса Мура показывает, что в его основаниях лежат противоречивые (невозможные) убеждения вида $(p' \ \& \ \sim Bx'p') \ \& \ Bx(p' \ \& \ \sim Bx'p')$.

Иными словами, причины абсурдности предложений вида (OMS1) и (CMS1) заключены в практической немыслимости самой ситуации, когда x (искренним образом) придерживается убеждения, которое он мог бы выразить при помощи утвердительного произнесения ' p ', если очевидно, что ' p ' не может выражать чье-либо истинное убеждение в любом нормальном контексте¹ [18. Р. 223]:

(HS) $\forall x(Kx \Box (\forall y(By'p' \supset 'p' \text{ ложно})) \supset \Delta Bx'p')$.

С этой точки зрения становится понятным, почему в результате транспозиции лица агента предложения вида (OMS1) и (CMS1) перестают быть абсурдными. Для x как третьего лица, например, не было бы абсурдным утверждать предложение « $Я$ верю, что дело обстоит таким образом, что p , но y не верит, что p » (где y не является ни местоимением ' $я$ ', ни именем собственным лица, делающего это утверждение, ни его определенной дескрипцией) [21. Р. 67–68]. Здесь мы имеем непротиворечивое множество $\{'p', Bx'p', \sim By'p'\}$ в отличие от ситуаций, когда y и x (тот, кто утверждает это предложение) оказываются одним и тем же лицом ($x = y$), где x не мог бы просто добавить к утверждаемому им предложению « x верит, что дело обстоит таким образом, что p , но x не верит, что p » фразу «и лично $я$ верю в то, что $я$ только что сказал», не делая свои утверждения противоречивыми.

Предложенная Хинтиккой стратегия открыто не нарушает требования (i – iv), но она также уязвима для критики. Ведь нетрудно показать, что используемый в ней принцип (HS2) не отвечает нашим общим интуициям относительно понятия веры. На первый взгляд он кажется вполне правдоподобным. Ведь если $я$ верю, что p , для меня было бы абсурдным отрицать, что действительно $я$ верю в то, во что $я$ верю. И тем не менее очевидность (HS2) исчезает, если мы рассмотрим ситуации утверждения предложений вида (OMS1) и (CMS1) в контексте, когда x верит, что p , однако параллельно у него не возникает никакого высокоуровневого убеждения относительно своей

¹ В данном случае под 'ситуациями утверждения искренних убеждений' понимаются любые возможные примеры нормальных обстоятельств правильного произнесения ' p ', – такие ситуации, когда x не лжет, не ошибается или, скажем, не репетирует реплики из пьесы. Поскольку если x лжет, используя для этого предложения вида (OMS1) и (CMS1), его ложь откровенно абсурдна и обречена на провал; если он ошибается, его ошибка не только очевидна для всех окружающих, но и было бы абсурдно думать, что сам x при произнесении предложений вида (OMS1) и (CMS1) этого не осознает; наконец, если x репетирует реплики из пьесы, его произнесения предложений вида (OMS1) и (CMS1) по понятным причинам не образуют подлинных утверждений [35. Р. 11–12].

веры в p [23. Р. 10–11; 26. Р. 223]. Например, очнувшись после сложной пластической хирургии, я еще не видел себя в зеркале и не знаю, как именно теперь выгляжу. Мне показывают послеоперационную фотографию моей новой внешности, спрашивая меня о том, кто на ней изображен? В данной ситуации не только для окружающих, но и для меня лично не было бы абсурдным принять следующее описание моих убеждений: «Я верю, что ‘я – это я’, но я не верю, что я верю, что ‘я – это я’» [36. Р. 133]. Возможность и оправданность для агента утверждения предложений вида $Bxp \ \& \ \sim BxBxp$ ставит валидность принципа (HS2) под сомнение, ведь такие предложения являются результатом простого отрицания данного принципа. И даже если мы согласны признать, что убеждения агента непротиворечивы в том случае, когда в мире существует такое положение дел, при котором они все могут быть истинными, мы не обязаны считать, что он при этом непременно должен обладать всеми этими убеждениями¹.

4. Решение Витгенштейна: грамматика глагола ‘верить’ и метафизика утверждений от первого лица

Витгенштейн предлагает свою альтернативу «простому решению», основанную на дескриптивном анализе грамматики глаголов, используемых нами для выражения, атрибуции и понимания психологических состояний друг друга. По его мнению, повседневная практика использования глагола ‘верить’ демонстрирует характерную асимметрию в семантических и логических свойствах употребления этого глагола от первого лица² [15. Р. 143]. Ядром предлагаемой здесь стратегии борьбы с парадоксом Мура становится принцип абсурдности возможных ситуаций самоатрибуции агентом ложной веры:

(WSP1)	Если бы в нашем языке существовал особый глагол со значением ‘ложно верить’, он бы не имел никакого осмысленного употребления в первом лице настоящего времени изъявительного наклонения.	§ x, PI (part II)
∴ (WSP2)	В таком языке парадокс Мура не возник бы.	§ x, PI (part II)
∴ (WSP3)	Вместо этого имелся бы особый глагол со значением ‘ложно верить’, утративший одну из своих грамматических форм.	§ x, PI (part II)

Фраза « x ложно верить», по мнению Витгенштейна, не имеет реального значения для ($x = я$), – т.е. никто не может осмысленно произнести от своего лица предложение «Сейчас я ложно верю» [4. Р. 192, 204–205; 5. Р. 230; 13. Р. 73; 16. Р. 58; 29. Р. 5159; 39. Р. 64]. Поэтому причина парадоксальности в утверждениях предложений вида (OMS1) и (CMS1) состоит в том, что для x было бы абсурдным *ложно* верить, что ‘ p ’, если известно, что ‘ p ’ *необходимым образом ложно*:

$$(WS) \ \forall x(Kx \Box \sim p \supset AB^*x'p).$$

¹ Не только критики решения Хинтикки [8. Р. 42], но и многие его сторонники [35. Р. 13] открыто признают, что единственный способ оправдать предложенную им стратегию – это признать, что агент x является абсолютно всеведущим и логически безгрешным (L-omniscient person/logical saint).

² Витгенштейн неоднократно подчеркивает важность такой асимметрии для правильного анализа парадокса Мура. Например, в § 472 *Заметок о философии психологии* он пишет: «...грамматика предложения ‘Я верю’ резко отличается от грамматики предложения ‘Я пишу’» [37. С. 80] (см. также: [38. С. 274]).

Нельзя *намереваться* во что-то *ложно* верить. Мы всегда лишь следуем туда, куда нас ведут наши убеждения. Например, мы не можем дистанцироваться от своих убеждений, делая о них утверждения на основе наблюдений за собственным поведением, как обычно действуют третьи лица, когда судят о наших убеждениях [10. Р. 20–21; 13. Р. 75; 39. Р. 66–67]. Наши убеждения *контрприватны* по своей природе, и, в отличие от третьих лиц, сами мы о них судить не можем¹ [4. Р. 193; 5. Р. 231; 13. Р. 72–73] (также см.: [9. Р. 52]):

(WSP4)	x не может отделить свои представления о мире таким, какой он есть, от собственных представлений о мире таким, каким он в него верит ² .	§ x , <i>PI</i> (part II)
(WSP5)	x как метафизический субъект, есть не часть мира, а лишь его граница ³ .	§ 5.641 <i>Tractatus</i>
∴ (WSP6)	Существуют истины, в которые x не может верить (равно как и утверждать их), поскольку <i>это</i> истины об x как метафизическом субъекте; они не могут появиться в его мире, но вполне доступны другим агентам.	

Несмотря на свою оригинальность, основанная на применении принципов (WSP1–WSP6) стратегия борьбы с парадоксом Мура сталкивается с возражениями. Большая их часть связана с нарушением требования (iv). На первый взгляд, казалось бы, принцип (WSP1) очень эффективно блокирует любые намеренные ложные убеждения как абсурдные. Если я не являюсь абсолютно всеведущим и логически безгрешным существом, предложения вида (OMS1) и (CMS1) действительно могут выражать некоторые истины, вера в которые для меня самого (в отличие от третьих лиц) была бы абсурдна. Но как нам быть с истинами, в которые *агент на самом деле не верит*? Для иллюстрации рассмотрим простой пример. Мэри является великим нейрочеловеком. После изучения всей массы эмпирических данных она получает неопровержимое доказательство истинности предложения «Никаких убеждений как пропозициональных состояний агента не существует». Принимая во внимание содержание самой этой истины, для Мэри не было бы абсурдным утверждать предложение «Никаких убеждений не существует, но я в это *не* верю» ($'p' \ \& \ \sim Bx'p'$), в отличие, скажем, от такого предложения, как «Никаких убеждений не существует и я верю, что это так и есть» ($'p' \ \& \ Bx'p'$) [26. Р. 219–221; 27. Р. 37–38]. Очевидно, что применение принципа (WSP1) не позволяет исправить ситуацию, поскольку вполне осмысленно и без всякого абсурда Мэри также могла бы утверждать и предложение «На самом деле никаких убеждений не существует, и сейчас я *ложно* верю, что это так и есть» ($'p' \ \& \ B^*x'p'$).

¹ В *Философских исследованиях* контрприватный характер наших убеждений иллюстрируется риторическим вопросом: «Я говорю о ком-то другом 'Он, кажется, верит...', а другие говорят это обо мне. Но почему я никогда не говорю этого о себе, даже тогда, когда обо мне это *по праву* говорят другие? – Выходит, я не вижу и не слышу себя самого?» [38. С. 275].

² В частности, § x во второй части *Философских исследований* содержит следующий важный для понимания стратегии Витгенштейна пассаж: «Можно не доверять собственным чувствам, но не собственной вере» [38. С. 274].

³ В §5.641 *Tractatus* Витгенштейн устанавливает ключевой принцип концепции метафизического субъекта: «...Я есть... метафизический субъект, граница – а не часть мира» [40. С. 178]. Для ее обоснования он использует оригинальные 'оптические аргументы', изложенные в § 5.633 и § 5.6331 *Tractatus* [Там же. С. 176].

5. Решение Эванса: транспарентность веры и самореференция

Другой оригинальной альтернативой для борьбы с парадоксом Мура может стать стратегия, в которой особое внимание уделено анализу зависимости понимания и наших оценок смысла предложений вида (OMS1) и (CMS1) от непосредственного контекста их употребления. Сторонники этой стратегии [20] (также см.: [18. Р. 225–227; 36. Р. 128–137]) считают подлинным источником парадокса Мура структуры самореференции, возникающие из-за использования в предложениях вида (OMS1) и (CMS1) местоимения первого лица.

Основой данного решения является принцип транспарентности [41. Р. 225–226]:

(ТР) '*p* истинно' $\supset \forall x 'p'$; '*p* ложно' $\supset \sim \forall x 'p'$;

согласно (ТР), истинность либо ложность выраженной для *x* предложением '*p*' пропозиции напрямую определяет истинность либо ложность предложения «Я верю, что *p*»¹ [20. Р. 587]. И поскольку рациональный агент в целом не склонен придерживаться противоречивых (взаимно несовместимых) убеждений, в нормальных обстоятельствах он не станет утверждать такие пары предложений, как «*p* истинно» и «Я не верю, что *p*» либо «*p* ложно» и «Я верю, что *p*».

Принцип (ТР), по мнению Эванса, является неотъемлемой частью функционала так называемых '*Я-мыслей*' [41. Р. 220–224]; он позволяет объяснить, что значит для *x* принимать определенного агента за самого себя. Ведь подобно тому, как мы без какого-либо наблюдения со стороны знаем, где именно сейчас находятся наши руки, или что мы имеем в настоящий момент времени в своем поле зрения нечто красное, мы знаем также и то, во что верим, не полагаясь при этом на какие-либо дополнительные доказательства или свидетельства. Чтобы понять, верим ли мы в предложение '*p*', нам не нужно наблюдать за своим поведением либо следить за своими речевыми действиями, достаточно просто определить, считаем ли мы сами это предложение '*p*' истинным. И мы знаем, что мы верим, что '*p*', если знаем, что '*p*' истинно. А это значит, что убеждения обладают самореферентной структурой не из-за своего содержания, но прежде всего из-за нашего особого отношения к тому, во что мы действительно верим [42. Р. 521–522; 43. Р. 48–49; 44. Р. 184]. Между эпистемической транспарентностью убеждений и наличием в их описаниях самореферентных структур существует конститутивная связь². Основанная на действии принципа (ТР) грамматика личных местоимений, в которых обычно находят свое выражение наши особые способы представления о самих себе, определяет привычные для нас способы употребления многих (если не всех) психологических глаголов, и прежде всего – глагола 'верить'. Пред-

¹ В *The Varieties of Reference* Эванс, в частности, пишет: «Я получаю возможность ответить на вопрос, верю ли я, что *p*, введя в действие любую имеющуюся у меня процедуру ответа на вопрос, действительно ли *p*» [41. Р. 225].

² По мнению Эванса, вполне очевидно, что «тот, кто понимает некий термин как указание на него самого, должен быть предрасположен рассматривать определенного рода переживания, которые он способен немедленно распознавать, как релевантные для истинности или ложности включающих в себя этот термин высказываний. <...> существование данной предрасположенности не гарантирует, что субъект обладает адекватной Идеей себя, но она, несомненно, является необходимым элементом любой такой Идеи» [41. Р. 233] (также см.: [44. Р. 178]).

ложения вида « p , но x не верит, что p » или « p , но x верит, что $\sim p$ » абсурдны тогда и только тогда, когда используемый в них термин ' x ' оказывается подчинен целям самореференции, – когда агент сознательно и вполне намеренно употребляет его для указания на самого себя¹.

Таким образом, причиной абсурдности утверждения агентом предложений вида « p , но я не верю, что p » или « p , но я верю, что $\sim p$ » служит сложившаяся в нашем языке практика использования местоимения ' $я$ ', которая прямо указывает на факт, что *агент здесь намерен высказываться о самом себе*:

(ES) $\forall x(Kx \rightarrow (\Box(Bx \rightarrow 'p' \supset 'p' \text{ ложно}) \supset \Box Bx \rightarrow 'p'))$.

Иными словами, для x было бы абсурдным придерживаться убеждения, которое он мог бы (при желании) выразить с помощью утвердительного произнесения предложения ' p ' в ситуации, когда он знает, что $он^*$ не может (искренним образом) верить собственному утверждению в том определенном контексте, в котором $он^*$ находится на момент утвердительного произнесения предложения ' p '.² [18. Р. 225–226].

Принцип (ES) не требует, чтобы x ссылался на себя исключительно с помощью указательного местоимения ' $я$ '. Парадокс Мура может возникать и тогда, когда в целях самореференции агент склонен употреблять любые другие, отличные от него термины [20. Р. 590] (также см.: [43. Р. 35; 48. Р. 269–270]). Например, утверждение генерала де Голля «Идет дождь, но *де Голь** в это не верит» мы сочли бы абсурдным, если нам известно об обычной для него практике самореферентного использования своего имени собственного. Аналогичный пример абсурдного утверждения нетрудно построить и для определенной дескрипции, вроде 'первый президент Пятой республики'; ведь в устах генерала де Голля предложение «Идет дождь, но *первый президент Пятой республики** в это не верит» прозвучало бы не менее абсурдно в тех ситуациях, когда он намеренно употреблял бы данную фразу для указания на самого себя.

Предложенная Эвансом стратегия в полной мере удовлетворяет требованиям (i–iv). Более того, она позволяет нам избавиться от ряда затруднений, с которыми сталкиваются другие решения. Рассмотрим, в частности, пример с пластической хирургией. Мне показывают фотографию моей послеоперационной внешности и просят ответить на вопрос о том, кто на ней изображен. Поскольку я только что очнулся после наркоза, я еще не знаю, как я выгляжу. И лично для меня не было бы абсурдным согласиться принять в качестве описания моих убеждений предложение «' $я$ – это $я$ ', но я не верю, что ' $я$ – это $я$ '». Согласно (ES), такое предложение не имеет самореферентной структуры, ведь, утверждая его (искренним образом), я никак не ассоциирую себя с

¹ Поведение агента, открыто нарушающего требования (TP), прямо свидетельствовало бы о том, что он не идентифицирует себя как лицо, на которое указывает местоимение ' $я$ '. Утверждающий предложения вида (OMS1) и (CMS1) агент (и делающий это искренним образом) в этом смысле оказывается «отчужден» или «диссоциирован» от самого себя [13. Р. 68–69] (также см.: [45. Р. 394]), – т.е. в этом случае возникает необычная ситуация, которую так тонко описывает Витгенштейн: «...кто-то мог бы сказать и такое: 'Идет дождь, а я в это не верю' или же 'Мне кажется, что мое Я (Его) верит в это, но это не так'. Здесь нам потребовалась бы некая картина поведения, подтверждающая, что моими устами говорят два разных существа» [38. С. 276].

² Значение квазииндексного термина ' x^* ' интерпретируется в соответствии с правилами семантики личных местоимений Кастанеды [46. Р. 53] (также см.: [47. Р. 96–97]). Например, если x утверждает предложение «На прошлой неделе во вторник $он^*$ ходил делать прививку от COVID-19», мы точно знаем, что в данной ситуации x под термином ' $он^*$ ' подразумевает самого себя.

изображением на фотографии. Для того чтобы утверждение данного предложения стало абсурдным, мне было бы необходимо использовать косвенное возвратное местоимение 'я сам', привычная практика употребления которого гарантирует, что агент действительно знает о том, что в данном случае он высказывается о себе самом [36. Р. 133–136].

6. Парадокс Мура: эпикриз и терапия

Альтернативные решения парадокса Мура (SS), (HS), (WS) и (ES), как мы видим, основаны на разных принципах объяснения причин абсурдности предложений вида (OMS1) и (CMS1). Однако оценивая их общий эвристический потенциал, следует признать, что (ES) предлагает нам наиболее привлекательную стратегию. Анализ предложений вида (OMS1) и (CMS1) показывает, что диагностируемая в парадоксе Мура асимметрия первого / третьего лица имеет определяющее значение для правильного понимания источников их абсурдности. Чтобы быть абсурдными, такие предложения должны быть сформулированы либо при помощи местоимения 'я'¹, либо иных производных от него косвенных и возвратных форм. Кроме того, в отличие от остальных решений, (ES) позволяет нам включить проблемы с предложениями вида (OMS1) и (CMS1) в общий унифицированный диагноз источников классических семантических парадоксов. Согласно (ES), между предложениями семейства Лжеца («Это самое предложение ложно», «Я сейчас лгу» и др.) и предложениями вида (OMS1) и (CMS1), образующими отдельное семейство эпистемических парадоксов², существует очевидная структурная аналогия – для обоих семейств парадоксальных высказываний самореференция является конститутивным элементом.

Литература

1. Moore G.E. A Reply to My Critics // The Philosophy of G.E. Moore / ed. P. Schlipp. Evanston : Tudor, 1942. P. 535–677.
2. Moore G.E. Russell's Theory of Descriptions // The Philosophy of Bertrand Russell / ed. P. Schlipp. Evanston : Tudor, 1944. P. 175–225.
3. Moore G.E. Moore's Paradox // G.E. Moore: Selected Writings / ed. T. Baldwin. London : Routledge, 1993. P. 207–212.
4. Gombay A. Some Paradoxes of Counterprivacy // Philosophy. 1988. Vol. 63, № 244. P. 191–210. DOI: 10.1017/S0031819100043369
5. Baldwin T. G.E. Moore. London : Routledge, 1990. 337 p.
6. Wittgenstein in Cambridge: Letters and Documents 1911–1951 / ed. B. McGuinness. Oxford : Blackwell, 2008. 498 p.
7. Williams J.N. Moore's Paradox: One or Two? // Analysis. 1979. Vol. 39, № 3. P. 141–142. DOI: 10.2307/3327254
8. Williams J.N. The Absurdities of Moore's Paradoxes // Theoria. 1982. Vol. 48, № 1. P. 38–46. DOI: 10.1111/j.1755-2567.1982.tb00481.x
9. Sorensen R.A. Blindspots. Oxford : Clarendon Press, 1988. 456 p.

¹ Хинитика, например, упоминает об особой роли для парадокса Мура местоимения первого лица единственного числа 'я', но он отказывается вводить его в свою систему эпистемической логики в качестве дополнительного критерия [21. Р. 66]. Более того, он считает любые решения парадокса Мура, основанные на таком критерии, откровенно ошибочными [Там же. Р. 73–76].

² Вместе с родственными формами парадоксальных предложений вида « $Bx \wedge \neg Bx$ » или « $Kx(p \wedge \neg Kx p)$ » (The Prediction Paradox), « $p \wedge Bx'p$ ложно» (The Preface Paradox), где роль 'p' выполняет конъюнкция всех предложений книги за моим авторством, о которой в предисловии я утверждаю, что по крайней мере какой-то один (пусть и неизвестный мне) конъюнкт там ложен [49, 50, также см.: 51. С. 19–20].

10. *Heal J.* Moore's Paradox: A Wittgensteinian Approach // *Mind*. 1994. Vol. CIII, № 409. P. 5–24. DOI: 10.1093/mind/103.409.5
11. *Williams J.N.* Wittgensteinian Accounts of Moorean Absurdity // *Philosophical Studies*. 1998. Vol. 92, № 3. P. 283–306. DOI: 10.1023/A:1004260008644
12. *Green M.S.* Moore's Many Paradoxes // *Philosophical Papers*. 1999. Vol. 28, № 2. P. 97–109. DOI: 10.1080/05568649909506594
13. *Moran R.* Authority and Estrangement: An Essay on Self-Knowledge. Princeton : Princeton University Press, 2001. 202 p.
14. *Pagin P.* Informativeness and Moore's Paradox // *Analysis*. 2008. Vol. 68, № 1. P. 46–57. DOI: 10.1093/analys/68.1.46
15. *Schmid U.* Moore's Paradox: A Critique of Representationalism. Berlin : De Gruyter, 2014. 282 p.
16. *Goldstein L.* Wittgenstein's Late Views on Belief, Paradox and Contradiction // *Philosophical Investigations*. 1988. Vol. 11, № 1. P. 49–73. DOI: 10.1111/j.1467-9205.1988.tb00526.x
17. *Kriegel U.* Moore's Paradox and the Structure of Conscious Belief // *Erkenntnis*. 2004. Vol. 61, № 1. P. 99–121. DOI: 10.1023/B:ERKE.0000037548.06150.b6
18. *Chan T.* Moore's Paradox Is Not Just Another Pragmatic Paradox // *Synthese*. 2010. Vol. 173, № 3. P. 211–229. DOI: 10.1007/s11229-008-9403-x
19. *Borgoni C.* Dissonance and Moorean Propositions // *Dialectica*. 2015. Vol. 69, № 1. P. 107–127. DOI: 10.1111/1746-8361.12095
20. *Kwon H.* Moore's Paradox: An Evansian Account // *Erkenntnis*. 2021. Vol. 86, № 3. P. 585–601. DOI: 10.1007/s10670-019-00121-6
21. *Hintikka J.* Knowledge and Belief: An Introduction to the Logic of the Two Notions. Ithaca : Cornell University Press, 1962. 179 p.
22. *Goldstein L.* Inescapable Surprises and Acquirable Intentions // *Analysis*. 1993. Vol. 53, № 2. P. 93–99. DOI: 10.1093/analys/53.2.93
23. *Paez A.* Moore's Paradox and the Logic of Belief // *Manuscript*. 2020. Vol. 43, № 2. P. 1–15. DOI: 10.1590/0100-6045.2020.V43N2.AP
24. *Shoemaker S.* Moore's Paradox and Self-Knowledge // *Philosophical Studies*. 1995. Vol. 77, № 2/3. P. 211–228. DOI: 10.1007/BF00989570
25. *Jacquette D.* Identity, Intensionality, and Moore's Paradox // *Synthese*. 2000. Vol. 123, № 2. P. 279–292. DOI: 10.1023/A:1005234102606
26. *Hajek A.* My Philosophical Position Says 'p' and I Don't Believe 'p' // *Moore's Paradox: New Essays on Belief, Rationality, and the First Person* / eds. M.S. Green, J.N. Williams. Oxford : Clarendon Press, 2007. P. 217–231.
27. *Turri J.* Refutation by Elimination // *Analysis*. 2010. Vol. 70, № 1. P. 35–39. DOI: 10.1093/analys/anp138
28. *Pruss A.R.* Sincerely Asserting What You Do Not Believe // *Australasian Journal of Philosophy*. 2012. Vol. 90, № 3. P. 541–546. DOI: 10.1080/00048402.2011.611150
29. *Fileva I., Brakel L.A.W.* Just Another Article on Moore's Paradox, but We Don't Believe That // *Synthese*. 2019. Vol. 196, № 12. P. 5153–5167. DOI: 10.1007/s11229-018-1703-1
30. *Lakoff G.* Pragmatics and Natural Logic // *Formal Semantics of Natural Language* / ed. E.L. Keenan. Cambridge : Cambridge University Press, 1975. P. 253–286.
31. *Wolgast E. H.* Paradoxes of Knowledge. Ithaca: Cornell University Press, 1977. 214 p.
32. *Linville K., Ring M.* Moore's Paradox Revisited // *Synthese*. 1991. Vol. 87, № 2. P. 295–309. DOI: 10.1007/BF00485405
33. *Malcolm N.* Disentangling Moore's Paradox // *Wittgenstein: Mind and Language* / ed. R. Egidi. Dordrecht : Kluwer Academic Publishers, 1995. P. 195–205.
34. *Collins A.W.* Moore's Paradox and Epistemic Risk // *Philosophical Quarterly*. 1996. Vol. 46, № 184. P. 308–319. DOI: 10.2307/2956443
35. *Lycan W.G.* Hintikka and Moore's Paradox // *Philosophical Studies*. 1970. Vol. 21, № 1/2. P. 9–14. DOI: 10.1007/BF00375975
36. *Atlas J.D.* What Reflexive Pronouns Tell Us about Belief: A New Moore's Paradox *De Se*, Rationality, and Privileged Access // *Moore's Paradox: New Essays on Belief, Rationality, and the First Person* / eds. M.S. Green, J.N. Williams. Oxford : Clarendon Press, 2007. P. 117–145.
37. *Витгенштейн Л.* Заметки о философии психологии. Т. 1. М. : Дом интеллектуальной книги, 2001. 192 с.
38. *Витгенштейн Л.* Философские исследования // *Философские работы*. Ч. 1. М. : Гнозис, 1994. С. 75–319.

39. McGinn M. Wittgenstein and Moore's Paradox // *Image and Imaging in Philosophy, Science and the Arts*. Vol. 1: Proceedings of the 33rd International Ludwig Wittgenstein-Symposium in Kirchberg, 2010 / eds. R. Yeinrich, E. Nemeth, W. Pichler, D. Wagner. Frankfurt : Ontos Verlag, 2011. P. 59–72.
40. Витгенштейн Л. Логико-философский трактат. М. : Канон+, 2008. 288 с.
41. Evans G. The Varieties of Reference. Oxford : Clarendon Press, 1982. 418 p.
42. Lewis D. Attitudes *De Dicto* and *De Se* // *The Philosophical Review*. 1979. Vol. 88, № 4. P. 513–543. DOI: 10.2307/2184843
43. Perry J. The Problem of the Essential Indexical // *The Problem of the Essential Indexical and Other Essays*. Oxford : Oxford University Press, 1993. P. 33–52.
44. Bermudez J.L. Evans and the Sense of 'I' // *Thought, Reference, and Experience: Themes from the Philosophy of Gareth Evans* / ed. J.L. Bermudez. Oxford : Clarendon Press, 2005. P. 164–194.
45. Shoemaker S. Moran on Self-Knowledge // *European Journal of Philosophy*. 2003. Vol. 11, № 3. P. 391–401. DOI: 10.1111/1468-0378.00192
46. Castaneda H.-N. 'He': A Study in the Logic of Self-Consciousness // *Self-Reference and Self-Awareness* / eds. A. Brook, R.C. DeVidi. Amsterdam, Philadelphia : John Benjamins Publishing Company, 2001. P. 51–79.
47. Perry J. Castaneda on He and I // *The Problem of the Essential Indexical and Other Essays*. Oxford : Oxford University Press, 1993. P. 91–119.
48. Shoemaker S. Persons and Their Pasts // *American Philosophical Quarterly*. 1970. Vol. 7, № 4. P. 269–285.
49. Jongeling T.B., Koetsier T. A Reappraisal of the Hangman Paradox // *Philosophia*. 1993. Vol. 22, № 3/4. P. 299–311. DOI: 10.1007/bf02379649
50. Jongeling T.B., Koetsier T. Blindspots, Self-Reference and the Prediction Paradox // *Philosophia*. 2002. Vol. 29, № 1/4. P. 377–391. DOI: 10.1007/BF02379918
51. Борусов Е.В. Знание о незнании в эпистемических апориях // *Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология*. 2019. № 52. С. 15–22. DOI: 10.17223/1998863X/52/2

Andrei V. Nekhaev, Tomsk Scientific Center of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences (Tomsk, Russian Federation); University of Tyumen (Tyumen, Russian Federation); Omsk State Technical University (Omsk, Russian Federation).

E-mail: a.v.nekhaev@utmn.ru

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya – Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science. 2021. 63. pp. 20–34.

DOI: 10.17223/1998863X/63/3

MOORE'S PARADOX: SELF-KNOWLEDGE, SELF-REFERENCE, AND HIGH-ORDERED BELIEFS

Keywords: Moore's paradox; self-knowledge; transparency; self-reference; Hintikka; Wittgenstein; Evans

The study is supported by the Russian Science Foundation, Project No. 18-18-00057.

The sentences 'p but I don't believe p' (omissive form) and 'p but I believe that not-p' (commissive form) are typical examples of Moore's paradox. When an agent (sincerely) asserts such sentences under normal circumstances, we consider his statements absurd. The Simple Solution (Moore, Heal, Wolgast, Kriegel, et al.) finds the source of absurdity for such statements in a certain formal contradiction (some kind of like 'p & not-p'), the presence of which is lexically disguised. This solution is facing criticism since it is obvious that the denial of the contradiction allegedly hidden in Moore's paradox will not become an expression of tautology for us. Hintikka offers another solution to Moore's paradox. In his view, the source of absurdity is the practical inconceivability of the situation, in which the agent would be able to hold mutually incompatible (inconsistent) beliefs. The sentences 'p but I don't believe that p' and 'p but I believe that not-p' sound absurd because they express high-ordered beliefs that no rational agent can hold. A belief expressed in the sentence 'he believes that p', in order to be available to the agent, must be compatible with the truth of everything the agent believes. The problem with Hintikka's solution is that it relies on an epistemic principle that does not correspond to our general intuitions about the notion of belief. According to this principle, there must be a close connection between the sentence 'p but I don't believe that p' and the sentence 'I believe

that is the case is that p but I don't believe that p'. However, it is not difficult to imagine the context for situations when the agent asserts the sentence 'p but I don't believe that p' when s/he believes that p, but in parallel does not hold any high-ordered belief about his/her belief in p. For example, the agent does not recognize oneself in a photograph after a hard plastic surgery, and when one asks him 'who is this?' it would not be absurd for him/her to accept the following description of his/her beliefs 'I believe that {I am me} but I don't believe that I believe that {I am me}'. Wittgenstein provides an alternative solution based on a descriptive analysis of the grammar of verbs we use to express, attribute, and understand each other's psychological states. In his view, the everyday practice of using the verb 'believe' demonstrates a characteristic asymmetry in the semantic and logical properties of the usage of this verb in the first person. The expression 'I believe falsely' has no real meaning since no one can meaningfully say the sentence 'Now I believe falsely that p' on their own behalf. Therefore, the genuine source of absurdity is associated with situations of self-attribution of false belief by the agent. Despite its originality, Wittgenstein's solution faces objections. For example, in a certain context, it would not be absurd to assert the sentence 'There are no beliefs, but I don't believe in it', unlike the sentence 'There are no beliefs and I believe that it is so'. The solution proposed by Wittgenstein does not allow us to correct the situation since one could assert quite reasonably and without any absurdity a sentence like 'In fact, there are no beliefs and now I falsely believe that it is so'. Based on Evans' principle of epistemic transparency, some researchers (Atlas, Chan, Kwon, et al.) offer another strategy for solving Moore's paradox, in which peculiar attention is paid to the dependence of understanding and evaluating the meaning of the sentences 'p but I do not believe that p' and 'p but I believe that not-p' from the immediate context of their usage. The source of absurdity should be looked for in the established practice of the self-referential use of the pronoun 'I'. In the researchers' view, Moore's paradox arises only in the context of situations where the agent asserting such sentences is conscious speaking about oneself. Therefore, there is an obvious structural analogy between the sentences of the Liar family ('This very sentence is false', 'Now I am lying', etc.) and Moore's paradox ('p but I don't believe that p', 'p but I believe that not-p') – self-reference is constitutive for both families of paradoxical statements.

References

1. Moore, G.E. (1942) A Reply to My Critics. In: Schlipp, P. (ed.) *The Philosophy of G.E. Moore*. Evanston: Tudor. pp. 535–677.
2. Moore, G.E. (1944) Russell's Theory of Descriptions. In: Schlipp, P. (ed.) *The Philosophy of Bertrand Russell*. Evanston: Tudor. pp. 175–225.
3. Moore, G.E. (1993) *Selected Writings*. London: Routledge. pp. 207–212.
4. Gombay, A. (1988) Some Paradoxes of Counterprivacy. *Philosophy*. 63(244). p. 191–210. DOI: 10.1017/S0031819100043369
5. Baldwin, T. (1990) *G.E. Moore*. London: Routledge.
6. McGuinness, B. (ed.) (2008) *Wittgenstein in Cambridge: Letters and Documents 1911–1951*. Oxford: Blackwell.
7. Williams, J.N. (1979) Moore's Paradox: One or Two? *Analysis*. 39(3). pp. 141–142. DOI: 10.2307/3327254
8. Williams, J.N. (1982) The Absurdities of Moore's Paradoxes. *Theoria*. 48(1). pp. 38–46. DOI: 10.1111/j.1755-2567.1982.tb00481.x
9. Sorensen, R.A. (1988) *Blindspots*. Oxford: Clarendon Press.
10. Heal, J. (1994) Moore's Paradox: A Wittgensteinian Approach. *Mind*. CIII(409). pp. 5–24. DOI: 10.1093/mind/103.409.5
11. Williams, J.N. (1998) Wittgensteinian Accounts of Moorean Absurdity. *Philosophical Studies*. 92(3). pp. 283–306. DOI: 10.1023/A:1004260008644
12. Green, M.S. (1999) Moore's Many Paradoxes. *Philosophical Papers*. 28(2). pp. 97–109. DOI: 10.1080/05568649909506594
13. Moran, R. (2001) *Authority and Estrangement: An Essay on Self-Knowledge*. Princeton: Princeton University Press.
14. Pagin, P. (2008) Informativeness and Moore's Paradox. *Analysis*. 68(1). pp. 46–57. DOI: 10.1093/analys/68.1.46
15. Schmid, U. (2014) *Moore's Paradox: A Critique of Representationalism*. Berlin: De Gruyter.
16. Goldstein, L. (1988) Wittgenstein's Late Views on Belief, Paradox and Contradiction. *Philosophical Investigations*. 11(1). pp. 49–73. DOI: 10.1111/j.1467-9205.1988.tb00526.x
17. Kriegel, U. (2004) Moore's Paradox and the Structure of Conscious Belief. *Erkenntnis*. 61(1). pp. 99–121. DOI: 10.1023/B:ERKE.0000037548.06150.b6

18. Chan, T. (2010) Moore's Paradox Is Not Just Another Pragmatic Paradox. *Synthese*. 173(3). pp. 211–229. DOI: 10.1007/s11229-008-9403-x
19. Borgoni, C. (2015) Dissonance and Moorean Propositions. *Dialectica*. 69(1). pp. 107–127. DOI: 10.1111/1746-8361.12095
20. Kwon, H. (2021) Moore's Paradox: An Evansian Account. *Erkenntnis*. 86(3). pp. 585–601. DOI: 10.1007/s10670-019-00121-6
21. Hintikka, J. (1962) *Knowledge and Belief: An Introduction to the Logic of the Two Notions*. Ithaca: Cornell University Press.
22. Goldstein, L. (1993) Inescapable Surprises and Acquirable Intentions. *Analysis*. 53(2). pp. 93–99. DOI: 10.1093/analys/53.2.93
23. Paez, A. (2020) Moore's Paradox and the Logic of Belief. *Manuscrito*. 43(2). pp. 1–15. DOI: 10.1590/0100-6045.2020.V43N2.AP
24. Shoemaker, S. (1995) Moore's Paradox and Self-Knowledge. *Philosophical Studies*. 77(2/3). pp. 211–228. DOI: 10.1007/BF00989570
25. Jacqueline, D. (2000) Identity, Intensionality, and Moore's Paradox. *Synthese*. 123(2). pp. 279–292. DOI: 10.1023/A:1005234102606
26. Hajek, A. (2007) My Philosophical Position Says 'p' and I Don't Believe 'p'. In: Green, M.S. & Williams, J.N. (eds) *Moore's Paradox: New Essays on Belief, Rationality, and the First Person*. Oxford: Clarendon Press. pp. 217–231.
27. Turri, J. (2010) Refutation by Elimination. *Analysis*. 70(1). pp. 35–39. DOI: 10.1093/analys/anp138
28. Pruss, A.R. (2012) Sincerely Asserting What You Do Not Believe. *Australasian Journal of Philosophy*. 90(3). pp. 541–546. DOI: 10.1080/00048402.2011.611150
29. Fileva, I. & Brakel, L.A.W. (2019) Just Another Article on Moore's Paradox, but We Don't Believe That. *Synthese*. 196(12). pp. 5153–5167. DOI: 10.1007/s11229-018-1703-1
30. Lakoff, G. (1975) Pragmatics and Natural Logic. In: Keenan, E.L. (ed.) *Formal Semantics of Natural Language*. Cambridge: Cambridge University Press. pp. 253–286.
31. Wolgast, E.H. (1977) *Paradoxes of Knowledge*. Ithaca: Cornell University Press.
32. Linville, K. & Ring, M. (1991) Moore's Paradox Revisited. *Synthese*. 87(2). pp. 295–309. DOI: 10.1007/BF00485405
33. Malcolm, N. (1995) Disentangling Moore's Paradox. In: Egidi, R. (ed.) *Wittgenstein: Mind and Language*. Dordrecht: Kluwer Academic Publishers. pp. 195–205.
34. Collins, A.W. (1996) Moore's Paradox and Epistemic Risk. *Philosophical Quarterly*. 46(184). pp. 308–319. DOI: 10.2307/2956443
35. Lycan, W.G. (1970) Hintikka and Moore's Paradox. *Philosophical Studies*. 21(1/2). pp. 9–14. DOI: 10.1007/BF00375975
36. Atlas, J.D. (2007) What Reflexive Pronouns Tell Us about Belief: A New Moore's Paradox De Se, Rationality, and Privileged Access. In: Green, M.S. & Williams, J.N. (eds) *Moore's Paradox: New Essays on Belief, Rationality, and the First Person*. Oxford: Clarendon Press. pp. 117–145.
37. Wittgenstein, L. (2001) *Zametki o filosofii psikhologii* [Notes on the philosophy of psychology]. Vol. 1. Translated from German. Moscow: Dom intellektual'noy knigi.
38. Wittgenstein, L. (2001) *Filosofskie raboty* [Philosophical works]. Vol. 1. Translated from German. Moscow: Gnozis. pp. 75–319.
39. McGinn, M. (2011) Wittgenstein and Moore's Paradox. In: Yeinrich, R., Nemeth, E., Pichler, W. & Wagner, D. (eds) *Image and Imaging in Philosophy, Science and the Arts*. Vol. 1. Frankfurt: Ontos Verlag. pp. 59–72.
40. Wittgenstein, L. (2008) *Logiko-filosofskiy traktat* [Logical-Philosophical Treatise]. Translated from German. Moscow: Kanon+.
41. Evans, G. (1982) *The Varieties of Reference*. Oxford: Clarendon Press.
42. Lewis, D. (1979) Attitudes De Dicto and De Se. *The Philosophical Review*. 88(4). pp. 513–543. DOI: 10.2307/2184843
43. Perry, J. (1993a) *The Problem of the Essential Indexical and Other Essays*. Oxford: Oxford University Press. pp. 33–52.
44. Bermudez, J.L. (2005) Evans and the Sense of 'I'. In: Bermudez, J.L. (ed.) *Thought, Reference, and Experience: Themes from the Philosophy of Gareth Evans*. Oxford: Clarendon Press. pp. 164–194.
45. Shoemaker, S. (2003) Moran on Self-Knowledge. *European Journal of Philosophy*. 11(3). pp. 391–401. DOI: 10.1111/1468-0378.00192

-
46. Castaneda, H.-N. (2001) 'He': A Study in the Logic of Self-Consciousness. In: Brook, A. & DeVidi, R.C. (eds) *Self-Reference and Self-Awareness*. Amsterdam, Philadelphia: John Benjamins Publishing Company. pp. 51–79.
47. Perry, J. (1993b) *The Problem of the Essential Indexical and Other Essays*. Oxford: Oxford University Press. pp. 91–119.
48. Shoemaker, S. (1970) Persons and Their Pasts. *American Philosophical Quarterly*. 7(4). pp. 269–285.
49. Jongeling, T.B. & Koetsier, T. (1993) A Reappraisal of the Hangman Paradox. *Philosophia*. 2(3/4). pp. 299–311. DOI: 10.1007/bf02379649
50. Jongeling, T.B. & Koetsier, T. (2002) Blindspots, Self-Reference and the Prediction Paradox. *Philosophia*. 29(1/4). pp. 377–391. DOI: 10.1007/BF02379918
51. Borisov, E.V. (2019) Knowledge of Ignorance in Epistemic Puzzles. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya – Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science*. 52. pp. 15–22. (In Russian). DOI: 10.17223/1998863Kh/52/2

УДК 165.4

DOI: 10.17223/1998863X/63/4

П.С. Спрукуль

БАЙСКОПИЧЕСКИЙ ПОДХОД Д. ПРИТЧАРДА В КОНТЕКСТЕ ГИПОТЕЗЫ КОМПЬЮТЕРНОЙ СИМУЛЯЦИИ

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда
№ 18-18-00057, <https://rscf.ru/project/18-18-00057>.

В статье рассматривается современный байскопический подход Д. Притчарда к проблеме скептицизма, основанный на эпистемологическом дисджонктивизме и петлевой эпистемологии Л. Витгенштейна. Предпринимается попытка применить данный подход к устранению скептической проблемы в контексте матричной/метафизической гипотезы компьютерной симуляции Д. Чалмерса. Показано, что аргументация Д. Чалмерса является недостаточной, а байскопический подход верен только при принятии определенных допущений.

Ключевые слова: скептицизм, виртуальная реальность, эпистемология, петлевые предложения, эпистемологический дисджонктивизм, байскопический подход

Информационное общество характерно своей способностью создавать различные виртуальные пространства, порождаемые новыми технологиями. Субъект проживает свою жизнь не только в актуальном мире, но также и в разных виртуальных мирах: социальные сети, ролевые игры, интерактивное кино и т.п., становится все труднее отличить реальность от симуляции. Неудивительно, что все более актуальным становится эпистемологический вопрос о способах убедиться в реальности окружающего мира. Некоторые ученые даже строят теории о том, что наш актуальный мир является симуляцией (Н. Бостром и В. Мюллер [1], З. Рингель и Д. Коврижин [2]). Таким образом, кажущийся чисто спекулятивным вопрос становится актуальным не только для философов, но и для других ученых.

В философии вопрос о реальности окружающего мира и возможности его познания является одним из классических и формулируется в качестве скептической проблемы. Скептическая проблема рассматривается в контексте реалий и феноменов современного общества. В последние годы она активно обсуждается в дискурсе о виртуальной реальности, компьютерной симуляции, информационном скептицизме и т.п.

Наше внимание привлекла гипотеза симуляции Дэвида Чалмерса [3. Р. 8], которую он называет матричной (по аналогии с концептом фильма «Матрица» [4] дуэта Вачовски) или метафизической. Метафизическую версию данной гипотезы кратко можно сформулировать в следующих утверждениях:

- Физическое пространство-время и его содержимое были созданы существами вне этого физического пространства-времени.
- Микрофизические процессы основаны на вычислительных процессах, разработанных создателями как компьютерная симуляция мира.
- Разум/сознание субъектов мира находится за пределами физического пространства-времени, но взаимодействует с ним.

Матричная версия данной гипотезы Чалмерса формулируется так: у субъекта есть (и всегда была) когнитивная система, которая получает входные данные и отправляет выходные данные в искусственно созданную компьютерную симуляцию мира. Чалмерс утверждает, что данные трактовки одной гипотезы эквивалентны.

В контексте обсуждения данной гипотезы Чалмерс касается проблемы скептицизма в том понимании, что если скептическая гипотеза является верной, то убеждения субъекта относительно внешнего мира являются ложными. Но Чалмерс утверждает, что матричная гипотеза является не скептической, а метафизической – гипотезой о фундаментальной природе реальности. То есть мы обсуждаем не реальность окружающего мира, а его устройство, какими сущностями он конституируется. Тогда убеждения субъекта о мире не становятся ложными, они лишь могут быть пересмотрены с точки зрения метафизики (фундаментальной природы реальности). И в этом смысле, по мнению Чалмерса, его гипотеза не является скептической, так как даже если она верна, субъект все еще имеет верные убеждения о мире.

Кроме того, он придерживается позиции виртуального реализма [5. Р. 1], согласно которой виртуальные миры (они же симулированные) столь же реальны, как и актуальный физический мир. Если мы предположим, что виртуальный реализм верен, и мы принимаем его, то некоторые утверждения относительно метафизики симулированного мира могут заставить субъекта в симуляции изменить его убеждения и представление о реальности, но в целом большинство его убеждений останутся неизменными: он все еще будет жить в своем мире, взаимодействовать с его объектами при помощи своего тела и познавать все, что происходит вокруг. Таким образом, проблема скептицизма здесь как бы нивелируется за счет перехода на метафизический уровень. Меняется онтология, но эпистемология в целом остается неизменной.

Такое рассуждение выглядит логичным и может быть принято с точки зрения обыденного знания, однако позиция Чалмерса кажется довольно слабой, не имея под собой достаточных оснований. На наш взгляд, Чалмерс не решает проблему скептицизма, она не растворяется. Его позиция напоминает позицию Джорджа Эдварда Мура [6. С. 6] в контексте доказательства внешнего мира: они оба основываются на обыденном знании и здравом смысле. Вопрос в том, насколько тривиальными являются их позиции и готовы ли мы принять их за истину. Позиция Чалмерса прекрасно работает в том случае, когда мы рассматриваем симуляцию изнутри, как замкнутую систему. Для субъекта внутри замкнутой системы суждения об объектах этой системы будут истинными. В рамках разговора о виртуальном реализме встает сложный вопрос о понятии симуляции или виртуальности, ведь виртуальный объект, по определению, это симуляция реального. Если мы считаем виртуальный объект действительно существующим, тогда теряется сам смысл понятия виртуального. Если виртуальный объект рассматривается как эквивалентный реальному, сам концепт виртуальности разрушается. Виртуальность не может согласовываться с реализмом, а реализм не может отсылать к виртуальному. Поэтому позиция Чалмерса требует более подробного рассмотрения, а гипотеза симуляции – изучения с точки зрения внешнего наблюдателя в рамках корреспондентной теории истины.

В данной статье нам бы хотелось рассмотреть другой подход, который тоже пытается растворить проблему скептицизма в контексте дискурса о виртуальной реальности и симуляции, но является более обоснованным, чем подход Чалмерса.

Так называемый байскопический подход, предложенный Дунканом Притчардом [7] и довольно подробно описанный И.Е. Прись [8], так же предпринимает попытку устранения скептической проблемы как псевдопроблемы. В его основе лежит эпистемологический дисджонктивизм и петлевая эпистемология позднего Витгенштейна [9]. Для начала более подробно разберем составляющие данного подхода в изложении И.Е. Прись [8]:

1. Эпистемологический дисджонктивизм – это тезис, утверждающий, что в парадигматическом случае перцепции субъект знает, что *p*, в силу наличия у него рациональных оснований, которые одновременно являются фактивными и доступными рефлексии. Фактивное рациональное основание с логической необходимостью влечет наличие определенного факта *p*. Притчард в своем рассуждении ограничивается только зрительной перцепцией.

2. Петлевая эпистемология Витгенштейна предполагает существование петлевых (или осевых) предложений: «Петлевое предложение (нем. *Angeln*, англ. *Hinge proposition*) Витгенштейна имеет три взаимосвязанных аспекта: логический, эпистемический и онтологический / натуралистический. Природа петлевого предложения может быть понята лишь в том случае, если принять во внимание взаимосвязь между ними. Вкратце: петлевое предложение есть витгенштейновское правило. Будучи правилом, оно имеет логическую достоверность. Нет смысла говорить о его ложности или истинности. В контексте петлевого предложения-правила может превратиться в петлевое предложение-парадигму. Сомневаться в истинности парадигмы иррационально. Наконец, в контексте петлевого предложения может превратиться в более или менее достоверное обоснованное эмпирическое знание, или знание как языковую игру. Сомневаться в знании иррационально» [10. С. 28]. Петлевые предложения – наиболее достоверные убеждения, которые не могут иметь под собой основание (основание не может быть менее достоверным), они предполагаются логикой рациональности субъекта и просто принимаются. Петлевые предложения укоренены в реальности, это интуитивно понятные концепты повседневных практик. К таким предложениям можно отнести утверждение, что реальность существует. Само рациональное основание предполагает принятие таких иррациональных петлевых предложений, а природа петлевых предложений предполагает существование реальности: задание петлевых предложений равно заданию некоторой формы реальности, правилами которой они являются. С точки зрения Притчарда, после экспликации петлевые предложения становятся своеобразными пропозициональными установками, которые нельзя приравнять к рациональным утверждениям, мнениям, так как они по своей сути уже являются достоверными.

Сам же байскопический подход Притчарда является комбинацией данных тезисов. Что касается скептической проблемы, то Притчард формулирует ее в виде дуального скептического парадокса, включающего: 1) принцип замкнутости рационального знания и 2) принцип недоопределенности рационального обоснования:

1) Если субъект имеет рациональное знание, что a , и он компетентным образом выводит из a , что b , приходя к мнению, что b , удерживая знание, что a , то он приобретает рациональное знание, что b .

Пример: Если субъект имеет рациональное знание, что он сейчас видит свои руки, то он может прийти к рациональному знанию, что его руки, он сам и окружающий мир реально существуют, т.е. субъект приобретает рациональное знание, что он не находится в симуляции.

2) Если субъект знает, что a и b описывают несовместимые друг с другом сценарии, и у него нет рациональных оснований, благодаря которым он мог бы отдать предпочтение сценарию a , то у него нет рационального знания, что a .

Пример: если субъект знает, что окружающий мир не может быть одновременно физически реальным и симулированным, и у него нет рациональных оснований предпочесть одно другому, то у субъекта нет рационального знания, что окружающий мир не является симуляцией.

Скептический парадокс возникает из-за неправильного применения данных принципов и устраняется в результате выявления неверного теоретического философского тезиса, принимаемого по умолчанию. Далее мы последовательно рассмотрим каждую из частей, основанных на данных принципах, и их способность устранить скептицизм.

Парадокс, основанный на принципе замкнутости рационального знания:

1. Субъект не может рационально знать, что он не в симуляции (принимая тот факт, что субъект в симуляции имеет такие же перцептивные способности и ментальные состояния).

2. Принцип замкнутости рационального знания.

3. Субъект рационально знает многое об окружающих его вещах (например, что у него есть руки).

То есть если субъект рационально знает, что у него есть руки, он сидит в кресле и т.п., то в соответствии с принципом замкнутости рационального знания он может прийти к рациональному знанию, что он не находится в симуляции. Здесь и возникает противоречие с пунктом 1 данного парадокса – субъект не может обладать рациональным знанием о том, что он не в симуляции. Позиция скептика здесь следующая, он принимает пункт 1 и отвергает пункт 3, т.е. субъект не может рационально знать, что он не в симуляции, и в целом не может рационально знать ничего об окружающих его вещах.

Петлевая эпистемология Витгенштейна устраняет данный парадокс при помощи петлевых предложений, о которых мы говорили выше. Если мы вводим петлевые предложения, которые принимаются как достоверные, то у субъекта, таким образом, теперь всегда есть некоторое рациональное знание, на которое он опирается. И любое суждение, мнение, представление, которое может быть знанием, является рационально обоснованным, так как в конечном итоге опирается на петлевые предложения. Значит, мы можем утверждать, что субъект рационально знает многое об окружающих его вещах, а значит, он также может знать, что не находится в симуляции. Таким образом, сама формулировка парадокса является бессмысленной, так как противоречит положению вещей в рамках петлевой эпистемологии.

Согласно изложению И.Е. Прись [8. С. 34], для Витгенштейна отрицание скептической гипотезы само по себе является петлевым предложением, а не рациональным знанием, поэтому и принцип замкнутости знания к нему

неприменим. Субъект не может ошибаться абсолютно во всем, а скептическая позиция ставит под сомнение базовую достоверность (петлевое предложение). Таким образом, отрицание скептической гипотезы не зависит от локальных случаев мнения или суждения, так как уже является петлевым предложением, базовой установкой. Знание субъекта об обыденных фактах (например, что он видит свои руки) изначально предполагает отрицание скептической позиции, так как предполагает петлевое предложение, что все его убеждения не могут быть радикально ошибочными. Это значит, что первый пункт парадокса представляет собой отрицание петлевого предложения, что само по себе бессмысленно. Поэтому Притчард и утверждает, что здесь трактовка скептической проблемы основана на ложных предпосылках.

Если мы возьмем пример локального скептицизма для демонстрации парадокса, то придем к выводу, что субъект все равно опирается на некоторые петлевые предложения. Например, субъект приходит на ипподром и не может по внешнему виду отличить пони от замаскированного под пони осла. Однако у субъекта есть некоторые рациональные основания принимать видимое существо за пони: нет никакого смысла маскировать осла под пони, такую подделку легко можно было бы увидеть. Благодаря этим основаниям субъект знает, что перед ним пони, а не замаскированный осел. Это ситуация локального скептицизма, где под сомнение ставится только ограниченное число убеждений субъекта, но не петлевые предложения о том, что реальность существует, субъект существует или животное, похожее на пони, существует. Расширение области убеждений до глобального скептицизма, когда отрицается существование самой реальности (она есть лишь симуляция, компьютерная программа), нелегитимно, так как петлевые предложения не поддаются скепсису.

Второй – парадокс, основанный на принципе недоопределенности рационального основания:

1. По определению скептического сценария у субъекта нет рациональных оснований предпочесть ему нескептический сценарий, согласно которому мир субъекта не является симуляцией.

2. Принцип рациональной недоопределенности.

3. Субъект знает, что перед ним стол.

Логически из пунктов 1 и 2 следует отрицание пункта 3. То есть у субъекта нет рациональных оснований, чтобы доказать, что этот стол реален или симулирован, поэтому он не может знать о том, что перед ним стол.

В разрешении парадокса помогает эпистемологический дисджонктивизм, согласно которому в парадигматическом случае перцепции (видеть стол) субъект обладает фактивными рациональными основаниями, доступными рефлексии. Фактивные основания с логической необходимостью влекут за собой наличие факта. И далее, так как в рамках скептического сценария рациональные основания для знания не являются фактивными, однако их можно рассматривать в качестве более предпочтительных, следовательно, принцип недоопределенности неприменим. Получаем, что с точки зрения дисджонктивизма субъект отдает предпочтение антискептическому сценарию, в рамках которого рациональные основания являются фактивными. У субъекта нет никаких рациональных оснований для принятия скептического сценария. По Притчарду, в основе данного парадокса – тезис об изолированности рациональных оснований: лю-

бые рациональные основания, которые субъект имеет в пользу своих убеждений, могут быть ложными (радикальный скептицизм). В соответствии с этим в любом из сценариев рациональные основания субъекта должны быть одинаковы с точки зрения достоверности, однако, как мы выяснили выше, в антискептическом сценарии субъект может опираться на фактивные рациональные основания, поэтому тезис об изолированности является неверным.

Основной вывод таков: в рамках байскопического подхода Притчарда принцип замкнутости рационального знания оказывается неприменимым к скептическому сценарию. Сам скептический сценарий оказывается бессмысленным. Кроме того, в рамках скептического сценария у субъекта не может быть никаких рациональных оснований, так как они предполагают наличие петлевых предложений, которые отсутствуют в скептическом сценарии в принципе. Получается, что в рамках антискептического сценария у субъекта есть рациональные основания знания, а в рамках скептического нет. Таким образом, в рамках байскопического подхода обе части дуальной скептической проблемы устраняются.

Вернемся к гипотезе симуляции Чалмерса. Как сторонник виртуального реализма он утверждает, что симулированная реальность реальна [5. Р. 1], стол в симулированной реальности реален в том смысле, что это виртуальный стол. Обычный стол реален в том смысле, что это физический стол. Он утверждает, что даже если субъект не может однозначно знать живет ли он в симуляции или нет, отсюда не следует глобальный скептицизм относительно истинности убеждений субъекта. Применяя к гипотезе Чалмерса байскопический подход, можно предположить, что у субъекта в симуляции так же есть сознание, он способен к перцепции, его рациональными основаниями являются петлевые предложения. Однако здесь возникает трудность. Петлевая эпистемология может работать в симулированной реальности Чалмерса только в рамках когерентной концепции истинности, иначе рациональные основания субъекта не смогут иметь под собой фактивное основание или будут ложными. То есть подход работает, когда мы рассматриваем базовые петлевые предложения как лежащие в основе симуляции, и все знания, мнения, убеждения субъекта внутри симуляции будут ограничены только его симулированным миром. Однако, с точки зрения корреспондентной концепции истинности, восприятию субъекта внутри симуляции недоступны реальные объекты, а убеждения не могут быть сверены с реальным состоянием дел. В скептическом сценарии типичный Нео¹ (субъект в симуляции) думает, что он видит свои руки, но его мнение ложно. Субъект в реальном мире действительно видит свои руки, у него есть фактивное рациональное основание, что его мнение истинно. У Нео нет такого рационального основания, несмотря на то, что их субъективные опыты могут казаться одинаковыми. Структура рациональности, очевидность у Нео и у субъекта в реальности оказывается разной.

Таким образом, утверждение Чалмерса о том, что его матричная / метафизическая гипотеза не является скептической, все еще остается слабым. Но хотелось бы заметить, что аргументация Чалмерса относительно его гипотезы на данный момент не является окончательной, вероятнее всего, он сможет уточнить ее в своей следующей работе [11], касающейся симуляции.

¹ Персонаж фильма «Матрица» [4].

Однако, на наш взгляд, концепт гипотезы симуляции уже является отличным инструментом, чтобы заново поставить вопрос о существовании внешнего по отношению к познающему субъекту мира и попробовать ответить на него. В контексте дискурса о виртуальных или симулированных мирах мы можем по-новому посмотреть на классические проблемы и попробовать найти на них удовлетворительные ответы. Что касается проблемы скептицизма – эпистемологический дисджонктивизм и петлевая эпистемология Витгенштейна двигаются в направлении ее решения путем растворения или доказательства, что она является псевдопроблемой: «Понимание природы петлевых предложений позволяет установить, что проблема глобального скептицизма является псевдопроблемой, основанной на ложных предпосылках» [10. С. 28]. Если мы сможем применить один из них к симулированной реальности, возможно, сильных доводов в пользу того, что наш актуальный мир также является симуляцией, будет больше, и теория Ника Бострома [12] получит обоснование.

Литература

1. Müller V.C., Bostrom N. Future progress in artificial intelligence: A survey of expert opinion // Fundamental issues of artificial intelligence. Springer, Cham, 2016. P. 555–572. URL: <https://philpapers.org/archive/MLLFPI.pdf> (accessed: 17.07.2021).
2. Ringel Z., Kovrizhin D.L. Quantized gravitational responses, the sign problem, and quantum complexity // Science advances. 2017. Vol. 3, № 9. P. e1701758. URL: <https://advances.sciencemag.org/content/3/9/e1701758> (accessed: 07.07.2021).
3. Chalmers D.J. The Matrix as metaphysics. 2005. URL: <http://consc.net/papers/matrix.pdf> (accessed: 07.07.2021).
4. Вачовски Л., Вачовски Л. Матрица. 1999. URL: <https://www.kinopoisk.ru/film/301/> (accessed: 28.07.2021).
5. Chalmers D. The Virtual and the Real. URL: <http://consc.net/papers/virtual.pdf> (accessed: 07.07.2021).
6. Прологомены ко всякому будущему доказательству бытия внешнего мира // Финиковый Компот. 2016. № 10. С. 3–8.
7. Pritchard D. Epistemic Angst: Radical Skepticism and the Groundlessness of Our Believing / D. Pritchard. Princeton, 2015.
8. Прись И.Е. О «байскопическом» подходе к скептическому парадоксу. URL: <https://elib.bsu.by/bitstream/123456789/125157/1/32-37.pdf> (дата обращения: 07.07.2021).
9. Витгенштейн Л. О достоверности // Вопросы философии. 1991. Т. 2. С. 67–120.
10. Прись И.Е. Существует ли внешний мир? (О некоторых новых подходах к проблеме скептицизма). URL: <http://philosophy.by/wp-content/store/event-2020-03-11.pdf> (дата обращения: 07.07.2021).
11. Дэвид Чалмерс о виртуальных мирах. Научный семинар Центра исследования сознания. URL: https://youtu.be/fQZbm_-iJYM (дата обращения: 28.07.2021).
12. Bostrom N. Are You Living In a Computer Simulation? // Philosophical Quarterly. 2003. Vol. 53, № 211. P. 243–255. URL: <https://www.simulation-argument.com/simulation.pdf> (accessed: 07.07.2021).

Polina S. Sprukul', Tomsk Scientific Center of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences (Tomsk, Russian Federation); Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation).

E-mail: polina.sprukul@gmail.com

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya – Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science. 2021. 63. pp. 35–42.

DOI: 10.17223/1998863X/63/4

DUNCAN PRITCHARD'S BISCOPIC APPROACH IN THE CONTEXT OF THE COMPUTER SIMULATION HYPOTHESIS

Keywords: skepticism; virtual reality; epistemology; hinge proposition; epistemological disjunctivism; bispocic theory

The study is supported by the Russian Science Foundation, Project No. 18-18-00057.

The author considers Duncan Pritchard's modern biscopical approach to the skeptical problem of the existence of the external world based on epistemological disjunctivism and the hinge epistemology of the late philosophy of Ludwig Wittgenstein. Epistemological disjunctivism asserts that, for paradigmatic cases of perceptual knowledge, the subject has knowledge due to the presence of factual rational grounds. The hinge epistemology of the late Wittgenstein philosophy asserts the presence of the most reliable beliefs (hinge propositions) which cannot have a basis but are assumed by the logic of the rationality of the subject and are simply accepted. Pritchard's reasoning comes to the conclusion that the skeptical scenario is inherently illegitimate because all knowledge is ultimately based on certain concepts (hinge propositions) which are rooted in reality. The matrix hypothesis of computer simulation by David Chalmers is explicated: the subject always has a cognitive system that receives input data and sends output data to an artificially created computer simulation of the world. This hypothesis is presented within the framework of the position of virtual realism, which tries to dissolve the skeptical problem by claiming that virtual/simulated reality is as real as the actual world. An attempt is made to apply Pritchard's biscopical approach to Chalmers' hypothesis in order to find more solid grounds for dissolving the skeptical problem. The author comes to the conclusion that Pritchard's approach can be considered as effective only within the framework of a coherence theory of truth, otherwise the rational grounds of the subject cannot be considered factual. Pritchard's biscopical approach works when we consider basic hinge propositions as underlying the simulation, and all the knowledge, opinions, beliefs of the subject inside the simulation will be limited only to the subject's simulated world. From the point of view of the correspondence theory of truth, real objects are inaccessible to the subject's perception within the simulation, and beliefs cannot be verified with the real state of affairs. Thus, Chalmers' claim that his matrix/metaphysical hypothesis is not skeptical is still weak.

References

1. Müller, V.C. & Bostrom, N. (2016) Future progress in artificial intelligence: A survey of expert opinion. In: Müller, V.C. (ed.) *Fundamental issues of artificial intelligence*. Springer, Cham. pp. 555–572. [Online] Available from: <https://philpapers.org/archive/MLLFPI.pdf> (Accessed: 17th July 2021).
2. Ringel, Z. & Kovrizhin, D.L. (2017) Quantized gravitational responses, the sign problem, and quantum complexity. *Science advances*. 3(9). pp. e1701758. [Online] Available from: <https://advances.sciencemag.org/content/3/9/e1701758> (Accessed: 7th July 2021).
3. Chalmers, D.J. (2005) *The Matrix as Metaphysics*. [Online] Available from: <http://consc.net/papers/matrix.pdf> (Accessed: 7th July 2021).
4. Vachovski, L. & Vachovski, L. (1999) *Matritsa* [Matrix]. [Online] Available from: <https://www.kinopoisk.ru/film/301/> (Accessed: 28th July 2021).
5. Chalmers, D. (n.d.) *The Virtual and the Real*. [Online] Available from: <http://consc.net/papers/virtual.pdf> (Accessed: 7th July 2021).
6. Chugaynova, Yu.I. et al. (2016) Prolegomeny ko vsyakomu budushchemu dokazatel'stvu bytiya vneshnego mira [Prolegomena to any future proof of the existence of the external world]. *Finikovyy Kompot*. 10. pp. 3–8.
7. Pritchard, D. (2015) *Epistemic Angst: Radical Skepticism and the Groundlessness of Our Believing*. Princeton: Princeton University Press.
8. Pris, I.E. (n.d.) *On "Biscopical" Approach to the Sceptical Paradox*. [Online] Available from: <https://elib.bsu.by/bitstream/123456789/125157/1/32-37.pdf> (Accessed: 7th July 2021).
9. Wittgenstein, L. (1991) O dostovernosti [About reliability]. *Voprosy filosofii*. 2. pp. 67–120.
10. Pris, I.E. (2020) *Sushchestvuet li vneshniy mir? (O nekotorykh novykh podkhodakh k probleme skeptitsizma)* [Does the outside world exist? (On some new approaches to the problem of skepticism)]. [Online] Available from: <http://philosophy.by/wp-content/store/event-2020-03-11.pdf> (Accessed: 7th July 2021).
11. The Center for the Study of Consciousness. (n.d.) *David Chalmers o virtual'nykh mirakh. Nauchnyy seminar Tsentra issledovaniya soznaniya* [David Chalmers on virtual worlds. Scientific seminar of the Center for the Study of Consciousness]. [Online] Available from: https://youtu.be/fQZbm_-iJYM (Accessed: 28th July 2021).
12. Bostrom, N. (2003) Are You Living in a Computer Simulation? *Philosophical Quarterly*. 53(211). pp. 243–255. [Online] Available from: <https://www.simulation-argument.com/simulation.pdf> (Accessed: 7th July 2021).

УДК 141.3

DOI: 10.17223/1998863X/63/5

С.В. Тихонова, Д.С. Артамонов

СТРАННОЕ ВРЕМЯ В ОБЪЕКТНО-ОРИЕНТИРОВАННОЙ ОНТОЛОГИИ: ХАРМАН И ЛАТУР

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ: проект «Мифологизация времени в современной медийной среде: риски трансформации, стратегии конструирования, дискурсивные практики» № 20-011-00297.

Статья посвящена репрезентации категории «время» в объектно-ориентированной онтологии Г. Хармана и Б. Латура. Время исследуется в контексте понятия «weird», введенного Г. Харманом. Позиционирование времени как негетогенного и неединичного, странного, восходит к акторно-сетевой теории Б. Латура, который постулировал множественность темпоральных режимов. Опыт странного времени позволяет очертить новые горизонты темпоральной мифологизации.

Ключевые слова: мифологизация времени, странное время, объектно-ориентированная онтология, Г. Харман, Б. Латур

Категория времени относится к одной из самых устойчивых онтологических концептуальных конструкций философии. В качестве атрибута материи время устанавливает непреодолимую необратимость человеческого бытия, задает его неизбежную конечность, экзистенциально переживаемую как негативный предел человеческой судьбы. Течение времени, его однонаправленность и одномерность до сих пор относятся к нерешенным проблемам физики времени. Однако современная картина мира, прошедшая искушение тотальными философскими кризисами и постмодернистскими играми, подвергает сомнению незыблемость темпоральных представлений. Цифровая цивилизация, оторванная от ритмов природы, замахивающаяся на проекты человеческой автоэволюции, растворяющая древовидную логику рассуждений и институтов в нелинейных сетях, метафорах и рекурсиях, не обходит стороной время. Она делает его *странным*. В рамках данной статьи мы рассмотрим «странность» времени в концепциях Хармана и Латура как основу новых стратегий мифологизации времени.

В русском языке прилагательным «странный» описывают явления и события, способные вызывать удивление. В этом значении странным оказывается то, что выходит за привычные рамки последовательностей, что привлекает внимание и оказывается трудно объяснимым. Интересующее нас английское прилагательное «weird» относится к семантическому полю модальности странности и обозначает странное в значении таинственного, потустороннего, фатального. Концепциям спекулятивного реализма оно де факто предзадано: за три дня до известного воркшопа Альберто Тоскано в Голдсмитском университете Лондона, положившего начало истории течения, там же состоялся уникальный однодневный симпозиум Центра культурных исследований «Странный реализм: Лавкрафт и теория» с участием Грэма Хармана. Это мероприятие имело нестандартный по академическим меркам

формат и концентрировалось вокруг обсуждения пяти рассказов Лавкрафта, странные (strange) вымышленные системы были заявлены в качестве первой темы обсуждения.

В контексте нашего анализа особое значение имеет следующее примечание переводчика П.А. Хановой к тексту Г. Хармана «Ужас феноменологии: Лавкрафт и Гуссерль»: «Английское слово, на наш взгляд, должно быть включено в список непереводаемых философских терминов наряду с *Dasein*, *differánce* и другими, так как ни один из предлагаемых русских переводов – «странный», «жуткий», «сверхъестественный» и др. – не несет необходимых коннотаций. Слово *weird* маркирует один из ключевых ходов объектно-ориентированной онтологии, отчасти сближающийся с фрейдовским *unheimlich*» [1. С. 179]. Для разяснения концептуальной роли понятия *weird* П.А. Ханова предлагает заметку Марка Фишера, посвященную симпозиуму «Странный реализм: Лавкрафт и теория». Фишер подчеркивает, что наиболее актуальной задачей анализа влияния Лавкрафта на теоретическую мысль является формулирование жизнеспособного определения странности (The Weird) [2]. Странное у Лавкрафта заключается в противостоянии фантастическому, в котором оно разыгрывает тему конфликта нашего мира и других Миров. Конфликт в этом случае оказывается формой коммуникации, проникновения и прорыва, а значит, взаимодействия. Решение поставленной задачи требует учета лавкрафтовского понимания структуры собственных рассказов о сверхъестественном, которое сам Лавкрафт формулирует следующим образом: «...одно из моих наиболее сильных и стойких стремлений – ежеминутно достигать иллюзии некоторой необычной приостановки действия или нарушения раздражающих ограничений времени, пространства и законов природы, которые все время лишают нас свободы и пресекают наш интерес к бесконечным космическим пространствам вне поля нашего зрения и вне нашей способности к анализу» [3]. Таким образом, невозможное у Лавкрафта прорывается в обыденный, освоенный, нормальный пространственно-временной континуум так, что время трансформируется, а пространство остается прежним. Странный реализм Лавкрафта меняет человекообразные масштабы мира повседневности, заставляя его мерцать и съезживаться на контрастном фоне взаимодействия с монструозными космическими формами именно за счет временных перверсий.

Жуткое (*unheimlich*) у Фрейда близко к лавкрафтовскому странному реализму в том смысле, что оно не инородно реальности, «жуткое – это скрытое, привычное, претерпевшее вытеснение и вновь из него возвернувшееся», материалом для которого стали повторения, нарушения заведенного порядка, проявление живого в неживом и наоборот. Хотя последнее обычно трактуется как переход к хайдеггеровскому зловещему ужасу, сопровождающему угрозу вторжения Ничто в Бытие (например, [4]), в нем также можно обнаружить темпоральные аспекты, связанные с нарушением жизненного цикла, т.е. подрыв порядка мены Жизни и Смерти. Оторванность от родного, уютного, близкого, противопоставленность ему, заложенное Фрейдом в понятие *unheimlich*, весьма созвучно лавкрафтовскому *wierd* как странному реализму, в котором реальность достоверна, но она вдруг стала чужой и враждебной.

Так понятая странность является одним из ключевых концептов в феноменологии Г. Хармана, которую он называет странной потому, что она спо-

собна схватывать «weird напряжение в самих феноменах, неизменно пребывающих в напряженном отторжении от своих качеств» [1. С. 200].

Более того, Харман использует инициированное лавкрафтовскими штудиями понятие «странный реализм» для раскрытия миссии философии, которая вопреки здравому смыслу должна удерживать в фокусе одновременно реалистичность и странность реальности. В его онтологии понятие *weird* является ключевым для описания объекта: «...моя главная мысль состоит в том, что объект и странность [weirdness] идут рука об руку» [Там же. С. 188], поскольку объект и все его качества принципиально разнесены по разным полюсам, объект постоянно выходит за рамки приписываемых ему качеств и ускользает от притягивающего его своим вниманием наблюдателя. Отношения между вещью и ее поверхностью конфликтны, они описываются в метафорах неровностей, перебоев, зазоров, не выходящих за рамки человеческой конечности, но изматывающих, выкручивающих и трагически изнемогающих ее. Непрерывное отторжение феноменов от своих качеств и делает странность фундаментальным основанием хармановской онтологии.

Модифицируя хайдеггеровскую четверицу в схему четвероякого объекта, Харман структурирует его во взаимодействие реального объекта, чувственного объекта, реальных качеств и чувственных качеств. Поскольку объекты пребывают во времени, они инкрустируются сменяющимися чертами, которые тем не менее воспринимаются нами как относительно устойчивые. Время образовано напряжением между чувственным объектом и чувственным качеством: «время – это имя этому напряжению между чувственными объектами и их чувственными качествами» [5. С. 100], тогда как пространство – напряжение между сокрытыми реальными объектами и их чувственными качествами. Новое сцепление пространства и времени включено в четвероякое напряжение сил бытия объекта, способное заканчиваться расщеплением или сплавлением, порождающими ломанные связи. Время, таким образом, оказывается лишь модусом странности бытия объекта. Поэтому любое время странно изначально, и это практически все, что можно о нем сказать, опираясь на взгляды Хармана. Странность времени обнаруживается тогда, когда вторжение иномирного лавкрафтовского ужаса обнажает натяжения в структуре четвероякого объекта, делает очевидными пульсацию и рябь его внутренних отношений, которые в штатной повседневности вынесены за скобки экономией мышления и в итоге проигнорированы познающим субъектом. Странные композиционные объекты хармановской феноменологии укоренены в тотально странном времени, и эта странность статична.

Может ли странность быть динамичной, и если да, то что она дает для понимания времени? Динамику может задать позиционирование времени как негомогенного, разного и неединичного. Такую идею множественности режимов времени мы обнаруживаем в акторно-сетевой теории Бруно Латура, которую сам Харман предпочитает считать существенным вкладом в объектно-ориентированную онтологию, поскольку, наряду с теорией ассамбляжа Деланда, она отсылает «к большим объединениям объектов, взаимодействующих, даже будучи делимыми от соединений, в которых они участвуют» [6. С. 3]. Строго говоря, усилия, затраченные Харманом на вписывание взглядов Латура в проект спекулятивного реализма, отличаются креативностью и интеллектуальной изысканностью, доходящими до авантюризма, и

заслуживают отдельного рассмотрения. Тем не менее, благодаря усилиям Хармана, нам придется перекраивать хронологию рассмотрения развития объектно-ориентированной онтологии в ретроактивном ключе: в соответствии с логикой странности благодаря хармановской рефлексии темпоральные идеи Латура получают ретроактивный статус, обретая свой смысл после интерпретирующих их работ Хармана, которым они предшествовали.

Латурнианская онтология фокусируется на нечеловеках, стремясь к достижениям философии массы. Ее задача – используя конструкт актанта, вернуть в социальную теорию *недостающую массу*, нечеловеческую по своей природе. В статусе актанта она уравнивает людей и нечеловеков, инженеров и артефакты, но ее непросто поставить в один ряд с плоскими онтологиями. Как показывает В.Н. Кудба, есть достаточно оснований для *pro et contra* по этому вопросу [7]. Действительно, сети Латура топологичны и многомерны (число измерений зависит от числа узлов), а актантом может быть все что угодно.

Тем не менее, отметим в качестве принципиальной для включения творчества Латура в предметное поле объектно-ориентированных онтологий позицию Хармана, тезисно резюмирующего онтологию Латура: «...мир сделан из акторов всех типов и размеров. Человеческий субъект или *Dasein* – акторы, но акторами являются также свечи, звезды, газеты, экспрессы и боги. Все, что так или иначе существует, является актором. Это не просто изолированные сгустки вещества – они ведут переговоры между собой в сетях. Актор неотделим от своих качеств и не „переживает приключения во времени и пространстве“» [6. С. 22]. В этом прочтении онтология Латура является объектно-ориентированной, но у нее есть одна специфическая черта. А именно, в их латурнианской онтологии никогда не уходит *человеческий свидетель*.

Харман акцентирует это обстоятельство: «Но говорит ли Латур о двух неодушевленных акторах, взаимодействующих без участия человеческого свидетеля? Хотя в его работах можно найти ресурсы для такого анализа, я не припомню, чтобы он где-либо предпринимал его» [Там же. С. 24]. На наш взгляд, Латур весьма активно встраивает человеческий голос в свою концепцию, но делает это на имплицитном уровне, чтобы не заглушать голос нечеловеков. Он работает не только с категориальными рядами, он превращает в инструмент свой собственный стиль, позволяющий ему использовать текст как затейливо подготовленную сцену для появления голосов разных человеческих свидетелей. Подробный анализ метаморфоз альтер-эго Латура («Латур» и «технолог») в процессе эволюции латуровских текстов осуществлен А.Г. Кузнецовым в статье «Латур и его „технолог“: вещи, объекты и технологии в акторно-сетевой теории» [8]. И хотя задача Латура – дать голос нечеловекам, исходя из того, что «различия между людьми и не-человеками, воплощенными и развоплощенными навыками, персонификацией и „механизацией“ являются менее интересными, чем вся цепочка, по которой распределяются компетенции и действия» [9], люди в его онтологии вполне рельефны. Их атрибутами являются слабость, непрочность, недисциплинированность и неосторожность. И главное отличие: вещи в латурнианской онтологии недостаточно самостоятельны, чтобы говорить. Именно поэтому они пока не пишут трактатов по философии времени. Это занятие даже для Латура все еще предполагает в первую очередь *человеческую* работу.

Рассмотрим темпоральный хор Латура подробнее. В фокусе темпоральной аналитики Латура находится труд, затрачиваемый на изготовление пространств и времен. Согласно его позиции, изящно развернутой в медитации о времени «Trains of thought: Piaget, formalism, and the fifth dimension», разные системы актантов производят разные пространства и времена. Утверждая, что «наука не забирает время из мира, она добавляет много пространств и времен к миру, постоянно изменяя масштабы, длины и единицы измерения в таких странных местах, как лаборатория, институт и архив, совершенно отличных от „разума“» [10. Р. 184], Латур отвергает идею об универсальности времени как априорной кантовской форме. Изохронное время и изотопное пространство, заключенные в познающем разуме, для него отнюдь не являются нормальными чертами мира. Время, как и пространство, в его онтологии *изготавливается*. Изготовление времени – роль, выполняемая системой актантов, людей и нечеловеков, в которой отчет о времени все равно остается человеческой привилегией.

Исходя из тезиса о множественности пространств и времен посредством труда, в случае, когда речь идет об их фабрикации, Латур показывает, что создание технических комплексов, облегчающих перемещение в пространстве, снижает очевидность воздействия времени на тела. Он отталкивается от примера, восходящего к парадоксу близнецов в специальной теории относительности (СТО). В парадоксе СТО близнецы становятся внешними наблюдателями для другой инерциальной системы отсчета: один из братьев-близнецов отправляется в космический полет, его время замедляется для внешнего наблюдателя, другой остается на Земле, его время ускоряется для внешнего наблюдателя, при этом обе системы отсчета равноправны (парадокс состоит в том, что часы путешественника в итоге отстанут от часов землянина). Пример Латура также включает двух близнецов, мужчины и женщины. Мужчина едет в комфортабельном скоростном поезде, женщина, занимающаяся геодезическими исследованиями, прорубается через джунгли, чтобы обеспечить прокладку рельсов для скоростного поезда. Поездка мужчины приятна и скучновата, путь женщины тяжел и изнурителен. Джунгли оставляют следы на ее теле, путь дается ей ценой предельных физических усилий. Таким образом, Латур показывает, что характер транспортировки прямо влияет на восприятие / переживание времени: деформация транспортирующегося тела меняет время для него, поскольку пространство и время являются мерами друг для друга. Там, где транспортировка не вызывает деформации, время отрывается от пространства и тем самым замедляется, начинает выполнять роль неизменной системы координат и нивелирует процессуальность. В итоге ключом ко времени оказывается *интенсивность*, этот термин Латур вводит, чтобы иметь возможность не использовать понятия «темпорализация», «пространственность», «актантиализация». Интенсивность позволяет фиксировать во временных последовательностях наличие или отсутствие событий, иначе говоря, судить о том, были ли эти последовательности историческими (в гуссерлевском смысле) или нет.

Интенсивность зависит от движения и расстояния. Перемещаясь в пространстве, мы видим все новые объекты и соотносим эту панораму с изменениями, которые происходят в нас самих (усталость, голод, старение и т.п.). Но что произошло бы, если бы мы могли перемещаться во времени? Мы бы

увидели, как создается пространство, создается усилиями самых разных актантов, от движения тектонических плит до усилий строителей и инженеров, все то, что Латур именует «напластованием актантов», перемешиванием их континуумов. Техника и технологии превращают локусы в посредников, увеличивая скорость их прохождения. Там, где раньше нам пришлось бы прорубаться сквозь скалы и джунгли, сегодня мы используем транспортные сети, воспринимая их как должное и исключая условность их существования из своей картины мира.

Однако работа посредников не остается абсолютно непрозрачной, она обнаруживается в разломах сбоев. Мы знаем, что нормальность прохождения по транспортным сетям зависит от социальных событий – забастовка может остановить поезд, невозможность поддерживать систему в условиях природных катастроф также обнаруживает условия ее функционирования.

С.С. Астахов, анализируя эволюцию конструирования дихотомии времени и пространства в латурнианской акторно-сетевой теории, показывает, что женщина-близнец нужна Латуру для введения концепта тропы, прорубаемой в не-сетевом пространстве, которую позднее Латур назовет плазмой [11. С. 77]. «Тропа – это промежуточное состояние между областью не- сетевого и сетью, прото-сеть, возникающая из хаоса сопротивлений. Именно тропам в АСТ приписывается недифференцированная процессуальность» [Там же], тогда как дифференцированная процессуальность характерна для сетей актантов-нечеловеков. Автор приходит к выводу, что различные виды процессуальности у Латура не могут быть рассмотрены, как производные, все, что можно сказать об их отношениях, – констатировать их неопределенность. Показывая развитие пространственно-временного сюжета в разных работах Латура, С.С. Астахов объясняет ее попыткой философа связать воедино три используемых им образа времени – семиотического, онтологического и материального, сохранив методологическую эффективность лежащего в их основе принципе симметрии. Тем самым Латур должен модифицировать свою модель времени, выйдя за рамки онтологически изолированной сети, где время всегда есть результат переговоров актантов об обратимости исторического порядка. Модифицировать таким образом, чтобы, сохраняя тезис о ретроактивности времени (всегда ли существовали микробы? Всегда после 1864 г.), вывести движение времени из слепого пятна. Однако итогом стали а) напряженность между базовыми образами пространства-времени; б) сочетание сильной концепции пространства и слабой концепции времени; в) промежуточное положение пространственных и временных категорий между полноценными актантами и очищенными субъектами и объектами [Там же. С. 81].

Странность латуровской модели времени, с точки зрения С.С. Астахова, связана с недостаточностью проясненностью в ней дихотомии времени-пространства, которая предстает как «странная, не вполне проясненная оппозиция в акторно-сетевой теории: с одной стороны, места и мгновения рассматриваются как нередуцируемые, с другой – Б. Латур постоянно заявляет об их производности по отношению к взаимодействиям актантов» [Там же. С. 59]. Но является ли странность латуровского времени однозначно методологической особенностью его проекта? Не идет ли речь о странности онтологической, в которой разные режимы времени, заданные расслоением сетей,

троп и плазмы, мерцают и переплетаются по мере погружения индивида в глубины социального пространства?

Если хармановская онтология не знает различения природы объектов, то для латурнианской онтологии разграничение природы людей и нечеловеков, как мы видели, принципиально. В плоской онтологии объекты низшего и высшего порядков отнюдь не разграничиваются с точки зрения иерархичности, поскольку объектно-ориентированная онтология призвана нам показать «бесконечно глубокий мир, в котором каждый объект более высокого уровня сложен из объектов более низкого уровня» [12. С. 317]. Однако единство различных времен в слабой концепции времени Латура задано позицией человеческого свидетеля, которая выступает связующим звеном для динамичной системы сетей, троп и плазмы. Перемещаясь по слоям системы, человеческий свидетель воспринимает контраст каждого нового режима времени на основе предыдущего опыта, и именно сравнение становится основой модуса странности.

Наш анализ темпорального измерения двух версий объектно-ориентированной онтологии, вырастающих из пространственных структур, разворачивающихся, в первую очередь, в пространстве, дает два основания обнаружения модуса странности времени.

Хармановское основание завязано на физической онтологии времени, лежащей в основе восприятия человеком физического течения времени. В психологическом ракурсе, на уровне индивида, странное время предполагает изменение в восприятии времени, когда оно переживается как растянутое или сжатое независимо от астрономического отрезка. Такое состояние в психологии получило название дисторсии, связывается оно с особыми эмоциональными состояниями, стрессом, сном, психологическими травмами и психиатрическими заболеваниями. Физиологические основы переживания времени И.М. Сеченов связывал с минимумом реальных представлений, лежащих в основе общего (абстрактного) понятия времени. К ним он относил звук и мышечное ощущение (характерное и для работы глаза), которые дают человеку представление о времени, притом не всем своим содержанием, а лишь одной стороной: тягучестью звука и тягучестью мышечного чувства; именно отделение тягучести от конкретных представлений движения и времен года формирует понятие времени [13]. Состояния изменения сознания (независимо от их этиологии) отражаются на фиксации темпоральных структур индивидом, накопление такого опыта чревато размыванием структур личности, поскольку ее единство формируется памятью, последовательно укладывающей во времени информацию о модификации мировосприятия и мировоззрения.

Отметим, что зазор между восприятием времени и самосознанием онтологически укоренен в человеческом сознании, благодаря которому индивид не совпадает со своим бытием, отделен от настоящего, устремляясь в будущее и приковываясь к прошлому. В случае каждого конкретного человека этот зазор уникален, формально он определен дистанцией между наблюдателем и наблюдаемым, содержательно – неповторимостью первого и второго. Здесь возможна перекличка хармановской временной странности и концепта странности в онтологической этике В. Бибихина: «мир и есть, подобно одинокому и не принятому другими странному человеку, такая отдельная от всего странность. Мир есть как «зазор», просвет «между», созданный (или со-

здавший) видением-пониманием, таким же отдельным, как и он сам. Странно, что есть мир и тот, кто в нем себя находит, странно – само пространство этого самонахождения» [14]. Временная дисторсия является фундаментом лавкрафтовско-хармановской стратегии обнажения времени, стремящейся к фиксации разломов и контактов между чужеродными мирами.

Латурнианское основание связано с социальной онтологией времени. Отметим, что именно применение понятия «странный» на уровне социальных общностей к периоду или эпохе вызвало к жизни понятие исторического времени. Летописцы фиксировали в летописях необычные события, не считая необходимым отмечать то, что повторяется из года в год и характерно для нормальной рутины. Историческое событие – это не просто то, что происходит, но то, что также удивляет [15. С. 1273–1274]. Уникальность исторических событий до сих пор является непреодоленным вызовом для методологии истории, в которой после почти трехсотлетнего периода поисков исторических закономерностей представления о том, что история представляет собой череду экстраординарных (и нередко случайных) событий, похоже, становятся доминирующим трендом.

События возводятся в ранг исторических задним числом, даже когда они даны индивидам в ощущениях как непосредственно происходящее участникам, для их оценки принципиальны последствия, отстоящие от событий, вынесенные в будущее. Включение в контекст последствий является важнейшим элементом оформления исторических событий: «уникальные последствия позволяют разделить темпоральность на «до» и «после» или выступают как источник новой темпоральной линии. Благодаря уникальности и непредсказуемым последствиям событие оказывается способом измерения социального времени» [Там же. С. 1278]. Поэтому история всегда происходит «как бы» не с нами.

Но странность истории традиционно связывается не столько с ее запаздыванием, сколько с гетерогенностью событий. События приходят к нам из других слоев социального пространства, когда, на языке Латура, сети вторгаются друг в друга. Станным временем оказывается период, в котором нарастают плотность и масштаб удивительных событий, интерпретировать причины которых, опираясь на наличный социальный опыт, невозможно. В итоге историческая память адаптируется к условиям перемещения по разным слоям режимов времени.

Таким образом, закладываются два основания обнаружения модуса странности времени, в которых отстранение от наличного физического и исторического времени в условиях взаимодействия со странными сетевыми объектами дает новый темпоральный опыт. Последний существенно отличается от содержания предшествовавших моделей времени, начиная от архаической мифологии и заканчивая современной физикой. В этом качестве он не только определяет новые стратегии осмысления времени, но формирует широкое поле для его мифологизации, в котором может быть модифицирована современная историческая память.

Литература

1. Харман Г. Ужас феноменологии: Лавкрафт и Гуссерль // Логос. 2019. № 5. С. 177–200.
2. Fisher M. Lovecraft and the Weird: Part I. URL: <http://k-punk.abstractdynamics.org/archives/009329.html> (accessed: 23.11.2020).

3. Лавкрафт Г. Заметки о написании фантастических историй. URL: <https://darkfiction.ru/page/g-f-lavkraft-zametki-o-napisanii-fantasticheskikh-istorij-vpervye-na-russkom> (дата обращения: 23.11.2020).

4. Чеснокова Л.В. Феномен жуткого: опыт философской рефлексии Фрейда и Хайдеггера // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики, 2016. № 4–1 (66). С. 214–218.

5. Харман Г. Четверойкий объект: Метафизика вещей после Хайдеггера / пер. с англ. А. Морозов и О. Мышкин. Пермь : Гиле Пресс, 2015. 152 с.

6. Харман Г. Сети и ассамбляжи: возрождение вещей у Латура и Деланда // Логос. 2017. Т. 27, № 3 (118). С. 1–34.

7. Кудба В.Н. Онтология Бруно Латура // Философские и социологические науки. 2018. № 8. С. 40–42. DOI: 10.32415/jscentia.2018.08.10

8. Кузнецов А.Г. Латур и его «технолог»: вещи, объекты и технологии в акторно-сетевой теории // Социология власти. 2015. Т. 27, № 1. С. 55–89.

9. Латур Б. Где недостающая масса? Социология одной двери // Неприкосновенный запас. 2004. № 2. URL: <https://magazines.gorky.media/nz/2004/2/gde-nedostayushhaya-massa.html> (дата обращения: 19.01.2021).

10. Latour B. Trains of thought: Piaget, formalism, and the fifth dimension // Common Knowledge Winter. 1997. Vol. 6, № 3. P. 170–191.

11. Астахов С.С. Странная дихотомия: пространство и время в акторно-сетевой теории // Социология власти. 2017. Т. 29, № 1. С. 59–87.

12. Кралечкин Д. О сургуче и капусте // Логос. 2014. № 4 (100). С. 293–318.

13. Меграбян А.А. Деперсонализация. Ереван : Армян. гос. изд-во, 1962. 355 с. URL: <http://www.psychiatry.ru/lib/1/book/57/chapter/30> (дата обращения: 23.11.2020).

14. Бабанов А.В. Онтологическая этика В.В. Библихина // Философия и культура. 2019. № 11. С. 65–79. DOI: 10.7256/2454-0757.2019.11.31261. URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=31261 (дата обращения: 24.01.2021).

15. Головашина О.В. Социальное событие как способ измерения времени // HISTORIA PROVINCIAE. Журнал региональной истории. 2019. Т. 3, № 4. С. 1269–1295. DOI: 10.23859/2587-8344-2019-3-4-6

Sophia V. Tikhonova, Saratov State University (Saratov, Russian Federation).

E-mail: segedasv@yandex.ru

Denis S. Artamonov, Saratov State University (Saratov, Russian Federation).

E-mail: artamonovds@mail.ru

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya – Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science. 2021. 63. pp. 43–52.

DOI: 10.17223/1998863X/63/5

WEIRD TIME IN OBJECT-ORIENTED ONTOLOGY: HARMAN AND LATOUR

Keywords: mythologization of time; weird time; object-oriented ontology; Graham Harman; Bruno Latour

The study is supported by the Russian Foundation for Basic Research, Project No. 20-011-00297.

The article aims to analyze the concept of time in object-oriented ontology based on the concept of the weird. The authors consider this term significant for understanding the formation of speculative realism as a philosophical trend that justifies the models of flat ontologies. Showing the influence of the concept of the weird in Lovecraft's work on the weird phenomenology of Graham Harman, the authors expand the understanding of the role of this concept in Harman's model of a quadruple object, which describes, among other things, space-time relations. According to the authors, the weird compositional objects of Harman's phenomenology are rooted in a totally weird time, and this weirdness is static. The authors find a dynamic concept of the weirdness of time in Bruno Latour's ideas about the multiplicity of modes of space and time. The authors consider Latour's views retroactively, correlating them with Harman's efforts to include Latour's actor-network ontology in the discursive field of object-oriented ontology. In this capacity, Latour's ontology, operating with flat objects, does not exclude the presence of a human witness, although it does not emphasize it. Latour's temporal analysis emphasizes the importance of labor expended in the production of spaces and times. Actants, humans and non-humans, are busy making time. People suffer more from time, but they are the ones who produce the report on it. The example of twins, which goes back to the SRT paradox, allows Latour to demonstrate a reduction in the evidence of the impact of time on bodies by creating

technical complexes that facilitate movement in space. The development of a model for the interaction of paths, networks, and plasma allows Latour to deduce time from the blind spot of the actor-network theory. The authors believe that the unity of different times in Latour's weak concept of time is determined by the position of the human witness, which acts as a link for the dynamic system of networks, paths, and plasma. Moving through the layers of the system, the human witness perceives the contrast of each new mode of time based on previous experience, and it is the comparison that becomes the basis of the mode of the weird. The authors conclude that Harman's weird time is related to the perception of the physical ontology of time. It works when time distortion exposes the weirdness of time, fixing the rifts and contacts between alien worlds. Latour's weird time is related to the social ontology of time. It works when networks invade each other, skipping heterogeneous events. Weird time is a period of increasing density and scale of incredible events. Their interpretation requires going beyond the existing social experience. As a result, historical memory adapts to the conditions of moving through different layers of time modes. Thus, a new field of mythologization of memory develops, modifying modern historical memory.

References

1. Harman, G. (2019) Uzhas fenomenologii: Lavkraft i Gusserl' [On the horror of phenomenology: Lovecraft and Husserl]. *Logos*. 5. pp. 177–200.
2. Fisher, M. (n.d.) *Lovecraft and the Weird*. Part I. [Online] Available from: <http://k-punk.abstractdynamics.org/archives/009329.html> (Accessed: 23rd November 2020).
3. Lovecraft, G. (n.d.) *Zametki o napisanii fantasticheskikh istoriy* [Notes on writing fantastic stories]. [Online] Available from: <https://darkfiction.ru/page/g-f-lavkraft-zametki-o-napisanii-fantasticheskikh-istoriy-vpervye-na-russkom> (Accessed: 23rd November 2020).
4. Chesnokova, L.V. (2016) Phenomenon of uncanny: experience of philosophical reflection by Freud and Heidegger. *Istoricheskie, filosofskie, politicheskie i yuridicheskie nauki, kul'turologiya i iskusstvo-vedenie. Voprosy teorii i praktiki – Historical, Philosophical, Political and Law Sciences, Culturology and Study of Art. Issues of Theory and Practice*. 66(4-1). (In Russian).
5. Harman, G. (2015) *Cheveroyakiy ob'ekt: Metafizika veshchey posle Khaydeggera* [The Quadruple Object. Metaphysics of Things after Heidegger]. Translated from English by A. Morozov, O. Myshkin. Perm: Gile Press.
6. Harman, G. (2017) Networks and assemblages the rebirth of things in Latour and DeLanda. *Logos*. 27(3). pp. 1–34. (In Russian).
7. Kudba, V.N. (2018) Ontologiya Bruno Latura [The ontology of Bruno Latour]. *Filosofskie i sotsiologicheskie nauki*. 8. pp. 40–42. DOI: 10.32415/jsocientia.2018.08.10
8. Kuznetsov, A.G. (2015) Latur i ego "tekhnolog": veshchi, ob'ekty i tekhnologii v aktorno-setevoy teorii [Latour and his "technologist": things, objects and technologies in the actor-network theory]. *Sociologiya vlasti – Sociology of Power*. 27(1). pp. 55–89.
9. Latour, B. (2004) Gde nedostayushchaya massa? Sotsiologiya odnoy dveri [Where is the missing mass? Sociology of one door]. *Neprikosnovennyy zapas*. 2. [Online] Available from: <https://magazines.gorky.media/nz/2004/2/gde-nedostayushchaya-massa.html> (Accessed: 19th January 2021). (In Russian).
10. Latour, B. (1997) Trains of thought: Piaget, formalism, and the fifth dimension. *Common Knowledge*. 6(3). pp. 170–191.
11. Astakhov, S.S. (2017) Strannaya dikhotomiya: prostranstvo i vremya v aktorno-setevoy teorii [Strange dichotomy: space and time in the actor-network theory]. *Sociologiya vlasti – Sociology of Power*. 29(1). pp. 59–87.
12. Kralechkin, D. (2014) O surguche i kapuste [About sealing wax and cabbage]. *Logos*. 4(100). pp. 293–318.
13. Megrabyan, A.A. (1962) *Depersonalizatsiya* [Depersonalization]. Erevan: Armenian State Publishing House. [Online] Available from: <http://www.psychiatry.ru/lib/1/book/57/chapter/30> (Accessed: 23rd November 2020).
14. Babanov, A.V. (2019) Ontological ethics of V.V. Bibikhin. *Filosofiya i kultura – Philosophy and Culture*. 11. pp. 65–79. (In Russian). DOI: 10.7256/2454-0757.2019.11.31261
15. Golovashina, O.V. (2019) Social event as a way of measuring time. *HISTORIA PROVINCIAE. Zhurnal regional'noy istorii – HISTORIA PROVINCIAE-Journal of Regional History*. 3(4). pp. 1269–295. (In Russian). DOI: 10.23859/2587-8344-2019-3-4-6

ИСТОРИЯ ФИЛОСОФИИ

УДК 1(091)

DOI: 10.17223/1998863X/63/6

М.Н. Вольф

«АПРИОРНАЯ» ИСТОРИЯ ФИЛОСОФИИ КАНТА И ГЕГЕЛЯ В ИСТОРИОГРАФИИ ФИЛОСОФИИ XIX В.

Историография истории философии XIX в. испытала значительное влияние подходов к истории философии Канта и Гегеля. Сохраняется информирующая историческая история философии, характерная для XVIII в., Кант вводит понятие философской истории философии, Гегель сочетает исторический и философский подходы. Осознание значимости исторической составляющей не дает обоим философам заявить о полном априоризме истории философии.

Ключевые слова: историография философии, методология истории философии, Кант, Гегель, историцизм

Обширные дискуссии XX в. о том, как писать историю философии¹, могут показаться обескураживающими на фоне вполне успешной на первый взгляд историко-философской работы: каких кризисов и переломов можно ожидать от дисциплины, чьей задачей считается «летопись» философских фактов, фиксация последовательности школ, направлений и имен? История философии неисключенному взгляду представляется столь же древней, как и сама философия, и вопрос к ее содержанию кажется тривиальным. Однако если вспомнить, насколько радикально менялось понимание задач и целей истории философии на протяжении конца XVIII и XIX вв., то становится оправданным постоянное обращение к этому вопросу сегодня.

Философия XIX в. оформилась под влиянием таких непревзойденных по своему масштабу фигур, как Кант и Гегель, благодаря которым не только принципиально изменились траектории развития философии, но и были пересмотрены прежние подходы к написанию истории философии. Благодаря им на много десятилетий вперед оформилась та *парадигма*, которую безуспешно пытались «снять» историки философии второй половины XIX в., и в этих почти бесплодных попытках ее преодоления сформировалось понимание истории философии как самостоятельной дисциплины. Строго говоря, если до XIX в. история философии была вспомогательной информативной дисциплиной, к XIX в. в ней стали формироваться спекулятивные либо критические подходы, поставившие под сомнение ценность информативного способа ее написания, то XIX в., его вторая половина, в переосмыслении той и другой тенденций, позволил истории философии стать автономной дисциплиной с собственными методами, отличными как от сугубо исторических, так и философских.

¹ О содержании дискуссий см. [1. С. 1–26].

Кант и Гегель, формируя новый образ истории философии, по-разному трактуют ее отношения с историей и философией. Примечательно, однако, что ни тот, ни другой не озабочены не только включением специального историко-философского раздела в систему собственных представлений, но даже его созданием. Ни тот, ни другой не пишут отдельных *трактатов*, учебников, посвященных истории философии. У Канта мы находим небольшую главу в семь страниц книжного текста «Краткие очерки истории философии» в достаточно объемном учебном пособии по логике [2. С. 334–340]. Известно, что текст пособия подготовлен по просьбе самого Канта учениками на основании записей его лекций 1755–1796 гг. и опубликован в 1800 г. Также среди заметок Канта есть небольшой текст (пара страниц), написанный между 1791 и 1795 гг., «Von einer Philosophirenden Geschichte der Philosophie» (О философской истории философии) [3], содержание которого, несмотря на предельную краткость, тем не менее, оказывается ключевым для кантовского понимания истории философии. При этом крайне неожиданно обнаружить в «Критике чистого разума» пусть и скупые, хронологически не выдержанные, но вполне ясные и емкие экскурсы в историю философии. Некоторым персонажам здесь уделяется только по строчке текста, а некоторым – по десятку страниц (такими оказываются Юм, Лейбниц, Эпикур), что создает впечатлительное историко-философское текста – аномального для XVIII в., но вполне состоятельного по меркам для XX в. Гегель, как и Кант, не видит историю философии как отдельную часть своей системы и не пишет специального труда. Она производит впечатление в лучшем случае вспомогательной дисциплины (Гегель не отводит ей места в «Энциклопедии философских наук») ¹, и только после смерти Гегеля благодаря его ученику Шарлю Михелету выходит первое издание «Лекций по истории философии» (1833), отражающее содержание гегелевских лекций 1817–1830 гг. [4].

Считается, что история философии Канта мало интересовала ². С этим можно согласиться, тем не менее у Канта есть четкое представление о том, какой должна быть история философии. Его подход к ней трудно назвать «стандартным», историческим, который реализуется через выстраивание определенной хронологической линии развития философских взглядов, – для Канта история философии сугубо философская дисциплина. В заметке «О философской истории философии» Кант вслед за Аристотелем различает два способа познания – познание фактов и познание принципов. Кант отмечает, что историческое познание является эмпирическим, оно направлено на познание вещей как они есть (*dinge wie sie sind*), но познаваемые таким образом вещи

¹ Возможно, нам следует развести Гегеля как философа и Гегеля как университетского преподавателя. То, что Гегель в течение всей своей профессорской карьеры каждый год возобновлял чтение лекций по истории философии (не включая при этом самой дисциплины в свою философскую систему), вероятно, говорит не о том, что он считал историю философии чем-то незначительным и второсортным, а скорее о том, что он видел в ней совершенно иной функционал в своем понимании философии, отводил ей в первую очередь важную дидактическую роль, осознавая ее потенциал привить студентам понимание связи поколений и исторических периодов, значимости прошлого, способности видеть объективную всеобщую цель и стремиться к ней. Движение к Абсолюту через осознание своего места в истории, понимание прогресса и развития Мысли, Разума, Духа, вероятно, представлялись Гегелю важными, выражаясь современным языком, компетенциями для будущего «среднего класса». Иными словами, роль истории философии могла заключаться в формировании определенного мировоззрения, способного принимать и использовать новые методы достижения истины и принципы развития.

² См., например, оценку кантовской истории философии, которую дал ведущий советский историк философии Т.И. Ойзерман: [5]. Несколько отличная оценка дана в [6].

не существуют таковыми с необходимостью [3]. Только рациональное познание представляет вещи в соответствии с необходимостью. В таком случае историческая идея философии способна представить только то, как и в каком порядке до сих пор философствовали, но она не может показать само развитие человеческого ума, рациональности [Ibid.], в чем и должна заключаться задача истории философии.

Это созвучно с теми идеями, которые Кант высказывает как в докритических произведениях, так и в критический период: невозможно изучать философию, поскольку она еще не дана, не состоялась, не завершилась, и соответственно все, кто так или иначе претендовал называться философом, оказывались лишь примером философствования, обреченного на историческое познание [б. Р. 755]. Отсюда становится ясным, что и быть написанной, исходя из эмпирических предпосылок, история философии не может. Нет смысла в философской истории заниматься изложением фактов, поскольку развитие человеческого разума нельзя отразить эмпирическими средствами. Именно в этом кантовском контексте правомерен вопрос о том, что именно считать философским фактом: деятельность человека, которого привычно называют философом на том или ином отрезке его жизненного пути, или конкретное состояние мысли, результаты рационального мышления. Потому и способы написания состоятельной — философской — истории философии должны отличаться, опираясь не на представление о вещах или факты, а на рациональные предпосылки, на первые принципы. Разумеется, Кант отдает себе отчет, что как бы ни хотелось рассматривать философскую историю как возможную априори, логически, а не исторически, априорной историей нельзя подменить эмпирическую, и это в полной мере касается и истории философии: в поисках фактов разума она будет обращаться к природе человеческого разума, который сам зависит от исторического повествования (Кант, рассуждая таким образом, вероятно, прокладывает дорогу Гегелю)¹. Как следствие *философская* история философии фактически не будет отличаться от самой философии, тогда как более привычная *историческая* история философии, описывающая линию преемственности и развития философии, для Канта невозможна. Кант стоит на той позиции, что каждое последующее философское учение не столько наследует предшествующему, сколько оценивает его критически, тем самым разрушая, нивелируя его значимость. По словам Канта, каждый последующий философ строит свою философию на развалинах предшествующей [5. С. 5], а это означает, что философствование пребывает в состоянии разрушения, а не становления, а подлинная, критическая философия, которая придет им на смену, не будет нуждаться в истории — ведь эмпирические факты философствования, которые фиксировались до того момента, не будут иметь к ней никакого отношения.

Данная позиция Канта крайне оригинальна и радикальна и полностью расходится с представлениями об истории философии XVIII в., которые отдают приоритет историческому принципу, доставшемуся в наследство и XIX в.² Историцисты во главе с Леопольдом фон Ранке и его принципом «wie

¹ См. цит. Канта в [5. С. 23–24].

² Однако имеются точки зрения, согласно которым именно реакция на Канта спровоцировала «исторический поворот» конца XVIII в., причем философский исторический поворот соединил в себе историческое и систематическое таким образом, что исключил возврат философии и ее истории к простому историцизму [7].

es eigentlich gewesen» отодвинут на второй план кантовские рассуждения о рациональных основаниях истории философии. Достаточно сильна историческая компонента в работах Гегеля, в первую очередь в «Лекциях по истории философии», и тем не менее Гегель в его понимании истории философии поддержал кантовский философский поворот, оказавшись в этом его прямым последователем. Можно сказать, что XIX в. достаточно ясно различил два варианта написания истории философии: один тяготеет к информированию о фактах и элементах преемственности (при этом такие *факты* не всегда были достоверны, т.е. *научно* подтверждаемы), другой ориентирован на поиск либо причин и оснований становления разума и рациональности, либо на поиск конечных целей, к которым эта рациональность устремлена. Выразителями первой традиции являются авторы стандартных для рубежа XVIII–XIX вв. томов по истории философии, сторонниками второй – Кант и Гегель.

Гегель в «Лекциях по истории философии» в обзоре популярных источников (т.е. учебников) истории философии предлагает любопытную компиляцию информирующей истории философии и ее оценку [8. С. 155–158]. На первый взгляд, странно читать его рассуждения о том, что источниками истории философии являются ее учебники или, как выражается Гегель, их авторы, историографы, которые в свою очередь полагаются на других историографов, что, по мнению Гегеля, нормальный подход для политической истории, но совершенно несерьезный, если у нас на руках имеются обширные трактаты-первоисточники [Там же. С. 154]. Однако порой эти трактаты настолько пространны и многотомны, отмечает он, что нередко другого способа усвоить мысль какого-либо философа, кроме как прочитав его через историографа, у нас просто нет.

Вместе с тем Гегель ясно дает понять, высказываясь прямо и в ряде случаев весьма едко, что историографы как авторы разных информирующих историй философий, порой весьма объемистых, заслуживают мало доверия. Преследуя историческую цель и претендуя на информирование читателя о фактах истории, в действительности они предлагают ему свои досужие домыслы, за которыми порой трудно обнаружить зерна истины (а судя по язвительным оценкам Гегеля, и здравого смысла). Из историко-философских работ предшествующего века Гегель в «Лекциях» не удостоивает вниманием ни Пьера Гассенди (три упоминания на все три тома «Лекций»), ни Якоба Томазиуса (дважды упомянут только его сын Христиан), а сразу начинает с первой английской трехтомной «Истории философии» (впервые опубликованной в 1655 г.) Томаса Стенли, который пишет только о древних, словно философия закончилась с наступлением христианства и, судя по всему, новая философия еще не заслужила такого уважения, чтобы о ней писать. Остальные замечания Гегеля касаются многотомных изданий XVIII в. «Критическая история философии» «отца истории философии» И.Я. Брукера, в пяти томах (1742–1744) – многословная компиляция с примесью собственных рассуждений, совершенно неисторична и по сути – балласт. Шеститомный «Дух спекулятивной философии» Д. Тидемана (1791–1797) написан деревянным и аффектированным языком, лишен доверия философам прошлого в состоятельности их рассуждений. «Учебник по истории философии и критической литературы о ней» И.Г. Буле в восьми томах (1796–1804) излагает историю непропорционально,

кратко о древних и подробнее ближе к современности. Одиннадцать томов «Истории философии» В.Г. Теннемана (1798–1819) грешат анахронизмами и порой заставляют философов говорить совершенно противоположное тому, что они на самом деле писали. Приводимые у Теннемана цитаты это наглядно демонстрируют, что совершенно не смущает автора: заявляя, что историограф не должен придерживаться какой-либо философской позиции, сам он оказывается критицистом. «Очерк истории философии» (1807) Фридриха Аста запутан. Издание Вендтом (который после смерти Теннемана стал издателем полного собрания его томов, не успевших выйти при жизни и восстановленных по рукописям) извлечений из одиннадцатитомного Теннемана (1829) выдает за философию все что угодно, и новые философские системы в них вырастают как грибы после дождя. Более или менее хорош только трехтомник Т. Рикснера «Пособие по истории философии» (1822–1823), но и он не удовлетворяет всем требованиям к истории философии.

Хотя на упомянутых выше книгах выросло не одно поколение философов и вообще европейских интеллектуалов¹, Гегель не делает на это никакой скидки. Однако такие крайне критические оценки свидетельствуют не столько о качестве перечисленной историко-философской литературы, сколько о разнице в подходах к ее написанию². Если на Стенли далее в самом тексте «Лекций» Гегель не ссылается, что говорит о том, что этот текст для Гегеля уже не актуален и принадлежит вчерашнему дню, то практически всех остальных авторов он активно использует. Наиболее часты ссылки на Брукера, Буле, Теннемана и Тидемана там, где Гегелю требуется дать информирующее историческое изложение.

Собственная оценка Гегелем истории философии на первый взгляд не чужда историчности и установлению преемственности, однако ни то ни другое не является ее самоцелью: в первую очередь, задача истории философии состоит в том, чтобы обнаружить некоторую универсальную схему или систему, в соответствии с которой весь фиксируемый в эмпирических фактах процесс смены философских учений разворачивает и определяет сам себя, поскольку имеется некоторая причина, послужившая исходным толчком для всего процесса, и конечная цель, ради которой и осуществляется все разворачивание фактов и последовательных событий в истории. При этом целесообразность и каузальность оказываются определяющими в истории философии: именно исходная причина и конечная цель всего процесса позволяют задать единство для имеющихся фактов, а не наоборот, и сами исторические факты не позволяют усмотреть и реконструировать единство происходящего.

«...когда мы отграничим как следует область философии... [С]амо понятие предмета... должно определить характер общего обзора хода этой истории и ее деление на необходимые периоды; это деление должно показать ее органически прогрессирующим целым, разумной связью, и благодаря единственно лишь этому сама история философии приобретает достоинство науки» [8. С. 74].

¹ К слову, первое издание Брукера пришлось на годы учебы Канта в университете (и Кант единожды ссылается на Брукера в «Критике чистого разума» [9. С. 481]), а Теннеман был как раз из тех «историографов», которые излагали историю философии, полагаясь на других «историографов», – его «История философии» в значительной мере опирается на текст Брукера.

² Можно сравнить, насколько более спокойна и уважительна оценка этих же текстов и вообще историографии философии, например, у Целлера [10. С. 28–31].

Однако ошибочно понимать историческое у Гегеля как эмпирическое. Историческое возможно только в силу предсуществующего единства разума и посредством этого эмпирических фактов, благодаря чему только и возможно последовательное представление крайне различных, но при этом сменяющих друг друга философских школ и учений. Историки философии предлагают конкретную схему развития и прогресса не потому, что им так удобнее систематизировать факты, а потому, что эта схема или система изначально существовала ради некоторой цели и определяла происходящие процессы.

«...вся история философии есть по своему существу внутренне необходимое, последовательное поступательное движение, которое разумно внутри себя и определяется своей идеей а priori; история философии должна подтвердить это на своем примере. От случайности мы должны отказаться при вступлении в область философии. Подобно тому как необходимо развитие понятия в философии, точно так же необходима и ее история...

...каждая система философии необходимо существовала и продолжает еще и теперь необходимо существовать: ни одна из них, следовательно, не исчезла, а все они сохранились в философии как моменты одного целого...» [Там же. С. 98].

Таким образом, по Канту, рациональная упорядоченность фактов только гипотетически задается в процессе критического отбрасывания более слабых версий философий, и последовательная смена учений, их некоторая упорядоченность и желание усмотреть за этим философский прогресс несостоятельны: в процессе критического переосмысления предшествующих учений происходит их отбрасывание, полный отказ от них, уничтожение. Для Гегеля философские процессы историчны, и историки способны показать, как *действительно происходили события*, но только потому, что за этими процессами стоит отнюдь не гипотетический, а реальный рациональный порядок, что они обусловлены исходной причиной и конечной целью. Но и в том и другом случае происходит полный отказ от информативной функции истории философии: ее целью больше не является информирование читателя о конкретных исторических фактах или последовательных событиях, хотя она и сохраняется в качестве сопутствующего и не специфического для истории философии элемента. Главная ее цель теперь видится в установлении предельных, конечных, основополагающих принципов разума (духа) и существования, но в таком случае – это снова лишь модус существования самой философии, но не ее истории. В этом плане Гегель – очевидный сторонник философской истории философии.

Однако чуткость Гегеля к историчности философии, стремление видеть за философским процессом системность способствовали сохранению информирующих историй философии, которые к этому времени переживают своего рода *ренессанс*, и к середине XIX в. *историографии, полагающиеся на другие историографии*, многократно приумножаются. Они по-прежнему видят свою задачу в фиксации исторических фактов, но теперь уже с претензией на системность и прогресс философского знания, отчасти вдохновленные гегелевским подходом, а с другой стороны, этому в немалой степени способствовали значительные успехи классической немецкой филологии. Прецедент создания модели профессионального гуманитарного образования, основание уни-

верситетов в Германии в первом десятилетии XIX в., идея *Bildung*, на которую наложились идеал нации и концепция развития немецкого языка, резко изменили как статус профессуры, так и ее профессиональный уровень. Основанием этих процессов во многом послужили работы о природе языка, формировании наций Гамана и Гердера. В конечном итоге все эти процессы привели к появлению филологического ренессанса: стремление к формированию и упрочению национального языка сопровождалось стремлением создания в том числе и корпуса переводов классических текстов, обусловивших уникальный именно для Германии масштабный интерес к античной классике¹.

В 1799 г. начинается инициированный Шлегелем проект перевода корпуса диалогов Платона, к которому он привлек молодого Шлейермахера, и спустя десять лет продолженный последним уже в одиночку. В 1792 г. вышло многотомное исследование о Платоне Г. Теннеманна «Система платоновской философии», и Шлейермахер в своей работе ориентируется именно на него, однако стремится дать не анализ платоновской философии, а как можно более точно изложить взгляды Платона, для чего, по его мнению, необходимо было установить подлинность произведений и их порядок, формируя некоторую иную *систему* платоновской философии, хотя история, обсуждая вклад Шлейермахера, чаще обращается к его методу, чем к предложенному им порядку диалогов.

Благодаря протекции и поддержке Шлейермахера, немецкая филология обретает еще одного видного представителя – И. Беккера, который внес значительный вклад в издание классических текстов, в первую очередь Платона (1816–1823) и Аристотеля (1831–1836)². Тем самым формируется не только научный подход к переводам классических текстов и их изданию, не только методы правильной, истинной и даже *документальной* интерпретации античных текстов (к слову, подходы к интерпретации древних текстов переносятся в XIX в. на понимание и интерпретацию современной истории), но теперь уже и *научно* подтверждается начало философии в лице Платона и Аристотеля, что дает все основания для написания более точной системной и линейной истории философии. Претензия Гегеля на научность истории философии обретает свое реальное воплощение.

Изложение «Истории философии» Теннеманом (нестрогое, по мнению Гегеля) или двенадцатитомная «История философии» (1829–1853) Г. Риттера, переведенная на большинство европейских языков, включая русский, становятся образцами линейной истории философии, тогда как «История философии» Гегеля предлагает образец системного ее написания. Однако под «системой» теперь понимается нечто иное, чем подразумевали Гассенди или Теннеман. Это не просто связь элементов, это их абсолютное единство, универалистский принцип, который позволяет интегрировать различные элементы в единую линию прогресса, развития не только исторического, но и логического. История в таком системном подходе конструируется *абстрактно*: один этап исторического развития сменяется другим, но в расчет берутся и представ-

¹ Подробнее о процессах, которые происходили в интеллектуальной жизни Германии в XVII–XIX вв. и которые привели к взлету престижа и влияния гуманитарных наук, см. в [11. С. 268–277].

² Нумерация текстов Аристотеля, предложенная Беккером, до сих пор является стандартом при цитировании Аристотелевского корпуса.

ляют интерес только те эмпирические образцы, которые укладываются в изначально заданную логическую схему.

Идея единства или целостности исторического процесса, за которой стоит научное понимание как философии, так и ее истории, в кантовском и гегелевском выражении представляет собой *априорную* логическую конструкцию¹, жестко подчиняющую себе эмпирическое собрание фактов и их интерпретацию. Историография философии, несмотря на присутствие значительного исторического элемента, вплоть до середины XIX в. остается философской, а историографические методы исторической истории философии все еще пребывают в зачаточном состоянии, придерживаясь линейного принципа компоновки фактов. Хотя уже в первой половине XIX в. появляются попытки «изгнать» Гегеля из историографии философии, – наибольшую роль в этом сыграл А. Тренделенбург², – его влияние по-прежнему остается сильным.

Только во второй половине XIX в., когда окончательно произойдет оформление отдельных гуманитарных «наук», историография философии расколется на профессиональную античную историю философии и более современную и распределит права: более философская составляющая в лице младогегельянцев будет продолжать линию системного и прогрессивного философского развития, а более историческая составляющая начнет закреплять свою причастность к истории науки и использовать точные филологические методы, ориентируясь на исследование индивидуального творчества отдельных философов, а не развитие Разума как такового. В явной мере это можно будет увидеть в работе Целлера [10], а затем и через формулирование представлений о контексте – у В. Виндельбанда [13. С. 7–9]. Именно Целлер первым заговорит о невозможности априорного построения такой истории философии, которая учитывала бы индивидуальные устремления отдельного мыслителя, биографические и психологические основания его размышлений таким образом, чтобы включить их в единую совокупность исторических событий, установить связь единичных фактов в единой системе, что можно сделать только исторически; именно с этого он начинает свои «Очерки по истории греческой философии» [10. С. 20–22]. Те же мотивы можно найти и у Виндельбанда, он полагал, что независимо от того, каким было мировоззрение определенных исторических групп, «оно является продуктом индивидуального творчества конкретного мыслителя и обусловлено обстоятельствами его жизни (происхождением, воспитанием, судьбой, характером и т.д.). Поэтому без учета индивидуального фактора понять специфику историко-философского процесса невозможно» [13. С. 9]³.

Однако XIX в. ни в лице Целлера, продолжившего традицию истористского поворота, ни в лице Виндельбанда, завершившего его в конце века

¹ С теми оговорками касательно априорной истории философии, которые мы обозначили выше в отношении Канта.

² Обзор критики Тренделенбургом гегелевской философии и его шаги в сторону историзации философии см. в [12. С. 199–206].

³ Некорректно считать Виндельбанда сторонником только исторической истории философии и не учитывать его философскую историографию, в частности, его главное для этого подхода понятие «проблемы» и его специфический «*Problemgeschichte*» (см., например, [14. С. 19–22, 24–27]). Скорее следует принять эти две стороны его творчества как взаимодополняющие и рассматривать его продолжателем синтетического гегелевского подхода. Позиция Виндельбанда в отношении философской истории философии требует отдельного рассмотрения.

включением контекстуалистских принципов в историю философии, так и не возьмет на себя смелость отказаться от усмотрения определенного представления об общности и о последовательной смене учений в их единстве и системности, несмотря на значительное внимание к роли индивидуального в их построениях. К слову, именно историцистский поворот в истории философии конца XIX в. дал основания снова трактовать ее как вспомогательную информирующую дисциплину, что дало толчок философам и историкам XX в. обратиться к пересмотру статуса дисциплины как автономной. В то же время кантовское и гегелевское стремление подчинить историю философии рациональным предпосылкам, свести ее к философии или подменить одну другой оказались удивительно созвучны тем положениям, которые высказывали в отношении истории философии аналитические философы в XX в., и нашли в них свое продолжение.

Литература

1. Берестов И.В., Вольф М.Н., Доманов О.А. Аналитическая история философии. Методы и исследования. Новосибирск : Офсет ТМ, 2019. xviii, 242 с.
2. Кант И. Логика. Пособие к лекциям 1800 // Тракаты и письма / отв. ред. и автор вступ. ст. А.В. Гулыга. М. : Наука, 1980. С. 319–444.
3. I. Kant, AA XX : Handschriftlicher Nachlaß: Lose Blätter zu den Fortschritten der Metaphysik, F3, p. 340.25–35, 341.1–15. URL: <https://korpora.zim.uni-duisburg-essen.de/kant/aa20/> (accessed: 18.02.2021).
4. Гегель Г.В.Ф. Лекции по истории философии: Кн. 1–3. СПб. : Наука, 2001.
5. Ойзерман Т.И. Кант как историк философии // Кантовский сборник: межвузовский тематический сборник научных трудов. 2004. № 1 (24). С. 3–24.
6. Micheli G. Philosophy and Historiography: The Kantian Turning-Point // eds. G. Piaia, G. Santinello. Models of the History of Philosophy. Vol. III: The Second Enlightenment and the Kantian Age. Springer, 2015. P. 697–768.
7. Ameriks K. Kant and the Historical Turn: Philosophy as Critical Interpretation. Oxford : Oxford University Press, 2006. 344 p.
8. Гегель Г.В.Ф. Лекции по истории философии. Книга первая. СПб. : Наука, 2001. 350 с.
9. Кант И. Сочинения на немецком и русском языках / Иммануил Кант; Ин-т философии РАН. М. : Наука, 2001–2006. Т. 2: Критика чистого разума: в 2 ч. Ч. 1 / под ред. Б. Бушлинга, Н. Мотрошиловой. 2006. 1081 с.
10. Целлер Э. Очерк истории греческой философии / пер. с десятого немецкого издания под ред. Ф. Лорцинга; пер. С.Л. Франка. СПб. : Алетейя, 1996. 294 с.
11. Смит Р. История гуманитарных наук. 2-е изд. [пер. с англ.] / под науч. ред. Д.М. Носова ; Гос. ун-т – Высшая школа экономики. М. : Изд. дом ГУ ВШЭ, 2008. 392 с.
12. Куренной В.А. История философской истории понятий: предисловие к переводу Г. Люббе // Социология власти. 2017. № 32, вып. 4. С. 197–239.
13. Бойцова О. История философии Вильгельма Виндельбанда // Виндельбанд В. История новой философии в ее связи с общей культурой и отдельными науками / пер. с нем. под ред. А. Введенского ; вступ. статья О. Бойцовой. М. : Гиперборея : Кучковополе, 2007. Т. 1: От Возрождения до Просвещения. 2007. С. 5–10.
14. Виндельбанд В. История философии / пер. с нем. П. Рудина. Киев : Ника-Центр, 1997. 560 с.

Marina N. Volf, Institute of Philosophy and Law of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences (Novosibirsk, Russian Federation).

E-mail: rina.volf@gmail.com

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya – Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science. 2021. 63. pp. 53–63.

DOI: 10.17223/1998863X/63/6

THE “A PRIORI” HISTORY OF PHILOSOPHY OF KANT AND HEGEL IN THE 19TH CENTURY HISTORIOGRAPHY OF PHILOSOPHY

Keywords: historiography of philosophy; methodology of history of philosophy; Kant, Hegel; historicism

Philosophy of the 19th century took shape under the influence of Kant and Hegel, who changed the trajectories of the development of philosophy and its history. Until the 19th century, the history of philosophy was a secondary informative discipline; by the 19th century, speculative, critical approaches began to form in it, calling into question the value of the informative one. The 19th century offers two options for writing the history of philosophy: one, as before, tends to inform about the facts and elements of succession in philosophy; the other is focused on finding the causes, grounds, and ultimate goals of the formation of reason and rationality. Neither Kant nor Hegel create special historical and philosophical works; as a rule, these are lecture texts published by their disciples. Moreover, both of them have a clear conception on the history of philosophy. Shaping its new image, both philosophers interpret its relationship with history and philosophy in different ways. Kant introduces the concept of the philosophical history of philosophy. The historical idea of philosophy can only represent what the order and manner of philosophizing were, but cannot show the development of the human mind and rationality. Therefore, the history of philosophy cannot be written on the basis of facts but must be based on rational premises and first principles. The summary of Kant's approach is that the philosophical history of philosophy will not differ from philosophy itself, and the historical history of philosophy is actually impossible. Hegel's assessment of the history of philosophy is not alien to historicity and the establishment of succession, but they are not its ultimate goal: the task of the history of philosophy is to discover some universal scheme, or system, in which the process of changing philosophical doctrines unfolds and defines itself by virtue of the original cause and final goal. Unlike Kant, Hegel sees philosophical processes as historical ones; there is a real rational order behind them. Both philosophers completely abandon the informative function of the history of philosophy. They see its goal in establishing the fundamental principles of reason, but this is actually the mode of philosophy, but not of its history. In such assessments, Hegel is also an obvious supporter of the philosophical history of philosophy, but his sensitivity to the historicity and systemic nature of philosophy contributed to the preservation of informative histories of philosophy. This was facilitated not only by the Hegelian approach, but also by the *Bildung* idea and the significant successes of classical German philology. Both philosophers idealized an a priori logical approach to the history of philosophy, but realized its impossibility due to the significant role of the empirical basis in the history of philosophy.

References

1. Berestov, I.V., Volf, M.N. & Domanov, O.A. (2019) *Analiticheskaya istoriya filosofii. Metody i issledovaniya* [Analytical History of Philosophy. Methods and Research]. Novosibirsk: Ofset TM.
2. Kant, I. (1980) *Logika. Posobie k lektsiyam 1800* [Logic. Lecture manual 1800]. In: Gulyga, A.V. (ed.) *Traktaty i pis'ma* [Treatises and Letters]. Moscow: Nauka. pp. 319–444.
3. Kant, I. (n.d.) *Handschriftlicher Nachlaß: Lose Blätter zu den Fortschritten der Metaphysik*. F3. pp. 340.25–35, 341.1–15. [Online] Available from: <https://korpora.zim.uni-duisburg-essen.de/kant/aa20/> (Accessed: 18th February 2021).
4. Hegel, G.V.F. (2001) *Leksii po istorii filosofii* [Lectures on the History of Philosophy]. St. Petersburg: Nauka.
5. Oyzerman, T.I. (2004) Kant kak istorik filosofii [Kant as a historian of philosophy]. *Kantovskiy sbornik*. 1(24). pp. 3–24.
6. Micheli, G. (2015) Philosophy and Historiography: The Kantian Turning-Point. In: Piaia, G. & Santinello, G. (eds) *Models of the History of Philosophy*. Vol. III. Springer. pp. 697–768.
7. Ameriks, K. (2006) *Kant and the Historical Turn: Philosophy as Critical Interpretation*. Oxford: Oxford University Press.
8. Hegel, G.V.F. (2001) *Leksii po istorii filosofii* [Lectures on the history of philosophy]. Vol. 1. St. Petersburg: Nauka.
9. Kant, I. (2006) *Sochineniya na nemetskom i russkom yazykakh* [Works in German and Russian]. Vol. 2. Translated from German. Moscow: Nauka.
10. Zeller, E. (1996) *Ocherk istorii grecheskoy filosofii* [Essay on the history of Greek philosophy]. Translated from German by S.L. Frank. St. Petersburg: Aleteyya.
11. Smith, R. (2008) *Istoriya gumanitarnykh nauk* [History of the Humanities]. 2nd ed. Translated from English. Moscow: HSE.

12. Kurennoy, V.A. (2017) *Istoriya filosofskoy istorii ponyatiy: predislovie k perevodu G. Lyubbe* [The history of the philosophical history of concepts: a preface to the translation of G. Lubbe]. *Sotsiologiya vlasti – Sociology of Power*. 32(4). pp. 197–239. DOI: 10.22394/2074-0492-2017-4-197-239

13. Boytsova, O. (2007) *Istoriya filosofii Vil'gel'ma Vindel'banda* [History of Philosophy of Wilhelm Windelband]. In: Windelband, W. *Istoriya novoy filosofii v ee svyazi s obshchey kul'turoy i otdel'nymi naukami* [History of new philosophy in its connection with general culture and individual sciences]. Vol. 1. Translated from German. Moscow: Giperboreya : Kuchkovopole. pp. 5–10.

14. Windelband, W. (1997) *Istoriya filosofii* [History of philosophy]. Translated from German by P. Rudin. Kyev: Nika-Tsentr.

УДК 1(091)

DOI: 10.17223/1998863X/63/7

А.В. Ворохобов

ГЕНЕЗИС И ЭВОЛЮЦИЯ АНТИМЕТАФИЗИЧЕСКОГО ТРЕНДА В ФИЛОСОФИИ НОВОГО ВРЕМЕНИ

В статье показано, как метафизический тренд стал терять свою актуальность в Новое время, поскольку метафизически ориентированная философия оказалась неспособной дать удовлетворительные ответы на вызовы эпохи. Мировоззренческие трансформации привели к тому, что к XIX в. в европейской философии четко оформилось антиметафизическое направление. Доведенные до своего логического завершения гуманистические интенции новоевропейской философии изменили фокус восприятия объективной реальности и места в ней человека, позволив отказаться от эссенциалистских стратегий, сфокусировавшись на исторической практике.

Ключевые слова: метафизика, антиметафизика, философия Нового времени, идеализм, критическая философия, антропология, гуманизм, материализм, историзм

Несмотря на различные интересы, мотивы и цели многочисленных философских направлений, которые в настоящее время появляются на современной философской сцене, все они приходят к согласию, когда речь идет о контексте их функционирования. Здесь представители разных направлений сходятся в том, что современный дискурс философии тождествен контексту постметафизического мышления. К примеру, и теория деконструкции Ж. Дерриды, и теория коммуникативного действия Ю. Хабермаса, или современная «сферология» П. Слотердайка [3. С. 240; 21. Р. 16; 16. С. 70–71] – все они указывают на то, что современное философствование следует мыслить с учетом явного размежевания с метафизической традицией западной философии. Постметафизическая ориентация современной философии неразрывно связана с антиметафизической тенденцией в западноевропейской философской традиции, представляя собой следствие трансформации «философских стратегий в отношении языка философии. Философия понимается не столько как исследование, сколько множественное истолкование, принимающее во внимание фигуральность философского языка» [15. С. 16]. Таким образом, чтобы понять магистральные составляющие современного философского дискурса, необходимо обратиться к ключевым моментам, идейным истории критики метафизики. Речь, в первую очередь, идет о философской традиции Нового времени и, в частности, о том, какова была логика переосмысления паттернов западноевропейской философии в XIX в. Исследование возможности разработки и применения антиметафизических дискурсов в контексте современного гуманитарного знания было начато автором в ряде работ [3–6]. Данное исследование станет очередным шагом в разработке и адаптации философской методологии к современным требованиям научного знания.

Одним из наиболее ярких характеристик традиции западной метафизики, и в особенности ее философской составляющей в Новое время, является не только то, что она представляется сформированным и замкнутым на себе и

своей истории единством, но и то, что она целенаправленно формирует позицию, согласно которой вне ее границ любое достоверно обоснованное философское знание представляется невозможным. Дело обстоит так, словно любой вопрос и любой ответ, касающиеся этой традиции, с необходимостью ставятся и разрешаются лишь в рамках границ самой этой традиции, т.е. исходя из ее логических принципов и аксиом, ее законов и правил, ее рациональных процедур и т.д., так что всякая попытка мыслить вне этих пределов расценивается как изначально обреченное на неудачу предприятие. Таким образом, западная метафизическая философская традиция Нового времени представляет собой такое пространство, где любая философская постановка проблемы должна находить свое разрешение в парадигме четких правил. Достоверность и обоснованность такого подхода начинает терять свою релевантность тогда, когда внимание обращается на то, как представители метафизической традиции Запада пытаются разъяснить многообразные интересы и вопросы философии, отталкиваясь при этом от желания сведения философской проблематики к минимуму и подчинить своим намерениям (к примеру, обоснование научного статуса философского знания) все идеи и предложения, продуцируемые философским дискурсом. В этом случае метафизика представляется уже не всеохватным знанием, с помощью которого возможно разрешить все возможные вопросы, но лишь таким способом мышления, используя которое, можно достичь каких-то заранее определенных целей.

Целью классической западной философии было создание научной системы, руководствующейся принципом абсолютной достоверности, так, чтобы в рамках этой системы было возможно использование различных принципов и законов для утверждения философии как логически неопровержимого феномена. Все это было по сути своей лишь теоретической попыткой выражения исторического развития отношения Нового времени к миру объектов, который стал, в отличие от Средневековья, восприниматься не в теистически волюнтаристическом ключе, но как сущее, которое возможно изменять и преобразовывать, если иметь надлежащие знания, орудия и навыки. Человек постепенно сделал себя средоточием жизни и рефлексии, в чем, собственно, и состоит сущность гуманизма. Не случайно то, что человеческое сознание стало восприниматься в качестве субъекта познания реальности в ее целокупности, и именно из воспринимаемого таким образом сознания выводились необходимые принципы философии. Такая позиция не учитывает того, что человек не является одномерным бытием, свойства которого могли бы быть сведены к чистому сознанию. Человек свободен и именно благодаря этому может уклоняться и ускользать от подходов, ориентированных на научную необходимость.

Таким образом, для классической философии Нового времени, ориентированной на утверждение философии в качестве науки или как систематического мышления, человеческая свобода стала проблемой, мешающей стабильности развития такой философии. Поэтому различные философы Нового времени пытались подчинить понятие «свобода» разуму и логике субъекта, полагая, что негативного воздействия на науку удастся избежать лишь в том случае, если подвести свободу человека под необходимые законы разума. В конце концов, немецкий идеализм установил свободу как принцип, из которого может быть выведена необходимость самой научности системы фило-

софии, так что, по-видимому, свобода и необходимость были примирены. Однако сомнительность такого предприятия была очевидна даже для представителей немецкого идеализма. Может ли понятие «свобода» мыслиться в рамках философской системы или это понятие не может быть совмещено с такой системой? Немецкий идеализм в лице Ф.В.Й. Шеллинга предпринял последнюю обстоятельную попытку специального рассмотрения данной темы. Поскольку Ф.В.Й. Шеллинг в своей философии системы воспринимает иррациональность свободы наряду с рациональностью разума, он неизбежно приходит к вопросу о том, связана ли эта иррациональность с логическими предпосылками философской системы, что позволило бы им беспрепятственно сосуществовать [18].

Вслед за немецким идеализмом для многочисленных мыслителей постепенно становится ясно, что неопределенность свободы в полном объеме не может быть выражена в границах метафизики Нового времени. То обстоятельство, что сущность человека считалась всего лишь мышлением, и что это мышление как субъект любой индивидуальной деятельности, из которого следуют все законы теоретической и этической философии, представлялось этим мыслителям редуцированием многообразных человеческих качеств, которые в этом теоретическом горизонте можно было охватить всегда лишь несовершенным способом. Таким образом, и свобода, которая по существу считалась свободной волей, и человеческое бытие, сведенное к понятию субъекта, стали мыслиться находящимися за пределами интересов чистой науки. Это, однако, не означает, что стремление к надежно обоснованному научному знанию внезапно исчезло, словно бы его до этого не существовало. Научное мышление еще долгое время превалировало в философском мышлении. Сказанное указывает на тенденцию, которая с течением времени во второй половине XIX в. лишь усиливалась.

Развитию этой новой философской тенденции, имеющей корни в английском и французском Просвещении, наиболее активно способствовали различные политические, социальные и экономические события, которые постепенно размывали традиционное представление о мире. Английская гражданская война, а затем и французская революция показали, что свобода была не просто теоретическим или морально-практическим понятием, а политической и жизненно важной целью, ради которой выходцы из разных социальных слоев готовы были сражаться и умирать. Со своей стороны, успехи международной торговли и промышленная революция дали понять, что есть возможность вести «свободную» жизнь в рамках современного общества, находясь в непосредственной связи с экономическим развитием конкретной страны [22. Р. 234–252].

Процесс помещения человека в центр мира и культуры в эпоху Нового времени способствовал новому антропологическому пониманию, когда переосмысливались прежние модели, воспринимавшие человека, главным образом, как сотворенную душу или как чистое сознание. Старые подходы стали восприниматься как ограничивающие намечающиеся тенденции к изменению индивидуальных и политических устремлений к свободной жизни. Что касается философии, метафизическая концепция все еще находилась в тесной связи с религиозным мировоззрением, – о чем, в частности, свидетельствуют труды представителей немецкого идеализма, – что противоречило утвержде-

нию о полной автономии человека в мире. Итак, новая концептуализация человеческой свободы, отвечающая требованиям эпохи, предполагала создание иного понимания человеческого бытия и одновременно преодоление теологических подходов в философии, что позволило бы закрепить центральное положение человека, чего требовал еще ренессансный гуманизм.

Таким образом, требование реформирования целей, интересов и общей теории философии, с этой точки зрения, стало когерентным следствием радикализации предпосылок западного гуманизма и в результате традиционной европейской метафизики. Тем не менее, такое реформирование представлялось мыслителям того времени полной отменой старых предпосылок и заблуждений метафизики, преграждавшей путь свободного мышления и действия. Поэтому различные авторы, непосредственно критиковавшие метафизику, понимали их собственные предприятия как инверсию метафизики. Так, к примеру, с точки зрения К. Маркса, его «диалектический метод по своей основе не только отличен от гегелевского, но является его прямой противоположностью. Для Гегеля процесс мышления, который он превращает даже под именем идеи в самостоятельный субъект, есть демиург действительного, которое составляет лишь его внешнее проявление. У меня же наоборот, идеальное есть не что иное, как материальное, пересаженное в человеческую голову и преобразованное в ней» [14. С. 21]. При этом критики метафизики никогда не покидали своего теоретического горизонта (гуманизма). Собственно, они различными способами хотели разблокировать путь «подлинного гуманизма», критикуя и радикализируя предпосылки философии Нового времени. Можно выделить по крайней мере пять основных черт такого рода реформирования философии Нового времени. При этом даже если главным образом говорится о философах XIX в., необходимо иметь в виду и мыслителей XVIII в., поскольку речь идет о долгосрочных тенденциях, развивавшихся в течение длительного исторического отрезка.

Во-первых, мыслители, занимающиеся созданием новой концепции философии, стремились преодолеть идеалистический фон, который традиционно был основой западной философии. Идеализм для этих новых теоретиков представлял собой источник редуцирования и, в большинстве случаев, отрицания плюральности феноменов мира, основной причиной всех заблуждений и ошибок, тормозивших потенциал философии. Для этих мыслителей теологическая концептуализация, подавляемая философией Нового времени из-за ограничения ею абсолютной автономии человека, посредством выведения его сущности и происхождения за пределы феноменального мира, стала логическим следствием метафизических предпосылок, из которых исходило само идеалистическое мышление. Именно поэтому внезапно появившийся материализм стал таким способом теоретизирования, который попытался включить в себя и выразить физическую реальность во всей ее комплексности, включая человека. Согласно классической интерпретации, необходимое условие возможности возрождения философского материализма было дано уже в кантовском различении ноуменов и феноменов, хотя при этом немецкий идеализм отнесся к этому без особого внимания. Только в 1830 г. (за год до смерти Г.В.Ф. Гегеля) в Германии возникло настоящее материалистическое течение, главной фигурой которого стал Л. Фейербах. Тем не менее, спустя долгое время важнейшее побуждение к возникновению философского материализма было

обнаружено во французском и английском Просвещении. Идеи стали рассматриваться уже не как вечные сущности, которым подчинены явления мира, а скорее как результат телесной и физической деятельности человека, которая могла вызвать все духовные представления через впечатление, производимое внешними предметами на его чувства [19. С. 108–111]. В развитие наработок французских материалистов XVIII в. восприимчивость и деятельность человека были возвышены до положения источника и начала мира идей [8. С. 153].

Во-вторых, необходимость выработки новой концепции, отменяющей первенство теории перед практикой, возникла как логическое следствие постановки вопроса относительно идеалистического фона западной философии. Если задача философии уже не сводится к исследованию вечной сущности идей, но имеет дело с прояснением и исследованием естественных и телесных феноменов с точки зрения их материальной деятельности и обстоятельств, становится необходимым определение качеств этой конкретной деятельности не ради теории, а ради практики. Согласно такому подходу, теория является всего лишь вторичной активностью, которая реализуется лишь потому, что ей предшествует производство необходимых для существования продуктов посредством человеческого труда. Если жизненные потребности оставались неудовлетворенными, теория не имела права на существование. Соответственно, теория должна быть подчинена практике для того, чтобы облегчить достижение прикладных целей. В отличие от гегелевского подхода, где одна из важнейших задач философии заключается в размышлении о прошлом, главной целью нового понимания философии стало понимание различных свойств человеческой практики, а затем изменение на основании этого знания жизни людей, о чем, впрочем, ранее говорили и некоторые философы французского Просвещения. В конце знаменитой книги Вольтера «Кандид или оптимизм» главный герой Мартэн говорит своему учителю – Панглосу, утверждавшему вслед за Г.В. Лейбницем, что что бы не происходило, мир остается лучшим из возможных, следующее; «Будем работать, не рассуждая, – сказал Мартэн, – это единственное средство сделать жизнь сносной» [2. С. 265]. Несколько десятилетий спустя А. Сен-Симон подкрепил это утверждение, подчинив труд мыслителей труду промышленников: «Ученые оказывают чрезвычайно важные услуги промышленному классу; но они получают от него еще более важные услуги; они получают от него существование; не кто иной, как промышленный класс удовлетворяет все их примитивные потребности, равно как их разнородные физические наклонности; он же доставляет им инструменты, необходимые им для выполнения своих работ... Поэтому он вправе сказать ученым и тем более всем не-промышленникам: мы согласны вас питать, доставлять вам жилища, одевать вас и вообще удовлетворять все ваши физические наклонности только при таком-то и таком-то условии» [12. С. 152].

В-третьих, чем больше новые теоретики выдвигали претензий к идеалистическим предпосылкам философского знания и отказывались от них, тем более укреплялась позиция, для которой поиск онтологической истины или онтологической сущности вещей за пределами существующего мира выражал лишь неспособность различных философов учитывать сложность мира. Вместо отыскивания вечных и неизменных принципов интеллигибельного мира, эти мыслители направили свои усилия на то, чтобы понять природные и социальные законы. Что касается мира людей, поиск онтологических пред-

посылкой, обуславливавший прежние подходы философии, был переориентирован на историю, когда ответы на вопросы о сущности человека должны были продуцироваться лишь в рамках конкретных сообществ и эмпирии (см. [7. С. 379–380]). По справедливому замечанию И.В. Демина, в научном дискурсе XIX в. реальная жизнь все более «начинает рассматриваться как источник всякого познания, в том числе философского и исторического. О разрыве с классическим трансцендентализмом свидетельствует принципиально новая постановка вопроса о сущности человека, которая выражается в широко известном высказывании Дильтея: „Что есть человек, может сказать ему только его история“» [10. С. 38].

Возникновение исторической мысли в рамках современной философии началось, разумеется, не в XIX в. Первые важные размышления относительно истории имеют место быть в начале XVIII в. (Э.Э.К. Шефтсбери, Д. Вико), которые позже были развиты в Германии такими авторами, как И.Г. Гердер и И.И. Винкельман [1. С. 291–342; 9. С. 29–61]. Однако эти интерпретации истории имели еще глубоко идеалистическую и теологическую подоплеку, которую критики метафизики принять не могли. Новое материалистическое и историческое мышление вступало в противостояние с любым теологическим и идеалистическим теоретизированием, подчеркивая человеческую практику как средоточие своего подхода. В согласии не с априорными, а с эмпирическими и историческими апостериорными принципами всякое философское исследование должно было найти свой собственный путь. Таким образом, историческое мышление медленно становилось преобладающим, когда, исходя из его принципов, объяснялось большинство антропологических явлений, что, в свою очередь, имело важные последствия для осмысления субъекта. Не удивительно поэтому, что К. Маркс и Ф. Энгельс пишут следующее: «Мы знаем только одну единственную науку, науку истории. Историю можно рассматривать с двух сторон, ее можно разделить на историю природы и историю людей» [13. С. 16].

Классическая философия Нового времени всегда рассматривала человека с точки зрения его идентичности, когда его физические свойства считались несущественными чертами его бытия, зависимыми от действия времени. Напротив, сознание представляло для нее неизменный антропологический модус существования, который впоследствии мог считаться субъектом человеческой реальности. Даже Г.В.Ф. Гегель, воспринявший историчность духа как важнейшую особенность своей философии, мыслил человека с точки зрения сознания и концептуализировал его изменения в соответствии с вечными правилами логики. В противоположность этому критика метафизики предполагала сущность человеческого бытия как социальный и исторический результат развития самого человека, т.е. как следствие эмпирической жизни, для понимания которой можно мыслить лишь апостериорно. Для этого нового понимания философии прежнее метафизическое представление о человеке означало абстракцию или ограничение его различных качеств, на которые она не обращала никакого внимания [17. С. 24–51]. Отказ от понятия субъекта начался именно с этой критики идеалистического понимания человеческой идентичности. Классическая философия Нового времени мыслила человеческое бытие как субъект, так как ее целью было нахождение неизменного порядка идентичности человека для обоснования научного познания, высшей

целью которого считалось достижение абсолютной определенности. При этом в пользу критики метафизики свидетельствовало реальное наличие различных характеристик человека, находящихся за рамками исключительно философского интереса мыслителей (т.е. за пределами теоретических дискуссий об определении различных терминов). Это непосредственно означало отказ от веры в одну-единственную черту, составляющую человеческую личность априори, и признание различных черт человеческого бытия, идентичность которого определяется лишь апостериори и никогда абсолютным образом. Тем не менее это дистанцирование от классического определения человека как субъекта не означало выхода из гуманистической традиции. Напротив, с отказом от идеалистического определения человека возникло новое представление о нем, позволяющее рассматривать его многообразные качества без каких-либо теоретических ограничений. Парадоксальным образом речь в данном случае может идти о гуманизме без бытия субъекта. Здесь снова нужно сделать оговорку, что в случае этого теоретического феномена речь идет лишь о тенденции. Мышление, ориентированное на человеческую идентичность, продолжало существовать, хотя с течением времени все менее ориентируясь на прежние метафизические предпосылки, рассматриваемые как антропологические онтологические свойства.

В качестве четвертой характеристики новой концепции философии следует упомянуть возрастающую роль критического мышления. Хотя И. Кант был первым, кто подчеркнул важность критики для философии, его предложения и намерения были радикально противоположны интересам и намерениям новых философов. Для него критика все еще считалась методом ограничения нюансов метафизики, так что в конечном итоге сама метафизика могла быть строго научной. Напротив, теоретики, ставившие под сомнение всю традицию западной философии, определили критику как важнейший инструмент, с помощью которого метафизика, и вместе с ней вся идеалистическая традиция, должны быть уничтожены. Их целью было именно преодоление метафизики, а не ее спасение. В то же время они хотели заменить побежденную метафизику материалистическим и нерелигиозным мышлением, которое могло бы полностью осмыслить сложность человеческого существования. «В религии, – писал Б. Бауэр, – человек лишается себя и своей природы, которая крадется у него и помещается на небеса, становясь неприродой, нечеловеческим, бесчеловечным. Критика – это кризис, который разрушает бред человечества и позволяет людям снова узнать себя» [20. S. 122].

Пятой характеристикой критики метафизики в XIX в. была окончательная реализация Просвещения, а именно полное освобождение людей от религиозных и социальных оков. Свобода человека больше не представлялась проблемой, препятствующей философским целям критически настроенных философов, а становилась самоцелью, на которую должны были быть направлены все теоретические усилия. Между необходимостью науки и непредсказуемой свободой человека критики метафизики выбрали последнюю, и таким образом они сняли проблему, уже долгое время волновавшую мыслителей Нового времени, относительно допущения о мыслящем субъекте, полностью оправданном философией как наукой, о его несомненно обоснованной сущности и о принятии наличия предполагаемого свободного произ-

воления или свободы воли, находящейся в основе самого субъекта, что стало под угрозой оправдание философии как науки.

Первым мыслителем, который в своей философии суммировал различные варианты критики упомянутой метафизики и тем самым разработал новую и независимую концепцию свободы, выходящую за рамки концепции субъекта, стал Карл Маркс. Далее наиболее ярким критиком метафизики в XIX в. стал Ф. Ницше, указавший на несостоятельность эссенциального понимания субъекта и констатировавший материальную реальность в качестве единственно подлинной. Критика метафизики в контексте переосмысления стратегий философского знания в XX в. прямо или опосредованно разрабатывалась такими мыслителями, как М. Хайдеггер, М. Хоркхаймер, Л. Витгенштейн, Ю. Хабермас, Р. Ротри, Ж.Л. Марион, А. Бадью, Дж. Ваттимо, М. Бланшо, В. Декомб, М. Анри, Э. Левинас, Ж.-Ф. Лиотар, и многими другими. Магистральными трендами постметафизической философской традиции становятся проекты, ориентированные на феноменологию, герменевтику и деконструктивизм.

Исследование показало, что антиметафизическая направленность поздней западноевропейской философии Нового времени связана с культурными, историческими, социальными и интеллектуальными изменениями, с особой силой обнаружившимися во второй половине XIX в. Метафизика как способ мышления, ориентированный на эссенциальное обоснование своих аксиом и следующих из них стратегий, обнаруживает свою слабость в том, что редуцирует полноту философского знания до тех проблем, которые являются приоритетными для нее. Изменение парадигмы понимания мира объектов и места человека в мире привело к тому, что сознание человека стало восприниматься как единственный адекватный инструмент для постижения реальности в целом. Трансформации восприятия антропологических феноменов, в частности свободы, повлекло за собой то, что метафизика стала рассматриваться как такая система теоретизирования, которая игнорирует реальность с ее нюансами и неопределенностью. Критика метафизики исходила из ориентации на материальную реальность и как следствие на историю и практику. При этом следует отметить, что, будучи логически необходимым следствием развития философии Нового времени, антиметафизический тренд сам оказался несвободным от недостатков метафизической традиции. Критикуя метафизику за односторонность и бессмысленность в процессе разработки философских проблем и борясь с метафизикой за власть, антиметафизические мыслители, сами того не замечая, трансформировали философский дискурс в гиперметафизику, т.е. в тип философии, претендующий на большую онтологическую или методологическую обоснованность и на обладание универсальным смыслом. Смена научной парадигмы в XIX в., эмансипировавшая паттерны западной философии науки от метафизических философских систем, в конечном итоге стала основой трансформаций мировоззренческих установок современной эпохи.

Литература

1. Барз М.А. Эпохи и идеи. Становление историзма. М. : Мысль, 1987. 348 с.
2. Вольтер. Кандид или оптимизм // Философские повести и рассказы, мемуары и диалоги. М. ; Л. : ACADEMIA, 1931. С. 135–268.

3. *Ворохобов А.В.* Проблема референта протестантского герменевтического дискурса: метод «гуманистической» теологии // Вестник Нижегородского государственного лингвистического университета им. Н.А. Добролюбова. 2012. Вып. 17. С. 237–245.
4. *Ворохобов А.В.* Протестантская пневматическая герменевтика сакральных текстов на Западе // Вестник Нижегородского государственного лингвистического университета им. Н.А. Добролюбова. 2015. Вып. 30. С. 125–133.
5. *Ворохобов А.В.* Спецификация протестантской герменевтики сакральных текстов на Западе // Труды Нижегородской духовной семинарии. 2013. Вып. 11. С. 7–36.
6. *Ворохобов А.В.* Традиционное христианство и характеристические особенности актуальной религиозности на Западе // Вестник Нижегородского государственного лингвистического университета им. Н.А. Добролюбова. 2012. Вып. 19. С. 210–220.
7. *Ворохобов А.В.* Эволюция протестантской антропологии в философско-религиозном наследии неоортодоксии : дис. ... д-ра филос. наук. Нижний Н., 2018. 520 с.
8. *Гельвеций К.А.* Об уме // Сочинения : в 2 т. / сост., общ. ред. и вступ. ст. Х.Н. Момджяна. М. : Мысль, 1973. Т. 1. 647 с.
9. *Давыдов Д.П.* Историзм как тип мировоззрения в немецкой философии середины 19-го – начала 20-го века : дис. ... канд. филос. наук. Тверь, 2009. 194 с.
10. *Демин И.В.* Принцип историзма в постметафизическом контексте // Философские науки. 2016. С. 34–44.
11. *Деррида Ж.* О грамματοлогии. М. : Ad Marginem, 2000. 511 с.
12. *Сен-Симон А., Конт О.* Катехизис промышленников, или Система позитивной этики. М. : Кн. дом «ЛИБРОКОМ», 2011. 176 с.
13. *Маркс К., Энгельс Ф.* Немецкая идеология. Критика новейшей немецкой философии в лице ее представителей Фейербаха, Б. Бауэра и Штирнера и немецкого социализма в лице его различных пророков // Полное собрание сочинений. М. : Гос. изд-во полит. лит., 1955. Т. 3. С. 7–554.
14. *Маркс К.* Капитал. Послесловие ко второму изданию // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. Т. 23. С. 12–22.
15. *Малкина С.М.* Проблема критики метафизики и постметафизическое мышление : дис. ... д-ра филос. наук. Саратов, 2017. 376 с.
16. *Слотердайк П.* Сферы I. Микросферология. Пузыри. СПб. : Наука, 2005. 652 с.
17. *Фейербах Л.* Сущность христианства // Сочинения : в 2 т. М. : Наука, 1995. Т. 2. 425 с.
18. *Шеллинг Ф.В.Й.* Философские исследования о сущности свободы и связанных с ней предметов // Сочинения : в 2 т. М. : Мысль, 1989. Т. 2. 636 с.
19. *Штракс М.Г.* Просвещения во Франции // Философия и политология: история и современность. 2017. С. 102–115.
20. *Bauer B.* Die gute Sache der Freiheit und meine eigene Angelegenheit // Feldzüge der reinen Kritik, Einleitung von Hans Martin Sass. Frankfurt, 1968. S. 91–162.
21. *Habermas J.* Postmetaphysical thinking: Philosophical essays. Cambridge ; L., 1992. 264 p.
22. *Hobsbawm E.J.* The Age of Revolution. Europe 1788–1848, Great Britain 1972. 368 p.

Alexander V. Vorokhobov, Nizhny Novgorod State Pedagogical University (Nizhny Novgorod, Russian Federation).

E-mail: vorokhobov@yandex.ru

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya – Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science. 2021. 63. pp. 64–74.

DOI: 10.17223/1998863X/63/7

THE GENESIS AND EVOLUTION OF THE ANTI-METAPHYSICAL TREND IN THE PHILOSOPHY OF THE MODERN PERIOD

Keywords: metaphysics; antimetaphysics; philosophy of modern period; idealism; critical philosophy; anthropology; humanism; materialism; historicism

This article conceptualizes and analyzes the anti-metaphysical trend in the Western philosophical tradition. Emphasis is placed on the period when this criticism manifested itself most vividly (19th century). The basic structure of the metaphysically oriented classical Western European philosophy is reconstructed and the logic of criticism of metaphysical philosophical thinking is conceptualized in the context of cultural, historical, social, and intellectual transformations that mark the end of the modern period. It is proved that metaphysical approaches in the philosophy of the modern period began to lose their relevance due to their limitations associated with methodological settings, which assumed that all

philosophical questions are produced and resolved in a clearly fixed framework of metaphysically oriented systems. Change of perception of the world of objects and understanding of the place of the person in the structure of reality led to the formation, based on various previous directions, of a regular anti-metaphysical trend in the new European philosophy in the 19th century. The rejection of the metaphysical consideration of man in an essential way allowed expanding the anthropological horizon with components that were not available to previous models. Philosophical strategies were reoriented from the unchanging and eternal to the concrete historical, from theory to practice. A new critical direction in philosophy claimed to be comprehensive in the perception of reality. At the same time, the principle of criticism was perceived not as correcting and creating, but as an instrument for the destruction of metaphysical tradition. In the 19th century, anti-metaphysical philosophical criticism became a logical continuation and implementation of anti-religious intentions of the Enlightenment; in idealism, such criticism found weaknesses due to the Western European theological background. Bringing the key provisions of the philosophy of the modern period to a logical conclusion by criticizing them, the critics of metaphysics perceived their enterprise as a concrete realization of previous humanistic attitudes.

References

1. Barg, M.A. (1987) *Epokhi i idei. Stanovlenie istorizma* [Eras and Ideas. The Formation of Historicism]. Moscow: Mysl'.
2. Voltaire. (1931) *Filosofskie povesti i rasskazy, memuary i dialogi* [Philosophical stories, memoirs and dialogues]. Moscow; Leningrad: ACADEMIA. pp. 135–268.
3. Vorokhobov, A.V. (2012) Protestantskaya pnevmaticheskaya germeneytika sakral'nykh tekstov na Zapade [The problem of the referent of the Protestant hermeneutic discourse: the method of "humanistic" theology]. *Vestnik Nizhegorodskogo gosudarstvennogo lingvisticheskogo universiteta im. N.A. Dobrolyubova – Nizhny Novgorod Linguistics University Bulletin*. 17. pp. 237–245.
4. Vorokhobov, A.V. (2015) Protestant pneumatic hermeneutics of sacred texts in the West. *Vestnik Nizhegorodskogo gosudarstvennogo lingvisticheskogo universiteta im. N.A. Dobrolyubova – Nizhny Novgorod Linguistics University Bulletin*. 30. pp. 125–133. (In Russian).
5. Vorokhobov, A.V. (2013) Spetsifikatsiya protestantskoy germeneyтики sakral'nykh tekstov na Zapade [The specification of Protestant hermeneutics of sacred texts in the West]. *Trudy Nizhegorodskoy Dухovnoy seminarii*. 11. pp. 7–36.
6. Vorokhobov, A.V. (2012) Traditsionnoe khrіstianstvo i kharakteristicheskie osobennosti aktual'noy religioznosti na Zapade [The traditional Christianity and characteristics of actual religiosity in the West]. *Vestnik Nizhegorodskogo gosudarstvennogo lingvisticheskogo universiteta im. N.A. Dobrolyubova – Nizhny Novgorod Linguistics University Bulletin*. 19. pp. 210–220.
7. Vorokhobov, A.V. (2018) *Evolutsiya protestantskoy antropologii v filosofsko-religioznom nasledii neoortodoksii* [The evolution of Protestant anthropology in the philosophical and religious heritage of neo-orthodoxy]. Philosophy Dr. Diss. Nizhny Novgorod.
8. Gelvetsiy, K.A. (1973) *Sochineniya* [Works]. Vol. 1. Moscow: Mysl'.
9. Davydov, D.P. (2009) *Istorizm kak tip mirovozzreniya v nemetskoй filosofii serediny 19-go – nachala 20-go veka* [Historicism as a type of worldview in German philosophy of the mid-19th – early 20th century]. Philosophy Cand. Diss. Tver.
10. Demin, I.V. (2016) The principle of historicism in a postmetaphysical context. *Filosofskie nauki*. 12. pp. 34–44. (In Russian).
11. Derrida, J. (2000) *O grammatologii* [About Grammatology]. Translated from French. Moscow: Ad Marginem.
12. Saint-Simon, A. & Comte, O. (2011) *Katekhizis promyshlennikov, ili sistema pozitivnoy etiki* [Catechism of industrialists, or a system of positive ethics]. Translated from French. Moscow: LIBROKOM.
13. Marx, K. & Engels, F. (1955) *Polnoe sobranie sochineniy* [Complete Works]. Vol. 3. Translated from German. Moscow: Gosudarstvennoe izdatel'stvo politicheskoy literatury. pp. 7–554.
14. Marx, K. (n.d.) Kapital. Posleslovie ko vtoromu izdaniyu [Capital. Afterword to the second edition]. In: Marx, K. & Engels, F. *Sochineniya* [Works]. Vol. 23(1). pp. 12–22.
15. Malkina, S.M. (2017) *Problema kritiki metafiziki i postmetafizicheskoe myshlenie* [The problem of criticism of metaphysics and post-metaphysical thinking]. Philosophy Dr. Diss. Saratov.
16. Sloterdijk, P. (2005) *Sfery. Mikrosferologiya* [Spheres. Microspherology]. Vol. 1. Translated from German. St. Petersburg: Nauka.
17. Feuerbach, L. (1995) *Sochineniya* [Works]. Vol. 2. Translated from German. Moscow: Nauka.

18. Shelling, F.V.J. (1989) *Sochineniya* [Works]. Vol. 2. Translated from German. Moscow: Mysl'.
19. Straks, M.G. (2017) *Filosofiya Prosveshcheniya vo Frantsii* [Philosophy of Enlightenment in France]. *Filosofiya i politologiya: istoriya i sovremennost'*. pp. 102-115.
20. Bauer, B. (1968) *Feldzüge der reinen Kritik*. Frankfurt: Suhrkamp. pp. 91–162.
21. Habermas, J. (1992) *Postmetaphysical Thinking: Philosophical Essays*. Cambridge: MIT Press.
22. Hobsbawm, E.J. (1972) *The Age of Revolution. Europe 1788–1848*. Great Britain: Vintage.

УДК 130.2

DOI: 10.17223/1998863X/63/8

С.А. Гашков

К ФИЛОСОФСКОЙ МЕТОДОЛОГИИ ИССЛЕДОВАНИЯ И КЛАССИФИКАЦИИ ПОСТСТРУКТУРАЛИЗМА

Термин «постструктурализм», широко используемой в исследовательской литературе, оказывается неудовлетворительным не столько с исторической, сколько с философской точки зрения. Однако мы не останавливаемся на критике этого ставшего привычным понятия. Применяя к данной проблеме методологию классификации, мы получаем уровень, на котором естественная классификация философских концептов оказывается возможной.

Ключевые слова: *постструктурализм, французская философия, Фуко, классификация*

1. Философия постструктурализма или «французская теория»

Постструктурализм – одно из самых противоречивых понятий, которое было выработано историей философии. Можно сказать, что, в отличие от других историко-философских абстракций, оно в наибольшей степени продиктовано отвлеченным, дистанцирующим себя подходом. Больше всего удивления и недоумения «постструктурализм» вызывает во Франции. «Того, что такие теоретики, – отмечает Й. Ангермюллер, – как Мишель Фуко, Жак Деррида, Жак Лакан..., пользовались широким вниманием в поле структуралистских, фрейдистских и марксистских споров 60-х и 70-х гг. XX столетия, ведущихся во Франции, никто не оспаривает. Но, почему эти теоретики..., которые имеют друг с другом мало общего, снабжаются интернациональными наблюдателями странной приставкой «пост» и объединяются в движение под предводительством... Фуко и Деррида?» [1. С. 5].

Одна часть исследователей постструктурализма признает его как исторически существовавшее движение. Они подчеркивают его деривационный и мифопоэтический характер. По сути своей он видится им как некое монолитное течение. «Постструктурализм в целом можно определить как общеметодологическую основу, на базе которой деконструктивисты и постмодернисты выстраивали свои концепции, отличающиеся фактически лишь сменой исследовательских приоритетов, иными идейно-эстетическими ориентациями и более практическим характером анализа, нацеленного прежде всего на изучение литературы» [2]. Постструктурализм продолжает критику западного социального сознания «как сознания буржуазного», самая его показательная сторона – «критика структуры». Эволюция постструктурализма достаточно четко прочитывается на материале сравнения текстов Фуко и Деррида, с программными заявлениями Р. Барта, К. Леви-Стросса и Ц. Тодорова. Постструктурализм становится, по сути, неким пандисциплинарным интернациональным «научным мифом», целокупно характеризующим разные философские, литературоведческие, политологические тенденции, особенно во Франции и США.

Более правильный шаг делают, на наш взгляд, не исследователи, которые исходят не из того, что критиковали постструктуралисты (что само по себе грозит регрессией в бесконечность: является ли критикуемая ими «метафизика» исторической метафизикой?), а из методологических инноваций, производимых этими философами. Так, Дж. Уильямс пытается обнаружить внутреннюю герменевтическую связь между работами Деррида, Делёза, Фуко и Кристевой и подчеркивает, что основной объединяющей чертой для «постструктуралистов» является то, что «предел» (периферия) для них не менее важен, чем «ядро» [3]. Тем не менее, на наш взгляд, такой подход продолжает тенденцию обнаружения некой однородной «французской теории», что не объясняет самого факта расцвета философской мысли в послевоенной Франции. «Французская теория» преподносится часто вместо самой французской философии. «Американский опыт прочтения, – пишет Н.С. Автономова, – сделал из мыслей и опытов французских философов «французскую теорию», транслируемую во все уголки земного шара... Что же касается Фуко или Деррида, они безусловно были философами» [4. С. 31].

Следующий шаг к позитивному переопределению постструктурализма делает Е.В. Бакеева, говоря о том, что «одна из основных идей постструктурализма – парадоксальное утверждение невозможности мысли (или, если угодно, отрицание ее возможности)» [1. С. 5]. В самом деле, деструкция трансцендентального субъекта или патологизация человеческой личности не могут всерьез рассматриваться как задачи философии. Философ спрашивает себя: мыслю ли я сам или традиция мыслит за меня? Если я утверждаю или заявляю некоторые вещи, то не являются ли они изготовленными в недрах эмпирического знания и повседневных практик? Это вопрошание может быть вменено и Фуко и Делёзу и Деррида. Но вопрос о диалогической природе мышления и эвристической природе сознания осмыслялся и разрабатывался в не меньшей степени М.М. Бахтиным и М.К. Мамардашвили.

Иными словами, необходимо отказаться от тех исследовательских стереотипов, согласно которым постструктуралисты выступают лишь критиками «метафизики», и перейти к эвристическому анализу содержания их учений в их многообразии. Недаром французский историк философии Ф. Вормс выдвинул понятие интеллектуального «момента», которое оказалось, правда, также недостаточным, так как из поля рассмотрения выпали такие интересные политические философы, как Касториadis, Лефор, Балибар и др. [5].

Итак, вопрос состоит в том, как познавать философию французского постструктурализма? Наша гипотеза состоит в том, что придать положительный смысл постструктурализму в его содержании *возможно лишь благодаря изменению взгляда на природу историко-философской классификации*: помимо существующих экстенциональных хроноцентрических моделей должны быть введены модели интенциональные, индетерминентные и топологические, при этом те и другие должны быть приведены в динамическое взаимодействие, создавая эпистемологическую возможность для дальнейшей «переклассификации».

2. Вопросы метода

Понять «постструктурализм», по нашему мнению, означает отойти от задачи выработки универсализующих и схематизирующих подходов в пользу

более конкретных исследований, носящих текстуальный и интертекстуальный характер.

Мы должны выработать стратегию философского прочтения текстов, которые в противном случае окажутся предметом изучения других специалистов: искусствоведов, литературоведов, историков культуры, политологов. Для того чтобы избежать поглощения философского содержания общекультурологическим, необходимо, прежде всего, произвести некоторые ограничения: 1) ограничение персоналий; 2) ограничение проблематики; 3) ограничение в выборе национальных традиций; 4) ограничение набора общекультурных, общенаучных и общеполитических экстраполяций. Таким образом, мы сможем избежать анализа и оценок философской мысли «со стороны» и «в целом», что противоречит самому топологическому опыту мышления. «Эстетический опыт, – точно отмечает А.А. Грякалов, – ориентирован не на форму идеального или проективного долженствования, а на форму, в которой он есть. ... Речь идет об автономизации форм социальности, идентификации и знания – автономизации субъективности» [6. С. 42]. Итак, центральной гипотезой того, что мы продолжаем называть «постструктурализмом», выступает возможность автономизации субъективности в «топосности» субъективного опыта.

В качестве пропедевтики, как нам кажется, должен выступать метод феноменологической и герменевтической редукции. У читателя постструктуралистских текстов прямо-таки разбегаются глаза, ему начинает казаться, что он может разобраться буквально во всем: от античной философии до неоллиберальной экономики. Операция феноменологической редукции является достаточно общепринятым научным методом, ее употребление представляется вполне уместным там, где речь идет о столь многообразном и прямо-таки пестром материале, который требует порой от читателя выступать экспертом в совершенно неожиданных и новых областях: истории, экономике, психологии, литературоведении и даже психиатрии.

В этом смысле мы можем ввести представление о гипотетическом «центре» философских дискуссий. Мы можем исследовать разные модели, в том числе те, которые ставят в этом воображаемом «центре» проблематизации отношения социального и биологического (от Конта и Бергсона до линии Кангилем–Альтюссер–Фуко), разума и иррационального (Фуко и Деррида), природы политического (Фуко, Касториадис, Лефор), природе «реального социализма» в СССР (Сартр, Касториадис, Лефор), судьбы и возрождения марксизма (Альтюссер, Балибар, Бидэ), «картезианского» субъекта (Деррида, Лаку-Лабарт), философии и не-философии (Ларюэль) и т.д. Многообразие моделей и «центров» философской проблематизации наводит нас на мысль о «переклассификации», реформировании оснований историко-философской классификации как таковой.

Мы соблюдаем следующий методологический порядок. Сперва мы исследуем некоторую проблему, вводимую «постструктурализмом». Например, вопрос о сущности эпистемы у Фуко. Затем мы можем перейти к более обобщающим рассуждениям и выводам. Наконец, в общей перспективе сопоставительного анализа, например сравнивая Фуко и Касториадиса, мы можем говорить о «постструктурализме» как о характеристике чего-то общего, но отнюдь не самого важного, что позволяет нам их сравнивать. Такими важны-

ми вопросами оказывается скорее то, какие философские и мировоззренческие сдвиги, наблюдаемые нами в современности, ассоциируются с нашим прочтением данных философов. Наконец, следует изучить эвристические перспективы и решения, предложенные философами для философских и социогуманитарных дисциплин.

Философский опыт следует отличать от точки зрения социальных наук. «Что происходит, если считать Фуко философом? – вопрошает Б. Хан, говоря об общем философском проекте Фуко. – Если, оставив в стороне перспективу социальных наук, его произведения читать исключительно с философской точки зрения? ...Такой проект существует. Это проект двойственной истории, которую позволяет начертать артикуляция археологии и генеалогии: трансцендентальной истории условий возможности истинного и его субъективирующих действий на индивиды» [7]. Единство фукалдианского проекта для Хан не самоочевидно. Оно следует из ее анализа двойственной артикуляции двух проектов, границы которых явственно были очерчены самим философом.

Новым, с нашей точки зрения, здесь должно стать введение понятия об историко-философской классификации, в рамках которого мы можем не только типологизировать и контекстуализировать тот или иной исторический материал («районировать» его), но также проблематизировать его в его принципиальной неоднородности. Подобную задачу решают теории классификации и в естественных науках: речь идет не только о том, чтобы описать имеющиеся у нас виды и сущности («районирование»), но и о том, чтобы смоделировать условия возможности описания еще не открытых видов, что требует в свою очередь не только операции деления, но и операции членения (мерологии). При этом «реальной проблемой являются не задачи классификации и мерономизации, а задачи переклассификации и перемерономизации» [8. С. 66]. Переходя на язык истории философии, это означает для нас отказ от догматизма хронологии и исторического контекста, открытую возможность как «переклассификации» общетеоретической типологии, так и «перемерономизации» конкретных фактов и моментов мысли.

3. Классификация: мерология и метатипология

«Постструктурализм» не имеет ничего общего с иррационализмом, отмечает Уильямс [3]. Общей чертой для «постструктуралистов» называют внимание к истории, историчности, исторической реальности. Историческое понимается в «послегегельянской» перспективе: разумность исторической действительности ставится под сомнение самой исторической реальностью XX в. Основой категоризации и классификации исторического признается исторически разумное¹.

¹ «Под классификацией, – пишет А.Л. Субботин, – будем понимать состоявшуюся систему знания, понятия которой означают упорядоченные группы, по которым распределены объекты некоторой предметной области, на основании их сходства в определенных свойствах» [9. С. 9]. Классифицирующая логика в чистом виде принадлежит математике, но классификация является отдельной областью знания во многих науках: биологии, лингвистике, химии и т.д. Нам легко представить себе искусственную классификацию в виде деятельности рассудка. В действительности классификации приходится иметь дело с «реальными объектами», «представляющими собой определенного рода целостности, которым присущи комплексы свойств, т.е. свойства, связанные между собой в различных комбинациях» [Там же. С. 41].

Фуко в «Словах и вещах» указывает на эпистемологический разрыв, присутствующий в самой способности классификации в гуманитарном знании. Возрожденческая эпистема отличалась беспорядочными сходствами, поэтому классическая эпоха стремится установить порядок представления. Классическая эпистема отличается универсальностью представления, поэтому она характеризуется «таксономией», т.е. классификацией видимого. Современная эпистема, по Фуко, устанавливает принцип «органической структуры» [10. С. 252]. Различение органического и неорганического становится основой классификации живых существ. Естественная история классической эпохи, в которой, по Фуко, не было понятия «жизни», уступает место современной биологии, которая на этом понятии строится.

Мы видим, таким образом, что «постструктурализм» Фуко не удовлетворяется установлением той или иной классификации. Эпистемы не являются способом классифицировать историю на манер научных парадигм Т. Куна. Эвристичность этого подхода состоит в том, что он представляет собой продумывание и проблематизацию классификации и категоризации как таковой. То есть речь идет об условиях возможности классифицирующего и категоризирующего мышления. Этот вопрос, поставленный Кантом как вопрос возможности метафизики как науки, приобретает новое звучание.

Классификация «постструктурализма» также должна быть индетерминистской, учитывающей множественность естественных феноменов. В своей статье «Методологические аспекты теории классификации» Ю.А. Шрейдер и С.В. Мейен справедливо различают дескриптивные и структурные классификации. Большинство наук использует дескриптивные классификации, хотя в лингвистике, биологии и других дисциплинах мы находим отдельные структурные классификации. Статус биологической классификации сам по себе сложен, так как низшие таксоны в ней обладают большей экстенсией, чем высшие. Некоторые исследователи прибегают поэтому к различию (мета)типологии и мерономии (термин С.В. Мейена), в основе которой лежит понятие «архетипа»¹. Экстенсимальные и интенсимальные классификации, по сути противоположные друг другу, могут быть приведены в гармоничное соответствие. Если подход Фуко делает классификацию онтологически невозможной, то он делает позицию «внешнего наблюдателя» чрезвычайно проблематичной, поэтому экстенсимальные определения играют не определяюще-иерархическую, а аналитически дополняющую функцию.

Понятие «постструктурализм» именно потому противоречиво, что в нем экстенсимальная классификация подменяет собой интенсимальную, в то время как содержательно речь идет о ряде философских дискуссий и анализов, по отношению к которым «метафизика» или «трансцендентализм» выступают лишь в виде далекого горизонта. Содержательно тот же Фуко избегал экстенсимальной определенности. «Не спрашивайте меня, кто я, – пишет он в «Археологии знания», – и не требуйте, чтобы я оставался одним и тем же» [12. С. 61]. С нашей стороны опровергать существование постструктурализма было бы здесь неуместно, так как это понятие является теперь обще-

¹ Согласно Мейену, меронами (интенционалами) обеденного стола будут ножки и столешница, а экстенсимально его можно отнести к классу мебели. Каждому архетипу соответствует в таксономии свой таксон: архетипу «копыто» соответствуют таксоны «парнокопытное» и «непарнокопытное» [11. С. 72].

принятым. Поэтому мы предлагаем вводить различие между «таксонами» разного порядка: к «меронимическому» порядку относятся концепты конкретных философов, а к метапорядку можно отнести такие концепты, которые позволяют проводить сравнения и делать дальнейшие выводы.

Итак, существует два вида чтения философских текстов: чтение на уровне «метапорядка», которое приводит к упрощению смысла сказанного, превращающему философствование в однообразный «дискурс», а также чтение на «меронимическом» уровне, «топосное» чтение, при котором мы готовы пожертвовать нашей мнимой способностью «понимания» ради самораскрытия смысла самого текста («Hic Rhodus, hic salta»¹). На наш взгляд, научный историко-философский подход к философским текстам может быть обеспечен только через установление критической взаимосвязи между «макроуровнем» университетской типологии и «меронимическим» уровнем специалистов в том или ином конкретном вопросе. *Как необходимым условием существования «классификации» выступает «переклассификация», так и необходимым условием «меронимии» выступает «перемеронимизация».* В противном случае либо выстраивается ложная иерархия «классификатор–исследователь–читатель», противоречащая самой сути процесса философского понимания, либо происходит заметное обеднение историко-философской терминологии, до абсурда упрощающее реальное многообразие чтения и понимания.

Заключение

«Постструктурализм» делает вопрос о классификации и категоризации (в том числе и собственной) невозможным, он, тем не менее, несет в самом себе вопрос о классификациях: социальное и витальное, социальное и патологическое, социальное и историческое требуют интенциональных, естественных классификаций, отличающихся от формальных, экстенциональных метатипологий, оставшихся в наследство от философских методологий века XIX. В этом смысле данное течение французской мысли можно рассматривать скорее как региональные онтологии, несущие в себе вопрос о естественных классификациях. Они связывают между собой – как связывают теории Бахтина и Мамардашвили – современность и классику. Поэтому основной характеристикой «постструктурализма» оказывается, с нашей точки зрения, скорее не «критика структуры», а «переклассификация» классической и современной философской мысли, установление онто-онтических отношений в динамическом плюрализме региональных онтологий.

В этом смысле нам думается, что противопоставление французского постструктурализма американскому не является самоцелью. Противопоставление того, что постструктурализм продумывает, и то, о чем он отказывается помыслить, – существенно, но не является определяющим. *Самым существенным моментом, который мы здесь раскрываем, является установление современной мыслью условий невозможности одноуровневой классификации, открывающее путь к новым возможностям для многоуровневого классифицирования и переклассифицирования.*

¹ «Здесь – Родос, здесь и прыгай!» (лат.).

Литература

1. Бакеева Е.В. Инкарнация мысли. Постструктурализм в контексте идей М.М. Бахтина и М.К. Мамардашвили. Екатеринбург, 2015. 154 с.
2. Ильин И.П. Постмодернизм от истоков до конца столетия – эволюция научного мифа. М. : Интрада, 1998.
3. Williams J. Understanding poststructuralism. *Acumen*, 2005. 191 p.
4. Автономова Н.С. Познание и перевод. Опыты философии языка. М. : РОССПЭН., 2008. 704 с.
5. Подорога Ю.В. «Проблема» против «метода» или Как писать историю современной философии. Рецензия на книгу Ф. Вормс «Философия во Франции в XX веке. Моменты» // Философский журнал. М. : РАН, 2010. С. 148–157.
6. Грякалов А.А. Субъективность и топос (к определению современности) // Вестник Русской христианской гуманитарной академии. 2007. С. 33–46.
7. Han B. L'ontologie manquée de Michel Foucault, Grenoble : Kimé, 1998.
8. Чебанов С.В. Мерономия С.В. Мейена: к 40-летию формулирования // *Lethaea rossica. Российский палеоботанический журнал*. 2017. С. 64–92.
9. Субботин А.Л. Классификация. М. : ИФ РАН, 2001. 94 с.
10. Фуко М. Слова и вещи. Археология гуманитарных наук : пер. с фр. СПб. : А-Cad, 1994. 406 с.
11. Мейен С.В., Шрейдер Ю.А. Методологические аспекты теории классификации // Вопросы философии. 1976. № 12. С. 67–79.
12. Фуко М. Археология знания : пер. с фр. СПб. : ИЦ «Гуманитарная академия», 2004. 416 с.

Sergey A. Gashkov, Baltic State Technical University “Voenmekh” (Saint Petersburg, Russian Federation).

E-mail: sgachkov@hotmail.com, sergegachkov@mail.ru

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya – Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science. 2021. 63. pp. 75–82.

DOI: 10.17223/1998863X/63/8

ON THE PHILOSOPHICAL METHODOLOGY OF RESEARCH AND CLASSIFICATION OF POSTSTRUCTURALISM

Keywords: poststructuralism; French philosophy; Foucault; classification

Firstly, the author observes that the term “poststructuralism” has some deficiencies, though it is largely used in behalf of the thought of the French philosophers Michel Foucault, Jacques Derrida, or Gilles Deleuze. It seems to be inappropriate or insufficient in relation to the ontological meanings of these different philosophers’ works. Foucault himself wondered why scholars use this “label”. To understand Foucault, this term is rather unnecessary. The French philosophical thought seems to be replaced by the so-called “French theory”. The author does not elaborate this critical point. Secondly, the author postulates some methodological restrictions on the use of the term. Thirdly, he gives a categorical frame to the problematics viewed through poststructuralism. The main problem is the relationship between the social and the vital (G. Leblanc). Finally, the author offers a methodological order of research on the “poststructuralist” thought, from concepts, periods, authors to academic comparisons and heuristic applications. After this methodological introduction, the author tries to apply to this problem the methodology of classification elaborated in 1970 by the Soviet scholars Sergey Meyen and Juri Schreider for biology and linguistics. This classification means the possibility of natural classes. In this sense, the author argues that there is no hierarchy of philosophical thought and poststructuralism belongs to the level of meta-classification. The author remembers that Foucault himself, in his *Order of Things*, put the classification in question, saying there were two different types of classification in different periods of time: taxonomy and structural classification. The author calls this difference onto-ontic and thinks that there must be a post-classical, heuristic, and natural classification with two levels of analysis. The term of poststructuralism can belong to meta-classifications and the level of “meronomy” (Meyen) can be filled with such concepts as classical and modern epistemes, etc.

References

1. Bakeeva, E.V. (2015) *Inkarnatsiya mysli. Poststrukturalizm v kontekste idey M.M. Bakhtina i M.K. Mamardashvili* [Incarnation of thought. Poststructuralism in the context of M.M. Bakhtin and M.K. Mamardashvili]. Ekaterinburg: Ural Federal University.

2. Ilin, I.P. (1998) *Postmodernizm ot istokov do kontsa stoletiya – evolyutsiya nauchnogo mifa* [Postmodernism from its origins to the end of the century – the evolution of a scientific myth]. Moscow: Intrada.
3. Williams, J. (2005) *Understanding poststructuralism*. Acumen: Routledge.
4. Avtonomova, N.S. (2008) *Poznanie i perevod. Opyty filosofii yazyka* [Knowledge and Translation. Experiments in the Philosophy of Language]. Moscow: ROSSPEN.
5. Podoroga, Yu.V. (2010) “Problema” protiv “metoda” ili kak pisat' istoriyu sovremennoy filosofii. Retsenziya na knigu F. Worms “Filosofiya vo Frantsii v XX veke. Momenty” [“Problem” versus “method” or How to write a history of modern philosophy. Review of the book by F. Worms “Philosophy in France in the 20th century. Moments”]. *Filosofskiy zhurnal – The Philosophy Journal*. 1(4). pp. 148–157
6. Gryakalov, A.A. (2007) Subjectivity and topos (to the definition of modernity) [Subjectivity and topos (to the definition of modernity)]. *Vestnik russkoy khristianskoy gumanitarnoy akademii*. 8(2). pp. 33–46
7. Han, B. (1998) *L'ontologie manquée de Michel Foucault*. Grenoble: Kimé.
8. Chebanov, S.V. (2017) Meronomiya S.V. Meyena: k 40-letiyu formulirovaniya [Meronomy by S.V. Meijen: on the 40th anniversary of the formulation]. *Lethaea rossica. Rossiyskiy paleobotanicheskiy zhurnal – Lethaea Rossica. The Russian Journal of Palaeobotany*. 14. pp. 64–92
9. Subbotin, A.L. (2001) *Klassifikatsiya* [Classification]. Moscow: RAS.
10. Foucault, M. (1994) *Slova i veshchi. Arkheologiya gumanitarnykh nauk* [Words and things. Archeology of the Humanities]. Translated from French. St. Petersburg: A-Cad.
11. Meyen, S.V. & Shreyder, Yu.A. (1976) Metodologicheskie aspekty teorii klassifikatsii [Methodological aspects of the theory of classification]. *Voprosy filosofii*. 12. pp. 67–79.
12. Foucault, M. (2004) *Arkheologiya znaniya* [Archeology of Knowledge]. Translated from French. St. Petersburg: Gumanitarnaya Akademiya.

УДК 14

DOI: 10.17223/1998863X/63/9

О.И. Целищева

НЕОПРАГМАТИЗМ МЕЖДУ МЕТОДОМ И АНАРХИЕЙ: СИНКРЕТИЗМ РИЧАРДА РОРТИ

Исследование выполнено за счет гранта РФФИ (проект № 19-011-00437).

В статье утверждается, что несмотря на расхожее мнение, Ричард Рорти не был врагом аналитической философии. На основе исследования его многочисленных статей доказано, что эволюция отношения Рорти к ней – от резкой критики до признания – проявила многоликость философа, прошедшего путь от релятивиста и ревизиониста до философского экумениста и, наконец, синкретиста в пророчестве наступления эпохи «постфилософии».

Ключевые слова: Рорти, Бернштейн, Марголис, неопрагматизм, синкретизм, философский метод

Последователи философии неопрагматизма Ричарда Рорти, главным образом представленные Бернштейном и Марголисом, в целом направляют свои усилия на «адаптацию» резких выпадов Рорти против традиционных и респектабельных направлений, например реализма [1], или на объединение под зонтиком прагматизма такие направления европейской философии, как критическая теория, герменевтика и праксис [2]. Это, конечно же, в значительной степени упрощенное понимание их деятельности, но оно мотивируется значительными трудностями приспособления собственно философии Рорти к своим поискам. Дело в том, что наследие неопрагматизма Рорти оказалось гораздо более разнообразным, чтобы можно было говорить о концептуальной совместимости его зачастую противоречивых тезисов. Обычно синкретизмом называется сочетание разнородных философских начал в одной системе без их объединения. Бернштейн и Марголис стремятся к системе, методу, всеобъемлющему прагматизму, но Рорти явно не стремился к этому, и его творчество в этой связи тяготело к синкретизму. С первого взгляда это кажется чересчур смелым заявлением, но у нас есть поразительное признание самого Рорти на этот счет: «Меня иногда ошибочно хвалят за оригинальность просто потому, что я сую в один ящик фигуры, которые кажутся вообще не совместимыми, например, Ницше и Джеймса, Дэвидсона и Деррида. Но есть разница между оригинальностью и эклектичностью. Быть эклектичным – значит легко уставать от скуки и искать вокруг чего-то нового. Я без устали ищу новых героев, оставаясь в то же самое время разумно лояльным старым героем, и потому оказываюсь синкретистом... В далекие 1960-е, когда я был истовым молодым аналитическим философом, я слышал, как мой старший коллега Стюарт Хэмпшир, которым я восхищался, отвечал на вопросы о звездной международной конференции по какой-то широкой и претенциозной теме – конференции, с которой он только что вернулся и где он подводит итоги на финальном заседании. «Ничего особенного», объяснил Хэмпшир,

„для такого бывалого синкретиста вроде меня“. И в тот же момент я понял, что хочу стать синкретистом, когда вырасту» [3. Р. 10].

По большому счету, доминирующим в работах Рорти является отрицание самого понятия философского метода. Традиционно принято считать это основанием либо следствием неприятия им уподобления философии естественным наукам, попыток сделать философию «научной» в следовании научному методу. Далее, опять-таки традиционно, считается, что этот нигилизм в отношении метода Рорти заимствовал у Т. Куна, перенеся всю машинерию куновского представления о науке на философию. Однако, как будет показано ниже, не в меньшей степени Рорти прослеживал этот нигилизм совсем уж у неожиданной фигуры – М. Хайдеггера. Такое разнообразие мотивов в отрицании концепции метода может быть основанием подозревать Рорти в определенном рода методологическом анархизме.

В философском контексте это явная аллюзия к П. Фейрабенду, с его лозунгом «против метода». Тем не менее такая аллюзия вполне оправданна, поскольку если и можно одним словом охарактеризовать философию Рорти, то это скепсис в отношении понятия философского метода. В первую очередь этот скепсис был связан с тем, как уже было указано, что аналитическая философия претендовала на научность, а стало быть, и на заимствование у науки «научного метода». Но самое элементарное сравнение науки, при ее экспериментальных процедурах и строгостью заключений, а также готовности изменений концептуальных схем под давлением опыта, с философской практикой неподдающихся догматическим установкам, говорит об абсурдности таких параллелей. В этом смысле «научная» философия вряд ли может с полным правом обладать «научным» методом. Конечно, «социологизация» науки усилиями Т. Куна несколько сближает естественные науки и гуманитарный дискурс. Однако важность исторических социологических обстоятельств в такой модификации естественных наук существенно уменьшает в них долю «научного метода», по крайней мере в том, что касается его рациональности. Так что в этих условиях философии и заимствовать будет нечего у естественных наук по части метода.

Таким образом, Рорти действительно можно назвать «анархистом» в отношении философского метода. С одной стороны, он резко разделял естественные науки и собственно философию, претензии последней на методы из естественных наук для него были несостоятельными. С другой стороны, наделяя естественные науки определенными чертами гуманитарного дискурса, что и позволило ему перенести куновские механизмы развития науки на философию (нормальная и революционная философия и т.п.), он приписывает эти механизмы как раз такой философии, которая в корне отличается от «научной» аналитической философии, а именно наставительной философии. Другими словами, претендующая на научность философия не обладает научным методом в силу различия дискурсов, а в «наставительной» философии, одной из главных концепций Рорти, почти «все пойдет».

Рорти не особо интересуется, можно ли добиться по-настоящему какого-то подобия научности в философском дискурсе (например, он практически не упоминает таких областей аналитической философии, как философия науки, философия математики), потому что гораздо более интересной является «другая» (читай континентальная) философия, в которой отсутствие метода

является определяющим признаком. Так что можно говорить не столько о том, что философия, по Рорти, не имеет метода, сколько о том, что именно отсутствие метода у некоторой дисциплины позволяет называть ее, при наличии дополнительных вещей, философией. «(Почти) все пойдет» в философии – это и есть анархизм. Остается понять, что это за «почти». Прежде всего, это герменевтика.

Но перед тем, как записать Рорти в поклонники герменевтики (для чего имеются куда как серьезные основания), быть может стоит несколько ослабить его «анархизм», ярлык, который в самом деле звучит немного сильно в отношении мыслителя, для которого на самом деле «все пойдет». Собственно, что заставляет нас считать, что отказ от метода непременно ведет к методологическому анархизму? Прежде всего, это наиболее поразительная черта в работах Рорти – сопоставление самых разных имен, самых разных философов, которые претендовали на свои оригинальные методы. И Рорти часто собирает их под крышей какой-то одной концепции, игнорируя различие в их методах. Оказывается, вполне возможно ослабить «анархизм» до «синкретизма», и, как было указано, Рорти охотно принимает в отношении себя именно этот ярлык.

Именно синкретизмом Рорти можно объяснить среди прочих вещей то обстоятельство, что его неприятие метода берется из полностью разных источников. Рорти совсем не смущает, что эти два источника никак не пересекаются; другими словами, между ними нет ничего общего. В другом случае такой вид аргументации был бы признан дефектным, но синкретизм позволяет это желать без оглядки.

Одним из источников критики метода является, как следует из предыдущего изложения, критика понятия научного метода, которая заключается в ослаблении его специфической рациональности Т. Куном, а как следствие – демонстрация необоснованности претензий аналитических философов на «научный метод». Неясно, в какой степени Т. Кун был солидарен с П. Фейерабендом, но в любом случае подрыв концепции научной рациональности ведет к широкому спектру возможностей – от «альтернативных способов осмысления мира» до признания «все пойдет». В конечном счете речь идет о том, имеет ли научная рациональность, или же научный метод, какие-то преимущества перед остальной культурой. Рорти полагает, что нам нужно избавиться от различия в «онтологическом статусе» кварков и человеческих прав: «Это, в свою очередь, помогает вам отвергнуть предположение, что естественные науки должны служить парадигмой остальной культуре, и в частности, что философский прогресс состоит во все большем приближении философии к научному образцу. Именно эти плохие идеи играют значительную роль в происхождении интеллектуальной традиции, сейчас известной как “аналитическая философия”. Но эта традиция сейчас, после Куна, в состоянии отбросить эти лесенки и подпорки» [3. Р. 10].

Немного другая ситуация с пониманием Рорти позиции М. Хайдеггера, одного из главных «героев» Рорти. Отрицание у Хайдеггера выглядит странным в свете общепринятого взгляда о приверженности Хайдеггера к феноменологическому методу. Объяснения Рорти в данном случае весьма показательны в том отношении, как свободно он обращается с традиционными

взглядами. Поэтому рассмотрим то, как Хайдеггер стал для Рорти источником отрицания понятия философского метода.

Кардинальное различие Хайдеггера между Бытием и бытиями, составляющее основу Бытия и времени, Рорти полагает результатом желания Хайдеггера следовать традиции метафизики, в котором главное место отведено онтологии, и указанное различие было хорошим исходным пунктом для истории о *Dasein*. Но, как хорошо известно, Хайдеггер не закончил проблематики *Бытия и времени*. Есть много версий по поводу изменения намерений Хайдеггера, и объяснение Рорти ничем не хуже остальных: «...через несколько лет после написания Бытия и времени Хайдеггер отбросил понятие „онтологии“ вообще... Онтологический разговор о „Ничто“ на незначительное время появляется в начале 1930-х, ровно на тот срок, чтобы сделаться предметом сатиры Карнапа, и затем снова исчезает. С этого времени Хайдеггер постепенно переходит к тому, в чем, как оказывается, он действительно хорош – рассказам об истории западной философии, призванным показать, как решительный поворот мысли, уже предпринятый Платоном, создал западную философскую традицию. Взамен делания „феноменологической онтологии“ Хайдеггер теперь стремится „преодолеть“ онто-теологическую традицию, проходящую от Аристотеля до Гегеля» [4. Р. 71–72].

У Рорти есть своя версия такого поворота: вопросы о Бытии являются откровенно теологическими, а Хайдеггер хочет уйти от теологии, одновременно задаваясь этими теологическими вопросами, хочет «заглянуть» в то, что лежит за богами и религией: «Каким бы ни был мотив краткого флирта Хайдеггера с „феноменологической онтологией“, в ретроспективе ясно, что эта дисциплина была задумана как антиметафизическое предприятие. Вовсе не было шуткой то, что позднее он заимствовал название статьи Карнапа „О преодолении метафизики“ (*Ueberwindung der Metaphysik*). Потому что, как и для Карнапа, „метафизика“ означала для Хайдеггера одиозную идею супернауки...» [Ibid. Р. 72].

Хайдеггер стремится показать, почему люди должны задаваться вопросами о Бытии, т.е. быть метафизиками, и в то же время он не хочет, чтобы Бытие было предметом квазинаучного исследования. Это сложная позиция, чреватая массой противоречий, в первую очередь связанных с модусом выражений сущности человека. Хайдеггер хочет вернуться к изначальным значениям слов, которые не задействованы философскими верами, действиями, правилами. Трудно найти для этого язык, который не служил бы средством коммуникации. Язык у Хайдеггера становится самодовлеющим, зачастую новым (путем обращения к греческим источникам и выдумыванию зачастую ложных идиом). Такая процедура в чем-то сродни становлению научного языка, но Хайдеггер хочет обойтись без некоторого рода супернауки в этом деле. Именно в этом, по Рорти, кроется «тайна» Хайдеггера: «Здесь мы находим фигуру, о которой нельзя сказать, что она использует „научный метод“. Хайдеггер прилагает такие усилия, дабы избежать роли еще одного суперученого, еще одного метафизика, еще одного теолога, что перестает переделывать сеть вер. Он просто указывает и делает намеки. Но это означает, что мы не можем критиковать его за использование какого-то другого метода, кроме научного. Хайдеггер не использует никакого метода. Он ни в каком-либо смысле не конкурирует с наукой» [Ibid. Р. 71–72].

В данном случае полезно вспомнить, что Гуссерль претендовал на научный статус своего феноменологического метода, и именно этот смысл науки тут актуален в первую очередь. Даже если картина намерений Хайдеггера, которую нарисовал Рорти, не так убедительна, то явно видно, что отсутствие метода у Хайдеггера является крайне привлекательным для Рорти. Иначе эта картина была бы крайне удивительной.

Изложенные выше мотивы видимого неприятия Рорти самого понятия метода вступают в противоречие с распространенным убеждением, что успех философских работ как-то связан с принятым или изобретенным философским методом. Это убеждение вызывает у Рорти особый протест, в первую очередь потому, что оно ставит под сомнение все то, что делается другими философами. Коль скоро так называемый подходящий метод является основой успеха, тогда что можно сказать о сравнительных успехах аналитической философии и континентальной философии? Рорти утверждает, что у нас нет никаких оснований ожидать «героических достижений» в большей степени от одной, чем от другой. По-настоящему, говорит он, успех в философии всегда застает нас врасплох. «Гений может расцвести в любом климате, под любым солнцем» [3. Р. 10].

Пока такие гении появляются, можно считать, что в философии есть прогресс, который никак не соотносится с пресловутым методом. Даже самые плохие «методы» играют свою роль, помогая возникать по настоящему интересным работам: «Прибегая к метафоре, они являются компостом, из которого произрастает, при некоторой удаче, нечто неожиданное. Этот неожиданный рост не может поощряться упорным следованием „методу“ (состоящим, например, в определении бессмыслицы, вынесении за скобки опыта, анализом концепций, или их деконструкцией, или онтологическим подходом)» [Ibid.]. Можно заметить, что в скобках перечислены самые «ходовые» методы в недавней философии. Отсюда неизбежен самый важный вывод: «Так называемые „методы“ являются просто описаниями активности, осуществляемой энтузиастами-имитаторами того или иного оригинального ума – того, что Кун назовет „исследовательской программой“...» [Ibid.].

Если исследовательская программа является важной в развитии философии, тогда метод все-таки имеет значение, хотя бы для идентификации существенных черт этой программы. Но по Рорти, который следует в этом Куну, история философии является историей гештальтпереключений а не нудным осуществлением исследовательских программ. Но это означает, что атака Рорти на понятие метода зависит от нескольких параметров, не все из которых достаточно основательны.

Помимо этого самого гештальтпереключения, спорным является представление Рорти о научном методе. Это важное обстоятельство, потому что критика собственно философского метода зависит от претензий философии на научность и, стало быть, на обладание научным методом.

Возможно, отсутствие специфического философского метода было именно тем, что привлекало Рорти в несистематической континентальной философии, которая была реакцией на системы. Герменевтика, которую часто считают методом философствования, у Рорти приобретала весьма расплывчатые очертания: в конечном счете, «разговор человечества» претендует скорее на метафору, чем на метод. Трудно сказать, в какой степени аналити-

ческая философия претендовала, в глазах Рорти, на особый метод, помимо научного. Но Рорти полагал, что аналитическая философия является наследником традиции Платона–Декарта–Канта. И в этом смысле реакция на эту традицию, отказ от дуализмов и зеркального отражения распространялась и на аналитическую философию.

Пройдя через «экуменизм» философских направлений с соответствующим плюрализмом вердиктов и мнений, Рорти все-таки решил под конец жизни «подвести черту» в своих отношениях с аналитической философией, критикуя саму идею философского метода. Философия Рорти, его отношение к аналитической философии эволюционировали от полного неприятия в *Философии и зеркале природы* до признания ее полноправной альтернативой в философии как культурной политике. Это не было плавной эволюцией: скорее, это было почти что гештальтпереключениями. Однако каждый раз искусная проза Рорти избегала резких изломов и сопоставления переключаемых взглядов.

В конечном счете, Рорти нашел удобный случай в полную силу продемонстрировать свой синкретизм, который прорывался временами. Для тех, кто знаком с характером обширной эссеистики Рорти, крайне необычным показался краткий очерк, в духе резюме, его взглядов как прагматиста на аналитическую философию. В рамках этой довольно традиционной для Рорти статьи появляются 16 тезисов [5]. И если можно было (или сильно хотелось) ожидать, что эволюция взглядов Рорти будет устойчивой, и можно будет сделать такое заключение о том, куда пришел Рорти, то эти ожидания оказываются напрасными. Рорти, как и хотел, остался синкретистом в своих 16 тезисах.

Хотя тезисы имеют прямое отношение к оценке аналитической философии, они также могут рассматриваться как его более общие представления о кризисе рациональности, как симптоме очередного кризиса западной философии. Обвинения критиков Рорти в релятивизме не выходят за пределы принятого сообществом собственно философского дискурса, о чем свидетельствуют его дебаты с такими разными философами, как Х. Патнэм [6], Д. Дэвидсон [7] и Ю. Хабермас [8]. В целом обсуждаемые в данной работе тезисы охватывают весьма широкий круг вопросов о специфике философии как части человеческой культуры, включая беллетристику, анализ которой занимает в творчестве Рорти видное место. В какой-то мере Рорти был согласен с Ж. Деррида, что философия есть вид литературы, и любое обсуждение философского метода должно быть столь же широким и в определенной степени произвольным, как и литературная критика. Тем не менее, в своих тезисах Рорти предпочел держаться более или менее строгих рамок самой философии. Но при этом отрицается сама специфика философского метода, и собственно все 16 тезисов с разных позиций атакуют это понятие [9].

В данном контексте представляет интерес рассмотрение того, что, с точки зрения Рорти (первые три тезиса), лингвистический поворот не представляет особый философский метод, а сама философия языка не может претендовать на «первую философию». Прежде всего, Рорти отрицает широко распространенное мнение о способе решения проблем в современной философии через извлечение значения соответствующих утверждений. Действительно, «каноническое» понимание сути «лингвистического поворота», проникшее в учебники для студентов, состоит в том, что анализ значения в философском кон-

тексте и есть однозначное решение проблемы. Однако, как указывает Рорти, на современной сцене присутствует множество концепций значения, сконструированных в зависимости от целей исследования, которые несовместимы друг с другом. Если принять идею о «философском методе» серьезно, естественно было бы искать «ошибки» одних теорий в пользу других. Поскольку теория значения, скажем, Р. Карнапа [10], кардинальным образом отличается от теории Р. Брэндома [11], сопоставление их означает безнадежную попытку сопоставления практически несоизмеримых философских теорий.

Здесь присутствует уже много раз отмеченный нигилизм Рорти в отношении роли естественных наук. Он действительно упускает из виду то, что претендует на важную составляющую философского метода. Философия часто выступает как предшественник естественнонаучного поиска решения проблем, и видимо, не бесполезно, в противоречии с Рорти, искать какие-то сходные черты теорий значения, например у Т. Нагеля [12] и Д. Деннета [13], поскольку теории обоих философов представляют собой попытку решить проблему сознания, находясь фактически на стыке философии и естествознания. С другой стороны, надо признать, что внимание к значению действительно является важнейшим трендом в современной философии. Ставший классическим относительно недавний труд А. Коффа [14] сделал семантику краеугольным камнем целой философской традиции.

Суть лингвистического поворота для современной философии состоит в перемещении акцента в исследовании философских проблем с вопроса о соотношении мышления и реальности к вопросу о соотношении языка и реальности. Само по себе это смещение, ставшее общим феноменом для философии двадцатого века, аналитической или континентальной, вовсе не означает какую-то общность философов, которые акцентируют свое внимание прежде всего на языке. Я. Хакинг показал механизм этого смещения, указав при этом очень заметную специфичность некоторых теорий, например теории Д. Дэвидсона, уделив ей в несколько раз больше пространства, чем другим [15]. При такой специфичности трудно представить себе простую формулировку общего основания, из которого бы исходили различные философы при формулировке своих теорий. Таким образом, утверждает Рорти, само признание важности лингвистического поворота не является поводом для разговора о некотором философском методе, ориентированном ныне на исследование и анализ языка.

Памятуя, что в данном контексте речь идет о реакции Рорти на аналитическую философию в противопоставлении с философией континентальной, следует отметить, что лингвистический поворот столь же свойствен М. Хайдеггеру, как и Дж. Муру. Знаменитое хайдеггеровское «Язык есть дом Бытия» свидетельствует о никак не меньшем внимании к языку, чем тщательный анализ обыденного языка, используемого при формулировке философских проблем. При таком разбросе и в самом деле трудно найти нечто общее в тенденции обращения философов к языку. Конечно, при всем разнообразии философских теорий некоторые приемы специфического использования языка заслуживают обращения на себя большее внимание, чем другие. Скажем, способ перефразирования структур языка в теории дескрипций Рассела, устраняющих метафизику А. Майнонга, общепризнанно является парадигмой аналитической философии, а «канонический язык» первого порядка

У. Куайна породил целую систему метафизических возражений против интенциональных сущностей. Так что в определенном смысле можно выделить направления, которые являются ядром философских дискуссий, или «дисциплинарными матрицами», порождающими определенные исследовательские программы. Одновременно верно и то, что эти программы ведут к самым разнообразным результатам. Ирония здесь заключается в том, что именно Рорти является редактором знаменитой антологии *Лингвистический поворот*, которая утверждала важность поворота для характеристики философии. Является ли осознание этой иронии достаточной для того, чтобы вновь упомянуть синкретизм Рорти, – вопрос неоднозначный, потому что в то время Рорти был «аналитическим философом», и если признать, что Рорти решительно порвал с аналитической философией после этого, тогда ирония неуместна. Но в любом случае разговор о языке у Рорти производит впечатление чего-то незавершенного, теряющегося в туманных экскурсах в философию языка Ж. Деррида. Таким образом, Рорти полагает, что упор многих философов на специфическом для философии методе часто является иллюзорным, поскольку на самом деле он не играет существенной роли в серьезных проблемах.

Д. Деннет назвал Рорти «разочарованным метафизиком». Это наиболее верное описание характера сочинений Рорти, который считал, в конечном счете, что философия не должна быть схоластическим приложением к науке, а должна быть «историей духа». Но тогда нет никакого специального философского метода с прямым доступом к философским истинам, потому что человеческому духу свойственно огромное многообразие стилей, жанров, сюжетов и описаний. Для того чтобы захватить воображение читателя, все средства хороши. Это может быть беллетристика, это может быть экзистенциальная трансформация индивида, это может быть утопия, это может быть критический анализ, наконец, это может быть политический памфлет. Сам Рорти упражнялся почти во всех этих жанрах, оставаясь для всех «философом». Раз нет метода, «anything goes!», и хотя Рорти нигде не высказывал своего отношения к методологическому анархизму Фейерабенда, свобода последнего в обращении с общепринятыми идеями и мнениями должна была вызывать у Рорти одобрение. В конце концов, нарочитая защита, скажем, астрологии Фейерабеном вызвала не большее число криков и протестов, чем критика Рорти понятия объективной истины и эссенциализма. Рорти был настолько свободен в своем мышлении, что выходил за рамки любой дисциплинарной матрицы, и в этом смысле он был анархистом в упорядоченном мире философских ценностей. Для Рорти философия была гораздо более обширной территорией, чем набор учений и школ, и он не видел никаких причин ограничивать себя их рамками.

Но в этом случае неопрагматизм в модификации Бернштейна и Марголиса теряет непосредственную связь с собственным видением философии Рорти. Это может служить лишь свидетельством того, что Рорти откровенно не вмещался в рамки ни «прагматизма», ни «неопрагматизма». Как это часто бывает, «основатель» направления выходит за те самые рамки, которые им же изначально были установлены.

Литература

1. *Margolis J. Pragmatism without Foundations: Reconciling Realism and Relativism.* 2d ed. New York : Continuum, 2007.

2. *Bernstein R.* Praxis and Action. Contemporary philosophies of human activity. Philadelphia : University of Pennsylvania Press, 1999. 344 p.
3. *Rorty R.* Introduction // Truth and Progress. Philosophical Papers. Vol. 3. Cambridge : Cambridge University Press, 1998.
4. *Rorty R.* Pragmatism without method // Objectivity, relativism, and truth. Philosophical Papers. Vol. 1. Cambridge : Cambridge University Press, 1998. P. 63–77.
5. *Rorty R.* Pragmatist View of Contemporary Analytic Philosophy // Rorty R. Philosophical Papers. Vol. 4: Philosophy as Cultural Politics. Cambridge : Cambridge University Press, 2007. P. 133–146.
6. *Putnam H.* Richard Rorty on Reality and Justification // Rorty and His Critics / ed. R.L. Brandom. Blackwell, 2000. P. 81–90.
7. *Davidson D.* Truth Rehabilitated // Rorty and His Critics / ed. R.L. Brandom. Blackwell, 2000. P. 65–74.
8. *Habermas J.* Rorty's Pragmatic Turn // Rorty and His Critics / ed. R. L. Brandom. Blackwell, 2000. P. 31–64.
9. *Целищева О.И.* Против философского метода: 16 тезисов Ричарда Рорти // Философия науки. 2015. № 2 (65). С. 3–14.
10. *Карнан Р.* Значение и необходимость. М. : Изд-во иностр. лит., 1959.
11. *Brandom R.* Making It Explicit: Reasoning, Representing, and Discursive Commitment. Harvard : Harvard University Press, 1998.
12. *Nagel T.* What It is Like to Be a Bat // Philosophical Review. 1974. Vol 83, № 4. P. 435–450.
13. *Dennet D.* Consciousness Explained. Boston : Little, Brown and Company, 1991.
14. *Коффа А.* Семантическая традиция от Канта до Карнапа / пер. В.В. Целищева. М. : Канон+, 2019.
15. *Hacking I.* Why does Language Matter to Philosophy. Cambridge : Cambridge University Press, 1975.

Oksana I. Tselishcheva, Institute of Philosophy and Law of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences (Novosibirsk, Russian Federation).

E-mail: oxanatse@gmail.com

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya – Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science. 2021. 63. pp. 83–92.

DOI: 10.17223/1998863X/63/9

NEO-PRAGMATISM BETWEEN METHOD AND ANARCHY: RICHARD RORTY'S SYNCRETISM

Keywords: Rorty; Bernstein; Margolis; neo-pragmatism; syncretism; philosophical method

The study is supported by the Russian Foundation for Basic Research, Project No. 19-011-00437.

The article argues that Richard Rorty's pragmatism included a wide range of philosophical views, from criticism of analytic philosophy and relativism to a philosophical ecumenist, and, finally, a syncretist in the prophecy of the coming of the era of "post-philosophy". The most characteristic feature of Rorty's evolution was the denial of the importance of the concept of the philosophical method. Rorty's syncretism consisted in the fact that the rejection of the method came from different, even incompatible sources. The article analyzes two such sources – the concept of scientific rationality by Thomas Kuhn and existential analytics by Martin Heidegger. Rorty borrowed Kuhn's criticism of the concept of scientific method, which consists in weakening its specific rationality, and used it to demonstrate the unfounded claims of analytic philosophers to the scientific method in philosophy. Rorty went further than Kuhn, trying to get rid of the difference in the "ontological status" of physical objects and the conditions of human existence. Rorty also believes that Heidegger abandoned the phenomenological method after Being and Time, discarded the concept of ontology, and tries to recreate Western philosophy in his own way. At the same time, Heidegger does not want "Being" to be the subject of quasi-scientific research, and does not use any method at all. The above-stated motives of Rorty's apparent rejection of the very concept of method in Kuhn and Heidegger contradict the widespread belief that the success of philosophical works is somehow connected with the accepted or invented philosophical method. This belief causes a special protest in Rorty, primarily because it calls into question everything that is being done by other philosophers. Perhaps, it was the lack of a specific philosophical method that attracted Rorty to the unsystematic continental philosophy, which was a

reaction to systems. Hermeneutics, which is often considered a method of philosophizing, acquired very vague outlines in Rorty: in the final analysis, the “conversation of humanity” claims to be a metaphor rather than a method.

References

1. Margolis, J. (2007) *Pragmatism without Foundations: Reconciling Realism and Relativism*. 2d ed. New York: Continuum.
2. Bernstein, R. (1999) *Praxis and Action. Contemporary philosophies of human activity*. Philadelphia: University of Pennsylvania Press.
3. Rorty, R. (1998) *Truth and Progress. Philosophical Papers*. Vol. 3. Cambridge: Cambridge University Press.
4. Rorty, R. (1998) *Objectivity, Relativism, and Truth. Philosophical Papers*. Vol. 1. Cambridge: Cambridge University Press. pp. 63–77.
5. Rorty, R. (2007) *Philosophical Papers*. Vol. Cambridge: Cambridge University Press. pp. 133–146.
6. Putnam, H. (2000) Richard Rorty on Reality and Justification. In: Brandom, R.L. (ed.) *Rorty and His Critics*. Blackwell. pp. 81–90.
7. Davidson, D. (2000) Truth Rehabilitated. In: Brandom, R.L. (ed.) *Rorty and His Critics*. Blackwell. pp. 65–74.
8. Habermas, J. (2000) Rorty’s Pragmatic Turn. In: Brandom, R.L. (ed.) *Rorty and His Critics*. Blackwell. pp. 31–64.
9. Tselishcheva, O.I. (2015) Against the philosophical method: 16 objections by Rorty. *Filosofiya nauki – Philosophy of Science*. 2(65). pp. 3–14. (In Russian).
10. Carnap, R. (1959) *Znachenie i neobkhodimost'* [Meaning and necessity]. Translated from English. Moscow: Izd-vo inostr. lit.
11. Brandom, R. (1998) *Making It Explicit: Reasoning, Representing, and Discursive Commitment*. Harvard: Harvard University Press.
12. Nagel, T. (1974) What It is Like to Be a Bat. *Philosophical Review*. 83(4). pp. 435–450.
13. Dennet, D. (1991) *Consciousness Explained*. Boston: Little, Brown and Company.
14. Koffa, A. (2019) *Semanticheskaya traditsiya ot Kanta do Karnapa* [Semantic tradition from Kant to Carnap]. Translated from English by V.V. Tselishchev. Moscow: Kanon+.
15. Hacking, I. (1975) *Why does Language Matter to Philosophy*. Cambridge: Cambridge University Press.

СОЦИАЛЬНАЯ ФИЛОСОФИЯ И ФИЛОСОФСКАЯ АНТРОПОЛОГИЯ

УДК 001.891.3

DOI: 10.17223/1998863X/63/10

Е.Г. Гришакина, И.Б. Тростянская, Н.А. Полихина

ПУБЛИКАЦИИ В МЕГАКОЛЛАБОРАЦИЯХ: УКРЕПЛЕНИЕ ПОЗИЦИЙ РОССИЙСКИХ УНИВЕРСИТЕТОВ В МИРЕ

В статье анализируется публикационная продуктивность российских организаций в сравнении со странами-лидерами по числу публикаций. Отдельно выделяются российские университеты, в том числе университеты – участники Проекта 5–100. Особый акцент сделан на публикациях с числом авторов более 100. Показано, что такие публикации практически во всех широких научных областях получают больше цитирований. Отмечено, что помимо физики международное сотрудничество в больших коллективах распространено в других науках, а подобные публикации являются «драйверами» продвижения российской науки в мировом научно-образовательном пространстве.

Ключевые слова: международное сотрудничество в науке, государственная политика, научные коллаборации, соавторство, университеты России, Проект 5–100

Введение

В соответствии с Указом Президента Российской Федерации от 21 июля 2020 г. № 474 «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года» к 2030 г. должно быть обеспечено присутствие Российской Федерации в числе десяти ведущих стран мира по объему научных исследований и разработок, в том числе за счет создания эффективной системы высшего образования. Таким образом, государство нацелено на продолжение работы, во-первых, по развитию научного потенциала страны, усилению ее позиций на международной арене, во-вторых, на развитие науки в университетах и повышение их возможностей в подготовке высококвалифицированных научных кадров.

Развитие научной деятельности в университетах обусловлено, с одной стороны, целесообразностью расширения числа учреждений, вовлеченных в научную деятельность, с другой стороны, пониманием на государственном уровне необходимости повышения конкурентоспособности российской системы высшего образования. В современном мире конкурентоспособный на мировой арене университет должен не только давать высокий уровень образования, но и проводить серьезные научные исследования, актуальные как на национальном, так и на международном уровнях.

Необходимо отметить последовательный подход государства к развитию науки в университетах. Одним из значимых импульсов развития науки, в том числе прикладной, в российских университетах является ряд нормативных

документов, принятых на уровне Правительства РФ¹. Существенный вклад в процесс активного развития науки в российских университетах внес Проект 5–100, инициированный Указом² Президента Российской Федерации и нацеленный на вхождение не менее пяти российских университетов в первую сотню ведущих мировых университетов согласно мировому рейтингу университетов, а также на повышение конкурентоспособности ведущих университетов Российской Федерации среди ведущих мировых научно-образовательных центров³.

Университетами – участниками Проекта 5–100 особое внимание уделяется международному сотрудничеству в науке, которое проявляется в развитии программ международной академической и студенческой мобильности, формировании совместных исследовательских центров, создании совместных лабораторий, в том числе с привлечением к руководству ведущих зарубежных ученых, реализации научно-исследовательских проектов совместно с ведущими мировыми научно-образовательными центрами, организации международных конференций, распределении задач в более широко определенной исследовательской программе или, наоборот, тесное сотрудничество в четко определенном проекте.

Международное сотрудничество в науке часто подразумевает значительное «расширение» аудитории вокруг авторов, чему способствует более интенсивное «сетевое взаимодействие», характерное для «международных» исследований [1]. Результатом такой деятельности, как правило, являются совместные международные публикации. Феномен развития международного сотрудничества в науке особенно стал заметен в конце XX в. Как отмечают исследователи [2–9], в период с начала 70-х до начала 80-х гг. XX в. доля международных соавторов всех статей – один из наиболее объективных признаков сотрудничества – удвоилась, и эта тенденция сохраняется. Исследова-

¹ Постановление Правительства РФ от 9 апреля 2010 г. № 218 «О мерах государственной поддержки развития кооперации российских образовательных организаций высшего образования, государственных научных учреждений и организаций, реализующих комплексные проекты по созданию высокотехнологичного производства, в рамках подпрограммы «Институциональное развитие научно-исследовательского сектора» государственной программы Российской Федерации «Развитие науки и технологий на 2013–2020 годы»; Постановление Правительства РФ от 9 апреля 2010 г. № 219 «О государственной поддержке развития инновационной инфраструктуры в федеральных образовательных учреждениях высшего профессионального образования» и Постановление Правительства РФ от 9 апреля 2010 г. № 220 «О мерах по привлечению ведущих ученых в российские образовательные организации высшего образования, научные учреждения, подведомственные Федеральному агентству научных организаций, и государственные научные центры Российской Федерации в рамках подпрограммы «Институциональное развитие научно-исследовательского сектора» государственной программы Российской Федерации «Развитие науки и технологий на 2013–2020 годы» (дата обращения: 20.01.2018).

² Указ Президента Российской Федерации от 7 мая 2012 г. № 599 «О мерах по реализации государственной политики в области образования и науки» (дата обращения: 20.01.2018).

³ Постановление Правительства РФ от 16 марта 2013 г. № 211 (ред. от 15.11.2017) «О мерах государственной поддержки ведущих университетов Российской Федерации в целях повышения их конкурентоспособности среди ведущих мировых научно-образовательных центров» (вместе с «Положением о Совете по повышению конкурентоспособности ведущих университетов Российской Федерации среди ведущих мировых научно-образовательных центров»), «Правилами распределения и предоставления субсидий на государственную поддержку ведущих университетов Российской Федерации в целях повышения их конкурентоспособности среди ведущих мировых научно-образовательных центров»; Распоряжение Правительства РФ от 29 октября 2012 г. № 2006-р (ред. от 12.03.2016) «Об утверждении плана мероприятий по развитию и повышению конкурентоспособности ведущих университетов России среди мировых научно-образовательных центров».

ния Wagner и Leydesdorff подтверждают, что число статей с международным участием растет быстрее, чем число статей, имеющих традиционное «национальное соавторство». Более того, количество совместных международных публикаций растет линейно, а количество аффилиаций авторов, сотрудничающих на международном уровне, растет экспоненциально – международные публикации в соавторстве становятся все более многонациональными [10].

В ходе исследований [1, 3, 11], проводимых на рубеже XX–XXI вв., было выявлено, что международное сотрудничество в науке распространялось в основном в естественных и технических науках, а также в междисциплинарных направлениях. В исследованиях, проводимых Frame и Carpenter, сформулированы три основных правила: 1) чем фундаментальнее область, тем больше международное сотрудничество; 2) чем больше национальная исследовательская система, тем меньше международное сотрудничество; 3) «внешние» факторы играют важную роль в международном сотрудничестве [12]. Первый тезис действительно актуален для таких фундаментальных наук, как физика, астрономия и астрофизика, химия, биология и др. Так, например, одной из важных причин для большого роста международного сотрудничества соавторов в области наук о Земле и космосе являются дорогостоящие телескопы, обсерватории и другие объекты, которые поддерживаются на международном уровне и привлекают ученых из разных стран для совместной работы. Это также справедливо и для физики, где в экспериментальной физике высоких энергий, поддерживаемой на международном уровне, ускорители обеспечивают импульс для высокой степени международного сотрудничества [3]. Говоря о справедливости второго правила, следует отметить, что если государство поддерживает и развивает свою национальную исследовательскую систему, вовлекая в сектор исследований и разработок предпринимательский сектор и сектор высшего образования с целью обеспечения национальных потребностей, что выражается в том числе в количестве совместных публикаций научных организаций и вузов, научных организаций и предприятий и т.д., то рост доли совместных международных публикаций в общем объеме выпускаемых работ сдерживается увеличением количества национальных публикаций. Так, например, в США, Китае, Южной Корее, Японии, России и других странах, где традиционно сильна национальная исследовательская система, доля публикаций, выполненных совместно с зарубежными учеными, не превышает 30–35%¹. Чтобы судить о третьем правиле, нужно понимать, что имеется в виду под «внешними» факторами. Frame и Carpenter определяют «внешние» факторы как факторы, не связанные напрямую с научной деятельностью, например: географическое расположение ученых (научных коллективов, стран), культурные традиции, лингвистические особенности, различия в социальной сфере и т.д. По мнению ученых, все это способствует определению масштабов международного сотрудничества и того, кто будет с кем сотрудничать [12]. Таким образом, сформулированные правила в той или иной мере определяют тенденцию развития международного сотрудничества в науке.

Однако на современном этапе развития науки происходят некоторые изменения. Так, международное сотрудничество в науке активно развивается абсолютно во всех научных направлениях, в том числе в медицине [13], в

¹ Рассчитано авторами.

социогуманитарной сфере [14] и других областях [15]. Более того, международное сотрудничество в науке выходит на новый уровень взаимодействия – наблюдается глобализация научных связей в различных предметных областях, проведение научных исследований на стыке различных научных направлений [15]. Международное сотрудничество в науке распространяется не только в фундаментальных, но и в прикладных исследованиях и экспериментальных разработках. Глобализация научных исследований приводит к необходимости эффективного выстраивания международного сотрудничества, когда все стороны, вовлеченные в него, получают определенную выгоду (с точки зрения научной составляющей, образовательного процесса, повышения квалификации сотрудников и т.д.), что, в свою очередь, часто приводит к формированию определенных международных коллабораций, которые можно рассматривать как самостоятельные организации со своей структурой, оборудованием, учеными и пр. [11]. Все это приводит к необходимости всестороннего изучения их деятельности для понимания процессов, происходящих внутри данных систем.

Эффективное «использование» и учет обозначенных выше тенденций в сфере организации науки, а также тенденций, происходящих в научной сфере с точки зрения ее содержания (например, акцент на повышении качества исследовательской деятельности, мультидисциплинарных научных исследованиях, развитие международного сотрудничества, вхождение в международные научно-образовательные сети, коллаборации и т.д.), способствовало существенному росту количественных и качественных наукометрических показателей университетов – участников Проекта 5–100 [16–18]¹.

В соответствии с базами данных Web of Science Core Collection и Scopus, доля публикаций университетов – участников Проекта в общем количестве российских публикаций неуклонно растет: если в 2012 г. данный показатель составлял около шестой части, то в 2019 г. – более трети. В 2019 г. на долю университетов обозначенной группы приходилась половина всех высокоцитируемых российских публикаций, которые входят в топ-1% и в топ-10% в базе данных Scopus (51,7 и 49,8% соответственно)². Для сравнения в 2013 г. аналогичные показатели вузов – участников Проекта 5–100 составляли около 25%. Кроме того, в период с 2013 по 2019 г. доля научных статей вузов Проекта 5–100, опубликованных в журналах первого и второго квартиля базы Scopus, составила более 61%³.

Опыт Проекта 5–100 в том числе использован при разработке новой программы, предполагающей меры государственной поддержки российских образовательных организаций высшего образования в целях научного, технологического и кадрового обеспечения экономики и социальной сферы, повышения глобальной конкурентоспособности системы высшего образования и регионального развития, реализация которой планируется с 2021 г. В связи с этим представляют особый интерес наиболее успешные практики данной группы университетов в области развития науки, в повышении види-

¹ При этом несмотря на то, что наукометрические показатели не являются полностью однозначными критериями эффективности труда научного работника [19], в ряде известных в социологии науки работ (например, Р. Мертона, Г. Смолла и др.) отмечена взаимосвязь между опубликованием научных статей и их цитированием современниками как отражением научного признания за автором своевременности проведенного исследования, его первенства и значимости полученных результатов [20].

² По данным SciVal от 21.07.2020.

³ По данным SciVal от 21.07.2020.

мости и значимости исследовательской деятельности в международном научно-образовательном пространстве.

Целью проведенного исследования является оценка влияния взаимодействия, в том числе международного, в научной сфере на укрепление позиций российских университетов в мировом научном пространстве.

Методы

Анализ публикационной активности университетов разной ведомственной принадлежности, включая университеты – участники Проекта, проводился на базе федерального государственного автономного научного учреждения «Центр социологических исследований», Проектного офиса Проекта 5–100. Источником информации являлись сведения, содержащиеся в индексах научного цитирования InCites базы данных Web of Science Core Collection (далее – InCites WoS CC, InCites). Использование аналитической платформы InCites обусловлено тем, что в данной системе содержатся выверенные профили организаций¹. Главным образом за счет таких организаций обеспечивается видимость российской науки в глобальном научном пространстве. Рассматривались все типы публикаций за период 2012–2019 гг.²

В ходе исследования проведен фактологический анализ некоторых наукометрических показателей России в сравнении с топ-10 стран по количеству публикаций в изданиях, индексируемых в WoS CC, российских университетов, имеющих профиль в InCites, включая университеты – участники Проекта, по следующим позициям:

- количество публикаций и количество организаций, публикующих материалы в изданиях, проиндексированных в WoS CC, и имеющих профиль в InCites;

- число авторов публикации: 101–1 000 человек; больше 1 001 человека³;

- нормализованная цитируемость по предметным областям науки, в том числе с выделением публикаций, написанных от 101 до 1 000 авторов и более 1 000 авторов.

Отдельно по российским университетам, включая университеты – участники Проекта 5–100, проведен анализ по количеству и цитируемости публикаций, число авторов которых составляет от 1 до 100 (1–10, 11–100), доле публикаций, написанных в международном соавторстве (по указанным группам авторов), и доле публикаций, написанных в институционализированных коллаборациях⁴ авторов.

В результате оценена публикационная (научная) продуктивность организаций в каждой стране в зависимости от числа авторов публикаций. Проанализировано качество публикаций вузов с помощью показателей нормализованной цитируемости.

¹ В WoS CC одна организация может иметь несколько названий (в этом случае поиск публикаций данной организации осуществляется по полю «адрес» либо по полю «организация»). Если организация имеет профиль в системе, это значит, что в профиле содержатся все возможные ее названия. Такой профиль является выверенным.

² Здесь и далее информация актуальна на август 2020 г.

³ Публикации с числом авторов больше 100 человек в данном исследовании будем называть «публикации-100» и / или «мегаколлорации».

⁴ Под институционализированными коллаборациями в данном исследовании будем понимать международные коллаборации исследователей – ATLAS, CERN и др.

Результаты

1) *Международные сопоставления продуктивности.* Анализ публикационной активности топ-10 стран по количеству публикаций в изданиях, индексируемых в WoS CC, показал, что за период 2012–2019 гг.¹ абсолютным лидером являются США, в тройку лидеров входят Китай и Великобритания. Россия занимает 14-ю позицию.

Авторам статьи интересно было проанализировать публикационную (научную) продуктивность организаций каждой страны, российских университетов в целом и группы университетов Проекта 5–100. Под продуктивностью в данном исследовании понимается отношение количества публикаций к количеству организаций, аффилированных с данными публикациями (предложено авторами статьи).

Всего в мире в 2012–2019 гг. результаты исследований опубликованы учеными более 14 тыс. организаций. Первое место по продуктивности занимает Канада (617 публикаций в среднем на одну организацию), последнее место среди стран, входящих в топ-10 по числу публикаций, – Индия (116). Российский показатель равен 88 публикациям в среднем на одну организацию. В 2019 г. наиболее высокую продуктивность демонстрирует Австралия – 684; низкую – Индия (131). В России данный показатель составляет 107 публикаций на организацию при среднемировом 246 (табл. 1).

Таблица 1. Продуктивность стран-лидеров по количеству публикаций, все типы публикаций, все авторы

Страна	Год								В среднем за период	Темп роста за период 2012–2019 гг., %
	2012	2013	2014	2015	2016	2017	2018	2019		
Канада	551	562	601	607	628	655	658	671	617	122
Австралия	491	544	566	608	628	638	660	684	602	139
Великобритания	501	534	547	576	596	611	607	616	574	123
Германия	435	452	472	487	506	512	508	510	485	117
США	358	367	386	393	406	414	416	414	394	116
Китай	271	291	321	345	382	412	444	500	371	184
Франция	282	295	310	314	325	322	316	309	309	109
Италия	231	245	266	277	284	285	286	296	271	128
Япония	243	251	255	249	266	268	268	259	257	107
Индия	85	95	109	118	129	130	132	131	116	154
Россия	63	67	74	83	96	104	111	107	88	171
МИР	205	211	220	224	233	241	242	246	228	120

Примечание. Рассчитано авторами на основе данных InCites (дата обращения: 01.07.2020). Учитываются все типы публикаций независимо от числа авторов.

Вместе с тем анализ темпов роста показывает, что Россия занимает второе место после Китая в наращивании продуктивности организаций – прирост составляет 71% за период, в то время как у США – 16% при среднемировом приросте в 20% (см. табл. 1).

При этом следует отметить, что количество российских организаций, имеющих публикации в InCites, за период 2012–2019 гг. увеличилось с 709 до 771² (в мире на протяжении данного периода времени количество таких организаций остается достаточно стабильным и находится с небольшими коле-

¹ Данные на 01.07.2020 г.

² Следует отметить, что профиль в InCites имеет только треть всех учреждений (научных организаций и вузов), функционирующих в Российской Федерации.

баниями на уровне около 13 тыс., в США, где отмечается аналогичная тенденция, – на уровне чуть менее 2 000). Таким образом, продуктивность растет не только в тех организациях, которые уже показывали определенные результаты, но и за счет вовлечения в научно-исследовательскую деятельность все большего числа учреждений, в том числе университетов, с одновременным увеличением публикационной активности всех организаций, присутствующих в InCites.

Для достижения целей исследования наиболее важной представлялась продуктивность организаций, с которыми аффилированы публикации с количеством авторов более 100. Именно публикации-100 однозначно публикуются с международным участием и свидетельствуют о вовлеченности организации в глобальные научно-исследовательские сети и/или институционализированные коллаборации.

Количество российских организаций, ученые которых публикуют результаты исследований в соавторстве от 101 до 1 000 человек, за период 2012–2019 гг. (165 российских организаций) сопоставимо с количеством организаций Австралии (137) или Канады (125). В США таких организаций 1 136. Всего в мире за указанный период принимали участие в таких публикациях ученые 5 713 организаций. При этом за рассматриваемый период времени количество российских организаций, имеющих подобные публикации, увеличилось с 29 до 119. Однако доля организаций, публикующих результаты исследований в соавторстве от 101 до 1 000 человек, в общем количестве организаций страны, в России в настоящий момент более чем в два раза ниже среднемирового уровня, практически в пять раз уступает лидеру из анализируемых стран – Австралии. В то же время российский обозначенный показатель находится на уровне Индии и лишь незначительно уступает Китаю (табл. 2).

Таблица 2. Доля организаций, публикующих результаты исследований в соавторстве от 101 до 1 000 человек, в общем количестве организаций страны

Страна	Год							
	2012	2013	2014	2015	2016	2017	2018	2019
Австралия	33,7	32,9	37,2	48,0	49,4	57,2	60,2	72,9
Великобритания	33,9	31,9	44,8	45,5	50,1	54,0	58,1	66,8
Канада	28,6	29,1	37,1	38,3	40,1	41,8	47,8	60,3
Италия	31,1	26,2	29,7	38,2	42,5	43,5	47,2	59,0
Франция	32,5	34,3	31,7	38,4	43,4	38,5	49,9	58,7
США	30,2	28,3	31,4	36,1	35,3	38,5	38,7	50,0
Германия	24,0	25,1	28,2	34,1	34,3	36,2	38,5	49,4
Япония	20,4	15,7	25,6	23,7	30,4	30,2	33,3	46,5
МИР	17,3	16,5	19,8	22,8	24,7	26,5	29,5	37,3
Китай	10,0	7,5	10,3	11,6	14,8	12,6	15,8	22,6
Индия	4,8	4,0	6,8	7,2	10,3	12,8	12,3	15,8
Россия	4,1	5,7	6,8	8,7	8,8	9,3	10,6	15,4

Примечание. Рассчитано авторами на основе данных InCites (дата обращения: 01.07.2020). Учитываются все типы публикаций независимо от числа авторов.

Проведенный анализ публикаций-100 показал, что несмотря на снижение продуктивности российских организаций на 74%, за период 2012–2019 гг. данный показатель является наибольшим среди стран-лидеров публикационного процесса – 6,8 публикации на одну организацию. Наименьшая продуктивность среди указанных стран отмечена в США (0,9). В 2019 г. первая по

зиция принадлежала Германии (4,6 публикации на одну организацию), последняя – также США (1,1). Россия в 2019 г. занимала третье место (3,5 публикации на одну организацию) (рис. 1). Следует отметить, что в указанный период продуктивность организаций Китая снизилась на 19%, в США, наоборот, повысилась на 23%. Самый высокий прирост наблюдается у Австралии – 39% при среднемировом приросте в 13%. При этом высокая продуктивность таких организаций объясняется в том числе тем фактом, что практически во всех странах наблюдается относительно стабильный небольшой перечень организаций, выполняющих публикации с числом авторов от 101 до 1 000 человек.

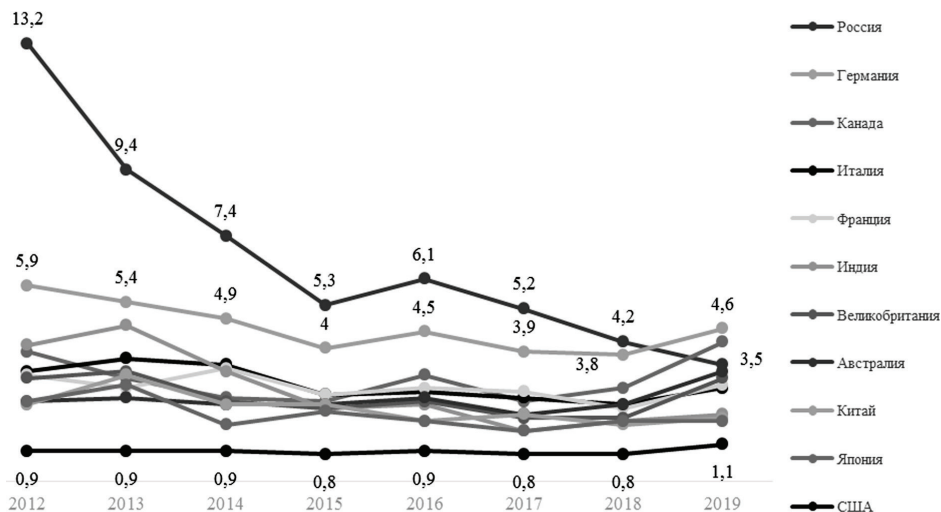

Рис. 1. Продуктивность стран-лидеров по количеству публикаций, все типы публикаций, 101–1 000 авторов публикаций. Рассчитано авторами на основе данных InCites (дата обращения: 01.07.2020).
Учитываются все типы публикаций, число авторов от 101 до 1 000 человек

Количество российских организаций (59), выполняющих исследования в соавторстве с более чем 1 000 человек за период 2012–2019 гг., сопоставимо с Канадой (63), при этом продуктивность России составляет 11,4 публикации на одну организацию, у Канады – 4,7. Для сравнения в США – 610 организаций с продуктивностью 1,1; в Китае – 167 и 6,2 соответственно (см. табл. 2). В 2019 г. продуктивность российских организаций составила 12,5 (всего 34 организации), что почти в три раза больше, чем у следующей за Россией Индии, показатель которой составляет 4,8 (исходя из 126 организаций, опубликовавших статьи с обозначенным количеством соавторов) (табл. 3).

Проведенное исследование предполагало не только оценку количественных показателей – продуктивности организаций, в том числе входящих в глобальные научные сети, но и качественных, а именно, уровня цитируемости публикаций с различным числом авторов в различных предметных областях. Анализ нормализованной цитируемости (CNCI) в зависимости от числа соавторов публикаций показал, что публикации с числом авторов более 100 по ряду научных направлений (самым явным исключением в данном случае являются искусство и гуманитарные науки (Arts & Humanities), где в силу

специфики данной предметной области отсутствует практика публикации большим количеством соавторов) имеют более высокий показатель нормализованной цитируемости (табл. 4).

Таблица 3. Продуктивность стран-лидеров по количеству публикаций, все типы публикаций, больше 1 000 авторов публикаций

Страна	Год								В среднем за период	Темп роста за период 2012–2019 гг., %
	2012	2013	2014	2015	2016	2017	2018	2019		
Россия	16,1	9,5	7,9	10,8	11,2	10,6	12,6	12,5	11,4	78
Индия	9,5	11,9	4,2	18,3	3,3	4,8	3,5	4,8	7,5	50
Австралия	14,6	12,4	6,9	7,4	3,5	4,2	4,4	4,2	7,2	29
Германия	5,9	7,1	4,9	7,2	5,1	6,5	8,3	4,8	6,2	80
Китай	5,6	5,5	5,2	11,9	3,2	5,7	8,4	4,0	6,2	71
Франция	4,3	6,1	5,4	5,3	3,2	5,1	5,1	4,1	4,8	94
Канада	5,5	5,3	5,4	5,7	3,6	3,8	4,6	3,5	4,7	64
Великобритания	5,1	6,3	4,5	5,6	2,3	3,0	3,2	3,5	4,2	69
Италия	4,0	4,3	3,5	4,3	3,2	4,4	5,0	3,3	4,0	82
Япония	2,5	3,6	1,4	6,4	2,4	3,6	4,2	4,3	3,5	173
США	0,8	1,2	0,8	1,2	0,9	1,2	1,4	1,1	1,1	135
МИР	0,2	0,3	0,2	0,3	0,2	0,2	0,2	0,2	0,2	88

Примечание. Рассчитано авторами на основе данных InCites (дата обращения: 01.07.2020 г.). Учитываются все типы публикаций, число авторов больше 1000 человек.

Практически для всех рассматриваемых стран характерно высокое нормализованное цитирование по предметным областям «Клиническая и доклиническая медицина» (Clinical, Pre-Clinical & Health) и «Естественные науки» (Life Sciences). Более того, при увеличении числа авторов публикаций значение показателя CNCI по данным предметным областям увеличивается в несколько раз по сравнению с другими (см. табл. 4). Следует отметить также предметную область «Физические науки» (Physical Sciences), в которой наблюдается увеличение значения CNCI тоже в зависимости от числа авторов публикаций: здесь максимальный CNCI преимущественно отмечается в группе публикаций с количеством авторов 101–1 000. Аналогичная ситуация отмечается и в некоторых странах в научных областях «Инженерное дело и технологии» (Engineering & Technology) и «Общественные науки» (Social Sciences), например, в Австралии, Великобритании, Германии, Канаде, России, Японии.

2) *Анализ развития соавторства в системе высшего образования России.* В соответствии с данными аналитической надстройки InCites в Российской Федерации публикуются ученые более 2851 образовательных организаций высшего образования, что составляет меньше половины всех университетов России разной ведомственной принадлежности и формы собственности. На указанные российские университеты в 2019 г. приходится более 55 тыс. публикаций, или более 66% всех публикаций российских ученых, в том числе на университеты – участники Проекта 5–100 – более 26 тыс. публикаций (32,5% всех российских публикаций).

За период с 2012 по 2019 г. количество публикаций с числом авторов больше 10 человек увеличилось почти в три раза. Так, в 2012 г. всего было 947 публикаций с указанным числом авторов, в 2019 – 3 499 публикаций. Наибольший прирост по отношению к предыдущему году наблюдался в 2015 г. – 32% (рис. 2).

¹ Имеют профиль в InCites.

Таблица 4. Значение нормализованной цитируемости (CNCI) в зависимости от предметной области и числа авторов публикаций, топ-10 стран и Россия

2019	Россия		Канада		Австралия		Великобритания		Германия		США	
	все	101–1000	все	101–1000	все	101–1000	все	101–1000	все	101–1000	все	101–1000
Предметная область												
Искусство и гуманитарные науки (Arts & Humanities)	0,49	0,00	–	1,29	0,00	–	1,88	0,00	–	1,36	0,00	–
Клиническая и доклиническая медицина (Clinical, Pre-Clinical & Health)	1,62	8,50	1,90	7,41	19,00	1,70	9,75	19,96	1,79	7,07	16,78	1,84
Инженерное дело и технологии (Engineering & Technology)	0,54	1,42	1,10	1,12	1,97	0,50	1,60	2,65	0,50	1,20	1,42	1,10
Естественные науки (Life Sciences)	1,06	7,24	17,37	1,75	9,04	14,04	1,78	9,59	15,56	1,81	8,60	12,83
Физические науки (Physical Sciences)	0,56	2,88	2,88	1,27	7,17	4,89	1,54	4,53	3,70	1,28	4,82	2,88
Общественные науки (Social Sciences)	0,46	1,13	0,00	1,30	1,50	0,00	1,35	2,06	0,00	1,41	3,04	0,00
BCIEO	0,69	4,90	4,15	1,50	9,31	7,51	1,58	9,49	5,57	1,49	7,96	4,14
2019	Россия		Китай		Франция		Италия		Япония		Индия	
	все	101–1000	все	101–1000	все	101–1000	все	101–1000	все	101–1000	все	101–1000
Предметная область												
Искусство и гуманитарные науки (Arts & Humanities)	0,49	0,00	–	2,18	0,00	–	0,68	0,00	–	1,24	0,00	–
Клиническая и доклиническая медицина (Clinical, Pre-Clinical & Health)	1,62	8,50	24,55	1,10	10,57	23,78	2,29	5,45	10,38	1,86	5,99	10,16
Инженерное дело и технологии (Engineering & Technology)	0,54	1,42	1,10	1,32	0,80	1,15	0,88	0,95	1,10	1,08	0,88	1,10
Естественные науки (Life Sciences)	1,06	7,24	17,37	1,14	9,81	17,55	1,97	5,37	6,29	1,62	7,39	6,54
Физические науки (Physical Sciences)	0,56	2,88	2,88	1,35	3,30	2,92	1,13	4,53	2,88	1,15	3,86	2,88
Общественные науки (Social Sciences)	0,46	1,13	0,00	1,50	1,13	0,00	1,27	1,13	0,00	1,47	1,61	0,00
BCIEO	0,69	4,90	4,15	1,42	7,08	4,25	1,57	5,70	3,79	1,50	6,22	3,78

Примечание. Жирным выделены два высоких значения CNCI вне зависимости от числа авторов публикаций; серым выделены значения CNCI предметных областей, по которым наблюдается высокий рост (в несколько раз) показателя.

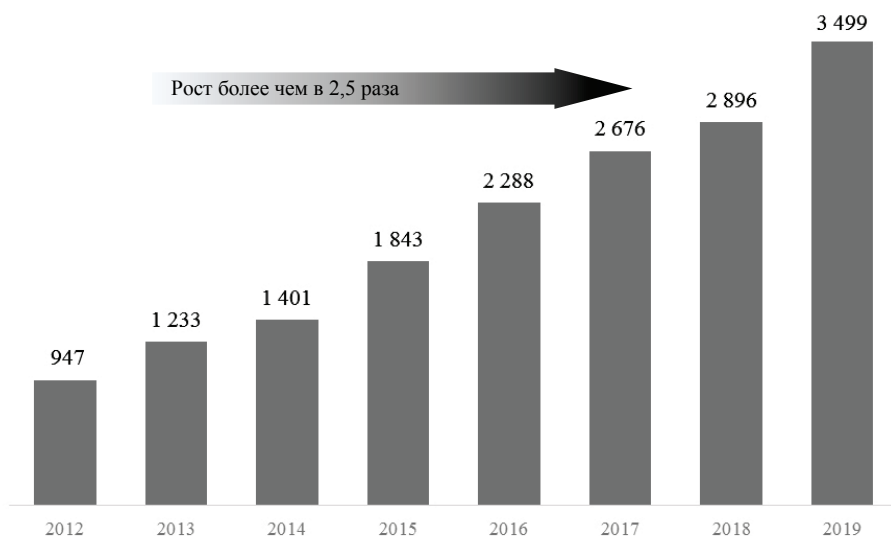

Рис. 2. Динамика публикаций с числом авторов больше 10 человек российских университетов

При этом следует отметить, что нормализованная цитируемость таких публикаций выше, чем у публикаций с числом авторов меньше 10 человек (рис. 3). Если не брать в расчет число авторов, то нормализованная цитируемость всех публикаций университетов России находится на уровне публикаций с числом авторов до 10 человек.

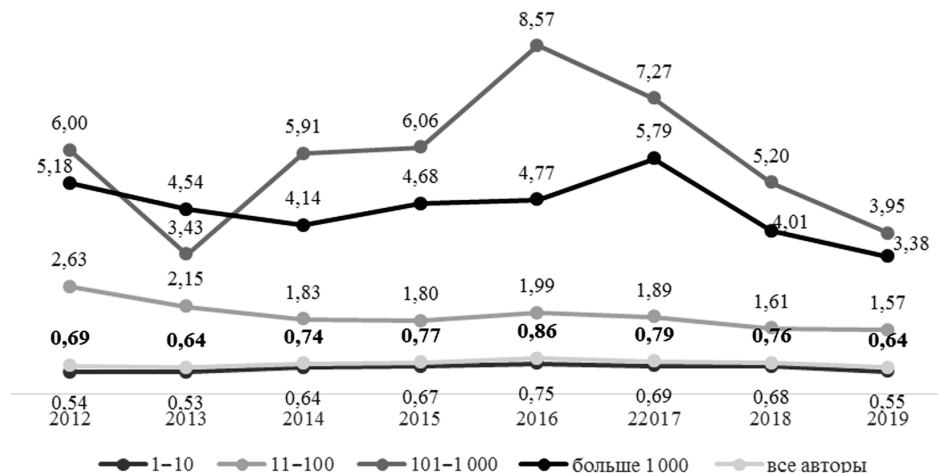

Рис. 3. Нормализованная цитируемость (NCI) публикаций российских университетов в зависимости от числа авторов публикаций

Следует отметить, что нормализованная цитируемость публикаций с числом авторов больше 100 человек выше среднемирового значения в 3–4 раза.

Публикации, выполненные в соавторстве с менее чем 10 человек, имеют и невысокий процент международного сотрудничества. При этом чем больше авторов публикаций, тем выше доля публикаций, выполненных в международном соавторстве (рис. 4).

Рис. 4. Доля публикаций российских университетов в международном соавторстве в зависимости от числа авторов публикаций, %. Рассчитано авторами на основе данных InCites (дата обращения: 01.07.2020)

3) *Анализ соавторства публикаций в университетах – участниках Проекта 5–100.* Университеты – участники Проекта 5–100, наряду с другими российскими университетами, активно публикуют результаты исследований в соавторстве как с российскими, так и зарубежными учеными. За период с 2012 по 2019 г. университетами Проекта 5–100 опубликовано более 159 тыс. публикаций всех типов¹, среди которых 71% приходится на научные статьи². В среднем на один университет приходится более 900 публикаций в год (табл. 5). Высокая продуктивность объясняется тем, что все университеты – участники Проекта 5–100 ориентируются одновременно и на проведение прорывных научных исследований, и на увеличение их количества, и на повышение научно-исследовательского потенциала, и на усиление взаимодействия с другими организациями, включая научные организации РАН, другие российские и зарубежные научно-образовательные центры.

Таблица 5. Динамика количества публикаций университетов – участников Проекта 5–100 и их публикационной (научно) продуктивности

Публикации с числом авторов	2012	2013	2014	2015	2016	2017	2018	2019	Итого
Все авторы	7 476	9 623	14 455	19 858	24 822	28 003	28 254	27 263	159 754
Количество университетов	21	21	21	21	21	21	21	21	21
Продуктивность	356	458	688	946	1 182	1 333	1 345	1 298	7 607
1–10	7 023	9 021	13 651	18 701	23 339	2 6228	26 326	24 932	149 221
Количество университетов	21	21	21	21	21	21	21	21	21
Продуктивность	334	430	650	891	1 111	1 249	1 254	1 187	7 106
11–100	169	303	473	734	982	1 277	1 405	1 737	7 080
Количество университетов	17	20	19	21	21	21	21	21	21
Продуктивность	10	15	25	35	47	61	67	83	337
101–1 000	157	221	203	229	266	245	230	281	1 832
Количество университетов	4	5	7	7	9	12	12	17	18
Продуктивность	39	44	29	33	30	20	19	17	102
Больше 1 000	127	78	128	194	235	253	293	313	1 621
Количество университетов	2	4	6	5	6	7	8	6	8
Продуктивность	64	20	21	39	39	36	37	52	203

Примечание. Рассчитано авторами на основе данных InCites (дата обращения: 10.08.2020).

¹ По данным InCites (дата обращения: 11.08.2020).

² В данном случае учитывался тип публикаций «научная статья / article».

Большая часть публикаций университетов – участников Проекта 5–100 написана в соавторстве до 10 человек. При этом начиная с 2013 г. число университетов, публикующих результаты исследований в крупных научных коллективах (более 100 человек), неуклонно растет (рис. 5). Так, если в 2013 г. в мегаколлорабациях авторов участвовали ученые всего 6 университетов, то в 2019 г. их было уже 17.

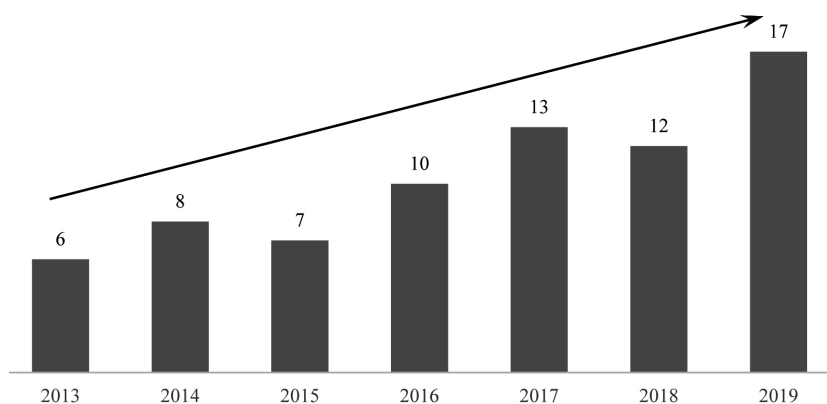

Рис. 5. Количество университетов – участников Проекта 5–100, ученые которых публикуют результаты исследований в мегаколлорабациях соавторов

Наибольшее количество публикаций-100 среди университетов – участников Проекта 5–100 наблюдается у НИЯУ МИФИ. В топ-5 вузов, публикующих результаты исследований в крупных мегаколлорабациях, также вошли НГУ, МФТИ, СПбПУ и ТГУ (табл. 6).

Таблица 6. Динамика публикаций-100 университетов – участников Проекта 5–100

Университет – участник Проекта 5–100	2012	2013	2014	2015	2016	2017	2018	2019	Итого
НИЯУ МИФИ	177	147	154	253	362	339	383	440	2 255
НГУ	173	195	209	241	227	315	372	364	2 096
МФТИ	17	93	138	192	192	271	347	332	1 582
СПбПУ	10	11	125	205	233	209	267	242	1 302
ТГУ			49	152	150	133	150	184	818
ТПУ					1	17	134	170	322
НИУ ВШЭ			4	7	7	15	58	54	145
НИТУ «МИСиС»						1	38	52	91
КФУ		9	6	6	37	2	5	2	67
Сеченовский Университет		1	1		2	3	10	12	29
ТюмГУ						1	1	2	4
УрФУ						1	2		3
РУДН								3	3
БФУ им. И. Канта						1		1	2
Самарский университет					1			1	2
ЮУрГУ								1	1
СФУ								1	1
НИУ ИТМО								1	1

Примечание. Рассчитано авторами на основе данных InCites (дата обращения: 10.08.2020).

В основном все публикации-100 выполнены по предметной области «Физика» и написаны в таких институционализированных коллаборациях, как Atlas Collaboration, CMS Collaboration, LHCb Collaboration, Alice Collabo-

ration, BESIII Collaboration – на их долю приходится более 60% всех публикаций-100 университетов – участников Проекта 5–100.

Все публикации-100 университетов – участников Проекта 5–100 имеют 100%-е международное соавторство на протяжении всех лет взаимодействия. При этом CNCI публикаций-100 в 2 и более раз выше, чем данный показатель всех публикаций университетов (на основе анализа топ-5 университетов – участников Проекта 5–100 по числу таких публикаций) (рис. 6).

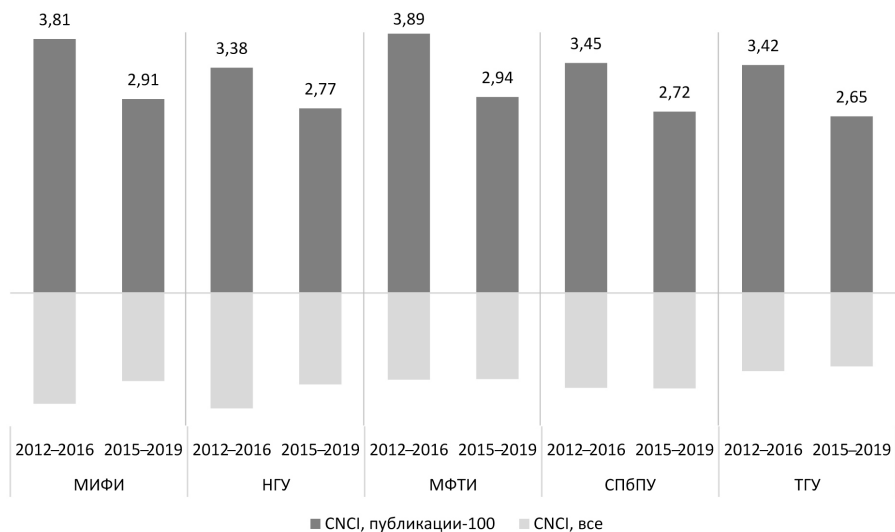

Рис. 6. Нормализованная цитируемость топ-5 университетов – участников Проекта 5–100 в зависимости от числа авторов статей по предметной области «Физика». Рассчитано авторами на основе данных InCites (дата обращения: 10.08.2020)

Заключение

Проведенный анализ показал, что Россия по количеству публикаций в мире находится на 14-м месте. При этом в тройку стран-лидеров по данному показателю входят США, Китай и Великобритания. Публикационная продуктивность российских организаций также существенно уступает продуктивности стран-лидеров (в 2019 г. 107 публикаций на одну организацию, имеющую публикации в базе данных InCites). Наименьший разрыв данного показателя отмечен с Индией, где рассматриваемое значение составляет 131, наибольшей – с Австралией, показатель которой 684. Вместе с тем Россия продемонстрировала за период 2012–2019 гг. существенную динамику продуктивности организаций – увеличение на 71% – и уступает по темпам роста только Китаю.

Несколько другая ситуация складывается с публикациями-100: количество российских организаций, имеющих такие публикации, растет при снижении в среднем продуктивности на одну организацию. При этом за период 2012–2019 гг. Россия по данному показателю является лидером среди рассматриваемых стран, а по итогам 2019 г. находится на третьем месте. Вместе с тем доля организаций, имеющих публикации-100, в общем количестве организаций в России пока незначительна и ниже среднемирового показателя практически в три раза. Подобное положение дел свидетельствует о имею-

щемся потенциале, с одной стороны, по расширению числа научных организаций и университетов, вовлеченных в работу мегаколлорабаций, с другой – по повышению их публикационной продуктивности, в том числе на основе успешного опыта организаций, уже активно вовлеченных в мегапроекты.

Публикации-100 имеют существенное значение в продвижении национальной науки, так как в ряде научных областей, в первую очередь в таких, как «Клиническая и доклиническая медицина», «Естественные науки», «Физические науки», цитируются значительно выше, чем публикации в целом. При этом публикации данного типа с российским участием в различных научных областях находятся на уровне, а иногда и превышают соответствующие показатели некоторых стран-лидеров.

Проведенный анализ российских университетов показал, что в российской научной среде развивается сетевое взаимодействие как с отечественными, так и с зарубежными учеными. Подобные коллаборации – как формальные, так и неформальные – способствуют не только вовлечению российских ученых в значимые, в том числе для мировой науки, исследования, но, и как результат, повышению наукометрических показателей: публикационной активности в наиболее качественных научных журналах, количества цитирований и т.д.

Отдельно следует отметить университеты – участники Проекта 5–100, которые в рамках реализации программ повышения конкурентоспособности среди ведущих мировых научно-образовательных центров получили дополнительную возможность на собственной базе обеспечивать условия для проведения прорывных научных исследований по актуальным в мире и в стране направлениям. Предпринятые меры повлекли за собой развитие научной деятельности в стенах университетов, формирование их репутации как сильных научных центров в определенных научных областях, что позволило активно включиться в глобальные научные сети. При этом международное соавторство некоторых университетов обозначенной группы осуществляется в рамках крупных институционализированных коллабораций, таких как Atlas Collaboration или Alice Collaboration, в предметной области «Физика». Подтверждением успешной научной стратегии университетов – участников Проекта 5–100 является увеличение количества и качества публикаций, содержащих результаты проводимых исследований, в том числе публикаций-100, которые цитируются значительно чаще (выше), чем публикации, написанные небольшим числом авторов, и, следовательно, являются «драйвером» повышения видимости российских результатов научных исследований в мировом научном пространстве и укрепления позиций российских университетов в мире.

Литература

1. *Van Raan A.F.J.* The Influence of International Collaboration on the Impact of Research Results // *Scientometrics*. 1998. Vol. 42 (3). P. 423–428. DOI: 10.1007/BF02458380
2. *Narin F.* Globalization of research, scholarly information, and patents. Ten years trends // *Proceedings of the North American Serials Interest Group (NASIF) 6th Annual Conference, The Serials Librarian*. 1991. Vol. 21. P. 2–3.
3. *Luukkonen T., Persson O., Sivertsen G.* Understanding Patterns of International Scientific Collaboration // *Science, Technology & Human*. 1992. Vol. 17 (1). P. 101–126. DOI: 10.1177/016224399201700106

4. Luukkonen T., Tijssen R.J.W., Persson O., Sivertsen G. The Measurement of International Scientific Collaboration. *Scientometrics*. 1993. Vol. 28 (1). P. 15–36. DOI: 10.1007/BF02016282
5. Miquel J.F., Okubo Y. Structure of international collaboration in sciences. Comparisons of profiles in countries using a link indicator // *Scientometrics*. 1994. Vol. 29. P. 271–294.
6. Doré J.-C., Ojasoo T., Okubo Y. Correspondence factorial analysis of the publication patterns of 48 countries over the period 1981–1992 // *Journal of the American Society for Information Science*. 1996. Vol. 47 (8). P. 588–602.
7. Georgiou L. Global cooperation in research // *Research Policy*. 1998. Vol. 27. P. 611–626.
8. Glänzel W. National characteristics in international scientific co-authorship relations // *Scientometrics*. 2001. Vol. 51. P. 69–115.
9. Wagner C., Leydesdorff L. Mapping the network of global science comparing international co-authorships from 1990 to 2000 // *International Journal of Technology and Globalization*. 2004, forthcoming.
10. Wagner C., Leydesdorff L. International Collaboration in Science and the Formation of a Core Group // *Journal of Informetrics*. 2008. Vol. 2 (4). P. 317–325. DOI: 10.1016/j.joi.2008.07.003
11. Wagner C., Leydesdorff L. Network structure, self-organization, and the growth of international collaboration in science // *Research Policy*. 2005. Vol. 34 (10). P. 1608–1618. DOI: 10.1016/j.respol.2005.08.002
12. Frame J. Davidson, Carpenter Mark P. International Research Collaboration // *Social Studies of Science*. 1979. Vol. 9 (4). P. 481–497. DOI: 10.1177/030631277900900405
13. Denham G., Allen C., Platt J. International collaboration in medical radiation science // *Journal of medical radiation sciences*. 2016. Vol. 63 (2). P. 75–80. DOI: 10.1002/jmrs.158
14. Aguado-Lopez E., Becerril-Garcia A., Godínez-Larios S. International collaboration in social sciences and humanities: inclusion, participation and integration // *Convergencia-revista de ciencias sociales*. 2017. Vol. 75. P. 13–44.
15. Wagner C., Whetsell T., Leydesdorff L. Growth of international collaboration in science: revisiting six specialties // *Scientometrics*. 2017. Vol. 110 (3). P. 1633–1652. DOI: 10.1007/s11192-016-2230-9
16. Matveeva N., Ferligoj A. Scientific collaboration in Russian universities before and after the excellence initiative Project 5–100 // *Scientometrics*. 2020. Vol. 124. P. 2383–2407. DOI: 10.1007/s11192-020-03602-6
17. Matveeva N., Sterligov I., Yudkevich M. The Russian University Excellence Initiative: Is It Really Excellence that Is Promoted? // Higher School of Economics Research Paper. WP BRP, 2019. 49 (<https://wp.hse.ru/data/2019/05/20/1509096657/49EDU2018.pdf>).
18. Ivanov V., Libkind A., Markusova, V. Publication activity and research cooperation between higher education institutions and the Russian Academy of Sciences // *Herald of the Russian Academy of Sciences*. 2014. Vol. 84 (1). P. 28–34. DOI: 10.1134/s101933161401002x
19. Акоев М.А., Маркусова В.А., Москалева О.В., Писляков В.В. Руководство по наукометрии: индикаторы развития науки и технологии / под ред. М.А. Акоева. Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2014. 250 с.
20. Small H. On the shoulders of Robert Merton: Towards a normative theory of citation // *Scientometrics*. 2004. Vol. 60 (1). P. 71–79.

Ekaterina G. Grishakina, State Autonomous Sociological Research Center (Moscow, Russian Federation).

E-mail: eg.grishakina@ya.ru

Irina B. Trostyanskaya, State Autonomous Sociological Research Center (Moscow, Russian Federation).

E-mail: i.trostyanskaya@mail.ru

Nadezhda A. Polikhina, State Autonomous Sociological Research Center (Moscow, Russian Federation).

E-mail: polihina@gmail.com

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya – Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science. 2021. 63. pp. 93–110.

DOI: 10.17223/1998863X/63/10

PUBLICATIONS IN MEGACOLLABORATIONS: STRENGTHENING THE POSITIONS OF RUSSIAN UNIVERSITIES IN THE WORLD

Keywords: international collaboration in science; public policy; scientific collaborations; co-authorship; Russian universities; Project 5–100

The article analyzes various scientometric indicators of organizations, particularly in dependence on the number of publication authors, as well as publication productivity of Russian organizations in comparison with the leading countries in the number of publications in 2012–2019: USA, China, UK, Germany, Canada, etc. Special attention is paid to Russian universities, including Project 5–100 participants. Particular emphasis is placed on publications with more than 100 authors, since such publications indicate the organization's involvement in global scientific networks and are more noticeable to the world scientific and educational community. The analysis is carried out using InCites of the Web of Science Core Collection. All types of publications for the period 2012–2019 are analyzed. The article provides an overview of the literature on the development of international scientific cooperation and the current state of international scientific collaborations. The study reveals an expansion of Russian scientific and educational organizations that have publications in the above-mentioned database, and a gradual increase in their publication productivity. At the same time, the publication productivity of organizations that have publications with more than 100 authors is gradually decreasing due to the increase in the number of such Russian organizations, but it still remains higher than in some countries leading in publication activity. It is shown that publications with more than 100 authors in almost all broad scientific fields receive more citations, particularly in physics, where large scientific teams are common practice. The analysis also shows that, in Russia, besides physics, international cooperation within large scientific teams is also widespread in other scientific disciplines, and publications made in such cooperation are one of the drivers of Russian universities and Russian science in the world scientific and educational environment.

References

1. Van Raan, A.F.J. (1998) The Influence of International Collaboration on the Impact of Research Results. *Scientometrics*. 42(3). pp. 423–428. DOI: 10.1007/BF02458380
2. Narin, F. (1991) Globalization of research, scholarly information, and patents. Ten year trends. *Proceedings of the North American Serials Interest Group (NASIF) 6th Annual Conference, The Serials Librarian*. 21. pp. 2–3.
3. Luukkonen, T., Persson, O. & Sivertsen, G. (1992) Understanding Patterns of International Scientific Collaboration. *Science, Technology, & Human*. 17(1). pp. 101–126. DOI: 10.1177/016224399201700106
4. Luukkonen, T., Tijssen, R.J.W., Persson, O. & Sivertsen, G. (1993) The Measurement of International Scientific Collaboration. *Scientometrics*. 28(1). pp. 15–36. DOI: 10.1007/BF02016282
5. Miquel, J. F. & Okubo, Y. (1994) Structure of international collaboration in sciences. Comparisons of profiles in countries using a link indicator. *Scientometrics*. 29. pp. 271–294.
6. Doré, J.-C., Ojasoo, T. & Okubo, Y. (1996) Correspondence factorial analysis of the publication patterns of 48 countries over the period 1981–1992. *Journal of the American Society for Information Science*. 47 (8). pp. 588–602.
7. Georgiou, L. (1998) Global cooperation in research. *Research Policy*. 27. pp. 611–626.
8. Glänzel, W. (2001) National characteristics in international scientific co-authorship relations. *Scientometrics*. 51. pp. 69–115.
9. Wagner, C. & Leydesdorff, L. (2005) Mapping the network of global science comparing international co-authorships from 1990 to 2000. *International Journal of Technology and Globalization*. 1(2). pp. 185–208. DOI: 10.1504/IJTG.2005.007050
10. Wagner, C. & Leydesdorff, L. (2008) International Collaboration in Science and the Formation of a Core Group. *Journal of Informetrics*. 2(4). pp. 317–325. DOI: 10.1016/j.joi.2008.07.003
11. Wagner, C. & Leydesdorff, L. (2005) Network structure, self-organization, and the growth of international collaboration in science. *Research Policy*. 34(10). pp. 1608–1618. DOI: 10.1016/j.respol.2005.08.002
12. Davidson Frame, J. & Carpenter, M.P. (1979) International Research Collaboration. *Social Studies of Science*. 9(4). pp. 481–497. DOI: 10.1177/030631277900900405
13. Denham, G., Allen, C. & Platt, J. (2016) International collaboration in medical radiation science. *Journal of Medical Radiation Sciences*. 63(2). pp. 75–80. DOI: 10.1002/jmrs.158
14. Aguado-Lopez, E., Becerril-Garcia, A. & Godinez-Larios, S. (2017) International collaboration in social sciences and humanities: inclusion, participation and integration. *Convergencia-revista de ciencias sociales*. 75. pp. 13–44.
15. Wagner, C., Whetsell, T. & Leydesdorff, L. (2017) Growth of international collaboration in science: revisiting six specialties. *Scientometrics*. 110(3). pp. 1633–1652. DOI: 10.1007/s11192-016-2230-9

16. Matveeva, N. & Ferligoj, A. (2020) Scientific collaboration in Russian universities before and after the excellence initiative Project 5–100. *Scientometrics*. 124. pp. 2383–2407. DOI: 10.1007/s11192-020-03602-6
17. Matveeva, N., Sterligov, I. & Yudkevich, M. (2019) The Russian University Excellence Initiative: Is It Really Excellence that Is Promoted? *Higher School of Economics Research Paper*. 49. [Online] Available from: <https://wp.hse.ru/data/2019/05/20/1509096657/49EDU2018.pdf>
18. Ivanov, V., Libkind, A. & Markusova, V. (2014) Publication activity and research cooperation between higher education institutions and the Russian Academy of Sciences. *Herald of the Russian Academy of Sciences*. 84(1). pp. 28–34. DOI: 10.1134/s101933161401002x
19. Akoev, M., Markusova, V., Moskaleva, O. & Pislyakov, V. (2014) *Rukovodstvo po naukometrii: indikatory razvitiya nauki i tekhnologii* [Handbook for Scientometrics: Indicators of science and technology development]. Ekaterinburg: Ural State University.
20. Small, H. (2004) On the shoulders of Robert Merton: Towards a normative theory of citation. *Scientometrics*. 60(1). pp. 71–79. DOI: 10.1023/B:SCIE.0000027310.68393.bc

УДК 141

DOI: 10.17223/1998863X/63/11

И.В. Демин

КУЛЬТУРНАЯ АНТРОПОЛОГИЯ КЛИФФОРДА ГИРЦА В КОНТЕКСТЕ СОВРЕМЕННОЙ ТЕОРИИ ИДЕОЛОГИЙ

В статье раскрывается значение культурной антропологии Клиффорда Гирца для современной теории идеологий. Рассматриваются общеполитологические предпосылки и социально-политологический контекст разработанного Гирцем культурно-семиотического подхода к пониманию идеологии. Проанализированы основные аргументы, выдвинутые Гирцем против структуралистских и постмарксистских трактовок феномена идеологии.

Ключевые слова: идеология, семиотика культуры, семиотика идеологии, культурная антропология К. Гирца, лингвистический поворот

1. Введение. Теория идеологий и лингвистический поворот

Понятие идеологии принадлежит к числу наиболее часто используемых и в то же время наименее ясных и определенных. По словам Г.И. Мусихина, идеология «является одним из самых распространенных терминов в мире политического и одновременно одним из самых оспариваемых понятий в пространстве политической теории» [1. С. 9]. Несмотря на разностороннюю критику этого понятия, оно по-прежнему сохраняет свое значение, порождая новые концептуализации [2, 3], провоцируя научные и околонучные дискуссии.

Доминирующей в рассмотрении идеологии на протяжении второй половины XIX и всего XX в. была *критическая* тенденция [4]. При всей неоднородности критической традиции анализа феномена идеологии ее представителей объединяет понимание идеологии как «ложного сознания». Такая трактовка идеологии впервые получила концептуальное обоснование в работах К. Маркса и Ф. Энгельса.

Однако начиная с 60-х гг. XX в. марксистская трактовка идеологии перестает быть безальтернативной. В рамках таких направлений, как философская герменевтика, постструктурализм, аналитическая философия, семиотика культуры, онтологические и эпистемологические основания традиционного понимания идеологии (исторический материализм и детерминизм, социологический реализм) подвергаются критическому пересмотру. Решающим фактором здесь стал *лингвистический поворот*, связанный с радикальным переосмыслением роли и статуса языка в контексте социальной жизни и осознанием того обстоятельства, что язык не является всего лишь средством познания и/или инструментом социальной коммуникации, но представляет собой исходную *среду* человеческого существования как такового, своего рода «медиум», всякий раз опосредующий контакт человека с миром (в том числе и миром политики).

Одним из значимых следствий лингвистического поворота в философии и социально-гуманитарном познании стало возникновение *семиотики культуры*.

В последние десятилетия семиотический подход получает все большее распространение в изучении общества и культуры, что позволяет некоторым исследователям говорить о *семиотическом повороте* в социально-гуманитарных науках [5. С. 7–10]. Области политической социологии и политической лингвистики, к которым традиционно относят исследования идеологии, также оказались затронутыми данной тенденцией. В отечественной литературе отдельные аспекты семиотически ориентированной методологии исследования идеологии и политического дискурса затрагивались в работах А.П. Чудинова [6], А.Р. Тузикова [7], О.Ю. Малиновой [8], В.Г. Скочиловой [9], А.И. Соловьева [10], Ф.Н. Блюхера [11]. Однако философские основания, концептуальные рамки и эвристический потенциал семиотического подхода к анализу политико-идеологических феноменов до сих пор остаются непроясненными. Семиотическая терминология и исследовательские приемы, выработанные в рамках семиотики и философии языка, зачастую применяются не критически, эклектично совмещаясь с традиционными подходами и методами анализа идеологии. Обращение к идейному наследию основоположников семиотики культуры представляется актуальным, поскольку позволяет выработать новые продуктивные исследовательские стратегии анализа идеологии как одной из культурно-семиотических систем.

В данной статье мы рассмотрим трактовку феномена идеологии, намеченную в культурной антропологии Клиффорда Гирца. Несмотря на то, что Гирц никогда не ставил перед собой задачу разработки целостной концепции идеологии, в его статье «Идеология как культурная система» (1964) [12] и некоторых других работах [13–16] можно найти интересные замечания относительно природы данного феномена, а также образцы применения культурно-семиотического подхода к анализу явлений социально-политической жизни. В контексте культурной антропологии Гирца на первый план выходят те аспекты идеологии, которые оставались незамеченными (или непроясненными) в рамках других исследовательских стратегий (марксизм, структурализм, структурный функционализм, социология знания). Речь идет об идеологии как системе символов и символических действий, подлежащих интерпретации, а также особого рода дискурсивной практике, в которой используются различные риторические приемы (тропы).

Несмотря на то, что культурологическая концепция Клиффорда Гирца получила широкую известность как на Западе, так и в России, значение предложенной американским антропологом трактовки идеологии как культурной (символической) системы в контексте современных социально-политических исследований остается явно недооцененным. Специального рассмотрения заслуживает также вопрос о новизне и эвристическом потенциале культурно-семиотического подхода к идеологии.

В отечественной литературе отдельные аспекты интерпретативной антропологии Клиффорда Гирца анализировались в работах А.Л. Зорина [17; 18], А.Л. Елфимова [19, 20], Н.В. Новиковой [21], О.Б. Христофоровой [22], В. Костырко [23], В.Н. Килькеева [24], Р.М. Руповой [25] и некоторых других авторов, однако эти исследования носят по преимуществу обзорный характер, детальной проработки методологических вопросов изучения идеологии в них нет.

2. Критика господствующих трактовок идеологии в семиотике культуры К. Гирца

Необходимость разработки культурно-семиотического подхода к идеологии Гирц связывал с неудовлетворительностью существующих теорий идеологии. Понятие идеологии, как отмечал американский антрополог, само является предельно идеологизированным. Термин «идеология» нередко используется *полемически*, т.е. в качестве *ярлыка*, навешиваемого на оппонента (в соответствии с формулой «у меня – социальная философия; у вас – политические взгляды; у него – идеология» [26. С. 226]), а не для фиксации, описания и объяснения феноменов социально-политической жизни. Задача выработки научного (т.е. *безоценочного*) понятия идеологии, впервые осознанная и поставленная Карлом Манхеймом, так и не была решена в социальной философии XX в.

Все многообразие существующих исследовательских стратегий и подходов к анализу идеологии Гирц сводит к двум основным теориям – *теории интересов* и *теории напряжений*. В рамках теории интересов идеология рассматривается как «маска и оружие», согласно же теории напряжений, идеология есть «симптом и лекарство» [Там же. С. 232]. «В теории интересов идеологические заявления рассматриваются на фоне всеобщей борьбы за выгоду; в теории напряжений – на фоне постоянных попыток выправить социально-психологический дисбаланс. Согласно первой, люди все время стремятся к власти; согласно второй – все время избавляются от тревоги» [Там же. С. 233].

Теория интересов, сплавляющая воедино идеологические доктрины и политическую борьбу, наиболее последовательно проявляется в марксистской традиции. Идеология здесь выступает одновременно и в качестве «ложного сознания» господствующего класса, камуфлирующего подлинные причины социальных изменений и мотивы человеческих поступков, и в качестве инструмента захвата, удержания и укрепления власти посредством внедрения определенной картины мира, специфического (и всегда неизбежно *ложного*) видения социальной действительности. Исходной аксиомой данной теории выступает постулат о том, что под видом столкновения идей, принципов и ценностей в общественно-политической жизни *на самом деле* происходит столкновение *интересов*.

Уязвимость этой теории Гирц видит в том, что она обречена на постоянные метания между «узким и поверхностным утилитаризмом», согласно которому человеком всегда движет рациональный расчет, и «более широким, но не менее поверхностным историзмом», утверждающим, что идеи человека «отражают» и «выражают» его социальную принадлежность, обусловлены ею [Там же. С. 233]. Сказанное не означает, что данная теория вообще ничего не дает для понимания идеологии. Как отмечает Гирц, теория интересов, подобно классической механике Ньютона, была не столько отвергнута последующими концепциями, сколько поглощена ими.

Гораздо больше внимания Гирц уделяет разбору и критике теории напряжений. Данная теория представлена в различных направлениях структурализма и структурного функционализма. В качестве исходного здесь принимается постулат о неустранимой «хронической разбалансированности»

общества. «Любое общество сталкивается с неразрешимыми антиномиями: между свободой и политическим порядком, между стабильностью и необходимостью перемен, между экономической эффективностью и гуманностью, между педантичностью и гибкостью и т.п.» [26. С. 235]. Социальная напряженность, проявляющаяся в любом обществе, проистекает из конфликта и даже несовместимости базовых принципов и ориентиров человеческой активности.

В рамках такого подхода идеология является одновременно и *следствием*, и *симптомом*, и *механизмом компенсации* неизбежной социальной напряженности. Гирц отмечает, что диагностически теория напряжений убедительна, а функционально – нет. Эта теория начинает буксовать при исследовании социальных и психологических функций идеологии [Там же. С. 237]. Дело в том, что социальные последствия усвоения той или иной идеологии могут быть совершенно различными. В частности, как подчеркивал американский антрополог, общность идеологического восприятия может как *связывать*, так и *разделять* людей, поэтому даже консолидирующую функцию идеологии нельзя принимать как нечто само собой разумеющееся.

Причина концептуальной слабости и недостаточности обеих теорий идеологии, согласно Гирцу, в конечном счете заключается в отсутствии «сколько-нибудь развитой концепции относительно того, как формулируются символы» [Там же. С. 238]. В рамках обеих теорий недооценивается или же вообще игнорируется *символический* аспект идеологии, а именно тот факт, что идеология, помимо прочего, является «системой взаимосвязанных символов, структурой взаимосвязанных смыслов» [Там же].

3. Теория идеологии и «парадокс Манхейма»

Отправным пунктом рассуждений Гирца об идеологии становится то, что в литературе иногда именуют «парадоксом Манхейма» [27]. Суть его в следующем: поскольку идеология является функцией социального бытия субъекта и внеидеологической позиции *в пространстве политического* быть не может, постольку любая *критика идеологии* с неизбежностью оказывается *идеологической критикой* (т.е. критикой одной идеологии с позиций другой). Задача выработки неидеологического (безоценочного) понятия идеологии, таким образом, не просто остается нерешенной, но оказывается в принципе *неразрешимой*.

Такую ситуацию, как отмечает Гирц, невозможно расценивать иначе, как вызов, подрывающий основания рационального знания. По сути, речь здесь идет об одном из аспектов *проблемы релятивизма*, над решением которой работали многие социальные теоретики XX в. «Где та точка (если она есть), в которой кончается идеология и начинается наука, – вот что стало Сфинксовой загадкой для многих современных социологов и дало надежное оружие их противникам» [26. С. 226].

Методологическая значимость понятия идеологии обусловлена тем, что именно в нем наиболее отчетливо проявляются основные дилеммы, парадоксы и противоречия социального познания как такового. Научный статус социального знания, его претензии на объективность сильнее всего оспариваются там, где речь заходит об идеологии. Идеология упорно сопротивляется попыткам ее научного изучения и объяснения. Ситуация существенно

осложняется еще и тем, что субъекты политики часто стремятся придать идеологическим постулатам статус *научных утверждений*. «Соппротивление идеологии социологическому анализу, – писал Гирц, – потому так велико, что анализ этот принципиально неадекватен, а лежащие в его основе теоретические категории явно недостаточны» [26. С. 227]. Спасение от «парадокса Мангейма» Гирц усматривает в таком усовершенствовании концептуального аппарата социальных наук, «которое сделало бы его применимым к изучению смыслов» [Там же. С. 228]. В конечном счете задача заключается в том, чтобы сохранить идею историчности и ограниченности социального знания, но при этом избежать угрозы релятивизма. Предложенную Гирцем трактовку идеологии как *символической системы* можно рассматривать как одну из попыток решения указанной проблемы.

Поскольку «парадокс Мангейма» оказывается неразрешим рациональными средствами, Гирц предлагает *обойти* его: «Лучший способ справиться с парадоксом Мангейма, как, впрочем, и с любым не мнимым парадоксом, – это обойти его, так перестроив свой теоретический подход, чтобы с самого начала не вступать на ведущую к парадоксу исхоженную дорогу» [Там же. С. 260]. Это означает отказ от *сравнения* эпистемологического и/или аксиологического статуса двух форм мышления (идеологии и науки). Подобно тому, как научное изучение религии вовсе не предполагает вынесение каких-либо суждений относительно эпистемологического и аксиологического статуса религиозной веры, так и научный анализ идеологии, согласно Гирцу, не может начинаться с формулировок «ложное сознание», «превратное отражение социальной действительности» и т.п.

Эпистемологический и аксиологический статус идеологии и научного знания в рамках культурно-семиотического подхода не подлежит сравнению. «Идеолог, – пишет Гирц, – точно так же не является плохим социологом, как социолог – плохим идеологом. Наука и идеология работают – или, по крайней мере, должны работать – по совершенно разным направлениям, настолько разным, что оценивать деятельность одной по задачам другой – дело очень неблагоприятное и сбивающее с толку» [Там же].

Рассматривая господствующее и «усредненное» понимание идеологии, закрепившееся в социальных науках к началу 60-х гг. XX в., Гирц ссылается на работы Т. Парсонса, Э. Шилза, Р. Арона. Американский антрополог отмечает, что в этих работах некритически принимается целый ряд допущений, каждое из которых при ближайшем рассмотрении оказывается весьма сомнительным.

Во-первых, с самого начала постулируется эпистемологическая *ущербность* идеологии по сравнению с наукой (научной социологией). В основании этого постулата лежит негласно принимаемое допущение, что идеологические высказывания должны оцениваться по тем же самым критериям, что и научные утверждения. В такой трактовке Гирц справедливо усматривает наследие позитивизма Конта с характерным для него наивным объективизмом и остроумно замечает, что «конца идеологии» «мы можем прождать так же долго, как позитивисты ждали конца религии» [Там же. С. 231]. Сводить идеологию к «ложному сознанию» и ненаучному (или даже *антинаучному*) видению социума столь же непродуктивно, как сводить религию к «суеверию».

Во-вторых, критики идеологии, как правило, склонны выставить «патологические крайности идеологического мышления» (нацизм, большевизм) в качестве *типичных образов* идеологии. Идеологический экстремизм выдается за самую суть идеологического видения мира. Это, однако, ничуть не более корректно, чем выдавать, например, инквизицию и религиозный фанатизм за архетипы религиозной веры как таковой.

В-третьих, свободное от оценок *понятие идеологии* часто ошибочно смешивается со свободным от оценок отношением к тем или иным *конкретным идеологиям*. Если второе действительно невозможно, то первое не только возможно, но даже необходимо. Подобно тому, как свободное от оценок понятие религии вовсе не предполагает религиозного релятивизма или индифферентизма, так же и безоценочное понятие идеологии не имеет ничего общего с «идеологической беспристрастностью» субъекта социального познания.

Коль скоро социальные науки не могут вообще отказаться от термина «идеология», совершенно исключить его из научного дискурса, необходимо, полагает Гирц, «продолжать усилия по его обезвреживанию» [26. С. 232]. Под «обезвреживанием» как раз и понимается переход от оценочного понятия идеологии к безоценочному.

4. Особенности культурно-семиотического подхода к идеологии

В контексте разрабатываемой Клиффордом Гирцем концепции предметом анализа оказывается не *политическая сфера* социальной жизни, взятая как относительно автономный социальный феномен, но, скорее, *политическая культура*. Идеология рассматривается как один из конститутивных моментов политической культуры общества.

Первое, на что обращает внимание Гирц: язык идеологии – это *фигуральный* (символический, метафорический) язык, следовательно, к нему нельзя подходить с теми критериями, с помощью которых мы анализируем язык науки. Ориентированные на методологический структурализм социологические теории, согласно Гирцу, попросту не имеют соответствующего аналитического аппарата для исследования идеологии как символического языка, а потому важнейшие вопросы всякой теории идеологии (откуда берется значение идеологических утверждений? благодаря чему та или иная единица идеологического текста становится понятной, осмысленной?) остаются без ответа.

Гирц показывает, что понятия и исследовательские техники, разработанные для анализа «более возвышенных аспектов культуры» (например, поэзии), применимы и для анализа идеологии, коль скоро последняя является одной из культурно-символических систем [Там же].

Семиотический подход предполагает, что идеологические выражения следует понимать не как ярлыки или буквальные обозначения, но как *тропы, стилистические приемы*. Однако, в отличие от анализа художественного произведения, анализ идеологического дискурса требует соотнесения любого высказывания с контекстом его восприятия. В разных контекстах и ситуациях один и тот же стилистический прием или риторическая фигура могут производить неодинаковый эффект. Выбор символов для трансляции тех или иных идеологических смыслов определяется контекстом. Использование символов

может быть удачным или неудачным, эффективным или неэффективным. Сами символы, в свою очередь, могут обладать большей или меньшей выразительной (риторической) силой и убедительностью.

В отличие от художественных символов, символы идеологии неразрывно связаны с социальным действием, предполагают действие, отсылают к нему. В этом смысле идеологические высказывания являются *перформативными*, это всегда высказывания-действия. Вот почему изучение идеологии в рамках культурно-семиотического подхода – это не что иное, как изучение *символического действия*.

Идеология, наряду с другими культурными моделями (религиозными, философскими, эстетическими, научными), снабжает социальных субъектов шаблонами и чертежами для упорядочивания и структурирования процессов и явлений общественно-политической жизни. Идеология в контексте культурно-семиотического подхода уподобляется карте, схематическому изображению социального порядка. При этом важно подчеркнуть, что идеология как карта «территории политического» необходима в той мере, в которой данная территория оказывается *неизвестной, неизученной, непонятной*.

Новую трактовку в контексте семиотики культуры получает и вопрос о *генезисе идеологии*. Для социальной теории и политической философии данный вопрос имеет принципиальное значение, поскольку характер его постановки и решения высвечивает специфику понимания идеологии в рамках различных концепций. Так, в марксистской социальной философии генезис идеологического сознания связывается с классовым расслоением и классовой борьбой (в этом смысле религия также рассматривается как одна из форм идеологии). В рамках структурно-функционального подхода проблема генезиса идеологии, строго говоря, вообще не может быть поставлена, поскольку идеология рассматривается в качестве структурного компонента политической системы вообще (вопрос о генезисе идеологии сводится к вопросу о генезисе социального порядка).

Культурно-семиотический подход позволяет не только по-новому взглянуть на проблему генезиса идеологии, но и объяснить тот факт, что в разных обществах и в разные исторические эпохи роль идеологий может быть различной. Так, в традиционном обществе роль идеологии незначительна или даже сведена к нулю. «В обществах, твердо стоящих на золотом фундаменте Эдмунда Бёрка из „древних мнений и жизненных правил“, роль идеологии, в ее сколько-нибудь выявленном виде, несущественна» [26. С. 248]. Там, где люди действуют на основании традиционных неанализируемых, дорефлексивных предрассудков, надобности в идеологии, упорядочивающей и объясняющей социальный мир, нет. Идеология возникает там и тогда, где и когда эти предрассудки ставятся под сомнение, перестают восприниматься как нечто самоочевидное.

Возникновение идеологии как культурно-символической системы связывается Гирцем с процессом автономизации политики, ее превращением в самостоятельную (хотя и не изолированную) область социальных отношений. Идеология одновременно выступает и фактором, и симптомом автономизации политики, ее отделения от мифологии и религии: «Впервые идеологии в собственном смысле слова возникают и завоевывают господство именно в тот момент, когда политическая система начинает освобождаться от непо-

средственной власти унаследованной традиции, от прямого и мелочного руководства религиозных и философских канонов, с одной стороны, и от принимаемых на веру предписаний традиционного морализма – с другой» [26. С. 249].

В процессе автономизации политики идеология превращается в главный или даже единственный источник социально-политических значений / смыслов. Она придает смысл непонятым социальным ситуациям, делая тем самым возможным целесообразное политическое действие, позволяет интерпретировать и упорядочивать новые, еще незнакомые социальные явления, ориентироваться в потоке постоянно изменяющейся политической жизни.

5. Заключение

Разработанный Клиффордом Гирцем культурно-семиотический подход позволяет «реабилитировать» идеологию в качестве предмета социальных исследований. Гирц убедительно показал, что научное изучение идеологии не может сводиться к задаче ее разоблачения как «ложного сознания», искажающего социальную действительность. Подобно тому, как научное изучение религии совсем не обязательно должно подрывать религиозную веру, так и наука совсем не обязательно должна подрывать убеждения и ценности, провозглашаемые той или иной идеологией. Реабилитация идеологии как предмета социологического и культурологического анализа, однако, не имеет ничего общего с апологией той или иной конкретной идеологии. В четком разделении научного и идеологического ракурсов рассмотрения идеологии заключается одно из главных преимуществ культурно-семиотического подхода.

Отправной точкой научного изучения идеологии в концепции Гирца становится признание ее в качестве особой символической системы, несводимой к другим системам культуры (религии, морали, философии).

Идеология в рамках культурно-семиотического подхода предстает как система взаимосвязанных символов и смыслов, задающих целостный контекст интерпретации различных явлений социально-политической жизни. При таком ракурсе рассмотрения на первый план в изучении идеологии выходит коммуникативный аспект политического дискурса. Идеологии представляют собой культурные (символические) модели, благодаря которым субъекты политики оказываются способны понимать происходящее и вступать в осмысленную коммуникацию с другими субъектами.

Идеология и социальная наука в рамках культурно-семиотического подхода не противопоставляются, но и не отождествляются, они рассматриваются как различные, существующие параллельно (и потому не конкурирующие друг с другом), языки описания и объяснения социальной действительности, особые символические формы культуры, каждая из которых функционирует в соответствии со своим механизмом. С этим обстоятельством связана принципиальная ограниченность культурно-семиотического подхода: его последовательное применение к анализу политической жизни практически исключает какую-либо возможность критического анализа идеологии. Критика идеологии с позиций социальной науки оказывается нерелевантной, поскольку наука рассматривается в качестве иной формы производства и воспроиз-

водства культурных текстов и смыслов, а понятия лжи и фальсификации оказываются фактически не применимыми к анализу идеологического дискурса.

Литература

1. Мусихин Г.И. Очерки теории идеологий. М. : ВШЭ, 2013. 288 с.
2. Соловьев А.И., Малинова О.Ю., Гаман-Голутвина О.В., Ильин М.В., Пишизова С.Н. Современные тенденции развития символического пространства политики и концепт идеологии (материалы дискуссии) // Полис. Политические исследования. 2004. № 4. С. 28–51.
3. Малинова О.Ю. Концепт идеологии в современных политических исследованиях // Политическая наука. 2003. № 4. С. 8–30.
4. Бурсевич В.В. Критический и нейтральный подходы к исследованию идеологии: сравнительный анализ // Вестник Полоцкого государственного университета. Серия А: Гуманитарные науки. 2010. № 1. С. 95–99.
5. Семиотический поворот в социально-гуманитарном познании: истоки, предпосылки, культурный контекст: коллективная монография / отв. ред. И.В. Дёмин. Самара : Самар. гуманитар. акад., 2018. 270 с.
6. Чудинов А.П. Очерки по современной политической метафорологии. Екатеринбург, 2013. 176 с.
7. Тузиков А.Р. Западная теория идеологии: от критики «ложного сознания» к анализу дискурса масс-медиа. М. : Социально-гуманитарные знания, 2002. 289 с.
8. Малинова О.Ю. Конструирование смыслов: исследование символической политики в современной России. М. : ИНИОН РАН, 2013. 421 с.
9. Скочилова В.Г. Динамическая модель идеологии // Вестник Томского государственного университета. Социология. Политология. 2011. № 3. С. 111–119.
10. Соловьёв А.И. Политическая идеология: логика исторической эволюции // Полис. 2001. № 2. С. 5–23.
11. Блюхер Ф.Н. Научные понятия и идеологический дискурс: единство противоположностей // Vox. Философский журнал. 2011. № 11. С. 75–82.
12. Geertz C. Ideology as a Cultural System // Ideology and Discontent / ed. D. Apter. New York, 1964.
13. Geertz C. Local Knowledge: Further Essays in Interpretive Anthropology. New York, 1983.
14. Geertz C. The Uses of Diversity // Michigan Quarterly Review, Winter. 1986. P. 105–123.
15. Geertz C. What Is a Country If It Is Not a Nation? // The Brown Journal of World Affairs. 1997. Vol. 4.
16. Geertz C. Available Light: Anthropological Reflections on Philosophical Topics. Princeton: Princeton University Press, 2000.
17. Зорин А.Л. Идеология и семиотика в интерпретации Клиффорда Гирца // Новое литературное обозрение. 1998. № 29. С. 39–54.
18. Zorin A. Ideology, Semiotics and Clifford Geertz: Some Russian Reflections // History and Theory. 2001. Vol. 40, № 1. P. 57–73. DOI: 10.1111/0018-2656.00152
19. Елфимов А.Л. Клиффорд Гирц: интерпретация культур // Этнографическое обозрение. 1992. № 3. С. 144–150.
20. Елфимов А.Л. Об антропологии и гуманитарных науках: несколько заметок о творчестве К. Гирца // Новое литературное обозрение. 2004. № 70. С. 50–62.
21. Новикова Н.В. Гирцизм в истории: возможности и пределы «интерпретативной» антропологии // Вестник Ярославского государственного университета им. П.Г. Демидова. Гуманитарные науки. 2008. № 4. С. 5–10.
22. Христофорова О.Б. Между сциентизмом и романтизмом: Клиффорд Гирц о перспективах антропологии // Новое литературное обозрение. 2004. № 70. С. 32–39.
23. Костырко В. Символы и системы: Клиффорд Гирц в поисках неструктуралистской семиотики // Новое литературное обозрение. 2004. № 70. С. 39–52.
24. Килькеев В.Н. Клиффорд Гирц: концепция культуры и семиотический подход к ее изучению // Вестник Челябинского государственного университета. 2009. № 11. С. 138–142.
25. Рупова Р.М. Антиглобалистский оптимизм А. Щюца и К. Гирца // Социологические исследования. 2008. № 4. С. 138–143.
26. Гирц К. Интерпретация культур / пер. с англ. М. : РОССПЭН, 2004. 560 с.
27. Малинкин А.Н. Социология знания М. Шелера и К. Манхейма: сравнительный анализ методологий // Вопросы философии. 2015. № 11. С. 175–186.

Ilya V. Demin, Samara University (Samara, Russian Federation).

E-mail: ilyadem83@yandex.ru

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya – Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science. 2021. 63. pp. 111–121.

DOI: 10.17223/1998863X/63/11

CULTURAL ANTHROPOLOGY OF CLIFFORD GEERTZ IN THE CONTEXT OF THE CONTEMPORARY THEORY OF IDEOLOGIES

Keywords: ideology; semiotics of culture; semiotics of ideology; cultural anthropology of Clifford Geertz; linguistic turn

The article reveals the significance of the cultural anthropology of Clifford Geertz for the modern theory of ideologies. It analyzes the general philosophical premises and the socio-philosophical context of the cultural-semiotic approach to understanding ideology. Geertz's main arguments against the dominant (post-Marxist and structuralist) interpretations of the phenomenon of ideology are analyzed. Geertz's interpretation of ideology is based on a semiotic understanding of culture as a set of extragenetic programs that govern the behavior of a human as a "symbolic animal". In the context of Geertz's cultural anthropology, aspects of ideology that remained undisclosed in the framework of other research programs (structuralist, neo-Marxist, post-Marxist) come to the fore. Ideology within the framework of the cultural-semiotic approach appears as a system of interrelated symbols and meanings that set an integral context for the interpretation of various phenomena of socio-political life. Ideology can be likened to a map of a problematic social reality. The cultural-semiotic approach rehabilitates ideology as a subject of social research and allows one to develop a non-judgmental, non-ideologized concept of ideology. One of the main advantages of the cultural-semiotic approach in comparison with post-Marxist and post-Freudian research strategies is the consistent distinction between the scientific and ideological perspectives of the consideration of ideology. Geertz's interpretation convincingly shows that the scientific study of ideology cannot be reduced to the task of criticizing ideology, exposing it as "false consciousness" that distorts social reality. Ideology and social science within the framework of the cultural-semiotic approach are not opposed, but they are not identified either; they are viewed as different languages and special symbolic forms of culture existing in parallel for describing and explaining social reality.

References

1. Musikhin, G. I. (2013) *Ocherki teorii ideologii* [Essays on the Theory of Ideologies]. Moscow: HSE.
2. Soloviev, A.I., Malinova, O.Yu., Gaman-Golutvina, O.V., Ilyin, M.V. & Pshizova, S.N. (2004) Modern trends in the development of the symbolic space of politics and the concept of ideology (materials of discussion). *Polis. Politicheskie issledovaniya – Policy. Political Studies*. 4. pp. 28–51.
3. Malinova, O.Yu. (2003) Kontsept ideologii v sovremennykh politicheskikh issledovaniyakh [The concept of ideology in modern political studies]. *Politicheskaya nauka – Political Science*. 4. pp. 8–30.
4. Bursevich, V.V. (2010) Kriticheskiy i neytral'nyy podkhody k issledovaniyu ideologii: sravnitel'nyy analiz [Critical and neutral approaches to the study of ideology: a comparative analysis]. *Vestnik Polotskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya A: Gumanitarnye nauki – Herald of Polotsk State University. Series A. Humanity Science*. 1. pp. 95–99.
5. Demin, I.V. (ed.) (2018) *Semioticheskiy povorot v sotsial'no-gumanitarnom poznanii: istoki, predposylki, kul'turnyy kontekst* [Semiotic turn in social and humanitarian cognition: origins, prerequisites, cultural context]. Samara: Samara Academy for the Humanities.
6. Chudinov, A.P. (2013) *Ocherki po sovremennoy politicheskoy metaforologii* [Essays on Modern Political Metaphorology]. Ekaterinburg: Ural State Pedagogical University.
7. Tuzikov, A.R. (2002) *Zapadnaya teoriya ideologii: ot kritiki "lozhnogo soznaniya" k analizu diskursa mass-media* [Western theory of ideology: from the criticism of "false consciousness" to the analysis of the mass media discourse]. Moscow: Sotsial'no-gumanitarnye znaniya.
8. Malinova, O.Yu. (2013) *Konstruirovaniye smyslov: issledovanie simvolicheskoy politiki v sovremennoy Rossii* [Constructing Meanings: A Study of Symbolic Politics in Modern Russia]. Moscow: RAS.
9. Skochilova, V.G. (2011) Dynamic model of ideology. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya – Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science*. 3. pp. 111–119. (In Russian).

10. Soloviev, A.I. (2001) Politicheskaya ideologiya: logika istoricheskoy evolyutsii [Political ideology: the logic of historical evolution]. *Polis. Politicheskie issledovaniya – Policy. Political Studies*. 2. pp. 5–23.
11. Blucher, F.N. (2011) Scientific concepts and ideological discourse: the unity of opposites. *Vox. Filosofskiy zhurnal*. 11. pp. 75–82. (In Russian).
12. Geertz, C. (1964) Ideology as a Cultural System. In: Apter, D. (ed.) *Ideology and Discontent*. London: Free Press of Glencoe.
13. Geertz, C. (1983) *Local Knowledge: Further Essays in Interpretive Anthropology*. New York: Basic Books.
14. Geertz, C. (1986) The Uses of Diversity. *Michigan Quarterly Review*. Winter. pp. 105–123.
15. Geertz, C. (1997) What Is a Country If It Is Not a Nation? *The Brown Journal of World Affairs*. 4. pp. 235–247
16. Geertz, C. (2000) *Available Light: Anthropological Reflections on Philosophical Topics*. Princeton: Princeton University Press.
17. Zorin, A.L. (1998) Ideologiya i semiotika v interpretatsii Klifforda Girtsa [Ideology and semiotics in the interpretation of Clifford Geertz]. *Novoe literaturnoe obozrenie*. 29. pp. 39–54.
18. Zorin, A. (2001) Ideology, Semiotics and Clifford Geertz: Some Russian Reflections. *History and Theory*. 40(1). pp. 57–73. DOI: 10.1111/0018-2656.00152
19. Elfimov, A.L. (1992) Klifford Girts: interpretatsiya kul'tur [Clifford Geertz: interpretation of cultures]. *Etnograficheskoe obozrenie*. 3. pp. 144–150.
20. Elfimov, A.L. (2004) Ob antropologii i gumanitarnykh naukakh: neskol'ko zametok o tvorchestve K. Girtsa [On anthropology and the humanities: several notes on the work of K. Geertz]. *Novoe literaturnoe obozrenie*. 70. pp. 50–62.
21. Novikova, N.V. (2008) Girtsizm v istorii: vozmozhnosti i predely “interpretativnoy” antropologii [Hircism in history: the possibilities and limits of “interpretative” anthropology]. *Vestnik Yaroslavskogo gosudarstvennogo universiteta im. P.G. Demidova. Seriya Gumanitarnye nauki*. 4. pp. 5–10.
22. Khristoforova, O. B. (2004) Mezhdru stsientizmom i romantizmom: Klifford Girts o perspektivakh antropologii [Between Scientism and Romanticism: Clifford Geertz on the prospects of anthropology]. *Novoe literaturnoe obozrenie*. 70. pp. 32–39.
23. Kostyrko, V. (2004) Simvoly i sistemy: Klifford Girts v poiskakh nestrukturalistskoy semiotiki [Symbols and systems: Clifford Geertz in search of non-structuralist semiotics]. *Novoe literaturnoe obozrenie*. 70. pp. 39–52.
24. Kilkeev, V.N. (2009) Klifford Girts: kontseptsiya kul'tury i semioticheskiy podkhod k ee izucheniyu [Clifford Geertz: the concept of culture and the semiotic approach to its study]. *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta – Bulletin of Chelyabinsk State University*. 11. pp. 138–142.
25. Rupova, R.M. (2008) Antiglobalistskiy optimizm A. Shchyutsa i K. Girtsa [Anti-globalization optimism of A. Schütz and K. Geertz]. *Sotsiologicheskie issledovaniya – Sociological Studies*. 4. pp. 138–143.
26. Geertz, C. (2004) *Interpretatsiya kul'tur* [Interpretation of Cultures]. Translated from English. Moscow: ROSSPEN.
27. Malinkin, A.N. (2015) Sotsiologiya znaniya M. Shelera i K. Mankheyima: sravnitel'nyy analiz metodologiy [Sociology of knowledge by M. Scheler and K. Manheim: comparative analysis of methodologies]. *Voprosy filosofii*. 11. pp. 175–186.

СОЦИОЛОГИЯ

УДК 316.35/316.62

DOI: 10.17223/1998863X/63/12

Д.П. Исаев

О ВОСПРИЯТИИ НАСТАВНИЧЕСТВА В НАУЧНЫХ ДИНАСТИЯХ (ПО МАТЕРИАЛАМ ИНТЕРВЬЮ)

Работа выполнена при поддержке Российского научного фонда, проект № 19-18-00320 «Конструктивный и деструктивный потенциал профессиональных династий в российском обществе».

Статья посвящена проблеме восприятия наставничества представителями научных династий. Интерпретативный подход акцентирует внимание именно на рефлексии субъекта относительно каналов влияния в процессе своего профессионального становления. В ходе социологического анализа нарративов интервью автором выделены условные модели наставничества: «родитель», «семья», «учитель». Отрицательные суждения также осмысливаются в контексте понимания механизмов воспроизводства династий.

Ключевые слова: наставничество, профессиональная династия, учитель, научная среда

Введение

Профессиональная династия как объект социологического исследования характеризуется многообразными предметными ракурсами. Их типологические особенности (рабочих, академических, бизнес-династий и др.) предполагают и вариативность механизмов формирования, трансмиссии статусов. В полной мере это относится к интересующим нас научным династиям. Поскольку существует интеллектуальная традиция, в соответствии с которой под научными династиями понимаются «научные генеалогии», или научные школы (например, [1]), оговоримся, что здесь подразумеваются социальные группы, характеризующиеся «кровнородственными отношениями», в которых «несколько поколений осуществляют свою профессиональную деятельность в одной сфере» [2. С. 100]. К этому стоит добавить, что тема «Семья и наука» занимает свое место в историко-научных исследованиях, но в контексте генеалогии одаренности [3].

Очевидно, что одной из ключевых в анализе механизмов династийной преемственности выступает проблема профессионального выбора младших поколений. В отечественной и зарубежной науке представлены различные концептуальные основания исследований данной темы. Так, линия профессионального наследования изучается в рамках теорий культурного и социального капитала П. Бурдье [4], поведения (мотивации) [5], проблемы непотизма [6] и др. В данной работе предлагается рассмотреть наставничество как индивидуализирующий фактор профессионального самоопределения в ака-

демических династиях в условиях получения стандартизированного образования.

В научной сфере как пространстве социального общения связка «учитель–ученик» занимает особое место. Учеными становятся как в плане получения навыков научно-познавательной деятельности, так и в смысле обладания институциональными ресурсами в конкретном социальном окружении. И здесь роль общения между учителем (научным руководителем) и учеником, а также просто в научном коллективе, трудно переоценить. Как отмечают исследователи, «общение является не только необходимым, но и качественно своеобразным фактором научной деятельности, имеющим особое строение и собственные механизмы, неотделимые от механизмов познания и вместе с тем не совпадающие с ним» [7. С. 47]. Соответственно, научные / академические династии представляют для нас в этом смысле двойной интерес, который заключается в том, что здесь родственники также могут занимать место учителей.

Результаты эмпирического исследования

В данной работе использованы материалы глубинных интервью, взятых в 2020 г. у 20 членов научных династий, проживающих в городах РФ, в рамках научно-исследовательского проекта 2019–2021 гг. «Конструктивный и деструктивный потенциал профессиональных династий в российском обществе» при поддержке РНФ. В беседах приняли участие представители естественнонаучного, гуманитарного, медицинского направлений, считающие себя представителями династии. Исследуемые семьи представляют собой социальные группы, отношения в которых основаны на действительном влиянии, сотрудничестве, воспроизводстве образовательных и профессиональных практик, помощи в принятии судьбоносных решений и профессиональном продвижении и т.д. Гайд интервью состоял из трех блоков: начальный биографический рассказ, вопросы интервьюера на основе рассказа, наконец, вопросы, связанные с оценкой и смыслами династичности. В контексте нашей проблематики наиболее интересными оказались разделы, связанные с ролью семьи в профессиональном становлении и развитии, а также с социальным окружением (микролокальные сети). Центральным здесь являлся вопрос: «Были ли в Вашей жизни наставники / учителя, которые повлияли на Ваше профессиональное становление и развитие? – Опишите, кто на Вас в большей степени повлиял?».

Следует сказать, что в литературе роль семьи или окружения определяется в качестве объективных социальных условий формирования жизненного пути представителя династии. К примеру, наставничество здесь может изучаться как объективированный процесс, состоящий из формальных и неформальных практик [8. С. 128–139]. Однако в рамках представления об интерсубъективности мира [9. С. 130] имеет смысл обсуждать данное взаимодействие со стороны восприятия субъекта, предполагающего рефлекссию о том, «что такое наставничество?», «кто такой учитель?». Иначе говоря, не менее важными представляются те ценности, которые вкладываются респондентом при создании «своего» учителя, наставника. Поскольку зачастую речь идет об образах, наше исследование находится в русле интерпретативной социологии. По словам Е.Р. Ярской-Смирновой, при работе с нарративами

«исследователь имеет дело с двусмысленными репрезентациями опыта других – разговором, текстом, интеракцией и интерпретацией» [10. С. 45]. Кроме того, интерпретация предполагает нежесткие модели объяснения, исходя из качественно разной информации, содержащейся в текстах интервью. Отталкиваясь от суждения о социальной реальности как конструируемой, мы принимаем также методологическую установку рассмотрения мира как «факта» и, соответственно, изучения представлений об этой реальности [11]. Указанная проблема, таким образом, релевантна составленному вопроснику, поскольку каждый нарратив интервью неизбежно конструирует особое информационное пространство, в логике которого разговор об учителях, семье вообще имеет значение.

Из опрошенных 20 респондентов о предмете достаточно определенно высказались 19. Соответственно, из них 10 респондентов в качестве учителей и наставников так или иначе назвали своих родственников. Проанализируем сначала данную часть информации. Безусловно, родители выступают основной действующей единицей в процессе социализации ребенка. Для нас представляют интерес те ситуации, когда родители / родственники участвуют также в профессиональном становлении. Хотя иногда разделить указанные процессы бывает трудно в силу их связанности, последовательности и обусловленности.

Постараемся создать некие модели такого влияния согласно рефлексии респондентов. Условно можно выделить, во-первых, «главного наставника». Как правило, это родитель, который оказывает формирующее влияние на становление личности ребенка, занимаясь его охватывающим воспитанием и образованием с раннего возраста. Это и проверка школьных уроков, и подтягивание по какому-либо предмету, и советы по чтению и т.д. Как указывал один из участников бесед, *«отец следил внимательно. До 7 класса помогал решать задачи по математике, если были трудные. Следил за немецким языком, который хорошо знал. Советовал прочесть ту или иную книгу, преимущественно по истории»* (д-р ист. наук, м., 70 лет). При этом непосредственное участие в профессиональном выборе зачастую дополняется последующей совместной работой в одном научном учреждении и/или в рамках одного исследовательского направления. В наиболее явном виде подобная модель прослеживается в трех случаях из представленных. Понятно, что здесь сохраняется приверженность одному «семейному» научному направлению. Характерным представляется признание одного респондента, отец которого *«...был и остается моим наставником. И в жизни он всегда в большей степени собственным примером меня воспитывал и учил. Не всему, конечно, но в первые годы моей работы все мои профессиональные навыки получены именно от него. Так что он в буквальном смысле он мой учитель, не только отец, но и учитель, наставник по жизни в каких-то вопросах и нравственности, и морали, в жизненных вопросах»* (канд. мед. наук, м., 43 года).

Условно вторая модель семейного наставничества предполагает примерно равное участие нескольких родственников в профессиональном становлении. В этом случае респонденты затрудняются выделить какого-либо одного. На вопрос «Были ли наставники, учителя, которые повлияли на профессиональное становление?», типичными являются суждения типа: *«В первую оче-*

редь это конечно родители...» (канд. соц. наук, м., 35 лет), *«моя семья, мне кажется, тоже довольно многое сделала в моем профессиональном выборе. Ну, общий интерес, наверное, к научной работе...»* (канд. полит. наук, м., 30 лет). Будучи представителями 3–4 поколений, респонденты, тяготеющие к этой модели, с неизбежностью упоминают определенное влияние и своих прародителей, некоторые из которых успели принять участие в решении судьбоносных вопросов профессионального выбора внуков.

К такого рода вопросам относятся в том числе и задачи трудоустройства, решаемые благодаря семейному ресурсу, позволяющему извлекать выгоду из обладания определенными связями (социальный капитал, по П. Бурдье [12. С. 66–69]). Полагаем, что прямое участие родственников и в этом направлении коррелирует с самим фактом их оценки как наставников. В текстах интервью встречаются следующие признания: *«У нас такая система, мало кого берут просто так... Через знакомых ищут, через каких-то родственников. Но так и в этот раз, собственно, тоже произошло. И я устроился на работу»* (д-р юрид. наук, м., 42 года). Или: *«...трудоустройством своим я сама не занималась, так как была у семьи возможность непосредственно с руководителями поговорить и узнать, есть ли такая необходимость в специалисте, есть ли возможность трудоустройства»* (канд. мед. наук, ж., 35 лет). Что является общим местом для обеих выделенных моделей.

С другой стороны, сам факт множественности субъектов влияния свидетельствует об определенной свободе, которой, возможно, обладал молодой член семьи. И в этом следует видеть существенное отличие от рассмотренной нами предыдущей модели. В доказательство этому приведем по меньшей мере два обстоятельства. Во-первых, в данных примерах встречаются случаи временной транспрофессиональной мобильности (*«Я продавал страховки на автомобили, работал в офисе...»* (канд. соц. наук, м., 35 лет)), а также избрания научного направления, отличного от семейного (например, политология вместо истории и т.д.). Поэтому в разговоре о наставничестве следует предполагать общеинтеллектуальную направленность семейного воздействия, допускающую профессиональное самоопределение как фактор, позитивно воздействующий на развитие династии [8. С. 24]. Во-вторых, респонденты, которые, по нашему мнению, тяготеют к этой модели, более охотно упоминают, собственно, «профессиональных» наставников. К ним относятся преподаватели, научные руководители дипломов и диссертаций, знакомые коллеги родителей, оказавшие поддержку во время учебы, коллеги по цеху. Мы далее отдельно рассмотрим этот круг наставников, характер их влияния. А пока зафиксируем их сопоставимую с семьей значимость для определенного круга респондентов.

Не все эпизоды поддаются однозначному анализу и укладываются в предложенные модели. Кроме рассмотренных, в нарративах интервью встречаются гибридные варианты (например, отец + научный руководитель). Очевидно, что для каждого индивидуального случая контрпродуктивно предлагать свою теоретическую модель. Причем в ходе исследования мы сталкивались с трудностью однозначной интерпретации нарратива. Так, нарратив может содержать многочисленные упоминания о роли отца: поступление в университет, налаживание связей, даже научный тандем. Однако в вопросе о вкладе именно преподавателей в его профессиональное становление респондент отвечает: *«Основной»* (канд. соц. наук, ж., 51 год).

Часть респондентов (6) в вопросе о наставниках ограничивается упоминанием педагогов. В данной модели также наблюдаются интересные вариации, позволяющие произвести некоторые обобщения. Оценка данных наставников – «значимых других» – как акторов вторичной социализации (например, [13]), позволяет избрать хронологически-проблемный принцип упорядочения информации, сообразно жизненным этапам социализации: школа – вуз – работа. Так, трое респондентов при ответе на интересующий нас вопрос коснулись роли школьных учителей (наряду с вузовскими преподавателями). Это был, как правило, молодой, нетрадиционно мыслящий учитель, своими методами обучения заинтересовавший учеников старших классов: *«...в 11 класс к нам пришел молодой историк... его молодой пыл в преподавании истории сыграл огромную роль. Скорее всего от противоположного, поскольку он жутко не любил Советскую власть, критиковал все старые устои, по последним публикациям пытался нам рассказать все новое... Это подталкивало, чтобы почитать...»* (канд. ист. наук, ж., 46 лет); *«В 7 классе в школу пришел незнакомый дядька, молодой... Зашел, сказал: "Так, достаньте учебники физики". Достали. "Так, что у вас там? какие учебники? Перышкин?... Так, уберите его в портфель, и большие, чтобы я его никогда не видел. Учить физике вас буду я"»* (д-р физ.-мат. наук, м., 71 год). Правда, контекстуальный анализ в большей степени индивидуализирует данные ответы. Так, один из респондентов является родоначальником династии физиков, и в силу этого он не мог испытывать профессионального влияния своих родителей. Немалые же успехи точных наук в 1960-е гг., знаменитый спор «физиков» и «пириков», создали тот контекст, в котором стало возможным как появление талантливых учителей, так и увлеченность научными открытиями школьной среды (д-р физ.-мат. наук, м., 71 год).

Конечно, родители и другие родственники тем или иным образом присутствуют и в этих ответах. Однако им уже отводится более скромная роль. Отсюда органичные для данной группы пояснения: *«Время + учитель + общая атмосфера семьи дали такой результат, что я поступила на исторический факультет»* (канд. ист. наук, ж., 46 лет); *«Я думаю, что родители независимо от того, осознают они это или не осознают, влияют на профессиональный выбор своих детей»* (д-р соц. наук, ж., 62 года).

Абсолютное большинство респондентов называют своих вузовских преподавателей, вспоминая практики профессиональной подготовки в студенческие годы. Дифференциация ответов имеет как качественный, так и количественный характер. Для одних респондентов характерно узкое понимание: *«Одного человека хватит: научный руководитель, и отец, конечно, тоже. Больше не надо. Просто люди интересные по профессиональной деятельности были»* (д-р техн. наук, ж., 51 год). Другие – более широко. Отсюда упоминания, во-первых, лекторов, которых заворожено слушали студентами: *«Тамара Петровна Ф-на, которая меня потрясла. Она вела у нас философию, она вела, диалектический материализм. И, конечно, это был такой кругозор, это была такая эрудиция. И это было столько знаний, что Я, конечно, в определенной степени с нее взяла планку мастерства»* (д-р соц. наук, ж., 62 года); *«Первый мой руководитель Алексей Васильевич П-н. Я его спецкурс по Аристотелю, его спецкурс по культуре... Я потом ходила на его лекции, когда уже была преподавателем... Это были потрясающие*

лекции, но его никто не слушал. Вот это у меня шок был» (канд. соц. наук, ж., 51 год).

Далее называются педагоги, заинтересовавшие студентов своей научной тематикой, научные руководители, вводившие в тайны исследовательского ремесла: *«Владимир Николаевич Р-в, он у нас много вел разных курсов, лекций. Он отличный специалист в области межэтнических отношений, Северного Кавказа. И он действительно привил интерес к этой теме, после чего я и стал на эту тему курсовые писать. С того момента эти интересы у меня есть. Конечно, это мой научный руководитель – это Виктор Юрьевич Ш-к. Он всегда мне подсказывал в плане общих научных требований. О том, как необходимо работать, как строить написание научных статей, какие-то советы, которые он давал, я помню тоже»* (канд. полит. наук, м., 30 лет).

Наконец, к числу наставников причисляются также старшие коллеги по работе. Во время учебы в аспирантуре, при подготовке диссертации молодые люди приобщаются к научно-преподавательской деятельности, вливаясь в определенный трудовой коллектив. При возникновении очередных коммуникаций неизбежно влияние старших сотрудников. Пять респондентов вспоминают о бесценном опыте сотрудничества, методических советах старших, высокоинтеллектуальной атмосфере коллектива: *«Для меня большое значение имело знакомство и совместная работа с Д-ой Галиной Сергеевной (ДГС). Я считаю ее своим учителем... я с ней несколько лет очень плодотворно сотрудничал, участвовал в разных проектах ее. И она мне много дала в том плане, как работать с источниками, как тексты сочинять, как проводить опрос, как обрабатывать вот эти данные... Вот всему этому она меня научила. Отец меня вот этому не мог научить»* (д-р юрид. наук, м., 42 года); *«У нас был совершенно замечательный профессорско-преподавательский состав в институте... Это были глыбы в научном и хирургическом смысле. У них учиться, учиться и еще раз учиться было одно удовольствие, потому что они прекрасно знали предмет, который преподавали. Они очень были очень увлеченными людьми и необыкновенно интеллектуальными...»* (канд. мед. наук, м., 53 года) и др.

Как уже говорилось, постановка вопросов в рамках глубинных интервью предполагает множественные интерпретации, в том числе, со стороны самих информантов. И мы могли убедиться, что сам вопрос о наставниках допускает различные толкования. В результате чего возможно смешение понятий наставничества и влияния как таковых. О том, что эта проблема осознавалась и самими респондентами, свидетельствуют характерные оговорки, которыми сопровождалась соответствующие воспоминания: *«...в принципе любые коллеги, с которыми мы работаем, в любом случае кто-то, от кого я перенимаю какие-то знания, могу считать наставниками, если это старшие коллеги. Да даже если не старшие, все равно, даже если коллеги моего возраста, все равно, есть чему поучиться у них, что обсудить, какие методики улучшить, что перенять»* (канд. соц. наук, м., 35 лет); *«Все в той или иной степени оказывают влияние. Если выделить, сказать, что есть человек, который, вот, пример, чтобы я, вот, такой же хотел быть – нет! Такого человека, наверное, нет. Вот. Есть люди, которые вызывают, я бы так сказал, уважение...»* (д-р техн. наук, м., 40 лет). Как следствие этому, три респондента вообще затруднились назвать каких-либо наставников, что позво-

ляет выделить последний отрицательный вариант. Конечно, контексты высказываний являются сугубо индивидуальными. Так, один респондент так или иначе говорит о роли семьи, о круге лиц, участвовавших в его профессиональном становлении, что, однако, не мешает высказаться отрицательно: *«...я могу только сказать, с большим сожалением, что мало очень учителей были наставниками... Тем более, я всю жизнь уже практически прожила, когда нужны были эти наставники, у меня их не было. У меня их был большой дефицит, наставников»* (д-р мед. наук, ж., 62 года). Не менее характерным является суждение другого информанта: *«Нет, нет. Никто... Они же очень нарциссы. Очень такие... ревнивые врачи-то все. Не дай Бог, кто-то лучше их что-то сделает. Вот. Поэтому особенно никто и не учил»* (д-р мед. наук, ж., 61 год). Наконец, третий случай понятен в условиях прерывности династии, когда отказ от семейных установок и преподавательской карьеры делает маловажным вопрос о наставниках (музейный работник, ж., 54 года). Показательно, что в нарративах данных респондентов, в профессиональном пути которых угадывается социальная инерция, скрывается скептический настрой к понятию «профессиональная династия».

Выводы

Интерпретативный подход обуславливает допущение многозначных толкований при конструировании теоретических моделей наставничества в научных династиях. Мы выделили следующие модели его восприятия: «родитель», «семья», «учитель», позволяющие говорить о его дифференцированном характере. При этом половозрастных обусловленностей не обнаруживается. Около половины респондентов упомянули родителей в данной роли, однако незначительное количество отвели им роль «главного наставника». Ведущими факторами здесь выступили, предположительно, тип личности ребенка, допускающего некоторое давление, а также социальный капитал родителей. Тот факт, что в ответах зачастую происходило смешение понятий *наставничества и влияния* как таковых, делает достаточно зыбкой границу между 2-й и 3-й моделями. Однако очевидно, что «учитель–преподаватель–коллега» в роли «значимого другого» являются действительными акторами вторичной социализации, поскольку о них было упомянуто большинством респондентов. Симптоматично наличие отрицательных ответов о наставниках. Обусловленные индивидуальным жизненным опытом, они в то же время направляют разговор о наставничестве из объективистского ракурса в ментальное пространство рефлексии о своем профессиональном развитии, династийной принадлежности, ценности семейных связей. Таким образом, исследование позволяет говорить, с одной стороны, о типологических особенностях механизма воспроизводства в профессиональных династиях, вариативности непосредственного и опосредованного влияния. С другой – что в конструировании моделей участвуют обе стороны. Поскольку интересубъективность данного процесса сообщает активный характер восприятию и, главное, осмыслению наставничества (образа учителя) как фактора профессиональной социализации.

Литература

1. Кребс Г. Становление ученого // Природа. 1969. № 3. С. 53–59.

2. Посухова О.Ю. Профессиональная династия как результат семейных стратегий: инерция или преемственность? // Власть. 2013. № 12. С. 100–103.
3. Родословная гениальности: из истории отечественной науки 1920-х гг. / сост. Е.В. Пчелов. М.: Старая Басманная, 2008. 350 с.
4. Попова И.П. Профессиональный выбор: влияние культурных ресурсов семей российских специалистов // Социологические исследования. 2013. № 11 (355). С. 130–140.
5. Oren L., Caduri A., Tziner A. Intergenerational occupational transmission: do offspring walk in the footsteps of mom or dad, or both? // Journal of Vocational Behavior. 2013. Vol. 83, № 3. P. 551–560.
6. Lentz B.F., Laband D. N. Why so many children of doctors become doctors: Nepotism vs. human capital transfers // Journal of Human Resources. 1989. Vol. 24, № 3. P. 396–413.
7. Карцев В.П. Социальная психология науки и проблемы историко-научных исследований. М.: Наука, 1984. 312 с.
8. Профессиональные династии: воспроизводство профессиональных групп / отв. ред. В.А. Мансуров; ред. Е.Ю. Иванова. М.: ФНИСЦ РАН, 2020. 208 с.
9. Шюц А. Структура повседневного мышления // Социологические исследования. 1988. № 2. С. 129–137.
10. Ярская-Смирнова Е.Р. Нарративный анализ в социологии // Социологический журнал. 1997. № 3. С. 38–61.
11. Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности: Трактат по социологии знания. М.: Медиум, 1995. 334 с.
12. Бурдые П. Формы капитала // Экономическая социология. 2002. № 5. С. 60–74.
13. Haller A., Woelfel J. Significant others and their expectations: concepts and instruments to measure interpersonal influence on status aspirations // Rural sociology. 1972. Vol. 72, № 4. P. 591–622.

Dmitry P. Isaev, Southern Federal University (Rostov-on-Don, Russian Federation).

E-mail: disaew@mail.ru, dpisaev@sfnu.ru

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya – Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science. 2021. 63. pp. 122–130.

DOI: 10.17223/1998863X/63/12

ON THE PERCEPTION OF MENTORING IN SCIENTIFIC DYNASTIES (BASED ON INTERVIEW MATERIALS)

Keywords: mentoring; professional dynasty; teacher; scientific environment

The study is supported by the Russian Science Foundation, Project No. 19-18-00320.

The article discusses the problem of the perception of mentoring by representatives of scientific dynasties. Attention is drawn to the fact that the topic of studying professional dynasties has numerous research perspectives. The relevance of the author's attention to the topic is due to the fact that mentoring is one of the factors of professional reproduction. It acquires special significance precisely in the scientific field. The study is based on the analysis of narratives of interviews taken from representatives of natural sciences, humanities, medical sciences, who consider themselves representatives of dynasties. At the same time, a subjective perspective of the study was chosen, within the framework of which the subject's reflection on mentoring and teachers is of particular interest. The interpretative approach allows for ambiguous interpretations in the construction of theoretical models of mentoring. The author has identified several models of the perception of mentoring: "parent", "family", "teacher"; this allows speaking about its differentiated nature. Sex and age conditions have not been found. About half of the respondents mentioned their parents in the role of a mentor, but a small number assigned them the role of the "main mentor". The leading factors here were, presumably, the type of the child's personality, allowing some pressure, and the parents' social capital. The fact that the answers often confused the concepts of mentoring and influence as such makes the boundary between Model 2 and Model 3 rather unstable. It is concluded that teachers, mentors, or colleagues in the role of the "significant other" are real actors of secondary socialization since the majority of respondents mentioned them. Attention is drawn to negative responses about mentors. Determined by individual life experience, such responses direct the conversation about mentoring from an objectivist perspective into the mental space of reflection on their professional development, dynastic affiliation, and the value of family ties. Thus, the study allows speaking about

the typological features of the reproduction mechanism in professional dynasties, the variability of direct and indirect influence. On the other hand, it is clear that both sides are involved in the design of the models. In other words, the intersubjectivity of mentoring imparts an active character to the perception and, most importantly, comprehension of mentoring (the image of the teacher) as a factor of professional socialization.

References

1. Krebs, G. (1969) Stanovlenie uchenogo [Becoming a scientist]. *Priroda*. 3. pp. 53–59.
2. Posukhova, O.Yu. (2013) Professional'naya dinastiya kak rezul'tat semeynykh strategiy: inertsiya ili preemstvennost'? [Professional dynasty as a result of family strategies: inertia or continuity?]. *Vlast' – The Authority*. 12. pp. 100–103.
3. Pchelov, E.V. (ed.) (2008) *Rodoslovnaya genial'nosti: iz istorii otechestvennoy nauki 1920-kh gg.* [The genealogy of genius: from the history of Russian science of the 1920s]. Moscow: Staraya Basmannaya.
4. Popova, I.P. (2013) Professional'nyy vybor: vliyanie kul'turnykh resursov semey rossiyskikh spetsialistov [Professional choice: the influence of cultural resources of families of Russian specialists]. *Sotsiologicheskie issledovaniya – Sociological Studies*. 11(355). pp. 130–140.
5. Oren, L., Caduri, A. & Tziner, A. (2013) Intergenerational occupational transmission: do offspring walk in the footsteps of mom or dad, or both? *Journal of Vocational Behavior*. 83(3). pp. 551–560. DOI: 10.1016/j.jvb.2013.08.003
6. Lentz, B.F. & Laband, D.N. (1989) Why so many children of doctors become doctors: Nepotism vs. human capital transfers. *Journal of Human Resources*. 24(3). pp. 396–413. DOI: 10.2307/145820
7. Kartsev, V.P. (1984) *Sotsial'naya psikhologiya nauki i problemy istoriko-nauchnykh issledovaniy* [Social Psychology of Science and Problems of Historical and Scientific Research]. Moscow: Nauka.
8. Mansurov, V.A. & Ivanova, E.Yu. (eds) (2020) *Professional'nye dinastii: vosпроизводство professional'nykh grupp* [Professional Dynasties: Reproduction of Professional Groups]. Moscow: RAS.
9. Schutz, A. (1988) Struktura povsednevnogo myshleniya [The structure of everyday thinking]. *Sotsiologicheskie issledovaniya – Sociological Studies*. 2. pp. 129–137.
10. Yarskaya-Smirnova, E.R. (1997) Narrativnyy analiz v sotsiologii [The narrative analysis in Sociology]. *Sotsiologicheskie issledovaniya – Sociological Studies*. 3. pp. 38–61.
11. Berger, P. & Luckmann, T. (1995) *Sotsial'noe konstruirovaniye real'nosti: Traktat po sotsiologii znaniya* [Social Construction of Reality: A Treatise on the Sociology of Knowledge]. Translated from English by E. Rutkevich. Moscow: Medium.
12. Bourdieu, P. (2002) Formy kapitala [Forms of capital]. *Ekonomicheskaya sotsiologiya – Journal of Economic Sociology*. 5. pp. 60–74.
13. Haller, A. & Woeifel, J. (1972) Significant others and their expectations: concepts and instruments to measure interpersonal influence on status aspirations. *Rural Sociology*. 72(4). pp. 591–622.

УДК 316.62

DOI: 10.17223/1998863X/63/13

Е.В. Щанина

ИНФОРМАЦИОННО-КОММУНИКАЦИОННЫЕ ТЕХНОЛОГИИ КАК АДАПТАЦИОННЫЙ РЕСУРС ПОЖИЛЫХ ЛЮДЕЙ В УСЛОВИЯХ ИНФОРМАТИЗАЦИИ РОССИЙСКОГО ОБЩЕСТВА

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 20-111-50246.

В статье представлен анализ роли информационно-коммуникационных технологий (ИКТ) в адаптации пожилых людей к условиям информационного общества. Отмечается, что формирование информационного общества, распространение и развитие новейших ИКТ являются важнейшими факторами социокультурных трансформаций, что вынуждает пожилых людей менять свои адаптационные стратегии. Обосновано, что владение современными ИКТ может способствовать активизации социального взаимодействия и повышению качества жизни пожилых людей.

Ключевые слова: пожилые люди, информационно-коммуникационные технологии, социальная адаптация, адаптационные ресурсы, информационно-цифровое неравенство

Введение

Современный этап развития российского общества, сопровождающийся глобальным многообразием процессов, в том числе повсеместным внедрением информационно-цифровых технологий, активным развитием и использованием искусственного интеллекта, запустил радикальные изменения в социальной структуре, жизненных устоях, социокультурных нормах, ценностях и ценностных ориентациях всех без исключения социальных групп.

Приобщение пожилых людей в России к достижениям информационных технологий является актуальной научной проблемой и важной социальной задачей. События, связанные с пандемией COVID-19, лишь подчеркнули необходимость исследовательской разработки имеющихся проблем и практических мер по ликвидации цифровой неграмотности лиц старших возрастов и обеспечению их доступности к информационно-коммуникационным технологиям. В данных условиях одним из важных адаптационных ресурсов пожилых людей становятся ИКТ.

Социальная адаптация пожилых людей в условиях информатизации современного общества и информационно-цифрового неравенства

Новая социальная реальность, формирующаяся в условиях всеобщей информатизации, предъявляет новые, более жесткие требования к социальной адаптации, вынуждает социальные группы трансформировать практики адаптационного поведения. Особенно остро проблема социальной адаптации стоит в отношении социальной группы пожилых людей, поскольку формирова-

ние их социокультурных установок, мировоззрения, отношения к окружающей действительности проходило в условиях, кардинально отличающихся от современных (политический строй, другая страна, советские ценности, нормы, установки).

По мнению З.Т. Голенковой, один из парадоксов современности заключается в том, что научно-технический прогресс порождает нестабильность социума. В нем фокусируются такие признаки общества риска, как глобализация рисков (расширение новой рискогенной среды – киберпространства, отношения переходят в режим онлайн, превращение социальных групп в акторов мирового рынка рисков); неустойчивость (неопределенность) социальных статусов и ролей, порождаемая быстрой девальвацией знаний и как следствие размывание идентичности; стирание грани между трудовыми и нетрудовыми практиками, что связано с распространением неустойчивой (нестандартной, атипичной, гибкой) занятости, индивидуализацией трудовых отношений и виртуализацией социальных практик индивидов [1. С. 9].

Процесс формирования и развития информационно-цифрового пространства имеет двойственный характер. С одной стороны, расширение сфер использования ИКТ, в том числе искусственного интеллекта, глобальный охват интернета обеспечивают свободный доступ к информации на всех этапах ее создания и распространения; способствуют удовлетворению потребностей в постоянном развитии, получению новых компетенций, расширению кругозора. С другой стороны, приводят к появлению нового вида социального неравенства, такого как информационно-цифровое неравенство. Это связано с тем, что индивиды, социальные группы отличаются друг от друга определенным набором информационных источников и ресурсов (жизненный опыт, уровень образования, профессиональный и социальный статусы). Ускорение темпов информатизации современного общества обостряет проблему информационно-цифрового неравенства, поскольку соприкасаются интересы представителей различных социальных групп и слоев населения. Происходит формирование социальных групп, улучшающих свой статус, с одной стороны, а с другой – появляются социальные слои, положение которых по мере ускорения процесса информатизации ухудшается. Наиболее ярко это явление прослеживается в межпоколенческом аспекте, когда молодое поколение в плане интеллектуального развития и профессиональной компетентности, в области применения ИКТ и современной техники ушло вперед.

Проблема информационно-цифрового неравенства является предметом научных исследований уже свыше 20 лет и сегодня не снижает актуальности. Однако для научной литературы понятие «информационно-цифровое неравенство» является достаточно новым в сравнении с другими видами неравенства (экономическим, политическим).

В зарубежной научной литературе широко используется теория трех уровней информационно-цифрового неравенства (Ян ван Дейк, А. Дерсен, П. Ди Маджио, П. Норрис, М. Рагнеддой и др. [2–7]). В соответствии с данной теорией для каждого уровня определен ряд критериев, используемых для анализа информационно-цифрового неравенства. Первоначально (в 90-е гг. XX в.), на первом уровне, информационно-цифровое неравенство рассматривалось учебными с точки зрения обеспеченности доступа к технологиям (доступ к интернету, владение мобильными устройствами и персональным компьюте-

ром). На втором уровне (начиная с 2000-х гг.) в качестве критериев выступают качество доступа и тип использования интернета, цифровые навыки, способности и опыт интернет-пользователей, их мотивация к использованию интернета и ИКТ. Основная проблема данного уровня заключается в том, что не учитываются процессы, посредством которых ИКТ трансформируют повседневные социальные практики индивидов. В последнее время ученые определили третий уровень, который подчеркивает неравенство в преимуществах, которые получают индивиды благодаря использованию ИКТ и сети Интернет, а также в использовании данных преимуществ в отношении улучшения своих социальных позиций.

Следовательно, с развитием теории информационно-цифрового неравенства мы наблюдаем постоянный пересмотр критериев, на основе которых анализируются и описываются реальные формы неравенства в современном информационном пространстве. Те критерии, которые применялись на первом уровне (доступ к ИКТ и сети Интернет), в современных условиях уже недостаточны для исследования глубины информационно-цифрового неравенства.

Теория трех уровней информационно-цифрового неравенства в отечественной научной литературе не так широко используется, как в зарубежной, и представлена в трудах Е.Л. Вартановой, А.А. Гладковой, Д.Е. Добринской, Д.В. Иванова и др. [7–9]. Анализируя цифровое неравенство в России, используя теорию трех уровней, ученые пришли к выводу, что в России в настоящее время преодолен цифровой разрыв первого уровня и еще не исчерпан потенциал сокращения второго и третьего уровней.

В большинстве своем в исследованиях отечественных ученых взят классический подход к пониманию информационно-цифрового неравенства, а именно как проблемы доступа к ИКТ и сети Интернет в сочетании с анализом факторов, влияющих на этот доступ (В.Г. Доброхлеб, В.М. Жеребин, Н.А. Ермакова, Г.У. Солдатова и Е.И. Рассказова [10–12] проанализировали, как доступ в интернет, вовлеченность в информационно-цифровое пространство коррелируют с возрастом, полом, уровнем образования, местом проживания и уровнем дохода).

На основе проведенного анализа становится ясно, что ИКТ следует рассматривать как ресурс развития, а степень владения ими становится новым критерием социальной стратификации. Поскольку навыки использования ИКТ в современных условиях дают возможность быть более востребованными на рынке труда, реализовать информационные и образовательные потребности, расширяют формы межличностных коммуникаций и т.д. (эти преимущества получают исключительно информационно активные индивиды). В то же время отсутствие навыков использования ИКТ предопределяет отсутствие доступа к ним.

Любым социальным изменениям свойственны неопределенность и неоднозначность их направлений, что побуждает социальные субъекты (вне зависимости от уровня их социальной активности) пересматривать реализуемые адаптивные практики и вырабатывать новые, эффективность которых зависит от того, насколько они учитывают изменения и вызовы текущего этапа развития общества. Следовательно, развитие информационно-цифрового общества, сопровождающееся информационно-цифровым неравенством, является фактором трансформации адаптационного поведения.

Теоретической базой анализа практик адаптационного поведения в современных условиях являются основы, заложенные М. Вебером, Э. Дюркгеймом, Р. Мертоном, Р. Парком, Т. Парсонсом. Ими разработаны классические теории, согласно которым адаптация является нормативностью (усвоение существующих норм (Э. Дюркгейм)), рациональностью (рациональность, эффективность в достижении целей (М. Вебер)), сбалансированностью (равновесие, стабилизация, общественное спокойствие важно и для индивида, и для социума (Т. Парсонс)) и индивидуальностью (адаптация является индивидуально-типичной (Р. Мертон)). С переходом к постиндустриальному (информационному) обществу происходит переосмысление концепций социальной адаптации, осознание нового типа социальных отношений и ресурсов адаптации, что нашло отражение в научных трудах Д. Белла, М. Кастельса, К. Манхейма, Э. Тоффлера. Данные теории удачно добавляются социально-ресурсным подходом к социальной адаптации, представленным в научных трудах Е.М. Авраамовой, Л.В. Корель, Н.Е. Тихоновой, О.И. Шкаратана и др. [13–17]. Социально-ресурсный подход имеет принципиальное значение в рамках нашей тематики, поскольку мы исходим из того, что успешная социальная адаптация к новой социальной реальности осуществляется через выбор и реализацию проактивных стратегий адаптации, рационального и эффективного использования имеющихся ресурсов и накопленного человеческого потенциала, а также их (ресурсов) наращивание и приобретение.

Проблемы социальной адаптации в условиях модернизации современного общества и усиления информационно-цифрового неравенства рассмотрены в трудах О.Н. Вершинской, С.Е. Гасумовой, П.М. Козыревой, М.А. Шабановой, О.В. Шиняевой, Е.В. Щаниной [11, 18–22]. Результаты их исследований показали, что в современных условиях все чаще появляются новые факторы среды, являющиеся негативными последствиями модернизационных процессов, к которым не срабатывают привычные практики взаимодействия, становятся недостаточными стратегии реагирования. В этой связи необходимой является разработка новых практик и технологий взаимодействия с новой социальной реальностью через совершенствование адаптационного потенциала индивида, в том числе приобретение, наращивание адаптационных ресурсов (в первую очередь информационно-цифровых). Особое значение приобретает совершенствование навыков использования новых адаптационных ресурсов, таких как ИКТ, поскольку их безответственное, безграмотное использование может превратиться в источник информационных бед. Наиболее распространенными способами получения ИКТ-навыков в России, согласно результатам исследования Института развития информационного общества [23. С. 43], являются опыт, полученный в процессе работы (37% респондентов), образование (26% респондентов), помощь коллег, друзей, родственников (20% респондентов). Однако эффективным и актуальным способом освоения ИКТ-навыков является обучение на специальных курсах. Так, например, свободно владеют компьютером и способны выполнять базовые операции на нем 48% респондентов из числа тех, кто прошел специальные компьютерные курсы, а среди не проходивших обучение компьютерной грамотности таких только 17% респондентов.

Социальная адаптация пожилых людей в условиях информационно-цифрового неравенства предполагает выбор активных стратегий адаптации,

включающих в себя преобразование социальной среды как самими пожилыми людьми, так и теми социальными субъектами, которые в той или иной степени призваны облегчить процесс интеграции пожилых людей в социум, в котором действуют новые «правила игры». Важно учитывать, что социальная идентичность и культурные ценности у пожилых людей уже устоялись и меняются с большим трудом.

Исследуя в 2019 г. вопросы уровня сплоченности и социальной интеграции, А.В. Ермишина, Л.В. Клименко, П.В. Будаев [24] приходят к выводу, что новым фактором социальной интеграции и сплоченности в современном обществе является цифровизация, а положительная динамика ее показателей должна приводить к снижению цифрового неравенства и повышению значимости владения современными ИКТ в процессе социальной адаптации.

Таким образом, пожилые люди, адаптируясь к новому социальному статусу в условиях становления и развития информационного общества, вынуждены менять прежний образ жизни, у них происходит переоценка жизненных установок, стереотипов, практик поведения. Все это требует от общества, социальных институтов и организаций предоставления возможностей и создания определенных условий для сохранения и укрепления социальных позиций пожилых людей. Пандемия COVID-19 способствовала резкой перестройке адаптационных практик пожилых людей вследствие вынужденного изменения формата социального взаимодействия и общения, сделав его дистанционным. С целью реализации такого взаимодействия для пожилых людей стало просто необходимо использовать доступные и приемлемые ИКТ, актуализировать навыки их использования.

Роль ИКТ в решении проблем социальной адаптации и интеграции пожилых людей

В 2000 г. главами государств «Группы восьми» принята Окинавская хартия Глобального информационного общества, первый пункт которой гласит [25]: «Информационно-коммуникационные технологии (ИКТ) являются одним из наиболее важных факторов, влияющих на формирование общества двадцать первого века. Их революционное воздействие касается образа жизни людей, их образования и работы, а также взаимодействия правительства и гражданского общества. ...Они также дают возможность... более эффективно и творчески решать экономические и социальные проблемы». Далее на Всемирных встречах на высшем уровне по вопросам информационного общества (начиная с 2003 г.) сформулировано представление об информационно-цифровом неравенстве, подразумевающее ограничения в развитии за счет неравного доступа к ИКТ и неравенства в их использовании представителями различных социальных групп населения и разных стран. Следует сказать, что в США проблема доступа к новым ИКТ и к сети Интернет представителей различных социальных групп была озвучена уже в конце XX в. Так, в США начиная с 1995 г. Национальным управлением по телекоммуникациям и информации Министерства торговли США (NTIA) публикуются отчеты о распространении и доступе к сети Интернет в США. В отчете 1999 г. сформулировано представление о «digital divide» – «цифровом неравенстве» / «цифровом разрыве» [26]. Перечисленные факты указывают, что в условиях информационно-цифрового неравенства те, кто не имеет достаточное количе-

ство цифровых устройств, стабильный доступ в Интернет и не владеет навыками работы с ИКТ, с наибольшей вероятностью попадают в ситуацию ухудшения социальных позиций.

В 2017 г. в России Президентом РФ утверждена Стратегия развития информационного общества на период до 2030 г. [27]. Стратегия послужила началом интенсивного внедрения и использования ИКТ органами государственной власти, предприятиями и гражданами. Приняв данную Стратегию, государством определена цель – создать условия для формирования в России информационного общества (общества знаний), что будет способствовать обеспечению национальных интересов, в том числе развитию человеческого потенциала, свободного взаимодействия граждан и организаций, органов власти. Достижение поставленной цели возможно путем формирования информационного пространства с учетом потребностей населения и общества в получении достоверной информации; развития соответствующей инфраструктуры и ИКТ; формирования новой технологической основы для развития экономики и социальной сферы; обеспечения национальных интересов в сфере цифровой экономики.

Для характеристики уровня развития ИКТ в странах мира используется индекс сетевой готовности, определяемый ежегодно на основе результатов исследований некоммерческой организации Института Портуланс (Portulans Institute) совместно со Всемирным альянсом информационных технологий и услуг (World Information Technology and Services Alliance). В России в 2020 г. данный показатель составил 54,23 (48-е место среди 134 стран) [28]. Исследователи убеждены, что существует тесная связь между развитием ИКТ и экономическим благополучием, а ИКТ способствуют повышению уровня жизни людей. Действительно, страны с высоким уровнем качества жизни находятся на высоких позициях данного индекса (Швеция, Сингапур, Швейцария, Финляндия, Норвегия). Эта взаимосвязь была впервые отмечена на Всемирном экономическом форуме 2001 г. и описана в первом «Глобальном отчете по информационным технологиям» (Global Information Technology Report).

Следовательно, социальная адаптация в условиях перехода к информационному обществу и информационно-цифрового неравенства зависит не только от включенности в информационно-цифровое пространство, но и от интенсивности и эффективности использования населением ИКТ в различных сферах жизни общества, в том числе: государственном и муниципальном управлении, бизнесе, образовании, здравоохранении, культуре, обеспечении безопасности, общественной жизни.

Результаты 25-й волны «Российского мониторинга экономического положения и здоровья населения НИУ-ВШЭ (RLMS-HSE)» (за 2019 г.) свидетельствуют о ресурсных ограничениях пожилых людей [19]. Среди пожилых людей (возраст 61 год и старше) смартфон (ай-фон, коммуникатор) имеют 20,3% респондентов; персональный компьютер (ноутбук, нетбук) – 10,5%; планшет – 4,6%. Установлено, что среди пожилых людей 15,2% респондентов пользуются стационарным персональным компьютером, 16,5% – ноутбуком / лэптопом. Полученные данные позволяют выявить риск социальной исключенности пожилых людей из общего информационно-цифрового пространства, инструментом которого в настоящее время выступают ИКТ. Од-

ним из ресурсов минимизации данного риска является освоение интернет-пространства. Среди пожилых людей 30,3% респондентов являются интернет-пользователями. Использование интернет-ресурсов позволяет пожилым людям решать многие задачи: получение новостей (84,2%), расширение кругозора, повышение культурного уровня (75,9%), общение с другими людьми (77,3%), развлечение (57,7%), посещение сайтов соцсетей (54,5%), получение государственных услуг (34,8%), оплата коммунальных услуг, мобильного телефона, управление счетом в банке (33,5%), приобретение, получение товаров и услуг (23,5%) и др. Следовательно ИКТ, интернет становятся для пожилых людей средством коммуникации, формой проведения досуга, покупки товаров и услуг с доставкой на дом, оплаты коммунальных услуг и т.д., что особенно важно для данной категории населения в условиях пандемии COVID-19.

В настоящее время интернет обладает рядом особенностей [29]. Интерактивность – интернет-пользователи являются активными участниками коммуникационного процесса, в частности в режиме «запрос-ответ», поиска и выбора нужной информации. Мультимедийность – интернет представляет собой объединение всех каналов передачи информации (радио, телевидение, газеты, журналы) в единое целое. Гипертекстуальность – связь между отдельными текстами в единой среде – интернет-пространстве, позволяющая изучить текст не только на одном уровне, но и проникнуть в глубину вопроса. Оказание интернет-услуг населению, таких как электронная почта, обмен мгновенными сообщениями, поиск информации, совершение покупок в интернет-магазинах, оплата услуг банковской картой через интернет, виртуальное посещение музеев, выставок, взаимодействие с органами власти и др. Все это позволяет рассматривать интернет как информационный ресурс повседневной жизни, способствующий социальной адаптации и интеграции в современный информационно-цифровой социум. Важнейшим показателем здесь является интенсивность его использования. Согласно результатам «Российского мониторинга экономического положения и здоровья населения НИУ-ВШЭ (RLMS-HSE)», начиная с 2003 г. наблюдается ежегодный рост аудитории пользователей (в возрасте старше 14 лет), и в 2019 г. она составила 75,7%, в том числе 97,6% – респонденты в возрасте 14–25 лет, 93,7% – 26–40 лет, 75,7% – 41–60 лет и 30,3% – старше 60 лет [19]. В свою очередь, доступ к интернет-услугам осуществляется посредством применения ИКТ.

Результаты исследования фонда «Общественное мнение» 2019 г. показали, что интенсивность использования сети Интернет среди пожилых людей зависит от уровня совокупного ресурса (уровня образования, материального положения, должностного статуса, места жительства) [29]. Согласно методики «ФОМОграфия» и ресурсной дифференциации российского общества, пожилые люди разделены на две группы (среднересурсные и низкоресурсные) в зависимости от уровня совокупного ресурса. Среди пожилых людей, относящихся к группе «среднересурсные», 57% пользуются интернетом (причем 41% ежедневно), 12% хотят пользоваться, но нет возможности. Среди пожилых людей, относящихся к группе «низкоресурсные», 28% пользуются интернетом (18% ежедневно), 4% хотят пользоваться, но нет возможности. В то же время 63% среднересурсных пожилых людей не хотят пользоваться интернетом (87% низкоресурсных), и это много, учитывая темпы развития ин-

формационного общества, на фоне общедоступности ИКТ и обучения их использованию.

Обобщая результаты исследований Л. Бершадской, Г.Л. Воронина, Э.А. Гасанова, М.В. Корниловой, О.Н. Дудченко и А.В. Мытиль [30–34] о возможности использования пожилыми людьми ИКТ и сети Интернет, следует подчеркнуть, что интернет представляет собой набор новых возможностей для пожилого человека. В то же время М.В. Корнилова обращает внимание на то, что ИКТ повышают вероятность риска социальной эксклюзии за счет замены личного общения на общение через интернет или мобильную связь; низкой компьютерной грамотности; недооценки пожилыми людьми проблемы кибербезопасности. В этом заключается двойственность сущности интернета и ИКТ, способствующая не отказу от них, а формированию адаптационных ресурсов к нововведениям.

Швейцарские ученые М. Нгуен, А. Хансакер и Э. Харгиттай [35], исследуя социальную активность и социальный капитал пожилых людей в интернете, выявили, что пожилые люди, которые чаще участвуют в определенных социальных действиях в интернете (например, задают вопросы в социальных сетях, рассматривают фотографии членов семьи / других лиц), обладают большим социальным капиталом (как в офлайн-контексте, так и в онлайн), чем те, кто менее активен в интернете. Кроме того, навыки использования интернета способствуют взаимосвязи между социальным участием в интернете и социальным капиталом, т.е. пожилые люди, обладающие необходимыми навыками работы в интернете, отличаются высокой социальной активностью в сети Интернет, что позволяет наращивать им социальный капитал от участия в различных онлайн-мероприятиях.

Одной из серьезных проблем пожилых людей является проблема одиночества. Одиноким пожилым людям испытывают потребность в общении. На наш взгляд, одним из способов решения этой проблемы являются овладение навыками использования ИКТ и сети Интернет. Главным для пожилых людей в стремлении преодолеть одиночество является обучение правильному использованию новых возможностей, сведение к минимуму цифровых рисков или их избегание, т.е. речь идет о формировании цифровой компетентности.

Важное значение при формировании цифровой компетентности пожилых людей имеет мотивационная составляющая, которая выражается в наличии осознанной потребности в использовании ИКТ и их активном использовании как средств познания, коммуникации и саморазвития. Результаты исследований С.Е. Гасумовой, И.А. Григорьевой, Н.Б. Москвиной и др. [18, 36, 37] свидетельствуют, что в современном российском обществе формируется высокая мотивационная готовность пожилых людей к освоению новых информационных технологий. Они стремятся научиться обмениваться СМС-сообщениями; находить информацию в сети Интернет по вопросам социальной защиты, социального обеспечения и пенсионного законодательства; электронного взаимодействия с органами власти. Среди основных причин, побудивших пожилых людей освоить ИКТ и сеть Интернет, являются стремление быть всегда на связи, иметь возможность доступа к любой информации (47,7% респондентов), стремление соответствовать требованиям времени (21,8% респондентов). Каждый второй респондент пожилого возраста указал, что мобильные телефоны и сеть Интернет сделали жизнь людей лучше,

счастливее. Полученные данные свидетельствуют о постепенной интеграции пожилых людей в современный социум, охваченный процессами информатизации, а ИКТ и сеть Интернет являются ключевыми ресурсами в этом процессе.

Следовательно, появление сети Интернет, социальных сетей и онлайн-сообществ предоставило пожилым людям новые возможности для поддержания социальных связей, интеграции в интернет-пространство в качестве активных участников коммуникационных процессов. Необходимо подчеркнуть, что пожилые люди составляют растущую группу пользователей социальных сетей.

Следует обратить внимание, что пандемия COVID-19 способствовала всеобщему использованию ИКТ для спасения жизней и защиты граждан, особенно социально уязвимых групп населения, в том числе пожилых людей. Создаваемый портал единой государственной информационной системы социального обеспечения, в которой впервые предусмотрено автоматическое предоставление отдельных услуг, созданная и работающая система МФЦ и портал gosuslugi.ru нацелены на увеличение охвата системой социальной защиты и обеспечения наиболее уязвимых слоев населения, в том числе пожилых людей, должны быть способны реагировать на кризисные ситуации. Однако успех инноваций в данном направлении возможен только при условии повышения цифровой грамотности и уровня компетентности населения в области использования ИКТ, особенно пожилого возраста, а также создания системы обратной связи.

Заключение

В заключении отметим, что процесс информатизации современного общества меняет его социальную структуру, пересматриваются критерии социальной стратификации, актуализируются проблемы информационно-цифрового неравенства. На сегодняшний день развитие информационного общества неразрывно связано с использованием ИКТ, разработка и внедрение которых оказывают значительное влияние на все сферы жизни общества, способствуют развитию, трансформируют сферу человеческого общения, расширяют возможности социального взаимодействия, тем самым формируют новую социальную реальность. На смену традиционному укладу повседневной жизни приходит новый, основанный на использовании ИКТ и активном взаимодействии в сети Интернет. В данных условиях для сохранения и поддержания своих социальных позиций необходимо своевременно менять адаптационные стратегии и практики поведения, выявлять и осваивать новые эффективные адаптационные ресурсы. Особенно остро проблема социальной адаптации в условиях цифровизации звучит в отношении пожилых людей.

Одним из ключевых адаптационных ресурсов пожилых людей является ИКТ, способствующие интеграции в информационно-цифровое пространство. Однако для того чтобы ИКТ стали эффективным адаптационным ресурсом пожилых людей, а не источником цифровых бед, необходимы мотивация к использованию и освоению данных технологий, а также формирование цифровой компетентности.

На основе проведенного аналитического обзора основных направлений и концепций социальной адаптации пожилых людей в условиях информатиза-

ции современного общества, выявления роли ИКТ, считаем, что наиболее перспективными направлениями будущих исследований являются: исследование путей и возможностей преодоления информационно-цифрового неравенства; всесторонняя оценка цифрового неравенства через анализ показателей наличия у населения необходимых навыков эффективного использования ИКТ в региональном и социально-групповом аспектах; исследование стратегий адаптационного поведения пожилых людей в условиях информационно-цифрового неравенства.

Литература

1. *Голенкова З.Т.* Особенности модернизации социальной структуры российского общества. Электрон. текст. дан (объем 2,32 Мб). М.: ФНИСЦ РАН, 2018. 200 с. // Официальный портал ФНИСЦ РАН: (веб-сайт). URL: http://www.isras.ru/index.php?page_id=1198&id=6805. DOI 10.19181/monograph.2019.1
2. *Ragnedda M., Kreitem H.* The three levels of digital divide in East EU countries. *World of Media Journal of Russian Media and Journalism Studies* [Internet]. Faculty of Journalism, Lomonosov Moscow State University; 2018 Dec 1;1(4). URL: <http://dx.doi.org/10.30547/worldofmedia.4.2018.1>
3. *Dimaggio Paul & Eszter Hargittai*, 2001. "From the 'Digital Divide' to 'Digital Inequality': Studying Internet Use as Penetration Increases," Working Papers Series, 15, Princeton University, Woodrow Wilson School of Public and International Affairs, Center for Arts and Cultural Policy Studies. URL: https://culturalpolicy.princeton.edu/sites/culturalpolicy/files/wp15_dimaggio_hargittai.pdf
4. *Van Dijk J., Hacker K.* The Digital Divide as a Complex and Dynamic Phenomenon // *The Information Society* [Internet]. Informa UK Limited; 2003 Sep;19(4):315–26. URL: <http://dx.doi.org/10.1080/01972240309487>
5. *Norris P.* Digital Divide. Cambridge University Press; 2001 Sep 24; URL: <http://dx.doi.org/10.1017/cbo9781139164887>
6. *Van Deursen A.J.A.M., Helsper E.J.* The Third-Level Digital Divide: Who Benefits Most from Being Online? *Studies in Media and Communications* [Internet]. Emerald Group Publishing Limited; 2015 Dec 12;29–52. URL: <http://dx.doi.org/10.1108/s2050-206020150000010002>
7. *Вартамова Е.Л., Гладкова А.А.* Цифровое неравенство, цифровой капитал, цифровая включенность: динамика теоретических подходов и политических решений // *Вестник Московского университета. Серия 10: Журналистика*. 2021. № 1. С. 3–29. DOI: 10.30547/vestnik.journ.1.2021.329
8. *Добринская Д.Е., Мартыненко Т.С.* Перспективы российского информационного общества: уровни цифрового разрыва // *Вестник Российского университета дружбы народов. Социология*. 2019. Т. 19, № 1. С. 108–120. DOI: 10.22363/2313-2272-2019-19-1-108-120
9. *Асочаков Ю.В., Богомякова Е.С., Иванов Д.В.* Новое измерение социального развития: активность и креативность в интернет-коммуникациях // *Социологические исследования*. 2021. № 1. С. 75–86. DOI: 10.31857/S013216250012083-4
10. *Доброхлеб В.Г., Махрова О.Н.* Гендерный аспект цифрового неравенства. Социальные процессы современной России. 19–20 ноября 2020 года. Нижний Новгород. Т. 2. С. 27–29. URL: https://elibrary.ru/download/elibrary_44489935_39673745.pdf
11. *Жеребин В.М., Вершинская О.Н., Ермакова Н.А.* Информационные ресурсы повседневной жизни населения // *Народонаселение*. 2016. № 3 (73). С. 102–112.
12. *Солдатова Г.У., Рассказова Е.И.* «Цифровой разрыв» и межпоколенческие отношения родителей и детей // *Психологический журнал*. 2016. Т. 37, № 6. С. 83–93.
13. *Абрамова Е.М., Логинов Д.М.* Адаптационное поведение населения как фактор социального развития // *Вестник Российского фонда фундаментальных исследований. Гуманитарные и общественные науки*. 2018. № 3 (92). С. 36–44. DOI: 10.22204/2587-8956-2018-092-03-36-44
14. *Беляева Л.А.* Стратегии выживания, адаптации, преуспевания // *Социологические исследования*. 2001. № 6. С. 44–53.
15. *Тихонова Н.Е., Каравай А.В.* Ресурсы россиян в условиях кризиса: динамика и роль в адаптации к новым условиям // *Социологические исследования*. 2016. № 10 (390). С. 43–53.
16. *Корель Л.В.* Социология адаптации: вопросы теории, методологии и методики / ИЭОПП СО РАН. Новосибирск: Наука, 2005. 423 с.

17. Шкаратан О.И., Ястребов Г.А. Выделение реальных (гомогенных) социальных групп в российском обществе: методы и результаты // Прикладная эконометрика. 2007. № 3 (7). С. 95–118.
18. Гасумова С.Е. Отношение пожилых людей к сети интернет и мобильной телефонной связи // Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология. 2016. № 3 (27). С. 161–171. DOI: 10.17072/2078-7898/2016-3-161-171
19. Вестник Российского мониторинга экономического положения и здоровья населения НИУ ВШЭ (RLMS-HSE) / отв. ред. П.М. Козырева. М. : НИУ ВШЭ, 2021. 206 с. DOI: 10.19181/rlms-hse.2021
20. Шабанова М.А. Массовые адаптационные стратегии и перспективы институциональных трансформаций // Мир России. Социология. Этнология. 2001. Т. 10, № 3. С. 78–104.
21. Шиняева О.В., Ахметшина Е.Р., Ключева Т.В., Полетаева О.В., Слепова О.М., Трошин В.Г. и др. Информационно-цифровое неравенство населения и способы его преодоления в регионе / под науч. ред. О.В. Шиняевой. Ульяновск : УлГТУ, 2020. 201 с.
22. Щанина Е.В. Основные факторы социальной адаптации пожилых людей в современном обществе // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Общественные науки. 2017. № 2 (42). С. 138–148. DOI: 10.21685/2072-3016-2017-2-14
23. ИКТ-компетенции как фактор социально-экономического развития России / под ред. Ю.Е. Хохлова, С.Б. Шапошника. М. : Ин-т развития информ. общества, 2012. 70 с.
24. Ермишина А.В., Клименко Л.В., Будаев П.В. Цифровизация как фактор социально-экономической интеграции поликультурных регионов Юга России // Региональная экономика. Юг России. 2020. Т. 8, № 4. С. 114–124. DOI: <https://doi.org/10.15688/re.volsu.2020.4.10>
25. Окинавская хартия Глобального информационного общества, принята главами государств «Группы восьми» 22.07.2000 // Администрация Президента России. URL: <http://kremlin.ru/supplement/3170> (дата обращения: 12.12.2020).
26. Fact sheet: Racial divide continues to grow: Falling through the Net. Defining the digital divide. Washington : National Telecommunications and Information Administration. Department of Commerce, 1999. URL: <http://www.ntia.doc.gov/ntiahome/digitaldivide/factsheets/racial-divide.htm> (дата обращения: 07.02.2021).
27. Указ Президента Российской Федерации № 203 от 09.05.2017 г. «О Стратегии развития информационного общества в Российской Федерации на 2017–2030 годы» // Администрация Президента России. URL: <http://kremlin.ru/acts/bank/41919/page/1> (дата обращения: 12.12.2020).
28. Индекс сетевой готовности. Гуманитарная энциклопедия: Исследования // Центр гуманитарных технологий, 2006–2021 (последняя редакция: 25.01.2021). URL: <https://gtmarket.ru/ratings/networked-readiness-index> (дата обращения: 02.02.2021).
29. Фомограф. Официальный сайт фонда «Общественное мнение». URL: <https://fomograph.fom.ru/> (дата обращения: 03.02.2021).
30. Бершадская Л., Биккулов А., Жук Д., Низомутдинов Б. Интернет и пожилые: включенность старших возрастных групп и внимание к их проблемам // Информационные ресурсы России. 2014. № 5 (141). С. 11–15. URL: https://elibrary.ru/download/elibrary_22409970_62278115.pdf
31. Воронин Г.Л., Курячьева М.М. Интернет-пространство старшего поколения: анализ проблемы вхождения в цифровую эпоху // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. Социальные науки. 2018. № 3 (51). С. 55–65.
32. Гасанов Э.А., Гасанов М.А., Канов В.И. Интеграция пожилых людей в интернет-пространство и формирование сетевого благополучия в России // Вестник Томского государственного университета. Экономика. 2014. № 2 (26). С. 14–25.
33. Корнилова М.В. Компьютерные и интернет-технологии в жизни пожилых людей: возможности и риски // Власть. 2018. Т. 26, № 6. С. 62–69. DOI: <https://doi.org/10.31171/vlast.v26i6.5891>
34. Дудченко О.Н., Мытиль А.В. Пожилой человек в цифровом мире (по результатам эмпирических исследований) // Россия реформирующаяся: ежегодник: вып. 18 / отв. ред. М.К. Горшков. М. : Новый Хронограф, 2020. С. 333–356. DOI: 10.19181/ezheg.2020.14
35. Nguyen M.H., Hunsaker A., Hargittai E. Older adults' online social engagement and social capital: the moderating role of Internet skills. Information, Communication & Society [Internet]. Informa UK Limited; 2020 Aug 25;1–17. URL: <http://dx.doi.org/10.1080/1369118x.2020.1804980>
36. Григорьева И.А., Сизова И.Л., Дмитриева А.В., Биккулов А.С. Обучение ИКТ: для социальной активизации или престижного досуга? // Информационное общество: образование, наука, культура и технологии будущего. 2018. № 2. С. 131–137. DOI: <https://doi.org/10.17586/2587-8557-2018-2-131-137>

37. Москвина Н.Б. Освоение пенсионерами цифровых технологий: от наличной ситуации к новым возможностям // Социальная работа: современные проблемы и технологии. 2020. № 1. С. 148–156.

Ekaterina V. Shchanina, Penza State University (Penza, Russian Federation).

E-mail: shchanina@mail.ru

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya – Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science. 2021. 63. pp. 131–144.

DOI: 10.17223/1998863X/63/13

INFORMATION AND COMMUNICATION TECHNOLOGIES AS AN ADAPTATION RESOURCE OF THE ELDERLY IN THE CONDITIONS OF INFORMATIZATION OF RUSSIAN SOCIETY

Keywords: elderly people; information and communication technologies; social adaptation; adaptation resources; information society; social activity; digital divide; information isolation

The reported study was funded by the Russian Foundation for Basic Research, Project No. 20-111-50246.

The digitalization processes of modern society are carried out at lightning speed, affecting all spheres of life. There is a change in the social structure of society; the problem of the digital divide is becoming more acute. Under these conditions, social groups and individuals are forced to adapt to the new social reality in a fairly limited time. The article aims to provide an analytical review of the current main directions and concepts of older people's social adaptation in the context of digitalization of modern society, and to determine the role of ICT in solving the problems of older people's social adaptation and integration. The article presents: (1) an analytical review of sociological concepts of social adaptation, the impact of social changes on adaptive behavior, models of social adaptation, types of social inequality, including the digital divide, and ways to overcome it; (2) secondary analysis of the results of sociological studies of older people's social adaptation and adaptation resources in the context of digitalization of Russian society; (3) promising directions for future research. The problem of the research is that, in the conditions of digitalization of modern Russian society, a situation has developed when only a small part of the elderly are able to successfully adapt to the new social reality, which leads to the social exclusion of this social group. That is why the problem field of the research was formed within the framework of the analysis of older people's social adaptation in the conditions of modern society's digitalization and the digital divide, and the analysis of the role of ICT in solving the problems of older people's social adaptation and integration. The authors conclude that modern Russian society is experiencing digital inequality caused by both objective (formed by the social environment: the accessibility of ICT tools) and subjective (depending on the individual: motivation to use and master ICT, digital competence) parameters. Digital inequality is a factor in the transformation of older people's social behavior. The authors emphasize that older people's integration into modern society and social adaptation to it are possible through the use of such an adaptation resource as ICT. The knowledge and intensity of use of ICT by the elderly are indicators of older people's social adaptability in the information society.

References

1. Golenkova, Z.T. (2018) *Osobennosti modernizatsii sotsial'noy struktury rossiyskogo obshchestva* [Peculiarities of Modernization of Russian Society Social Structure]. Moscow: RAS. DOI: 10.19181/monograph.2019.1
2. Ragnedda, M. & Kreitem, H. (2018) The three levels of digital divide in East EU countries. *World of Media. Journal of Russian Media and Journalism Studies*. 1(4). DOI: 10.30547/worldofmedia.4.2018.1
3. Dimaggio, P. & Hargittai, E. (2001) From the 'Digital Divide' to 'Digital Inequality': Studying Internet Use as Penetration Increases. *Working Papers Series*. 15. [Online] Available from: https://culturalpolicy.princeton.edu/sites/culturalpolicy/files/wp15_dimaggio_hargittai.pdf
4. Van Dijk, J. & Hacker, K. (2003) The Digital Divide as a Complex and Dynamic Phenomenon. *The Information Society*. 19(4). pp. 315–26. DOI: 10.1080/01972240309487
5. Norris, P. (2001) *Digital Divide*. Cambridge University Press. 24th September. DOI: 10.1017/cbo9781139164887
6. Van Deursen, A.J.A.M. & Helsper, E.J. (2015) The Third-Level Digital Divide: Who Benefits Most from Being Online? In: Robinson, L. et al. (eds) *Communication and Information Technologies*

Annual (Studies in Media and Communications). December. pp. 29–52. DOI: 10.1108/s2050-206020150000010002

7. Vartanova, E.L. & Gladkova, A.A. (2021) Digital divide, digital capital, digital inclusion: Dynamics of theoretical approaches and political decisions. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 10: Zhurnalistika*. 1. pp. 3–29. (In Russian). DOI: 10.30547/vestnik.journ.1.2021.329

8. Dobrinskaya, D.E. & Martynenko, T.S. (2019) Perspektivy rossiyskogo informatsionnogo obshchestva: urovni tsifrovogo razryva [Perspectives of the Russian information society: Digital divide levels]. *Vestnik Rossiyskogo universiteta družby narodov. Seriya: Sotsiologiya – RUDN Journal of Sociology*. 19(1). pp. 108–120. DOI: 10.22363/2313-2272-2019-19-1-108-120

9. Asochakov, Yu.V., Bogomyagkova, E.S. & Ivanov, D.V. (2021) New dimension of social development: activities and creativity in the internet communications. *Sotsiologicheskie issledovaniya – Sociological Studies*. 1. pp. 75–86. (In Russian). DOI: 10.31857/S013216250012083-4

10. Dobrokhleb, V.G. & Makhrova, O.N. (2020) Gendernyy aspekt tsifrovogo neravenstva [The gender aspect of the digital divide]. *Sotsial'nye protsessy sovremennoy Rossii* [Social processes in modern Russia]. Proc. of the Conference. Nizhny Novgorod. November 19–20, 2020. Vol. 2. pp. 27–29. [Online] Available from: https://elibrary.ru/download/elibrary_44489935_39673745.pdf

11. Zherebin, V.M., Vershinskaya, O.N. & Ermakova, N.A. (2016) Informatsionnye resursy povsednevnoy zhizni naseleniya [Information resources in the daily life of people]. *Narodonaselenie*. 3(73). pp. 102–112.

12. Soldatova, G.U. & Rasskazova, E.I. (2016) “Tsifrovoy razryv” i mezhpokolencheskie otnosheniya roditel'ey i detey [“Digital gap” and intergenerational relations of parents and children]. *Psikhologicheskii zhurnal*. 37(6). pp. 83–93.

13. Avraamova, E.M. & Loginov, D.M. (2019) Adaptatsionnoe povedenie naseleniya kak faktor sotsial'nogo razvitiya [People's adaptive behavior as a social development factor]. *Vestnik Rossiyskogo fonda fundamental'nykh issledovaniy. Gumanitarnye i obshchestvennye nauki*. 3(92). pp. 36–44. DOI: 10.22204/2587-8956-2018-092-03-36-44

14. Belyaeva, L.A. (2001) Strategii vyzhivaniya, adaptatsii, preuspevaniya [Strategies for survival, adaptation, prosperity]. *Sotsiologicheskie issledovaniya – Sociological Studies*. 6. pp. 44–53.

15. Tikhonova, N.E. & Karavay, A.V. (2016) Russians under impact of economic crisis. *Sotsiologicheskie issledovaniya – Sociological Studies*. 10(390). pp. 43–53. (In Russian).

16. Korel, L.V. (2005) *Sotsiologiya adaptatsii: voprosy teorii, metodologii i metodiki* [Sociology of adaptation: questions of theory, methodology and techniques]. Novosibirsk: Nauka.

17. Shkaratan, O.I. & Yastrebov, G.A. (2007) Vydelenie real'nykh (gomogennykh) sotsial'nykh grupp v rossiyskom obshchestve: metody i rezul'taty [Identification of real (homogeneous) social groups in Russian society: methods and results]. *Prikladnaya ekonometrika*. 3(7). pp. 95–118.

18. Gasumova, S.E. (2016) Otnoshenie pozhilykh lyudey k seti internet i mobil'noy telefonnoy svyazi [The elderlies' attitude to the Internet and mobile telephony]. *Vestnik Permskogo universiteta. Filosofiya. Psikhologiya. Sotsiologiya – Perm University Herald. Series “Philosophy. Psychology. Sociology”*. 3(27). pp. 161–71. DOI: 10.17072/2078-7898/2016-3-161-171

19. Kozyreva, P.M. (ed.) (2021) *Vestnik Rossiyskogo monitoringa ekonomicheskogo polozheniya i zdorov'ya naseleniya NIU VSHE (RLMS-HSE)* [Bulletin of the Russian Monitoring of the Economic Situation and Health of the Population NRU HSE (RLMS-HSE)]. Moscow: HSE. DOI: 10.19181/rllms-hse.2021

20. Shabanova, M.A. (2001) Massovyie adaptatsionnye strategii i perspektivy institutsional'nykh transformatsiy [Mass adaptation strategies and perspectives of institutional transformations]. *Mir Rossii. Sotsiologiya. Etnologiya – Universe of Russia. Sociology. Ethnology*. 10(3). pp. 78–104. (In Russ)

21. Shinyaeva, O.V., Akhmetshina, E.R., Klyueva, T.V., Poletaeva, O.V., Slepova, O.M., Troinin, V.G. et al. (2020) *Informatsionno-tsifrovoye neravenstvo naseleniya i sposoby ego preodoleniya v regione* [Information-digital inequality of the population and ways to overcome it in the region]. Ulyanovsk: UISTU.

22. Shchanina, E.V. (2017) Main factors of social adaptation of elderly people in the modern society. *Izvestiya vysshikh uchebnykh zavedeniy. Povolzhskiy region. Obshchestvennye nauki – University proceedings. Volga region. Social sciences*. 2(42). pp. 138–148. (In Russian). DOI: 10.21685/2072-3016-2017-2-14

23. Khokhlov, Yu.E. & Shaposhnik, S.B. (2012) *IKT-kompetentsii kak faktor sotsial'no-ekonomicheskogo razvitiya Rossii* [ICT competences as a factor of social and economic development of Russia]. Moscow: Institute of Development of Information Society.

24. Ermishina, A.V., Klimenko, L.V. & Budaev, P.V. (2020) Digitalization as a Factor in Socio-Economic Integration of Multicultural Regions in Southern Russia. *Regional'naya ekonomika. Yug*

Rossii – Regional economy. The South of Russia. 8(4). pp. 114–24. (In Russian). DOI: 10.15688/re.volsu.2020.4.10

25. Administration of the President of Russia. (2000) *Okinavskaya Khartiya Global'nogo informatsionnogo obshchestva, prinyatiya glavami gosudarstv "Gruppy vos'mi"* [Okinawa Charter of the Global Information Society, adopted by the heads of state of the G8]. 22nd July. [Online] Available from: <http://kremlin.ru/supplement/3170>

26. National Telecommunications and Information Administration. Department of Commerce. (1999) *Fact sheet: Racial divide continues to grow: Falling through the Net. Defining the digital divide*. [Online] Available from: <http://www.ntia.doc.gov/ntiahome/digitaldivide/factsheets/racial-divide.htm>

27. Administration of the President of Russia. (2017) *Ukaz Prezidenta Rossiyskoy Federatsii № 203 ot 09.05.2017 g. "O Strategii razvitiya informatsionnogo obshchestva v Rossiyskoy Federatsii na 2017–2030 gody"* [Decree of the President of the Russian Federation No. 203 of May 9, 2017, "On the Strategy for the Development of the Information Society in the Russian Federation for 2017–2030"]. [Online] Available from: <http://kremlin.ru/acts/bank/41919/page/1>

28. Gmarket.ru. (n.d.) *Indeks setevoy gotovnosti* [Networked Readiness Index]. [Online] Available from: <https://gtmarket.ru/ratings/networked-readiness-index> (Accessed: 2nd February 2021).

29. The Public Opinion Foundation. (n.d.) *Fomograf* [Fomograph]. [Online] Available from: <https://fomograph.fom.ru/>. (Accessed: 3rd February 2021).

30. Bershadskaya, L., Bikkulov, A., Zhuk, D. & Nizomutdinov, B. (2014) Internet i pozhiye: vkluchennost' starshikh vozrastnykh grupp i vnimanie k ikh problemam [Internet and the elderly: inclusion of older age groups and attention to their problems]. *Informatsionnye resursy Rossii – Information Resources of Russia*. 5(141). pp. 11–15. [Online] Available from: https://elibrary.ru/download/elibrary_22409970_62278115.pdf

31. Voronin, G.L. & Kuryacheva, M.M. (2018) The internet space of the older generation: analysis of the problem of entering the digital epoch. *Vestnik Nizhegorodskogo universiteta im. N.I. Lobachevskogo. Seriya: Sotsial'nye nauki*. 3(51). pp. 55–65. (In Russian).

32. Gasanov, E.A., Gasanov, M.A. & Kanov, V.I. (2014) Integrating the elderly into the Internet and creating networking welfare in Russia. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Ekonomika – Tomsk State University Journal of Economics*. 2(26). pp. 14–25. (In Russian).

33. Kornilova, M.V. (2018) Computer and Internet Technologies in the Lives of Older People: Opportunities and Risks. *Vlast – The Authority*. 26(6). pp. 62–69. (In Russian). DOI: 10.31171/vlast.v26i6.5891

34. Dudchenko, O.N. & Mytil, A.V. (2020) Pozhiloy chelovek v tsifrovom mire (po rezul'tatam empiricheskikh issledovaniy) [Older Adults and the Digital World (by Results of Empirical Research)]. In: Gorshkov, M.K. (ed.) *Rossiya reformiruyushchayasya* [Russia in Reform]. Vol. 18. pp. 333–356. DOI: 10.19181/ezheg.2020.14

35. Nguyen, M.H., Hunsake, A. & Hargittai, E. (2020) Older adults' online social engagement and social capital: the moderating role of Internet skills. *Information, Communication & Society*. 25th August. pp. 1–17. DOI: 10.1080/1369118x.2020.1804980

36. Grigoryeva, I.A., Sizova, I.L., Dmitrieva, A.V. & Bikkulov, A.S. (2018) Obuchenie IKT: dlya so-tsial'noy aktivizatsii ili prestizhnogo dosuga? [ICT training: for social activation or prestigious leisure time?]. *Informatsionnoe obshchestvo: obrazovanie, nauka, kul'tura i tekhnologii budushchego*. 2. pp. 131–137. DOI: 10.17586/2587-8557-2018-2-131-137

37. Moskvina, N.B. (2020) Osvoenie pensionerami tsifrovyykh tekhnologiy: ot nalichnoy situatsii k novym vozmozhnostyam [Mastering digital technologies by pensioners: from the current situation to new opportunities]. *Sotsial'naya rabota: sovremennyye problemy i tekhnologii*. 1. pp. 148–156.

УДК 316.3

DOI: 10.17223/1998863X/63/14

Е.Р. Ярская-Смирнова, В.Н. Ярская

МАЛОМОБИЛЬНЫЕ ГОРОЖАНЕ КАК ПОЛУЧАТЕЛИ И СУБЪЕКТЫ СОЦИАЛЬНОЙ ПОМОЩИ В ПЕРИОД ПАНДЕМИИ COVID-19: ПО ДАННЫМ СОЦИОЛОГИЧЕСКОГО ОПРОСА

Исследование выполнено при поддержке гранта Российского научного фонда
№ 18-18-00321.

В статье представлены некоторые результаты опроса представителей маломобильных групп о доступности социальной поддержки, участии в социальных коммуникациях и установках на солидарность в период кризиса пандемии COVID-19. Пандемия заострила вопросы доступности и инклюзии институциональной среды, при этом заметно возросла роль взаимопомощи и негосударственных акторов благополучия населения.

Ключевые слова: пандемия, маломобильные группы, социальная поддержка, солидарность

Введение

С началом пандемии в марте 2020 г. условия жизни многих социальных групп ухудшились в силу введенного карантина и вынужденной самоизоляции населения. И хотя кризис COVID-19 стал новым вызовом для всей планеты, его воздействие обострило уже существующие социальные разломы. Стали более очевидны эффекты социальной изоляции и социального исключения наиболее уязвимых социальных групп. Ухудшение положения таких групп стало предметом озабоченности международных организаций и правительственных структур.

В аналитической записке Центра перспективных управленческих решений [1] выделены 24 особо уязвимые группы, в том числе те, кто находятся в местах лишения свободы, учреждениях институциональной заботы, бездомные, люди, живущие с ВИЧ; пожилые люди без онлайн-навыков; медицинские работники; персонал, оказывающий услуги по уходу на дому; мигранты и целый ряд других групп. Отметим, что в этом списке не упомянуты некоторые категории граждан, относящихся к категории маломобильных, в том числе люди с инвалидностью (кроме лиц с «психической и ментальной инвалидностью», глухих и слабослышащих), дети-инвалиды и их семьи. Именно те домохозяйства, где проживают дети и взрослые с инвалидностью, нередко испытывают материальные лишения, нуждаются в поддержке, и именно они испытывали резкое снижение уровня жизни и были депривированы от социальных услуг в период кризиса [2]. В частности, эксперты ООН отмечают влияние пандемии COVID-19 на рост смертности, стресса и страданий среди пожилого населения во всем мире [3]. Высокую озабоченность у экспертов вызывают такие риски для пожилой когорты, как отказ в медицинской помощи для лечения заболеваний, не связанных с коронавирусом; отсутствие за-

боты и жестокое обращение в специальных учреждениях и учреждениях по уходу; рост нищеты и безработицы; снижение благосостояния и ухудшение психического здоровья.

Речь при этом идет не только о необходимости обеспечить полное участие в жизни общества людей с инвалидностью, ограничениями здоровья, но и о выявлении и устранении различных форм дискриминации любых социальных групп. Их социальная уязвимость возникает не на основании пола, возраста, ориентации, этнической и национальной принадлежности, физических возможностей и состояния здоровья, уровня благосостояния и жизненных условий, как это обычно формулируют [4], а по причине несовершенства социальных институтов, неустроенности окружающей среды, интолерантных социальных установок.

Снижение заботы, изоляция, невозможность приехать родственникам и волонтерам ведут к пренебрежению потребностей жителей домов-интернатов, а скученность ведет к быстрому распространению инфекции и высокой смертности в учреждениях институциональной заботы. Исследований, в которых изучается мнение представителей различных социальных групп, их установки в отношении различных институтов и меняющиеся практики социальной коммуникации в период пандемии, пока не так много. В этой статье мы представляем одну из попыток охватить взглядом широкую панораму реакций на пандемию, сфокусировав нашу перспективу на маломобильных категориях граждан. Люди с инвалидностью, а также семьи с маленькими детьми, особенно монородительские домохозяйства, пожилые люди, нуждающиеся в постоянном уходе, – именно эти группы оказались в фокусе нашего внимания в опросе, который проводился в мае–июне 2021 г. в Казани, Саратове и Томске¹.

В нашем опросе приняли участие 540 респондентов. Выборка квотная – в каждом городе было опрошено 180 респондентов трех маломобильных групп: люди с ОВЗ (ограниченными возможностями здоровья, включая инвалидов), люди пожилого возраста, испытывающие сложности с передвижением, беременные женщины и родители детей до 3 лет. Группа ОВЗ в равных пропорциях представлена четырьмя подгруппами согласно типам ОВЗ (нарушения слуха, нарушения зрения, двигательные нарушения, ментальные нарушения), возрасту (16–29 лет, 30–45 лет, 46–59 лет, 60+) и полу. Группа людей пожилого возраста, испытывающих сложности с передвижением, в равных пропорциях представлена мужчинами и женщинами. В задачи опроса входило выявление мнений респондентов об изменениях в их жизни за последний год, причем важное место занимала проблематика социальных коммуникаций, в том числе общение с друзьями и близкими, получение и оказание помощи.

Результаты исследования

Переживание кризиса пандемии сопряжено с различными проблемами. Наиболее часто респонденты испытывали проблемы со здоровьем, которые им удавалось решить полностью (26%) или частично (33%). Лишь каждый

¹ Выражаем признательность региональным координаторам опроса – Алисе Шакировой (Казань), Екатерине Авериной (Томск), саратовской команде проекта, а также Ольге Косовой и Алексею Ручину за слаженную совместную работу по проекту.

третий респондент не сталкивался с проблемами здоровья. Больше остальных пострадали представители старших возрастных групп 45–59 (71%), старше 60 лет (70%), но и более молодые не смогли избежать проблем со здоровьем (более половины в каждой из подгрупп). Больше, чем остальные, сталкивались с проблемами здоровья люди с ограниченными возможностями, пожилые и наименее обеспеченные респонденты.

На втором месте по частоте – финансовые трудности: более половины (55%) их испытали, причем лишь 17% полностью вышли из затруднительной ситуации. Хотя во всех возрастных группах больше половины (а среди пожилых – чуть меньше, 48%) испытывали материальные лишения в период пандемии, в наибольшей степени финансовые трудности затронули возрастную группу от 45 до 59 лет. Реже, чем финансовые затруднения, респондентов беспокоили проблемы в общении с родными и близкими, и в этих случаях примерно каждый пятый (по 19%) сумел решить такие проблемы полностью или частично. Рассмотрим вопрос общения подробнее.

Пандемия негативно повлияла на общение с друзьями и близкими: в целом по выборке у большинства опрошенных интенсивность общения сократилась (55%). Только 7% сказали, что стали видеться с друзьями и знакомыми чаще. А для 38% опрошенных частота контактов не изменилась. В целом по выборке наши респонденты стали реже видеться со своими пожилыми близкими: такое изменение характерно для 57% опрошенных. При этом с возрастом респондентов влияние пандемии на сокращение контактов усиливается: наибольшие эффекты наблюдаются в группе опрошенных от 60 лет и старше: лишь 28% пожилых людей в нашей выборке ответили, что частота контактов осталась прежней, а для 69% ситуация изменилась в сторону уменьшения коммуникации. Такой эффект, связанный с уменьшением контактов, значительно отличает пожилых респондентов от иных маломобильных групп.

Недостаток общения у пожилых людей усугубляется в силу существующего цифрового разрыва. Многим представителям «серебряного возраста» не хватает навыков работы с новейшими технологиями, тем самым они оказываются депривированными не только от общения с близкими, оказавшимися на дистанции в период самоизоляции или по причине болезни, но и от важной информации (в том числе о мерах защиты от коронавирусной инфекции), возможностей получить услуги телемедицины, покупать продукты и другие товары первой необходимости в интернете [4]. Дистанционный формат коммуникации, с одной стороны, не может заменить живого общения, с другой стороны, способствует инклюзии, причем это можно наблюдать как в отношении большей безопасности в период распространения инфекции, так и в аспекте возможностей сочетания работы и семьи [4], что, впрочем, имеет и свою оборотную сторону, выражаясь в рисках накопления эффекта двойной нагрузки и выгорания.

Отметим, что перенесенное заболевание COVID-19 становится важным фактором сокращения контактов у всех респондентов, даже у тех, кто болел в легкой форме: среди них указал на снижение частоты общения 61%. В числе тех респондентов, кто перенес болезнь в тяжелой форме, существенно больше утративших привычную интенсивность коммуникации с друзьями и близкими (82%), и всего у 12% ситуация не поменялась. Остается вопрос, снизи-

лась ли интенсивность коммуникации ввиду перерыва в общении во время болезни и реабилитации или же мы имеем дело с эффектами стигматизации и социального исключения. Исследований, выявляющих подобные побочные эффекты, не так много, и они проведены в странах третьего мира [5, 6]. Особенности общественного отношения к перенесшим заболевание в России еще предстоит изучить. Отчасти проясняет интерпретацию тот факт, что именно перенесенное в тяжелой форме заболевание стало для респондентов главным препятствием к встречам с близкими пожилыми людьми. Трое из четверых, получившие такой опыт болезни (77%), стали реже встречаться с пожилыми близкими.

В отсутствие родственных и дружеских контактов чрезвычайно вырастет значение формальных сетей поддержки. Однако в разгар пандемии количество и частота социальных услуг на дому тоже снизились в разы. Пожилые и другие маломобильные клиенты, находясь на самоизоляции, страдали из-за сокращения надомных услуг.

Подавляющее большинство (74%) респондентов нашего опроса ответили, что не получали никакой помощи или поддержки в связи с пандемией коронавируса. Какую же помощь получала оставшаяся часть опрошенных? В первую очередь, это выплаты на детей, чуть реже упоминались также продуктовые наборы, совсем редко – лекарства, в единичных случаях – выплаты для поддержки бизнеса, субсидии, моральная и материальная поддержка родственников.

В Казани немногим больше оказалось респондентов (33%), ответивших утвердительно на вопрос о получении какой-либо поддержки, по сравнению с Томском (26%) и Саратовом (20%). Интересно, что большая часть получивших поддержку относится к средней возрастной группе от 30 до 44 лет (36%), немного отстают от них респонденты в возрасте от 16 до 29 лет (32%). По всей видимости, львиную долю положительных ответов дали родители, получившие выплаты на несовершеннолетних детей.

Итак, кто же являлся субъектом или источником помощи для наших опрошенных, что за виды поддержки они получали? На первом месте (46% ответивших выбрали эту позицию) – государство с главным видом поддержки, затронувшей наших респондентов, – это единовременные пособия. На втором месте почти с таким же количеством голосов – поддержка родственников и близких (41%). С большим отставанием, но все же с приличным весом следующие позиции этого рейтинга заняли социальные службы и работники (21%). Приближается к этому уровню позиция волонтеров (17%). Соседи (13%) и друзья (12%) на пятом и шестом местах с почти одинаковым числом ответивших. Общественные, некоммерческие организации были упомянуты в 9% случаев.

Отметим, что в период пандемии многие из работников социальных служб болели, увольнялись, а число нуждающихся только росло [7]. Те подопечные, чья мобильность серьезно ограничена, нуждаются в особом долговременном и профессиональном уходе на дому, а сокращение жизненно важных услуг приводит к ухудшению состояния и росту смертности нуждающихся, в особенности пожилых граждан [7]. Между тем даже питание подопечных оказалось в пандемию серьезной проблемой: такая услуга в российских регионах была в дефиците. Ресурсом для людей стали благотворительные фонды, не-

коммерческие социальные сервисы, волонтеры. К работе по уходу подключились некоммерческие организации и волонтеры. И все же такую роскошь, как общение с подопечным, мало кто из социальных работников и волонтеров мог себе позволить, во-первых, из-за огромных нагрузок, а во-вторых, из-за опасности распространения коронавирусной инфекции.

Оказание помощи

Люди старшего возраста, как и люди с инвалидностью, играют в семье и обществе множество важных ролей, в том числе оказывая помощь другим нуждающимся, выступая волонтерами, лидерами групп и сообществ. Несмотря на то, что наш опрос охватывал категории маломобильных граждан, в целом по выборке примерно каждый шестой (16%) респондент оказывал помощь родственникам, друзьям, соседям, знакомым. Помогали общением, оказывали психологическую, моральную поддержку, общались по интернету, как выразился один респондент, «по камере». Готовили еду пожилым соседям, заказывали или покупали и доставляли продукты и лекарства. Упоминали и финансовую поддержку, при необходимости отвозили человека на личном автомобиле, чтобы избежать пользования общественным транспортом. Помогали с выгулом собак, оплатой услуг ЖКХ по интернету. В основном оказывали помощь родителям, детям, другим родственникам, близким, друзьям, в том числе более пожилым, чем сами, а также друзьям с инвалидностью. Несколько опрошенных указали с сожалением, что сами нуждаются в помощи по причине слабого здоровья и никого поддерживать в связи с этим не могут.

Больше всего тех, кто оказывал помощь, в саратовской подвыборке (22% по сравнению с 13% в Казани и Томске). Среди возрастных групп выделяются опрошенные от 30 до 44 лет, родители маленьких детей и лица с высшим образованием лидируют среди тех, кто оказывал помощь. Активная жизненная позиция позволяла им артикулировать проблемы уязвимых групп и во весь голос заявлять не только о трудностях, но и о возможностях получить и оказать поддержку.

Конкретизируя свою помощь другим, некоторые респонденты указывали на форматы коллективного действия: подписывали петицию, собирали подписи. Поддержка необходима, в первую очередь, в базовых формах – питанием, тем более, что для самых слабых, малообеспеченных и пожилых людей это жизненно необходимо. Однако во многих других случаях такой помощи бывает недостаточно. Необходимо настаивать на участии и признании, влиять на принятие решений, отстаивать права.

В целом по выборке всего 9% опрошенных сказали, что имеют опыт отстаивания своих прав и/или оказания помощи другим в отстаивании их прав в период пандемии. Респонденты вписали комментарии относительно тех сфер, в которых они отстаивали свои права или помогали другим: больше всего комментариев касаются сферы здравоохранения. Несколько человек указали, что добивались медицинской помощи, в том числе госпитализации для себя или родственника, знакомого: «Помогал попасть в стационар больным коронавирусом родным через Минздрав; не хотели забирать в больницу, пришлось жаловаться на скорую; не хотели класть в больницу, пришлось писать в Минздрав; пришлось добиваться, чтобы госпитализировали родственника;

звонила на горячую линию по вопросам Ковид, чтобы получить медпомощь; обращалась к заведующей поликлиникой из-за очередей и получения лекарств; знакомому не хотели оформлять инвалидность, писали жалобы в Минздрав; пришлось записаться на прием к министру, чтоб решить вопрос лекарственного обеспечения ЖНЛС, начальнику ФСС, чтобы обеспечили инвалидной коляской».

Респонденты участвовали в отстаивании своих прав или помогали отстаивать права другим людям и в сфере ЖКХ, торговли: «когда покупатель требовал обслужить его без средств индивидуальной защиты». Люди писали письма, составляли обращения и претензии, поддерживали петиции, настаивали на своих правах, обращаясь к администрации города и в другие органы власти, к работодателю, взаимодействовали с судебной системой, приставам (по вопросу неуплаты алиментов), один респондент подписывал «петицию об оплате врачей».

Установки на солидарность

Альтруистические настроения в большей степени представлены среди родителей – здесь 43% говорят, что стали более внимательны и пытаются помогать незнакомым людям (33% среди пожилых и 36% среди людей с ОВЗ), а также среди людей с высшим образованием (48%). Личный опыт болезни и переживания утраты отличает подгруппу респондентов, более чутких к проблемам незнакомцев. Переболевшие коронавирусом чаще говорят о том, что стали внимательнее и начали помогать незнакомым людям, по сравнению с теми, кто не перенес это заболевание. Вообще среди тех, кого болезнь затронула лично или кого-то в ближайшем окружении, больше тех, кто полностью согласен и скорее согласен (44%) с утверждением о помощи малознакомым людям, чем среди тех, кто никак не столкнулся с заболеванием (33%). Среди тех респондентов, кого настигла утрата близких из-за ковида, еще больше ответивших утвердительно на данный вопрос: согласны полностью или скорее согласны 54% по сравнению с 34% тех, кто не перенес утрату среди ближайшего окружения.

В ситуации пандемии наши респонденты и сами ощущали, что окружающие становятся более внимательны к ним, стараются помочь по мере возможностей. Среди пожилых и людей с ОВЗ оказалось больше тех, кто почувствовал на себе более теплое отношение окружающих незнакомых людей: полностью согласны и скорее согласны с утверждением «за последний год я стал замечать, что малознакомые люди стали более внимательны ко мне, стараются помочь в меру возможностей» 53% пожилых и 43% людей с ОВЗ. И женщины, и мужчины примерно с одинаковой частотой высказываются по поводу роста дружелюбия в обществе: 40% мужчин и 43% женщин полностью согласны и скорее согласны с этим утверждением.

Зарубежные исследователи подчеркивают, что социальные нормы трудно поменять без опоры на общественную солидарность (Schiavo, 2020). С одной стороны, пандемия COVID-19 истощает социальные ресурсы уязвимых групп и сообществ, обостряет социальное неравенство. С другой стороны, испытания могут сплачивать людей, открывать возможности социального участия и взаимопомощи.

Заключение

Пандемия коронавируса в той или иной степени внесла коррективы в жизнь многих людей. Наибольшие трудности и обеспокоенность опрошенных обусловлены недоступностью помощи и поддержки и резким ограничением общения с близкими людьми. Важным критерием восприятия последствий пандемии коронавируса стал опыт болезни респондента. Личное переживание, персонализация угрозы определяют уровень серьезности восприятия коронавируса и последствий его распространения, а также настрой на солидарность с другими, даже малознакомыми людьми, когда тем нужна помощь. Согласно нашим данным, опыт болезни делает людей более осторожными и чутко настроенными на потребности своих близких и знакомцев.

Во весь рост встают проблемы социальной уязвимости, социального исключения, углубления социальных разрывов социальной ткани современных обществ в условиях пандемии. Пандемия заострила вопросы доступности и инклюзии институциональной среды, при этом заметно возросла роль негосударственных акторов благополучия населения. Принятые государством меры и найденные обществом способы поддержки в период пандемии могут способствовать дальнейшему развитию инклюзивной повестки во всех сферах жизни.

Литература

1. Вахрушева Д., Барышникова А., Вдовенко И. и др. Положение уязвимых групп в период распространения инфекции COVID-19: потребности и меры поддержки. М. : Центр перспективных управленческих решений; Общероссийский гражданский форум, 2020. URL: https://cpur.ru/research_pdf/PP_vulnerable_groups_Covid-19.pdf (дата обращения: 29.09.2021).
2. Аналитическая записка: принятие мер реагирования на COVID-19 с учетом потребностей инвалидов. URL: https://www.un.org/sites/un2.un.org/files/russian_disability_brief.pdf (дата обращения: 29.09.2021).
3. Аналитическая записка: Влияние COVID-19 на пожилых людей. Май 2020 года. ООН. URL: https://www.un.org/sites/un2.un.org/files/old_persons_russian.pdf
4. Социальные последствия пандемии COVID-19 и инклюзивность. Дайджест. Департамент международного и регионального сотрудничества 2020. URL: <https://ach.gov.ru/upload/pdf/Covid-19-inclusion.pdf> (дата обращения: 29.09.2021).
5. Atinga R., Alhassan N., Ayawine A. 'Recovered but Constrained: Narratives of Ghanaian COVID-19 Survivors Experiences and Coping Pathways of Stigma, Discrimination, Social Exclusion and Their Sequels', *International Journal of Health Policy and Management*, 2021 https://www.ijhpm.com/article_4093.html
6. Bekema J.C. Pandemics and the punitive regulation of the weak: experiences of COVID-19 survivors from urban poor communities in the Philippines // *Third World Quarterly*. 2021. Vol. 42 (8). P. 1679–1695.
7. Алленова О. «Эти тихие смерти, сопутствующие ковиду, будут на нашей совести». Почему россияне, нуждающиеся в социальных услугах на дому, могут стать жертвами пандемии // *Коммерсант*. 30.05.2020. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/4357850> (дата обращения: 29.09.2021).

Elena R. Iarskaia-Smirnova, Higher School of Economics (Moscow, Russian Federation).

E-mail: elena.iarskaia@gmail.com

Valentina N. Yarskaya-Smirnova, Yuri Gagarin Saratov State Technical University (Saratov, Russian Federation).

E-mail: jarskaja@mail.ru

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya – Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science. 2021. 63. pp. 145–152.

DOI: 10.17223/1998863X/63/14

LOW-MOBILITY URBAN GROUPS AS BENEFICIARIES AND ACTORS OF SOCIAL SUPPORT DURING THE COVID-19 PANDEMIC: THE RESULTS OF A SOCIOLOGICAL SURVEY

Keywords: pandemic, groups with limited mobility, social support, solidarity

The study is supported by the Russian Science Foundation, Project No. 18-18-00321.

The article presents some of the findings of a survey among the low-mobility groups on the availability of social support, participation in social communications, and attitudes towards solidarity during the COVID-19 pandemic crisis. The pandemic has sharpened the issues of accessibility and inclusion of the institutional environment, while the role of mutual assistance and non-state actors in the well-being of the population has noticeably increased. In this article, we aim to capture the broader panorama of responses to the pandemic, focusing our perspective on people with limited mobility. The survey involved 540 respondents representing three groups with limited mobility: people with disabilities, elderly people experiencing difficulties with movement, pregnant women and parents of children under three years of age. With the outbreak of the pandemic in March 2020, the living conditions of many social groups have deteriorated due to the imposed quarantine and forced self-isolation of the population. The deteriorating position of low-mobility groups has become a matter of concern for international organizations and government agencies. The concern is not only about the need to ensure the full participation of people with disabilities and health limitations in the life of society, but also about the identification and elimination of various forms of discrimination of any social group. The survey conducted in Kazan, Tomsk, and Saratov in the spring and summer of 2021 revealed the difficulties and reasons for the concern of the respondents. According to the data obtained, the greatest difficulties and concerns of the respondents are due to the inaccessibility of help and support and the sharp restriction of communication with loved ones. An important criterion for perceiving the consequences of the coronavirus pandemic was the respondents' illness experience. Personal experience determines the level of severity of perception of the coronavirus and the consequences of its spread, as well as the mood for solidarity with others, even unfamiliar people, when they need help. Measures taken by the state and ways of support found by society during the pandemic can contribute to the further development of the inclusive agenda in all spheres of life.

References

1. Vakhrusheva, D., Baryshnikova, A., Vdovenko, I. et al. (2020) *Polozhenie uyazvimykh grupp v period rasprostraneniya infektsii COVID-19: potrebnosti i mery podderzhki* [Vulnerable groups during the spread of COVID-19 infection: needs and support measures]. Moscow: Tsentr perspektivnykh upravlencheskikh resheniy; Obshcherossiyskiy grazhdanskiy forum. [Online] Available from: https://cpur.ru/research_pdf/PP_vulnerable_groups_Covid-19.pdf (Accessed: 29th September 2021).
2. UNO. (n.d.) *Analiticheskaya zapiska: prinyatie mer reagirovaniya na COVID-19 s uchetom potrebnostey invalidov* [Policy Brief: A Disability-Based Response to COVID-19]. [Online] Available from: https://www.un.org/sites/un2.un.org/files/russian_disability_brief.pdf (Accessed: 29th September 2021).
3. UNO. (2020) *Analiticheskaya zapiska: Vliyaniye COVID-19 na pozhiylykh lyudey* [Policy Brief: Impact of COVID-19 on Older People]. May 2020. [Online] Available from: https://www.un.org/sites/un2.un.org/files/old_persons_russian.pdf
4. Department of International and Regional Cooperation. (2020) *Sotsial'nye posledstviya pandemii COVID-19 i inklyuzivnost'* [Social impact of the COVID-19 pandemic and inclusiveness]. [Online] Available from: <https://ach.gov.ru/upload/pdf/Covid-19-inclusion.pdf> (Accessed: 29th September 2021).
5. Atinga, R., Alhassan, N. & Ayawine, A. (2021) Recovered but Constrained: Narratives of Ghanaian COVID-19 Survivors Experiences and Coping Pathways of Stigma, Discrimination, Social Exclusion and Their Sequels. *International Journal of Health Policy and Management*. [Online] Available from: https://www.ijhpm.com/article_4093.html
6. Bekema, J.C. (2021) Pandemics and the punitive regulation of the weak: experiences of COVID-19 survivors from urban poor communities in the Philippines. *Third World Quarterly*. 42(8). pp. 1679–1695.
7. Allenova, O. (2020) “Eti tikhie smerti, soputstvuyushchie kovidu, budut na nashey sovesti”. Pochemu rossiyanе, nuzhdayushchiesya v sotsial'nykh uslugakh na domu, mogut stat' zhertvami pandemii [“These quiet deaths accompanying COVID will be on our conscience.” Why Russians who need social services at home can become victims of a pandemic]. *Kommersant*. 30th May. [Online] Available from: <https://www.kommersant.ru/doc/4357850> (Accessed: 29th September 2021).

ПОЛИТОЛОГИЯ

УДК 323.28

DOI: 10.17223/1998863X/63/15

М.Ю. Бизина

СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ ПОНЯТИЯ «РАДИКАЛИЗМ» С ПРАВОВОЙ И ОБЩЕСТВЕННОЙ ТОЧЕК ЗРЕНИЯ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ И СТРАНАХ ДАЛЬНЕГО ЗАРУБЕЖЬЯ В НОВОЙ ЦИФРОВОЙ РЕАЛЬНОСТИ

Сравнительный анализ понятия «радикализм» указывает на глобальную тенденцию общества трактовать этот термин в таком же негативном ключе, как экстремизм и терроризм. Правовые акты Российской Федерации, Канады, Франции и Малайзии не криминализируют радикализм, однако органы власти, общество и органы правопорядка совместными усилиями проводят стратегию дерадикализации с использованием сети Интернет. Такой цифровой подход обуславливается новой цифровой реальностью, в которой существует современная молодежь.

Ключевые слова: радикализм, радикализация, экстремизм, молодежь, цифровая реальность, Российская Федерация, Канада, Франция, Малайзия

Радикальные идеи и движения в общественно-политическом пространстве существовали с незапамятных времен, однако за последние двадцать пять лет с приходом в жизнь человека современных информационных технологий, а также с усилением экономического неравенства на планете термин «радикализм» стал заметнее в новостных лентах. Усложняет ситуацию повсеместное увлечение молодежью цифровой реальностью при отсутствии жизненного опыта и критического мышления, что делает ее легкоуязвимой перед натиском искаженного радикального информационного потока, усиливающегося в эхо-камере сети Интернет.

Сравнительный анализ понятия «радикализм» в Российской Федерации, Канаде, Франции и Малайзии, проведенный автором статьи, указывает на сходство подходов правовых систем этих государств к решению назревающей проблемы молодежного радикализма и в то же время на различие ее восприятия обществом.

Радикализм рассматривается с точки зрения его взаимодействия с экстремизмом и терроризмом. Исследователи уделяют внимание актуальной проблеме поиска научных определений для радикализма, экстремизма и терроризма, которые могли бы быть приняты как международным сообществом, так и отдельными странами. Для анализа и обсуждения берутся исторические истоки терминов, а также развитие таких понятий, как политический экстремизм [1. Р. 7], радикализм, ведущий к насильственному экстремизму, и его отличие от исторического понятия радикализма [2. Р. 76]. В частности, исследование, проведенное А. Бёттихер в Германии, заостряет внимание научного сообщества на том факте, что термины «радикализм» и «экстремизм»

часто используются неправильно. Радикализм появился в словарях раньше, чем экстремизм, и в 1790-х гг. начал означать тип политического поведения [2. Р. 74]. Исторически радикализм относился к либеральным, продемократическим идеям эмансипации и свободы от монархизма; был ближе к прогрессивному реформизму, нежели чем к утопичному экстремизму, чье увлечение массовым насилием радикалы отрицали. Таким образом, согласно Бёттихер, радикализм мог быть описан как политическая доктрина, применяемая общественно-политическими движениями, борющимися за индивидуальную и коллективную свободу [Ibid. С. 75].

В начале XX в., согласно исследованию А.А. Галкина, крайне правый радикализм проявил себя в Европе, будучи одной из форм революционаристского консерватизма, направленного на разрушение общества во имя первичных и исконных ценностей [3. С. 15]. Популяризация радикализма в обществе произошла вследствие неспособности традиционного консерватизма измениться с приходом технологических и общественных перемен и со временем привела к экстремистским явлениям. В то же время экстремизм, по Бёттихер, под политикой понимал борьбу за превосходство, а не мирную конкуренцию партий, был не толерантен и бескомпромиссен, истреблял многосторонность и прославлял насилие как инструмент разрешения конфликтов [2. Р. 74]. Основной проблемой для исследователя явился тот факт, что связь между радикализмом и экстремизмом была гораздо слабее, чем связь между экстремизмом и терроризмом, но в настоящее время радикализация видится обществу как путь к терроризму, и эта тенденция опасна, ибо может толкать продемократических радикалов в объятия антидемократических экстремистов [Ibid. Р. 76].

В свою очередь, взаимоотношения между радикализмом и радикализацией были рассмотрены исследователями как обоюдонаправленные. В частности, Д.И. Аполосов предложил рассматривать не только влияние идеологической установки (радикализма) на процесс ее реализации (радикализацию), но и влияние радикализации на формирование идеологии радикализма [4. С. 18]. Такие исследователи, как Т. Стивенс, П. Нейман и А.Ю. Карпова, определяют радикализацию как переход от ненасильственных форм выражения мнения к насильственным действиям и предлагают четко разграничивать радикализацию мнений и радикализацию действий [5, 6]. Для них процесс радикализации не является линейным, он зависит от внешних и внутренних факторов и включает в себя несколько составляющих: повод для недовольства, идеологию и мобилизацию [6. С. 75]. Радикализация рассматривается учеными в социальном контексте, и, например, Р. Борум полагает, что она является набором различных процессов, для изучения которых можно использовать такие теории, как теория социального движения, теория конверсии, и социальную психологию с фокусировкой на внутригрупповом конфликте и динамике [7. Р. 15]. В то же время для изучения процесса радикализации в сетевых сообществах наиболее перспективным исследователи считают междисциплинарный подход [8. С. 177], поскольку он дает возможность создания высокоточных программных алгоритмов, основываясь на интеграции знаний социологов, лингвистов и психологов. Междисциплинарный анализ уже использовался при изучении онлайн-взаимодействия политически активных акторов и, как показало исследование Г.В. Градосель-

ской [9. С. 44], наглядно продемонстрировал отсутствие диалога и возможности поиска общих базовых позиций. Такое состояние среды общения лишь усиливает возможность деструктивного использования радикальных идей для радикальных действий в сетевых сообществах, где проводит большую часть своего времени современная молодежь.

Данное исследование, опираясь на две теоретико-методологические работы (докторскую диссертацию и аналитическую записку) Бёттихер [2, 10], а именно метод концепт-анализа при изучении эволюции терминов «радикализм» и «экстремизм» в немецком языке, использует компаративный подход для анализа и синтеза определений радикализма в Российской Федерации и странах дальнего зарубежья. Изначально нами были исследованы русский, канадский, французский и малазийский толковые словари для сравнения определений радикализма. Далее были исследованы уголовно-процессуальные кодексы Российской Федерации, Канады, Франции и Малайзии на предмет существования правового определения термина «радикализм» и наличия уголовной или административной ответственности за участие в процессе радикализации. Автором были выполнены поиски по ключевым словам и их вариациям (радикал и радикализм) на государственных языках рассматриваемых стран в текстах законов и актов на официальных вебсайтах министерств юстиции Российской Федерации, Канады и Франции и на сайте антикоррупционной комиссии Малайзии. Кроме этого, были исследованы определения радикализма, встречающиеся на сайтах организаций, занимающихся борьбой с радикализацией молодежи в вышеуказанных странах.

Было определено, что термин «радикализм» в толковых словарях четырех рассматриваемых стран имеет схожее описание и отсутствует в уголовно-процессуальных кодексах. При этом производный термин «радикализация» (процесс вовлечения в радикализм) присутствует в правовых актах вышеуказанных стран как сопутствующий при описании террористических актов или насильственного экстремизма, но не имеющий собственной статьи или уголовного / административного наказания. Наиболее заметна была разница в определениях производного термина «радикализация» на общественно доступных сайтах организаций, занимающихся дерадикализацией молодежи в вышеупомянутых странах. В Российской Федерации термин «радикализация» имел наименее негативное описание. В Канаде акцент делался на различии между радикализацией как таковой и радикализацией, ведущей к насилию. Во Франции в описании термина «радикализация» изначально указывались использование насилия и прямая связь с экстремизмом, в то время как в Малайзии выдвигалась лишь возможность последующего экстремизма и терроризма радикализированными гражданами. Таблица иллюстрирует матрицу сходства и различий трактовки термина «радикализм» в четырех исследуемых странах.

Правовые акты Российской Федерации, Канады, Франции и Малайзии не имеют определений понятия «радикализм» [11–14], ибо сам по себе радикализм не является уголовно наказуемым преступлением на их территориях. Согласно ОБСЕ, «радикализация не представляет собой угрозу обществу, если она не связана с насилием или другими противозаконными действиями (такими, как, например, разжигание ненависти), определенными в законода-

тельстве в соответствии с международными стандартами в области прав человека» [15. С. 41].

Описание термина «радикализм»

Источник	Страна			
	Российская Федерация	Канада	Франция	Малайзия
Толковый словарь	Использование радикальных методов при решении каких-либо вопросов, решительный образ действий	Пропаганда фундаментальных (политических) перемен	Непримиримость и жесткость группы и ее действий, в частности, в политических или социальных вопросах	Радикальная идеология в политике, или идеология, которая желает совершить резкие перемены в политике или общественной жизни
Уголовные кодексы и акты	Отсутствует	Отсутствует	Отсутствует	Отсутствует
Организации по борьбе с радикализацией	Приверженность социально-политическим идеям, а также философским и религиозным течениям, предлагающим решительное изменение актуальных социальных, политических институтов и мировоззренческих норм путем разрыва с существующей традицией	Приверженность человека или группы крайним позициям или идеологиям, которые противостоят существующему положению вещей и бросают вызов основным идеям	Приверженность человека или группы насильственной форме действия, напрямую связанной с экстремистской идеологией, с политическим, общественным или религиозным содержанием, которая бросает вызов существующему порядку на политическом, общественном или культурном уровне	Приверженность человека или группы к такому образу мышления, который при подходящих обстоятельствах может увеличить риск их участия в насильственном экстремизме или терроризме

Русский современный словарь иностранных слов описывает радикализм как «политическое движение, сторонники которого подвергают критике существующую систему и настаивают на необходимости радикальных преобразований и реформ; [или] использование радикальных методов при решении каких-либо вопросов, решительный образ действий» [16. С. 506]. Ему вторит канадский словарь Коллинз, дающий следующее определение термину «радикализм» – существительное, образованное от «радикал» – человек, пропагандирующий фундаментальные (политические) перемены [17. С. 491]. Французский словарь Ларусс использует для описания радикализма исходный глагол «радикализировать», который означает «сделать группу и ее действия непримиримыми, жесткими, в частности, в политических или социальных вопросах» [18]. В малазийском же языке слово «радикализм» обозначает радикальную идеологию в политике, или идеологию, которая желает совершить резкие перемены в политике или общественной жизни [19].

Все вышеуказанные определения не используют в своей лингвистической конструкции слова, связанные с насилием, поэтому радикализм не встречается в уголовно-процессуальных кодексах Российской Федерации, Канады, Франции и Малайзии. Однако в связи со все возрастающим количеством молодых людей, переходящих из рядов радикализированной молодежи в ряды экстремистов и террористов, поощряющих использование насилия для достижения своих радикальных целей, органы власти вышеупомянутых

стран, общественные организации и органы правопорядка были вынуждены найти альтернативные пути борьбы с радикализацией.

В Российской Федерации уже восемь лет работает Национальный центр информационного противодействия терроризму и экстремизму в образовательной среде и сети Интернет [20], а в Санкт-Петербурге с 1995 г. работает городской центр социальных программ и профилактики асоциальных явлений среди молодежи «Контакт». В методическом пособии «Контакта» радикализм описывается как приверженность социально-политическим идеям, а также философским и религиозным течениям, предлагающим решительное изменение актуальных социальных, политических институтов и мировоззренческих норм путем разрыва с существующей традицией [21. С. 19].

В Канаде также существуют два центра дерадикализации молодежи: программа «Перенаправление» в Калгари, и «Центр предотвращения радикализации, ведущей к насилию» в Монреале. Их веб-сайты описывают радикализацию так же, подобно сайту Министерства безопасности Канады, как процесс, с помощью которого человек или группа людей постепенно занимают крайние позиции, или идеологии, которые противоречат существующему положению вещей и бросают вызов основным идеям [22, 23]. Однако в то же время эти организации говорят и о другом термине – «радикализации, ведущей к насилию». Это процесс, с помощью которого отдельные лица и группы принимают экстремистские системы убеждений, включая готовность использовать или поощрять насилие с целью продвижения идеологии, политического проекта или идеи как средство социальных преобразований [24]. Здесь описывается слияние идеологии и насильственных действий.

Канадским организациям было важно различать насильственную и ненасильственную радикализацию. По их мнению, люди, твердо придерживающиеся своих убеждений, могут занимать радикальные позиции, которые не противоречат демократическим нормам и ценностям и, соответственно, такая радикализация не будет считаться в Канаде насильственной. Кроме того, ненасильственные радикалы, согласно канадским центрам дерадикализации, могут играть положительную роль в обществе и в политическом контексте, если обратить внимание на такие исторические личности, как Мартин Лютер Кинг, Ганди и Нельсон Мандела [24].

Необходимо заметить, что во Франции ситуация с общественным мнением и как следствие с терминологией обстоит иначе. Здесь в 2020 г. был создан, а в 2021 г. утвержден дополнительный правовой акт № 4078, «закон Пати» [25], описывающий и осуждающий подстрекательство к использованию насилия для достижения радикальных целей. На территории республики существовали две программы дерадикализации в пенитенциарной системе RIVE и PAIRS (одна из них до сих пор работает). Согласно исследованию М. Хекера, дерадикализация во Франции имеет плохую репутацию [26. Р. 5], и эти программы проводили свою работу с радикализированной молодежью за закрытыми дверями, так как во Франции радикализацию видят как дополнительную концепцию терроризма. На официальном веб-сайте по противодействию «джихадизму» радикализация описывается как процесс, при котором человек или группа принимают насильственную форму действия, напрямую связанную с экстремистской идеологией, с политическим, общественным или религиозным содержанием, которая бросает вызов существующим

ющему порядку на политическом, общественном или культурном уровне [27].

В свою очередь, Малайзия, столкнувшись в 2013 г. с проблемой воинов «Исламского государства» (организация запрещена в Российской Федерации), разработала стратегию дерадикализации – сотрудничество правительства, общественных организаций и частных лиц для препятствия экстремистским и радикальным актам [28. Р. 2] включая два центра, целью которых является распространение контрнарратива идеологии ИГ в сети Интернет [29. Р. 9]. При разработке программы дерадикализации Хамиди, министр внутренних дел Малайзии в 2016 г., определил радикализацию как процесс, в ходе которого человек или группа приходят к такому образу мышления, который при подходящих обстоятельствах может увеличить риск их участия в насильственном экстремизме или терроризме [28. Р. 10].

Таким образом, из компаративного анализа становится видно, что даже если правовые нормы в четырех рассмотренных странах едины в отсутствие уголовной или административной ответственности за радикализм, общественное мнение имеет некоторую разницу в оценке негативного подтекста радикализма. Вероятное объяснение этого феномена может заключаться в разнящемся опыте резонансных столкновений с последствиями радикализации молодежи. Например, Франция с 2015 г. пережила несколько крупных терактов, совершенных радикализированными индивидуумами (атака на журнал Шарли Эбдо, концертный зал Батаклан, стадион Стад де Франс, убийство Самюэля Пати), которые получили широкую мировую огласку. Результатом стала разработка закона № 4078, описанного выше.

Несмотря на разницу в оценке степени негативного воздействия радикализма, во всех четырех странах произошла смена парадигмы в общественном сознании граждан. Радикализм, ранее рассматриваемый в той же плоскости, как и анархизм, теперь расположен по нравственной шкале ближе к экстремизму и терроризму. Бесспорным способствующим фактором такой перемены явилась новая цифровая реальность. Новости, а также слухи и мнения, формирующие общественное сознание, разлетаются по земному шару в разы быстрее, чем до повсеместного использования сети Интернет, смартфонов и социальных медиа. Печатные издания, телевидение и радио потеряли привлекательность для молодежи, которая предпочитает получать информацию в режиме бесконечного потока новостной ленты на экране телефона. Тот факт, что пространство сети Интернет развивается быстрее, чем законодательная база, не остается незамеченным для пропагандистов насильственного экстремизма и терроризма. Молодые люди в такой ситуации легко становятся жертвами убедительных речей и постановочных видеороликов, принимая радикальные идеи и насильственные пути их выполнения, что все чаще заставляет общество порицательно относиться к радикализму.

Литература

1. Midlarsky M. *Origins of Political Extremism Mass Violence in the Twentieth Century and Beyond*. New York : Cambridge University Press, 2012. 430 p.
2. Bötticher A. Towards Academic Consensus Definitions of Radicalism and Extremism // *Perspectives on Terrorism*. 2017. Vol. 11, № 4. P. 73–77.
3. Галкин А.А. Фашизм как общественный недуг // *Берегиня*. 777. Сова: Общество. Политика. Экономика. 2014. № 4/23. С. 11–21.

4. Аполосов Д.И. Радикализация как социально-политическое явление // Национальная безопасность и стратегическое планирование. 2018. № 3/23. С. 16–21.
5. Stevens T., Neuman P. Countering Online Radicalisation: A Strategy for Action. London : International Centre for the Study of Radicalisation and Political Violence, 2009. 58 p.
6. Карпова А.Ю. Механизмы индивидуальной радикализации в процессе самоорганизации молодежи // Молодежь и молодежная политика: новые смыслы и практики / под ред. С.В. Рязанцева, Т.К. Ростовской. М. : Экон-Информ, 2019. С. 69–81.
7. Borum R. Radicalization into violent extremism I: A review of social science theories // Journal of Strategic Security. 2011. Vol. 4, № 4. P. 7–36.
8. Карпова А.Ю., Савельев А.О., Вильнин А.Д., Чайковский Д.В. Изучение процесса онлайн-радикализации молодежи в социальных медиа (междисциплинарный подход) // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2020. № 3. С. 159–181.
9. Градосельская Г.В. Коммуникативные процессы в сетевой среде: междисциплинарный анализ политически активных сообществ в Фейсбуке // Вопросы психолингвистики. 2015. № 26. С. 44–57.
10. Bötticher A. Radikalismus und Extremismus: Konzeptualisierung und Differenzierung zweierumstrittener Begriffe in der deutschen Diskussion: thesis of Doctor of Philosophy. Leiden, Germany, 2017. URL: <https://openaccess.leidenuniv.nl/bitstream/handle/1887/49257/FullText.pdf?sequence=1>. (accessed: 17.06.2021).
11. Нормативные правовые акты в Российской Федерации / Министерство юстиции Российской Федерации. URL: <http://pravo.minjust.ru/> (дата обращения: 15.06.2021).
12. Droit national en vigueur // République Française. URL: <https://www.legifrance.gouv.fr/contenu/menu/droit-national-en-vigueur> (accessed: 14.04.2021).
13. Justice Laws Website // Government of Canada URL: <https://laws-lois.justice.gc.ca/Search/Search.aspx> (accessed: 14.04.2021).
14. Kanun Keseksaan // Malaysian Anti-Corruption Commission. URL: <https://www.sprm.gov.my/admin/files/sprm/assets/pdf/penguatkuasaan/kanun-keseksaan-bm.pdf> (accessed: 15.06.2021).
15. ОБСЕ. Предупреждение терроризма и борьба с насильственным экстремизмом и радикализацией, ведущими к терроризму: подход, основанный на взаимодействии полиции с населением. Вена : ОБСЕ, 2014. 238 с.
16. Современный словарь иностранных слов. 4-е изд. М. : Русский язык, 2001. 742 с.
17. Collins Canadian Dictionary. 2nd edition / ed. by R. Pontisso, L. Gilmour, R. Groves et al. Toronto : HarperCollins Publishers, 2016. 695 p.
18. Larousse Dictionnaire de Français. URL: <https://www.larousse.fr/dictionnaires/francais/radicaliser/65993> (accessed: 13.04.2021).
19. Kamus Bahasa Melayu. URL: <https://prpm.dbp.gov.my/cari1?keyword=radikalisme> (accessed: 13.04.2021).
20. Национальный центр информационного противодействия терроризму и экстремизму в образовательной среде и сети Интернет. URL: <https://ncpti.su> (дата обращения: 14.04.2021).
21. Экстремизм и радикализм – от понятий к пониманию: методическое пособие / авторы-составители П.Ю. Горюнов, И.В. Гребенчиков ; Городской центр социальных программ и профилактики асоциальных явлений среди молодежи «КОНТАКТ». СПб. : Амирит, 2016. 138 с.
22. National Strategy on Countering Radicalization to Violence // Public Safety Canada. URL: <https://www.publicsafety.gc.ca/cnt/rsres/pblctns/ntnl-strtg-cntrng-rdclztn-vlnc/index-en.aspx> (accessed: 19.06.2021).
23. Recognizing Radicalization // Calgary Police Service ReDirect. URL: <http://redirect.cpsevents.ca/recognizing-radicalization/> (accessed: 19.06.2021).
24. Centre for the Prevention of Radicalization Leading to Violence. URL: <https://info-radical.org/en/definition-2/> (accessed: 18.06.2021).
25. Projet de loi n° 4078, modifié par le Sénat, confortant le respect des principes de la République et de lutte contre le séparatisme // Assemblée nationale. URL: https://www.assemblee-nationale.fr/dyn/15/textes/115b4078_projet-loi (accessed: 15.06.2021).
26. Hecker M. Once a Jihadist always a Jihadist? A Deradicalization Program seen from the Inside // Focus stratégique. 2021. № 102 bis. 80 p.
27. Stop-jihadisme.gouv.fr. URL: <http://www.stop-djihadisme.gouv.fr/radicalisation/explications-du-phenomene/radicalisation-quest-ce-que-cest> (accessed: 19.06.2021).
28. Hamidi A.Z. Malaysia's policy on counter terrorism and deradicalization strategy // Journal of Public Security and Safety. 2016. Vol. 6, № 2. P. 1–19.
29. Bin Jani M.H. Countering Violent Extremism in Malaysia: Past Experience and Future Prospects // Counter Terrorist Trends and Analyses. 2017. Vol. 9, № 6. P. 6–10.

Margarita Yu. Bizina, Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation).

E-mail: rita_biz@mail.ru

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya – Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science. 2021. 63. pp. 153–161.

DOI: 10.17223/1998863X/63/15

COMPARATIVE ANALYSIS OF THE CONCEPT “RADICALISM” FROM A LEGAL AND SOCIAL PERSPECTIVE IN THE RUSSIAN FEDERATION AND NON-CIS COUNTRIES IN THE NEW DIGITAL REALITY

Keywords: radicalism; radicalization; extremism; youth; digital reality; Russian Federation; Canada; France; Malaysia

The article examines the concept of radicalism from a legal and social point of view, and also compares the strategies of deradicalization in the Russian Federation and non-CIS countries under the circumstances of the digital reality affecting youth's communication. Based on the method of concept analysis, the author uses a comparative approach to analyze and synthesize definitions of the term “radicalism” in the legal acts of the Russian Federation, Canada, France, and Malaysia, dictionaries of these countries, and manuals of organizations combating radicalization of youth. She establishes the similarity of the descriptions of the term “radicalism” in the dictionaries and its absence in the legal acts of the countries. The derivative term “radicalization” (the process of involvement in radicalism) is present in the legal acts of the countries as an accompanying one when describing terrorist acts or violent extremism, but it neither is described in a separate article nor has its own criminal or administrative penalty. The author reveals the difference in the definitions of the term “radicalization” on the publicly accessible websites of organizations dealing with deradicalization of youth in the above-mentioned countries. In the Russian Federation, the term “radicalization” has the least negative description. In Canada, the emphasis is on the distinction between radicalization as such and radicalization leading to violence. In France, the description of the term “radicalization” initially indicates the use of violence and a direct connection with extremism, while in Malaysia only the possibility of subsequent extremism and terrorism by radicalized citizens is mentioned. The difference in public opinion revealed by this study may lie in the varying experience of resonant clashes with the consequences of youth radicalization. Despite the difference in assessing the degree of the negative impact of radicalism, in all four countries a paradigm shift can be detected in their citizens' public consciousness. Radicalism, previously viewed on the same level as anarchism, is now located closer to extremism and terrorism on the moral scale. The new digital reality is a contributing factor to such a change. The Internet is evolving faster than the legal framework for its use, and this fact does not go unnoticed by propagandists of violent extremism and terrorism. Governments, civil society organizations, and law enforcement agencies in the four surveyed countries use different approaches to develop a deradicalization strategy on the Internet, and could improve their results by sharing their ideas and experiences.

References

1. Midlarsky, M. (2012) *Origins of Political Extremism Mass Violence in the Twentieth Century and Beyond*. New York: Cambridge University Press.
2. Bötticher, A. (2017) Towards Academic Consensus Definitions of Radicalism and Extremism. *Perspectives on Terrorism*. 11(4). pp. 73–77.
3. Galkin, A.A. (2014) Fashizm kak obshchestvennyy nedug [Fascism as a social disease]. *Bereginya*. 777. Sova: Obshchestvo. Politika. Ekonomika. 4/23. pp. 11–21.
4. Apolosov, D.I. (2018) Radicalisation as socio-political phenomenon. *Natsional'naya bezopasnost' i strategicheskoe planirovanie*. 3(23). pp. 16–21. (In Russian).
5. Stevens, T. & Neuman, P. (2009) *Countering Online Radicalisation: A Strategy for Action*. London: In-ternational Centre for the Study of Radicalisation and Political Violence.
6. Karpova, A.Yu. (2019) Mekhanizmy individual'noy radikalizatsii v protsesse samoorganizatsii molodezhi [Mechanisms of individual radicalization in the process of youth self-organization]. In: Ryazantsev, S.V. & Rostovskaya, T.K. (eds) *Molodezh' i molodezhnaya politika: novye smysly i praktiki* [Youth and youth policy: new meanings and practices]. Moscow: Ekon-Inform. pp. 69–81.
7. Borum, R. (2011) Radicalization into violent extremism I: A review of social science theories. *Journal of Strategic Security*. 4(4). pp. 7–36. DOI: 10.5038/1944-0472.4.4.1
8. Karpova, A.Yu., Saveliev, A.O., Vilnin, A.D. & Chaykovskiy, D.V. (2020) Izuchenie protsessov onlayn-radikalizatsii molodezhi v sotsial'nykh media (mezhdistsiplinarnyy podkhod) [Studying the process of online radicalization of youth in social media (an interdisciplinary approach)]. *Monitoring obshchestvennogo mneniya: ekonomicheskie i sotsial'nye peremeny*. 3. pp. 159–181.

9. Gradoselskaya, G.V. (2015) Communicative Processes in the Network Environment: the Interdisciplinary Analysis of Politically Active Communities on Facebook. *Voprosy psikholingvistiki – Journal of Psycholinguistics*. 26. pp. 44–57. (In Russian).
10. Bötticher, A. (2017) *Radikalismus und Extremismus: Konzeptualisierung und Differenzierung zweier umstrittener Begriffe in der deutschen Diskussion*. Thesis of Doctor of Philosophy. Leiden, Germany. [Online] Available from: <https://openaccess.leidenuniv.nl/bitstream/handle/1887/49257/FullText.pdf?sequence=1>. (Accessed: 17th June 2021).
11. Ministry of Justice of the Russian Federation. (n.d.) *Normativnye pravovye akty v Rossiyskoy Federatsii* [Normative legal acts in the Russian Federation]. [Online] Available from: <http://pravo.minjust.ru/> (Accessed: 15th June 2021).
12. France. (n.d.) *Droit national en vigueur*. [Online] Available from: <https://www.legifrance.gouv.fr/con-tenu/menu/droit-national-en-vigueur> (Accessed: 14th April 2021).
13. Government of Canada. (n.d.) *Justice Laws Website*. [Online] Available from: <https://laws-lois.justice.gc.ca/Se-arch/Search.aspx> (Accessed: 14th April 2021).
14. Malaysian Anti-Corruption Commission. (n.d.) *Kanun Kesenakan*. [Online] Available from: <https://www.sprm.gov.my/admin/files/sprm/assets/pdf/penguatkuasaan/kanun-kesenakan-bm.pdf> (Accessed: 15th June 2021).
15. OSCE. (2014) *Preduprezhdenie terrorizma i bor'ba s nasil'stvennym ekstremizmom i radikalizatsiey, vedushchimi k terrorizmu: podkhod, osnovanny na vzaimodeystvii polititsii s naseleniem* [Preventing Terrorism and Combating Violent Extremism and Radiation that Lead to Terrorism: A Community Policing Approach]. Vienna: OSCE.
16. Bulyko, A.N. & Artemieva, E.I. (2001) *Sovremennyy slovar' inostrannykh slov* [Modern dictionary of foreign words]. 4th ed. Moscow: Russkiy yazyk.
17. Pontisso, R., Gilmour, L., Groves, R. et al. (eds) *Collins Canadian Dictionary*. 2nd ed. Toronto: HarperCollins Publishers.
18. France. (n.d.) *Larousse Dictionnaire de Français*. [Online] Available from: <https://www.larousse.fr/dictionnaires/fran-cais/radicaliser/65993> (Accessed: 13th April 2021).
19. Malaysia. (n.d.) *Kamus Bahasa Melayu*. [Online] Available from: <https://prpm.dbp.gov.my/cari1?keyword=radikalisme> (Accessed: 13th April 2021).
20. National Center for Information Counteraction to Terrorism and Extremism in the Educational Environment and the Internet. [Online] Available from: <https://ncpti.su> (Accessed: 14th April 2021).
21. Goryunov, P.Yu. & Grebenshchikov, I.V. (2016) *Ekstremizm i radikalizm – ot ponyatiy k ponimaniyu* [Extremism and Radicalism – from Concepts to Understanding]. St. Petersburg: Amirit.
22. Public Safety Canada. (n.d.) *National Strategy on Countering Radicalization to Violence*. [Online] Available from: <https://www.publicsafety.gc.ca/cnt/rsrsc/pblctns/ntnl-strtg-cntrng-rdclztn-vlnc/index-en.aspx> (Accessed: 19th June 2021).
23. Calgary Police Service ReDirect. (n.d.) *Recognizing Radicalization*. [Online] Available from: <http://redirect.cpse-vents.ca/recognizing-radicalization/> (Accessed: 19th June 2021).
24. Inforadical.org. (n.d.) *Centre for the Prevention of Radicalization Leading to Violence*. [Online] Available from: <https://info-radical.org/en/definition-2/> (Accessed: 18th June 2021).
25. France. Assemblée nationale. (n.d.) *Projet de loi n° 4078, modifié par le Sénat, confortant le respect des principes de la République et de lutte contre le séparatisme*. [Online] Available from: https://www.assemblee-nationale.fr/dyn/15/textes/l15b4078_projet-loi (Accessed: 15th June 2021).
26. Hecker, M. (2021) Once a Jihadist always a Jihadist? A Deradicalization Program seen from the Inside. *Focus stratégique*. 102 bis.
27. France. (n.d.) *Stop-jihadisme.gouv.fr*. [Online] Available from: <http://www.stop-djihadisme.gouv.fr/radicalisation/explications-du-phenomene/radicalisation-quest-ce-que-cest> (Accessed: 19th June 2021).
28. Hamidi, A.Z. (2016) Malaysia's policy on counter terrorism and deradicalization strategy. *Journal of Public Security and Safety*. 6(2). pp. 1–19.
29. Bin Jani, M.H. (2017) Countering Violent Extremism in Malaysia: Past Experience and Future Prospects. *Counter Terrorist Trends and Analyses*. 9(6). pp. 6–10.

УДК 323.2

DOI: 10.17223/1998863X/63/16

А.П. Воробьев, М.В. Константинова, М.С. Еременко

ПОЛИТИЧЕСКАЯ КУЛЬТУРА МОЛОДЕЖИ: ГРАЖДАНСТВЕННОСТЬ В ПОЛИТИЧЕСКОМ СОЗНАНИИ И ПОВЕДЕНИИ

В данной статье представлены результаты научного исследования по изучению политической культуры молодежи в современной России на примере города-миллионника Красноярск. Политическая культура определяется как категория, включающая в себя ориентации и поведение. Гражданственность рассматривается как элемент политической культуры, которая, в свою очередь, является ключевым моментом в постижении политической жизни общества.

Ключевые слова: политическая культура, гражданственность, политическое поведение, политическое сознание, молодежь

Введение

Исследование политической культуры современной молодежи с точки зрения сформированности гражданского (сознательного и активистского) поведения обусловлено прямой взаимосвязью проблем ее социализации с гармоничным развитием общества, с его дальнейшими социально-экономическими и политическими перспективами. В общественно-политической сфере России сегодня одновременно сосуществуют две тенденции – с одной стороны, снижение у молодежи интереса к институционализированным формам активности, популяризация в ее среде on-line политической деятельности, поиск ее новых форм, с другой – появление контингента молодых людей, устойчиво демонстрирующих протестное политическое поведение.

При этом одним из условий успешного развития общества является наличие в нем людей, обладающих развитым гражданским сознанием, под которым понимается способность личности преследовать, наряду со своими интересами, интересы социума, активная жизненная позиция, желание и умение отстаивать принципы правового государства.

В представленном исследовании мы определяем гражданственность как компонент политической культуры, которая, в свою очередь, является ключевым моментом в постижении политической жизни общества. Наличие профессиональных знаний об особенностях политической культуры современной молодежи с точки зрения сформированности гражданского сознания необходимо для понимания дальнейших общественно-политических и социально-экономических перспектив российского общества.

В научный оборот категория «политическая культура» была введена американскими исследователями Г. Алмондом и С. Вербой в 1950-е гг. Это был период поиска средств эффективной модернизации общества, ученые пытались понять, почему одни и те же политические институты в разных системах работают по-разному. Научный дискурс на эту тему дал жизнь многим важным для политической науки исследованиям, таким как «Граждан-

ская культура: политические установки и демократия в пяти странах» (Г. Алмонд, С. Верба) [1], «Чтобы демократия сработала: гражданские традиции в современной Италии» (Р. Патнэм) [2].

Общество в России после серьезного всплеска активности в 80-х – начала 90-х гг. в целом отстраняется от политики, и все исследования показывают снижающийся уровень политической активности граждан. Самым распространенным, и для многих единственным, способом проявления своей политической позиции стали выборы [3]. Однако эта форма политического участия имеет свои возрастные характеристики – молодежь выборы воспринимаются как формальность и чаще игнорируются, как и многие другие традиционные формы политического участия, но подобный факт не означает отсутствие у нее интереса к политике. За последние несколько лет молодежь в России прошла путь от деполитизированной социальной группы к формированию своей особой политической субъектности.

Изучение политической культуры и политического поведения молодежи в отечественной социологической и политической науках характеризуется наличием множества подходов, широтой и дифференцированностью анализа общих и частных проблем поведения молодежи как особой социально-демографической группы. Отечественные ученые проводят многочисленные исследования политической культуры [4, 5], политического сознания и поведения [6–8], гражданственности молодежи [9–11]. По мнению ученых, социально-политическое сознание сибирской молодежи формировалось под воздействием многих факторов, среди которых присутствовали, во-первых, социокультурные и идеологические нормы, а также исторически обусловленные ценностные установки, усваиваемые в процессе социализации; а во-вторых, условия, характерные для самого процесса социализации, отражающие особенности регионального социума [12].

Эмпирическая база исследования

Исследователи методом интервью и опроса изучили особенности политического сознания и поведения у молодых людей Красноярск в возрастной категории от 14 до 30 лет. В опросе приняли участие 1 000 респондентов в возрасте от 14 до 30 лет, проживающих в г. Красноярске. Для получения наиболее точных результатов была использована квотная выборка по полу, возрасту и району проживания. Опрос был проведен в феврале–мае 2019 г. Несмотря на ограничение возможности участия несовершеннолетних в некоторых видах политической деятельности (например, запрет на участие в выборах), необходимо учитывать данную возрастную группу (14–17 лет) как участника общественно-политической жизни в связи с ростом ее активности в определенных формах политической деятельности, таких как протестные митинги.

В отдельную категорию была выделена группа молодых общественных и политических активистов – представителей (руководителей) общественно-политических организаций с целью выявления мотивов их участия в политике, а также определения влияния опыта общественной активности на их политическую деятельность. Интервью было проведено в феврале 2020 г.

Политическое сознание и поведение молодежи

Для понимания сущности политической культуры, ее основных структурных элементов в политической науке сложилось несколько подходов. Один из них – ориентационный, который рассматривает культуру как систему ориентаций (установок, склонностей). С его позиции содержание политической культуры определяется как совокупность политических ориентаций по отношению к политической системе и ее элементам, а также к определению своей роли в политике. Политические ориентации в содержании политической культуры являются субъективно-психическими образованиями и выступают в виде знаний и убеждений, чувств и ощущений, суждений и мнений относительно политической системы. Политолог Уолтер Розенбаум предлагает при изучении политической культуры определять ориентации, во-первых, относительно институтов государственного управления, во-вторых, относительно «других» в политической системе (готовность сотрудничать с другими) и, в-третьих, относительно своей собственной политической деятельности [13]. Последний компонент подразумевал изучение того, как субъект определяет необходимость гражданской активности в обществе, имеет ли опыт общественно-политической деятельности. Тем самым ориентационный подход, с помощью которого исследовался феномен политической культуры, в данном случае дополнен важным поведенческим компонентом – исследованием политического поведения. Политическая культура стала определяться как категория, включающая в себя как ориентации (чувства, ощущения, знания, мнения, установки), так и поведение (действие или бездействие).

В настоящей статье мы также, при определении гражданственности в политической культуре молодежи, сосредоточимся на изучении двух ее компонентов – сознании и поведении.

При проведении опроса, исследуя особенности политического сознания респондентов, мы попросили отметить важные именно для них общественно-политические ценности (вопрос предполагал возможность выбора до 3 таких ценностей). Анализируя полученный результат с точки зрения понятия *гражданственности*, мы выявили, что на первом месте стоит ценность *социальной справедливости* (58,4%). Ее важность опрашиваемые осознают по мере взросления – 54,9% (14–17), 62,1% (18–24) и 56% (25–29). Интересно, что социальная справедливость чуть более важна для женщин (60%), чем для мужчин (56,6%) (табл. 1).

Таблица 1. Распределение ответов респондентов на вопрос «Отметьте важные для Вас общественно-политические ценности?», %

Ответ	Мужчины	Женщины	Всего
Индивидуальная свобода	62,1	54,8	58,3
Социальная справедливость	56,6	60,0	58,4
Традиции, преемственность (в социальной и политической сферах)	17,4	17,5	17,5
Гласность	28,1	26,7	27,4
Многopатийность	16,1	16,3	16,2
Общественная солидарность	11,5	13,3	12,4
Законность	35,8	40,8	38,4
Демократия	23,3	26,9	25,2

Отмечая важность существования в обществе социальной справедливости, молодые люди могли руководствоваться своими индивидуалистическими потребностями, например, как «социальная справедливость в отношении именно меня». В определенной степени эту позицию демонстрирует результат ответа по ценности общественная солидарность (общность интересов, готовность поступиться своими потребностями ради потребностей социума). Эту ценность как значимую отметило наименьшее количество опрошенных (12,4%).

Ценность *индивидуальной свободы* находится на втором месте по популярности, отставая от лидирующей всего на сотую долю процента (58,3%). Представленный результат говорит о том, что, несмотря на возраст, молодые люди достаточно серьезно и критично оценивают современную общественно-политическую обстановку, демонстрируют понимание социальных проблем в собственной стране и мире.

Еще одной важной ценностью в понятии гражданственности выступает *законность* (уважение к закону, законопослушность, знание своих прав и обязанностей). В ходе опроса респонденты показали ее высокую значимость в их личной жизни (38,4%). Наибольшее уважение к закону продемонстрировала возрастная группа от 18 до 24 лет (46,7%), на втором месте группа от 14 до 17 лет (4,6%), и на последнем самая старшая группа молодежи – от 25 до 29 лет (32,1%). Можно предположить, что, с одной стороны, перед нами в определенной степени «новое» поколение, желающее знать и уважать закон. С другой – это может быть связано с периодом жизни большинства респондентов из двух лидирующих групп – это время их учебы, где изучению тем прав и свобод, законодательства уделяется достаточное количество времени как в школе, так и в средних и высших учебных заведениях. Молодежь, скорее, понимает важность принципа законности в теории, а не на практике.

Распределение ответов респондентов в соответствии с видом деятельности продемонстрировало большую склонность учащейся молодежи к ценностям *социальной справедливости* и *законности* (61,9 и 43% соответственно). Сolidарность в обществе больше ценят те, кто в данный момент не учится и не работает.

Нас интересовал вопрос, побуждает ли общественный, гражданский долг современных молодых людей заниматься политикой? В итоге чувство гражданского долга как мотив участия в политике стал самым популярным ответом у опрошенных респондентов (32,6%). При гендерном сравнении чуть больше это чувство руководит в политике женщинами (34,2%), меньше – мужчинами (30,8%). Не менее значимым чувством при определении важности политического участия для молодых выступает заинтересованность в развитии ситуации в стране (этот ответ выбрали 27,4% респондентов). Оба представленных варианта ответа говорят о гражданской сознательности, демонстрируют общественные ориентиры в политической деятельности. Суммируя данные, для порядка 60% опрошенных ребят подобные ориентиры являются доминирующими (рис. 1).

В возрастном отношении чем старше респондент, тем чаще общественные ценности руководят им в политике – более 40% опрошенных в возрастной категории 25–29 лет ответили, что участвуют в политике, так как считают это своим гражданским долгом. Для сравнения, самая молодая возрастная категория опрошенных – 14–17 лет – участвует в политике потому, что им не

безразлична ситуация в стране (21,9%), вторым по популярности ответом является участие «за компанию» с друзьями (12,5%).

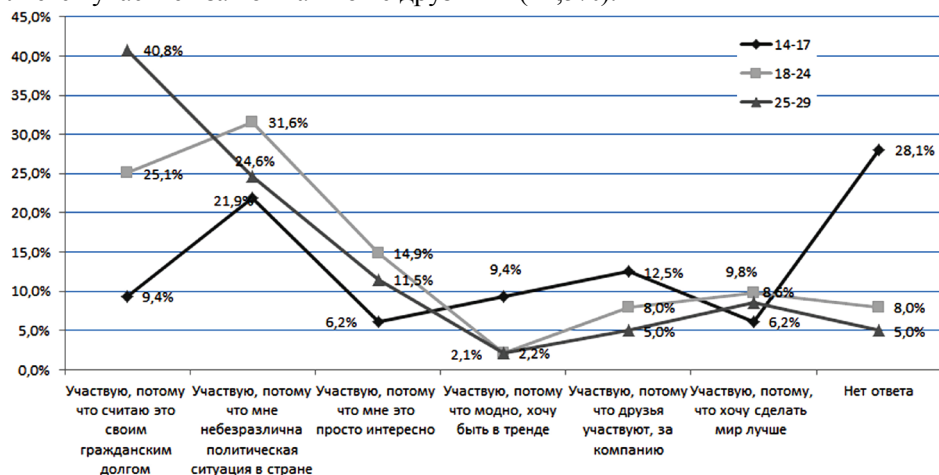

Рис. 1. Распределение ответов респондентов разных возрастов на вопрос «Почему Вы принимаете участие в политической деятельности?»

При изучении мотивов политического участия с точки зрения видов деятельности опрашиваемых выяснилось, что работающие молодые люди или ребята, которые успевают и учатся, и работать, занимаются политикой, руководствуясь гражданским долгом. На втором по популярности месте ответ «участвую, потому что безразлична ситуация в стране». Но здесь уже пальму первенства взяла группа учащейся молодежи.

С точки зрения молодых людей, наиболее эффективными способами влияния на власть являются обращение в СМИ (47,6%), участие в акциях протеста (43,1%) (как коллективных, так и одиночных) и политические выборы (39,0%) (в этот вариант входит как участие в голосовании, так и новые формы – протестное голосование и неявка на выборы как отражение своей политической позиции). При этом мужчины чаще, чем женщины, говорят об эффективности участия в акциях протеста (47,5% по сравнению с 39,2%) и политических выборах (41,3% против 36,8% у респондентов женского пола). Женщины наиболее часто выбирали вариант «обращение в СМИ» (51,5%), «обращение в прокуратуру», «участие в акциях протеста» и «участие в политических выборах» (табл. 2).

Таблица 2. Распределение ответов респондентов разных возрастов на вопрос «На Ваш взгляд, какие из форм влияния на власть сегодня являются самыми эффективными?», %

Ответ	14–17	18–24	25–29
Политические выборы (участие в голосовании, протестное голосование, неявка на выборы)	34,9	36,2	42,6
Акции протеста (коллективные, одиночные)	46,5	47,4	38,3
Депутатские запросы	10,1	6,4	12,7
Обращение в прокуратуру, суд	29,5	37,7	33,3
Обращение в СМИ	42,6	49,0	47,8
Обращения / деятельность через политические партии	10,9	13,8	11,3
Обращение за помощью в общественные организации	14,7	22,3	17,0

В эффективность политических выборов больше всего верят респонденты возраста 25–29 лет по сравнению с более молодыми респондентами. Кроме того, респонденты именно этой возрастной категории реже других выбирали вариант «акции протеста». При этом все категории респондентов считают обращение в СМИ эффективной формой воздействия на власть.

Кроме того, жителям г. Красноярска был задан вопрос о мотивах участия молодежи в протестной деятельности. Больше половины опрошенных ответили, что причиной такого участия является отсутствие другого способа защитить свои права, а 40,6% выбрали вариант «другие способы взаимодействия с властью неэффективны». На третьем месте по частоте упоминаний мнение о том, что молодежи просто нравится протестный формат (при этом респонденты женского пола чаще выбирали именно этот вариант по сравнению с мужчинами: 39,1% по сравнению с 33,7%). Так же этот вариант чаще выбирали жители г. Красноярска возраста 18–24, а реже всего – несовершеннолетние опрошенные. Стоит отметить, что категория респондентов до 18 лет меньше верит в возможность влияния оппозиционной пропаганды по сравнению с респондентами других возрастных категорий.

Несмотря на то, что довольно большое количество респондентов в предыдущих вопросах отмечали, что готовы участвовать в политике и считают это своим гражданским долгом, при ответе на вопрос «Может ли Ваше участие в выборах что-либо изменить в России?» наиболее часто выбирали ответ «нет, не может» (38,5%), кроме того, зафиксировано большое количество затруднений при ответе на этот вопрос, а также отказов от ответа – 20,7%. Для респондентов женского пола этот вопрос оказался более сложным, они чаще, чем мужчины, отказывались от ответа (24,8% по сравнению с 16,3%), а также выбирали вариант «лишь отчасти».

Больше всего в возможность изменений путем участия в выборах верят респонденты более старшего возраста (21,9%), менее всего – респонденты возраста 18–24. Несовершеннолетние жители г. Красноярска чаще других затруднялись при ответе на этот вопрос, что может быть связано с отсутствием возможности участия в выборах в силу возраста.

Разницу в ответе на данный вопрос можно проследить, проведя градацию по категории занятости. Респонденты, которые не учатся и не работают, меньше всего уверены, что их участие в выборах будет способствовать изменениям в стране (48,9 % против 40,3% учащихся и одновременно работающих). Резюмируя, отметим, что результаты показывают – опыт работы прямо пропорционален позитивной оценке собственной роли в политике посредством участия в выборах.

Наиболее приемлемым для себя способом отстаивания собственных интересов молодые жители г. Красноярска называют обращение в суд / полицию (55,4%), использование личных связей и знакомств (39,2%) и обращение в СМИ (36,8%). Опрошенные женского пола чаще, чем мужчины, выбирают обращение в суд или полицию (60,1% по сравнению с 50,3%) а также использование личных связей (41,8% по сравнению с 36,4%). Стоит отметить, что мужчины чаще называли возможным участие в митингах и забастовках (26,5 и 14,6% соответственно), данный вариант находится на 4-м месте по частоте упоминаний.

Реже всего в суд и полицию готовы обращаться несовершеннолетние жители краевого центра, при этом представители данного возраста чаще дру-

гих выбирали возможность участия в митингах и забастовках (27,1%). Частота выбора ответа «использование личных связей» коррелирует с возрастом опрошенных: чем старше респондент, тем чаще он готов использовать свои знакомства для отстаивания интересов.

Политическая культура активистов

В ходе исследования в отдельную категорию респондентов мы выделили молодых людей, которых можно назвать политическими активистами, тех, кто имеет в своем возрасте устойчивый опыт работы в политике. Это респонденты, трудящиеся в партии, участвующие в деятельности общественных движений, имеющие опыт работы на выборах в качестве не только избирателей, но и кандидатов. Нас интересовало, насколько полученный опыт влияет на позиционирование себя в общественно-политической сфере, можно ли предположить, что регулярная политическая практика формирует критически мыслящего, ответственного гражданина.

Мы проинтервьюировали пять молодых активистов. Интервью получились биографические, в ходе беседы мы предлагали своим респондентам на выбор как готовые варианты ответов, так и просили их сформулировать свой ответ самостоятельно. Вопросы и варианты ответов соотносились с содержанием анкеты, которую мы предлагали молодым обывателям в политике.

Большая часть молодых политических активистов к важной политической ценности относят свободу, и этим они отличаются от своих ровесников – молодых людей, занимающихся политикой по случаю. Свобода слова, выбора, сменяемость власти – вот главные ориентиры для ребят, уже попробовавших свои силы в политике.

У всех респондентов существует опыт общественно-политической деятельности, в основном это волонтерство и участие в школьном самоуправлении. Для интервьюируемых был важен позитивный опыт в политической сфере своих близких, они отмечали, что увлеклись политикой благодаря родителям и друзьям.

Мы спросили их о мотивах активной деятельности в политике. В отличие от участников опроса, имея опыт работы в политике, активисты говорили о желании изменить что-то на конкретной территории – в своем городе. Важной возможностью перемен молодые активисты считают выборы. Большинство из них уже использовали в своей жизни как активное, так и пассивное избирательное право.

В целом их ответы далеки от абстракции, для них политический процесс – это конкуренция, соревнование, возможность конкретных изменений на конкретной территории. В отличие от молодых политических обывателей они прямо не упоминают в своих ответах о гражданском долге (подобный вариант был среди предложенных), но все, о чем они говорят, это и есть ответственное политическое поведение гражданина.

Выводы

Проведенное исследование позволило выявить тип политического сознания молодежи и модель ее поведения в политике. Молодые ребята сегодня предпочитают социальную справедливость, но не готовы поступиться своими интересами ради потребностей общества (солидаризоваться с обществом го-

товы лишь те, кто в данный момент не имеет работы и не учится). Можем предположить, что высокий запрос на справедливость в обществе – это результат уже имеющегося жизненного опыта, а также опыта родителей и близких.

Используя классификацию Макса Вебера, в ходе исследования определилось отличие в ценностях наших «политиков по случаю» и «политиков по совместительству». Для первых важнее иметь справедливость, вторые, занимающиеся политикой более профессионально, на первое место ставят условия, позволяющие ее добиться, – свободу и сменяемость власти.

Поддержка большинством респондентов ценности индивидуальной свободы демонстрирует, что в этом возрасте ожидаемо велики индивидуалистические интересы, желание быть независимым. Этот результат говорит и о том, что молодежь рефлексит по поводу общественно-политической ситуации в России и мире.

Важность участия в общественно-политической жизни респонденты сегодня связывают с существующим у них гражданским долгом. Учитывая, что самой распространенной формой участия в политике для молодежи являются выборы, можем предположить, что именно приход на выборы молодые люди считают выполнением гражданского долга. Подтверждением этому могут послужить данные экзитпола ВЦИОМ, согласно которым молодежь приняла активное участие в голосовании на выборах президента РФ [14].

Мы выявили также преобладание сознательного мотива в опыте политической деятельности у занятых работой или учебой молодых ребят, что, на наш взгляд, демонстрирует тенденцию, когда работа или учеба выступают институтом взросления, побуждающим вчерашних школьников видеть свое место в жизни, свою роль, оценивать качество жизни, знакомиться в теории или на практике с проблемой прав человека, в целом развивают критическое мышление.

Литература

1. Алмонд Г., Верба С. Гражданская культура: политические установки и демократия в пяти странах: пер. с англ. М.: Мысль, 2014. 500 с.
2. Патнэм Р. Чтобы демократия сработала: Гражданские традиции в современной Италии: пер. с англ. М.: Ad Marginem, 1996. 287 с.
3. Попова О.В. Политические настроения молодежи: лояльность или протест? // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология. 2019. Т. 21, № 4. С. 599–619.
4. Колобродов В.А., Мельникова Т.С. Политическая культура молодежи в современной России: состояние и перспективы // Ученые записки Тамбовского отделения РoCMY. 2018. № 10. С. 174–180.
5. Виганд А.М., Костригин А.А. Ценности молодежи с различной направленностью политической активности // Вестник по педагогике и психологии Южной Сибири. 2021. № 1. С. 16–32.
6. Кузнецов И.И. Политическое сознание российского студенчества: общественная солидарность, доверие, взаимодействие // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2021. № 59. С. 237–252.
7. Асеева Т.А., Шашкова Я.Ю. Молодежь в региональных электоральных процессах 2010-х годов: Тенденции и перспективы (на примере регионов Юго-Западной Сибири) // Политическая наука. 2019. № 1. С. 186–205.
8. Щербинин А.И. Особенности политической социализации молодежи в университетском городе // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2019. № 51. С. 205–214.
9. Селезнева А.В., Антонов Д.Е. Ценностные основания гражданского самосознания российской молодежи // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2020. № 58. С. 227–241.

10. Васильева Е.И., Зерчанинова Т.Е., Никитина А.С. Исследование современных социальных и политических альтернативных форм гражданской активности молодежи // Вестник Сургутского государственного педагогического университета. 2020. № 5(68). С. 56–64.
11. Кочина Е.А. Гражданская идентичность и политическая активность современной молодежи в региональном измерении на примере южной Сибири // ПОИСК: Политика. Обществоведение. Искусство. Социология. Культура. 2018. № 4(69). С. 62–67.
12. Немировский В.Г., Гладченко А.А. Социально-политические ориентации сибирской молодежи // Социологические исследования. 1996. № 9. С. 97.
13. Rosenbaum W.A. Political Culture: Basic concepts in Political Science. New York: Praeger Publishers, 1975. 181 p.
14. Молодежь ломает стереотипы // Сетевое издание WCIOM. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/molodezh-lomaet-stereotipy-> (дата обращения: 26.06.2021).

Anton P. Vorobiev, State University of Management (Moscow, Russian Federation).

E-mail: camarol@yandex.ru

Marina V. Konstantinova, Krasnoyarsk State Pedagogical University named after V.P. Astafiev (Krasnoyarsk, Russian Federation).

E-mail: marisha1980@list.ru

Marina S. Eremenko, Krasnoyarsk State Pedagogical University named after V.P. Astafiev (Krasnoyarsk, Russian Federation).

E-mail: krsk.marina@yandex.ru

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya – Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science. 2021. 63. pp. 162–171.

DOI: 10.17223/1998863X/63/16

POLITICAL CULTURE OF YOUTH: CIVIC CONSCIOUSNESS IN POLITICAL CONSCIOUSNESS AND BEHAVIOR

Keywords: political culture; civic consciousness; political behavior; political consciousness; youth

The article presents the results of a study of the political culture of youth in modern Russia on the example of Krasnoyarsk, a city with the population of one million people. The phenomenon of political culture was investigated using the orientational approach supplemented by an important behavioral component – the study of political behavior. Political culture began to be defined as a category that includes both orientations (feelings, sensations, knowledge, opinions, attitudes) and behavior (action or inaction). When defining civic consciousness in the political culture of young people, the authors focused on the study of two of its components – consciousness and behavior. The study of the political culture of modern youth from the point of view of the formation of civic (conscious and activist) behavior is due to the direct relationship of the problems of youth's socialization with the harmonious development of society, with its further socioeconomic and political prospects. The study made it possible to identify the type of the political consciousness of young people and the model of their behavior in politics. Young people today prefer social justice but are not ready to sacrifice their interests for the sake of the needs of society. The support of the value of individual freedom by the majority of the respondents demonstrates that at this age individualistic interests and the desire to be independent are great. This result also suggests that young people are reflecting on the sociopolitical situation in Russia and the world. The respondents today associate the importance of participation in social and political life with their existing civic duty. Taking into account that the most widespread form of participation in politics for young people is elections, we can assume that it is coming to the elections that young people consider as fulfillment of their civic duty. The study revealed the predominance of a conscious motive in the experience of political activity among young people engaged in work or study.

References

1. Almond, G. & Verba, S. (2014) *Grazhdanskaya kul'tura: politicheskie ustanovki i demokratiya v pyati stranakh* [The Civic Culture: Political Attitudes and Democracy in Five Nations]. Translated from English. Moscow: Mysl'.
2. Putnam, R. (1996) *Chtoby demokratiya srabotala: Grazhdanskie traditsii v sovremennoy Italii* [Making Democracy Work: Civic Traditions in Modern Italy]. Translated from English. Moscow: Ad Marginem.

3. Popova, O.V. (2019) Political Views of the Youth: Loyalty or Protest? *Vestnik Rossiyskogo universiteta družby narodov. Seriya: Politologiya – RUDN Journal of Political Science*. 21(4). pp. 599–619. (In Russian). DOI: 10.22363/2313-1438-2019-21-4
4. Kolobrodov, V.A. & Melnikova, T.S. (2018) Political culture youth in modern Russia: state and prospects. *Uchenye zapiski Tambovskogo otdeleniya RoSMU – Scientific Notes of the Tambov Branch of the Ruys*. 10. pp. 174–180. (In Russian).
5. Vigand, A.M. & Kostrigin, A.A. (2021) Tsennosti molodezhi s razlichnoy napravlennost'yu politicheskoy aktivnosti [Values of youth with different orientations of political activity]. *Vestnik po pedagogike i psikhologii Yuzhnoy Sibiri – The Bulletin on Pedagogics and Psychology of Southern Siberia*. 1. pp. 16–32.
6. Kuznetsov, I.I. (2021) Political Consciousness of Russian Students: Public Solidarity, Trust, Interaction. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya – Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science*. 59. pp. 237–252. (IN Russian). DOI: 10.17223/1998863X/59/22
7. Aseeva, T.A. & Shashkova, Ya.Yu. (2019) Molodezh' v regional'nykh elektoral'nykh protsessakh 2010-kh godov: Tendentsii i perspektivy (na primere regionov Yugo-Zapadnoy Sibiri) [Youth in the regional electoral processes of the 2010s: Trends and prospects (on the example of the regions of South-West Siberia)]. *Politicheskaya nauka*. 1. pp. 186–205.
8. Shcherbinin, A.I. (2019) Features of Political Socialization of Youth in a University City. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya – Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science*. 51. pp. 205–214. (In Russian). DOI: 10.17223/1998863X/51/21
9. Selezneva, A.V. & Antonov, D.E. (2020) The Value Bases of the Civic Consciousness of the Russian Youth. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya – Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science*. 58. pp. 227–241. (In Russian). DOI: 10.17223/1998863X/58/21
10. Vasilieva, E.I., Zerchaninova, T.E. & Nikitina, A.S. (2020) Research of modern social and political alternative forms of youth civic engagement. *Vestnik Surgutskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta*. 5(68). pp. 56–64. (In Russian).
11. Kochina, E.A. (2018) Civic identity and political activism of today's youth in the regional dimension of the south of Siberia. *POISK: Politika. Obshchestvo-vedenie. Iskustvo. Sotsiologiya. Kul'tura*. 4(69). pp. 62–67. (In Russian).
12. Nemirowskiy, V.G. & Gladchenko, A.A. (1996) Sotsial'no-politicheskie orientatsii sibirskoy molodezhi [Socio-political orientations of Siberian youth]. *Sotsiologicheskie issledovaniya – Sociological Studies*. 9. pp. 97.
13. Rosenbaum, W.A. (1975) *Political Culture: Basic Concepts in Political Science*. New York: Praeger Publishers.
14. WCIOM. (n.d.) *Molodezh' lomaet stereotypy* [Youth breaks stereotypes]. [Online] Available from: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/molodezh-lomaet-stereotypy>- (Accessed: 26th June 2021).

П.С. Каневский

ВЕКТОРЫ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ ГРУПП ИНТЕРЕСОВ И ОРГАНОВ ВЛАСТИ В ИТАЛИИ

Статья посвящена анализу механизма взаимодействия между группами интересов и органами власти в итальянской республике. Автор анализирует основные тенденции развития системы групп интересов в стране, особенности институционального окружения групп интересов, векторы взаимодействия с политическими партиями и исполнительными органами власти, регулирование лоббизма на региональном и национальном уровнях.

Ключевые слова: лоббизм, группы интересов, политика Италии, регулирование лоббизма

Итальянская политика редко рассматривается через призму взаимодействия групп интересов с органами власти. Это связано со сложившимися исследовательскими традициями в российском и зарубежном научном сообществах, которые в первую очередь уделяют внимание партийной и международной сторонам политической жизни в республике. Вместе с тем группы интересов являются неотъемлемой частью итальянской политики, они в не меньшей, а иногда и в большей степени определяют внутреннюю политическую динамику в сравнении с институциональными факторами или партийной конкуренцией. Каждый итальянский чиновник и политик погружен в мир групповых интересов, с которым он постоянно соприкасается и который оказывает огромное влияние на принимаемые решения.

Итальянская система групп интересов является крайне дисперсной и включает в себя самые разные группы интересов: частные корпорации, транснациональные компании, деловые ассоциации, банки, профсоюзы, религиозные ассоциации, группы гражданского общества и т.д. Однако итальянская система групп интересов отличается от большинства западноевропейских и англо-американских моделей. Следуя терминологии Г. Алмонда, ее нельзя однозначно причислить ни к традиционным плюралистическим системам, ни к корпоративистским группам интересов [1. С. 135–136]. Прежде всего, это связано с особенностями и традициями политической системы Италии как системы с неравномерно развитой политической культурой, высоким уровнем политической конфликтности и нестабильными отношениями групп интересов друг с другом и с государством.

Итальянская партийная система не может эффективно справляться с агрегацией интересов так же, как это происходит в англосаксонских или западноевропейских корпоративистских странах. Если плюралистическая система групп интересов характеризуется открытой конкуренцией и возможностью большого количества групп напрямую влиять на органы власти, корпоративизм – согласованием интересов, исходя из межгрупповой солидарности и культуры компромисса, то итальянская политическая культура долгое время способствовала развитию нестабильного, сугубо неформального и патронажного механизма взаимодействия между группами интересов и властью. К то-

му же, в отличие от корпоративистских моделей в Австрии, Германии или Скандинавии, итальянский корпоративизм развивался менее равномерно, так как традиционно включал представителей индустрии, однако гораздо менее эффективно представлял интересы профсоюзов. В свое время Дж. Килер использовал по отношению к Франции знаменитый оборот «корпоративизм без труда», имея в виду, что корпоративизм распространился лишь на часть общественных отношений и не превратился в полноценную модель социального партнерства [2. Р. 158]. То же самое можно сказать про Италию, в которой профсоюзы всегда были важной опорой левых партий и движений, но при этом испытывали трудности с точки зрения реального влияния на процесс принятия решений. В Италии в принципе, за исключением коротких периодов, отсутствовало системное взаимодействие между партиями и так называемыми «социальными партнерами» (профсоюзами и крупными ассоциациями). Более того, первые два десятилетия XXI в. характеризуются скорее конфликтным состоянием отношений между партиями и группами интересов [3. Р. 257].

В Италии группы интересов вынуждены действовать в более нестабильном и идеологически поляризованном политическом пространстве, а каналы и стратегии их взаимодействия с законодательной и исполнительной властью периодически изменяются под воздействием изменений в самой политической системе. В условиях партийной системы, перманентно пребывающей в состоянии внутренних кризисов и разногласий, крупнейшие группы интересов, особенно представляющие экономический сектор, ищут способы обезопасить себя от политической нестабильности и формируют более прочные связи с правительством и бюрократией, что позволяет им избежать политической волатильности. Из-за этого А. Хикс называет Италию страной «капиталистического этатизма», подчеркивая взаимосвязь между традицией сильного государства и крупного капитала [4. Р. 187–188].

В ситуации, когда отсутствует эффективная система сдержек, существует стремление наиболее влиятельных групп интересов доминировать в политическом процессе. При этом тема лоббизма долгое время практически отсутствовала в политическом дискурсе Италии, считалось, что это теневая, неприглядная сторона политики, хотя сами официальные лица постоянно контактировали с группами интересов и позволяли им активно влиять на процесс принятия решений. Эта тема стала публичной относительно недавно, когда политическая система начала реагировать на критику со стороны общественности, СМИ и органов Евросоюза, заявлявших о необходимости признания лоббизма как естественного социально-политического института.

Групповые интересы и нестабильное политическое окружение

Лоббизм, т.е. процесс влияния организованных групп на принимаемые решения, в Италии исторически рассматривался как чуждое явление, которое существует для защиты исключительно частных интересов в угоду интересам общественных. В итальянской политико-правовой системе, которая была создана в значительной степени под влиянием французского опыта, долгое время групповые интересы рассматривались как незаконная деятельность. Дух якобинского конституционализма и закона Ле Шапелье от 1791 г., который запрещал гражданам объединяться, чтобы достичь общих интересов,

значительно повлиял на итальянское восприятие групповых интересов в XIX в. В итальянском политическом видении долгое время не было четкого разделения на частные или групповые интересы, на первое место выдвигался главенствующий интерес государства, следовательно, «никому не разрешалось быть для граждан посредником в реализации их интересов и позволять им участвовать в реализации государственной политики» [5. Р. 28]. Взгляд на государство как единственного верного проводника интересов превалировал и после объединения Италии и еще больше укрепилось во время правления Б. Муссолини. Единственными реальными групповыми союзниками государства тогда были аристократия и крупные предприниматели, формировавшие экономическое и статусное ядро общества.

Ситуация изменилась после принятия конституции 1948 г., которая выдвинула на первое место политические партии как главный и по сути единственный легитимный механизм представительства общественных интересов. Известный послевоенный политолог К. Эспозито сформулировал квинтэссенцию превалирующего мнения в обществе и экспертной среде 1950-х гг., сказав, что «группы интересов представляют собой девиацию в системе представительства интересов, это зло, с которым нужно бороться и убирать из политики» [6. Р. 201]. Вместе с тем в новой конституции были заложены основы для дальнейшего развития групп интересов в политике. Статьи 2 и 18 устанавливали права профсоюзов и свободных ассоциаций, статьи 3 и 49 разрешали гражданам участвовать в политической жизни, но самой главной была 50-я статья, которая позволила гражданам обращаться с петициями к Палате депутатов и Сенату с целью отстаивания коллективных требований и участия в законодательном процессе [7. С. 185]. Таким образом, несмотря на изначально негативное восприятие, именно в послевоенный период начал формироваться механизм взаимодействия между группами интересов и парламентом, который стал первичной основой институционального окружения лоббизма.

Однако послевоенная партийная жизнь Италии отличалась нестабильностью и непредсказуемостью. Это приводило к тому, что группы интересов порой не успевали формировать стабильных альянсов с политическими партиями и были вынуждены маневрировать в сложном политическом окружении. Данная тенденция особенно усилилась в течение последних трех десятилетий, когда парламент значительно уменьшил свое влияние в политическом процессе и формулировании национальной политики по сравнению с исполнительной ветвью власти. В 1960–1970-е гг. был достигнут паритет между социалистами и христианскими демократами, а «центр процесса разработки и принятия решений находился в недрах правящих партий, которые фактически управляли исполнительной ветвью власти» [8. Р. 416]. Итальянские парламентарии обладали более значительной широтой власти, особенно в сравнении со своими коллегами из Великобритании, Франции и Германии, которые действовали в условиях более строгой партийной дисциплины. Большинство законодательных инициатив представлялись отдельными парламентариями, а не государственной бюрократией, хотя за правительством оставался решающий голос с точки зрения распределения ресурсов на реализацию того или иного решения.

Эта тенденция начала постепенно разворачиваться в обратную сторону в процессе длительных трансформаций политической системы в ходе начавшейся в 1970-е гг. конституционной реформы, и особенно ускоряется в 1980–1990-е гг. Своеобразным водоразделом стала антикоррупционная кампания «Чистые руки» 1992–1993 гг., которая вскрыла огромные масштабы хищений, злоупотреблений и связей партий с мафией. Все эти факторы привели к кризису традиционной партийной системы, пропорциональной системы выборов и в итоге вылились сначала в реформу избирательной системы в 1993 г., введившей смешанную мажоритарно-пропорциональную систему, а затем в очередное изменение Конституции в 2000–2001 гг., в результате которого произошло перераспределение властных полномочий в пользу правительства и бюрократии.

Другим важным последствием кризиса партийной системы 1990-х гг. стало появление персонифицированных партий. Первопроходцем здесь выступил С. Берлускони с его партией «Вперед, Италия!». По словам Т.В. Зоной, «Берлускони бросал вызов традиционной системе, в соответствии с которой в послевоенной Италии к власти приходили лишь профессиональные политики» [9. С. 60].

В XXI в. избирательная система Италии претерпела еще несколько изменений – в 2005, 2015 и 2017 гг., приведя в итоге к крену в сторону мажоритарной системы. Нынешнее избирательное законодательство, по которому проходили общие выборы 2018 г. и с высокой степенью вероятности пройдут выборы 2023 г., по словам Е.А. Масловой, «выгодны в первую очередь крупным партиям и коалициям. Небольшие партии вынуждены будут либо уйти со сцены, либо присоединиться к одной из коалиций» [10. С. 9].

Скорость реформирования избирательных систем и сменяемости правящих блоков и партий не позволяла формировать долгосрочные коалиции между группами интересов и органами власти. С 1946 по 2018 г. в Италии сменилось в общей сложности 66 правительств, т.е. в современной итальянской истории одна коалиция существовала в среднем чуть больше года [11]. Это лишний раз подчеркивает высокий уровень не только конкуренции, но и конфликтности между партиями, которые часто не способны найти друг с другом общий язык по ряду ключевых вопросов. В таких условиях группы интересов оказываются единственным стабильным источником экспертных знаний и информации, необходимой для реализации государственной политики, так как постоянная текучка в госаппарате и парламенте не позволяет наладить необходимые аналитические и информационные функции в процессе принятия решений.

В конечном счете это привело к тому, что политические партии впали в чрезмерную зависимость от групп интересов, которые рассматривали партии как выгодную систему патронажа и возможностей получения государственных субсидий в обмен на свою лояльность политикам [8. Р. 416]. Это привело к ослаблению всей системы государственного управления и росту экономической уязвимости Италии, так как постоянно выделяемые субсидии спровоцировали рост государственного долга – проблема, с которой итальянские правительства не могут до конца справиться по сей день. Как констатирует Е. Алексеенкова, «неолиберальный курс, проводимый в Италии с 2011 г. в русле политики «жесткой экономии», не помог стабилизировать экономическую ситуацию в стране» [12. С. 111–112].

Чтобы справиться с кризисом управления, в Италии была запущена административная реформа, которая, с одной стороны, усилила роль исполнительных органов власти, вернув им контроль над рядом ключевых сфер принятия решений, в особенности по вопросам бюджета, с другой стороны, привела к децентрализации управления, передав больше полномочий региональным органам власти. Наконец, начавшаяся в 1990-е гг. европеизация политики добавила новый уровень согласования и принятия решений как для государства, так и для групп интересов. Группы интересов были вынуждены менять стратегии влияния, так как все указанные факторы привели к развитию многоуровневой политики, которая более не была сконцентрирована в руках партийных боссов, а рассредоточилась между исполнительной и законодательной ветвями, центром и областями, национальным и наднациональным уровнями власти.

Группы интересов и власть сегодня

Общие представления о структуре современной системы групп интересов в Италии дают две базы данных: реестр лоббистов, действующий в Палате депутатов с 2017 г., и Европейский реестр интересов, который показывает, сколько итальянских групп активны на наднациональном уровне в Брюсселе. В реестре Палаты депутатов в апреле 2021 г. было зарегистрировано 218 групп интересов, из которых 31,6% были частными компаниями и группами компаний, 22,2% – консалтинговыми и лоббистскими фирмами, а также индивидуальными лоббистами, 16% – торговыми и бизнес-ассоциациями, 11,8% – профсоюзами и профессиональными организациями, 3,8% – НКО [13]. В реестр Евросоюза по состоянию на апрель 2021 г. входило 805 групп интересов из Италии, также подразделяющихся на нескольких категорий: НКО (19,6%), частные бизнес-компании и группы компаний (17,8%), торговые и бизнес-ассоциации (16,2%), мозговые центры, исследовательские и академические институты (14,2%), юридические и консалтинговые фирмы, индивидуальные лоббисты (13,6%), профсоюзы (6,5%), группы, представляющие интересы итальянских областей и муниципалитетов (5,8%), прочие типы групп интересов [14].

Данные цифры свидетельствуют о том, что итальянские бизнес-группы являются наиболее активными лоббистами как на национальном, так и на европейском уровне. Это соответствует общемировой тенденции усиления политического влияния бизнес-групп. В частности, исследование Дж. Касанелоса показало, что с начала XXI в. крупнейшая бизнес ассоциация Италии Конфиндустрия затрачивает все больше ресурсов для продвижения своих интересов в ЕС [15. Р. 1025]. Однако бросается в глаза разница в количестве зарегистрированных НКО – 19,6% в Брюсселе против 3,8% в Палате депутатов. Укорененная в Италии традиция неформальных и непотистских связей создает механизм лоббизма, в котором доступ к лицам, принимающим решения, получают те, кто встроены в неформальные каналы коммуникации, в то время как шансы групп интересов, не обладающих подобными связями, даже если они имеют ресурсы и важны для эффективности процесса принятия решений, гораздо ниже. В данных условиях многие группы, не способные оказывать влияние в Риме, перегруппировывают свои усилия, чтобы влиять на

наднациональное законодательство в Евросоюзе и через Брюссель добиваться нужных решений в Италии.

Близость к лицам, принимающим решения, определяет также стратегии групп интересов. С формальной точки зрения, в процедурах законодательной власти заложены механизмы, которые косвенно регламентируют взаимодействие с группами интересов в целях совершенствования законопроектов. Статья 79 Правил Палаты депутатов гласит, что «во время подготовки законопроекта комитет имеет право запрашивать любую информацию, чтобы гарантировать качество и эффективность основных положений законопроекта» [16]. Согласно Правилам Палаты депутатов (ст. 144) и Правилам Сената (ст. 48), любой парламентский комитет имеет право пригласить представителей общественных и частных организаций, секторальных ассоциаций, областей и экспертов по тем или иным вопросам с целью получить информацию, необходимую для деятельности данного комитета [16, 17]. Однако, согласно Transparency International, данные приглашения и результаты участия представителей групп интересов в слушаниях «не требуют строгой отчетности» [18. Р. 16]. Даже в ст. 144 Правил Палаты депутатов сказано, что «по итогам заседания комитета должен быть подготовлен отчет с использованием стенограммы заседания, если комитет не решит иначе» [16].

Точно так же нигде не прописаны четкие процедуры приглашения представителей групп интересов на комитетские слушания. Согласно установленной процедуре, после избрания нового парламента Коллегия квесторов¹ решает, сколько будет выделено пропусков для внешних лиц, посещающих здание нижней палаты. Однако «исход решения каждый является непредсказуемым, так как по итогам дискуссии не выпускается каких-либо отчетов» [18. Р. 16]. Информация носит конфиденциальный характер и не все члены парламента имеют к ней доступ. После того как решение принято Коллегией квесторов, процедурой аккредитации для внешних гостей парламента занимается служба безопасности Палаты депутатов. Представители «Движения пяти звезд» в 2014 г. обратились с просьбой разъяснить процедуру выдачи пропусков, так как, по их сведениям, служба безопасности издавала различные виды пропусков для различных категорий гостей [Ibid.]. Ряд лиц, не считая парламентариев и работников других органов власти, получали долгосрочные пропуска на весь год. К ним относились представители наиболее влиятельных групп интересов наподобие Конфиндустрии – самой крупной бизнес-ассоциации страны.

Регулирование лоббизма: от регионов к национальному уровню

В своей современной истории Италия проходила через множество дискуссий о необходимости регулирования лоббизма. Согласно исследовательской службе Европарламента, с 1945 г. было более 50 законодательных попыток легализовать и формализовать лоббизм в стране, ни одна из которых не увенчалась принятием закона о лоббизме [19. Р. 19]. Однако усилившееся в XXI в. давление со стороны общественного мнения, экспертов и Евросоюза вынудили политиков искать способы формализации лоббистских практик.

¹ Коллегия квесторов – орган Палаты депутатов итальянского парламента, следящий за соблюдением процедурных, административных, церемониальных процессов и норм.

Ближе всего итальянская республика подходила к принятию закона о лоббизме при правительстве Р. Проди в 2007 г., когда был предложен законопроект с четким определением лоббизма и публичным реестром лоббистов, однако политический кризис и роспуск парламента перечеркнули эту попытку.

Как и во многих других европейских странах, формализация лоббизма в Италии началась не из центра, а из областей и наднациональных структур Евросоюза. Хотя Италия является унитарным государством, региональные органы власти в последние три десятилетия стали важным объектом лоббизма. По словам Дж. Константелоса, роль региональных органов власти в Италии возросла в связи с тем, что они «получили больше полномочий в сфере разработки и управления программами развития Евросоюза» [15. Р. 46]. Иными словами, они стали получать и перераспределять значительные средства из европейского бюджета, направленные на развитие собственных областей.

Законы, регулирующие взаимодействие групп интересов и органов власти, а также правила регистрации лоббистов, были приняты в областях Тоскана (2002), Молизе (2004), Абруццо (2010), Калабрии (2016), Ломбардии (2016) и Апулии (2017). Ведутся активные публичные дискуссии о принятии аналогичных законов в Лацио и на Сицилии. Законы в Абруццо, Калабрии, Ломбардии и Апулии определяют лоббизм как любую деятельность групп давления посредством предложений, запросов, исследований, анализа и любых других инициатив – в устной, письменной или электронной форме, направленных на продвижение законных и неэкономических интересов в органах власти [20. Р. 651]. При этом закон в Абруццо единственный, который дает определение лоббиста – это «тот, кто действует в органах власти от имени групп давления» [21. Р. 188]. Примечательно, что все итальянские законы легализуют лишь неэкономические групповые интересы, стараясь подчеркнуть таким образом направленность лоббизма на защиту общественных, а не частных интересов, хотя и мало отвечают реальности, в которой бизнес-группы наиболее активно влияют на принятие решений.

Законы на уровне итальянских областей в целом сформулированы широко и достаточно расплывчато. В частности, за исключением Ломбардии и Апулии, в них не прописаны четкие формы отчетности о встречах между лоббистами и официальными лицами. К тому же данные законы не предусматривают никакой ответственности за нарушение правил со стороны групп интересов, в них отсутствуют какие-либо этические нормы. Хотя изначально законы были встречены с большим энтузиазмом и множество групп интересов согласились зарегистрироваться в добровольных реестрах, интерес к законам с их стороны в целом невысок [20. Р. 662]. Это связано с тем, что что легализация института лоббизма на региональном уровне мало повлияла на стиль принятия решений и политическую коммуникацию. По словам Р. Перилло, «итогом является то, что на региональном уровне действуют несколько законов о лоббизме, каждый из которых неэффективен» [21. Р. 189].

Аналогичная проблема касается регулирования лоббизма на национальном уровне. Первый эксперимент по легализации лоббизма и созданию реестра лоббистов был осуществлен в исполнительной власти. В 2012 г. указ Министерства сельского хозяйства, продовольствия и лесного хозяйства установил процедуру регистрации лоббистов, прописав процесс вовлечения

представителей групп интересов в процесс принятия решений, а также дав определение лоббиста как «того, кто профессионально представляет легитимные интересы с целью повлиять на процесс принятия решений» [18. Р. 9]. Главной проблемой реестра оказалось то, что крупнейшие ассоциации в сельскохозяйственном секторе отказались идентифицировать себя как лоббистов и, следовательно, не стали участвовать в имплементации закона. Тем не менее это был первый шаг на пути формализации лоббизма в центральных органах власти. В 2016 г. были приняты правила лоббирования в Палате депутатов, а в 2017 г. создан реестр для групп интересов, действующий в нижней палате. В 2017 г. Министерство экономического развития и Министерство по вопросам государственного управления приняли стандарты европейского реестра лоббистов и также ввели у себя обязательную регистрацию для всех представителей групп интересов, желающих встретиться с министрами [22].

Реальной целью создания всех новых законов о лоббизме как на национальном, так и на региональном уровнях является попытка уравнивать права и возможности всех групп интересов участвовать в процессе принятия решений. Доминирующей тенденцией в Италии от послевоенного времени до наших дней было то, что лишь избранные группы, обладающие личными связями в органах власти, могли оказывать реальное влияние на принятие решений. Однако в 2010-е гг., во многом под влиянием программ Евросоюза по повышению политической прозрачности и легализации лоббизма, в Италии началось движение в сторону создания более инклюзивного механизма взаимодействия групп интересов и органов власти. По словам депутата М. Серени, «все группы имеют право взаимодействовать с лицами, принимающими решения, – нефтяные компании и экологические организации, банки и союзы вкладчиков» [23].

Тем не менее, несмотря на определенный прогресс, новые легальные рамки не раскрывают реальный мир лоббизма в Италии. Они также пока не в состоянии справиться с проблемой неравного доступа к лицам и центрам принятия решений. По словам директора лоббистской компании Telos A&S М. Сонсини, «реестры лоббистов, вводимые в Италии, являются непродуманным ответом на неправильный вопрос... в стране не много, а мало лоббизма, так как крупный бизнес и ассоциации индустрии не имеют проблем доступа к органам власти», в то время как большая часть политически активных групп сталкивается с проблемой закрытости политической системы [24. Р. 92–93].

Кроме того, доклад антикоррупционного органа Совета Европы GRECO от 2017 г. установил, что в Италии отсутствует какое-либо ограничение сроков для политиков, прежде чем они могут занимать посты в частном секторе или заниматься лоббизмом (проблема «вращающихся дверей»), нет четкого определения конфликтов интересов, а также недостаточно проработаны кодексы поведения, хотя GRECO приветствовал создание первого подобного кодекса в Палате депутатов в 2016 г. Одной из основных рекомендаций GRECO является «необходимость дальнейшего развития правил, касающихся взаимодействия парламентариев с лоббистами и представителями групп интересов, которые стремятся оказывать влияние на законодательный процесс» [25. Р. 50].

Выводы

Взаимодействие организованных групп и органов власти в Италии вписано в логику развития политической системы и системы групп интересов. Итальянская политика характеризуется нестабильностью, конфликтной партийной системой, быстро сменяемыми коалициями, взаимоисключающими реформами, которые за последние несколько десятилетий принципиально меняли механизм принятия политических решений в стране. В условиях хаотичной политической динамики и меняющихся правил группы интересов не успевают налаживать долгосрочные контакты в условиях меняющегося политического окружения, вследствие чего лоббистские отношения выстраиваются в логике краткосрочных *ad hoc* коалиций. Однако органы власти зависят от предоставляемой группами интересов информации и экспертных знаний, необходимых для принятия решений, поэтому наиболее влиятельные имеют гарантированный доступ к органам власти при любом правительстве и при любых политико-управленческих нововведениях.

Вместе с тем взаимодействие групп интересов и официальных лиц складывается в логике межэлитных, патронажных связей, а равный доступ к органам власти является одной из ключевых проблем развития института лоббизма. Отсутствие прозрачности и неформальные каналы коммуникации групп интересов продолжают оставаться нерешенной проблемой, которая не позволяет политической системе учитывать различные мнения по ключевым вопросам.

Несмотря на многочисленные дискуссии и законопроекты, Италия все еще не перешла к созданию единого нормативного пространства, четко определяющего правила взаимодействия групп интересов и органов власти. Хотя отдельные нормы созданы на уровне 6 областей, парламента и двух министерств, они не гармонизированы между собой. В частности, под региональное регулирование фактически не подпадают бизнес-группы (очевидно, наиболее влиятельные субъекты лоббизма), в то время как многие правила на национальном уровне, которые должны облегчать доступ организованных групп к органам власти, нивелируются отсутствием прозрачности при реальном взаимодействии официальных лиц и лоббистов.

Решение проблемы неравного доступа к органам власти заключается не только в полной легализации института лоббизма (хотя это необходимый первый важный шаг), но в общем повышении прозрачности процесса принятия решений, создании более четких кодексов поведения для политиков, регулировании проблемы «вращающихся дверей» и снижении рисков конфликтов интересов.

Литература

1. Алмонд Г., Пауэлл Д., Стром К., Далтон Р. Сравнительная политология сегодня: мировой обзор. М.: Аспект Пресс, 2002. 537 с.
2. Elgie R., Griggs S. French Politics: Debates and Controversies. Routledge, 2013. 234 p.
3. Natali D., Pritoni A. Parties and interest groups in Italy: the case of pensions policy // Contemporary Italian Politics. 2014. Vol. 6, Issue 3. P. 249–260.
4. Siaroff A. Corporatism in 24 industrial democracies: Meaning and measurement // European Journal of Political Research. 1999. № 36. P. 175–205.
5. Colavitti G. Rappresentanza e interessi organizzati: contributo allo studio dei rapporti tra rappresentanza politica e rappresentanza di interessi. Milano: Giuffrè, 2005. 332 p.

6. *Esposito C.* I partiti politici nello Stato democratic / Scritti giuridici scelti. II. Teoria generale dello Stato e Diritto costituzionale prerepubblicano – Napoli, 1958. 440 p.
7. Конституция Итальянской Республики. Издание на русском языке. Отдел международных связей Сената Итальянской Республики. URL: https://www.senato.it/application/xmanager/projects/leg18/file/repository/relazioni/libreria/novita/XVIII/Costituzione_lingua_russo.pdf (дата обращения: 30.04.2021).
8. *Hancock M., Carman C., Castle M., Conradt D., Nanetti R., Leonardi R., Safran W., White S.* Politics in Europe. CQ Press, 2014. 832 p.
9. *Зонова Т.В.* Партийная система Италии // Актуальные проблемы Европы. 2018. № 2. С. 156–176.
10. *Маслова Е.А.* Итальянская политика в 2017 г.: подготовка к парламентским выборам // Современная Италия: старые проблемы, новые вызовы. Доклады Института Европы. М.: Ин-т Европы РАН, 2018. № 349. 108 с.
11. *Kaufman B.* Italy gets the world's first minister for direct democracy // Swissinfo. 04.06.2018. URL: https://www.swissinfo.ch/eng/directdemocracy/pioneering-role_italy-gets-the-world-s-first-minister-for-direct-democracy/44164868 (accessed: 30.04.2021).
12. *Алексеевкова Е.* Страна победившего популизма: Италия после выборов // Современная Европа. 2019. № 2. С. 106–117.
13. *Registro rappresentanti di interessi.* Camera dei Deputati. URL: http://www.camera.it/rap-presentantidiinteressi/registro_rappresentanti.html (accessed: 30.04.2021).
14. *Transparency Register.* URL: <http://ec.europa.eu/transparencyregister> (accessed: 30.04.2021).
15. *Constantelos J.* Interest group strategies in multi-level Europe // Journal of Public Affairs. 2007. № 7. P. 39–53.
16. *Rules of procedures of the Chamber of Deputies.* Camera dei Deputati. URL: https://en.camera.it/application/xmanager/projects/camera_eng/file/RULES_OF_PROCEDURE_CHAMBRE_OF_DEPUTIES.pdf (accessed: 30.04.2021).
17. *Rules of the Senate.* Regolamento del Senato. Senato della Repubblica. 2018. URL: http://www.senato.it/application/xmanager/projects/leg18/file/repository/istituzione/18P0073-Regolamento-inglese_Archivio.pdf (accessed: 30.04.2021).
18. *Del Monte D., Putaturo C., Frascini G., Ferro S.* Lobbying and democracy. Representing interests in Italy – Transparency International Italia, 2014. 51 p.
19. *Transparency of lobbying in Member States. Comparative Analysis* // EPRS – European Parliament Research Service, 2016. URL: http://www.europarl.europa.eu/EPRS/Transparency_of_lobbying_in_Member_States.pdf (accessed: 30.04.2021).
20. *Nunez R., Sperduti M.* The regulation of lobbying at sub-national level in Spain and in Italy // Diritto Pubblico Comparato ed Europeo, 2018. № 3. P. 631–664.
21. *Perillo P.* Italy: The regulation of lobbying and the evolution of a cultural taboo // Lobbyists, Governments and Public Trust. Volume 3, Implementing the OECD Principles for Transparency and Integrity in Lobbying – OECD, 2014. 228 p.
22. *Carini G.* No clarity on Italy's position on the EU Transparency Register // Alter-EU. 2017. URL: <https://www.alter-eu.org/no-clarity-on-italy%E2%80%99s-position-on-the-eu-transparency-register> (accessed: 30.04.2021).
23. *Baggi G.* Italy: how parliament is starting to deal with lobbyists // Euronews – 21.03.2017. URL: <https://www.euronews.com/2017/03/21/italy-when-just-one-chamber-of-the-parliament-gives-itself-rules-about-how-to> (accessed: 30.04.2021).
24. *Sonsini M.* Disciplinare i lobbisti? Affrontiamo il vero problema [Electronic resource] / MAG. 27.03.2017. URL: <https://www.telosaes.it/en/blog/download.php?id=73> (accessed: 30.04.2021).
25. *Evaluation report. Italy* // Adopted by GRECO at its 73rd Plenary Meeting (Strasbourg, 17–21 October 2016), 2017. P. 50. URL: <https://rm.coe.int/CoERMPublicCommonSearchServices/DisplayDCTMContent?documentId=09000016806dce15> (accessed: 30.04.2021).

Pavel S. Kanevskiy, Lomonosov Moscow State University (Moscow, Russian Federation).

E-mail: kanevskiy@socio.msu.ru

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya – Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science. 2021. 63. pp. 172–183.

DOI: 10.17223/1998863X/63/17

VECTORS OF INTERACTION BETWEEN INTEREST GROUPS AND PUBLIC AUTHORITIES IN ITALY

Keywords: lobbying; interest groups; politics in Italy; regulation of lobbying

The current article analyses the mechanism of interaction between interest groups and public decision makers in Italy. The author seeks to explore the main trends in the development of the interest groups system, its institutional environment, vectors of interaction with political parties and the executive branch. The author shows that lobbying in Italy is an integral part of the political process, but it has a number of features that distinguish the Italian model from that of other countries of Western Europe and North America. It can be explained by the specifics of the Italian political system, political culture, unstable party system, and constantly changing lobbying mechanism. Inter-elite, patronage ties dominate in the interaction between interest groups and the government. Equal access to decision makers is one of the key problems of the Italian lobbying mechanism. Lack of transparency and informal communication channels continue to be an unresolved problem that does not allow the political system to efficiently process the plurality of existing group interests. Despite numerous discussions and bills, Italy has not yet moved on to creating a unified regulatory regime that would clearly define the rules of interaction between interest groups and decision makers. Although separate norms have been implemented in six Italian regions, the parliament and two ministries, they are not harmonized with each other. In particular, business groups (most influential lobbyists) do not fall under regional regulation, while many rules at the national level, which should in theory facilitate the access to decision makers, are offset by the lack of transparency in the real life lobbying. The solution to the problem of unequal access lies not only within a unified set of norms and rules aimed at regulating lobbying (although this should be a necessary first step), but in a general increase of transparency in the decision-making process, creation of clearer codes of conduct for politicians, regulation of “revolving doors”, and reduction of conflicts of interest.

References

1. Almond, G., Pauell, D., Strom, K. & Dalton, R. (2002) *Sravnitel'naya politologiya segodnya: mirovoy obzor* [Comparative Political Science Today: A World Review]. Translated from English. Moscow: Aspekt Press.
2. Elgie, R. & Griggs, S. (2013) *French Politics: Debates and Controversies*. Routledge.
3. Natali, D. & Pritoni, A. (2014) Parties and interest groups in Italy: the case of pensions policy. *Contemporary Italian Politics*. 6(3). pp. 249–260.
4. Siaroff, A. (1999) Corporatism in 24 industrial democracies: Meaning and measurement. *European Journal of Political Research*. 36. pp. 175–205.
5. Colavitti, G. (2005) *Rappresentanza e interessi organizzati: contributo allo studio dei rapporti tra rappresentanza politica e rappresentanza di interessi*. Milano: Giuffrè.
6. Esposito, C. (1958) *Scritti giuridici scelti. II. Teoria generale dello Stato e Diritto costituzionale prerepubblicano*. Vol. 2. Napoli: Jovene.
7. Department of International Relations of the Senate of the Italian Republic. (n.d.) *Konstitutsiya Ital'yanskoy Respubliki* [Constitution of the Italian Republic]. [Online] Available from: [https://www.senato.it/application/xmanager/projects/leg18/file/repository/relazioni/libreria/novita/XVI II/Costituzione_lingua_russo.pdf](https://www.senato.it/application/xmanager/projects/leg18/file/repository/relazioni/libreria/novita/XVI%II/Costituzione_lingua_russo.pdf) (Accessed: 30th April 2021).
8. Hancock, M., Carman, C., Castle, M., Conrad, D., Nanetti, R., Leonardi, R., Safran, W. & White, S. (2014) *Politics in Europe*. CQ Press.
9. Zonova, T.V. (2018) Partiynaya sistema Italii [The party system of Italy]. *Aktual'nye problemy Evropy – Current Problems of Europe*. 2. pp. 156–176.
10. Maslova, E.A. (2018) Ital'yanskaya politika v 2017 g.: podgotovka k parlamentskim vyboram [Italian politics in 2017: preparation for parliamentary elections]. In: Maslova, E.A. (ed.) *Sovremennaya Italiya: starые problemy, novye vyzovy. Doklady Instituta Evropy* [Modern Italy: old problems, new challenges. Reports of the Institute of Europe]. Vol. 349. Moscow: RAS.
11. Kaufman, B. (2018) Italy gets the world's first minister for direct democracy. *Swissinfo*. 4th June. [Online] Available from: <https://www.swissinfo.ch/eng/directdemocracy/pioneering-role-italy-gets-the-world-s-first-minister-for-direct-democracy/44164868> (Accessed: 30th April 2021).
12. Alekseenkova, E. (2019) Country of the Winning Populism: Italy in the Postelection Period. *Sovremennaya Evropa – Contemporary Europe*. 2. pp. 106–117. (In Russian).
13. Italy. (n.d.) *Registro rappresentanti di interessi. Camera dei Deputati*. [Online] Available from: http://www.camera.it/rap-presentantidiinteressi/registro_rappresentanti.html (Accessed: 30th April 2021).
14. European Union. (n.d.) *Transparency Register*. [Online] Available from: <http://ec.europa.eu/transparencyregister> (Accessed: 30th April 2021).

15. Constantelos, J. (2007) Interest group strategies in multi-level Europe. *Journal of Public Affairs*. 7. pp. 39–53.
16. Italy. (n.d.) *Rules of procedures of the Chamber of Deputies. Camera dei Deputati*. [Online] Available from: [https:// en.camera.it/application/xmanager/projects/camera_eng/file/RULES_OF_PROCEDURE_CHAMBRE_OF_DEPUTIES.pdf](https://en.camera.it/application/xmanager/projects/camera_eng/file/RULES_OF_PROCEDURE_CHAMBRE_OF_DEPUTIES.pdf) (Accessed: 30th April 2021).
17. Italy. (n.d.) *Rules of the Senate. Regolamento del Senato. Senato della Repubblica*. [Online] Available from: [http:// www.senato.it/application/xmanager/projects/leg18/file/repository/istituzione/18P0073-Regolamento-inglese_Archivio.pdf](http://www.senato.it/application/xmanager/projects/leg18/file/repository/istituzione/18P0073-Regolamento-inglese_Archivio.pdf) (Accessed: 30th April 2021).
18. Del Monte, D., Putaturo, C., Fraschini, G. & Ferro, S. (2014) *Lobbying and democracy. Representing interests in Italy – Transparency International Italia*. European Union.
19. EPRS – European Parliament Research Service. (2016) *Transparency of lobbying in Member States. Comparative Analysis*. [Online] Available from: http://www.europarl.europa.eu/EPRS/Transparency_of_lobbying_in_Member_States.pdf (Accessed: 30th April 2021).
20. Nunez, R. & Sperduti, M. (2018) The regulation of lobbying at sub-national level in Spain and in Italy. *Diritto Pubblico Comparato ed Europeo*. 3. pp. 631–664.
21. Perillo, P. (2014) Italy: The regulation of lobbying and the evolution of a cultural taboo. In: *Lobbyists, Governments and Public Trust*. Vol. 3. OECD.
22. Carini, G. (2017) *No clarity on Italy's position on the EU Transparency Register*. [Online] Available from: <https://www.alter-eu.org/no-clarity-on-italy%E2%80%99s-position-on-the-eu-transparency-register> (Accessed: 30th April 2021).
23. Baggi, G. (2017) Italy: how parliament is starting to deal with lobbyists. *Euronews*. 21st March. [Online] Available from: <https://www.euronews.com/2017/03/21/italy-when-just-one-chamber-of-the-parliament-gives-itself-rules-about-how-to> (Accessed: 30th April 2021).
24. Sonsini, M. (2017) Disciplinare i lobbisti? Affrontiamo il vero problema. *MAG*. 27th March. [Online] Available from: <https://www.telosaes.it/en/blog/download.php?id=73> (Accessed: 30th April 2021).
25. Italy. (2017) *Evaluation report. Italy*. Adopted by GRECO at its 73rd Plenary Meeting (Strasbourg, 17-21 October 2016). p. 50. [Online] Available from: <https://rm.coe.int/CoERMPublicCommonSearchServices/DisplayDCTMContent?documentId=09000016806dce15> (Accessed: 30th April 2021).

УДК 32.019.51

DOI: 10.17223/1998863X/63/18

П.Я. Фельдман

ИТ-КОРПОРАЦИИ НА ПУТИ К ОБРЕТЕНИЮ ПОЛИТИЧЕСКОЙ СУБЪЕКТНОСТИ: УГРОЗЫ И ВОЗМОЖНОСТИ

В статье оценивается степень влияния ИТ-корпораций на современные политические процессы. Анализируя эмпирический материал, полученный в ходе кампании по выборам президента США 2020 г., автор приходит к выводу, что социальные сети и другие интернет-сервисы обрели некоторые признаки политической субъектности. Их собственники открыто используют свои информационно-коммуникационные ресурсы для усиления электоральных позиций определенных политических сил.

Ключевые слова: политическая коммуникация, группы интересов, электоральные процессы, социальные сети, выборы президента США, интернет

Среди наиболее актуальных проблем, стоящих перед современной наукой, особое место занимают цифровизация коммуникационных практик и ее проекция на политическую сферу жизнедеятельности общества. Еще в недавнем прошлом перспектива внедрения интернет-технологий в широкий социальный обиход вызывала у представителей экспертного сообщества чувство восторженного предвкушения, однако теперь она рассматривается, скорее, как угроза для общественной безопасности. Столь резкая смена парадигмы обусловлена осознанием совокупности политических рисков, сопряженных с техническим прогрессом. В конце XX в. было принято считать, что стремительный рост числа пользователей сети Интернет приведет к демократизации политических процессов и послужит дополнительным импульсом для развития гражданского общества. На практике все оказалось иначе. Виртуальное пространство стало питательной средой для разного рода слухов, абсурдных конспирологических теорий, «фейковых новостей», деструктивных идеологий и политических мифов. На фоне роста глобальной конфронтации «Всемирная паутина» постепенно превращается в информационный фронт «гибридной войны», которую ведут между собой сверхдержавы. Известны многочисленные случаи применения современных сетевых технологий для осуществления иностранного вмешательства в выборы и организации государственных переворотов («цветных революций»). Наконец, в эпоху цифровизации с особой остротой встает вопрос об обеспечении неприкосновенности частной жизни и поддержании надлежащего уровня защищенности персональных данных.

К числу вышеуказанных вызовов и угроз сегодня можно с уверенностью добавить обретение ИТ-корпорациями полноценной политической субъектности. Справедливо будет отметить, что крупнейшие поставщики информационно-коммуникационных услуг и ранее были весьма влиятельными группами интересов. Однако вплоть до недавнего времени их воздействие на политические процессы ограничивалось преимущественно конвенциональными инструментами: спонсированием общественных движений и партий, инкорпо-

рированием своих представителей в органы власти, лоббистской деятельностью и т.д. Социальные сети и другие виртуальные ресурсы предоставляли политическим акторам цифровую инфраструктуру для проведения агитационно-пропагандистских кампаний, но сами предпочитали не вмешиваться в баталии, разворачивающиеся на их площадках. Они прибегали к жесткой модерации информационных потоков лишь в тех случаях, когда пользователи нарушали законодательство о противодействии экстремизму или нарочито пренебрегали требованиями к безопасности контента. В отличие от традиционных СМИ, многим из которых присущи ярко выраженная партийность и ангажированность, сетевые интернет-сервисы давали несистемным политикам возможность прямого диалога с их аудиторией. Этими ресурсами успешно пользовался, например, Д. Трамп, на чей Twitter-аккаунт было подписано более 88 млн человек. Как выяснилось позже, плюрализм мнений в виртуальном пространстве «глобальной паутины» царил лишь до той поры, пока это устраивало ИТ-корпорации.

Вплоть до 2019 г. в массовом сознании преобладал стереотип, согласно которому функционирование социальных сетевых платформ подчиняется строгим математическим алгоритмам. Однако с недавних пор общественные деятели, политики и блогеры, придерживающиеся консервативных взглядов, стали замечать, что их публикации в интернете по необъяснимым причинам скрываются от широкой аудитории или вовсе подвергаются блокировке. Принудительное понижение уровня популярности и доступности сетевых ресурсов ИТ-специалисты обозначают термином «пессимизация». Как правило, пресловутой пессимизации подвергаются сайты, видеоролики, тексты и иные материалы, чья идеологическая направленность противоречит духу западного леволиберального мейнстрима. Вполне логично было предположить, что таким образом владельцы популярных американских интернет-сервисов сознательно препятствуют популяризации чуждых им идей. Эта гипотеза получила зримое подтверждение в 2020 г. во время кампании по выборам президента США. Ожесточенное информационное противостояние между Д. Трампом и Д. Байденом развернулось на фоне консолидированной поддержки представителя Демократической партии со стороны ИТ-гигантов (Twitter, Facebook, Google). В отношении кандидата от республиканцев, напротив, был задействован целый арсенал инструментов «цифрового сдерживания»: пессимизация контента, блокировки аккаунтов, специальная маркировка публикаций в социальных сетях и т.д. Не исключено, что именно этот фактор оказал решающее влияние на исход президентской гонки.

Четырьмя годами ранее Д. Трамп одержал победу на выборах, сделав Twitter своей главной агитационной площадкой. На том этапе практически все традиционные СМИ единодушно поддерживали его противницу – Х. Клинтон. Неожиданный для подавляющего большинства экспертов успех несистемного кандидата стал наглядной демонстрацией колоссальных возможностей социальных сетей в сфере управления электоральным поведением граждан. При этом глобалистски ориентированные ИТ-гиганты никогда не симпатизировали Д. Трампу как апологету консерватизма, протекционизма и экономического национализма. Парадоксален еще и тот факт, что 45-й президент США нередко критиковал информационную политику Twitter в своем аккаунте. До определенного момента он успешно использовал социальные

сети и популярные интернет-сервисы для достижения целей, противоречащих фундаментальным политическим интересам их владельцев. Корпорации из «Кремниевой долины» с лихвой отплатили ему за это во время предвыборной кампании 2020 г., когда Д. Трамп столкнулся с беспрецедентными ограничениями на распространение своих идей в сети Интернет.

В разгар пандемии коронавируса Facebook удалил видеоролик с фрагментом интервью 45-го президента Соединенных Штатов, содержащий заявление о том, что «дети слабовосприимчивы к COVID-19» [1]. Twitter поступил еще более радикально: под эгидой борьбы с фейковой информацией он временно заблокировал аккаунт предвыборного штаба Д. Трампа. Представители кандидата от Республиканской партии обвинили IT-корпорации в предвзятости по отношению к главе Белого дома и осудили притязания социальных сетей на статус «арбитров истины» [Там же]. Данный прецедент заставил всерьез задуматься о том, имеют ли интернет-ресурсы юридические основания и, самое главное, моральное право самостоятельно определять степень достоверности общественно значимой информации. Так, заявление Д. Трампа о том, что дети переносят COVID-19 в легкой форме, подтверждается результатами исследований целого ряда авторитетных научных центров и объективными статистическими данными [2]. Оно представляет собой смелую гипотезу или категоричное обобщение, но никак не «фейковую новость» в чистом виде. Более того, IT-компании Facebook и Twitter, очевидно, гораздо менее сведущи в медицинских вопросах, нежели глава государства, получающий информацию от профильных экспертов.

Если в случае с публикациями о пандемии COVID-19 применение медиакомпаниями элементов цензуры можно списать на заботу о здоровье граждан, то причины удаления разоблачительных материалов о семье Д. Байдена во время предвыборной гонки, скорее всего, носят политический характер. Осенью 2020 г. все те же Twitter и Facebook приступили к блокировке аккаунтов, чьи владельцы цитировали статью из американской газеты New York Post с критикой в адрес Байдена-младшего. Авторы нашумевшего материала утверждали, что, находясь в совете директоров украинской газодобывающей компании Burisma, сын политика использовал служебное положение своего отца, занимавшего тогда пост вице-президента США, для реализации коммерческих интересов [3]. В основу расследования легли материалы электронной переписки, добытые незаконным путем. Администрация социальных сетей расценила это как посягательство на частную жизнь. Под эгидой борьбы с компроматом был заблокирован личный профиль пресс-секретаря Белого дома К. Макинени, которая сделала репост вышеупомянутой статьи на своей странице. Следует признать, что Twitter и Facebook формально руководствовались корпоративной информационной политикой. Однако в рамках этой же самой политики стало возможным тиражирование «фейковых новостей» о «сговоре Д. Трампа с властями РФ» и «российском вмешательстве» в президентские выборы 2016 г. Несмотря на то, что по итогам масштабного прокурорского расследования с 45-го президента США были сняты все обвинения, в американских социальных сетях до сих пор можно встретить многочисленные конспирологические теории подобного рода.

Помимо пессимизации и блокировки общественно-политического контента, IT-корпорации использовали против Д. Трампа маркировку его публи-

каций в Twitter и Facebook специальной символикой, свидетельствующей об их недостоверности. Впервые это случилось, когда губернатор Калифорнии (один из лидеров Демократической партии) решил выслать по почте жителям своего штата пустые бланки избирательных бюллетеней. 45-й президент США расценил этот жест как попытку электорального мошенничества и написал в Twitter следующее: «Почтовые ящики будут взломаны, а бюллетени – подделаны, незаконно распечатаны и подписаны» [4]. Позже Д. Трамп сделал целый ряд публикаций аналогичного содержания. Администрация социальной сети снабдила их ярким предупредительным знаком и подписью: «Получите достоверные сведения о рассылке бюллетеней по почте». Кликнув на эту подпись, пользователи оказывались на странице с заголовком «Трамп безосновательно заявляет, что почтовая рассылка бюллетеней ведет к фальсификации выборов». Дабы подтвердить свой тезис, Twitter апеллировал к позиции CNN, Washington Post и ряда экспертов, по мнению которых, заявления главы Белого дома являются ложными [5].

Действительно, Д. Трамп выразил свое отношение к голосованию по почте в предельно жесткой и безапелляционной форме, однако его публикацию можно интерпретировать как выражение частного, субъективного мнения относительно насущной политической проблемы. Другие граждане имели возможность оспорить одиозное высказывание главы Белого дома, вступив с ним в горизонтальную коммуникацию посредством размещения комментариев и собственных публикаций в Twitter. Тем не менее социальная сеть, которая на протяжении всего периода своего функционирования позиционировалась как трибуна для свободных политических дискуссий, прибегла к прямому вмешательству в идейно-смысловое пространство своих пользователей. Обезличенная информационная система вступила в полемику с кандидатом на президентский пост, продемонстрировав не только глубокую вовлеченность в электоральный процесс, но и наличие у нее вполне определенной политической позиции.

Аналогичный инцидент произошел в день голосования, когда Д. Трамп разместил в своем аккаунте заявление о якобы имевших место попытках «украсть его голоса». Модераторы Twitter незамедлительно признали эту публикацию «фейковой новостью», которая противоречит «многочисленным достоверным источникам, включая Bloomberg, Associated Press и National Public Radio» [6]. Неудивительно, что в данный перечень попали лишь те информационные ресурсы, которые жестко критиковали 45-го президента США на протяжении всей предвыборной гонки. Позже в заочных препирательствах с Д. Трампом Twitter многократно цитировал журналистов CNN, но предпочитал игнорировать сообщения лояльного республиканцам телеканала Fox News или правоконсервативного One America News Network. Подобные примеры неформальной коллаборации между леволиберальными масс-медиа и американскими ИТ-компаниями свидетельствуют о схожести их политических пристрастий.

По окончании президентской кампании Twitter принципиально разошелся с Д. Трампом в оценке степени честности и прозрачности голосования. Публикацию проигравшего кандидата о том, что результаты волеизъявления избирателей в штате Пенсильвания были подтасованы, модераторы снабдили ремаркой «Разнообразные ресурсы оценивают итоги выборов по-другому».

Точно такой же маркировке подвергся пост сенатора Д. Мاستриано, который задался вопросом о происхождении 1 млн бюллетеней, полученных по почте (именно они внесли решающий вклад в победу Д. Байдена в Пенсильвании). Сенатор обратил внимание на очевидное противоречие между опубликованными Государственным департаментом США промежуточными итогами подсчета голосов и окончательными результатами выборов [7]. Действия Twitter можно было бы объяснить заботой об имидже электоральных институтов, однако администрация социальной сети сама продемонстрировала неуважение к ним, когда задолго до объявления официальных итогов президентской гонки провозгласила Д. Байдена победителем. Представители ИТ-компаний пообещали, что в день истечения полномочий Д. Трампа лишат его доступа к официальному аккаунту президента США и передадут пароль представителю Демократической партии [8]. Таким образом, Twitter признал Д. Байдена избранным главой Белого дома гораздо раньше, чем это сделала коллегия выборщиков (на тот момент в Верховном суде еще рассматривались иски о нарушениях, поданные от имени Д. Трампа).

Апофеозом противоборства между 45-м президентом США и Twitter стала окончательная и полная блокировка его аккаунта в данной социальной сети. Ей предшествовала неудачная попытка захвата Капитолия группой радикальных «трампистов». Поводом для волнений послужило то, что проигравший кандидат отказался признавать свое поражение и в очередной раз назвал выборы сфальсифицированными. Несмотря на то, что Д. Трамп не давал своим сторонникам прямого указания штурмовать Конгресс, его одиозное поведение могло побудить ультраправых активистов к нарушению закона. Позже он неоднократно призывал взбунтовавшуюся толпу к спокойствию, в том числе через свои аккаунты в социальных сетях. Так или иначе, личная вина Д. Трампа в беспорядках, произошедших 6 января 2021 г. в Вашингтоне, не была установлена компетентными органами на тот момент, когда Twitter вынес ему свой «приговор». Впрочем, это решение причинило самой компании мощный репутационный урон, получивший конкретное материальное выражение в виде снижения рыночной стоимости ее активов на 5 млрд долларов за первые 10 дней после блокировки. Доверие потенциальных инвесторов к популярной социальной сети не могло не пошатнуться после того, как она без объяснения причины удалила один из самых популярных аккаунтов. Вероятно, у многих возникло небезосновательное опасение, что участь Д. Трампа в любой момент могут разделить и другие пользователи услуг соответствующей ИТ-компания.

Лишившись основного канала прямой коммуникации со своей аудиторией, 45-й президент США столкнулся с необходимостью поиска альтернативных инструментов вещания. В этом качестве ему могла бы послужить популярная среди правых консерваторов социальная сеть Parler, однако компании Google, Apple и Amazon незамедлительно прекратили ее техническую поддержку [9]. Беспрецедентная консолидация ИТ-гигантов на почве борьбы с их общим идеологическим противником явила собой пример того, как субъекты рыночной конкуренции при необходимости вступают в неформальные политические коалиции. Объединяя свои информационно-коммуникационные ресурсы, они могут формировать электоральные предпочтения миллионов граждан. Социальные сети обладают потенциалом для того, чтобы в средне-

срочной перспективе заменить традиционные политические партии в качестве платформ для выдвижения кандидатов на выборы. Они владеют колоссальным объемом данных о частной жизни, интересах и предпочтениях своих пользователей. Это открывает им практически безграничные возможности для персонализации агитационно-пропагандистских материалов. Однако особую тревогу вызывает тот факт, что информационная политика виртуальных ресурсов не укладывается в рамки правовых институтов и практически не подлежит регулированию со стороны государства.

Посредством изучения богатого эмпирического материала, полученного в ходе кампании по выборам президента США 2019–2020 гг., можно выделить характерный набор политико-манипулятивных инструментов, применяемых ИТ-компаниями для управления электоральным поведением пользователей интернет-сервисов:

- 1) блокировка аккаунтов и ограничение доступа к определенному контенту;
- 2) маркировка неудобных публикаций как «фейковых новостей» или «потенциально опасных» материалов;
- 3) публичное опровержение заявлений политических блогеров;
- 4) настройка поисковых алгоритмов таким образом, чтобы они выдавали заранее запрограммированные результаты;
- 5) автоматическая рекомендация тех или иных материалов к просмотру;
- 6) искусственная пессимизация идеологически чуждого контента;
- 7) прекращение технической поддержки приложений и сервисов, используемых политическими противниками;
- 8) злоупотребление доступом к персональным данным пользователей для реализации агитационных кампаний.

Осмыслить причины и последствия политического возвышения ИТ-корпораций одним из первых попытался Ф. Фукуяма – апологет глобализма и либеральных ценностей. Вместе с американскими исследователями Б. Ричманом и А. Гозлем он пришел к выводу о том, что вред, причиняемый социальными сетевыми платформами политической сфере, «гораздо опаснее экономического ущерба от их деятельности» [10]. По мнению указанных авторов, коммуникационные возможности интернета все чаще используются деструктивными силами для распространения «фейковых новостей» и экстремистских идей. В силу специфики функционирования поисковых алгоритмов рядовые пользователи виртуальных сервисов невольно оказываются в так называемых «информационных пузырях». В их поле зрения попадают лишь те материалы, которые соответствуют заранее сформированным вкусам, интересам и убеждениям аудитории. Наконец, ИТ-корпорации могут по собственному усмотрению «усиливать или глушить определенные голоса, оказывая дезориентирующее влияние на демократические дебаты по актуальным политическим проблемам» [Ibid.]. Обладание столь мощными инструментами социального управления, с точки зрения Ф. Фукуямы, Б. Ричмана и А. Гозля, может быть легко конвертировано в политическую власть.

Частично соглашаясь с приведенными выше аргументами, считаем необходимым добавить, что персонализация политического контента как неотъемлемый принцип функционирования социальных сетей способствует поля-

ризации и радикализации общества. Интернет-сервисы стремятся к тому, чтобы поставляемая ими информация вызывала у целевой аудитории эмоциональный отклик (от гнева до бурного одобрения). Именно поэтому виртуальное пространство перенасыщено идеологически окрашенными материалами. Для обозначения подобных информационных продуктов в западном политическом дискурсе используется понятие «partisan news» – новости, специально предназначенные для верных сторонников определенных партий, лидеров и движений. По мнению американских ученых А. Хаселла и Б. Вика, провокационные публикации в социальных сетях стимулируют ответную реакцию со стороны пользователей [11]. Негативные эмоции раздраженной публики выплескиваются в виртуальное пространство, способствуя интенсификации коммуникационных процессов. Углубление политических противоречий в обществе повышает уровень вовлеченности граждан в социальные сети и, следовательно, полностью отвечает коммерческим интересам их владельцев. Таким образом, происходит капитализация ценностно-идеологических конфликтов, разгорающихся на просторах «Всемирной паутины».

Безусловно, подобное состояние публичной информационной среды чревато совокупностью негативных социально-психологических последствий. Н.Г. Осипова и В.И. Челищев справедливо отмечают, что лавинообразный поток информации, обрушивающийся на современного человека в сети Интернет, побуждает его «к поверхностному восприятию вещей, к ощущению сиюминутности бытия и отрицанию исторических закономерностей» [12. С. 3]. Вопреки футурологическим прогнозам некоторых социологов доминирующими признаками «сетевого общества будущего» могут стать вовсе не пластичность и кооперация, а партикуляризм и политическое сектантство [13]. Нечто подобное уже отмечается в США, где за рамками традиционных институтов двухпартийной системы в сетевом пространстве сформировались враждующие фракции условных «трампистов» и симпатизантов движения «Black lives matter». То, что в «информационном пузыре» правых консерваторов воспринимается как достоверный факт, с точки зрения левых активистов, никак не соотносится с реальной действительностью (и наоборот). Иными словами, имеет место типичный для эпохи постправды распад идейно-смыслового пространства на две категорически не совпадающие друг с другом реальности, в каждой из которых степень достоверности информации определяется ценностными ориентациями и политическими установками ее потребителей [14].

Вполне закономерно, что на современном этапе все чаще звучат призывы законодательно ограничить влияние IT-компаний. Например, Ф. Фукуяма считает целесообразным внедрить жесткое государственное регулирование виртуального пространства. Впрочем, сам он прекрасно осознает, что подобный подход едва ли увенчается успехом «в такой поляризованной стране, как США» [10]. Гипотетически власть может на законодательном уровне регламентировать правила поведения всех субъектов виртуальной коммуникации (от IT-компаний до рядовых подписчиков). Однако в западных странах всегда будет оставаться непреодолимый барьер, защищающий сферу частного бизнеса от регуляторного вмешательства государства. На данный момент не представляется возможной выработка этических или юридических механизмов, которые могли бы ограничить социальные сети в их праве самостоя-

тельно решать, кого они заблокируют, а кого, напротив, вознесут на вершины рейтингов популярности. Кроме того, правящая элита может злонамеренно использовать государственный контроль над сетевым пространством для вовлечения максимального числа граждан в свой «информационно-идеологический пузырь». Альтернативный вариант заключается в применении по отношению к ИТ-корпорациям принципов антимонопольного законодательства, в числе которых административное членение, разукрупнение, принуждение к продаже активов, частичная национализация и т.д. Однако велика вероятность того, что подобные меры, доказавшие свою высокую эффективность в нефтегазовом секторе, не дадут аналогичного результата в сфере высоких технологий.

Подводя итоги, можно заключить, что в ходе кампании по выборам президента США 2020 г. явно обозначилась тенденция к обретению ИТ-корпорациями полноценной политической субъектности. Обладая мощным информационно-коммуникационным потенциалом и располагая гигантским объемом персональных данных, медиа-гиганты оказывают существенное влияние на электоральное поведение граждан. Если на современном этапе они ограничиваются поддержкой угодных им партий и политических лидеров, то уже в ближайшей перспективе могут перейти к выдвижению собственных кандидатов на выборные посты. Стремясь к максимальной персонализации и эмоциональному насыщению контента, социальные сетевые платформы косвенно содействуют идеологической поляризации и радикализации масс. Они наполняют виртуальное пространство «партизанскими» новостями, которые у одной части общества вызывают горячее одобрение, а у другой – возмущение и раздражение. Однако главная проблема заключается в том, что функционирование популярных видеохостингов, поисковых систем, агрегаторов и социальных сетей не вписывается в рамки традиционных политических институтов. На данный момент они де-факто представляют собой квазигосударственные образования, территорией которых служит интернет-пространство. В этих «виртуальных государствах» действуют собственные этические и правовые нормы, зачастую не согласующиеся с национальным и международным законодательством. Соответственно, актуализируется потребность в поиске действенных механизмов, способных привести информационную политику медиа-корпораций в соответствие со стандартами, выработкой которых займутся легитимные органы власти.

Литература

1. *Twitter* на время заблокировал аккаунт избирательной кампании Трампа // Deutsche Welle. 06.08.2020. URL: <https://www.dw.com/ru/twitter-zablokirovala-akkaunt-izbiratelnoj-kampanii-trampa/a-54456473> (дата обращения: 5.01.2021).
2. *Коронавирус* и дети: 12 вопросов о том, что грозит вашему ребенку // BBC. 14.04.2020. URL: <https://www.bbc.com/russian/vert-fut-52231282> (дата обращения: 5.01.2021).
3. *Smoking-gun* email reveals how Hunter Biden introduced Ukrainian businessman to VP dad // New York Post. 14.10.2020. URL: <https://nypost.com/2020/10/14/email-reveals-how-hunter-biden-introduced-ukrainian-biz-man-to-dad> (accessed: 5.01.2021).
4. *Twitter* обратил внимание пользователей на фейки в постах Трампа // РБК. 27.05.2020. URL: <https://www.rbc.ru/society/27/05/2020/5ecdba8c9a794773d1b8808f> (дата обращения: 5.01.2021).
5. *Trump* makes unsubstantiated claim that mail-in ballots will lead to voter fraud // Twitter. 26.05.2020. URL: <https://twitter.com/i/events/1265330601034256384> (accessed: 5.01.2021).

6. Ballots counted after Election Day are legitimate as long as they were cast on or before November 3, as per state-by-state rules // Twitter. 4.11.2020. URL: <https://twitter.com/i/events/1323361679699181569> (accessed: 5.01.2021).

7. State Senator D. Mastriano's personal Twitter account. URL: <https://twitter.com/SenMastriano> (accessed: 5.01.2021).

8. Аккаунты президента США в Twitter перейдут Байдену в день инаугурации // РБК. 21.10.2020. URL: <https://www.rbc.ru/rbcfreenews/5fb881119a79470551c07cfd> (дата обращения: 5.01.2021).

9. Amazon, Apple and Google Cut Off Parler, an App That Drew Trump Supporters // The New York Times. 9.01.2021. URL: <https://www.nytimes.com/2021/01/09/technology/apple-google-parler.html> (accessed: 10.01.2021).

10. Fukuyama F., Richman B., Goel A. How to Save Democracy From Technology // Foreign Affairs. 2020. URL: <https://www.foreignaffairs.com/articles/united-states/2020-11-24/fukuyama-how-save-democracy-technology> (accessed: 5.01.2021).

11. Hasell A., Weeks B. Partisan Provocation: The Role of Partisan News Use and Emotional Responses in Political Information Sharing in Social Media // Human Communication Research. 2016. Vol. 42, Iss. 4.

12. Осипова Н.Г., Челищев В.И. Социальные механизмы и технологии манипулятивного управления личностью // Вестник Московского университета. Серия 18: Социология и политология. 2016. Т. 22, № 4. С. 3–21.

13. Кастельс М. Власть коммуникации. М.: Издательский дом ВШЭ, 2020. 568 с.

14. Шатин Ю.В. Постправда как риторический феномен в современном медиапространстве // Вестник Новосибирского государственного университета. История, филология. 2020. Т. 19, № 6. С. 250–257.

Pavel Ya. Feldman, Academy of Labour and Social Relations (Moscow, Russian Federation).

E-mail: pavelfeld@mail.ru

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya – Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science. 2021. 63. pp. 184–193.

DOI: 10.17223/1998863X/63/18

IT CORPORATIONS ON THE WAY TO GAINING POLITICAL SUBJECTIVITY: THREATS AND OPPORTUNITIES

Keywords: political communication; interest groups; electoral processes; social networks; US presidential elections; Internet

The article assesses the degree of media corporations' influence on modern political processes. The empirical basis of the study was formed by monitoring the functioning of popular network platforms (Twitter, Google, Facebook, etc.) during the US presidential campaign in 2020. The totality of the observations the author made suggests that Internet resources have moved into a qualitatively new state for themselves: if earlier they served as channels of communication between political actors, now they have begun to directly influence the distribution and redistribution of power. At the same time, their ideological tendentiousness and political engagement have become obvious. IT corporations pursue their power ambitions by promoting the electoral success of candidates and parties that provide them with political patronage. For this, a set of manipulative technologies is used. It includes blocking accounts and restricting access to certain content, labeling objectionable publications as “fake news” or “potentially dangerous” materials, public denial of statements of political bloggers, setting up search algorithms so that they produce pre-programmed results, automatic recommendation of certain materials for viewing, artificial pessimization of ideologically alien content, termination of technical support for applications and services used by political opponents, abuse of access to personal data of clients. The author comes to the conclusion that, during the 2020 US presidential campaign, there was a clear tendency for IT corporations to acquire full-fledged political subjectivity. They can use their information and communication potential to influence the electoral processes. Seeking maximum personalization and emotional saturation of their content, social media platforms indirectly contribute to the ideological polarization and radicalization of the masses. However, the main problem is that the functioning of popular video hosting sites, search engines, aggregators, and social networks does not fit into the framework of traditional political institutions. At the moment, they, de facto, are quasi-state formations, the territory of which is the Internet space. These “virtual states” have their own ethical and legal norms, which are often inconsistent with national and international legislation. Accordingly,

the need for finding effective mechanisms that can bring the information policy of media corporations in line with the standards, which will be developed by the legitimate authorities, is becoming urgent.

References

1. *Deutsche Welle*. (2020) Twitter na vremyaablokiroval akkaunt izbiratel'noy kampanii Trampa [Twitter temporarily blocked Trump's campaign account]. 6th August. [Online] Available from: <https://www.dw.com/ru/twitter-zablokirovala-akkaunt-izbiratel'noy-kampanii-trampa/a-54456473> (Accessed: 5th January 2021).
2. *BBC*. (2020) Koronavirus i deti: 12 voprosov o tom, chto grozit vashemu rebenku [Coronavirus and children: 12 questions about what threatens your child]. 14th April. [Online] Available from: <https://www.bbc.com/russian/vert-fut-52231282> (Accessed: 5th January 2021).
3. *New York Post*. (2020) Smoking-gun email reveals how Hunter Biden introduced Ukrainian businessman to VP dad. 14th October. [Online] Available from: <https://nypost.com/2020/10/14/email-reveals-how-hunter-biden-introduced-ukrainian-biz-man-to-dad> (Accessed: 5th January 2021).
4. *RBK*. (2020a) Twitter obratil vnimanie pol'zovateley na feyki v postakh Trampa [Twitter drew users' attention to fakes in Trump's posts]. 27th May. [Online] Available from: <https://www.rbc.ru/society/27/05/2020/5ecd8c9a794773d1b8808f> (Accessed: 5th January 2021).
5. *Twitter*. (2020a) Trump makes unsubstantiated claim that mail-in ballots will lead to voter fraud. 26th May. [Online] Available from: <https://twitter.com/i/events/1265330601034256384> (Accessed: 5th January 2021).
6. *Twitter*. (2020b) Ballots counted after Election Day are legitimate as long as they were cast on or before November 3, as per state-by-state rules. 4th November. [Online] Available from: <https://twitter.com/i/events/1323361679699181569> (Accessed: 5th January 2021).
7. *Twitter*. (n.d.) State Senator D. Mastriano's personal Twitter account. [Online] Available from: <https://twitter.com/SenMastriano> (Accessed: 5th January 2021).
8. *RBK*. (2020b) Akkaunty prezidenta SShA v Twitter pereydu v den' inauguratsii [US President's Twitter accounts to be transferred to Biden on inauguration day]. 21st October. [Online] Available from: <https://www.rbc.ru/rbcfreenews/5fb881119a79470551c07cfd> (Accessed: 5th January 2021).
9. *The New York Times*. (2021) Amazon, Apple and Google Cut Off Parler, an App That Drew Trump Supporters. 9th January. [Online] Available from: <https://www.nytimes.com/2021/01/09/technology/apple-google-parler.html> (Accessed: 10th January 2021).
10. Fukuyama, F., Richman, B. & Goel, A. (2020) *How to Save Democracy From Technology*. [Online] Available from: <https://www.foreignaffairs.com/articles/united-states/2020-11-24/fukuyama-how-save-democracy-technology> (Accessed: 5th January 2021).
11. Hasell, A. & Weeks, B. (2016) Partisan Provocation: The Role of Partisan News Use and Emotional Responses in Political Information Sharing in Social Media. *Human Communication Research*. 42(4).
12. Osipova, N.G. & Chelishchev, V.I. (2016) Social mechanisms and technologies of manipulative management of the person. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 18. Sotsiologiya i politologiya – Moscow State University Bulletin. Series 18. Sociology and Political Science*. 22(4). pp. 3–21. (In Russian). DOI: 10.24290/1029-3736-2016-22-4-3-21
13. Castells, M. (2020) *Vlast' kommunikatsii* [Communication Power]. Moscow: HSE.
14. Shatin, Yu.V. (2020) Post-truth as a rhetorical phenomenon in the modern media space. *Vestnik Novosibirskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriya, filologiya – Vestnik NSU. Series: History and Philology*. 19(6). pp. 250–257. (In Russian). DOI: 10.25205/1818-7919-2020-19-6-250-257

УДК 321.01; 321.6/.8

DOI: 10.17223/1998863X/63/19

Р.К.Б. Халед

ВЛАСТЬ И ПРАВО: КОНТЕКСТ БЮРОКРАТИЧЕСКОЙ РЕГЛАМЕНТАЦИИ

В статье описаны различные аспекты всеобщей бюрократизации современного общества, проанализированы их юридические, политические и гносеологические причины и следствия. Обсуждаются проблемы самостоятельности права, роста правовой регламентации социальных отношений и процессов, этатизации социальной жизни и мысли, права на сопротивление власти, феномены «законного неправа» и «надзаконного права», тренды интернализации и демократизации права. Автор обосновывает необходимость детального анализа авторитарных и тоталитарных систем XX в., которые способствовали тотальной милитаризации и бюрократизации общества.

Ключевые слова: государство, власть, право, бюрократия, демократия

В аналитической философии права и эмпирических исследованиях процессов функционирования права показано, что влияние государственной власти на право понижает его эффективность даже в демократических государствах [1]. Этот вывод совпадает с другой констатацией: в недемократических государствах законы и право образуют элементы бюрократического управления [2–5]. Цель статьи – систематизация аргументов такого хода рассуждений.

Право редко бывает самостоятельным фактором социально-политических изменений. Оно обычно отражает социально-экономические, политические и культурные процессы и преобразования, источник которых находится вне системы правовых норм. Право формулирует в качестве обязательных правил поведения то, что спонтанно рождается в сфере социальных отношений или навязывается сверху государственной властью. На эту сферу влияют традиции, экономика, политика, наука, техника, религия. Указанные факторы всегда посредством деятельности отдельных личностей или целых институтов определяли развитие права на протяжении всей истории.

Но большинство людей родилось, живет, приобретает знания о мире, стареет и умирает в рамках определенных стран и государств, которыми правят властвующие группы. Знание об истории властвующих групп своей страны обычно превосходит знания о властвующих группах других стран. Несмотря на это, синтез такого знания сформулировать нетрудно: на протяжении последних ста лет сфера правовой регламентации социальных отношений во всех государствах возросла. Мы будем исходить из этой общей посылки.

Сегодня число нормативных правовых актов внутри государств и в международных организациях насчитывается в тысячах и десятках тысяч. Через эти джунгли трудно пробиться не только обычному человеку, но и профессиональному юристу [6]. Значит, установить границу между правовой и бюрократической регламентацией социальных отношений и процессов становится все труднее. Тем более что веберовская традиция социальной, экономиче-

ской, правовой и политической мысли базируется на постулате: право и бюрократия являются более рациональными, чем традиционное и харизматическое господство.

Такое положение вещей в значительной мере есть результат небывалого расширения функций государственной власти в XX в. По поводу этого процесса существуют разные точки зрения. Однако независимо от выбора одной из них большинство индивидов (независимо от своей воли) вынуждено считаться с огосударствлением социально-экономической жизни и мысли. Эта общая тенденция на протяжении XX в. проявилась во всех странах. Но особенно в тех, в которых возникли авторитарные и тоталитарные политические системы. Первые места среди таких стран принадлежат Советскому Союзу и нацистской Германии [7, 8].

В этих странах политическое насилие переплеталось с систематическим экономическим и идеологическим давлением государственного аппарата на граждан и бюрократической регламентацией их поведения. Поэтому крайне трудно судить сегодня о том, какова доля правовых соображений и бюрократических мотивов в каждом нынешнем законе, не говоря уже о подзаконных актах. Законы и право длительное время в недемократических государствах не были средствами реализации свобод. В них воплощался властный произвол и стремление власти контролировать поведение граждан. В России этот тренд господствует до сих пор и является значимой политической традицией [9, 10].

Для критического отношения к ней требуется сопоставление истории власти России с историями власти других европейских государств [11, 12]. Такое сопоставление показывает, что в Европе обоснование права граждан на сопротивление духовной и светской власти и вытекающее из него право на осуществление народной революции против власти было общим итогом развития религиозной, теологической, философской, правовой и политической мысли на протяжении почти тысячи лет. Тогда как в России это право так и не было сформулировано, хотя предпосылки для него постепенно складывались в народных социальных утопиях и в русском анархизме XIX в. [13, 14]. Однако установление советской власти насильственно прервало эту традицию. Сейчас происходит ее восстановление [1].

На протяжении XX в. законодательства европейских стран подвергались демократизации, хотя этот процесс имел свои приливы и отливы в зависимости от общей международной конъюнктуры и специфики политических режимов конкретных стран. Авторитарные и тоталитарные государства находились вне процесса демократизации. В них возникли феномены «законного неправа» и «надзаконного права», описанные Г. Радбрухом в период, предшествующий их реализации [15]. Проявления данных форм соотношения закона и права в законодательствах различных стран образуют предмет сравнительного правоведения [16].

Другая причина роста правовой регламентации как источника его властно-мотивированной бюрократизации – появление новых сфер человеческой активности. Они могут нести с собой реальные или мнимые угрозы для безопасности индивидов и публичного порядка. Об этом свидетельствует рост в XX в. сферы правовой регламентации. В ее состав входят летное, космическое, информационное, атомное, компьютерное, экологическое, медицинское

и тому подобные виды права. На этой основе возникает множество правовых установлений и бюрократических предписаний, регламентирующих перечисленные виды деятельности. Нынешний бум на тему безопасности – одно из следствий универсального процесса бюрократизации общества.

Из сказанного вытекает, что в начале XXI в. положение в сфере правовой регламентации социальной жизни значительно отличается от начала XX в. На протяжении последних ста лет ликвидированы правовые пережитки феодального общества, реализовано формальное равенство граждан с точки зрения их публичных прав (включая избирательное), отменены законы о различии прав на основе пола, расы, религии, национальной принадлежности. В некоторых странах (США) под названием «афирмативной акции» введены даже правовые привилегии для лиц, находящихся в неравном положении в отношении к другим лицам [17].

На протяжении XX в. упрочилось правовое и идейно-политическое мышление в категориях свободы и прав человека и гражданина. Уже в период Французской революции были сформулированы принципы, содержащиеся во всеобщей декларации прав человека. Однако в национальных законодательствах доминировала категория обязанности (долга, приказа), которую государственная власть возлагала на индивидов. Сегодня эта юридическая (и нравственная) категория постепенно подчиняется идеологии прав субъекта. При этом сфера прав возрастает. Возникло представление об эволюции свобод и прав человека и гражданина, которая включает различные поколения и пространственно-временные модификации. Сформировалась тенденция распространения свобод и прав граждан одного государства на лиц, которые не являются его гражданами.

Отсюда вытекает общий тренд интернационализации права, связанный с разработкой каталога свобод и прав человека и гражданина, которым придается фундаментальное значение в законодательствах демократических государств. Сто лет назад международное право было межгосударственным. Сегодня оно стало межнациональным (в той степени, в которой разрешено противоречие между империей, нацией и демократией) [18] и в этом качестве входит во внутренние отношения конкретных государств. Но этот процесс идет с большими сложностями, поскольку зависит от властвующих групп каждой страны, которые стремятся давать такие толкования всем возникшим коллизиям, чтобы обеспечить свое превосходство над международным правом.

Многие государства признают примат международного права над внутренним правом в том случае, если установления национального права противоречат международному порядку. Это относится не только к свободе и правам человека и гражданина (имеется в виду соответствие между Декларацией прав человека ООН и конституциями европейских стран). Возникло множество различных постановлений, регламентирующих производственную деятельность, услуги, торговлю, культуру, науку национальных частных и публичных субъектов.

Другим аналогичным феноменом может служить уподобление национальных правовых норм решениям, уже принятым в других странах. Иногда это приобретает форму сознательной целостной рецепции права или институтов другой страны. Примером может служить принятие другими государ-

ствами институтов американского уголовного (коронный свидетель, судебный договор) и гражданского (договор лизинга) права.

В том же направлении идет готовность согласования правовых решений на уровне регионов мира. Именно так протекает процесс приспособления национального права государств европейского континента к европейским стандартам – Совету Европы и Евросоюза. Возникло европейское общее право, которое формируется правотворческими и исполнительными судебными институтами Евросоюза. Эти структуры иначе смотрят на традиционную проблему государственного суверенитета, которая на протяжении столетий была неотъемлемым атрибутом независимости государства при становлении и исполнении права [19].

Демократизация права, доминирование идеологии свободы и прав субъекта, интернационализация норм связаны со склонностью современных законодателей к либерализации права. Конечно, это утверждение истинно лишь по отношению к некоторым государствам и периодам их истории в XX в. Но после Второй мировой войны в европейском культурном круге возникла устойчивая тенденция к смягчению правовых норм и суровости санкций. Это выражено в отмене смертной казни и методов следствия, унижающих достоинство индивида. В некоторых современных государствах принципы вынесения приговора и исполнения наказаний полностью подчинены идее ресоциализации исполнителя с отменой таких обоснований наказания, как расплата за нанесенный ущерб или устрашение потенциальных преступников.

Однако либерализация права охватывает преимущественно европейский культурный круг, при этом оно замедляется при движении с Запада на Восток. Но проблемы сравнительного анализа законодательств исламских стран здесь не рассматриваются. Мы описываем либерализацию права европейских стран как производную от происходящих в Европе социально-экономических изменений и изменений обычаев. Ради свободы и уважения к достоинству индивида современное право не налагает санкций на сексуальное поведение, которое прежде считалось преступным и наказывалось (гомосексуализм). В нынешней Европе не существует правительственной цензуры изданий, которая в начале XX в. была распространенным институтом и обосновывалась множеством политических, религиозных и традиционных соображений. Либерализация права в европейских странах привела к легализации аборт и даже некоторых форм эвтаназии.

Первые симптомы всеобщей секуляризации права восходят к XVIII в., а на протяжении следующих двух столетий она полностью вступила в силу. Сегодня для обоснования права почти не используются сакральные аргументы. Они заменены более-менее убедительными политическими, практическими и экономическими соображениями. С другой стороны, религиозные ценности не всегда подлежат защите права. Под его охраной находятся религиозные чувства, свобода убеждений и выбора гражданами образа жизни, а не религиозные ценности сами по себе. Например, в Великобритании не существует формального отделения церкви и государства, но и там светская власть не выступает в защиту духовной власти.

Семья и брак подверглись особенной секуляризации. Широко распространен институт светского брака, появились недоговорные (гомосексу-

альные) и фактические (существующие без правовой формализации) связи, уравнив статус брачных и внебрачных детей.

Развитие информационных технологий способствует правовой регламентации новых средств передачи информации. Интернет все более применяется при поиске собственных прав. Такой поиск включает не только содержание нормативных актов, но и множество судебных решений и доктрин. Это полезно в эпоху лавинообразного роста объема внутригосударственного, международного и европейского права.

Однако из всего сказанного не следует, что изменения государства и права в XX в. были однозначно положительными с точки зрения права и нравственности. Главная проблема такова: является ли современное право более справедливым по сравнению с правом начала XX в.? На этот вопрос невозможно ответить однозначно. И не только потому, что изменились социальные критерии оценки, а также сложились конкурирующие теории справедливости и практика ее реализации.

Главный факт состоит в том, что на протяжении XX в. по указаниям глав государств, под эгидой государств и защитой закона было осуществлено такое число преступлений, что их нравственные, юридические, политические и духовные последствия дают о себе знать до сих пор. Вряд ли они были меньше, чем преступления прошлых эпох. Всемирная энциклопедия преступлений с учетом сравнительных «достоинств» каждого государства в этой сфере пока не составлена. Критерии отбора фактов, событий и словаря для каждой энциклопедической статьи тоже не ясны.

Как оценивать общую эрозию суверенитета государств с учетом их бюрократической тенденции сунуть свой нос во все щели социальной жизни и использования законодательства для достижения этих целей? И почему до сих пор значительные круги общества считают автомат Калашникова средством решения всех политических проблем? Следует ли считать либерализацию, секуляризацию, интернационализацию и расширение права безусловно положительными явлениями? Все они вызывают противоположные реакции и оценки общественности.

На эти вопросы определенного ответа тоже нет. Зато можно утверждать вполне определенно, что требуется детальный анализ авторитарных и тоталитарных систем XX в. Именно они использовали право, законы и государство в преступных целях, уничтожили десятки миллионов людей и до сих пор находят сторонников и поклонников. Они же способствовали тотальной бюрократизации общества и превращению всего социума в полицейское общество [20]. Последствия этих процессов будут ощущаться еще не одно десятилетие.

С одной стороны, кроме демократизации никакой другой альтернативы человечество не изобрело. Значит, все перечисленные тренды (демократизация и гуманизация государства и права, позитивная реакция законодателя на свободы и права человека и гражданина) заслуживают нравственной акцептации. С другой стороны, все эти тренды развивались как элементы тотальной бюрократизации общества, предсказанной Вебером сто лет назад. Противоядия этому процессу тоже пока не найдено.

Возникает вопрос: можно ли эти изменения определить как прогресс, является ли прогресс действительно самостоятельной ценностью и могут ли

считаться демократизация и бюрократизация необходимыми элементами прогресса? Для ответа требуется особое исследование.

Заключение

Таким образом, на протяжении последних ста лет сфера правовой регламентации социальных отношений и процессов во всех государствах возросла. Сегодня трудно установить границу между правовой и бюрократической регламентацией. Веберовская традиция социальной, экономической, правовой и политической мысли укрепляет общий тренд огосударствления социально-экономической жизни и мысли. В законах и правах недемократических государств на протяжении XX в. воплощался властный произвол и стремление власти контролировать поведение граждан. В России этот тренд образует политическую традицию. Она укрепляется различиями между европейским и российским толкованием прав граждан на сопротивление духовной и светской власти и осуществление народной революции.

Причинами и следствиями взаимосвязи правовой регламентации и бюрократизации на протяжении XX в. являются феномены «законного неправа» и «надзаконного права», появление новых сфер человеческой активности и вытекающий отсюда бум на тему безопасности, ликвидация правовых пережитков феодального общества, длительное доминирование в национальных законодательствах категории обязанности над правами индивидов, интернационализация права во всех его аспектах, примат международного права над внутренним правом, пересмотр традиционной концепции государственного суверенитета, либерализация и секуляризация права, развитие информационных технологий.

Все перечисленные тренды вызывают противоположные оценки и не в состоянии решить проблему справедливости. Главный факт XX в. состоит в том, что под эгидой государств и защитой законов было осуществлено громадное число преступлений. Требуется детальный анализ авторитарных и тоталитарных систем XX в., которые способствовали тотальной милитаризации и бюрократизации общества.

Литература

1. Макаренко В.П. Аналитическая философия права: проблемы и перспективы // Вопросы правоведения. Науч. докл. высшей школы. 2002. № 6. С. 10–33.
2. Варламова Н.В. Типология правопонимания и современные тенденции развития теории права. М. : НИУ ВШЭ, 2010. 136 с.
3. *Право и власть: международные институциональные стандарты в российском контексте* / под общ. ред. И.М. Клямкина. М. : Фонд «Либеральная миссия», 2013. 156 с.
4. Клямкин И.М. Какая дорога ведет к праву? М. : Либеральная миссия, 2018. 1068 с.
5. Макаренко В.П. Собрание сочинений: в 3 т. Т. 2: Бюрократия и сталинизм. Политическая инерция: опыт рефлексии. Легитимна ли государственная служба России? Ростов н/Д; Таганрог: Изд-во Южного федерального университета, 2019. С. 5–17.
6. Волков В. Государство, или Цена порядка. СПб. : Изд-во Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2018. 160 с.
7. Арент Х. Истоки тоталитаризма. М. : ЦентрКом, 1996. 672 с.
8. Хобсбаум Э. Эпоха крайностей. Короткий двадцатый век. М. : Независимая газета, 2004. 632 с.
9. Клямкин И., Кутковец Т. Кремлевская школа политологии: как нас учат любить Родину. М. : Фонд «Либеральная миссия», 2005. 39 с.
10. Шейнис Л. Власть и закон: политика и конституция в России в XXI веке. М. : Мысль, 2014. 322 с.

11. *Скиннер К.* Истоки современной политической мысли: в 2 т. Т. 1: Эпоха Ренессанса / пер. с англ. А.А. Олейникова ; под науч. ред. В.В. Софронова. М. : Изд. дом «Дело» РАНХиГС, 2018. 431 с.
12. *Скиннер К.* Истоки современной политической мысли: в 2 т. Т. 2: Эпоха Реформации / пер. с англ. А.А. Яковлева ; под науч. ред. В.В. Софронова. М. : Изд. дом «Дело» РАНХиГС, 2018. 568 с.
13. *Клибанов А.И.* Народная социальная утопия в России. М. : Наука, 1978. 342 с.
14. *Хархордин О.* Основные понятия российской политики. М. : Новое лит. обозрение, 2011. 328 с.
15. *Радбрух Г.* Философия права. М. : Международные отношения, 2004. 240 с.
16. *Марченко М.Н.* Сравнительное правоведение: учебник. 2-е изд., перераб. и доп. М. : Проспект, 2015. 784 с.
17. *Губогло М.Н.* Антропология повседневности. М. : Языки славянской культуры, 2013. 752 с.
18. *Паин Э.А.* Нация и демократия: перспективы управления культурным разнообразием. М. : Мысль, 2017. 268 с.
19. *Грачев Н.И.* Происхождение суверенитета. Верховная власть в мировоззрении и практике государственного строительства традиционного общества. Древний мир, Средневековье, Новое время. СПб. : Ленанд, 2018. 320 с.
20. *Хардт М., Негри А.* Субъективные фигуры кризиса // Политическая концептология. 2015. № 1. С. 80–90.

Reefat Kamaleldin Badawy Khaled, Southern Federal University (Rostov-on-Don, Russian Federation).

E-mail: refat1968@list.ru

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya – Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science. 2021. 63. pp. 194–201.

DOI: 10.17223/1998863X/63/19

POWER AND LAW: THE CONTEXT OF BUREAUCRATIC REGULATION

Keywords: state; power; law; bureaucracy; democracy

The article describes various aspects of the general bureaucratization of modern society and analyzes their legal, political, and epistemological causes and consequences. It also discusses the problems of independence of law, the growth of legal regulation of social relations and processes, etatization of social life and thought, the right to resist power, trends of internalization and democratization of law. According to the research data, over the past hundred years, the sphere of legal regulation of social relations and processes in all states has increased. Given the complexity of establishing the boundaries between legal and bureaucratic regulation, Weber's tradition of social, economic, legal and political thought reinforces the general trend of nationalizing socio-economic life and thought. Throughout the twentieth century, arbitrary power and the desire of the authorities to control the behavior of citizens were embodied in the laws and rights of non-democratic states. In Russia, this trend forms a political tradition. It is reinforced by differences between the European and Russian interpretations of the rights of citizens to resist spiritual and secular power and to carry out a popular revolution. The causes and consequences of the interconnection of legal regulation and bureaucratization throughout the twentieth century consist in the phenomena of "legal wrong" and "supra-legal law", the emergence of new spheres of human activity and the ensuing boom on the topic of security, the elimination of legal remnants of feudal society, long-term dominance in national legislation of the category of duty over the rights of individuals, internationalization of law in all its aspects, the primacy of international law over domestic law, revision of the traditional concept of state sovereignty, liberalization and secularization of law, development of information technologies. These trends give rise to opposite assessments and fail to solve the problem of fairness. A detailed analysis of the authoritarian and totalitarian systems of the twentieth century, which contributed to the total militarization and bureaucratization of society, is further required.

References

1. Makarenko, V.P. (2002). *Analiticheskaya filosofiya prava: problemy i perspektivy* [Analytical Philosophy of Law: Problems and Prospects]. *Voprosy pravovedeniya. Nauch. dokl. vysshey shkoly*. 6. pp. 10–33.

2. Varlamova, N.V. (2010). *Tipologiya pravoponimaniya i sovremennye tendentsii razvitiya teorii prava* [Typology of legal thinking and modern trends in the development of the theory of law]. Moscow: HSE.
3. Klyamkin, I.M. (ed.) (2013) *Pravo i vlast': mezhdunarodnye institutsional'nye standarty v rossiiskom kontekste* [Law and Power: International Institutional Standards in the Russian Context]. Moscow: Liberal'naya missiya.
4. Klyamkin, I.M. (2018) *Kakaya doroga vedet k pravu?* [Which road leads to the right?]. Moscow: Liberal'naya missiya.
5. Makarenko, V.P. (2019) *Sobranie sochinenii: v 3 t.* [Collected Works: in 3 vols]. Vol. 2. Rostov-on-Don, Taganrog: Southern Federal University. pp. 5–17.
6. Volkov, V. (2018) *Gosudarstvo ili Tsena poryadka* [State or Order Price]. St. Petersburg: European University in St. Petersburg.
7. Arendt, H. (1996) *Istoki totalitarizma* [The Origins of Totalitarianism]. Translated from English by I. Borisova. Moscow: TsentrKom.
8. Hobsbawm, E. (2004) *Epokha kraynostey. Korotkiy dvadtsatyy vek* [The Era of Extremes. The Short Twentieth Century]. Moscow: Nezavisimaya gazeta.
9. Klyamkin, I. & Kutkovets, T. (2005) *Kremlevskaya shkola politologii: kak nas uchat lyubit' Rodinu* [The Kremlin School of Political Science: How We are Taught to Love the Motherland]. Moscow: Liberal'naya missiya.
10. Sheinis, V.L. (2014) *Vlast' i zakon: politika i konstitutsiya v Rossii v XXI vekak* [Power and Law: Politics and Constitution in Russia in the 21st Centuries]. Moscow: Mysl'.
11. Skinner, K. (2018) *Istoki sovremennoy politikoy mysli: v 2 t.* [The origins of modern politics of thought: in 2 vols]. Vol. 1. Translated from English by A.A. Oleykov. Moscow: Delo RANEPa.
12. Skinner, K. (2018) *Istoki sovremennoy politikoy mysli: v 2 t.* [The origins of modern politics of thought: in 2 vols]. Vol. 2. Translated from English by A.A. Oleykov. Moscow: Delo RANEPa.
13. Klibanov, A.I. (1978) *Narodnaya sotsial'naya utopiya v Rossii* [Popular Social Utopia in Russia]. Moscow: Nauka.
14. Kharkhordin, O. (2011) *Osnovnye ponyatiya rossiiskoi politiki* [Basic concepts of Russian politics]. Moscow: NLO.
15. Radbrukh, G. (2004) *Filosofiya prava* [Philosophy of Law]. Translated from German. Moscow: Mezhdunarodnye otnosheniya.
16. Marchenko, M.N. (2015) *Sravnitel'noe pravovedenie* [Comparative Jurisprudence]. 2nd ed. Moscow: Prospekt).
17. Guboglo, M.N. (2013) *Antropologiya povsednevnosti* [Anthropology of everyday life]. Moscow: Yazyki slavyanskoy kul'tury.
18. Pain, E.A. (2017) *Natsiya i demokratiya: perspektivy upravleniya kul'turnym raznoobraziem* [Nation and Democracy: Prospects for Managing Cultural Diversity]. Translated from English. Moscow: Mysl'.
19. Grachev, N.I. (2018) *Proiskhozhdenie suvereniteta. Verkhovnaya vlast' v mirovozzrenii i prak-tike gosudarstvennogo stroitel'stva traditsionnogo obshchestva. Drevniy mir, Srednevekov'e, Novoe vremya* [The origin of sovereignty. The supreme power in the worldview and practice of state building in a traditional society. Ancient world, Middle Ages, Modern times]. St. Petersburg: Lenand.
20. Hardt, M. & Negri, A. (2015) Subjective figures of the crisis. *Politicheskaya kontseptologiya – Political Conceptology*. 1. pp. 80–90. (In Russian).

УДК 32:316.444

DOI: 10.17223/1998863X/63/20

Е.В. Хахалкина

БУДУЩЕЕ ГОРОДОВ В УСЛОВИЯХ ПАНДЕМИИ КОВИД-19

Выполнено в рамках работ по гранту РФФИ и ЭИСИ «Право на город»: политические пространства устойчивости, конфликта, диалога» № 21-011-31374.

В статье ставятся вопросы о будущем городов, облик и инфраструктура которых стремительно меняются под воздействием пандемии Ковид-19. Показано, что некоторые прежние концепции города подвергаются кардинальному пересмотру в контексте происходящих экономических трансформаций. Сделаны выводы об изменении городского пространства и развитии «умных городов» в сторону минимизации рисков заражения граждан и повышения удобства городов для удаленной работы и времяпрепровождения.

Ключевые слова: «право на город», «умный город», пандемия Ковид-19

30 января 2020 г. Всемирная организация здравоохранения (ВОЗ) объявила Ковид-19 «чрезвычайной ситуацией в области общественного здравоохранения, имеющей международное значение». В марте 2020 г. ВОЗ объявила режим пандемии, продолжающийся до сих пор и кардинально изменивший городское пространство и отношение к нему во многих частях мира, обозначив запрос населения на безопасность и удобство работы в новых дистанционных форматах.

До пандемии городское планирование было нацелено на компактные города и их уплотнение как одну из основ более справедливого, устойчивого, инклюзивного и устойчивого будущего. По данным ООН-Хабитат, 54% населения мира проживает в городских районах, и к середине 2020 г. более 90% всех случаев Ковид-19 в мире были выявлены именно в городских районах [1].

Города стали основным источником распространения вируса Ковид-19. С началом пандемии взаимодействие и общение людей друг с другом были нарушены; использование городской инфраструктуры и транспорта стало опасным; сотрудники многих секторов экономики были переведены на ставший для многих уже привычным удаленный режим работы. Ухудшение экономической ситуации на фоне непредсказуемо длительного периода пандемии сделало города маркером социального неравенства и уязвимости к такого рода внесистемным кризисам, каким стала пандемия Ковид-19.

Новое прочтение прежних теоретических подходов к городу в условиях пандемии

Обозначенные обстоятельства и «новые нормы» жизни побуждают ученых вносить уточнения в понятия «город», «городской человек», «желаемый образ города», обращаясь и заново переосмысливая различные концепции города; идеи, высказанные ранее, приобретают новое звучание. Например, повышенный интерес специалистов вновь стала вызывать книга французско-

го социолога А. Лефевра «Право на город» [2]. В этой работе, вышедшей в 1968 г. по символическому совпадению в период студенческих бунтов во Франции, были обозначены идеи децентрализации управления в пользу городов и права горожан самим принимать решения об использовании городского пространства. По мнению социолога, при таком развитии событий будет происходить преобразование общественных отношений в существующем городском пространстве.

Активное использование предложенного Лефевром термина началось лишь годы спустя [3. С. 43]. Специалисты связывают массовое использование термина с волной гражданских инициатив, прокатившихся «по США, Восточной Европе и Латинской Америке», а затем вспыхнувших «в ближневосточных городах, таких как Бейрут и Стамбул» [Там же].

Обозначившиеся с углублением пандемии в 2020 г. процессы деглобализации и усиления регионализации на фоне резкого снижения мобильности людей и транспортного сообщения вывели на передний план дискуссий о городе возможности и потребности горожан влиять на текущие события. А. Лефевр считал, что «каждый тип общества и способ производства предполагают формирование особого типа города, производят особый тип физического и социального пространства. Изменение способа производства неминуемо должно привести к изменению пространства. Если революция не заканчивается трансформацией пространства, производством его нового типа, то А. Лефевр считает ее несостоявшейся, проигранной. Если не изменилось пространство, то и жизнь его обитателей осталась прежней, обновились лишь идеологические надстройки, институты или политический аппарат» [4. С. 51].

Идеи Лефевра развил и в некоторых аспектах подверг критике известный ученый, автор десятков трудов по городскому пространству, профессор антропологии и географии в Городском Университете (Нью-Йорк, США) Д. Харви [5, 6]. Д. Харви дал десятки интервью и комментариев с началом пандемии, запустившей процессы экономической рецессии и рост безработицы во многих крупных городах. В частности, ученый заявил, что экономические последствия Ковид-19 выходят из-под контроля во всем мире, и вирус затмевает глобальный капитализм, в котором он проявляет все характеристики классовой, гендерной и расовой пандемии [1]. Эти идеи он высказывал ранее в своем эссе «Право на город» (совпадение названия с трудом А. Лефевра, разумеется, не случайно): «Сбои в производственно-сбытовых цепочках корпораций и в определенных секторах оказались более системными и существенными, чем предполагалось изначально. Долгосрочный эффект может заключаться в сокращении или диверсификации цепочек поставок при переходе к менее трудоемким формам производства (с огромными последствиями для занятости) и большей опоре на системы искусственного интеллекта. Нарушение производственных цепочек влечет за собой увольнение, что снижает конечный спрос, в то время как спрос на сырье снижает производственное потребление» [7].

Для Харви «вопрос о том, какой город мы хотим, нельзя отделить от вопроса о том, какими людьми мы хотим быть, каких социальных отношений мы ищем, какими отношениями с природой мы дорожим, какой стиль повседневной жизни мы осуществляем, какие технологии мы считаем подходящи-

ми, каких эстетических ценностей мы придерживаемся. Следовательно, право на город – это гораздо больше, чем право индивидуального доступа к ресурсам, это то, что воплощает город: это право изменить себя, изменив город больше по желанию нашего сердца. Это к тому же является коллективным, а не индивидуальным правом, поскольку изменение города неизбежно зависит от осуществления коллективной власти над процессами урбанизации. Свобода создавать и переделывать нас и наши города... является одним из самых драгоценных, но наиболее заброшенных из наших человеческих прав» [7].

Это «право на город» с началом пандемии «явочным порядком» стали реализовывать некоторые города, взяв на себя ведущую роль в разработке или пропаганде политических мер реагирования на кризис, которые затем были расширены на национальном уровне. Так, в Соединенном Королевстве такие города, как Манчестер, Лондон, Бирмингем, Ливерпуль, обратились к национальному правительству с просьбой о введении обязательного ношения масок в общественном транспорте [8].

Новое дыхание в условиях пандемии приобрела Глобальная платформа за право на город (GPR2C), объявив свою приверженность к международным и коллективным усилиям по борьбе с Ковид-19 [9].

Генеральный секретарь ООН А. Гуттериш во вступительном слове к обзору ООН о будущем городов (2021 г.) отметил, что «Города оказались на переднем крае кризиса, о чем свидетельствуют огромные страдания, потеря рабочих мест и невзгоды. Их появление окажет огромное влияние на общественное здоровье, социальную сплоченность, процветание и наши перспективы достижения Целей в области устойчивого развития», выразив надежду, что именно города, являясь «двигателями динамизма и инноваций», «могут помочь нам преодолеть дефицит развития. Они могут возглавить реформы в направлении Нового общественного договора по борьбе с бедностью, укреплению социальной защиты, восстановлению общественного доверия и охвату людей, находящихся на обочине или сталкивающихся с дискриминацией. И они могут помочь построить новую городскую экономику, которая инвестирует в устойчивую инфраструктуру, снижает риск бедствий, использует природные решения для решения проблемы изменения климата и обеспечивает цифровой доступ, охват услугами здравоохранения, школьное образование и жилье для всех» [10].

Изменение роли города в пользу обозначенных генеральным секретарем ООН задач ставит вопросы о прежнем историческом опыте городов, его достаточности в поиске новых решений. Как известно, современное городское планирование в плане его пересечения с системами здравоохранения возникло как реакция на антисанитарные условия индустриальных капиталистических городских пространств XIX в. Холера и другие заразные болезни были широко распространены в тех ранних промышленных городах, в которых изначально возникли такие фразы, как «болезнь формирует города» [1]. На протяжении первой половины XX в. многие проектировщики выступали за уменьшение плотности города за счет пригородов и регионального планирования. К середине 1940-х гг., однако, все большее число активистов и профессионалов начали оспаривать эти инициативы. Исследование Всемирного банка в 2019 г., например, показало, что плотность не является ключевым фактором риска передачи; выяснилось, что в городах с высокой плотностью

населения было гораздо меньше подтвержденных случаев заражения на 10 тыс. человек [1].

Будущее городов – удобство, безопасность и ...?

Имеющиеся прогнозы в мире об изменении инфраструктуры городов под влиянием пандемии схожи между собой и, по большому счету, рассчитаны на кратко- или среднесрочную перспективу. В условиях международной «неопределенности» и крайней подвижности ситуации сложно делать прогнозы долгосрочного характера, в том числе и по причине специфики разных стран и городских территорий.

Одно из предположений международного медиа-агентства JPSUPRA, частично уже ставшее повседневной реальностью, связано с внедрением в глобальных городах приложений для вызова пассажиров (например, Uber), развитием микромобильности (например, увеличение количества велосипедов и скутеров) и, в конечном итоге, сверхскоростного общедоступного транспорта (например, Hyperloop) [11].

Как известно, самая ценная недвижимость в современном мире обычно находится в густонаселенных городских центрах, где есть высококлассные офисные и развлекательные центры, соединенные обширными транспортными связями. Эксперты прогнозируют, что города со временем будут иметь тенденцию к локализации (или «полицентричности»), а не к централизации (или «узловой точке»). Считается, что пандемия ускорит эту тенденцию, поскольку устойчивая культура работы на дому и представление о том, что общественный транспорт и длительное время в пути увеличивают риск распространения болезней, способствуют снижению привлекательности жизни, игр и работы в густонаселенных городских центрах [Ibid.].

В США, например, был зарегистрирован (с июля 2019 по июль 2020 г.) отрицательный прирост населения в городах с населением более 1 млн человек [12]. Тем не менее только несколько из крупнейших городов продемонстрировали убыль населения в течение года, когда началось распространение Ковид-19. Во многих других городах Соединенных Штатов либо продолжается убыль населения, либо наблюдается медленный прирост. Такая ситуация соответствует более широким тенденциям, связанным с подъемом экономики США в середине второго десятилетия XXI в., который ускорил перемещение из крупных мегаполисов в более мелкие, а также с переездом в пригороды «застрявших на месте» миллениалов и других городских жителей [Ibid.].

Также эксперты прогнозируют, что повышенное внимание к децентрализации и «20-минутному сообществу» (т.е. ко всему, что вам нужно для жизни, работы и развлечений, расположенного в 20-минутном радиусе) будет стимулировать спрос на улучшенные региональные и местные удобства, такие как увеличение зеленых насаждений для поддержания физического и психического здоровья; новые офисные небоскребы в городских центрах выйдут из моды, поскольку девелоперы и инвесторы предпочитают региональные и местные застройки смешанного использования, ориентированные на «смешанный образ жизни» (т.е. жилые дома, рабочие места, розничная торговля, социальные возможности и варианты досуга, существующие параллельно друг другу); произойдет переход от массового общественного транспорта к местному транспорту и микромобильным видам транспорта;

усовершенствование телекоммуникационной инфраструктуры, включая 5G, будет ускоряться, что позволит сотрудникам лучше выполнять свои обязанности из дома и в локализованных хабах [11].

Вероятнее всего, многие пандемические практики останутся, например санитария рук и социальное дистанцирование, что приведет к долгосрочным изменениям в городских зданиях и инфраструктуре. По всему миру уже увеличилось количество станций для дезинфекции рук в общественных местах, в некоторых городах произошло расширение тротуаров в оживленных районах для обеспечения социально дистанцированного потока пешеходов, были увеличены велосипедные полосы для стимулирования альтернативного общественному транспорту. На общественной и офисной парковках размещается больше стоек для велосипедов и скутеров. Прогнозируется, что многоэтажные офисные здания обеспечат более широкий доступ к общим лестницам, чтобы уменьшить зависимость от лифтов и предоставить возможности для социального дистанцирования в периоды пиковой нагрузки на вход / выход. Здания будут сосредоточены на бесконтактных технологиях, включая вход и выход с распознаванием лиц, другие двери с сенсорным управлением и бесконтактные панели вызова лифта [Ibid.].

В связи с повышенным вниманием к здоровью людей возрастет спрос на офисные, торговые, гостиничные и развлекательные объекты с улучшенным естественным или циркадным освещением в соответствии с биометрическими часами людей, более строгими стандартами вентиляции и фильтрации воздуха и с доступом к широкому спектру оздоровительных услуг. Столы в офисах будут перемещены, чтобы обеспечить более низкую рабочую среду. Это может означать, что офисные помещения и / или столы совместно используются сотрудниками в соответствии с реестром как часть смешанного расписания «офис / работа из дома» [Ibid.].

Ковид-19 оказал заметное влияние на города, превратив их из многолюдных мест деятельности в места, которых лучше избегать. Пандемия обнажила хрупкость современных городских поселений, неготовность к отражению таких массовых кризисов, как распространение Ковид-19 [13, 14]. Комплексное влияние пандемии на устойчивость городов все еще оценивается. Пандемия изменила образ жизни за счет более широкого использования цифровых устройств и увеличения количества работы из дома. Это изменило городской ландшафт и оказало долгосрочное влияние на транспорт и повседневные поездки [15].

Вслед за классиками концепций «права на город» современные авторы обращают внимание на связь городов и возникшего «коронакризиса» с общим развитием капиталистической системы производства. Модель государства всеобщего благосостояния, укоренившаяся во многих странах Запада после Второй мировой войны, в значительной степени служила преградой для возникновения глубоких экономических кризисов. Но неолиберальные реформы капитализма 1980-х гг. привели к демонтажу государства всеобщего благосостояния. По сути, неолиберализм уже несколько десятилетий ставит человечество в режим кризиса. Без гарантии занятости и на постоянно меняющихся рынках происходит «застревание в настоящем» [16].

Нынешний кризис обнажил все слабые места капиталистической формы производства. Ухудшение экономической ситуации и рост безработицы во

многих регионах мира создают опасность для моногородов. Например, во многих постиндустриальных городах в Уэльсе и на северо-востоке Англии наблюдается серьезный спад производства. «После многих лет промышленного подъема и высокого уровня занятости многие жители теперь считают, что у их городов „нет будущего“. Ликвидация местных производств, таких как горнодобывающая промышленность, привела к высокому уровню безработицы и непредвиденным уровням миграции из этих районов. Молодые и образованные уезжают в поисках работы, а те, кто остается, становятся свидетелями медленного упадка своего родного города» [17].

Международное медиа-агентство городов Bloomberg CityLab собрало некоторые из наиболее заметных изменений в разных городах. Было зафиксировано, например, что во время пандемии транспортные агентства по всему миру столкнулись с сокращением пассажиропотока на 92% в связи с переходом части сотрудников на удаленный режим работы или появлением других способов добраться до работы. Театры и концертные площадки стали развивать другие способы общения со зрителем, нежели живое общение. Театральные представления стали «мигрировать из стандартных мест в такие пространства, как парки или парковочные сооружения, где у более широкой аудитории есть пространство, чтобы рассредоточиться во время просмотра – то, что уже началось для кинозрителей в формате нынешнего возрождения кинотеатров для автомобилей» [Ibid.]. Впечатляющие изменения происходят по всему миру в системе высшего образования, которое становится массовым потребителем «умных технологий» и сохраняет дистанционный режим обучения. Перечень других изменений постоянно пополняется в условиях национальных локдаунов и быстрого развития ситуации.

Запрос на безопасность и рост «умных технологий» в «умных городах»

Цифровизация стала решающим рычагом в реагировании городов на пандемию с инструментами мониторинга риска заражения и обеспечения соблюдения ограничений и социального дистанцирования, а также обеспечения непрерывности некоторых услуг и экономической деятельности в виртуальном формате. Изменения в привычках, которые повлекли новые цифровые технологии, как представляется, останутся постоянным компонентом фазы восстановления городов и повышения их готовности к потенциальным новым волнам. Хотя это вызвало к жизни проблему защиты частной жизни и универсальности доступа в интернет [8], другого способа контроля за ситуацией к настоящему времени не найдено.

Изменения в технологиях усилили роль «умных городов», которые благодаря своей роли в управлении городским хозяйством, сокращении поездок и обмене информацией выступают важным инструментом для эффективного предотвращения и контроля пандемии без применения строгой политики изоляции.

Напомним, что под «умным городом» понимается «использование различных информационных технологий или инновационных концепций для подключения и интеграции городских систем и услуг в процессе городского управления и эксплуатации с целью повышения эффективности использова-

ния ресурсов, оптимизации городского управления и услуг и повышения качества жизни граждан» [18].

Однако некоторые ученые скептически относятся к положительным возможностям «умного города» для решения задач, возникших в период пандемии, например защиты граждан и их своевременного информирования, обращая внимание на то, что большинство цифровых продуктов «умного города» имеют проблему фрагментации информации и могут быть поняты только поставщикам услуг. Насколько дорогостоящие городские проекты «умного города» помогли в профилактике и контроле Ковид-19 в Китае, пока нет количественных данных [Ibid.].

Что касается отслеживания контактов и обеспечения социального дистанцирования, то города применили разные подходы. Город Ньюкасл (Великобритания), например, использовал технологии «умного города», чтобы оценить, соблюдается ли социальное дистанцирование. В Тэгу (Корея) эпидемиологическое расследование во время вспышки позволило использовать центр данных «умного города» для отслеживания маршрутов пациентов. Другие города выбрали менее индивидуализированные варианты мониторинга, такие как использование городских данных для наблюдения за общей плотностью населения и моделями мобильности. Например, в Мехико (Мексика) активно использовались карты Google и Waze для отслеживания мобильности, а Будапешт (Венгрия) применял инструменты «умного города» для выявления высокой концентрации людей [8].

Согласно опросу Global Data, 78% респондентов ожидают, что технологии изменят способ их работы в течение следующих трех лет. Изменения коснутся способов путешествия людей, получения ими впечатлений от достопримечательностей или пунктов назначения [19]. Новый отчет агентства экономического консалтинга и аналитических услуг ESI ThoughtLab «Решения умных городов для более рискованного мира», опубликованный 30 марта 2021 г., показывает, что пандемия изменила подход правительств к «умным городам» [20]. В документе проанализированы 167 городов по всему миру; 81% респондентов заявил, что пандемия и ее последствия стали крупнейшими сбоями не только в 2020 г., но и за последнее время. Изменения, внесенные в прошлом году, побудили 69% респондентов заявить, что в результате они пересматривают городское планирование, и более двух третей указали, что программы «умного города» имеют решающее значение для будущего.

В частности, пандемия ускорила рост того, что в отчете фигурирует как Города 4.0 (Cities 4.0), или города, которые являются лидерами в использовании интеллектуальных технологий, данных и партнерских отношений для достижения социальных, экологических и других целей. Исследователи изучали города в контексте Целей устойчивого развития ООН, которые организация разделяет на пять областей: люди, планета, процветание, мир и партнерство [Ibid.].

В будущем, вероятно, появится «новая норма», при которой многие сотрудники и компании будут использовать потенциал удаленной работы и корректировать свои модели мобильности там, где это необходимо и возможно. Фактически, как показали опросы, граждане сохраняют новые привычки в работе и путешествиях после транспортных кризисов. Например, после транспортных забастовок в Лондоне в 2014 г. 5% пассажиров сохрани-

ли свои новые маршруты и виды транспорта. Совсем недавно опрос в Бельгии показал, что до 90% сотрудников хотели бы продолжить работать удаленно после снятия текущих ограничений. В июне 2020 г. сообщалось, что до 70% жителей Лондона испытывают дискомфорт при пользовании общественным транспортом. В регионе Иль-де-Франс, например, с 11 мая до 31% людей меньше или совсем не пользуются общественным транспортом, заменяя его личным транспортным средством или активным передвижением (велосипеды, электросамокаты, пешие прогулки) [8].

Однако недавние результаты исследований показывают, что плотность городов не коррелирует напрямую с более высокими показателями инфицирования [21]. Теоретически более низкая плотность населения должна снизить риск передачи Ковид-19 в сельской местности. Однако поскольку вирус попал в сельские районы позже, у жителей могло развиться ложное чувство безопасности, и они стали меньше принимать меры предосторожности. Мясные заводы стали горячими точками распространения вируса в сельских районах Германии, Ирландии и США. В США, например, с августа 2020 г. заболеваемость Ковид-19 в сельской местности превысила уровень заболеваемости в городской местности. Колледж-города в США также непропорционально сильно пострадали от вспышек, и в сельской местности было больше сопротивления ношению масок, чем в городских. Население сельской местности оказалось подвержено большему риску осложнений и смертности от Ковид-19, в том числе и по той причине, что в сельских районах обычно больше пожилых жителей, для которых вирус особенно опасен. У сельских жителей также выше распространенность ранее существовавших состояний и сопутствующих заболеваний (например, диабета, сердечных заболеваний, ожирения и курения). Некоторые отдаленные общины коренных народов сталкиваются с дополнительными препятствиями, такими как ограниченный доступ к информации об общественном здравоохранении (включая сбор данных на уровне общин), здравоохранение и санитария [Ibid.].

В работе, опубликованной в июне 2020 г. в «Журнале Американской ассоциации планирования», был проанализирован уровень заражения и смертности от Ковид-19 в 913 столичных округах США. Результаты показали, что плотность округов не была существенно связана с уровнем инфицирования, и даже было обнаружено, что более плотные округа – в отличие от более обширных – имели более низкий уровень смертности. Исследование объяснило этот более низкий уровень смертности более высоким уровнем развития, включая улучшение системы здравоохранения. Наконец, они обнаружили, что более высокий уровень инфицирования и смертности на самом деле коррелировал с более высокой долей людей в возрасте 60 лет и старше, меньшей долей людей с высшим образованием и более высокой долей афроамериканцев [22].

Эти результаты доказывают, что не столько плотность населения делает города уязвимыми для Ковид-19, сколько структурные экономические и социальные условия городов, которые влияют на способность города осуществлять эффективные ответные меры на возникающие угрозы. Например, города, характеризующиеся неравенством, неадекватными жилищными условиями и высокой концентрацией городской бедноты, потенциально более уязвимы, чем города с лучшими ресурсами, менее многолюдными и более

равноправными. Последнее реактуализирует классовую основу базовой теории А. Лефевра.

В некоторых азиатских странах благодаря ранним действиям (выполнение удаленной работы и блокировка), а также тестированию и обширному отслеживанию случаев Ковид-19 удалось избежать крупных вспышек в нескольких сверхплотных городах, таких как Гонконг, Сеул и Токио. В этих городах, особенно во многих богатых районах, люди могли изолироваться, работать удаленно, совершать покупки онлайн, тем самым снижая подверженность вирусу. По данным из более богатых китайских городов с высокой плотностью населения, таких как Шанхай, Пекин, Шэньчжэнь, Тяньцзинь и Чжухай, было меньше подтвержденных случаев заражения из-за способности мобилизовать достаточные финансовые ресурсы и предоставления более качественных объектов и услуг своим жителям [8].

С другой стороны, в более бедных пригородах с более высокой плотностью населения многие жители скучены в многоквартирных домах, домохозяйствах, состоящих из нескольких поколений, или работают в непосредственной близости от других людей или населения без адекватных мер социального дистанцирования или защиты, с большей подверженностью риску заражения. Такие разрывы в плотности между богатыми и бедными стали заметны по карте географического распределения вируса по Нью-Йорку: Ковид-19 более всего порастил не густонаселенный Манхэттен, а менее густонаселенные районы, такие как Бронкс, Квинс и др. Аналогичные эпизоды быстрого распространения вируса в кварталах с высокой плотностью населения отмечались в Сингапуре, Австралии и др. [Ibid.].

Эти данные подтверждают обозначенную в начале статьи связь между городами и экономическим фактором. Пандемия обнажила социальные различия внутри городов, показала наиболее уязвимые с точки зрения здравоохранения и общей подготовленности местной инфраструктуры города, выявила их сильные и слабые стороны, усилила активность самих горожан в защите себя и своего пространства от нашествия невидимого, но крайне опасного противника.

Заключение

Согласно данным ООН 2018 г., 55% населения мира проживает в городских районах, и ожидается, что к 2050 г. эта цифра увеличится до 68%, при этом около 90% роста придется на Азию и Африку [23]. Города производят более 70% мирового ВВП [24], оказывая заметное влияние на окружающую среду.

Пандемия нарушила привычные темпы урбанизации, однако общая мировая тенденция остается прежней. Многие города мира уже трансформировали свой облик под влиянием пандемии – изменились пассажиропотоки, транспортные сети, графики работы общественного транспорта; многие компании производственной сферы и сферы услуг принимают решение о сохранении удаленной формы работы вне зависимости от эпидемиологической ситуации в будущем в конкретной местности. Изменения в инфраструктуре обусловлены запросом населения на обеспечение защиты от заражения стремительно мутирующим вирусом и безопасность жизнедеятельности.

Города – с разной степенью успешности – формируют свой ответ на вызовы пандемии. Многие из них меняются стремительно и безвозвратно, вынужденно реагируя на процессы глобализации и деглобализации, изменения

в системах здравоохранения их государств и общее снижение мобильности людей в мире. Хотя отмеченные трансформации еще не завершены, одно можно сказать определенно – пандемия ускорила реализацию «права на город» для многих городских пространств, усилив их роль в формулировании «образа желаемого завтра».

Литература

1. *Africa E.* Densification is not the enemy in a post-Covid urban future. URL: <https://www.news24.com/citypress/voices/densification-is-not-the-enemy-in-a-post-covid-19-urban-future-20210108> (accessed: 10.07.2021).
2. *Lefebvre H.* Writing on cities / selected, translated and introduced by E. Kofman and E. Lebas. Blacwell Publishers, 1996. Part 2: The right to the city (Le droit à la ville, 1968).
3. *Парамонова С.П., Волков А.А.* Право на город (на примере эмпирических исследований малых городов Пермского края) // Вестник Пермского государственного гуманитарно-педагогического университета. Серия 3: Гуманитарные и общественные науки. 2020. № 2. С. 37–52.
4. *Вершинина И.А.* Анри Лефевр: от «права на город» к «урбанистической революции» // Вестник Московского университета. Серия 18: Социология и политология, 2018. Т. 24, № 2. С. 48–60.
5. *Harvey D.* 'The Right to the City,' // R. Scholar (ed.), Divided Cities: The Oxford Amnesty Lectures 2003. Oxford : Oxford University Press, 2006.
6. *Харви Д.* Право на город. Социальная справедливость и город / пер. с англ. Е.Ю. Герасимовой ; науч. ред. Н.В. Печерская. НЛЮ: «Studia urbanica», 2018.
7. *Harvey D.* Right to the city. URL: <https://davidharvey.org/media/righttothecity.pdf> (accessed: 13.07.2021).
8. *OECD Policy Responses to Coronavirus.* URL: <https://www.oecd.org/coronavirus/policy-responses/cities-policy-responses-fd1053ff/#section-d1e399> (accessed: 17.07.2021).
9. *Members and Allies Right to the City Initiatives.* URL: <https://www.right2city.org/the-right-to-the-city-facing-covid-19/> (accessed: 21.07.2021).
10. *Cities and Pandemics: Towards a More Just, Green and Healthy Future.* UN Habitat. For a Better Urban Future. 2021. URL: https://unhabitat.org/sites/default/files/2021/03/cities_and_pandemics-towards_a_more_just_green_and_healthy_future_un-habitat_2021.pdf (accessed: 26.07.2021).
11. *Anti-Capitalist Politics in the Time of COVID-19.* URL: <http://davidharvey.org/2020/03/anti-capitalist-politics-in-the-time-of-covid-19/> (accessed: 27.07.2021).
12. *Fang R.* Smarter Cities in a Post-Pandemic World. URL: <https://www.jdsupra.com/legal-news/smarter-cities-in-a-post-pandemic-world-1350328/> (accessed: 27.07.2021).
13. *Frey W.H.* America's largest cities saw the sharpest population losses during the pandemic, new census data shows. URL: <https://www.brookings.edu/research/the-largest-cities-saw-the-sharpest-population-losses-during-the-pandemic-new-census-data-shows/> (accessed: 30.07.2021).
14. *Ferreira M.I.A.* The right to the City: The Right to Live with Dignity // Intelligent Systems, Control and Automation: Science and Engineering. 2021. Vol. 98. P. 17–25. URL: <https://covid19.elsevierpure.com/en/publications/the-right-to-the-city-the-right-to-live-with-dignity> (accessed: 31.07.2021).
15. *Martins I.P.* How are Europe's cities adopting to climate change and moving to a sustainable future. URL: <https://www.eea.europa.eu/articles/how-are-europes-cities-adapting> (accessed: 31.07.2021).
16. *Ringel F.* Coronavirus: how the pandemic has changed our perception of time. URL: <https://theconversation.com/coronavirus-how-the-pandemic-has-changed-our-perception-of-time-139240> (accessed: 02.08.2021).
17. *How the Coronavirus Recovery is Changing the City.* URL: <https://www.bloomberg.com/features/2020-city-in-recovery/> (accessed: 02.08.2021).
18. *Yang S., Chong Z.* Smart city projects against COVID-19: Quantitative evidence from China. Sustainable Cities and Society. 2021. 70. DOI: 10.1016/j.scs.2021.102897
19. *Smart Cities are The Next Step For Urban Tourism Post-Pandemic,* Says Global Data. URL: <https://www.hospitalitynet.org/news/4103870.html> (accessed: 03.08.2021).
20. *Kanowitz S.* Pandemic accelerated rise of smart cities. URL: <https://gcn.com/articles/2021/04/01/pandemic-accelerated-smart-cities.aspx> (accessed: 03.08.2021).
21. *OECD Regional Outlook 2021: Addressing COVID-19 and Moving to Net Zero Greenhouse Gas Emissions.* URL: <https://www.oecd-ilibrary.org/sites/c734c0fe-en/index.html?itemId=/content/component/c734c0fe-en> (accessed: 31.07.2021).

22. *Study: Urban Density Not Linked to Higher Coronavirus Infection Rates – and Is Linked to Lower Covid-19 Death Rates*. URL: <https://www.jhsph.edu/news/news-releases/2020/urban-density-not-linked-to-higher-coronavirus-infection-rates-and-is-linked-to-lower-covid-19-death-rates.html> (accessed: 24.07.2021).

23. *United Nations*. Department of Economic and Social Affairs. News. URL: <https://www.un.org/development/desa/en/news/population/2018-revision-of-world-urbanization-prospects.html> (accessed: 25.07.2021).

24. *Perry G., De Silva G.* Urbanization in the Age of Pandemic. URL: <https://www.new-securitybeat.org/2020/05/urbanization-age-pandemic/> (accessed: 25.07.2021).

Elena V. Khakhalkina, Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation).

E-mail: ekhakhalkina@mail.ru

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya – Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science. 2021. 63. pp. 202–213.

DOI: 10.17223/1998863X/63/20

THE FUTURE OF CITIES IN THE CIRCUMSTANCES OF THE COVID-19 PANDEMIC

Keywords: city; “smart city”; pandemic Covid-19

The study is supported by the Russian Foundation for Basic Research and the Expert Institute for Social Research, Project No. 21-011-31374.

The article raises questions about the future of cities, the appearance and infrastructure of which are rapidly changing under the influence of the Covid-19 pandemic. De-globalization and strengthening of regional interaction, which became apparent with the deepening of the pandemic in 2020, brought to the fore discussions about the city’s ability to influence current events. The author shows how some of the previous city concepts have been radically revised in conjunction with the discussion of the future of globalization and climate change in the context of the pandemic. New rapidly changing circumstances and “new norms” of life encourage scholars to refine the concepts “city”, “city person”, “desired image of the city”, and rethink various concepts of the city. For example, the concepts of Henri Lefebvre, David Harvey, and others acquire a special meaning. With the outbreak of the pandemic, the city’s “right to the city” delineated by these scholars has taken the lead in developing or advocating policy responses to the crisis with the outbreak of the pandemic; the responses were then scaled up at the national level. The pandemic highlighted the strengths and weaknesses of cities, outlined the demand of the population for protection from infections and for comfortable living conditions in the urban space. Considerable attention is paid to the concept of a “smart city” and its content in the noticeably increased pace of digitalization in the world. However, there is a justified skepticism in the expert community about the positive possibilities of a “smart city” for solving problems that arose during the pandemic; for example, protecting citizens, informing them in a timely manner. Experts pay attention to the fact that service providers can only understand most products of a smart city, and smart city products have the problem of information fragmentation. However, the research results used in the article show that the density of cities does not directly correlate with higher infection rates, but the pandemic itself has re-actualized the class basis of Lefebvre’s basic theory. The article outlines the main forecasts of changes in the urban space and the development of “smart cities”; some of them have already become reality. The article concludes that the pandemic has had a major impact on the current and future urban planning towards enhancing the safety and convenience of cities for telecommuting and spending time.

References

1. Africa, E. (2021) *Densification is not the enemy in a post-Covid urban future*. [Online] Available from: <https://www.news24.com/citypress/voices/densification-is-not-the-enemy-in-a-post-covid-19-urban-future-20210108> (Accessed: 10th July 2021).
2. Lefebvre, H. (1996) *Writing on cities*. Vol. 2. Translated by E. Kofman and E. Lebas. Blackwell Publishers.
3. Paramonova, S.P. & Volkov, A.A. (2020) Right to a city (on the example of empirical studies of small cities in the Perm Region). *Vestnik Permskogo gosudarstvennogo gumanitarno-pedagogicheskogo universiteta. Seriya 3. Gumanitarnye i obshchestvennye nauki*. 2. pp. 37–52. (In Russian).
4. Vershinina, I.A. (2018) Anri Lefevr: from “the right to the city” to the “urbanist revolution”. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 18. Sotsiologiya i politologiya – Moscow State University*

Bulletin. Series 18. Sociology and Political Science. 24(2). pp. 48–60. (In Russian). DOI: 10.24290/1029-3736-2018-24-2-48-60

5. Harvey, D. (2006) *The Right to the City*. In: Scholar, R. (ed.) *Divided Cities: The Oxford Amnesty Lectures 2003*. Oxford: Oxford University Press.

6. Harvey, D. (2018) *Pravo na gorod. Sotsial'naya spravedlivost' i gorod* [Right to the City. Social Justice and the City]. Translated from English by E.Yu. Gerasimova. NLO: “Studia urbanica”.

7. Harvey, D. (n.d.) *Right to the city*. [Online] Available from: <https://davidharvey.org/media/righttothecity.pdf> (Accessed: 13th July 2021).

8. OECD. (2020) *OECD Policy Responses to Coronavirus*. [Online] Available from: <https://www.oecd.org/coronavirus/policy-responses/cities-policy-responses-fd1053ff/#section-d1e399> (Accessed: 17th July 2021).

9. The-right-to-the-city platform. (n.d.) *Members and Allies Right to the City Initiatives*. [Online] Available from: <https://www.right2city.org/the-right-to-the-city-facing-covid-19/> (Accessed: 21st July 2021).

10. Unhabitat.org. (2021) *Cities and Pandemics: Towards a More Just, Green and Healthy Future. UN Habitat. For a Better Urban Future*. [Online] Available from: https://unhabitat.org/sites/default/files/2021/03/cities_and_pandemics-towards_a_more_just_green_and_healthy_future_un-habitat_2021.pdf (Accessed: 26th July 2021).

11. Davidharvey.org. (2020) *Anti-Capitalist Politics in the Time of COVID-19*. [Online] Available from: <http://davidharvey.org/2020/03/anti-capitalist-politics-in-the-time-of-covid-19/> (Accessed: 27th July 2021).

12. Fang, R. (n.d.) *Smarter Cities in a Post-Pandemic World*. [Online] Available from: <https://www.jdsupra.com/legalnews/smarter-cities-in-a-post-pandemic-world-1350328/> (Accessed: 27th July 2021).

13. Frey, W.H. (n.d.) *America's largest cities saw the sharpest population losses during the pandemic, new census data shows*. [Online] Available from: <https://www.brookings.edu/research/the-largest-cities-saw-the-sharpest-population-losses-during-the-pandemic-new-census-data-shows/> (Accessed: 30th July 2021).

14. Ferreira, M.I.A. (2021) *The right to the City: The Right to Live with Dignity. Intelligent Systems, Control and Automation: Science and Engineering*. 98. pp. 17–25. [Online] Available from: <https://covid19.elsevierpure.com/en/publications/the-right-to-the-city-the-right-to-live-with-dignity> (Accessed: 31st July 2021).

15. Martins, I.P. (n.d.) *How are Europe's cities adopting to climate change and moving to a sustainable future*. [Online] Available from: <https://www.eea.europa.eu/articles/how-are-europes-cities-adapting> (Accessed: 31st July 2021).

16. Ringel, F. (n.d.) *Coronavirus: how the pandemic has changed our perception of time*. [Online] Available from: <https://theconversation.com/coronavirus-how-the-pandemic-has-changed-our-perception-of-time-139240> (Accessed: 2nd August 2021).

17. Bloomberg. (2020) *How the Coronavirus Recovery is Changing the City*. [Online] Available from: <https://www.bloomberg.com/features/2020-city-in-recovery/> (Accessed: 2nd August 2021).

18. Yang, S. & Chong, Z. (2021) *Smart city projects against COVID-19: Quantitative evidence from China. Sustainable Cities and Society*. 70. DOI: 10.1016/j.scs.2021.102897

19. Hospitalitynet.org. (n.d.) *Smart Cities are The Next Step For Urban Tourism Post-Pandemic, Says Global Data*. [Online] Available from: <https://www.hospitalitynet.org/news/4103870.html> (Accessed: 3rd August 2021).

20. Kanowitz, S. (2021) *Pandemic accelerated rise of smart cities*. [Online] Available from: <https://gcn.com/articles/2021/04/01/pandemic-accelerated-smart-cities.aspx> (Accessed: 3rd August 2021).

21. OECD. (n.d.) *OECD Regional Outlook 2021: Addressing COVID-19 and Moving to Net Zero Greenhouse Gas Emissions*. [Online] Available from: <https://www.oecd-ilibrary.org/sites/c734c0fe-en/index.html?itemId=/content/component/c734c0fe-en> (Accessed: 31st July 2021).

22. Bloomberg School of Public Health. (n.d.) *Study: Urban Density Not Linked to Higher Coronavirus Infection Rates – and Is Linked to Lower Covid-19 Death Rates*. [Online] Available from: <https://www.jhsph.edu/news/news-releases/2020/urban-density-not-linked-to-higher-coronavirus-infection-rates-and-is-linked-to-lower-covid-19-death-rates.html> (Accessed: 24th July 2021).

23. United Nations. Department of Economic and Social Affairs. (n.d.) *News*. [Online] Available from: <https://www.un.org/development/desa/en/news/population/2018-revision-of-world-urbanization-prospects.html> (Accessed: 25th July 2021).

24. Perry, G. & De Silva, G. (2020) *Urbanization in the Age of Pandemic*. [Online] Available from: <https://www.newsecuritybeat.org/2020/05/urbanization-age-pandemic/> (Accessed: 25th July 2021).

МОНОЛОГИ, ДИАЛОГИ, ДИСКУССИИ

УДК 168.5

DOI: 10.17223/1998863X/63/21

Ю.В. Ивлев

КВАЗИФУНКЦИОНАЛЬНЫЕ ОТНОШЕНИЯ В ЛОГИКЕ И ДРУГИХ ОБЛАСТЯХ ЗНАНИЯ

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 20-111-50323.

В статье дается обзор основных результатов исследований по применению принципа квазифункциональности (квазидетерминизма, ограниченного детерминизма, недетерминизма) в области логики, математики, гносеологии, естественнонаучного, технического и социального знания. Приведены способы построения квазифункциональных логик алетических онтологических и логических модальностей и деонтической логики. Формулируются задачи дальнейшего исследования квазифункциональной логики и методологической роли принципа квазидетерминизма. Ключевые слова: квазифункциональность, квазидетерминизм, недетерминистская логика

Введение

Классическая наука в основном исследовала причинно-следственные отношения между явлениями, которые подчиняются принципу детерминизма: *определенное явление при определенных условиях вызывает определенное следствие*. Эти отношения выразимы посредством функций. Под функцией можно понимать операцию, применяя которую к определенному объекту из области определения функции, получаем определенный объект из области значений функции.

В природе, социуме, познании существуют отношения другого типа. Они подчиняются принципу квазидетерминизма: *какое-то из нескольких явлений при каком-то из нескольких условий вызывает какое-то из нескольких следствий*. Эти отношения выразимы посредством квазифункций.

Будем понимать под квазифункцией операцию, применяя которую к какому-то объекту из подмножества области определения (теперь уже) квазифункции, получаем какой-то объект из подмножества области значений квазифункции. Поскольку подмножества областей определений и значений квазифункции могут состоять из одного объекта, то частным случаем квазифункции является функция. Частным случаем квазифункции является также полная неопределенность (хаотичность), если подмножества, из которых выбираются объекты, совпадают с областями определений и значений квазифункции.

Поскольку функция может быть вероятностной, многозначной и т.д., то и квазифункция может быть такой же.

А. Квазифункциональные отношения в логике

При обзоре исследований по применению принципа квазифункциональности в логике будем исходить из следующего понимания логики. Логика – наука о мышлении, т.е. мышление – объект науки логики. Поскольку мышление изучается рядом наук, нужно выделить предмет науки логики. Предметом логики являются особые структуры мыслей и процессов мышления, называемые логическими структурами или логическими формами. Элементарными мыслями по виду их логических форм являются мысли, выражаемые в языке без использования логических терминов. Предметы здесь выделяются на основе зрительных образов или интуитивных представлений. Неэлементарные мысли выражаются в языке с использованием логических терминов. Очевидно, что умозаключения не являются элементарными мыслями.

Логические термины могут быть эмпирическими и теоретическими, т.е., как и во многих других науках, в логике выделяются уровни исследования – эмпирический и теоретический. Теоретическое знание – модель эмпирического. Модель эмпирического объекта познания упрощает моделируемый объект для облегчения познания и, как правило, искажает его. Например, материальная импликация соответствует условной связи и отношению логического следования, когда при истинности антецедента и ложности консеквента принимает значение «ложь», но не соответствует в остальных случаях определения. Однако материальная импликация упрощает проверку умозаключений. При обзоре будем различать эмпирические и теоретические уровни исследования.

Кроме того, в качестве методологического средства будет использоваться выделение исследований по (собственно) логике и по «как-бы-логике». «Как-бы-логика» (“as-if-logic”) образуется путем реконструкции собственно логики и, по крайней мере в период ее создания, имеет лишь гипотетическое отношение к логическим формам мыслей и процессов мышления [1].

0. Квази-истинностно-функциональная логика Решера

В 1962 г. Н. Решер (Nicholas Rescher) опубликовал статью «Квази-истинностно-функциональные системы пропозициональной логики» [2]. Он обсуждает определение материальной импликации в классической логике. Считает, что случаи определения, когда антецедент и консеквент импликации принимают значение «истина», а также когда антецедент истинный, а консеквент ложный, сомнений не вызывают. В остальных двух случаях значение импликации не определено. Импликация либо истинна, либо ложна. Он отмечает, что неопределенность – это не особое значение.

Решер формулирует логическую систему **Q**, в которой остальные логические связки (отрицание, конъюнкция и дизъюнкция) определяются обычным образом. Он отмечает возможность считать выделенными значениями формул не только истину, но и неопределенность. Тогда теоремами являются только те формулы, которые при любом наборе значений переменных принимают значение «истина» или указанную неопределенность. Такие формулы называются квазитавтологиями.

Решер отмечает, что идея применения квази-истинностной функциональности в логике у него возникла в 1960 г. [2. Р. 10]. В этом же году, пишет Решер, выражение «квази-истинностно-функциональное» употребил Мей Аддед (Added May) [3]. Также это выражение до Решера употреблял Л. Годдард (L. Goddard) [Ibid.]. Последний дал квазифункциональное определение модальности «возможно». Если A истинно, то $\Diamond A$ тоже истинно. Если A ложно, то $\Diamond A$ либо истинно, либо ложно. ($\Diamond$ – знак возможности.)

Если посмотреть на исследование Решера с точки зрения эмпирического и теоретического уровней знания, то можно заметить, что случай в определении материальной импликации в классической логике высказываний, когда антецедент и консеквент имеют значение «истина», тоже не соответствует эмпирической условной связке «если..., то...». В этом случае квазифункциональной импликации тоже можно приписать неопределенность. Дальнейшее развитие эти идеи получили в других работах Решера [4]. Он вводит новые значения: «необходимая истина», «случайная истина», «необходимая ложь», «случайная ложь» (“necessarily true”, “contingently true”, “necessarily false”, “contingently false” соответственно).

1. Алетические модальности

Алетические модальности, т.е. выражения «необходимо», «случайно» и «возможно», могут быть онтологическими и логическими.

Логическая система, которая построена в 1969 г., позже была названа S_{min} , выражает логические свойства тех и других [5]. В ней логические термины классической логики определяются обычным образом. При значении t (истина) формулы A формула $\Box A$ принимает либо значение t , либо значения f (ложь), а при значении f формулы A формула $\Box A$ принимает значение f . ($\Box$ – знак необходимости.) Формула $\Diamond A$ при значении t формулы A имеет значение t , а при значении f формулы A – либо значение t , либо значение f . Выделенное значение – t . К исчислению классической логики высказываний добавляются две схемы аксиом: $\Box A \supset A$, $A \supset \Diamond A$. Доказана адекватность семантики исчислению обобщенным методом Хенкина, а позже обобщенным методом Кальмара.

Замечание. Работая в области модальной логики, автор данной статьи не был знаком с исследованиями Решера и его предшественников. С одной стороны, это является недостатком, а с другой стороны, это позволило выделить собственно модальный аспект проблемы, оставив неизменными логические термины классической логики высказываний. Кроме того, позволило отойти от стремления представить неопределенность в качестве отдельного значения, что во многих случаях, несмотря на заявления об обратном, наблюдается в работах предшественников.

В публикации 1973 г. [6] представлен квазифункциональный подход к пониманию онтологических и логических модальностей. Введены значения t^n , t^c , f^i , f^c для онтологических модальностей (соответственно понимаются «истинно и необходимо», «истинно и случайно», «ложно и невозможно», «ложно и случайно») и t^N , t^C , f^I , f^C для логических модальностей (понимаются аналогично, только модальности логические). Квазифункциональность заключается, в частности, в следующем: если высказывание истинно, то

выражаемая им ситуация необходима или случайна (онтологически или логически), если же оно ложно, то ситуация невозможна или случайна (тоже онтологически или логически).

1.1. Онтологические модальности

При построении логики онтологических алетических модальностей [6–20] использованы указанные выше значения высказываний t^n , t^c , f^i , f^c . При определении модальных операторов возникал вопрос, что если высказывание A имеет значение t^n , т.е. ситуация, выражаемая этим высказыванием, имеет место и она детерминирована какими-либо обстоятельствами, то, например, сами эти обстоятельства детерминированы какими-либо другими обстоятельствами или не детерминированы. Может быть и то, и другое, и третье. То есть если эти другие обстоятельства детерминируют (однозначно обуславливают) это обстоятельство, то формула $\Box A$ примет значение t^n . Если не детерминируют, то примет значение t^c . Допустима третья возможность – «то ли детерминируют, то ли нет», что может зависеть от каких-то условий. В последнем случае формула $\Box A$ принимает то ли значение t^n , то ли значение t^c . Пишется t^n/t^c . Аналогично происходит рассуждение при приписывании значений формуле $\Diamond A$. В конечном счете получаются девять возможных вариантов приписывания значений итерированным (повторяющимся) модальностям. Эти варианты обозначены буквами a, b, c, d, e, f, g, h, i.

Вариант a

A	t^n	t^c	f^i	f^c
$\Box A$	t^n/t^c	f^i/f^c	f^i/f^c	f^i/f^c
$\Diamond A$	t^n/t^c	t^n/t^c	f^i/f^c	t^n/t^c

Кроме этого, возникает неопределенность при приписывании значений другим логическим терминам. Пусть значения подформул A и B формулы $A \& B$ есть f^c . Каким может быть значение всей формулы?

Примеры. *Первый.* Петров в этом семестре изучает геологию и логику. Пусть то и другое неверно. Однако то и другое возможно. Поэтому значение приведенного высказывания f^c . *Второй.* Петров в настоящий момент времени находится в Москве и в Одессе. То и другое неверно, но то и другое возможно. Однако невозможно одновременно находиться в Москве и Одессе. То есть значение высказывания f^i .

В зависимости от типов моделирования высказываний возникают три способа определения логических связей. Эти способы определения отмечаются знаками +, – и отсутствием этих знаков. Каждое из определения модальных терминов порождает три логические системы. Например, на основе варианта a определения логических терминов образованы три логические системы: Sa^+ , Sa^- , Sa .

Язык первой из этих систем кроме модальных терминов $\Box$ и $\Diamond$ содержит знаки отрицания и материальной импликации.

Определения

A	t^n	t^c	f^i	f^c
$\neg A$	f^i	f^c	t^n	t^c

A	t^n	t^c	f^i	f^c	t^n	t^c	f^i	f^c	t^n	t^c	f^i	f^c	t^n	t^c	f^i	f^c
B	t^n	t^c	t^n	t^c	t^n	t^c	t^n	t^c	f^i	f^i	f^i	f^i	f^c	f^c	f^c	f^c
$A \supset B$	t^n	t^n	t^n	t^n	t^c	t^n/t^c	t^n	t^n/t^c	f^i	f^c	t^n	t^c	f^c	f^c	t^n	t^n/t^c

Все системы, заданные семантически, формализованы.

Оказалось, что ни одна из этих систем не совпадает с ранее построенными логическими системами.

Нерешенными остаются следующие проблемы:

- существуют ли конечные характеристические матрицы для квазиматричных логик онтологических модальностей;
- можно ли построить семантики возможных миров (реляционные или окрестностные) для квазиматричных логик;
- что представляет собой логика, полученная выделением общих для всех этих систем схем аксиом и правил вывода.

1.2. Логические модальности

Квазифункциональная семантика ограниченных множеств описаний состояний [7–9].

Пусть формула содержит две пропозициональные переменные – r и s . Интерпретируем эти переменные в качестве обозначающих истинные и ложные высказывания. Затем интерпретируем истинные в качестве логически истинных и логически случайных, а ложные – в качестве обозначающих логически ложные и логически случайные (логически недетерминированные) высказывания, в том числе одно из них в качестве логически истинного, второе в качестве логически случайного и т.д. В конечном счете интерпретируем каждое высказывание в качестве логически истинного, логически ложного и логически недетерминированного. Интерпретации элементарной формулы “ a ” будем обозначать формулами $\neg\Diamond a$ (значение Т – логическая истина), $\neg\Diamond a$ (значение F – логическая ложь), $\Diamond a \& \Diamond \neg a$ (значение С – логическая случайность). ($\Diamond$ – теперь знак логической возможности.) Пусть R есть множество таких формул. Для формулы, содержащей указанные переменные, возможны следующие интерпретации переменных:

1. $(\{\neg\Diamond r, \neg\Diamond s\}; \{\{r, s\}\})$;
2. $(\{\neg\Diamond r, \neg\Diamond s\}; \{\{r, \neg s\}\})$;
3. $(\{\neg\Diamond r, \Diamond s, \Diamond \neg s\}; \{\{r, s\}, \{r, \neg s\}\})$;
4. $(\{\neg\Diamond r, \neg\Diamond s\}; \{\{\neg r, s\}\})$;
5. $(\{\neg\Diamond r, \neg\Diamond s\}; \{\{\neg r, \neg s\}\})$;
6. $(\{\neg\Diamond r, \Diamond s, \Diamond \neg s\}; \{\{\neg r, s\}, \{\neg r, \neg s\}\})$;
7. $(\{\Diamond r, \Diamond \neg r, \neg\Diamond s\}; \{\{r, s\}, \{\neg r, s\}\})$;
8. $(\{\Diamond r, \Diamond \neg r, \neg\Diamond q\}; \{\{r, \neg q\}, \{\neg r, \neg q\}\})$;
9. $(\{\Diamond r, \Diamond \neg r, \Diamond s, \Diamond \neg s\}; \{\{r, s\}, \{r, \neg s\}, \{\neg r, s\}, \{\neg r, \neg s\}\})$.

Если формула содержит n переменных, то число таких интерпретаций равно 3^n .

Например, пусть переменные r и s принимают значения Т и I соответственно. Тогда R есть множество $\{\neg\Diamond r, \neg\Diamond s\}$.

Если два или более элементарных высказываний интерпретируются в качестве логически недетерминированных, то конъюнкция этих высказываний (некоторые из этих высказываний могут быть взяты с отрицаниями), в свою очередь, интерпретируется в качестве логически возможного высказывания или логически невозможного (логически ложного) высказывания. Ограничение R расширяется до R' . Полученное таким образом множество

называется ограниченным множеством описаний состояний (**ОМОС**) и обозначается W' .

Если элементарные высказывания $a_1, \dots, a_n$ интерпретируются как логически недетерминированные, то факт интерпретации конъюнкции $\underline{a_1} \& \dots \& \underline{a_n}$ ($\underline{a_k}$ есть переменная с отрицанием или без отрицания) в качестве логически невозможного высказывания обозначается так: $\neg \diamond(\underline{a_1} \& \dots \& \underline{a_n})$, а факт интерпретации в качестве логически возможного: $\diamond(\underline{a_1} \& \dots \& \underline{a_n})$.

Например, приведенное выше девятое ограниченное множество описаний состояний преобразуется в следующие множества:

1. $\{(\diamond r, \diamond \neg r, \diamond s, \neg \diamond s, \diamond(r \& s), \diamond(r \& \neg s), \diamond(\neg r \& s), \diamond(\neg r \& \neg s)); \{(r \& s), (r \& \neg s), (\neg r \& s), (\neg r \& \neg s)\}\};$
2. $\{(\diamond r, \diamond \neg r, \diamond s, \diamond \neg s, \neg \diamond(r \& s), \diamond(r \& \neg s), \diamond(\neg r \& s), \diamond(\neg r \& \neg s)); \}; \{\{r, \neg s\}, \{\neg r, s\}, \{\neg r, \neg s\}\}\}.$
3. $\{(\diamond r, \diamond \neg r, \diamond s, \diamond \neg s, \neg \diamond(r \& s), \diamond(r \& \neg s), \diamond(\neg r \& s), \neg \diamond(\neg r \& \neg s)); \{(r \& \neg s), (\neg r \& s)\}\};$
4. $\{(\diamond r, \diamond \neg r, \diamond s, \diamond \neg s, \diamond(r \& s), \diamond(r \& \neg s), \diamond(\neg r \& s), \neg \diamond(\neg r \& \neg s)); \{(r \& s), (r \& \neg s), (\neg r \& s)\}\};$
5. $\{(\diamond r, \diamond \neg r, \diamond s, \diamond \neg s, \diamond(r \& s), \neg \diamond(r \& \neg s), \diamond(\neg r \& s), \diamond(\neg r \& \neg s)); \{\{r, q\}, \{\neg r, q\}, \{\neg r, \neg q\}\}\};$
6. $\{(\diamond r, \diamond \neg r, \diamond q, \diamond \neg q, \diamond(r \& q), \neg \diamond(r \& \neg q), \neg \diamond(\neg r \& q), \diamond(\neg r \& \neg q)); \{\{r, q\}, \{\neg r, \neg q\}\}\};$
7. $\{(\diamond r, \diamond \neg r, \diamond q, \diamond \neg q, \diamond(r \& q), \diamond(r \& \neg q), \neg \diamond(\neg r \& q), \diamond(\neg r \& \neg q)); \{\{r, q\}, \{r, \neg q\}, \{\neg r, \neg q\}\}\}.$

Формулам приписываются значения в описаниях состояний, входящих в **ОМОС**. Элементарное высказывание является истинным в описании состояния, если и только если оно входит в это описание состояния не со знаком отрицания. Формула $A \& B$ является истинной в описании состояния, если и только если в этом описании состояния истинны формулы A и B , и т.д. для других немодальных логических терминов. Формула $\Box A$ является истинной в описании состояния **ОМОС**а (далее – **омос**а), если и только если формула A является истинной в каждом описании состояния этого **омос**а. Формула $\Diamond A$ ($\Diamond$ – оператор логической возможности, вводится посредством определения

$\Diamond A =_{df} \neg \Box \neg A$) является истинной в описании состояния **омос**а, если и только если формула A является истинной в некотором описании состояния **омос**а.

Формула является выполнимой в **омосе**, если и только если она истинна в некотором описании состояния этого **омос**а. Формула является общезначимой в **омосе**, если и только если она истинна в каждом описании состояния этого **омос**а. Формула является выполнимой, если и только если она выполнима в некотором **омосе**. Формула является общезначимой, если и только если она общезначима в каждом **омосе**. Общезначимыми являются те и только те формулы, которые доказуемы в исчислении **S5**.

Теперь ясен смысл модельных структур реляционной семантики для этого исчисления. Модельная структура – это одна из интерпретаций пропозициональных переменных, входящих в формулу (формулы), посредством приписывания указанных выше значений, а также интерпретация конъюнкции пропозициональных переменных, проинтерпретированных в

качестве логически случайных (перед некоторыми из пропозициональных переменных может стоять знак отрицания) в качестве логически возможного или логически невозможного высказывания.

Метатеоремы.

Метатеорема 1. Каждая теорема исчисления S5 Льюиса является общезначимой формулой.

Метатеорема 2. Каждая общезначимая формула доказуема в S5.

Для доказательства метатеоремы 2 доказывается следующая лемма:

Лемма. Пусть D – формула, $\langle R', W' \rangle$ – ОМОС, $a_1, \dots, a_n$ – все различные переменные, входящие в D , $b_1, \dots, b_n$ – истинностные значения этих переменных (значения из множества $\{t, f\}$) в описании состояния α , A_i^α есть a_i , если b_i есть t ; A_i^α есть $\neg a_i$, если b_i есть f . Пусть D^α есть D , если D принимает значение t в α , и есть $\neg D$, если D принимает значение f в α .

Тогда $R', A_1^\alpha, \dots, A_n^\alpha \Rightarrow D^\alpha$.

Квазифункциональные семантики ограниченных множеств описаний состояний Архипереева [21–24]

Семантика для системы S4 Льюиса.

При построении семантики данного типа для S4 исходной остается идея последовательной интерпретации переменных формулы в терминах $\{N, C, I\}$ и дополнительного истолкования конъюнкций двух и более «случайных» переменных как возможных (случайных) или невозможных. Однако поскольку в модельной структуре для S4 уже не «каждый мир достижим из каждого», указанные интерпретации осуществляются относительно каждого отдельного о.с. для формулы. Кроме того, поскольку значимыми в S4 являются итерированные модальности, допустимы и итерированные метаистолкования переменных в терминах $\{N, C, I\}$. Получаемые в результате таких истолкований конечные множества о.с. и их множества различной степени $\langle OG_n; \alpha_i; W_n \rangle$ ($n \geq 1$) называются относительно ограниченными множествами о.с. (ОГОСами) и выполняют роль модельных структур семантик возможных миров для S4 [1].

Как и в семантике для S5, различаются оценки трех типов:

1) оценки формул к.л.в. в отдельных о.с. (двухзначные истинностно-функциональные или «чисто классические» оценки);

2) оценки формул, находящихся в области действия модальных операторов (двухзначные не-истинностно-функциональные оценки, которые приписываются в множествах о.с.); условия истинности / ложности формул с модальностями первой степени совпадают с аналогичными условиями для S5; при этом «собственные» для S4 итерированные модальности вида $\Box\Diamond, \Diamond\Box, \Diamond\Box\Diamond, \Box\Diamond\Box$ рассматриваются как кванторы по множествам и множествам множеств о.с., и значения формулам с данными модальностями приписываются в множествах соответствующего «уровня», например:

$$|\Box\Diamond B|_{W_2} = t \Leftrightarrow \forall W_1 (W_1 \in W_2 \Rightarrow |\Diamond B|_{W_1} = t);$$

$$|\Diamond\Box\Diamond B|_{W_3} = t \Leftrightarrow \exists W_2 (W_2 \in W_3 \wedge |\Box\Diamond B|_{W_2} = t);$$

3) метаистолкования формул к.л.в. в терминах $\{N, C, I\}$, которые также осуществляются относительно множеств о.с. (трехзначные не-истинностно-функциональные оценки); наличие «существенных» итерированных модальностей в S4 предполагает возможность «вторичных» метаистолкований формул к.л.в. в терминах $\{N, C, I\}$. Метаоценки N, I могут повторно

истолковываться только как N, метаоценка C может истолковываться как N либо C,

т.е. для произвольной элементарной формулы p_i справедливы утверждения: $Np_i \sqcup Ip_i \Rightarrow NNp_i \sqcup NIp_i$; $Cp_i \Rightarrow NCp_i \sqcup CCp_i$. При этом если OG_2' некоторого $\langle OG_2'; \alpha_i; W_2'' \rangle$ содержит для некоторой переменной p_i истолкование NCp_i , то элементами W_2'' будут только такие множества о.с. W_1'' , в каждом из которых p_i по крайней мере однажды меняет значение. Если же в OG_2' содержится интерпретация CCp_i , то в W_2'' она будет представлена тройкой множеств о.с., соответствующей истолкованию $NCp_i \vee Np_i \vee Ip_i$.

Например, множество $\langle \{Nr, Cq\}; \{p, q\}; \{\{p, q\}\{p, \neg q\}\} \rangle$ порождает два ОГОСа $\langle OG_2'; \alpha_i; W_2'' \rangle$ второй степени:

$$\langle \{NNp, NCq\}; \{p, q\}; \{\{\{p, q\}\{p, \neg q\}\}\} \rangle;$$

$$\langle \{NNp, CCq\}; \{p, q\}; \{\{\{p, q\}\{p, \neg q\}\}; \{\{p, q\}\}; \{\{p, \neg q\}\}\} \rangle$$

Сказанное о способе порождения конструкций $\langle OG_n'; \alpha_i; W_n'' \rangle$, их общем числе, а также числе и типе их элементов можно обобщить следующим образом:

$$\langle OG_1'; \alpha_i; W_1'' \rangle: C_n^0 + C_n^1 + C_n^2 + C_n^3 + \dots + C_n^n = 2^n;$$

$$\langle OG_2'; \alpha_i; W_2'' \rangle: C_n^0 \times 2^0 + C_n^1 \times 2^1 + C_n^2 \times 2^2 + \dots + C_n^k \times 2^k + \dots + C_n^n \times 2^n = 3^n;$$

$$\langle OG_3'; \alpha_i; W_3'' \rangle: C_n^0 \times 3^0 + C_n^1 \times 3^1 + C_n^2 \times 3^2 + \dots + C_n^k \times 3^k + \dots + C_n^n \times 3^n = 4^n.$$

Степень ОГОСа	Число «случайных» переменных в ОГ	Число элементов в W	Тип элементов W
$\langle OG_1'; \alpha_i; W_1'' \rangle$	$0 \leq i \leq n$ (n – число переменных в формуле)	2^i	о.с.
$\langle OG_2'; \alpha_i; W_2'' \rangle$	$0 \leq k \leq i$	3^k	Множества о.с.
$\langle OG_3'; \alpha_i; W_3'' \rangle$	$0 \leq m \leq k$	3^m	Множества множеств о.с.

Для кластеров произвольной конечной степени искомый алгоритм примет вид

$$\langle OG_R'; \alpha_i; W_R'' \rangle: C_n^0 \times R^0 + C_n^1 \times R^1 + C_n^2 \times R^2 + \dots + C_n^k \times R^k + \dots + C_n^n \times R^n = (R+1)^n.$$

Однако, как нетрудно убедиться, конструкции степени >3 не несут никакой новой информации о допустимых значениях переменных и их конъюнктивных сочетаниях. Таким образом, тот факт, что в S4 отсутствуют собственные итерированные модальности степени >3 , оказывается естественным следствием самого способа построения данной семантики [2].

Семантика Архиевеева для системы INT Гейтинга [22].

Семантика для интуиционистской системы Int может быть построена в указанных терминах на основе известного перевода формул языка системы Int в модальную систему S4, предложенного в 1948 г. Дж. Маккинси и А. Тарским.

Пусть ψ – функция перевода. Тогда, в зависимости от степени сложности интуиционистской формулы, ее перевод в S4 будет выглядеть следующим образом:

$$1) \psi(p) = \Box p, \text{ где } p \text{ – пропозициональная переменная;}$$

$$2) \psi(\neg A) = \Box \neg \psi(A), \text{ где } A \text{ – произвольная формула;}$$

$$3) \psi(A \wedge B) = \psi(A) \wedge \psi(B);$$

$$4) \psi(A \vee B) = \psi(A) \vee \psi(B);$$

$$5) \psi(A \supset B) = \Box(\psi(A) \supset \psi(B)).$$

«Произвольная формула A языка интуиционистской логики доказуема в исчислении Гейтинга тогда и только тогда, когда ее перевод $\psi(A)$ доказуем в модальной системе $S4$ ».

При данном переводе, таким образом, все формулы системы Int , включая элементарные, рассматриваются как модальные. Отрицание и импликация системы Int рассматриваются как модальные понятия второй степени [Там же].

Поскольку перевод формул Int в $S4$, предложенный Маккинси и Тарским, толкует как модальные *все* формулы, включая элементарные, значения им приписываются не в отдельных о.с., а в их множествах. Как и в семантике для $S4$, различаются 3 группы значений:

1) пара классических («слабых») значений $\{t, f\}$, которые приписываются элементарным формулам в отдельных о.с.; для обозначения классического значения f будем использовать символ *метаязыка* $\perp$ («фактическое» или «слабое» отрицание); для обозначения «сильной» («интуиционистской») ложности будем использовать символ *объектного языка* $\sim$.

Интуиционистская («сильная») ложность, как и интуиционистская истинность, подчиняется принципу монотонности (сохранности): если высказывание оценено в некотором мире как истинное или ложное в сильном смысле, то оно сохраняет свое значение во всех мирах, достижимых из данного. Слабая («фактическая») ложность не подчиняется принципу сохранности. Однако оба типа ложности выполняют требование *обратной сохранности*: высказывание, оцененное как ложное в любом из указанных смыслов, не могло быть ранее истинным;

2) тройка «интуиционистских» (мета)значений $\{T, R, F\}$ («достоверно истинно», «опровержимо – refutable», «достоверно ложно»). F – «интуиционистская ложность», соответствующая операции $\sim$, «сильный напарник» T , подчиняющийся, как и T , принципу монотонности, R – «опровержимость», «слабая ложность» – аналог «фактического» отрицания, для которого выполняется только принцип обратной и не выполняется принцип прямой сохранности. Выделенным значением является T ;

3) тройка метаистолкований допустимых значений переменных в терминах $\{N, C, I\}$; в силу принципа монотонности переменная, входящая в исходное о.с. без символа $\perp$, может иметь только метазначение N .

В результате всех последовательных метаистолкований допустимых значений переменных и их сочетаний в терминах $\{N, C, I\}$ относительно каждого о.с. для формулы получаем множество конструкций вида $\langle OG_n'; \alpha_i; W_n'' \rangle$, которые выполняют функцию модельных структур семантики возможных миров для системы Int . Очевидно при этом, что моделями Int будет ровно половина моделей $S4$.

Имеется в виду следующая формулировка Int : исходные символы $\sim, \rightarrow, \wedge, \vee, -$ сильное отрицание, импликация системы Int , конъюнкция и дизъюнкция системы Int ; символы $\perp, \Rightarrow, \Leftrightarrow, \wedge, \vee, \forall, \exists, \in, \notin$ являются символами метаязыка, в котором формулируются условия истинности / ложности формул системы Int ; аксиомами системы будут все аксиомы к.и.в. за исключением $\sim\sim A \rightarrow A$, вместо которой вводится $\sim A \rightarrow (A \rightarrow B)$. Правилами вывода Int являются правила вывода классического исчисления высказываний.

• Формулам системы *Int* следующим образом приписываются значения в данной семантике:

$$\begin{aligned} &|p|\alpha = t \Leftrightarrow p \in \alpha; \quad |p|\alpha = f \Leftrightarrow p \notin \alpha \Leftrightarrow |p|\alpha \Leftrightarrow |p|\alpha = t; \\ &|A|_{w_1} = T \Leftrightarrow \forall \alpha (\alpha \in W_1 \Rightarrow |A|_{\alpha} = t); \\ &|A|_{w_1} = R \Leftrightarrow \exists \alpha (\alpha \in W_1 \wedge |A|_{\alpha} = f); \\ &|A|_{w_2} = F \Leftrightarrow \sim |A|_{w_2} = T \Leftrightarrow \forall W_1 (W_1 \in W_2 \Rightarrow |A|_{w_1} = R); \\ &|A \wedge B|_{w_1} = T \Leftrightarrow (|A|_{w_1} = T \wedge |B|_{w_1} = T); \\ &|A \vee B|_{w_1} = T \Leftrightarrow (|A|_{w_1} = T \vee |B|_{w_1} = T); \\ &|A \rightarrow B|_{w_2} = T \Leftrightarrow \forall W_1 (W_1 \in W_2 \Rightarrow (|A|_{w_1} = T \Rightarrow |B|_{w_1} = T)); \\ &|A \rightarrow B|_{w_2} = R \Leftrightarrow \exists W_1 (W_1 \in W_2 \wedge (|A|_{w_1} = T \wedge |B|_{w_1} = R)); \\ &|A \rightarrow B|_{w_3} = F \Leftrightarrow \sim (|A \rightarrow B|_{w_3} = T) \Leftrightarrow \forall W_2 (W_2 \in W_3 \Rightarrow (|A \rightarrow B|_{w_2} = R)). \end{aligned}$$

Формула *B* выполнима в *Int*, е.т.е. *B* принимает значение *T* в некотором W_n ($n \geq 1$).

Формула *B* общезначима в *Int*, е.т.е. *B* принимает значение *T* в каждом W_n ($n \geq 1$) (подробнее см. в [22]).

Задача. Представить в одной системе логические и онтологические модальности.

2. Исследования школы логиков Израиля (Арнон Аврон и соавторы)

В XXI в. квазифункциональная логика стала активно разрабатываться Арноном Авроном и его соавторами под названием «недетерминистская логика» [25, 26]. В [25] отмечается, что принципом классической и многозначной логик является принцип истинностной функциональности, согласно которому значение сложной формулы однозначно определяется значениями ее подформул. В действительности же существует неопределенность, неполнота информации. По этой причине предлагается ввести в логику недетерминированные матрицы (Nматрицы) путем обобщения обычных матриц.

В недетерминированных матрицах значение сложной формулы выбирается из некоторого непустого «набора вариантов». В качестве примера приводится случай, когда не известен смысл дизъюнкции. Если каждому члену дизъюнкции приписано значение *t*, то значение всей формулы не определено, т.е. есть *t* или *f*. Обозначение: $\{t, f\}$.

Неопределенность может быть обусловлена вычислениями, результаты которых определены не полностью (недетерминированные вычисления), а также устройствами для сбора и обработки информации (автоматы). В последнем случае пусть есть источник информации и процессор. Возможны четыре ситуации. *Первая*. Источник передает процессору следующую информацию: высказывание истинно, но нет информации о том, что оно ложно. *Вторая*. Высказывание ложно, но нет информации о том, что оно истинно. *Третья*. Высказывание как истинно, так и ложно. Пусть источник состоит из двух составляющих. По одной составляющей пришло сообщение «истина», а по другой – «ложь». В первом и во втором случаях пришло сообщение только от одной составляющей. *Четвертая*. Никаких сообщений не поступило, т.е. информация отсутствует.

Таким образом, неопределенность может быть обусловлена неоднозначностью значений сложных высказываний, а также значений простых высказываний.

Сама неопределенность может быть представлена двумя способами: статистическим и динамическим. В первом случае описывается относительная частота признаков, а во втором – собственно недетерминированность.

На основе этих соображений строятся недетерминистские матрицы. Недетерминистская матрица – это упорядоченное множество, в котором есть множество элементов матрицы (множество возможных значений формул), множество выделенных значений, а также множество недетерминистских функций.

N -местная функция сопоставляет каждой n -ке значений из множества элементов матрицы какое-то подмножество из множества элементов матрицы, кроме пустого подмножества. Сопоставление динамическое (не статистическое), т.е. формула принимает какое-то значение из этого подмножества.

Замечу, что в общем случае можно допустить в качестве значения квазифункции пустое множество, а в качестве области, к которой применяется n – местная квазифункция, каждое подмножество n -ок значений, кроме пустого множества.

3. Исследования школы логиков Бразилии (Кониглио и соавторы)

Бразильские логики внесли значительный вклад в разработку квазифункциональной логики. Результаты исследований представлены в [27–29] и некоторых других публикациях. В качестве примера приведем логические системы, изложенные в статье Кониглио (Coniglio) и Голзио (Golzio) [28].

За основу берутся упомянутая выше логическая система Sa^+ и система Т Кёрнса (Kearns) [29, 30]. На содержательном уровне дизъюнкция ($\alpha \vee \beta$) понимается как $(\neg\alpha \rightarrow \beta)$, где $\rightarrow$ – знак материальной импликации, по определению обычным образом вводится знак возможности.

Определения

$\vee$	t^n	t^c	f^c	f^i
t^n	t^n	t^n	t^n	t^n
t^c	t^n	$\{t^n, t^c\}$	$\{t^n, t^c\}$	t^c
f^c	t^n	$\{t^n, t^c\}$	f^c	f^c
f^i	t^n	t^c	f^c	f^i

α	$\diamond\alpha$
t^n	$\{t^n, t^c\}$
t^c	$\{t^n, t^c\}$
f^c	$\{t^n, t^c\}$
f^i	$\{f^c, f^i\}$

Система названа **Tm** и формализована посредством следующих схем аксиом и правила вывода модус поненс. Схемы аксиом: $\alpha \rightarrow (\beta \rightarrow \alpha)$; $(\alpha \rightarrow (\beta \rightarrow \sigma)) \rightarrow ((\alpha \rightarrow \beta) \rightarrow (\alpha \rightarrow \sigma))$; $(\neg\beta \rightarrow \neg\alpha) \rightarrow ((\neg\beta \rightarrow \alpha) \rightarrow \beta)$; $\Box(\alpha \rightarrow \beta) \rightarrow (\Box\alpha \rightarrow \Box\beta)$; $\Box(\alpha \rightarrow \beta) \rightarrow (\Box\neg\beta \rightarrow \Box\neg\alpha)$; $\neg\Box\neg(\alpha \rightarrow \beta) \rightarrow (\Box\alpha \rightarrow \neg\Box\neg\beta)$; $\Box\neg\alpha \rightarrow \Box(\alpha \rightarrow \beta)$; $\Box\beta \rightarrow \Box(\alpha \rightarrow \beta)$; $\Box\neg(\alpha \rightarrow \beta) \rightarrow \Box\neg\beta$; $\Box\neg(\alpha \rightarrow \beta) \rightarrow \Box\alpha$; $\Box\alpha \rightarrow \alpha$ (Т); $\Box\alpha \rightarrow \Box\neg\neg\alpha$; $\Box\neg\neg\alpha \rightarrow \Box\alpha$.

Строятся системы **T4m**, **T45m**, **TBm** путем добавления одной из следующих схем аксиом: $\Box\alpha \rightarrow \Box\Box\alpha$ (4); $\neg\Box\neg\Box\alpha \rightarrow \Box\alpha$ (5); $\neg\Box\neg\Box\alpha \rightarrow \alpha$ (B).

T4m = **Tm** + {4}. **T45m** = **T4m** + {5}. **TBm** = **Tm** + {B}. Для этих систем построены квазифункциональные семантики.

4. Деонтическая логика

4.0. Трехзначная деонтическая логика [7. С. 162–167; 9. С. 102–109; 10. С. 72–82; 31]

Принцип квазифункциональности был мною сформулирован в конце шестидесятых годов прошлого века при построении логики норм, называемой, чаще всего, деонтической логикой. До этого, как правило, эта логика основывалась на логике высказываний. Операторы «обязательно» и «разрешено» применялись к высказываниям. При применении этих операторов к знакам деяний (знакам действий или бездействий) возникали неопределенности. Например, пусть действия А и В нормативно безразличны, т.е. не запрещены и не обязательны. Однако одновременное выполнение этих действий может быть нормативно безразлично, а может быть запрещено. В этом и в других случаях возникают неопределенности.

Символы языка:

1) $a, b, c, a_1, b_1, c_1 \dots$ – переменные для деяний;
2) $\cdot, \cup, ' -$ знаки одновременного выполнения двух деяний, одного или другого деяния, воздержания от выполнения деяния соответственно. Читаются «и», «или», «не» («воздержание от...»);

3) O, P – нормативные операторы «обязательно» и «разрешено»;

4) $\Box, \neg, \&, \vee, \supset$ – обычные знаки классической логики высказываний;

5) скобки.

Определения:

1) переменная для деяний есть субформула;

2) если А и В субформулы, то $A', (A \cdot B), (A \cup B)$ – субформулы;

3) ничто иное не есть субформула.

Определение формулы:

1) если А – субформула, то OA, PA – формулы;

2) если В и С – формулы, то $\neg B, (B \& C), (B \vee C), (B \supset C)$ – формулы;

3) ничто иное не есть формула.

Определения

$(A \cdot B)$	о	б	з
о	о	б	з
б	б	з/б	з
з	з	з	з

$(A \cup B)$	о	б	з
о	о	о	о
б	о	о/б	б
з	о	б	з

A	A'
о	з
б	б
з	о

В таблицах значения «о», «б», и «з» соответственно понимаются так: «обязательно», «безразлично», «запрещено», а наклонная черта означает «либо..., либо...».

A	OA	PA
о	t	t
б	f	t
з	f	f

Знаки $\neg, \&, \vee, \supset$ определяются обычным образом.

Семантически заданная логика формализована [9].

4.1. Пятизначная деонтическая логика Кузнецова [32]

Вместо символов О и Р вводятся символы Он, Ом, Рн, Рм (обязательно нормативно, обязательно морально, разрешено нормативно, разрешено морально).

Увеличивается число значений знаков деяний: о, о', б, з, з'. Значения о' и з' соответственно читаются: одобряемо, порицаемо. Предшествующие значения являются более сильными, чем последующие.

Определения

A	о	о'	б	з	з'
A'	з	з'	б	о	о'

$|A \cdot B| = \min(|A|, |B|)$, кроме случая, когда $|A| = |B| = б$. В этом случае $|A \cdot B| \in \{б, з, з'\}$. $|A \cup B| = \max(|A|, |B|)$, кроме случая, когда $|A| = |B| = б$. В этом случае $|A \cup B| \in \{б, о, о'\}$.

A	ОнА	ОмА	РнА	РмА
о	t	t	t	t
о'	f	t	t	t
б	f	f	t	t
з'	f	f	t	f
з	f	f	f	f

t – выделенное значение. Остальные логические термины определяются обычным образом.

Здесь дополнительными схемами аксиом являются следующие:

$ОнА \supset ОмА$, $ОнА \supset РнА$, $ОмА \supset РмА$, $ОнА \supset РмА$, $ОмА \supset РнА$, $\neg ОнА' \equiv \equiv РнА$, $\neg ОмА' \equiv РмА$, $РмА \supset РнА$,

$ОнА \& ОнВ \equiv Он(А \cdot В)$, $ОмА \& ОмВ \equiv Ом(А \cdot В)$,

$ОнА \& РнВ \supset Рн(А \cdot В)$, $ОнА \& ОмВ \supset Ом(А \cdot В)$, $ОмА \& РмВ \supset Рм(А \cdot В)$,

$Рн(А \cdot В) \supset РнА \& РнВ$, $Рм(А \cdot В) \supset РмА \& РмВ$,

$\neg РнА' \supset РнА$,

$ОнА \supset Он(А \cup В)$, $ОмА \supset Ом(А \cup В)$,

$РнА \vee РнВ \equiv Рн(А \cup В)$, $РмА \vee РмВ \equiv Рм(А \cup В)$,

$Он(А \cup В) \supset РнА \vee ОнВ$, $Ом(А \cup В) \supset РмА \vee ОмВ$,

$РнА \& РнВ' \supset Рн(А \cdot В)'$, $РмА \& РмВ' \supset Рм(А \cdot В)'$,

$РнА \supset Рн(А \cup В)$,

$РмА' \vee \neg РмВ \supset Рм(А \cup В)'$.

4.2. Шестизначная деонтическая логика Аркадской [7. С. 212, 213;

33]

Представленная выше трехзначная деонтическая логика – это логика юридических норм. Пятизначная логика Кузнецова предназначена для описания отношений по формам не только между нормами права, но и между нормами морали. Однако вне этой логики остаются нормы, в которых встречаются нравственно безразличные деяния. Этот пробел устранен Аркадской. В [33] изложена шестизначная логика норм. Вводится новое значение б', которое читается «безразлично морально».

Определение

A	о	о'	б	з	з'	б'
A'	з	з'	б	о	о'	б'

Определяются другие нормативные операторы и построено исчисление норм.

4.3. Деонтическая логика Кониглио (Coniglio) и Голзио (Golzio) [28]

Логика строится на основе логики высказываний. Деяние, разрешенное или запрещенное, представляется реализованным высказыванием. Например, разрешено Петрову поступать в университет выражается так: Петров поступил в университет, это разрешено.

Образовано исчисление норм **Dm** путем замены аксиомы **T** ($\Box\alpha \rightarrow \alpha$) на схему аксиом **D** ($\Box\alpha \rightarrow \neg\Box\neg\alpha$) в приведенном выше исчислении **Tm**. Знак $\Diamond$ вводится по определению: $\Diamond\alpha$ есть по определению $\neg\Box\neg\alpha$. Знаки $\Box$ и $\Diamond$ здесь читаются «обязательно, что», «разрешено, что» соответственно. В основе семантики лежат следующие интерпретации выражений:

р обязательно и оно совершено ($\Box p \& p$) ($\&$ – знак конъюнкции);

р обязательно и оно не совершено ($\Box p \& \neg p$);

р нормативно безразлично и оно выполнено $\neg(\Box p \& \Box \neg p) \& p$;

р нормативно безразлично и оно не выполнено $\neg(\Box p \& \Box \neg p) \& \neg p$.

За ограниченностью объема статьи полностью семантика не излагается.

5. Другие исследования по квазиматричной логике

В 2016 г. опубликована интересная статья двух авторов – Х. Омори (Hitoshi Omori), Япония, и Д. Скурт (Daniel Skurt), Германия [34]. В статье представлены новые системы недетерминистской логики. Ряд работ по квазифункциональной логике опубликовал ученый из Тувы Х.К. Кадыг-оол. Это статьи [39, 40] и монография [41].

Научная работа по квазифункциональной модальной логике продолжается как в России, так и в других странах [38]. В печати находится несколько статей по этой логике. В Бразилии международным коллективом подготовлено издание, которое намечено на март 2022 г. Принцип квазифункциональности использован при построении паранепротиворечивой логики и логики пропозициональных установок [27, 38]. Можно указать другие публикации по этой логике [33, 34, 35, 39–44].

В. Квазифункциональные отношения в других областях знания

1. Квазифункциональность в математике

В области логики работают как философы, так и математики. Философы называют логику, сходную с математикой, символической, а математики называют эту логику математической и считают ее частью математики. Чтобы выделить математическую часть в логике, нужно иметь понятие математики. У меня такого понятия нет, может быть потому, что я считаю себя философом. «Общее определение математики», данное в пятитомной Математической энциклопедии, вряд ли можно считать удовлетворительным: «Математика – наука о количественных отношениях и пространственных формах действительного мира» [45. Т. 5. С. 559]. Во-первых, количественные отношения и пространственные формы изучает не только математика, а во-вторых, если под действительным миром понимать «этот свет», а под недействительным – «тот свет», то потребуются обоснование утверждения, что на «том свете» математика не работает.

Можно было бы дать индуктивное определение математики: математика – это алгебра, геометрия, математический анализ и т.д. Однако возможно возникновение новых разделов математики. Будем здесь рассматривать возможность применения принципа квазифункциональности в алгебре.

Если понимать под алгеброй некоторое множество объектов, множество операций над ними и множество равенств результатов применения этих операций над объектами, то под квазиалгеброй можно понимать результат замены операций квазиоперациями (квазифункциями), а равенства – другими отношениями. Например, алгебра деяний – это множество деяний, квазиоперации « $\cdot$ », « $\cap$ », « $'$ » и отношения, являющиеся не только равенствами. Так, равенство $A \cap B = B \cap A$ не имеет места, так как выполнение деяния A , а затем B не одно и то же, что и выполнение B , а потом A .

Можно ввести понятие квазиалгебры. Это множество объектов, множество квазиопераций над объектами, а также множество отношений между результатами применения квазиопераций. Отношения – не только равенства. Например, в приведенной выше трехзначной логике это множество отношений между высказываниями по формам – совместимость по необходимости, по невозможности и т.д.

Представляется возможным каждую алгебру расширить до квазиалгебры.

На основе принципа квазифункциональности можно обобщить неевклидовы и евклидовы геометрии. Для этого потребуется изменить понятия плоскости прямой и т.д. Плоскость может меняться от евклидовой до римановой через плоскость Евклида. Прямая может изменяться. Например, пусть поверхность ограничена столбами, которые не могут перемещаться, а расстояния между столбами – прямые, которые могут изгибаться до определенных пределов. Точно площадь одной фигуры не всегда можно вычислить, а площадь множества фигур может быть вычислима.

2. Квазифункциональность в биологии

В биологии есть явление, которое называется дрейфом генов. Оно заключается в следующем: небольшая часть большой популяции живых существ оказывается в изоляции, например в результате природного явления. Можно описать возможные изменения генофонда популяции на основе принципа квазидетерминизма [46].

На основе принципа квазидетерминизма можно объяснить функционирование нервных сетей [9. С. 117–118]. Представим нейрон в качестве устройства, имеющего вход и выход и находящегося в определенном состоянии. То есть делаем это по аналогии с квазиавтоматом. Пусть на вход поступает какой-то из двух сигналов, а на выходе возникает какая-то из двух реакций. Пусть имеются два нейрона, на выход которых поступает один и тот же сигнал s . Тогда на вход системы нейронов, состоящей из двух новых нейронов, поступит либо сигнал s , либо сигнал i , если предположить, что эти два последние нейрона описаны формулой, соответствующей конъюнкции.

Таким образом, поведение нейронов может быть не определено, или определено лишь частично, а поведение нейронной сети может быть определено полностью, может быть определено частично, а может быть совсем не определено. Возможно, что в таком поведении нейронов заключается объяснение интуиции: мозг работает как машина, которая хотя и

является сложной, но все же конечной, ее работа не осознается и результаты получаются на выходе иногда правильные, а иногда нет, т.е. вариативные.

В [37] введены понятия однозначной и неоднозначной детерминации признаков организма. Например, одна и та же генная аномалия иногда приводит к заболеванию, а иногда нет. Эти явления тоже могут быть представлены посредством указанного принципа.

Важной областью знания, в которой применим принцип квазидетерминизма, является знание медицинское. В процессе диагностики и лечения устанавливаются не только причинно-следственные, т.е. функциональные, отношения между симптомами, заболеваниями и способами лечения, но и отношения квазифункциональные. Например, в одном случае симптом (будем считать совокупность признаков одним симптомом) позволяет сделать однозначный вывод об определенном заболевании. Это частный случай квазифункциональности – функциональность, или детерминизм. В другом случае симптом позволяет утверждать лишь об одном заболевании из нескольких заболеваний. Это собственно квазифункциональность. Еще одним частным случаем квазифункциональности является полная неопределенность, названная выше хаотичностью. Далее, каждое определенное заболевание может требовать единственного способа лечения, а может допускать один из нескольких способов лечения. Способ лечения может отсутствовать – полная неопределенность. Такие ситуации должны учитываться при отрицательных результатах лечения, например в процессе судебных разбирательств.

3. Приложения принципа квазифункциональности в технике

3.1. Автоматы

Одним из возможных технических приложений принципа квазифункциональности является создание конечных квазиавтоматов.

Квазиавтомат, как и автомат, имеет вход и выход и находится в каком-то состоянии. Есть возможное множество входных сигналов (аналог множества возможных значений квазиматрицы). Сигнал поступает из какого-то элемента какого-то непустого подмножества этого множества. В зависимости от состояния квазиавтомата этот квазиавтомат реагирует на сигнал одним из способов, включенных в подмножество множества возможных реакций. Если невозможно указать поведение каждого отдельного квазиавтомата, то поведение системы квазиавтоматов в некоторых случаях можно указать.

Примером таких возможных квазиавтоматов могут служить устройства для очистки кровеносных сосудов. Пусть в вену помещено конечное число таких устройств, большее числа кровеносных сосудов, исходящих из вены. В каждый кровеносный сосуд заходит только одно устройство. Доходя до кровеносного сосуда, исходящего из данного, устройство срабатывается, становится меньше. Оно направляется в какое-то ответвление кровеносного сосуда, меньшее по размеру. Какое-то из исходных устройств входит в этот же сосуд и направляется в другое ответвление и т.д. Какое устройство входит в какой сосуд и очищает его не известно, но может быть известно, что очищаются все сосуды, а устройства сначала срабатываются (уменьшаются), а затем самоуничтожаются.

В кандидатской диссертации [47] В.В. Шалопин изложил построенную им квазифункциональную нечеткую логику. Квазифункция в этой логике определяется так же, как и указано выше, но объект, к которому применяется квазифункция, и объект, который получается в результате применения квазифункции, являются нечеткими в смысле Л.А. Заде. Шалопин разработал концепцию абстрактных нечетких квазиавтоматов, основанную на этой логике. См. также [48, 49].

Если техническая реализация описанных в начале раздела квазиавтоматов представляется весьма возможной, то техническая реализация квазиавтоматов Шалопина остается проблематичной.

3.2. Электрические схемы

По аналогии с трехзначной квазифункциональной логикой можно рассмотреть создание трехтактных переключательных электрических схем [50]. Переключатель может иметь три положения. Первое: переключатель полностью замкнут – ток полностью проходит через него. Второе: переключатель полностью разомкнут – ток совсем не проходит. Третье: переключатель частично разомкнут, т.е. не полностью разомкнут и не полностью замкнут – ток частично проходит. При параллельном соединении двух переключателей возможны следующие реакции на выходе. Оба переключателя полностью не замкнуты – механизм не работает, по крайней мере один из переключателей полностью замкнут – механизм работает, оба переключателя не полностью не замкнуты и не полностью разомкнуты – механизм, работающий только при определенном поступлении тока, может работать, а может и не работать и т.д.

Очевидна возможность моделирования электрических схем посредством четырехзначных квазифункциональных логик.

4. Социальное знание и гносеология

Социальное познание часто является квазифункциональным. Например, об имеющемся состоянии экономики в какой-то отрасли хозяйства могут быть различные представления. Можно исходить из одного из этих представлений. Каким будет состояние этой отрасли через несколько лет? При учете основных условий развития состояние может быть одним из нескольких. Если исходить из другого представления, то через несколько лет состояние тоже может быть одним из нескольких. Очевидна квазифункциональная зависимость будущих состояний от исходных. В социальной сфере важную роль играет не только познавательный аспект проблемы, но и планирование человеческой деятельности для достижения наиболее приемлемого состояния.

Принцип квазифункциональности применен при описании методологии разработки управленческого решения. На каждом этапе этой деятельности могут возникать варианты, которые, в свою очередь, могут быть неоднозначными. См., например, [51. С. 240–253].

В качестве заключения ставим задачу продолжить применение принципа квазифункциональности в логике, математике, естествознании и других науках.

Литература

1. *Ивлев Ю.В.* Предмет и перспективы развития логики // *Логические исследования*. 2018. Т. 24, № 1. С. 115–128.
2. *Rescher N.* Quasi-truth-functional systems of propositional logic // *The Journal of Symbolic Logic*. 1962 March. Vol. 27, № 1. P. 1–10.
3. *Added May.* The exclusive “or” // *Analysis*. 1960. Vol. 20. P. 97–106.
4. *Rescher N.* Many-valued Logic. New-York, 1969.
5. *Ивлев Ю.В.* Логика норм : дис. ... канд. филос. наук. М. : МГУ им. М.В. Ломоносова, 1972.
6. *Ивлев Ю.В.* Табличное построение пропозициональной модальной логики // *Вестник Московского университета. Серия 7: Философия*. 1973. № 6. С. 51–61.
7. *Ивлев Ю.В.* Модальная логика. М. : Изд-во Моск. ун-та, 1991. 222 с.
8. *Ивлев Ю.В.* Содержательная семантика модальной логики. М. : Изд-во Моск. ун-та, 1985. 170 с.
9. *Ивлев Ю.В.* Квазиматричная (квазифункциональная) логика. М. : Изд-во Моск. ун-та, 2018. 126 с.
10. *Ивлев Ю.В.* Содержательная семантика модальной логики // *Логико-методологические исследования*. М. : Изд-во Моск ун-та, 1980. С. 356–374.
11. *Ивлев Ю.В.* Содержательный анализ модальных высказываний // *Вестник Московского университета. Серия 7: Философия*. 1982. № 5. С. 57–68.
12. *Ивлев Ю.В.* Интерпретация модальных исчислений // *Логические исследования: труды научно-исследовательского семинара по логике Института философии АН СССР*. М. : ИФ АН СССР, 1983. Т. 2. С. 59–70.
13. *Ивлев Ю.В.* Новые семантики модальной логики // *Современная логика и методология науки*. М. : Изд-во Моск. ун-та, 1987. С. 71–86.
14. *Ivlev Yu.V.* A semantics for modal calculi // *Bulletin of the Section of Logic*. 1988. Vol. 17, № 3–4. P. 114–126.
15. *Ivlev Yu.V.* Quasi-matrix logic // *Journal of Multiple-Valued Logic and Soft Computing*. Old City Publishing, Inc. (United States). 2005. Vol. 11, № 3–4. P. 239–252.
16. *Ивлев Ю.В.* Квазифункциональная логика // *Научно-техническая информация. Серия 2: Информационные процессы и системы*. 1992. № 6. С. 12–20.
17. *Ивлев В.Ю., Ивлев Ю.В.* Проблема построения теории фактических модальностей // *Логические исследования*. 2000. Т. 7. С. 269–276.
18. *Ивлев Ю.В.* Квазиматричная логика – основа теории фактических (онтологических) модальностей // *Логические исследования*. 2001. Т. 8. С. 50–64.
19. *Ivlev Yu.V.* Generalization of Kalmar’s method for quasi-matrix logic // *Логические исследования*. 2013. Т. 19. С. 281–307.
20. *Ивлев Ю.В.* Четырехзначные матричные модальные логики // *Логико-философские исследования*. 2016. Вып. 7. С. 76–93.
21. *Архиперев Н.Л.* Принципы построения теоретико-множественных семантик для некоторых модальных и интуиционистских логик // *Логико-философские исследования. Научно-теоретический журнал*. 2016. Вып. 7. С. 30–50.
22. *Архиперев Н.Л.* Теоретико-множественная семантика для системы Гейтинга Int. // *Логические исследования. Научно-теоретический журнал*. 2016. Т. 22, № 2. С. 9–26.
23. *Архиперев Н.Л.* Естественные модели для итерированных модальностей в системе Льюиса S4 // *Гуманитарный вестник МГТУ им. Н.Э. Баумана. Эл. № ФС77 – 51037 от 3 сентября 2012 г.* ISSN 2306-8477. DOI: 10. 18698/2306–8477–2017–2–413. 2017. № 2 (52). URL: <http://hmbul.ru/catalog/hum/phil/413.html> (дата обращения: 1. 03. 2018).
24. *Архиперев Н.Л.* Теория логических модальностей без «возможных миров» // *Гуманитарный вестник МГТУ им. Н.Э. Баумана. Эл. № ФС77 – 51037 от 3 сентября 2012 г.* ISSN 2306–8477. DOI: 10. 18698/2306–8477–2016–7–373. 2016. № 7 (45). URL: <http://hmbul.ru/catalog/hum/phil/373.html> (дата обращения: 1. 03. 2018).
25. *Avron A., Zamansky A.* Non-deterministic semantics for logical systems // *Handbook of Philosophical logic*. 2011. Vol. 16. P. 227–304.
26. *Avron A., Lev I.* Nondeterministic multi-valued structures // *Journal of Logic and Computation*. 2005. Vol. 15. P. 241–261.
27. *Carnielli W., Coniglio M.E.* Paraconsistent logic: consistency, contradiction and negation // *Logic, Epistemology and the Unity of Science*. Springer. 2016. P. XXI–XXIV, 29–62.
28. *Marcelo E. Coniglio, Ana Claudia Golzio.* Swap structures semantics for Ivlev-like model logics // *Springer-Verlag GmbH Germany, part of Springer Nature*. 2019. P. 1–14.

29. Marcelo E. Coniglio, Luis Farinas del Cerro, Newton Peron. Finite non-deterministic semantics for some modal systems // *Journal of Applied Non-Classical Logic*. 2015. Vol. 25(1). P. 20–45.
30. Kearns J. Modal semantics without possible worlds // *Journal of Symbolic Logic*. 1981. Vol. 46 (1). P. 77–86.
31. Ивлев Ю.В. Деонтическая квазиматричная логика. Логика норм // *Гуманитарный вестник МГТУ им. Н.Э. Баумана*. 2018. № 7 (69). С. 1–12.
32. Кузнецов А.М. Квазиматричная логика норм : дис. ... канд. филос. наук. 1998.
33. Аркадскова П.Э. Шестизначная квазиматричная логика норм // *Логико-философские исследования*. 2017. Вып. 7. С. 145–152.
34. Hitoshi Omori, Daniel Skurt. More Modal Semantics Without Possible Worlds // *IFCoLog Journal of Logics and their Applications*. 2016. Vol. 3, № 5. С. 815–846.
35. Ivlev Yu. V. Quasi-matrix logic as a paraconsistent logic for dubitable information // *Logic and Logical Philosophy*. 2000. Vol. 8. P. 91–97.
36. Avron A., Lev I. Non-Deterministic Multiple-valued Structures // *Journal of Logic and Computation*. 2005. Vol. 15 (3). P. 241–261.
37. Jean-Yves. A new four-valued approach to modal logic // *Logique et Analyse*. 2011. Vol. 54 (213). P. 109–121.
38. Ивлев В.Ю., Ивлева Ю.В. От детерминизма к квазидетерминизму в логике и вне логики // *Логические исследования*. 2018. Т. 24, № 2. С. 92–99.
39. Кадыг-оол Х.К. Истоки квазиматричной логики // *Известия Академии наук Республики Таджикистан. Отделение общественных наук*. 2013. № 2. С. 71–74.
40. Кадыг-оол Х.К. Квазиматричная логика: Райхенбах, Решер, Ивлев // *Научные труды Тувинского государственного университета. Кызыл*, 2011. Вып. IX, т. 1. С. 346–348.
41. Кадыг-оол Х.К. Матричные и квазиматричные системы алетической модальной логики. Кызыл, 2017. 98 с.
42. Pavlovski P. Tree-Like Proof Systems For Finitely-Many Valued Non-deterministic Consequence Relations // *Log. Univers.* 14 (2020), 407–420. 1661-8297/20/040407-14, published online October, 16, 2020. <https://doi.org/10.1017/s11787-020-00263-0>
43. Pavlovski P., Urbaniak R. Many-valued logic of informal provability: a non-deterministic strategy // *Rev. Symb. Log.* 2018. Vol. 11 (2). P. 207–223.
44. Ивлев Ю.В. Сравнительный анализ квазифункциональных логик // *Гуманитарный вестник МГТУ им. Н.Э. Баумана*. 2017. № 11 (61). С. 1–8.
45. *Математическая энциклопедия*. М. : Советская энциклопедия, 1982.
46. Ивлев В.Ю. Категории необходимости, случайности и возможности: их смысл и методологическая роль в научном познании // *Философия и общество*. 1977. № 3. С. 108–125.
47. Шалопин В.В. Принцип квазифункциональности и нечеткие логики : дис. ... канд. филос. наук. М. : МГУ им. М.В. Ломоносова, 1999.
48. Шалопин В.В. Квазифункции и абстрактные квазиавтоматы // *Наука и философия на рубеже тысячелетий: перспективы и горизонты : тез. докл. и выступлений Всерос. науч. конф., Курск, 11–12 апреля 1995 г. Курск*, 1995. С. 66–67.
49. Шалопин В.В. Квазифункции, нечеткие отношения и теории абстрактных автоматов // *XI Междунар. конф. «Логика, методология, философия науки»*. II. Москва ; Обнинск, 1995. С. 80–84.
50. Ивлев Ю.В. Квазиматричные и матричные трехзначные логики // *Логико-философские исследования*. 2014. № 6. С. 128–131.
51. Ивлев Ю.В. Логика. М. : Изд-во Моск. у-та, 1992. 270 с.

Yuriy V. Ivlev, Lomonosov Moscow State University (Moscow, Russian Federation).

E-mail: ivlev.logic@yandex.ru

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya – Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science. 2021. 63. pp. 214–235.

DOI: 10.17223/1998863X/63/21

QUASI-FUNCTIONAL RELATIONS IN LOGIC AND OTHER FIELDS OF KNOWLEDGE

Keywords: logic; logic and “as-if-logic”; quasi-function; quasi-determinism; quasi-functional logic

The study is supported by the Russian Foundation for Basic Research, Project No. 20-111-50323.

Classical science was mainly focused on the investigation of the cause-effect relations between phenomena obeying the principle of determinism: a certain phenomenon under certain conditions causes a certain effect. These relationships are expressible via functions. A function can be understood as an operation that, when applied to a certain object from the function domain, obtains a certain object from the function range. In nature, society, and cognition, there are relations of a different type. They obey the principle of quasi-determinism: one of several phenomena under one of several conditions causes one of several consequences. These relations are expressed by means of quasi-functions. In the article, a quasi-function is understood as an operation that is applied to an object from a subset of the (now) quasi-function definition domain to obtain an object from a subset of the quasi-function range. Since subsets of the domains of definitions and values of a quasi-function can consist of a single object, a special case of a quasi-function is a function. A special case of a quasi-function is also complete uncertainty (randomness) if the subsets from which the objects are selected coincide with the domain and range of the quasi-function. Since the function can be probabilistic, multi-valued, etc., then the quasi-function can be the same. The article reviews the main results of research on the application of the principle of quasi-functionality (quasi-determinism, limited determinism, nondeterminism) in the field of logic, mathematics, epistemology, natural science, technical and social knowledge. The methods of constructing quasi-functional logics of alethic ontological and logical modalities, and deontic logic are given. Ontological alethic modal logics are based on quasi-matrices, and logical ones are based on the semantics of restricted sets of state descriptions. Since methods of constructing logical systems that express relations in forms between judgments containing logical modalities are less known than systems with ontological modalities, they are given more space. Some problems for further research of quasi-functional logic and the methodological role of the principle of quasi-determinism in scientific knowledge are formulated, for example, the task of constructing logical systems, statements in which contain both logical and ontological modalities. It is proposed to apply the principle of quasi-functionality in the development of management decisions, etc.

References

1. Ivlev, Yu.V. (2018) The subject and prospects of development of logic. *Logicheskie issledovaniya – Logical Investigations*. 24(1). pp. 115–128. (In Russian). DOI: 10.21146/2074-1472-2018-24-1-115-128
2. Rescher, N. (1962) Quasi-truth-functional systems of propositional logic. *The Journal of Symbolic Logic*. 27(1). pp. 1–10. DOI: 10.2307/2963674
3. Goddard, L. (1960) The exclusive “or”. *Analysis*. 20. pp. 97–106. DOI: 10.1093/analys/20.5.97
4. Rescher, N. (1969) *Many-valued Logic*. New-York: [s.n.].
5. Ivlev, Yu.V. (1972) *Logika norm* [The logic of norms]. Philosophy Cand. Diss. Moscow.
6. Ivlev, Yu.V. (1973) Tablichnoe postroenie propozitsional'noy modal'noy logiki [Tabular construction of propositional modal logic]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Ser. 7. Filosofiya*. 6. pp. 51–61.
7. Ivlev, Yu.V. (1991) *Modal'naya logika* [Modal logic]. Moscow: Moscow State University.
8. Ivlev, Yu.V. (1985) *Soderzhatel'naya semantika modal'noy logiki* [Substantial semantics of modal logic]. Moscow: Moscow State University.
9. Ivlev, Yu.V. (2018) *Kvazimatrichnaya (kvazifunksional'naya) logika* [Quasi-matrix (quasi-functional) logic]. Moscow: Moscow State University.
10. Ivlev, Yu.V. (1980) *Soderzhatel'naya semantika modal'noy logiki* [Substantial semantics of modal logic]. In: Starchenko, A.A. (ed.) *Logiko-metodologicheskie issledovaniya* [Logical and Methodological Studies]. Moscow: Moscow State University. pp. 356–374.
11. Ivlev, Yu.V. (1982) *Soderzhatel'nyy analiz modal'nykh vyskazyvaniy* [Content analysis of modal statements]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Ser. 7. Filosofiya*. 5. pp. 57–68.
12. Ivlev, Yu.V. (1983) *Interpretatsiya modal'nykh ischisleniy* [Interpretation of modal calculus]. *Logicheskie issledovaniya: trudy nauchno-issledovatel'skogo seminar po logike Instituta filosofii AN SSSR*. 2. pp. 59–70.
13. Ivlev, Yu.V. (1987) *Novye semantiki modal'noy logiki* [New semantics of modal logic]. In: Ivlev, Yu.V. (ed.) *Sovremennaya logika i metodologiya nauki* [Modern logic and methodology of science]. Moscow: Moscow State University. pp. 71–86.
14. Ivlev, Yu.V. (1988) A semantics for modal calculi. *Bulletin of the Section of Logic*. 17(3–4). pp. 114–126.
15. Ivlev, Yu.V. (2005) Quasi-matrix logic. *Journal of Multiple-Valued Logic and Soft Computing*. 11(3–4). pp. 239–252.

16. Ivlev, Yu.V. (1992) Kvazifunktsional'naya logika [Quasi-functional logic]. *Nauchno-tekhnicheskaya informatsiya. Ser. 2: Informatsionnye protsessy i sistemy*. 6. pp. 12–20.
17. Ivlev, V.Yu. & Ivlev, Yu.V. (2000) Problema postroeniya teorii fakticheskikh modal'nostey [The problem of constructing the theory of actual modalities]. *Logicheskie issledovaniya – Logical Investigations*. 7. pp. 269–276.
18. Ivlev, Yu.V. (2001) Kvazimatrichnaya logika – osnova teorii fakticheskikh (ontologicheskikh) modal'nostey [Quasi-matrix logic – the basis of the theory of actual (ontological) modalities]. *Logicheskie issledovaniya – Logical Investigations*. 8. pp. 50–64.
19. Ivlev, Yu.V. (2013) Generalization of Kalmar's method for quasi-matrix logic. *Logicheskie issledovaniya – Logical Investigations*. 19. pp. 281–307.
20. Ivlev, Yu.V. (2016) Chetyrekhznachnye matrchnye modal'nye logiki [Four-digit matrix modal logics]. In: Ivlev, Yu.V. (ed.) *Logiko-filosofskie issledovaniya* [Logical and Philosophical Studies]. Vol. 7. pp. 76–93.
21. Arkhiereev, N.L. (2016a) Printsipy postroeniya teoretiko-mnozhestvennykh semantik dlya nekotorykh modal'nykh i intuitsionistskikh logic [Principles of constructing set-theoretic semantics for some modal and intuitionistic logics]. In: Ivlev, Yu.V. (ed.) *Logiko-filosofskie issledovaniya* [Logical and Philosophical Studies]. Vol. 7. pp. 30–50.
22. Arkhiereev, N.L. (2016b) Set-theoretic Semantics for Heyting's System Int. *Logicheskie issledovaniya – Logical Investigations*. 22(2). pp. 9–26. (In Russian). DOI: 10.21146/2074-1472-2016-22-2-9-26
23. Arkhiereev, N.L. (2017) Natural models for iterated modalities in the Lewis' s4 system. *Gumanitarnyy vestnik MGTU im. N.E. Bauman*. 2(52). (In Russian). DOI: 10.18698/2306-8477-2017-2-413
24. Arkhiereev, N.L. (2016) Theory of logical modalities without “possible worlds”. *Gumanitarnyy vestnik MGTU im. N.E. Bauman*. 7(45). (In Russian). DOI: 10.18698/2306-8477-2016-7-373
25. Avron, A. & Zamansky, A. (2011) Non-deterministic semantics for logical systems. *Handbook of Philosophical Logic*. 16. pp. 227–304.
26. Avron, A. & Lev, I. (2005) Nondeterministic multi-valued structures. *Journal of Logic and Computation*. 15. pp. 241–261.
27. Carnielli, W. & Coniglio, M.E. (2016) *Paraconsistent logic: consistency, contradiction and negation*. Springer. pp. XXI–XXIV, 29–62.
28. Coniglio, M.E. & Golzio, A.C. (2019) *Swap structures semantics for Ivlev-like model logics*. Springer-Verlag. pp. 1–14.
29. Coniglio, M.E., del Cerro, L.F. & Peron, N. (2015) Finite non-deterministic semantics for some modal systems. *Journal of Applied Non-Classical Logic*. 25(1). pp. 20–45.
30. Kearns, J. (1981) Modal semantics without possible worlds. *Journal of Symbolic Logic*. 46(1). pp. 77–86.
31. Ivlev, Yu.V. (2018) Deonticheskaya kvazimatrchnaya logika. Logika norm [Deontic quasi-matrix logic. The logic of norms]. *Gumanitarnyy vestnik MGTU im. N.E. Bauman*. 7(69). pp. 1–12.
32. Kuznetsov, A.M. (1998) *Kvazimatrchnaya logika norm* [Quasi-matrix logic of norms]. Philosophy Cand. Diss.
33. Arkadskova, P.E. (2017) Shestiznachnaya kvazimatrchnaya logika norm [Six-digit quasi-matrix logic of norms]. In: Ivlev, Yu.V. (ed.) *Logiko-filosofskie issledovaniya* [Logical and Philosophical Studies]. Vol. 7. Moscow: A.V. Vorobiev. pp. 145–152.
34. Omori, H. & Skurt, D. (2016) More Modal Semantics Without Possible Worlds. *IFCoLog Journal of Logics and their Applications*. 3(5). pp. 815–846.
35. Ivlev, Yu.V. (2000) Quasi-matrix logic as a paraconsistent logic for dubitable information. *Logic and Logical Philosophy*. 8. pp. 91–97.
36. Avron, A. & Lev, I. (2005) Non-Deterministic Multiple-valued Structures. *Journal of Logic and Computation*. 15(3). pp. 241–261.
37. Beziau, J.-Y. (2011) A new four-valued approach to modal logic. *Logique et Analyse*. 54(213). pp. 109–121.
38. Ivlev, V.Yu. & Ivleva, Yu.V. (2018) From determinism to quasideterminism in logic and beyond logic. *Logicheskie issledovaniya – Logical Investigations*. 24(2). pp. 92–99. (In Russian). DOI: 10.21146/2074-1472-2018-24-2-92-99
39. Kadyg-ool, Kh.K. (2013) Istoki kvazimatrchnoy logiki [The origins of quasi-matrix logic]. *Izvestiya Akademii nauk respubliki Tadzhikistan, Otdelenie obshchestvennykh nauk*. 2. pp. 71–74.

40. Kadyg-ool, Kh.K. (2011) Kvazimatrichnaya logika: Raykhenbakh, Resher, Ivlev [Quasi-matrix logic: Reichenbach, Resher, Ivlev]. *Nauchnye trudy Tuvinskogo gosudarstvennogo universiteta*. 9(1). pp. 346–348.
41. Kadyg-ool, Kh.K. (2017) *Matrichnye i kvazimatrichnye sistemy aleticheskoy modal'noy logiki* [Matrix and quasi-matrix systems of alethic modal logic]. Kyzyl: [s.n.].
42. Pavlovski, P. (2020) Tree-Like Proof Systems For Finitely-Many Valued Non-deterministic Consequence Relations. *Log. Univers.* 14. pp. 407–420. DOI: 10.1017/s11787-020-00263-0
43. Pavlovski, P. & Urbaniak, R. (2018) Many-valued logic of informal provability: a non-deterministic strategy. *The Review of Symbolic Logic.* 11(2). pp. 207–223. DOI: 10.1017/S1755020317000363
44. Ivlev, Yu.V. (2017) Sravnitel'nyy analiz kvazifunktional'nykh logik [Comparative analysis of quasi-functional logics]. *Gumanitarnyy vestnik MGTU im. N.E. Baumana*. 11(61). pp. 1–8.
45. Vinogradov, I.M. (ed.) (1982) *Matematicheskaya entsiklopediya* [Mathematical encyclopedia]. Vol. 3. Moscow: Sovetskaya entsiklopediya.
46. Ivlev, V.Yu. (1977) Kategorii neobkhodimosti, sluchaynosti i vozmozhnosti: ikh smysl i metodologicheskaya rol' v nauchnom poznanii [Categories of necessity, chance and possibility: their meaning and methodological role in scientific knowledge]. *Filosofiya i obshchestvo*. 3. pp. 108–125.
47. Shalopin, V.V. (1999) *Printsip kvazifunktional'nosti i nechetkie logiki* [The principle of quasi-functionality and fuzzy logics]. Philosophy Cand. Diss. Moscow.
48. Shalopin, V.V. (1995a) Kvazifunktsii i abstraktnye kvaziavtomaty [Quasi-functions and abstract quasi-automata]. *Nauka i filosofiya na rubezhe tysyacheletiy: perspektivy i gorizonty* [Science and philosophy at the turn of the millennium: perspectives and horizons]. Proc. of the Conference. Kursk, April 11–12, 1995. Kursk. pp. 66–67.
49. Shalopin, V.V. (1995b) Kvazifunktsii, nechetkie otnosheniya i teorii abstraktnykh avtomatov [Quasi-functions, fuzzy relations and theories of abstract automata]. *Logika, metodologiya, filosofiya nauki* [Logic, methodology, philosophy of science]. Proc. of the Conference. Moscow; Obninsk. pp. 80–84.
50. Ivlev, Yu.V. (2014) Kvazimatrichnye i matrighnye trekhznachnye logiki [Quasi-matrix and matrix three-valued logics]. In: Ivlev, Yu.V. (ed.) *Logiko-filosofskie issledovaniya* [Logical and Philosophical Studies]. Vol. 6. Moscow: Tsentr strategicheskoy kon'yunktury. pp. 128–131.
51. Ivlev, Yu.V. (1992) *Logika* [Logics]. Moscow: Moscow State University.

УДК 316.64

DOI: 10.17223/1998863X/63/22

Е.Б. Хитрук

РЕЦЕНЗИЯ НА МОНОГРАФИЮ «ГЕНДЕРНАЯ МЕНТАЛЬНОСТЬ РОССИЙСКОЙ МОЛОДЕЖИ: ПСИХОЛОГИЧЕСКИЙ ПОРТРЕТ»

Гендерная ментальность российской молодежи: психологический портрет / под науч. ред. О.И. Ключко. СПб.: НИЦ АРТ, 2020

Автор рецензии формулирует вывод о том, что осуществленный коллективом авторов монографии проект изучения гендерной ментальности современной российской молодежи в полной мере соответствует мировым стандартам теории и методологии гендерных исследований и вносит значимый вклад в общую картину сложных и противоречивых гендерных трансформаций в современном обществе.

Ключевые слова: гендерные исследования, гендерная ментальность, исследования молодежи, мужественность, женственность, семейные отношения

В 2020 г. в издательстве НИЦ АРТ вышла в свет коллективная монография «Гендерная ментальность российской молодежи: психологический портрет». Авторский коллектив представлен следующими исследователями: д-р филос. наук Ольга Ивановна Ключко, д-р пед. наук Мария Александровна Ерофеева, канд. психол. наук Елена Викторовна Иоффе, канд. психол. наук Диана Викторовна Наумова, Елена Владимировна Самосадова, канд. психол. наук Надежда Федоровна Сухарева, канд. психол. наук Ангелина Анатольевна Чекалина, канд. пед. наук Любовь Васильевна Штылева.

Монография посвящена исследованию гендерной ментальности в среде современной российской молодежи. Авторы работы трактуют гендерную ментальность как «разновидность ментальностей социальных групп, специфику группового сознания, обусловленную содержанием концептов „маскулинность“ и „фемининность“ в конкретном социокультурном и пространственно-временном контексте, и включающую когнитивные, эмоционально-смысловые и поведенческие паттерны» [1. С. 4]. По мысли авторского коллектива, необходимость изучения гендерной ментальности в молодежной среде (в частности, в среде учащейся молодежи) обусловлена тем обстоятельством, что при всей сложности, вариативности и изменчивости представлений молодых людей о гендерных ролях их восприятие норм мужского и женского поведения является чрезвычайно важным в перспективе будущего развития российского общества. То, что сегодня является содержанием представлений учащейся молодежи, завтра станет «доминантой, определяющей гендерный уклад и порядок российского общества» [Там же. С. 5].

В первой части работы представлен детальный анализ концепта ментальности в российской и зарубежной научной литературе. Авторы рассматривают ментальность, с одной стороны, как специфику группового сознания, выражающуюся в когнитивных, эмоционально-смысловых и поведенческих проявлениях, а с другой стороны, как зависящие от группового сознания ин-

индивидуальные практики, ценности и нормы. В этой связи гендерная ментальность выступает в качестве конкретного выражения группового сознания и индивидуальных установок относительно понимания мужественности и женственности, норм поведения мужчин и женщин в обществе, представлений о семейных взаимоотношениях. Авторы подчеркивают, что сам термин «гендерная ментальность», опираясь на концепт «гендера» как социального конструкта, выявляет не столько природную обусловленность ментальных установок, сколько их социальные корни. Поэтому именно социальное измерение гендерной ментальности должно стать предметом серьезного научного анализа. Как подчеркивают авторы, «для понимания гендерной ментальности необходимо обратиться к ее реализации в рамках конкретного общества, исторического времени и географического пространства» [1. С. 15]. В этом пункте направление мысли авторов анализируемой монографии созвучно идеям знаменитого австралийского социолога Рэйвин Коннелл. Р. Коннелл в своих работах настаивает на том, что анализ гендерной проблематики должен проводиться с учетом конкретных условий формирования наличного социального порядка, в том числе и географического фактора (взаимодействия практик воспроизводства гендера на локальном, региональном и глобальном уровнях) [2. Р. 849]. Авторы выделяют три основных уровня анализа гендерной ментальности – макроуровень (менталитет российской нации: анализ экономических, социальных и культурных факторов формирования ментальности), мезоуровень (гендерная ментальность больших социальных групп: территориальные, профессиональные, образовательные факторы) и микроуровень (гендерная ментальность субъекта: глубинные ценностные установки, навыки, привычки, стереотипы) [1. С. 16].

Актуальность исследования гендерной ментальности в современном обществе исследователи связывают с фундаментальными трансформациями в области гендерных отношений. Данные трансформации способствуют формированию нового образа общества, ключевыми ценностями которого становятся эгалитаризм, демократизация общественных отношений, признание многообразия идентичностей и стилей поведения. Вопреки распространенному представлению о кризисе семейных ценностей в современном обществе, авторы монографии утверждают, что семейные ценности продолжают быть чрезвычайно значимыми в современной российской ситуации, однако кризис и «слом» переживают традиционные представления о семье. Это обстоятельство закономерно и тесно связано с переходом к новому типу общественных отношений. «В целом, – замечают авторы, – эволюция семейных и личностных ценностей отражает ключевые направления модернизации всего мира – рационализация и секуляризация, переход от единообразия – к многообразию, от жестких правил и ограничений – к свободе индивидуального выбора жизненных стилей и самовыражения, от ценностей выживания к ценностям благополучия» [Там же. С. 27].

Исследование трансформаций гендерной ментальности в молодежной среде значимо, с одной стороны, потому, что указанные изменения представлены здесь наиболее явно. Но, с другой стороны, обращение к анализу гендерной ментальности в среде учащейся молодежи обусловлено целым рядом острых социальных проблем, возникающих на пути модернизации российского общества в целом и молодежи в частности. Авторы монографии емко

формулируют данные проблемы, указывая на открытый доступ к товарам сексиндустрии (порнография, проституция и т.п.), отчужденные отношения со взрослыми (прежде всего, родителями и другими старшими членами семьи), трудности нахождения баланса между ориентацией на семью и ориентацией на карьеру в условиях давления идеологии успешности, десоциализацию юношей и мужчин вследствие размывания представлений о мужественности (увлечение деструктивными практиками).

В монографии представлены результаты эмпирического исследования восприятия современных гендерных трансформаций в среде учащейся молодежи российских мегаполисов и регионов. На основе интервьюирования студентов городов Коломна (Московская область), Саранск (Республика Мордовия), Балашов (Саратовская область), Москва и Санкт-Петербург авторы монографии сформулировали две значимые особенности восприятия молодыми людьми норм мужественности и женственности в современном российском обществе. Во-первых, представители российской студенческой молодежи фиксируют определенные трансформации в понимании социальных ролей мужчины и женщины, преодоление традиционных стереотипных ограничений, расширение спектра типичного поведения. Во-вторых, признавая «движение российского общества в направлении равных прав мужчин и женщин» [1. С. 39], юноши и девушки не испытывают иллюзий относительно простоты достижения и реализации декларируемых ценностей равенства. Сами авторы характеризуют результаты своего исследования как демонстрацию противоречивости и неоднозначности восприятия современной учащейся молодежью гендерных трансформаций. Равенство и партнерство в отношениях воспринимаются молодыми людьми скорее как недостижимый идеал, в то время как реальность, с их точки зрения, свидетельствует о неравенстве и антагонизме полов, противоречивости и неудовлетворенности мужчин и женщин друг другом. Авторы отмечают, что «в высказываниях студентов отчетливо прозвучали ориентация на сепарацию и противопоставление мужчин и женщин, категоричные оценочные суждения, превалирование негативных оценок для поведения другого пола» [Там же. С. 40].

Один из самых значимых элементов гендерной ментальности молодежи – представления о нормах сексуальности. Исследованию этого вопроса в монографии уделено особое внимание. Авторы, базируя свои выводы на собственных эмпирических исследованиях, утверждают, что в представлениях учащейся молодежи о нормах сексуальных отношений преобладает диспозиция двойного стандарта (в большей степени у студентов, чем у студенток). Согласно данной установке, существуют противоположные подходы к оценке мужской и женской сексуальности. Мужчина воспринимается как опытный «эксперт» в сексе, инициатор и главный интересант сексуального взаимодействия, в то время как женщине отводится пассивная роль, сопряженная при этом с большей эмоциональной вовлеченностью. Эгалитарные установки также присутствуют в представлениях учащейся молодежи, однако транслируются они, прежде всего, женщинами. Авторы приходят к выводу о том, что в современных условиях можно говорить о смешанном типе «гендерных норм в сфере сексуальных отношений: в одних ситуациях взаимодействия студенты придерживаются по-прежнему традиционных взглядов и установок, в других – эгалитарных» [Там же. С. 124].

В монографии сформулирован тезис, согласно которому существует некая устойчивая тенденция в гендерной ментальности современной молодежи, направленная на преодоление традиционных гендерных норм и принятие смешанных или определенно эгалитарных представлений о мужественности и женственности. «Эгалитарный тип ментальности, – утверждают авторы, – демонстрируют студенты и старшеклассники российских мегаполисов, а смешанный и традиционный типы более характерны для молодежи, проживающей в провинциальных городах» [1. С. 218].

Осуществленный коллективом авторов монографии проект изучения гендерной ментальности современной российской молодежи в полной мере соответствует мировым стандартам теории и методологии гендерных исследований и вносит значимый вклад в общую картину сложных и противоречивых гендерных трансформаций в современном обществе. Опираясь на опубликованные в монографии выводы эмпирических исследований, можно с уверенностью утверждать, что российское общество не является изолированным. В нем точно так же, как и вообще в современном человечестве, происходит постепенная «плавка твердых тел» (по выражению известного британского социолога Зигмунта Баумана). Выстроенная в течение тысячелетий система традиционных представлений о поле, семье и сексуальных отношениях «расплавляется» под воздействием невиданных ранее «импульсов освобождения». «Современная ситуация, – утверждает З. Бауман, – появилась из радикального таяния пут и кандалов» [3. С. 11]. Это «таяние» традиционных установок, выражающееся, в том числе, в сложных и противоречивых трансформациях в гендерной ментальности современной учащейся молодежи, оказывает неоднозначное воздействие на общество. С одной стороны, определенность устоявшихся представлений сменяется тревогой, неопределенностью и противоречивым сочетанием взаимоисключающих тенденций. Однако, с другой стороны, происходящие изменения связаны с необходимостью более серьезного изучения сложившейся ситуации и требуют осознания ответственности человечества за выбор дальнейшего сценария развития общества. Современное общество, по замечанию классика гендерных исследований Рэйвин Коннелл, подошло к чрезвычайно значимой точке выбора – поддержание или свержение традиционного гендерного порядка [4. С. 386]. Возможно, главное решение в выборе дальнейшего сценария развития человечества будет принимать то поколение людей, которое сейчас является молодежью. Их гендерная ментальность сегодня настолько сложна и противоречива, что направление выбора невозможно предугадать. Тем не менее серьезное и вдумчивое изучение гендерных трансформаций, оказывающих влияние на формирование их сознания и становление их личности, является благородной общечеловеческой и фундаментальной с научной точки зрения задачей.

Литература

1. *Гендерная ментальность российской молодежи: психологический портрет* / под ред. О.И. Ключко. СПб. : НИЦ АРТ, 2020.
2. Connell R., Messerschmidt J.W. Hegemonic masculinity: Rethinking the concept // *Gender and Society*. 2005. Vol. 19, № 6. P. 829–859.
3. Бауман З. *Текущая современность* / пер. с англ. под ред. Ю.В. Асочакова. СПб. : Питер, 2008.

4. Коннелл Р. Гендер и власть: общество, личность и гендерная политика / авториз. перевод Т. Барчуновой ; науч. ред. перевода И. Тартаковская, подготовка русской версии примечаний и библиографии О. Ечевской. М. : Новое лит. обозрение, 2015.

Ekaterina B. Khitruk, Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation).

E-mail: lubomudreg@gmail.ru

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya – Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science. 2021. 63. pp. 236–240.

DOI: 10.17223/1998863X/63/22

BOOK REVIEW: KLYUCHKO, O.I. (ED.) (2020) GENDER MENTALITY OF RUSSIAN YOUTH: A PSYCHOLOGICAL PORTRAIT. ST. PETERSBURG: NITS ART

Keywords: gender studies; gender mentality; youth research; masculinity; femininity; family relationships

The review highlights the main issues studied in the monograph *Gender Mentality of Russian Youth: A Psychological Portrait*: analysis of the concepts of *mentality* and *gender mentality* in Russian and foreign scientific literature, problems of empirical studies of the perception of modern gender transformations among students in Russian megacities and regions, problems of perception by modern youth of the norms of sexuality and family relations. The author of the review concludes that the project of studying the gender mentality of modern Russian youth, carried out by the team of authors of the monograph, fully complies with the world standards of the theory and methodology of gender studies, and makes a significant contribution to the overall picture of complex and contradictory gender transformations in modern society.

References

1. Klyuchko, O.I. (ed.) (2020) *Gendernaya mental'nost' rossiyskoy molodezhi: psikhologicheskii portret* [Gender mentality of Russian youth: a psychological portrait]. St. Petersburg: NITs ART.
2. Connell, R. & Messerschmidt, J.W. (2005) Hegemonic masculinity: Rethinking the concept. *Gender and Society*. 19(6). pp. 829–859.
3. Bauman, Z. (2008) *Tekuchaya sovremennost'* [Liquid Modernity]. Translated from English by Yu.V. Asochakov. St. Petersburg: Piter.
4. Connell, R. (2015) *Gender i vlast': obshchestvo, lichnost' i gendernaya politika* [Gender and power: society, personality and gender policy]. Translated from English by T. Barchunova. Moscow: NLO.

АРХИВ

УДК 340.124

DOI: 10.17223/1998863X/63/23

В.В. Оглезнев, В.А. Суровцев

С НЕБЕС НА ЗЕМЛЮ: ОТ *BEGRIFFSJURISPRUDENZ* К АНАЛИТИЧЕСКОЙ ЮРИСПРУДЕНЦИИ

Работа выполнена при финансовой поддержке Российского научного фонда
(проект № 18-78-10082).

Данная статья является комментарием, вернее, введением в проблематику, рассматриваемую Гербертом Хартом в докладе «Небеса понятий Иеринга и современная аналитическая юриспруденция», произнесенном в 1969 г. на симпозиуме в Гёттингене в честь 150-летия со дня рождения Рудольфа фон Иеринга. Проясняется и уточняется истинный предмет этого доклада, а также то, как и почему Харт пришел к изложенным в нем выводам и идеям.

Ключевые слова: аналитическая юриспруденция, анализ, правые понятия, юридический язык, Иеринг, Харт

Прежде чем приступить к анализу отдельных положений статьи Г.Л.А. Харта «Небеса понятий Иеринга и современная аналитическая юриспруденция» [1], перевод на русский язык которой представлен ниже, будет полезным прояснить контекст написания этой работы. Такое отступление имеет смысл, поскольку позволяет не просто очертить границы его рассуждения, но установить истинный предмет его исследования.

В 1968 г. Харт покидает свой пост профессора юриспруденции Оксфордского университета, чтобы всецело посвятить себя исследованию творчества Бентама, которого он считал величайшим философом права позитивистской традиции [2. Р. 317; 3. Р. 1445]. В 1969 г. он получает приглашение выступить с докладом на симпозиуме в Гёттингене в честь 150-летия со дня рождения Рудольфа фон Иеринга. И хотя он никогда специально Иерингом не занимался (его в основном интересовали Бентам и Остин), но академическая конъюнктура и реноме (к тому времени уже) известного аналитического философа права не позволили ему отказаться от приглашения и в некотором смысле заставили его «проделать значительную работу по чтению Иеринга на немецком, поскольку большая часть его текстов не была переведена на английский» [3. Р. 301]. Не будучи глубоко погруженным в правовое учение Иеринга, Харт в своем докладе «Небеса понятий Иеринга и современная аналитическая юриспруденция», который будет опубликован в виде статьи (сначала в сборнике материалов симпозиума *Jherings Erbe: Göttinger Symposium zur 150. Wiederkehr des Geburtstags von Rudolph von Jhering* (Göttingen: Vandenhoeck & Ruprecht, 1970), а затем в сборнике Харта *Essays in Jurisprudence and Philosophy of Law* (Oxford: Clarendon Press, 1983)), предлагает рассмотреть всего лишь одну из его идей, а именно критику *Begriffsjurisprudenz*

и насколько она близка современной ему аналитической юриспруденции. Такой тематический ракурс позволил Харту сосредоточиться на вопросе, который интересовал его больше всего и где он мог многое сказать, – природа и характер формирования правовых понятий.

Игнорирование этого контекста может привести (и часто приводит) к искаженному пониманию исходной идеи доклада Харта и аргументов в ее пользу, и в конечном счете – к необоснованной критике. Ярким примером является позиция В.С. Горбаня, который пишет следующее: «Харт, судя по библиографии его эссе о Иеринге и сделанным им выводам, очень поверхностно знаком с содержанием правовой теории Иеринга... Харт сделал неверные выводы из анализа и сопоставления отдельных положений правового учения Иеринга и аналитической юриспруденции Остина... Выводы Харта о некоей ‘преемственности’ или партикуляризации аналитической юриспруденции в правовой теории Иеринга, где в первую очередь имеются в виду идеи Остина, являются поверхностными. Они не основаны ни на исследовании сочинений Иеринга, ни на уяснении действительного значения и смысла его представлений о природе и характере возникновения правовых понятий» [5. С. 61]. И хотя это утверждение и претендует на некую достоверность, поскольку принадлежит специалисту в философии права Иеринга, тем не менее оно представляется необоснованным, не имеющим прямого отношения к основной идее Харта, а то и вовсе основанным на посылках, ложно ему приписываемых. Создается впечатление, что автор этой цитаты сам «сделал неверные выводы» и «поверхностно знаком с содержанием» теории Харта. Но даже если идея ‘небес понятий’ (*Begriffshimmel*) и встречается у Харта еще в *Понятии права* [6. С. 133], все же надо признать, что рассматриваемая работа не о Иеринге, а об особенностях языкового употребления, что в контексте его философско-правовых взглядов представляется более значимым.

Сравнивая нападки Иеринга на *Begriffsjurisprudenz* и американских правовых реалистов на концептуализм, Харт приходит к выводу, что мишенью их критики была одна и та же идея, а именно, что «правовые понятия являются *фиксированными* или *закрытыми* в том смысле, что их можно исчерпывающим образом определить в терминах набора необходимых и достаточных условий» [1. Р. 269]. То есть в отношении каждого понятия как бы уже заранее известны все обстоятельства, в которых оно либо применимо, либо нет. Содержание понятия предустановлено и предопределено. «Это означает, – говорит Харт, – что применение понятия к конкретному случаю представляет собой простую логическую операцию, задуманную как своего рода раскрытие того, что уже есть» [Ibid.]. Такой подход приводит к игнорированию социальной практики, а решения судей и практикующих юристов вынуждает трактовать как логически невозможные, поскольку дедуктивное рассуждение, будучи формальным, не предполагает, что при переходе от посылок к выводу должен учитываться социальный контекст. Важно лишь то, что истинность вывода гарантирована истинностью посылок. Но это, по мнению Харта, ошибочное убеждение. Считать так, значит ‘витать в облаках’ или пребывать, словами Иеринга, на *Begriffshimmel*. Обращение к методологии аналитической философии языка и перенос акцента с анализа содержания правовых понятий на анализ их языкового употребления позволяет это продемонстрировать самым убедительным образом.

Как и Иеринг, Харт выступает против культа *Begriffsjurisprudenz*, стремящейся выводить новые понятия лишь из логической связи между существующими понятиями. Ибо юридический процесс в таком случае должен бы сводиться к следующим шагам:

1. Априорный анализ содержания понятий с разложением по признакам (род, вид, видообразующий признак, существенный признак, несущественный признак, случайный признак и т.д.). В общем все то, что мы находим в учебниках традиционной логики, начиная уже с Логики Пор-Рояля.

2. Априорный анализ содержания понятий с разложением по признакам кладется в основание дедукции к возможным последствиям (существенным, несущественным, случайным и т.д.). И это служит основанием для частных определений.

3. Затем, согласно тому, что установлено априорным анализом понятий, под частные определения подводятся конкретные случаи и происходит применение понятия.

Возможно ли это на практике? Ответ Харта отрицательный. Ведь дело не в аргументативности (ее строгости), т.е. доказательстве посредством выведения новых понятий из существующих. Все дело в словоупотреблении. Меняются контексты, меняются и способы словоупотребления. Расширение и развитие эмпирических и теоретических представлений о каком-то объекте приводит к изменению способа употребления термина, этот объект обозначающего. Например, развитие репродуктивных технологий привело к появлению понятия 'суррогатная мать', которое возникло в результате объединения двух морфем 'суррогат' и 'мать'. Вообще надо сказать, что понятие 'мать' является хорошим примером неработоспособности идеи закрытого характера понятий. Казалось бы, в отношении этого понятия можно достаточно легко выявить необходимые и достаточные условия, которые будут соответствовать всем случаям его употребления и в равной степени применяться ко всем из них. Так, понятие 'мать' можно определить как «женщина, которая дала рождение ребенку». Но, как считает Дж. Лакофф, «ни одно определение такого типа не покрывает всех случаев приложения этого слова. 'Мать' – это понятие, базирующееся на комплексной модели, в которой ряд отдельных когнитивных моделей объединяются, формируя кластерную модель» [7. С. 107]. Действительно, в содержание этого понятия включено большое количество признаков, образующих разные кластерные модели, и ни один из них не является необходимым: женщина, родившая ребенка (биологическая мать); женщина, родившая биологически чужого ей ребенка (суррогатная мать); женщина, из яйцеклетки которой развивается ребенок (генетическая мать); женщина, выполняющая социальную роль матери (приемная мать, мачеха). Однако отсутствие того или иного или нескольких признаков не является препятствием для использования понятия, потому что признаки у кластерных понятий не могут актуализироваться одновременно в одном контексте. В сознании носителей языка это понятие предстает как единое целое [8. С. 71–72]. Выходит, такие понятия, как 'мать', невозможно «исчерпывающим образом определить в терминах набора необходимых и достаточных условий» в силу уже того, что общего понятия для них просто нет.

Все связано с тем, как мы употребляем слова в разных ситуациях. Понятия, за которыми закреплено определенное значение, начинают приобретать

новые смыслы ввиду изменчивости контекстов их употребления. В процессе словоупотребления происходит как бы сдвиг значения. И связано это с тем, что при раскрытии содержания понятия мы не можем знать заранее, какие признаки являются существенными, несущественными, случайными, родовыми, видовыми и т.д. Почему так происходит? На этот вопрос удачно ответил Ф. Вайсман, оксфордский коллега Харта: «Мы никогда не можем исключить возможности возникновения какой-либо непредвиденной ситуации, в которой нам придется изменить наше определение. Как бы мы ни старались, ни одно понятие не может быть ограничено так, чтобы не оставалось никаких сомнений» [9. Р. 122–123]. Эмпирические понятия, о которых преимущественно говорит Вайсман, не имеют исчерпывающего определения и полного описания потому, что мы не можем предвидеть все возможные условия, в которых они должны использоваться. Всегда остается возможность, что мы не учли того или иного условия или обстоятельства, имеющего отношение к их употреблению, т.е. мы не можем предвидеть все возможные обстоятельства, при которых утверждение будет истинным или ложным, и поэтому «всегда будет оставаться зазор неуверенности» [Ibid. Р. 123]. Таким образом, содержание понятия является не фиксированным или закрытым, а *открытым*. Вайсман назвал это свойство ‘открытой текстурой’ (*open texture*) понятия [10. С. 213–214].

Как мы видим, Харт заимствует идею ‘открытой текстуры’ у Вайсмана, поскольку считает, что она относится к тем философским идеям, которые повлияли на развитие современного ему этапа аналитической юриспруденции [1. Р. 274–275]. Именно эта идея, по замечанию Харта, позволила ему прийти к выводу, что «все юридические правила и правовые понятия являются ‘открытыми’; и когда возникает непредвиденный случай, мы должны совершать новый выбор, и при этом разрабатывать правовые понятия, приспособляя их к общественно желаемым целям» [Ibid. Р. 270]. Его аргумент основан на том, что применение правил, понятий или выражений является частично неопределенным из-за такого их эпистемологического недостатка, как потенциальная неуверенность относительно применимости этого понятия, выражения или правила. Поэтому следует различать ясные основные случаи, когда правило, содержащее подобные термины, явно применимо, и сложные случаи, когда есть основания и для утверждения, и для отрицания его применимости. А это, в первую очередь, связано с тем, что мы не можем предвидеть всех обстоятельств и учесть все возможные ситуации, когда их следует применять: «Законодатели – это люди и не могут иметь столько знаний обо всех возможных сочетаниях обстоятельств, которые может принести будущее» [6. С. 131].

Итак, по мнению Харта, ‘открытая текстура’ понятий – это первый пример философской идеи, лежащей в основании аналитической юриспруденции [1. Р. 274]. И именно этот пример показывает насколько новая форма юридических исследований, где основным предметом становится анализ словоупотребления, далека от *Begriffsjurisprudenz*. Вторым примером является идея, впервые высказанная Л. Витгенштейном и затем развитая Дж.Л. Остином, что мы используем язык не просто для того, чтобы описать мир, но скорее совершать действия с его помощью [1. Р. 275]. Язык – это не система обозначений, но инструмент осуществления той или иной социальной активности. «Представь себе инструменты, лежащие в специальном ящике. – говорит Витгенштейн. –

Здесь есть молоток, клещи, пила, отвертка, масштабная линейка, банка с клеем, гвозди, винты. – Насколько различны функции этих предметов, настолько различны и функции слов» [11. С. 84]. К схожему выводу приходит и Остин: «Слова суть инструменты, которые мы используем; эти инструменты должны быть, по крайней мере, достаточно чистыми, т.е. мы должны знать, что мы имеем в виду и что нет, мы должны быть достаточно вооружены для того, чтобы не попадаться в те ловушки, которые расставляет нам язык» [12. С. 207]. Слова – это инструменты, средства, с помощью которых мы познаем мир, а не просто его описываем: «Мы используем наше отточенное восприятие слов для того, чтобы отточить восприятие нами феноменов» [Там же]. Невозможно понять предложение, просто анализируя составляющие его слова или его структуру, без внимания к говорящему и к той цели, ради которой он это предложение произносит. Надо исследовать не слова сами по себе или их логическую взаимосвязь, как того требовали сторонники *Begriffsjurisprudenz*, но способ их употребления. А это, по мнению Харта, говорит о том, что у языка есть особая функция – перформативная, позволяющая «сместить наше логическое внимание с общего на частное и сконцентрироваться не на значении, не на условиях истинности, не на логических отношениях суждений, а на обстоятельствах частного употребления» [13. С. 94].

Таким образом, перформативный характер языка, позволяющий лучше понять истинную природу правовых понятий, вместе с идеей ‘открытой текстуры’ не просто обуславливают специфику современной аналитической юриспруденции, но демонстрируют, насколько она отличается от *Begriffsjurisprudenz*. В общем, Харт в своем докладе пытается сказать, что акцент на анализе словоупотребления, на ‘открытой текстуре’ понятий и на перформативных высказываниях вынуждает нас ‘спуститься с небес на землю’ и увидеть реальную жизнь права, а не продемонстрировать свое «знакомство с содержанием правовой теории Иеринга», как некоторые считают.

Литература

1. Hart H.L.A. Jhering's Heaven of Concepts and Modern Analytical Jurisprudence // *Essays in Jurisprudence and Philosophy of Law*. Oxford : Clarendon Press, 1983. P. 265–277.
2. Honoré A. Herbert Lionel Adolphus Hart 1907–1992 // *Proceedings of the British Academy*. 1994. Vol. 84. P. 295–321.
3. Simpson B.A.W. Herbert Hart Elucidated // *Michigan Law Review*. 2006. Vol. 104. P. 1437–1460.
4. Lacey N. A Life of H.L.A. Hart: The Nightmare and the Noble Dream. Oxford : Oxford University Press. 2004.
5. Горбань В.С. Взгляды Г. Харта на проблему типологизации правового учения Р. Иеринга в контексте аналитической юриспруденции // *Общество: политика, экономика, право*. 2017. № 9. С. 58–62.
6. Харт Г.Л.А. Понятие права / пер. с англ. и под общ. ред. Е.В. Афонасина и С.В. Моисеева. СПб.: Изд-во СПб. ун-та, 2007.
7. Лакофф Дж. Женщины, огонь и опасные вещи: Что категории языка говорят нам о мышлении / пер. с англ. И.Б. Шатуновского. М. : Языки славянской культуры, 2004.
8. Оглезнев В.В. Проблемы определения кластерных понятий // *Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология*. 2019. № 51. С. 70–78.
9. Waismann F. Verifiability // *Proceedings of the Aristotelian Society, Supplementary Volume*. 1945. Vol. 19. P. 119–150.
10. Оглезнев В.В., Суровцев В.А. Фридрих Вайсман о многоуровневой структуре языка и проблемах редукционизма // *Эпистемология и философия науки*. 2018. № 4 (55). С. 206–218.
11. Витгенштейн Л. Философские исследования / пер. с нем. М.С. Козловой. М. : Гнозис, 1994. Ч. I. С. 75–320.

12. Остин Дж.Л. Принесение извинений // Три способа пролить чернила : Философские работы / пер. с англ. В.В. Кирющенко и М.В. Колопотина. СПб. : Изд-во СПб. ун-та, 2006. С. 200–231.

13. Харп Г.Л.А. Сказка логика // Философия и язык права / пер. с англ. и под. общ. ред. В.В. Оглезнева и В.А. Суровцева. М. : Изд-во Канон+ РООИ “Реабилитация”, 2017. С. 76–94.

Vitaly V. Ogleznev, Institute of Philosophy and Law of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences (Novosibirsk, Russian Federation); Saint Petersburg State University (Saint Petersburg, Russian Federation).

E-mail: ogleznev82@mail.ru

Valeriy A. Surovtsev, Institute of Philosophy and Law of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences (Novosibirsk, Russian Federation); Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation).

E-mail: surovtshev1964@mail.ru

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya – Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science. 2021. 63. pp. 241–246.

DOI: 10.17223/1998863X/63/23

DOWN TO EARTH: FROM *BEGRIFFSJURISPRUDENZ* TO ANALYTICAL JURISPRUDENCE

Keywords: analytical jurisprudence; analysis; legal concepts; legal language; Jhering; Hart

This article is a commentary, or rather an introduction to the problems considered by Herbert Hart in the paper “Jhering’s Heaven of Concepts and Modern Analytical Jurisprudence” that he presented in 1969 at a symposium in Göttingen in honor of the 150th anniversary of the birth of Rudolf von Jhering. The authors try to clarify the genuine subject of his discussion, as well as why Hart came to the conclusions and ideas presented in it. A Russian translation of Hart’s paper is published in this issue.

References

1. Hart, H.L.A. (1983) *Essays in Jurisprudence and Philosophy of Law*. Oxford: Clarendon Press. pp. 265–277. DOI: 10.1093/acprof:oso/9780198253884.001.0001
2. Honoré, A. (1994) Herbert Lionel Adolphus Hart 1907–1992. *Proceedings of the British Academy*. 84. pp. 295–321.
3. Simpson, B.A.W. (2006) Herbert Hart Elucidated. *Michigan Law Review*. 104. pp. 1437–1460.
4. Lacey, N. (2004) *A Life of H.L.A. Hart: The Nightmare and the Noble Dream*. Oxford: Oxford University Press.
5. Gorban, V.S. (2017) H. Hart’s views on the problem of the classification of R. Ihering’s legal doctrine in the context of analytical jurisprudence. *Obshchestvo: politika, ekonomika, pravo – Society: Politics, Economics, Law*. 9. pp. 58–62. (In Russian). DOI: 10.24158/pep.2017.9.13
6. Hart, H.L.A. (2007) *Ponyatie prava* [The Concept of Law]. Translated from English by E.V. Afonasin, S.V. Moi-seev. St. Petersburg: St. Petersburg State University.
7. Lakoff, J. (2004) *Zhenshchiny, ogon' i opasnye veshchi: Chto kategorii yazyka govoryat nam o myshlenii* [Women, fire, and dangerous things: What categories reveal about the mind]. Translated from English by I.B. Shatunovsky. Moscow: Yazyki slavyanskoy kul'tury.
8. Ogleznev, V.V. (2019) Problems with the Definition of Cluster Concepts. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya – Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science*. 51. pp. 70–78. (In Russian). DOI: 10.17223/1998863X/51/7
9. Waismann, F. (1945) Verifiability. *Proceedings of the Aristotelian Society*. Supplementary Volume. 19. pp. 119–150.
10. Ogleznev, V.V. & Surovtsev, V.A. (2018) Friedrich Waismann on the Many-Level-Structure of Language and Problems of Reductionism. *Epistemologiya i filosofiya nauki – Epistemology and Philosophy of Science*. 4(55). pp. 206–218. (In Russian).
11. Wittgenstein, L. (1994) *Filosofskie issledovaniya* [Philosophical Studies]. Translated from German by M.S. Kozlova. Vol. 1. Moscow: Gnozis. pp. 75–320.
12. Austin, J.L. (2006) *Tri sposoba prolit' chernila: Filosofskie raboty* [Three Ways of Spilling Ink: Philosophical Papers]. Translated from English by V.V. Kiryushchenko, M.V. Kolopotin. St. Petersburg: St. Petersburg State University. pp. 200–231.
13. Hart, H.L.A. (2017) *Filosofiya i yazyk prava* [Philosophy and Language of Law]. Translated from English by V.V. Ogleznev, V.A. Surovtsev. Moscow: Kanon+ ROOI “Reabilitatsiya”. pp. 76–94.

УДК 340.124

DOI: 10.17223/1998863X/63/24

Г.Л.А. Харт

НЕБЕСА ПОНЯТИЙ ИЕРИНГА И СОВРЕМЕННАЯ АНАЛИТИЧЕСКАЯ ЮРИСПРУДЕНЦИЯ¹

Перевод выполнен при финансовой поддержке Совета по грантам Президента РФ (проект № МД-137.2020.6).

Предлагаемый вниманию читателя перевод статьи английского философа права Герберта Харта представляет собой одноименный доклад, прочитанный им в октябре 1969 г. на симпозиуме в Гёттингене (Германия) в честь 150-летия со дня рождения Рудольфа фон Иеринга. В первой части статьи Харт пытается связать некоторые взгляды Иеринга как с представителями американского правового реализма, так и со сторонниками формирующейся аналитической юриспруденции. Вторая часть посвящена описанию отличительных свойств аналитической юриспруденции и границ ее полезности для объяснения содержания правовых понятий.

Ключевые слова: аналитическая юриспруденция, анализ, правые понятия, юридический язык, Иеринг

I

Я начну со слов сожаления по поводу того, насколько мало замечательных произведений Иеринга переведено на английский язык. Это – интеллектуальная трагедия. На английском нет ни его великолепной работы *Geist des Römischen Rechts*, ни *Scherz und Ernst in der Jurisprudenz* [1]², ни даже его статьи «Im Juristischen Begriffshimmel», которую я хочу здесь обсудить (переводы некоторых ее фрагментов появились в 1951 г. в американском сборнике по юриспруденции и философии права [2]). Я надеюсь, что когда-нибудь эта недоработка будет устранена.

После прочтения этой хотя и небольшой, но блестящей работы Иеринга у английского юриста, интересующегося философией права, сформируется два противоположных мнения. С одной стороны, он удивится, поскольку, осознанно или неосознанно, не ожидает, что работа немецкого юриста XIX в. может быть настолько остроумной и забавной. Нет ни одного английского мыслителя в области права, за исключением, пожалуй, раннего Бентама, который сочетал бы такое глубокомыслие с легкостью изложения, как Иеринг. С другой стороны, у английского читателя этой работы Иеринга появится ощущение *déjà vu*, если даже не *déjà lu*. К этому я обращусь позднее, но сначала в кратком виде объясню основные интеллектуальные недостатки, над которыми Иеринг иронизирует. Я полагаю, что здесь можно выделить пять

¹ Перевод с английского выполнен В.В. Оглезневым и В.А. Суровцевым по изданию *Hart H.L.A. Jhering's Heaven of Concepts and Modern Analytical Jurisprudence // Essays in Jurisprudence and Philosophy of Law*. Oxford : Clarendon Press, 1983. P. 265–277.

² Все ссылки далее приводятся по *Jhering R. Scherz und Ernst in der Jurisprudenz: Eine Weihnachtsgabe für das Juristische Publikum*. Leipzig, 1900. – *Примеч. Г.Х.*

различных, хотя и взаимосвязанных, aberrаций правового мышления. И заключаются они в следующем:

1. Чрезмерная озабоченность понятиями, которые рассматриваются в отвлечении от тех условий, при которых они должны применяться в реальной жизни¹.

2. Слепота в отношении общественных и индивидуальных интересов, которые должны учитываться наряду с другими практическими проблемами при использовании и развитии правовых понятий².

3. Убежденность в том, что можно провести разграничение между сущностью (*das Wesen*) и юридическими последствиями (*die Folgen*) юридического правила или правового понятия, что позволяет рассматривать понятия *in abstracto* «aller seiner realen Wirkungen entkleidet», как это делал Пухта в случае с владением [1. P. 296]. При решении проблем это приводит к особому рода бессмыслице, которая дает нам право говорить о понятии вроде владения, что оно «seinem Wesen nach Faktum, in seinen Folgen einem Rechte gleich» [Ibid. P. 283], а поэтому «Faktum und Recht zugleich» [Ibid.].

4. Игнорирование целей и задач права, отказываясь при этом от вопроса, почему право является таким, а не иным. В *Begriffshimmel* «fragt Niemand nach dem Warum» [Ibid. P. 287] и все понятия, искаженные соображениями полезности, включены в «Anatomisch-pathologisches Begriffskabinett» [Ibid. P. 297]³.

5. Ошибочное уподобление понятий и методов юридической науки математике. В том смысле, что все юридические рассуждения являются по сути чистым вычислением, при котором содержание правовых понятий раскрывается при помощи логической дедукции [Ibid. P. 287–288]⁴.

Таковы, я полагаю, основные черты стиля правового мышления, против которого выступает Иеринг. Почти все они подвергались нападкам, причем часто в очень схожей стилистической манере, со стороны выдающегося специалиста в области общего права, благодаря которому многие английские юристы научились критически относиться к своей собственной системе. И он – не англичанин, а знаменитый американский судья Верховного суда и юрист, Оливер Уэнделл Холмс-младший. Между взглядами Холмса и Иеринга есть много поразительных сходств; но все же кажется очевидным, что американский юрист пришел к своей критической позиции самостоятельно. Действительно, автор самой последней, авторитетной и подробной биографии Холмса прямо заявляет, что хотя Холмс и был знаком со всеми четырьмя томами *Geist des Römischen Rechts* Иеринга еще с 1879 г., однако нет никаких свидетельств, что он осознал, что между его протестом и протестом Иеринга против ‘блаженства логики’ в немецкой правовой мысли, есть хоть какая-то аналогия [3. P. 152].

Вот лишь некоторые известные выражения Холмса: «Общее право – это не мрачная вездесущность на небесах» [4. P. 222]; «Жизнью права не является логика, ею является опыт» [5. P. 1], «Ошибочно полагать, что система права может быть разработана подобно математике на основе некоторых общих

¹ «Die Frage der Anwendung und des Beweises kommt für ihn gar nicht in Betracht» [1. P. 273].

² «Badet sich hier in dem reinen Gedankenäther, unbekümmert über die reale Welt» [1. PC. 274].

³ Ср.: «Thörichte Frage nach seinem praktischen Warum» [1. P. 314].

⁴ Ср.: «Der Jurist rechnet mit seinen Begriffen, wie der Mathematiker mit seinen Größen» [1. P. 274].

аксиом поведения» [6. Р. 180]; «Это заблуждение, что единственной силой, влияющей на развитие права, является логика» [Ibid.]; «Общие суждения не разрешают конкретные случаи» [7. Р. 74]; «Там, где есть сомнения, простого инструмента логики недостаточно» [8. Р. 239].

На критическую позицию Холмса, которую он называл ‘ошибкой логической формы’, повлияли прагматизм и операционализм американского философа Ч.С. Пирса [6. Р. 184]. Но с прагматизмом он объединил глубокую убежденность, схожую с озабоченностью Иеринга относительно «*Zweck im Recht*», что при толковании и применении права юристы должны проявлять чуткость к требованиям ‘общественной выгоды’.

Холмс был духовным лидером школы скептически настроенных американских юристов, наиболее значительное развитие которой обнаруживается у разрозненной группы авторов, известных как ‘правовые реалисты’, основные работы которых были опубликованы в 1930-х. Но между ними и Холмсом стоит Роско Паунд, который, прочитав все работы Холмса и Иеринга, ясно осознавал, что оба они в равной степени являются пионерами в вопросе замены *Begriffsjurisprudenz* на *Wirklichkeitsjurisprudenz*. Влияние Иеринга очевидно в таких известных работах Паунда, как *Interpretations of Legal History* [9] и знаменитом эссе *Mechanical Jurisprudence* [10], в которых он, передавая собственными словами послание Иеринга, подвергает критике как глубоко ошибочное убеждение, что право развивается посредством «строгого логического вывода из predetermined понятий, не согласуясь и часто вопреки действительным фактам». Для описания этого ошибочного метода Паунд использовал такие эпитеты, как ‘автоматический’, ‘игровой автомат’, ‘формальный’ и ‘концептуализм’.

Тем не менее, несмотря на эти поразительные сходства, атаки американцев на *Begriffsjurisprudenz*, или ‘концептуализм’, и протесты Иеринга развивались по-разному. Следует помнить, что объектами нападок Иеринга были не практикующие юристы, а великие ученые-юристы (*Theoretiker*). Только они были допущены в *Begriffshimmel*. Также следует помнить, что почти все они были немцами («fast nur alle aus Deutschland»). Савиньи почти было отказано в доступе в *Begriffshimmel*, но он все-таки туда попал благодаря своей работе о владении, демонстрирующей настоящее презрение к полезности. Этих теоретиков так мало беспокоила практическая юриспруденция, что они готовы были игнорировать любые решения судей, которые противоречили бы их собственным логическим вычислениям, с помощью которых они раскрывали содержание правовых понятий. Практика, по их мнению, ‘портит право’, и по этой причине она плоха; точно так же, как можно осуждать войну, потому что она портит внешний облик солдат («der Krieg verderbe den Soldaten» [1. Р. 289]). Таким образом, теоретик, если он удостоивается доступа к *Begriffshimmel*, должен быть вполне готовым к осуждению решений практикующих юристов как логически невозможных [Ibid. Р. 300] и, как в случае римских юристов, списывать их отклонение от строгой концептуальной мысли на дурное влияние соображений полезности [Ibid. Р. 297].

Существенная разница между нападками на концептуализм Иеринга и нападками Холмса вместе с его последователями, Паунда и правовых реалистов, заключается в том, что последние выступали не против ученых-юристов, а против судей и практикующих юристов. Для них эти недостатки

правового мышления демонстрируются теми юристами и судьями, которые при рассмотрении дел чрезмерно полагаются на 'логику' и которые считают, что применение общих правил и понятий при принятии решений является лишь упражнением в силлогистическом рассуждении. А это представляет собой критику судопроизводства, которую американские юристы проповедовали английским адвокатам.

Несомненно, это различие между Иерингом и его американскими коллегами отражает разный статус судьи в немецкой и англо-американской правовых системах. Позднее, конечно, последователи Иеринга направили свои атаки так же и на судей, полагавших, что, используя только логические операции, они могут с абсолютной точностью установить, что решение по конкретному делу было предопределено законодателем [11. Р. 7]. Сходным образом посыл Холмса был расширен Паундом и его последователями, в результате чего он превратился в критику не только судей, но и сочинений юристов.

Несмотря на эти различия, я считаю, что фундаментальная интеллектуальная ошибка относительно природы права и правовых понятий, вызвавшая огонь Иеринга, была точно такой же, как и та, что вызвала нападки Холмса и его последователей; и я попытаюсь объяснить, в чем ее суть. Мне кажется, что проще всего это можно сформулировать следующим образом. Основная ошибка заключается в убеждении, что правовые понятия являются *фиксированными* или *закрытыми* в том смысле, что их можно исчерпывающим образом определить в терминах набора необходимых и достаточных условий; так что относительно любого реального или воображаемого случая можно с уверенностью сказать, подпадает ли он под это понятие или нет; понятие либо применимо, либо нет; следовательно, оно является логически закрытым (*begrenzt*). Это означает, что применение понятия к конкретному случаю представляет собой простую логическую операцию, задуманную как своего рода раскрытие того, что уже есть¹, а в более простой англо-американской формулировке это приводит к убеждению, что значение всех юридических правил устанавливается и предопределяется до того, как возникают какие-либо конкретные вопросы об их применении.

Если мы зададимся вопросом, почему это убеждение о природе правовых понятий неверно, ответом, как я уже когда-то говорил [12. Р. 125], будет то, что люди, которые принимают законы, — это люди, а не боги. Особенностью затруднительного положения человека, и не только законодателя, но и любого другого, кто пытается урегулировать какую-либо сферу поведения с помощью общих правил, является то, что он страдает от одного важного недостатка — невозможности предвидеть все возможные комбинации обстоятельств, которые будущее может преподнести. Бог мог бы все это предвидеть; но этого не может ни один человек, и даже юрист. Конечно, все *может* быть иначе. Предположим, что мир, в котором мы живем, на самом деле описывался бы только конечным числом характеристик, и предположим, что мы знали бы все способы их сочетания, тогда любую возможность можно было бы предусмотреть заранее. Мы могли бы создать правила и понятия, применение или неприменение которых к конкретным случаям было

¹ «Die Fülle des Inhalts, der in ihnen beschlossen liegt, für die Erkenntnis zu Tage zu fördern» [1. Р. 287].

бы изначально зафиксировано, и тогда не потребовалось бы ни последующего выбора, ни полезности или практических вопросов, ни даже творческого развития исходного правила. Все могло бы быть известно заранее, и, таким образом, это все могло бы быть заранее регламентировано. Это был бы мир, в котором работа теоретика и практикующего юриста могла бы совпасть, и оба могли бы попасть на одни и те же небеса, о которых говорил Иеринг. Но, очевидно, это не наш мир. Законодатели-люди не могут обладать знаниями обо всех возможных комбинациях обстоятельств, которые может преподнести будущее. Это означает, что все юридические правила и правовые понятия являются 'открытыми'; и когда возникает непредвиденный случай, мы должны совершать новый выбор, и при этом разрабатывать правовые понятия, приспособляя их к общественно желаемым целям. Иеринг все это прекрасно понимал. Он высмеивал, особенно в *Zweck im Rrecht*, идею подробных правил, которые предусматривали бы для каждого случая юридические инструкции по решению всех возможных судебных дел; и подчеркивал невозможность предвидеть бесконечное разнообразие и многочисленные комбинации всех возможных случаев.

Конечно, можно попытаться придать юридическим правилам и правовым понятиям искусственную строгость, которая максимально устранила бы необходимость в чем-то большем, чем дедуктивное рассуждение. Мы можем, так сказать, 'заморозить' значение юридического правила и правового понятия, установив определенные его элементы и настаивая на том, что если они присутствуют, их достаточно, чтобы подвести все, что их содержит, под действие правила, какими бы ни были другие свойства дела и какими бы ни были социальные последствия применения такого жесткого правила. Тогда мы действительно слепо предрекаем, что должно быть сделано в будущих делах, о составе которых мы ничего не знаем. Тогда нам действительно удастся заранее разрешить вопросы, которые можно разрешить разумно только тогда, когда известны обстоятельства, при которых они возникают. Английские и американские юристы называют этот порок в судебном процессе концептуализмом; но, по сути, это тот же самый недостаток, который обнаружил Иеринг в трудах теоретиков, игнорирующих судебный процесс и работу практикующих юристов.

II

Достаточно о *Begriffshimmel*. Позвольте теперь перейти к тому, что американские и английские юристы называют 'аналитической юриспруденцией'. Я считаю необходимым разделять, так сказать, два этапа юридических исследований. Первый этап связан с именами Иеремии Бентама (1748–1832) [13–15] и Джона Остина (1790–1859) [16], двух великих мыслителей утилитаризма XIX в., которых действительно можно назвать выдающимися фигурами английского *Aufklärung* в области права.

Второй этап [17. Р. 861] получил сравнительно недавнее развитие и был вызван отчетливым изменением философии в целом, которое во многом связано с языком. Его основными представителями были уроженец Вены Людвиг Витгенштейн, профессор Кембриджского университета с 1930 по 1950 г., и еще один Остин, Джон Л. Остин, профессор философии морали Оксфордского университета с 1952 до своей смерти в 1959 г.

Опишу вкратце аналитическую юриспруденцию первого этапа. Как я уже сказал, Бентам и Остин были утилитаристами и по этой причине были страстно увлечены критикой права, реформой права и приспособлением права к разумным целям, которые они рассматривали с точки зрения принципа наибольшего счастья. Это было их «*Zweck im Recht*», хотя я не уверен, было ли это целью Иеринга. И все же оба этих мыслителя сочетали со своим утилитаризмом определенные учения о природе права и о важности определенной формы юридических исследований. Оба определяли право через понятие команды, и поэтому немецкие мыслители причислили бы их к представителям теории воли (*Willenstheorie*), хотя, как я покажу далее, доктрина о том, что право – это команда суверена, не имела для них того значения, которое обычно приписывается теории воли. Также оба настаивали на важности свободной от ценностей (*wertfrei*) формы юридических исследований, связанной не только с анализом понятия права, но и с другими фундаментальными правовыми понятиями, которые используются при описании развитых правовых систем, а также со структурой и логической взаимосвязью элементов правовой системы в целом. Бентам называл эту форму юридического исследования ‘разъяснительной’ юриспруденцией и отличал ее с точки зрения целей от критики права, которую он называл ‘цензурной’ юриспруденцией. Точно так же Остин обозначал свое аналитическое исследование понятий и структуры правовых систем как ‘общую юриспруденцию’ и отличал ее от утилитарной критики права, которую он называл ‘искусством законодательства’. Оба мыслителя понимали эти две формы юридического исследования как аналитическую и не имеющую ценности, с одной стороны, и как критическую по отношению к праву в свете утилитарных ценностей – с другой. Эти две формы выступали не как конкурирующие ответы на одни и те же вопросы, но как разные ответы на разные вопросы; и они думали, что обе эти формы исследования необходимы для цивилизованных юристов.

Бентам в ходе своих аналитических исследований настаивал на том, что для анализа понятий права нужны новые методы. В частности, он полагал, что традиционная форма определения *per genus et differentiam* не может принести пользы для многих правовых понятий, например обязанности или обязательства, поскольку они имеют отличительную структуру, требующую специальных методов анализа. Он развивал метод, который логики XX в. назвали ‘определением в употреблении’: вместо того, чтобы пытаться определить отдельные слова (например, ‘обязанность’ или ‘обязательство’), следует анализировать все предложение, в котором появляется требующий анализа термин. Таким образом, мы проясняем понятие обязанности, не подвергая атаке обособленное слово ‘обязанность’, но исследуя смоделированные предложения вроде «*X обязан заплатить Y 100 фунтов*» [15. Р. 233; 18. Р. 242–253; 19]. Но новации Бентама этим не ограничивались. Он стремился также прояснить структурные отношения между различными типами юридических правил и утверждал, что для демонстрации их логической взаимосвязи бесполезно обращаться к аристотелевской логике, являющейся логикой утвердительных суждений; для этого он разработал то, что он назвал ‘логикой воли’, которая была специально приспособлена для демонстрации связей между такими понятиями, как ‘команда’, ‘запрет’ и ‘дозволение’ [14]. В этом он предвосхитил современной форму логики, известную как деонтическая

логика. Наконец, он обнаружил проблему, которая все еще ожидает своего решения. Если мы рассматриваем правовую систему как состоящую из отдельных правовых норм или отдельных законов, тогда что будет являться *одной* нормой, а что просто *частью* нормы? Иначе говоря, что является критерием *индивидуации* законов? Пока это не решено, мы не сможем непротиворечивым образом представить структуру правовой системы.

Остин был активным последователем Бентама, хотя и не использовал силу логических новаций своего учителя. Но то, на чем я хочу заострить внимание относительно этих двух замечательных авторов, состоит в том, что форма аналитической юриспруденции, которой они занимались и проповедовали, не имеет ничего общего с *Begriffsjurisprudenz*, к которой были претензии у Иеринга. Я думаю, что среди континентальных мыслителей весьма распространено мнение, что если правовая система не является закрытой логической системой, то логический анализ к ней не применим, и что Бентам и Остин были заражены концептуализмом [20. Р. 209; 21. Р. 1080], к которому так же были претензии у Иеринга. Так что для них тоже есть место в *Begriffshimmel*. Я же считаю, что это ошибочное суждение связано с ложным выводом из того факта, что Бентам и Остин придерживались некоторой формы теории воли, поскольку определяли право в терминах команды. Но сами они никогда не выводили из этой теории следствие, выводимое прежними немецкими теоретиками воли, что, когда судья применяет закон, содержание закона всегда остается предопределенным волей законодателя, и задача судьи — это просто логическая операция, связанная с подведением конкретного случая под общее положение, описывающее предопределенную норму права. Наоборот, Остин [16. Р. 191] очень четко осознавал, что даже если английские судьи часто и говорили так, как если бы противоположное было верно, на самом же деле они часто ‘творили’ право. Остин, действительно, обвинял судей, но не в том, что они так делают, а в ошибочном стремлении создать право, ссылаясь на принципы утилитаризма. Поэтому ему был хорошо известен тот факт, который делает абсурдным предположение, что право было или могло бы быть создано только лишь посредством логических рассуждений. Но ему также был известен и другой факт, а именно, ‘неопределенность’ [Ibid. Р. 204–205, 207] или открытый характер многих правовых понятий, которые, как он говорил, могут привести лишь к ‘ошибочной проверке’ того, подпадает ли под них конкретная фактическая ситуация или нет. Однако несмотря на все это, Бентам и Остин считали очень важным при помощи новых методов определения и разъяснения стремиться к анализу таких слов, как ‘обязательство’, ‘обязанность’, ‘право’, ‘собственность’, ‘владение’, и других основополагающих правовых понятий, а также исследовать логические отношения между законами.

Обратимся теперь к современному этапу аналитической юриспруденции. Здесь, как я уже сказал, главное воздействие обеспечили два философа, сильно увлеченные языком: Витгенштейн и Джон Л. Остин. Они специально не занимались правом, но многое из того, что они говорили о формах языка, характере общих понятий и о правилах, определяющих структуру языка, имеет важное значение для юриспруденции и философии права и было использовано пишущими на эти темы как в Англии, так и в Америке. Опять-таки, как и в случае более ранней формы аналитической юриспруденции, современные

авторы свободны от *Begriffsjurisprudenz* в смысле Иеринга, поскольку одной из их наиболее сильных доктрин является отрицание концепции мышления и языка, на которой обычно основывалась прежняя *Begriffsjurisprudenz*. Я приведу два примера из философии, лежащей в основании этой новой формы аналитической юриспруденции. Первый из них покажет, насколько она далека от *Begriffsjurisprudenz*.

Porosität der Begriffe. Эта фраза использовалась ближайшим сторонником [22] Витгенштейна для обозначения наиболее важной особенности большинства эмпирических, а не просто юридических понятий, а именно, что мы не можем сформулировать такие правила языка, которые были бы пригодны для всех вообразимых ситуаций. Какими бы сложными ни были наши определения, мы не можем придать им такую точность, чтобы они были ограничены во всех возможных направлениях и чтобы для любого случая мы могли окончательно сказать, что к нему либо применимо, либо не применимо это понятие. «Предположим, я сталкиваюсь с существом, которое выглядит как человек, говорит как человек, ведет себя как человек, но ростом всего один фут, должен ли я сказать, что это человек?» [Ibid. P. 122]. Даже в науке не может быть окончательного и исчерпывающего определения понятий. «Понятие золота, пожалуй, определяется с абсолютной точностью, скажем, посредством спектра золота с его особыми линиями. Но что бы вы сказали, если бы было обнаружено вещество, похожее на золото, удовлетворяющее всем химическим свойствам золота и в то же время обладающее новым видом излучения?» [Ibid.]. Поскольку мы не можем исключить, что такие непредвиденные ситуации могут возникнуть, мы никогда не сможем с уверенностью сказать, что мы охватили все возможности. Встретившись с новой ситуацией, мы можем лишь переопределить или уточнить наши понятия. Признание *Porosität* или, на английском, ‘открытой текстуры’ понятий является, как я уже сказал, характерной чертой философии, оказавшей влияние на современную форму аналитической юриспруденции. Витгенштейн выразил это словами, которые очень близки праву: «Ich sagte von der Anwendung eines Wortes: sie sei nicht überall von Regeln begrenzt» [23. P. 39] и «Wir sind nicht für alle Möglichkeiten seiner Anwendung mit Regeln ausgerüstet» [Ibid. P. 38], и снова «Der Umfang des Begriffs ist durch eine Grenze nicht abgeschlossen: er ist nicht überall von Regeln begrenzt» [Ibid. P. 32–33].

Вторая особенность новейшей аналитической юриспруденции совершенно иначе связана с современной лингвистической философией. Витгенштейн как-то сказал, что слова являются также действиями («Wörter sind auch Taten»), а самую оригинальную трактовку этой идеи можно обнаружить в посмертно опубликованной книге профессора Остина *How to do Things with Words* [24]. В ней он настаивает на том, что среди множества различных функций, осуществляемых языком, есть одна, которую философы чаще всего упускают из виду, и, тем не менее, она наиболее важна, если мы хотим понять определенные действия в общественной жизни и особенно в праве. Возьмем, например, церемонию крещения. В решающий момент произносится фраза («Настоящим я нарекаю это дитя X»), и эффект от произнесения этих слов заключается в изменении ранее существовавшей социальной ситуации так, что теперь становится *правильным* обращаться к ребенку посредством имени X. Здесь на фоне социальных конвенций слова используются не

так, как они чаще всего используются для *описания* мира, но для того, чтобы *вызвать определенные изменения*. То же самое относится и к произнесению слов обещания. «Я обещаю подвести вас до остановки» – это не *описание* чего-либо, но высказывание, которое *создает* моральное обязательство у произнесшего его человека. Оно обязывает говорящего. Очевидно, что такое употребление языка имеет большое значение для права. Мы обнаруживаем его в завещании, когда завещатель пишет: «Я завещаю свои золотые часы моему другу X», а также в языке законотворчества, например: «Настоящим установлено..., что...». В таких ситуациях произнесение предложений людьми, обладающими надлежащими правомочиями, в соответствующих обстоятельствах имеет юридические последствия.

Английские юристы иногда рассматривают используемые таким образом слова как ‘постановляющие’. Но эта общая функция языка, широко распространенная за пределами права, известна большинству философов в Англии как ‘перформативная’. Перформативное использование языка как в праве, так и за его пределами имеет много интересных особенностей, которые отличают его от такого использования языка, когда мы стремимся делать истинные или ложные утверждения, описывающие мир. Я не думаю, что общий характер юридических действий (*Rechtsgeschäfte*) можно понять без ссылки на эту идею. Некоторые философы права, в частности Хэгерстрём [25, 26], были глубоко озадачены тем фактом, что можно возлагать обязательства, передавать права и в целом изменять юридические ситуации, просто используя язык. Это ему казалось своего рода магией или юридической алхимией. Но, конечно, чтобы понять все это, надо лишь признать особую функцию языка. Если конкретный человек произносит определенные слова, то они приводят в действие определенные правила, которые определяют функцию, или, в широком смысле, значение рассматриваемых слов.

Два приведенных мной примера (*Porosität der Begriffe* и перформативные высказывания), которым современная аналитическая юриспруденция обязана современной лингвистической философии, являются лишь двумя из многих возможных. При дальнейшем рассмотрении следовало бы обратиться к старой идее, что при применении общего термина или понятия ко многим различным ситуациям все эти ситуации должны обладать одним набором свойств. Это – догма. Существует множество разных способов связи примеров общего термина друг с другом. И это важно учитывать в случае юридических терминов [12. P. 66–67, 234]. В общем, я должен заявить, что между осмысленной потребностью Иеринга приблизиться к фактическому употреблению и применению понятий и духом, и доктринами современной аналитической философии есть большое сходство. Витгенштейн как-то сказал, что, если мы хотим понять наши понятия, мы должны рассматривать их ‘в работе’, а не когда они ‘бездействуют’ или ‘отдыхают’ [23. P. 51]. Если я не ошибаюсь, это полностью согласуется с отказом Иеринга от *Begriffshimmel* и необходимостью спуститься на землю: *wieder auf Erden!*

Литература

1. Jhering R. Scherz und Ernst in der Jurisprudenz: Eine Weihnachtsgabe für das Juristische Publikum. Leipzig, 1900.
2. Readings in Jurisprudence and Philosophy of Law / eds. M.R. Cohen, F.S. Cohen. New York, 1951.

3. *Howe M.D.* Justice Oliver Wendell Holmes: The Proving Years 1870–1882. Vol. II. Harvard University Press, 1963.
4. *Southern Pacific Co. v. Jensen* (1917) 244 U.S. P. 205–254.
5. *Holmes O.W.* The Common Law. Boston, 1881.
6. *Holmes O.W.* The Path of the Law // Collected Legal Papers, O.W. Holmes (ed.). New York, 1920. P. 167–202.
7. *Lochner v. New York* (1904) 198 U.S. P. 45–76.
8. *Holmes O.W.* Law in Science and Science in Law // Collected Legal Papers, O.W. Holmes (ed.). New York, 1920. P. 210–243.
9. *Pound R.* Interpretations of Legal History. Cambridge : Cambridge University Press, 1923.
10. *Pound R.* Mechanical Jurisprudence // Columbia Law Review. 1906. Vol. 8, № 8. P. 605–623.
11. *Gnaeus Flavius.* Der Kampf um die Rechtswissenschaft. Heidelberg, 1906.
12. *Hart H.L.A.* The Concept of Law. Oxford : Clarendon Press, 1961.
13. *Bentham J.* An Introduction to the Principles of Morals and Legislation. London : T. Payne, 1789.
14. *Bentham J.* Of Laws in General / ed. H.L.A. Hart. London : The Athlone Press, 1970.
15. *Bentham J.* A Fragment on Government. Oxford : The Clarendon Press, 1891.
16. *Austin J.* The Province of Jurisprudence Determined and the Uses of the Study of Jurisprudence. London : Weidenfeld & Nicolson, 1954.
17. *Summers R.S.* The New Analytical Jurists // New York University Law Review. 1966. Vol. 41. P. 861–896.
18. *Bentham J.* Essay on Logic // The Works of Jeremy Bentham. Edinburgh : William Tait, 1843. Vol. 8. P. 213–294.
19. *Hart H.L.A.* Definition and Theory in Jurisprudence // Law Quarterly Review. 1954. Vol. 70. P. 37–60.
20. *Friedmann W.* Legal Theory. London : Stevens & Sons, 1947.
21. *Bodenheimer E.* Modern Analytical Jurisprudence and the Limits of Its Usefulness // University of Pennsylvania Law Review. 1956. Vol. 104. P. 1080–1086.
22. *Waismann F.* Verifiability // Proceeding of the Aristotelian Society, Supplementary Volumes. 1945. Vol. 19. P. 119–150.
23. *Wittgenstein L.* Philosophical Investigations. Oxford : Basil Blackwell, 1953.
24. *Austin J.L.* How to Do Things with Words. Oxford : Clarendon Press, 1962
25. *Hägerström A.* Der Römische Obligationsbegriff im Lichte der Allgemeinen Römischen Rechtsanschauung. Uppsala : Almqvist & Wicksell, 1927.
26. *Hägerström A.* Inquiry into the Nature of Law and Morals. Stockholm : Almqvist & Wicksell, 1953.

Herbert Lionel Adolphus Hart (1907–1992), University of Oxford (Oxford, United Kingdom).
Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya – Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science. 2021. 63. pp. 247–257.

DOI: 10.17223/1998863X/63/24

JHERING'S HEAVEN OF CONCEPTS AND MODERN ANALYTICAL JURISPRUDENCE

Keywords: analytical jurisprudence; analysis; legal concepts; legal language; Jhering

This publication was prepared within the framework of Project No. MD-137.2020.6 supported by the Council for Grants of the President of the Russian Federation.

The article by Herbert Hart, an English legal philosopher, that is brought to the reader's attention is an eponymous talk he gave at a symposium in Göttingen (Germany) in 1969 in honor of the 150th anniversary of the birth of Rudolf von Jhering. In the first part, Hart tries to demonstrate the influence of Jhering's views on representatives of American legal realism (first of all, Oliver Wendell Holmes and his followers) and of sociological jurisprudence (Roscoe Pound), and also to show that Jhering's legal doctrine is almost a conceptual core of the emerging analytical jurisprudence. At the same time, Hart does not seek to give a complete description of Jhering's legal doctrine, but analyzes only its part in which Jhering attacks the *Begriffsjurisprudenz* ("jurisprudence of concepts") fashion, or "conceptualism" in the interpretation of American legal tradition. The viciousness of jurisprudence of concepts, according to Hart, is the belief that legal concepts are fixed or closed in the sense that it is possible to

define them exhaustively in terms of a set of necessary and sufficient conditions. However, this belief about the nature of legal concepts is simply wrong. We cannot foresee all possible circumstances that the future may bring and that may affect the content of the formulated concepts. In this sense, legal concepts are “open”, and, when an unforeseen case arises, we must make a fresh choice, and in doing so elaborate our legal concepts, adapting them to socially desirable ends. The second part of the article describes the genesis and distinctive features of analytical jurisprudence and its usefulness for explaining “open” legal concepts. In particular, Hart proposes to distinguish two phases in the development of analytical jurisprudence: the first is associated with the names of Jeremy Bentham and John Austin, the second with Ludwig Wittgenstein and John Langshaw Austin. Further, Hart considers two examples from philosophy, which, in his opinion, underlie this new form of analytical jurisprudence and demonstrate that this form is far from *Begriffsjurisprudenz*. It is about *Porosität der Begriffe* (“open texture”) and performative utterances, which, being developed in the framework of the linguistic philosophy of the 20th century, influenced the development of analytical jurisprudence.

References

1. Jhering, R. (1900) *Scherz und Ernst in der Jurisprudenz: Eine Weihnachtsgabe für das Juristische Publikum*. Leipzig: [s.n.].
2. Cohen, M.R. & Cohen, F.S. (eds) (1951) *Readings in Jurisprudence and Philosophy of Law*. New York: Beard Books.
3. Howe, M.D. (1963) *Justice Oliver Wendell Holmes: The Proving Years 1870–1882*. Vol. II. Harvard University Press.
4. *Southern Pacific Co. v. Jensen* (1917) 244 U.S. pp. 205–254.
5. Holmes, O.W. (1881) *The Common Law*. Boston: [s.n.].
6. Holmes, O.W. (1920a) The Path of the Law. In: Holmes, O.W. (ed.) *Collected Legal Papers*. New York: [s.n.], pp. 167–202.
7. *Lochner v. New York* (1904) 198 U.S. pp. 45–76.
8. Holmes, O.W. (1920b) Law in Science and Science in Law. In: Holmes, O.W. (ed.) *Collected Legal Papers*. New York: [s.n.], pp. 210–243.
9. Pound, R. (1923) *Interpretations of Legal History*. Cambridge: Cambridge University Press.
10. Pound, R. (1906) Mechanical Jurisprudence. *Columbia Law Review*. 8(8). pp. 605–623.
11. Gnaeus Flavius. (1906) *Der Kampf um die Rechtswissenschaft*. Heidelberg: Winter.
12. Hart, H.L.A. (1961) *The Concept of Law*. Oxford: Clarendon Press.
13. Bentham, J. (1789) *An Introduction to the Principles of Morals and Legislation*. London: T. Payne.
14. Bentham, J. (1970) *Of Laws in General*. London: The Athlone Press.
15. Bentham, J. (1891) *A Fragment on Government*. Oxford: The Clarendon Press.
16. Austin, J. (1954) *The Province of Jurisprudence Determined and the Uses of the Study of Jurisprudence*. London: Weidenfeld & Nicolson.
17. Summers, R.S. (1966) The New Analytical Jurists. *New York University Law Review*. 41. pp. 861–896.
18. Bentham, J. (1843) *The Works of Jeremy Bentham*. Vol. 8. Edinburgh: William Tait. pp. 213–294.
19. Hart, H.L.A. (1954) Definition and Theory in Jurisprudence. *Law Quarterly Review*. 70. pp. 37–60.
20. Friedmann, W. (1947) *Legal Theory*. London: Stevens & Sons.
21. Bodenheimer, E. (1956) Modern Analytical Jurisprudence and the Limits of Its Usefulness. *University of Pennsylvania Law Review*. 104. pp. 1080–1086.
22. Waismann, F. (1945) Verifiability. *Proceeding of the Aristotelian Society*. Supplementary Volumes. 19. pp. 119–150.
23. Wittgenstein, L. (1953) *Philosophical Investigations*. Oxford: Basil Blackwell.
24. Austin, J.L. (1962) *How to Do Things with Words*. Oxford: Clarendon Press.
25. Hägerström, A. (1927) *Der Römische Obligationsbegriff im Lichte der Allgemeinen Römischen Rechtsanschauung*. Uppsala: Almqvist & Wicksell.
26. Hägerström, A. (1953) *Inquiry into the Nature of Law and Morals*. Stockholm: Almqvist & Wicksell.

МАТЕРИАЛЫ КОНФЕРЕНЦИИ

ДОСТОЕВСКИЙ В МИРОВОЙ И РУССКОЙ ФИЛОСОФСКОЙ МЫСЛИ: ПРЕДВЕСТИЕ ГЕРМЕНЕВТИКИ И ЭКЗИСТЕНЦИАЛЬНОЙ АНАЛИТИКИ¹ (ТГУ, 17–19 июня 2021 г.)

ПРИ УЧАСТИИ ИНСТИТУТА МИРОВОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
ИМЕНИ А.М. ГОРЬКОГО РАН (МОСКВА)
И БИБЛИОТЕКИ-МУЗЕЯ «ДОМ А.Ф. ЛОСЕВА» (МОСКВА)

УДК 123.1

DOI: 10.17223/1998863X/63/25

О.А. Донских

ЧЕЛОВЕК ЗА ПЕЛЕНОЙ СТРАХА (ПО КЬЕРКЕГОРУ И ДОСТОЕВСКОМУ)

В статье проводится сравнительный анализ взглядов Кьеркегора и Достоевского на то, как страх может поработать, а может и возвращать человека к самому себе. Оба мыслителя пристально рассматривают возможность рефлексии над страхом в ключе деятельного христианства. При этом Кьеркегор движется в своем анализе дедуктивно, отталкиваясь от христианской мифологии, тогда как Достоевский идет индуктивно от конкретных проявлений реальной эмоции страха.

Ключевые слова: страх, свобода, Кьеркегор, Достоевский

Ты ни холоден, ни горяч; о, если бы ты был холоден или горяч! Но, как ты тепл, а не горяч и не холоден, то извергну тебя из уст Моих.

(Откр. 3; 15,16).

В свое время Бодрийяр показал, что парадокс общества потребления состоит в том, что оно потребляет само себя в качестве общества потребления. «...Изобилие и потребление... не изобилие и потребление материальных благ, изделий и услуг, а потребленный образ потребления – составляют именно нашу новую родовую мифологию, мораль современности» [1. С. 308]. Если к этому мы добавим купание в виртуальной реальности, которое представлено нам развитием цифровых технологий, обнаруживается, что наше отношение к реальности – это уже даже и не зеркало пражского студента, которое все-таки может отразить его самого. Человек изначально строит свой образ, рефлектируя свое отражение в глазах и мнениях других людей, а с приходом новых способов потребленного потребления, представляемого как

¹ Конференция организована в юбилейный год Ф.М. Достоевского (200 лет со дня рождения).

свободное самовыражение, да еще и в виртуальной реальности социальных сетей, уход от самого себя оказывается главным условием выживания в потребительском обществе. В результате тают достоинство и ответственность, заменяясь настойчиво прокламируемыми правами личности, стремящейся к счастью, которое объявляется заранее заслуженным – ведь «Вы этого достойны!». В этой атмосфере те христианские ценности, которые определили возникновение европейского, так же как и российского общества, оказались не просто ненужными, но вредными и опасными. Ведь они нерасторжимо связаны с трансцендентным, а значит, неизмеримым и принципиально невоспринимаемым. Два совершенно несоединимых образа – человек, занятый продажей самого себя, и человек как раб Божий, как слуга Того, кто создал этот мир. Первый – раб по природе потребительского общества, второй – раб по природе человека, понятого как образ и подобие Бога.

Возникает и настоятельно требует ответа вопрос: что может вернуть человека к самому себе. Хотя вначале стоит задать вопрос, а нужен ли этот возврат? Ведь это означает, как минимум, что уйдет комфорт самомнения, замещенный ответственностью за себя и тем самым за других. Это означает и острое осознание положения, в котором находится человек общества потребления, явно или неявно встроенный в тысячи зависимостей от других. Должен ли он осознавать это? Ведь ответ начнет разъедать это общество изнутри, поскольку он означает, что люди начнут обретать внутреннюю свободу. По большому счету именно об этом говорит великий инквизитор из «Братьев Карамазовых», обращаясь к Христу: «Но знай, что теперь и именно ныне эти люди уверены более чем когда-нибудь, что свободны вполне, а между тем сами же они принесли нам свободу свою и покорно положили ее к ногам нашим» [2. С. 251]. Это, конечно, вопрос о том счастье, к которому ведут комфорт и благополучие потребительского общества. О том счастье, которое достигается с помощью исключаяющих тяжелую физическую работу технических средств и максимально исключаяющих глубокие переживания биотехнологических средств.

Легко представить себе разговор Торквемады и Христа в условиях современного потребительского общества. Инквизитор вполне справедливо может утверждать, что люди никогда не жили так удобно, комфортно и счастливо, как в современных условиях, что воздвигнуто царство покоя и счастья. Да, это царство еще не охватывает всю землю, но это дело времени. В любом случае счастье человеку можно принести только извне. Да, это противоречит сущности христианства, как его представил основатель, но Он переоценил способность людей свободно контролировать себя. Эта ошибка исправлена, и с помощью современных технологий исправлена навсегда. Что может ответить Христос? Только повторить то, что Он уже говорил. «Если пребудете в слове Моем, то вы истинно Мои ученики, и познаёте истину, и истина сделает вас свободными» (Ин 8: 31–32). Таким образом, необходимо считать вопрос о свободе главным вопросом, потому что именно свобода делает человека человеком, т.е. способным различать добро и зло. Но свобода не обретается в комфорте и тепле. Сказано же, что *теплых* изблюет Господь из уст своих (Откр. 3:16). Путь к свободе лежит через холод и жар, через страх и отчаяние. «...Происхождение того, что считается нашей человечностью, связано с чувством себя и идентичности, которое чревато двусмыслен-

ностью и страхом» [3. Р. 5]. Опыт осознания страха, являющегося одним из важнейших условий духовного движения человека к самому себе, задает предмет настоящей статьи.

Очевидно, что чувство страха присуще многим живым существам, а не только человеку, в то же время человек боится по-другому, поскольку обладает мышлением. «Мы, люди, можем бояться почти всего. Наш страх имеет гораздо больший потенциал, чем страх, который может испытывать любое другое животное, именно потому, что мы являемся *animal symbolicum*. Как только мы слышим об опасности, какой бы отдаленной она ни была, мы часто воспринимаем ее как угрозу для себя. Не в последнюю очередь мы сами конструируем бесчисленные воображаемые угрозы – и здесь мы находим важную причину зверств, совершаемых людьми друг против друга» [4. Р. 29]. Именно возможность рефлексии над страхом, осознание его и преодоление осознанного – это преимущество человека над другими живыми существами.

Материалом для анализа выступают отдельные произведения С. Кьеркегора и Ф.М. Достоевского. Начнем с первого, поскольку Кьеркегор напрямую посвятил страху несколько своих работ.

Кьеркегор изначально различает два вида страха – он «был тут первым, – первым философом, первым психологом, первым теологом, – разграничившим „страх-боязнь“ (*Frygt*), т.е. *страх, которому мы можем найти, подобрать конкретную причину*, и некий мучительный, сосущий человека изнутри *страх-головокружение* (*Angest*), лишенный рациональных объяснений. Истинный страх: страх перед черным провалом» [5. С. 15]. Очевидно, что основанием для размышлений Кьеркегора служили библейские тексты, в первую очередь ветхозаветные, где о страхе говорится очень внушительно. Так, в Псалтири страх перед Богом выступает ни больше ни меньше как признак человечности – «Наведи, Господи, страх на них; да знают народы, что человеки они» (Пс 9, 21–22) и «утверди сердце мое в страхе имени Твоего» (Пс 85, 11). В той же Псалтири встречается идея, которая неоднократно повторяется в других книгах (в «Притчах Соломона», в «Книге Премудрости Иисуса, сына Сирахова», в «Книге Иова»): страх Господень – начало мудрости. При этом парадоксальным образом страх дает радость и приносит любовь – «Страх Господень усладит сердце и даст веселие и радость и долгоденствие. Боящемуся Господа благо будет напоследок, и в день смерти своей он получит благословение. Страх Господень – дар от Господа и поставляет на стезях любви» (Сир. 1, 12–13). Конечно, совершенно очевидно, что наряду с этим есть и тот обычный страх, который родствен людям и животным – физический страх за свое существование, но именно страх перед Богом и отличает человека.

Кьеркегор в своем анализе постепенно восходит от обычной робости к тому *экзистенциальному страху*, который пережил Христос и который не может пережить ни один человек. И в первую очередь, он имеет в виду страх в его отношении к первородному греху, чему, собственно, посвящена его специальная работа о понятии страха [6]. По его мнению, животные не ощущают страха, поскольку не пережили грехопадения. Таким образом, он сразу берет страх не в чисто эмоциональном значении, тот страх, который является общим для человека и животных, а именно человеческий страх. В случае страха-боязни причина конкретна и осознаваема. В случае же со страхом эк-

зистенциальным ситуация гораздо сложнее, и именно он является предметом размышлений Кьеркегора. Этот страх амбивалентен – он очевидно присутствует, и его присутствие осознается, но он беспричинен, и осознание скользит без всякой возможности найти хотя бы какую-то опору, и в этом смысле он принципиально неосознаваем.

Для Кьеркегора человек – это синтез душевного и телесного в духе. В состоянии невинности Адам не мог бояться и не мог знать, но он уже потенциально ощущал страх как отношение к Ничто. Кьеркегор развивает концепцию страха через серию противоречий. Так, «страх – это не определение необходимости, но он также и не определение свободы, страх есть скованная свобода, когда свобода не свободна в самой себе, но скована – и не в необходимости, но в себе самой» [6. С. 67–68]. Или: «Страх обнаруживает судьбу, но как только индивид хочет утешиться судьбой, страх поворачивается и убирает судьбу прочь, ибо судьба подобна страху, а страх, подобно возможности, является магической картинкой» [Там же. С. 190]. Поскольку страх начинается с отношения к Ничто, он изначально амбивалентен – «Страх – это симпатическая антипатия и антипатическая симпатия» [Там же. С. 60]. Поскольку дух появляется вместе со свободой, то свободу можно рассматривать и как условие человечности вообще и, соответственно, как условие появления страха. Свобода рождает страх, а страх может убить свободу: «...страх – это головокружение свободы, которое возникает, когда дух стремится полагать синтез, а свобода заглядывает вниз, в свою собственную возможность, хватаясь за конечное, чтобы удержаться на краю. В этом головокружении свобода рушится» [Там же. С. 81]. Губя свободу, страх может превратить человека в животное.

Кьеркегор принципиально различает страх «естественного» человека и страх христианина. Только христианин способен приблизиться к истинному страху – *страху отпадения от Бога*. «Христианин – единственный, кто знает, что такое смертельная болезнь. Он черпает из христианства храбрость, которой так недостает естественному человеку, – храбрость, получаемую вместе со страхом от крайней степени ужасного. Стало быть, храбрость нам всегда дарована; а страх перед великой опасностью дает нам решимость противостоять опасности меньшей; бесконечный же страх перед единственной опасностью делает все прочие несуществующими» [7. С. 28]. Но и здесь Кьеркегор демонстрирует абсолютное противоречие, связанное со страхом христианина. Дело в том, что предельным случаем этого страха был ужас, который пережил Христос в Гефсиманском саду. Он был свят и невиновен, и все же был оставлен. Этого ужаса ни один человек пережить не способен. Но ведь и Христос должен был и мог пережить этот страх только как человек, а не как Бог. Анализ этой ситуации позволяет Кьеркегору различить степени страха, присущие не христианину, а любому человеку.

На первых подступах *страх* – это *боязнь от неуверенности*, так, «когда ребенок только робеет перед учителем и боится его, он может, пожалуй, многому научиться; но когда доверие изгоняет страх и побеждает свобода духа, тогда начинается образование в высшем смысле этого слова» [8. С. 218]. В этом случае страх мешает познанию, тормозит его, но он преодолевается доверием к старшему, и тогда от буквального послушания ребенок переходит к свободному построению своего ментального мира, оказываясь собеседни-

ком, а не простым слушателем. Этот страх преодолим к пользе личности. Новое послушание строится на основе свободы, поэтому «научиться послушанию – это исполнение премудрости» [8. С. 120].

Есть совсем другой страх, что не выполнишь свою задачу перед Богом. Здесь ты переживаешь страдание, но перед Богом страдание никогда не бывает без вины. Этот *страх невыполнения задачи* очень тяжел, но в этой ситуации есть надежда. Страшнее, когда нет задачи, «безнадежным ужасом было бы, если бы вышло, будто не с чего и начать, так что он при всем своем желании не мог бы найти никакой задачи» [Там же. С. 161]. Человека охватывает леденящая дрожь, когда он видит, например, человека, тонущего в болоте, – здесь нет ни надежды, ни задачи, чистое переживание ужаса. *Чистый страх сострадания* к безнадежной ситуации другого. Ты не можешь вмешаться, а можешь лишь бессильно сопереживать чужому страху.

Возвращаясь к Христу, когда Он произносит непронизносимые слова «Боже Мой, Боже Мой! для чего Ты Меня оставил?» (Мф. 27:46), теперь можно объяснить, почему этот страх неспособен пережить больше никто – это *чистый страх сострадания к безнадежной ситуации себя*, когда, говоря словами Кьеркегора, нет никакой задачи.

Почти такой же ужас переживает Авраам во время жертвоприношения Исаака, разница лишь в том, что человек Христос уверен в своей невиновности, а Авраам не может быть в этом уверен. Если можно построить шкалу страха – от простой боязни до ужаса, пережитого Христом, то в «Страхе и трепете» Кьеркегор исследует то расстояние, которое на этой шкале отделяет страх Исаака, осознавшего, что он и является жертвенным животным, от страха Авраама, совершающего жертвоприношение из любви к Богу. Этот страх и сделал Авраама основателем трех религий. Пережитый им страх может быть помещен между страхом Христа и страхом святых.

У Достоевского, в отличие от Кьеркегора, нет специальных работ, посвященных страху. Кроме того, в отличие от датского мыслителя, Достоевский не был особенно искушен в святоотеческом наследии. Об этом свидетельствует Н.С. Лесков: «Пишущий эти строки знал лично Ф.М. Достоевского и имел неоднократно поводы заключать, что этому даровитейшему человеку, страстно любившему касаться вопросов веры, в значительной степени недоставало начитанности в духовной литературе, с которой он начал свое знакомство в довольно поздние годы жизни и по кипучей страстности своих симпатий не находил в себе спокойности для внимательного и беспристрастного ее изучения» [9. С. 315]. Но чувство страха и соответствующие сюжеты детально разрабатываются Достоевским.

Первым произведением, где чувство страха играет ключевую роль, является небольшая повесть «Хозяйка». Здесь Достоевский анализирует *страх порабощающий*, тот страх, который делает человека рабом, абсолютно зависимым от своего страха, неважно, перед чем-то реальным или фантастическим. Героиня повести Катерина испытывает этот страх, и даже молитва ей не помогает выйти из этого состояния, не дает ей надежды. «Тяжело, тяжело мне теперь, час мой приходит последний! – проговорила она наконец, тоскуя в безвыходной муке. Она силилась еще что-то проговорить, но окостенелый язык ее не мог произнести ни одного слова» [10. С. 37]. Достоевский показывает, что это жуткое состояние заразно, и главный герой вовлекается в по-

добное переживание, начиная с совместной молитвы в церкви, когда он едва не перестал сознавать себя. Позже во сне «...он мыслил не бесплотными идеями, а целыми мирами, целыми созданиями, как он носился, подобно пылинке, во всем этом бесконечном, странном, невыходимом мире и как вся эта жизнь, своею мятежною независимостью, давит, гнетет его и преследует его вечной, бесконечной иронией; он слышал, как он умирает, разрушается в пыль и прах, без воскресения, на веки веков...» [10. С. 22]. И здесь же обозначается первый подступ к вопросу инквизитора о свободе – «Дай ему волюшку, слабому человеку, – сам ее свяжет, назад принесет. Глупому сердцу и воля не впрок!» [Там же. С. 64]. А.Л. Бем предполагает, что уже в это время Достоевский приходит к концепции противопоставления свободного христианства и исторической церковности [11. С. 326]. В «Хозяйке» появляется важный мотив, который потом отзывается в ряде других произведений – это настолько мощная заразительность определенного чувства, в данном случае страха, что оно может передаваться всему обществу. Позже, например, герой рассказа «Сон смешного человека», впадая в солипсизм, сначала осознает, что жизнь и мир от него зависят, а потом в своем сне заражая своей душевной болью целую внеземную цивилизацию, бывшую до его прихода абсолютно добродетельной, развращает ее и затем уже не может никакой жертвой остановить этот убийственный процесс.

Несомненно, позже представление Достоевского о страхе обогатилось его каторжным опытом, где он увидел, в частности, тот «какой-то острый, но чисто физический страх, невольный и неотразимый, подавляющий все нравственное существо человека» [12. С. 174], т.е. *страх беспощадного физического наказания*, который даже самых сильных людей превращает в животное и который питает гордость палачей. Достоевский описывает и *страх осознания решимости другого человека*, и *покорный страх отказа* [13. С. 35, 56]. Эти оттенки и виды страха, описанные писателем, требуют, конечно, более тщательного исследования, но в данной статье мы обратимся лишь к тем, которые позволяют сравнить Достоевского с датским мыслителем.

Переживанию смертного страха посвящен ряд эпизодов в «Идиоте». Что делается от страха с человеческой душой? «Преступник был человек умный, бесстрашный, сильный, в летах, Легро по фамилии. Ну вот, я вам говорю, верьте не верьте, на эшафот всходил – плакал, белый как бумага. Разве это возможно? Разве не ужас? Ну, кто же со страху плачет? Я и не думал, чтоб от страху можно было заплакать не ребенку, человеку, который никогда не плакал, человеку в сорок пять лет. Что же с душой в эту минуту делается, до каких судорог ее доводят? Надругательство над душой, больше ничего! Сказано: „не убий“, так за то, что он убил, и его убивать? Нет, это нельзя» [14. С. 23]. Достоевский здесь различает *страх человека, находящегося в смертельной опасности*, и *страх человека, убиваемого по приговору*. В первом случае есть надежда, хотя бы и бесконечно слабая. Во втором ее нет. В отличие от убийства разбойничьего и т.д. убийство по приговору отнимает малейшую надежду, и это самое ужасное. «...Человеком уж больше не будешь, и что это уж наверно; главное то, что *наверно*» [Там же. С. 24]. Это страх нечеловеческий, с человеком нельзя так поступать. Несколько ниже стоит *страх переживания того, что может произойти* что-то чудовищное, но пока это не произошло этот страх перемежается приступами восторга [Там же. С. 295]. Параллельно

Достоевский описывает тот страх, который выделял Кьеркегор, – *страх-головокружение, лишенный рациональных объяснений*. Его переживает Лизавета Прокофьевна, которая «сквозь присущее ей всегда беспокойство, ...успевала всегда разглядеть что-то такое, что пугало ее иногда до болезни, самым мнительным, самым необъяснимым страхом, а стало быть, и самым тяжелым» [14. С. 293–294]. И этот страх постоянно толкает ее на то, чтобы отыскать некую причину, требует своего обоснования, хотя он появился задолго до той причины, которая будет найдена.

В противоположность этому мучительному беспричинному страху описывается другой страх, имеющий конкретную причину, но выводящий к тому же беспричинному страху, который может полностью поглотить человека. Это страх перед смертью Христа, который умер, будучи человеком и превратился в труп. Этот вопрос обсуждается в эпизоде с картиной, которую князь видит у Рогожина. На ней изображен обезображенный труп Христа. И у тех, кто видит это, возникает мысль, что если так ужасна смерть, и так сильны законы природы, то как же одолеть их? Как одолеть их, когда не победил их теперь даже тот, который побеждал и природу при жизни своей, которому она подчинялась, который воскликнул: „Талифа куми“ – и девица встала, „Лазарь, гряди вон“, – и вышел умерший?» Если был так обезображен и убит лучший человек, стоивший всей земли, то чего стоит жизнь остальных? Картиной этою как будто именно выражается это понятие о темной, наглой и бессмысленно-вечной силе, которой все подчинено, и передается вам невольно. Эти люди, окружавшие умершего, которых тут нет ни одного на картине, должны были ощутить страшную тоску и смятение в тот вечер, раздробивший разом все их надежды и почти что верования. Они должны были разойтись в ужаснейшем страхе, хотя и уносили каждый в себе громадную мысль, которая уже никогда не могла быть из них исторгнута» [Там же. С. 362]. Возникает вопрос: рождает ли эта мысль надежду? Несет ли что-то сознание этого ужаса, кроме отчаяния? Тем более, что эта страшная сила олицетворяется в странной невозможной форме в виде «глухого, темного и немного существа», в виде огромного тарантула... Представляется, что можно говорить о том, что ужас, пережитый Христом, передается свидетелям его страданий и смерти в виде страха порабащивающего (описанного в «Хозяйке»). И этот страх не имеет ничего общего со страхом святых или страхом Авраама. И он не ведет к мудрости. Он пытается избавиться от ответственности быть собой. Со ссылкой на «Братьев Карамазовых» эту мысль подчеркивает Эрих Фромм – «Испуганный индивид ищет кого-нибудь или что-нибудь, с чем он мог бы связать свою личность; он не в состоянии больше быть самим собой и лихорадочно пытается вновь обрести уверенность, сбросив с себя бремя своего Я» [15. С. 161]. И он бросается в объятия Торквемады.

Еще один вид страха, который не ведет к мудрости, рассматривается в «Подростке», это страх одиночества в безбожном мире. Версифов формулирует ряд парадоксов. Сначала он говорит, что самый лучший человек в мире – это русский атеист, потому что он добр, а добр, потому что «безмерно доволен тем, что он атеист», и поэтому «наклонен приласкать Бога». Именно потому, что Его не боится. Затем он рассуждает о том, что любить людей такими, какие они есть, невозможно. «Люди по природе своей низки и любят любить из страха; не поддавайся на такую любовь и не переставай презирать. Где-то в

Коране Аллах повелевает пророку взирать на «строптивых» как на мышей, делать им добро и проходить мимо, – немножко гордо, но верно. Умей презирать даже и тогда, когда они хороши, ибо всего чаще тут-то они и скверны» [16. С. 202–203]. Люди настолько плохи, что умный человек не может не презирать даже самого себя. И только в страхе человек создает свой образ человечества и любит его, т.е. любит самого себя. Этот страх рождает любовь, но это любовь к самому себе, ложно перенесенная на человечество и потому пустая. Ведь объекта этой любви не существует. И в окончательном противоречии с этими парадоксами в романе возникает: «...страшно оно сердцу и дивно; и страх сей к веселию сердца: „Все в Тебе, Господи, и я сам в Тебе и прими меня!“» [17. С. 18]. Это тот страх, который анализирует Кьеркегор, опираясь на ветхозаветные тексты.

И еще один, совершенно иной вид страха появляется в «Зимних заметках о летних впечатлениях», когда автор говорит о том, что утвердившаяся в себе личность, не имеющая страха за себя, «...ничего не может сделать другого из своей личности, т.е. никакого более употребления, как отдать ее всю всем, чтоб и другие все были точно такими же самоправными и счастливыми личностями» [Там же. С. 249]. То есть здесь речь идет о *страхе не стать личностью*. С этим связана идея о том, что для того чтобы любить, нужно освободиться от страха за себя, *страха как «последствия всякой лжи»*, Достоевский позже высказывает словами старца Зосимы. И любовь тогда оказывается делом «жестоким и утрашающим». Получается, что совершенно не связанный с отношением к Богу страх не стать личностью витиеватым образом пересекается с христианским чувством деятельной любви.

Итак, что же дает проведенный анализ для ответа на вопрос, заданный в начале статьи? Что может вернуть человека к самому себе? Кьеркегор ведет свой анализ с позиции философа, смотрящего на мир с «6000 футов по ту сторону человека и времени» (как определял это Ницше) [18. С. 743], тогда как Достоевский начинает свой анализ с конкретных эмоций и постепенно поднимаясь к обобщениям. Можно прибегнуть еще к одному различию, которое делает Ларс Свендсен: «Кажется, что мы обычно сосредоточиваем свое внимание на потенциально опасном во всем, с чем сталкиваемся в жизни. Нам необходимо различать страх как общую предрасположенность и страх как реальную эмоцию» [4. Р. 46]. Если Кьеркегор исследует страх как общую предрасположенность, почему и обращается к христианской мифологии, то Достоевский отталкивается от реальной эмоции страха.

Тем не менее, в конечном итоге и Кьеркегор, и Достоевский предлагают человеку-потребителю одно и то же – обращение к христианским ценностям. Человек без Бога не способен найти в себе опору для преодоления страха, он может лишь уходить от самого себя, утрачивая внутреннюю свободу и оказываясь в объятиях построенного инквизитором Левиафана.

Литература

1. Бодрийяр Ж. Общество потребления. М. : АСТ, 2020. 320 с.
2. Достоевский Ф.М. Собрание сочинений : Братья Карамазовы. Ч. 1, 2. М. : Мир книги, Литература, 2008. 336 с.
3. Ludger H. Viefhues-Bailey. Beyond the Philosopher's Fear. A Cavellian Reading of Gender, Origin and Religion in Modern Skepticism. Ashgate Publishing Company, 2007. 177 p.
4. Svendsen L. A Philosophy of Fear. Reaktion Books, 2008. 155 p.

5. Исаева Н., Исаев С. Смерть как чертог или смерть как порог: путешествие с верным проводником // Кьеркегор С. Болезнь к смерти. 2-е изд. М. : Академический проект, 2014. 160 с.
6. Кьеркегор С. Понятие страха. 2-е изд. М. : Академический проект, 2014. 224 с.
7. Кьеркегор С. Болезнь к смерти. 2-е изд. М. : Академический проект, 2014. 160 с.
8. Кьеркегор С. Евангелие страданий. М. : Свято-Владимирское изд-во, 2011. 304 с.
9. Ремизов В.Б. Толстой и Достоевский. Братья по совести. М. : РГ-Пресс, 2019. 688 с.
10. Достоевский Ф.М. Хозяйка // Полное собрание сочинений и писем : в 35 т. 2-е изд., испр. и доп. СПб. : Наука, 2014. Т. 2. 773 с.
11. Бем А.Л. Драматизация бреда («Хозяйка» Достоевского) // Бем А.Л. Исследования. Письма о литературе. М. : Языки славянской культуры, 2001. 448 с.
12. Достоевский Ф.М. Записки из мертвого дома // Полное собрание сочинений и писем : в 35 т. 2-е изд., испр. и доп. СПб. : Наука, 2014. Т. 2. 773 с.
13. Достоевский Ф.М. Собрание сочинений: Униженные и оскорбленные. М. : Мир книги, Литература, 2008. 336 с.
14. Достоевский Ф.М. Собрание сочинений: Идиот : Роман. Ч. 1–3. М. : Мир книги, Литература, 2008. 432 с.
15. Фромм Э. Бегство от свободы. Человек для себя. М. : АСТ: АСТ МОСКВА, 2006. 571 с.
16. Достоевский Ф.М. Собрание сочинений : Подросток : Роман. Ч. 1, 2. М. : Мир книги, Литература, 2008. 366 с.
17. Достоевский Ф.М. Собрание сочинений : Подросток : Роман. Ч. 3; Зимние заметки о летних впечатлениях; Вечный муж; Повести. М. : Мир книги, Литература, 2008. 416 с.
18. Ницше Ф. ЕССЕ НОМО. Как становятся сами собою // Сочинения : в 2 т. М. : Мысль, 1996. Т. 2. 829 с.

Oleg A. Donskikh, Novosibirsk State University of Economics and Management (Novosibirsk, Russian Federation); Novosibirsk State Technical University (Novosibirsk, Russian Federation).

E-mail: olegdonskikh@yandex.ru

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya – Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science. 2021. 63. pp. 258–267.

DOI: 10.17223/1998863X/63/25

THE PERSON BEHIND THE VEIL OF FEAR (BY KIERKEGAARD AND DOSTOEVSKY)

Keywords: fear; freedom; Kierkegaard; Dostoevsky

Baudrillard showed that the peculiarity of a consumer society is that it consumes itself being a society of consumers. In this atmosphere, the Christian values that determined the foundation of European and Russian societies turn out to be harmful and dangerous. The question arises and urgently demands an answer: what can bring a person back to oneself? The experience of the awareness of fear, which is one of the most important conditions for spiritual movement of a person to oneself, as it is presented in the works of Kierkegaard and Dostoevsky, is the object of analysis in the article. Kierkegaard initially distinguishes between two types of fear: 1) fear defined by specific circumstances, and 2) fear devoid of rational explanations. In his analysis, Kierkegaard relies on the Old Testament texts. He speaks of the existential fear that Christ experienced and that no human being can experience. This is the ultimate fear and ambivalent at the same time – it is obviously present, and its presence is realized, but it is causeless, and awareness slips without any possibility of finding at least some support, and in this sense it is fundamentally unconscious. Only a Christian can approach the true fear – the fear of falling away from God. The analysis of this situation allows Kierkegaard to distinguish the degrees of fear inherent not exclusively in a Christian, but in any person. Dostoevsky, unlike Kierkegaard, has no special works devoted to fear. Yet the feeling of fear and the corresponding plots are elaborated in detail by Dostoevsky in a number of works, the first of which is *The Hostess*. Here Dostoevsky analyzes the fear that turns a person to a slave, absolutely dependent on one's fear, no matter whether it is real or fantastic. Here is also the first approach to the inquisitor's question of freedom. In addition, an important motif appears here – the powerful contagion of a certain feeling, fear in this case. The article describes the shades and types of fear presented by the writer in *Notes from the Dead House*, *The Idiot*, *The Adolescent*, and other works. Ultimately, both Kierkegaard and Dostoevsky offer the same thing to the consumer – an appeal to Christian values. A person without God is not able to find support in oneself to overcome fear, but can only move away from oneself, losing one's inner freedom and finding oneself in the arms of the Leviathan built by the inquisitor.

References

1. Baudrillard, J. (2020) *Obshchestvo potrebleniya* [Consumer Society]. Translated from French. Moscow: AST.
2. Dostoevsky, F.M. (2008a) *Sobranie sochineniy: Brat'ya Karamazovy* [Collected Works: The Brothers Karamazov]. Vol. 1, 2. Moscow: Mir knigi, Literatura.
3. Viefhues-Bailey, L.H. (2007) *Beyond the Philosopher's Fear. A Cavellian Reading of Gender, Origin and Religion in Modern Skepticism*. Ashgate Publishing Company.
4. Svendsen, L. (2008) *A Philosophy of Fear*. Reaktion Books.
5. Isaeva, N. & Isaev, S. (2014) *Smert' kak chertog ili smert' kak porog: puteshestvie s vernym provodnikom* [Death as a hall or death as a threshold: a journey with a faithful guide]. In: Kierkegaard, S. *Bolezn' k smerti* [Desease to Death]. 2nd ed. Moscow: Akademicheskii proekt.
6. Kierkegaard, S. (2014) *Ponyatie strakha* [The Concept of Anxiety]. 2nd ed. Translated from Danish. German. Moscow: Akademicheskii proekt.
7. Kierkegaard, S. (2014) *Bolezn' k smerti* [Desease to Death]. 2nd ed. Translated from Danish. Moscow: Akademicheskii proekt.
8. Kierkegaard, S. (2011) *Evangelie stradanii* [The Gospel of Suffering]. Translated from Danish. Moscow: Svyato-Vladimirovskoe izd-vo.
9. Remizov, V.B. (2019) *Tolstoy i Dostoevskiy. Brat'ya po sovesti* [Tolstoy and Dostoevsky. Brothers in Conscience]. Moscow: RG-Press.
10. Dostoevskiy, F.M. (2014a) *Polnoe sobranie sochineniy i pisem: v 35 t.* [Complete Works and Letters in 35 vols]. 2nd ed. Vol. 2. St. Petersburg: Nauka.
11. Bem, A.L. (2001) *Issledovaniya. Pis'ma o literature* [Studies. Letters on Literature]. Moscow: Yazyki slavyanskoy kul'tury.
12. Dostoevskiy, F.M. (2014b) *Polnoe sobranie sochineniy i pisem: v 35 t.* [Complete Works and Letters in 35 vols]. 2nd ed. Vol. 2. St. Petersburg: Nauka.
13. Dostoevskiy, F.M. (2008b) *Sobranie sochineniy: Unizhennye i oskorblennye* [Collected Works. Humiliated and Insulted]. Moscow: Mir knigi, Literatura.
14. Dostoevskiy, F.M. (2008c) *Sobranie sochineniy: Idiot* [Collected Works. The Idiot]. Parts 1-3. Moscow: Mir knigi, Literatura.
15. Fromm, E. (2006) *Begstvo ot svobody. Chelovek dlya sebya* [Escape from Freedom. A Man for Himself]. Translated from German. Moscow: AST: AST MOSKVA.
16. Dostoevskiy, F.M. (2008d) *Sobranie sochineniy: Podrostok* [Collected Works. The Adolescent]. Parts 1, 2. Moscow: Mir knigi, Literatura.
17. Dostoevskiy, F.M. (2008e) *Sobranie sochineniy: Podrostok* [Collected Works. The Adolescent]. Part 3. Moscow: Mir knigi, Literatura.
18. Nietzsche, F. (1996) *Sochineniya v 2 t.* [Works in 2 vols]. Vol. 2. Translated from German. Moscow: Mysl'.

УКД 141.2

DOI: 10.17223/1998863X/63/26

Я. Капичьяк

ДОСТОЕВСКИЙ В КОНТЕКСТЕ ИСТОРИИ ФИЛОСОФИИ ЙИРЖИНЫ ПОПЕЛОВОЙ-ОТАГАЛОВОЙ

Одной из ключевых книг по истории философии чешского философа Йиржины Попеловой-Отагаловой является «Распад классической философии» (1968). Философ в ней предлагает подход к развитию философии, начиная с середины XIX в., в двух линиях – сциентизма и иррационализма. Согласно Попеловой, к группе иррационалистов вместе с Шопенгауэром, Кьеркегором и Ницше принадлежит также Достоевский.

Ключевые слова: Достоевский, иррационализм, марксизм, Попелова-Отагалова, чешская философия

Введение

Данная статья посвящена книге чешского философа Йиржине Попеловой-Отагаловой (1904–1985). Книга называется «Распад классической философии: Рождение современного философского раскола» (*Rozpad klasické filosofie: Vznik soudobého filosofického schizmatu*, 1968). В этой книге Попелова предлагает концепцию развития европейской философии, начиная с середины XIX в., в двух линиях. С одной стороны, это линия сциентизма, а с другой – линия иррационализма. Именно среди философов-иррационалистов Попелова приводит также имя Фёдора Михайловича Достоевского. В чем, по мнению Попеловой, состоит особенность Достоевского как философа иррационализма и предшественника экзистенциализма.

Жизнь и деятельность Йиржины Попеловой-Отагаловой

Йиржина Попелова окончила философский факультет Карлова университета в Праге в 1928 г. по специальности философия и классическая филология. Через год на том же факультете защитила докторскую диссертацию по философии. В начале 30-х гг. поступила в аспирантуру университета La Sapienza в Риме, где защитилась в 1933 г. В последующие годы работала учительницей в гимназиях в разных городах Чехии. После Второй мировой войны стала преподавать, сначала на педагогическом факультете Карлова университета в Праге, а затем на педагогическом факультете Университета им. Палацкого в Оломоуце, где с 1949 по 1953 г. занимала должность ректора. Она была первой в истории чешского образования женщиной, занявшей эту должность. Ее деятельность, однако, оценивается критично, например [1] и [2]. С 1953 г. она преподавала на философском факультете Карлова университета в Праге. С началом нормализации в Чехословакии в 1970 г. Попелова вынуждена была уйти на пенсию (источниками биографических данных являются [3–5. S. 30]).

Известными стали, прежде всего, ее комениологические работы. Именно благодаря комениологическому сочинению «Философские и общественные

взгляды Я.А. Коменского» (*Filozofické a společenské názory J.A. Komenského*) она получила в 1958 г. ученую степень доктора философских наук на философском факультете МГУ им. М.В. Ломоносова [5. S. 30]. Комениологическими исследованиями, однако, стала заниматься только после Второй мировой войны, когда ее научная деятельность больше всего сосредоточилась на вопросах истории философии¹, хотя этим вопросам она уделяла внимание еще в межвоенный период. Известность также получили ее сочинения по этике, философии и идеологии социализма и марксизма, но среди первых опубликованных ее сочинений находятся также труды, посвященные методологическим вопросам духовных (гуманитарных) и естественных наук. Именно эти труды симптоматичны для времени, в которое Попелова вступала в чешскую общественную, научную и философскую жизнь. В начале XX в. преобладающим философским течением в Чехии был позитивизм. В 20-е и 30-е гг., однако, ситуация постепенно изменилась, когда появилась группа философов, которая программно противостояла доминирующему позитивизму. Для этой цели создали в 1921 г. журнал «*Ruch filosofický*», просуществовавший до 1942 г. Важнейшими принципами мышления этой группы антипозитивистов и идеалистов, сосредоточившейся вокруг журнала «*Ruch filosofický*», стали попытка освобождения от позитивистской системы анализа и откровение научной методологии для спекуляции, а также применение демократического лозунга «плюрализм индивидуальности» [6. S. XV]. Эти принципы четко сформулировал уже Фердинанд Пеликан, главный редактор журнала, в программной статье «Власть демократии в философии» (*Vláda demokracie ve filosofii*), опубликованной в первом номере журнала. Пеликан в статье, например, утверждает, что в индивидуальной воле всегда выражены сущность человеческой личности и мира. Поэтому волонтаризм можно считать полезным оружием в борьбе с догматическим позитивизмом [7].

И именно в период борьбы позитивизма и идеализма опубликовала свои первые статьи Йиржина Попелова. Одну из первых [8] она опубликовала как раз в журнале «*Ruch filosofický*». Так или иначе Йиржина Попелова не была сторонницей антипозитивистского течения. Можно согласиться с оценками других авторов, подчеркивающих, что ее научные подходы и философские взгляды находились на границе позитивизма и идеализма [4; 9. S. 14–15; 10. S. 5–6]². Эва Фогларова, например, пишет по этому поводу, что, по мнению Попеловой-Отагаловой, «истину возможно найти в коинциденции разных видов эвиденции, способствующих возникновению знания» [9. S. 15].

Иррационалистическая антропология

Чешский контекст, в котором формировалось мышление Попеловой, здесь упоминается, поскольку именно в книге «Распад классической философии» Попелова использует четкое деление истории философии второй

¹ История философии стала одним из основных вопросов чешской философии 60-х гг., т.е. в период публикации книги «Распад классической философии». История философии при этом уже не излагалась как идеологическая борьба материализма и идеализма, как это было в предыдущем десятилетии [11. S. 66].

² Попелова, например, высоко ценила не только философов-идеалистов, как Карел Воровка или Владимир Гоппе [12, 13], но также одного из самых значимых представителей чешского позитивизма Франтишека Крейчи [14].

половины XIX в. на позитивистскую и идеалистическую¹. Такое деление можно оценивать не только как объективное описание истории, но также как подход в соответствии с традицией чешской философии. Как уже было указано выше, Попелова в книге «Распад классической философии» использует немного другую терминологию. Она пишет о времени противостояния сциентизма и иррационалистической антропологии, или иррационального антропологизма.

Попелова использует выражение «иррационалистическая антропология» в качестве «зонтичного термина», чтобы определить разные иррационалистические тенденции и идеалистические философские подходы. В основном она пишет о двух видах иррационализма – субстанциональном, или онтологическом, и когнитивном, или гносеологическом. Субстанциональный иррационализм полагает, что действительность имеет иррациональное начало, как, например, в случае концепции Шопенгауэра и его термина «воля». С другой стороны, когнитивный иррационализм подчеркивает значение иррациональных средств познания [16. S. 170]. Одним из таких средств можно считать искусство и художественную деятельность. Достоевский являет собой именно такой пример когнитивного иррационализма, хотя, как замечает Попелова, оба вида друг друга дополняют. С этим, конечно, связан вопрос, какое отношение и разница между искусством и философией². Исследователь Яна Сошкова в данном контексте пишет, что Попелова воспринимала искусство как «способ интериоризации системы ценностей, предъявляемой произведением искусства» [17. S. 30]. Попелова же отвечает, что философия является изучением действительности посредством философских категорий и рациональной аргументации. Искусство является одним из средств иррационализма, но оно не только изображает действительность, но также является рефлексией переживания этой действительности. А именно в этой рефлексии сказывается личная философия автора, как это было и в случае Ф.М. Достоевского [16. S. 218].

Марксистский подход Попеловой

Попелова смотрит на Достоевского как на «пророка русской революции» [Ibid. S. 219]. Такое стереотипное представление о Достоевском утвердилось в чешской культуре еще в межвоенный период [18. S. 63 и 66]. Дело не только в том, что известная книга Дмитрия Мережковского появилась в чешском переводе в 1923 г. [19]. Корни такой оценки берут свое начало еще в подходе Т.Г. Масарика, который в произведении «Россия и Европа» обращался к Достоевскому для того, чтобы понять и объяснить особенности русского общества и культуры [18. S. 30–51]. Однако то, как Попелова оценивает Достоевского, можно рассматривать не только как культурный и идеологический стереотип, но также как результат ее методологии, которую можно назвать марксистской. Современный чешский литературовед Роман Канда выделяет семь друг с другом связанных принципов, характерных для дискурса марксизма: тотальность, диалектика, базис и надстройка, материализм и историзм,

¹ На том же делении основана ее книга о чешской философии конца XIX – первой половины XX в. [15].

² Попелова еще до начала научной деятельности писала пьесы и стихотворения, а ее мужем был скульптор Карел Отагал [9. S. 12–13].

соотношение субъективного и объективного, истинность и необходимость, революционность [20]¹. По предварительным наблюдениям, на основе Кандой выделенных принципов подход Попеловой можно считать марксистским, но он не является догматическим. Попелова, например, не объясняет развитие культуры базисом как экономическими условиями, хотя основные марксистские понятия «базис» и «надстройка» в ее тексте имплицитно присутствуют. Базис для Попеловой представляется как совокупность не экономических, а прежде всего общественных и гносеологических условий [16. S. 15], поэтому для ее подхода характерна попытка историзировать описываемые явления. Анализ гносеологических предпосылок изучаемых явлений приближает подход Попеловой к структурализму. В этой связи для нее важно рассматривать развитие философского мышления в отношении к предыдущим идеям и приемам. Сама автор добавляет, что она пытается объединить в своем подходе диалектику, структурализм и герменевтику [16. S. 17–18]. О том, что этот подход не является догматическим говорит ее критика марксистской интерпретации иррационалистической антропологии [Ibid. S. 155–156].

Достоевский как философ-иррационалист

В случае с Достоевским это значит, что Попелова замечает значение общественного контекста для интерпретации его романов, но для нее остается важным анализ отдельных произведений, а в них – появившихся мотивов и мыслей, ставших предметом обсуждений в работах последующих поколений философов. Попелова приводит несколько взаимосвязанных мотивов философии Достоевского, на основании которых его можно считать иррационалистическим антропологом и одновременно предшественником экзистенциализма.

Во-первых, Достоевский изображает человека как сложное и постоянно развивающееся целое. Несмотря на то, что Достоевский, как и классические реалисты, создает своих персонажей на основе какого-то модельного ядра, его персонажи не монотематичны. По мнению Попеловой, это результат того, что суть данного модельного ядра состоит в соотношении противоречий [Ibid. S. 220].

Во-вторых, персонажи Достоевского переживают «тоску» и «скуку» как особо русское восприятие темпорально-пространственных отношений. Персонажи боятся не смерти, а бесконечного и бесцельного продолжения жизни [Ibid. S. 221].

В-третьих, страх, считается, возникает из натурализма и науки, в оптике которых действительность становится прозрачной, в результате чего жизнь оказывается предсказуемой и возникает чувство тоски и скуки [Ibid. S. 221–222]. В этой связи важно суждение Попеловой о том, что истина в философии является истиной философской системы, поэтому она является в какой-то степени независимой от мира человеческих действий. И именно этот конфликт занимает центральное место в мировоззрении Достоевского [Ibid. S. 229–230].

В-четвертых, особое понятие гуманности, заключающее в себе противоречие. Несмотря на мерзость некоторых персонажей, они все время остаются людьми [Ibid. S. 223].

¹ Подробнее о некоторых аспектах современной дискуссии не только в чешских гуманитарных науках о марксизме см. [21].

На основании указанных мотивов Попелова сравнивает Достоевского с другими представителями иррационализма. Это прежде всего Шопенгауэр, Ницше и Кьеркегор. Как и в случае других иррационалистических антропологов, истоки этих мотивов она видит в романтизме, а также в разочаровании в идее общественного прогресса, основанного на принципах рационализма и науки. Вследствие этого разочарования появляется интерес к человеческой личности, попытка определить противоречивость времени, а также сознание мнимого или иллюзорного характера действительности. С другой стороны, Достоевский отличается от Шопенгауэра, Ницше и Кьеркегора отсутствием противостояния человека-индивида и коллектива, а также постоянным поиском выхода из абсурдности мира и действительности [16. S. 232].

Для обсуждения творчества Достоевского философами последующих поколений Попелова считает ключевым крылатое выражение Достоевского «если нет Бога, то все позволено». Попелова пишет, что религиозные философы-протестанты (Эдуард Турнейсен, Йосеф Лукл Громадка), католики (Анри де Любак) и православные (Бердяев и Лосский) воспринимают Достоевского как автора мысли о том, что жизнь без Бога не имеет смысла, а жизнь без смысла уже не является жизнью, а страданием, поэтому Бог существует [Ibid. S. 224]. Религиозным философам Попелова противопоставляет двух авторов – Альберта Камю и Льва Шестова. Пример Камю показывает, что существование Бога является не единственным выводом из первоначальной мысли Достоевского. Силлогизм Камю другой: «Мир абсурден, абсурдный мир – мир без Бога, поэтому и Бога нет» [Ibid.]. Поэтому даже самоубийство становится одним из возможных выходов из этой ситуации, как показывает решение Кириллова из «Бесов», но это не безнадёжный поступок, а наоборот – «педагогический» поступок и попытка показать, что люди на самом деле свободны [Ibid. S. 225]. В случае подхода Шестова Попелова подчеркивает мотив раскола между идеалом и равнодушием к его осуществлению в мышлении Достоевского [Ibid. S. 228]. Таким образом, творчество Достоевского в книге Попеловой является пространством для постоянного переосмысления, результаты которого могут оказаться противоположными. То, что их объединяет, – это их интерес к человеческой личности и положению человека в мире.

Заключение

В заключение можно сказать, что книга Попеловой «Распад классической философии» является примером преодоления теоретико-методологических, а также идеологически-оценочных штампов догматического марксизма. Это проявляется также в подходе Попеловой к творчеству и философии Достоевского. Достоевский, по ее мнению, занимался конфликтом между абстрактными философскими и научными системами и сферой человеческих действий. Хотя интерес к этому конфликту был для философов-иррационалистов характерен, ни Достоевский, ни другие иррационалисты не были этой основной общественно-гносеологической предпосылкой детерминированы. Интерес Достоевского к этому конфликту также связан с его подходом к моделированию своих персонажей, которое происходит именно как столкновение противоречий. По этой причине романы и личная философия Достоевского открыты для противоположных изложений.

Литература

1. *Martinovský M.* Jiřina Popelová-Otáhalová 100. výročí narození // Akademický bulletin. 2004. № 5. URL: <http://abicko.avcr.cz/archiv/2004/5/obsah/jirina-popelova-otahalova-100-vyroci-narozeni.html> (accessed: 09. 04. 2021).
2. *Urbásek P.* Rektori Univerzity Palackého v Olomouci. Jiřina Otáhalová-Popelová – rektorka filozofka // Žurnál UP. 2005. № 5. S. 6.
3. *Foglarová E.* Jiřina Popelová // Foglarová, E. (red.). Filozofka Jiřina Popelová: Sborník ke 100. výročí narození a 20. výročí úmrtí významné české filosofky. Praha : Univerzita Karlova v Praze, Filozofická fakulta, 2005. S. 5–6.
4. *Gabriel J.* Jiřina Popelová // Slovník českých filosofů. URL: <https://www.phil.muni.cz/fil/scf/komplet/popel.html> (accessed: 09. 04. 2021).
5. *Zouhar J.* Tři setkání s Jiřinou Popelovou // Studia philosophica. 2018. Vol. 65, № 1–2. S. 29–35.
6. *Pauza M.* Úvodní studie // Jirásková O. (ed.). Soupis příspěvků v českých filozofických časopisech 20. století. 2. díl: Ruch filozofický (1921–1942). Filosofie (1927–1928). Praha : Filosofia, 2008. S. IX–XIX.
7. *Pelikán F.* Vláda demokracie ve filosofii (K našemu programu) // Ruch filozofický. 1920–1921. № 1. S. 1–5.
8. *Popelová J.* Filosofie na scéně // Ruch filozofický. 1925. № 5. S. 238–242.
9. *Foglarová E.* „Zelená světýlka“ Jiřiny Popelové // Foglarová E. (red.). Filozofka Jiřina Popelová: Sborník ke 100. výročí narození a 20. výročí úmrtí významné české filosofky. Praha : Univerzita Karlova v Praze, Filozofická fakulta, 2005. S. 12–19.
10. *Sobotka M.* O filozofickém díle Jiřiny Popelové // Acta Universitatis Carolinae. Philosophica et historica. 1964. № 1. S. 5–12.
11. *Zouhar J.* Léta šedesátá a česká filozofie // Plašienková, Z. – Szotek, B. – Toman, M. (eds.). Filozofia a slovenské myšlienkové dedičstvo: Osobnosti, problémy, inšpirácie. I. diel. Bratislava : Iris, 2008. S. 63–74.
12. *Popelová J.* Skepse a gnose v díle K. Vorovsky // Ruch filozofický. 1929. № 8. S. 281–285.
13. *Popelová J.* Za prof. Vladimírem Hoppem // Ruch filozofický. 1931–1932. № 9. S. 99–104.
14. *Popelová J.* Filosof František Krejčí. Praha : Národní práce, 1942. 44 s.
15. *Popelová J.* Studie o současné české filosofie. Praha : Jos. R. Vilímek, 1946. 40 s.
16. *Popelová J.* Rozpad klasické filosofie. Vznik soudobého filozofického schismatu. Praha : Svoboda, 1968. 284 s.
17. *Sošková J.* Estetika a etika v horizonte axiologického myslenia Jiřiny Popelovej // Foglarová, E. (red.). Filozofka Jiřina Popelová: Sborník ke 100. výročí narození a 20. výročí úmrtí významné české filosofky. Praha : Univerzita Karlova v Praze, Filozofická fakulta, 2005. S. 26–32.
18. *Kautman F.* Boje o Dostojevského. Brno: Svět sovětů, 1966. 152 s.
19. *Merežkovskij D.S.* Duše Dostojevského, proroka ruské revoluce. Praha: Rudolf Škeřík, 1923. 153 s.
20. *Kanda R.* Po czym poznać marksizm? // Studia Litteraria Universitatis Iagellonicae Cracoviensis. 2020. Vol. 15, № 2. S. 123–138.
21. *Andělová K.* Jak mluvit o marxismu v humanitních vědách? // Česká literatura. 2020. Vol. 68, № 3. S. 365–370.

Jakub Kapičiak, University of Hradec Králové (Hradec Králové, Czech Republic).

E-mail: jakub.kapiciak@uhk.cz

Vestník Tomského gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya – Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science. 2021. 63. pp. 268–274.

DOI: 10.17223/1998863X/63/26

DOSTOEVSKY IN JIŘINA POPELOVÁ-OTÁHALOVÁ'S HISTORY OF PHILOSOPHY

Keywords: Czech philosophy; Dostoevsky; irrationalism; Marxism; Popelová-Otáhalová

The article introduces a Czech philosopher Jiřina Popelová-Otáhalová as a historian of European philosophy. The focus is on her book *Rozpad klasické filozofie* (1968). In the book, Popelová describes the history of the European philosophy of the second half of the 19th century as a co-existence of two tendencies. On the one hand, there is scientism. On the other one, there is irrationalism, or, as Popelová calls it, the irrationalistic anthropology. Popelová considers Dostoevsky to be one of the most important irrationalistic anthropologists and compares him with Schopenhauer, Nietzsche, and Kierke-

gaard. Dostoevsky represents what Popelová calls cognitive irrationalism. Cognitive irrationalism tries to grasp the world and reality by the means of art. However, cognitive irrationalism is complementary to substantial irrationalism, which uses rational argumentation to prove the irrational nature of the world and reality. Popelová's approach can be considered as Marxist, but not the dogmatic one. For example, she implicitly uses the main Marxist terminological opposition between base and superstructure. Nevertheless, base is understood more broadly as social and epistemological conditions, in which the philosophical thought develops. She then grasps Dostoevsky as the "prophet of Russian revolution"; however, she does not reduce the meaning of his novels into a symptom of the Russian social and economic situation of the 19th century. She underlines the importance of reading Dostoevsky's novels as self-sufficient structures. Doing so, Popelová comes to a result that characters of Dostoevsky's novels are based on a model that requires connecting contradictory poles. For that reason, Dostoevsky is popular among later generations of both religious and non-religious philosophers, who can interpret Dostoevsky in the light of their own theories.

References

1. Martinovský, M. (2004) Jiřina Popelová-Otáhalová 100. výročí narození. *Akademický bulletin*. 5. [Online] Available from: <http://abicko.avcr.cz/archiv/2004/5/obsah/jirina-popelova-otahalova-100.-vyroci-narozeni.html> (Accessed: 9th April 2021).
2. Urbásek, P. (2005) Rektori Univerzity Palackého v Olomouci. Jiřina Otáhalová-Popelová – rektorka filozofka. *Žurnál UP*. 5. pp. 6.
3. Foglarová, E. (2005) Jiřina Popelová. In: Foglarová, E. (ed.) *Filosofka Jiřina Popelová: Sborník ke 100. výročí narození a 20. výročí úmrtí významné české filosofky*. Prague: Univerzita Karlova v Praze, Filozofická fakulta. pp. 5–6.
4. Gabriel, J. (n.d.) Jiřina Popelová. In: *Slovník českých filosofů*. [Online] Available from: <https://www.phil.muni.cz/fil/scf/komplet/popel.html> (Accessed: 9th April 2021).
5. Zouhar, J. (2018) Tři setkání s Jiřinou Popelovou. *Studia philosophica*. 65(1–2). pp. 29–35.
6. Pauza, M. (2008) Úvodní studie. In: Jirásková, O. (ed.) *Soupis příspěvků v českých filosofických časopisech 20. století. 2. díl: Ruch filosofický (1921–1942). Filosofie (1927–1928)*. Prague: Filosofia. pp. IX–XIX.
7. Pelikán, F. (1921) Vláda demokracie ve filosofii (K našemu programu). *Ruch filosofický. 1920–1921*. 1. pp. 1–5.
8. Popelová, J. (1925) Filosofie na scéně. *Ruch filosofický*. 5. pp. 238–242.
9. Foglarová, E. (2005) "Zelená světlýlka" Jiřiny Popelové. In: Foglarová, E. (ed.) *Filosofka Jiřina Popelová: Sborník ke 100. výročí narození a 20. výročí úmrtí významné české filosofky*. Prague: Univerzita Karlova v Praze, Filozofická fakulta. pp. 12–19.
10. Sobotka, M. (1964) O filosofickém díle Jiřiny Popelové. *Acta Universitatis Carolinae. Philosophica et historica*. 1. pp. 5–12.
11. Zouhar, J. (2008) Léta šedesátá a česká filozofie. In: Plašienková, Z., Szotek, B. & Toman, M. (eds) *Filozofia a slovanské myšlenkové dědictví: Osobnosti, problémy, inspirácie. I. díl*. Bratislava: Iris. pp. 63–74.
12. Popelová, J. (1929) Skepse a gnose v díle K. Vorovsky. *Ruch filosofický*. 8. pp. 281–285.
13. Popelová, J. (1931–1932) Za prof. Vladimírem Hoppem. *Ruch filosofický*. 9. pp. 99–104.
14. Popelová, J. (1942) *Filosof František Krejčí*. Prague: Národní práce.
15. Popelová, J. (1946) *Studie o současné české filosofie*. Prague: Jos. R. Vilíme.
16. Popelová, J. (1968) *Rozpad klasické filosofie. Vznik soudobého filosofického schismatu*. Prague: Svoboda.
17. Sošková, J. (2005) Estetika a etika v horizontu axiologického myšlení Jiřiny Popelové. In: Foglarová, E. (ed.) *Filosofka Jiřina Popelová: Sborník ke 100. výročí narození a 20. výročí úmrtí významné české filosofky*. Prague: Univerzita Karlova v Praze, Filozofická fakulta. pp. 26–32.
18. Kautman, F. (1966) *Boje o Dostojevského*. Brno: Svět sovětů.
19. Merežkovskij, D. (1923) *S. Duše Dostojevského, proroka ruské revoluce*. Prague: Rudolf Škeřík.
20. Kanda, R. (2020) Po czym poznać marksizm? *Studia Litteraria Universitatis Iagellonicae Cracoviensis*. 15(2). pp. 123–138.
21. Andělová, K. (2020) Jak mluvit o marxismu v humanitních vědách? *Česká literatura*. 68(3). pp. 365–370.

УДК 177

DOI: 10.17223/1998863X/63/27

А.В. Карабыков

ГЕНЕАЛОГИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЯ: УТИЛИТАРИЗМ, ИСТОРИОСОФИЯ И КАТАРСИС (ВЕРСИЯ ДОСТОЕВСКОГО)

Работа выполнена при поддержке Российского фонда фундаментальных исследований (РФФИ), проект № 20-011-00622 «Философия как действие: прагматика текстового поведения».

Цель статьи – пересмотреть шаблонную трактовку идейной подоплеки преступления, вокруг которого разворачивается сюжет романа Ф.М. Достоевского «Преступление и наказание», и дать более глубокое и верное ее прочтение. В согласии с ним, прямым мотивом к убийству старухи-процентщицы и ее сестры послужила не теория Раскольникова, изложенная им в его статье и позже, в ходе первой беседы со следователем, а широко распространенные в то время «передовые» убеждения, главным рупором которых в романе служит Лужин.

Ключевые слова: социальная этика, социал-дарвинизм, неравенство, христианство

«Тварь ли я дрожащая или право имею...» – этот роковой вопрос, ставший мемом русской культуры, мы выносим из школьной премудрости, чтобы уже не забыть никогда. И странно, что запоминается именно эта альтернатива, греховную нелепость которой призван явить великий роман Достоевского. Нам кажется, что в ней содержится суть теории, желая применить которую – чтобы проверить себя по ней – Родион Раскольников, главный герой романа, совершил тихое убийство, прогремевшее на весь мир. Но если мы решим перечитать «Преступление и наказание» (1865), то не без удивления узнаем, что впервые Раскольников мотивирует свое злодеяние, совершенно еще анонимное, ссылкой на совсем другие, чужие идеи. Это случается, когда о его теории, намек на которую дан был в его статье «О преступлении» (она вышла за два месяца до описываемых событий в одной из петербургских газет), нам еще почти ничего неизвестно. Идеи эти излагает Пётр Петрович Лужин, несостоявшийся зять Раскольникова, во время единственного визита к нему. Когда разговор с мировоззренческих тем вернулся к новости дня, убийству, и Лужин выразил недоумение о причинах роста преступности даже и «в высших классах», Раскольников, до тех пор предпочитавший хранить молчание, вдруг заявил:

– По вашей же вышло теории!

– Как так по моей теории?

– А доведите до последствий, что вы давеча проповедовали, и выйдет, что людей можно резать...

– Помилуйте! – вскричал Лужин [VI. С. 118]¹. И затем прибавил, что «экономическая идея еще не есть приглашение к убийству» [Там же].

Так по чьей же теории «вышло» убийство старухи-процентщицы и ее сестры? По одной из них или сразу обеим? Какого рода причинность сопря-

¹ Здесь и далее ссылки на произведения Ф.М. Достоевского даются по Полному собранию сочинений в тридцати томах (Л.: Наука, 1972–1990). В скобках указываются номер тома и страница.

гает каждую с преступлением Раскольникова? Верно ли то, что приходит на ум при первом приближении к проблеме, – именно то, что теория Родиона Романовича заключала в себе прямой и действительный мотив, а теория Петра Петровича – только формальный и / или случайный? И вообще, разные ли это теории или одна служит только парафразой другой? Наконец, если обе они губительны, какое противоядие для каждой предлагает автор? Чтобы разобраться в этих вопросах, я последовательно рассмотрю обе теории, а затем изучу диалектическую связь между ними, прослеживаемую в романе и других произведениях Достоевского. В завершение я обсужу рецепт панацеи, который выписывает мыслитель современному ему (и нашему?) обществу, пребывавшему в этих и прочих духовных недугах.

Теория лужиных

Имя собственное здесь уместней заменить нарицательным, так как, в отличие от Раскольникова, Лужин не претендует на авторство и тем паче оригинальность своей теории. Напротив, он горд от того, что исповедует самые передовые воззрения, если не ставшие пока, то обещающие вскоре стать нормативными. Лужины, имя коим легион – легион, набербованный из городской полу- или просто интеллигенции, малолюбимой писателем, – это, в первую очередь, выразители духа времени, пловцы по мейнстриму... Впервые о кредо Петра Петровича мы узнаем из письма Пульхерии Раскольниковой, где она так представляет сыну жениха Дунечки: «В первый же свой визит он объявил нам, что он человек положительный, но во многом разделяет, как он сам выразился, „убеждения новейших поколений наших“ и враг всех предрассудков» [VI. С. 31]. По сути, здесь сказано все, так что когда во время злощастной встречи в каморке Раскольникова Лужин излагает свои взгляды более обстоятельно, он только уточняет эту самохарактеристику. Самым знаменательным в ней является «но», противопоставляющее его «положительность», т.е. соответствие принятым в обществе правилам нравственности, и прогрессивность его руководящих воззрений.

Эти вещи действительно были в конфликте: христианская мораль, размывание метафизических основ которой превращало ее все больше в условность, от коей еще неприлично отказываться публично, и передовые идеи, с позиций которых эти основы, как все трансцендентное, – «предрассудки», мешающие общественному прогрессу. Мы знаем, что Ницше (1844–1900), ставивший Достоевского едва ли не выше всех современных авторов, хотел разрешить этот конфликт, пересмотрев с позиций натурализма «устаревшую» нравственность. В свою очередь Достоевский стремился к его снятию через разоблачение «передовых» убеждений и укрепление традиционной этики. О том, что это за убеждения, говорит Пётр Петрович, противопоставляя их центральной христианской заповеди: «Наука же говорит: возлюби, прежде всех, одного себя, ибо все на свете на личном интересе основано. Возлюбишь одного себя, то и дела свои обделаешь как следует, и кафтан твой останется цел. Экономическая же правда прибавляет, что чем более в обществе устроенных частных дел и, так сказать, целых кафтанов, тем более для него твердых оснований и тем более устраивается в нем и общее дело. Стало быть, приобретая единственно и исключительно себе, я именно тем самым приобретаю как бы и всем и веду к тому, чтобы ближний получил несколько более

рваного кафтана и уже не от частных, единичных щедрот, а вследствие всеобщего преуспевания» [VI. С. 116]. «Рационально» выверенный эгоизм и атомизация общества, чья «безвозвратная отрезанность от прошедшего», столь чтимая Петром Петровичем, должна привести к разрыву всех духовных связей между людьми, наученными не любить, а использовать друг друга, – вот квинтэссенция лужинской теории [VI. С. 115]. И если сегодня кто-то решит, что, нет, не могли сколько-нибудь разумные люди видеть в этой теории самый надежный путь к достижению всеобщей гармонии, пусть вспомнит, к примеру, Герберта Спенсера (1820–1903), олицетворявшего мудрость викторианской эпохи. Спенсер учил, что каждому следует печься о собственном преуспевании, о всех прочих же позаботится эволюция, направляющая мир ко все большему благоденствию. Когда-нибудь его слаженность станет такой, что в нем просто не останется места злу: все существа либо идеально приспособятся к реальности, либо исчезнут. Так что, заботясь о себе, ты способствуешь эволюции, ибо становишься более адаптированным, а заботясь о «неудачниках», ты искусственно поддерживаешь неприспособленное, а значит, препятствуешь ей [I. С. 61–68; см. также: VI. С. 14, 288–289].

Теория Раскольникова

Искажаясь и варьируясь, эхо этой теории неоднократно звучит в романе. Сам Раскольников видоизменяет ее по ходу развития событий. В силу этого ее рассмотрение я начну с версии, которую назову *канонической*. Лапидарно намеченная в его статье, она предшествовала второй – *модифицированной*. В детали канонической версии Раскольников входит при первой встрече со следователем, чтобы не допустить ее превратной трактовки. Напомню, что, по этой теории, все люди делятся на два типа: обыкновенные и «высшие», для которых, как выразился Порфирий Петрович, «будто бы и закон не писан» [VI. С. 199]. Спеша оградить этот пункт нужными оговорками, Родион Романович уточняет: «Я просто-запросто намекнул, что „необыкновенный“ человек имеет право... т.е. не официальное право, а сам имеет право разрешить своей совести перешагнуть... через иные препятствия, и единственно в том только случае, если исполнение его идеи (иногда спасительной, может быть, для всего человечества) того потребует» [Там же]. Мы видим здесь, что отличительной чертой «высших» служит осмысленность их жизни, подчиненность ее некой сверхличной идее. Это не «белокурые бестии» Ницше, у которых инстинкты довлеют над совестью и рассудком. Но о том, какой может быть эта идея, Раскольников говорит крайне скупое. Можно решить, что она непременно полезна для общества. Однако это не так. В канонической версии его размышления о ней вращаются не вокруг *полезнаго*, а вокруг *нового*. Мы убеждаемся в этом уже на первых страницах романа (ср.: «Любопытно, чего люди больше всего боятся? Нового шага, нового собственного слова они всего больше боятся...» [VI. С. 6]), и в этой беседе со следователем Раскольников укрепляет нас в этой мысли, неоднократно характеризуя «высших» как «имеющих дар или талант сказать в среде своей *новое слово*» [VI. С. 200]. Герой настаивает на сущностно-объективном, а не оценочно-субъективном свойстве антропологической иерархии, утверждая, что для общей экономии мироздания равно необходимы оба типа, каждый из которых не мог бы существовать без другого: «Первый разряд всегда – господин

настоящего, второй разряд – господин будущего. Первые сохраняют мир и приумножают его численно; вторые двигают мир и ведут его к цели. И те и другие имеют совершенно одинаковое право существовать» [VI. С. 200–201]. Судя по эсхатологическому контексту этой фразы, под целью здесь имеется в виду не что иное, как завершение истории. Удивительно, что, колеблясь в отношении загробной жизни и самой экзистенции Бога и отрицая их в других ситуациях, Раскольников явно нелживо, с почти торжественной твердостью исповедует здесь веру в эсхатон, бессмертие души и телесное воскресение.

Из этого видно, что, в отличие от Лужина, он не находит свою теорию антихристианской. На его взгляд, она никого не дискриминирует: «все равно-сильное право имеют», а перманентное противостояние между типами происходит из их обоюдной опасности друг для друга, которая побуждает обе стороны защищать свое существование, в том числе через сопротивление противоположной. Если «высшие» в известных случаях могут «разрешать своей совести» право на насилие, то «низшие» пользуются этим правом без внутреннего конфликта – через отправление ими учрежденного правосудия, казня преступников или ссылая их на каторгу. В норме их насилие, делегируемое государству, вершится в интересах большинства, как оно понимает их в данное время. Вообще говоря, неизбежное зло, сопровождающее этот конфликт, Раскольников мыслит наподобие физической боли, как нечто естественное для падшего мира, и выводит свою теорию из плоскости должностования: так было, так есть и будет – «до Нового Иерусалима, разумеется!» [VI. С. 201, 203]. Я ничего не предписываю, а лишь констатирую, – как будто хочет донести он до своих оппонентов: следователя и спутников, – знакомя их со своей теорией. В ней оставалась еще неясность, за которую не преминул ухватиться цепкий ум Порфирия Петровича: если дело касается судеб людей и общественного порядка, надо бы знать критерии, по которым человеческий род разделяется на два типа. В противном случае неустранимы частые ошибки самоидентификации: пусть оба вида суверенны и значимы, но субъективно все же лестнее причислять себя к «высшим». Не сменится ли относительный социальный порядок «законами джунглей», если его воззрения получают признание? [VI. С. 201–203]. Раскольников отвечает тезисом о наличии естественной регуляции, отсекающей мнимо-высших: встающие не на свой путь вскоре отрекаются от него из-за его непредвиденной тяжести и «никогда далеко не шагают» [VI. С. 202].

Таким образом, взятая в канонической форме, теория Раскольникова имеет преимущественно историософский, не лишенный романтизма характер, хотя и разворачивается как комментарий к финальным строкам его статьи по криминальной психологии. Сама по себе эта теория не содержит в себе ничего аморального, бунтарского или богоборческого, как, например, мысли Ивана Карамазова о мировом зле. Она в чем-то близка к историософским взглядам Т. Карлейля (1795–1881) и П.Я. Чаадаева (1794–1856), изложенным в двух предпоследних «Философических письмах»¹. Впервые изданные за

¹ Ср. суждение Чаадаева о Моисее: «...Человек, бывший столь выдающимся орудием в руках провидения, поверенным всех его тайн, мог действовать только подобно провидению, подобно природе; что время и поколения людей не могли иметь для него никакой ценности; что миссия его заключалась не в том, чтобы проявить образец справедливости и нравственного совершенства, а в том, чтобы внедрить в человеческий разум величайшую идею, которую разум этот не мог произвести сам» [2. С. 424].

границей в 1862 г., эти «Письма» могли быть доступны Достоевскому во время его европейских поездок. Сверх того, эти воззрения Раскольникова разделял сам писатель. В статьях и черновых заметках он не раз озвучивал их с той же прямоотой и отчетливостью, как и его герой. За недостатком места ограничусь дневниковой записью последнего года жизни: «Когда же это государство создаваясь говорило: я создаюсь для середины. (...) Нет, всегда вели избранные. (...) И тотчас после этих мужей середина, действительно, это правда, формулировала на идеях высших людей свой срединненький кодекс. Но приходил опять великий или оригинальный человек и всегда потрясал кодекс» [З. С. 676]¹.

Диалектика перехода

Если Достоевский не имел по существу ничего против исходной версии теории Раскольникова, почему в конце романа он характеризует убеждения героя как «глубокую ложь» [VI. С. 418]? Самый простой ответ, который я усложню далее, сводится к следующему: ложные убеждения, непосредственно обусловившие убийство, не являются частью этой теории. Они скорее добавляются к ней паразитарным образом, задавая способ обращения с нею. Допустим, что в этой теории действительно уловлены социально-исторические законы, и в этом смысле она истинна. Но даже в таком случае эти законы не относятся к числу подлежащих экспериментальной проверке — они лишь *усматриваются и угадываются*. Не случайно Раскольников в определенный момент производит впечатление тайнозрителя, охваченного мистическим трепетом, когда говорит о них скептически настроенным собеседникам. Эти законы не могут умышленно применяться людьми, поскольку относятся к таинственно-провиденциальной сфере. На их фундаменте нельзя построить никакой идеологии без коренного извращения и подлога. Задумав применить их на практике по собственному почину, Раскольников извращает свою теорию и потому с необходимостью проваливает опыт. Желая выяснить свой тип в соответствии с нею, он проверяет лишь свою способность совершить зло и вынести его последствия, заглушив голос совести. «Я хотел Наполеоном сделаться, оттого и убил», — говорит он Соне, мало веря в это сам, ибо тут же прибегает к совершенно иным объяснениям случившегося [VI. С. 318]. Действительно, по его теории, Наполеонами скорее рождаются, чем становятся, когда присущий кому-то «дар или талант» пробуждается в силу благоприятных исторических обстоятельств. Впрочем, сам он понимает вымученность своего замысла, заявляя Соне под очистительным влиянием ее святости: «И неужель ты думаешь, что я не знал, например, хоть того, что если уж начал я себя спрашивать и допрашивать: имею ль я право власть иметь? — то, стало быть, не имею права власть иметь» [VI. С. 321]. Сверх того, ложен и способ этой бессмысленной самопроверки. Насилие, которое могут совершать «высшие» во имя победы в мире новой идеи, вовсе не является неизменным или существенным аспектом их деятельности, что признает

¹ Ср. в «Дневнике писателя» за 1877 г.: «И что же, на самом-то деле эти массы кричащих людей предназначены послужить собою лишь косным средством для того, чтоб разве единицы лишь из них приблизились сколько-нибудь к истине или по крайней мере получили бы о ней хоть предчувствие. Вот эти-то единицы и ведут потом всех за собою, овладевают движением, родят идею и оставляют ее в наследство этим мечущимся массам людей» [XXV. С. 95; см. также: XXIV. С. 47].

сам герой. Однако он гипостазировывает момент насилия, трансгрессии, делая его самоценным и потому не нуждающимся в оправдании контекстом всей миссии и ее исполнения. По этой причине его деяние стало не исполнением закона (номоса), предположительно направляющего ход жизни, а его нарушением (аномалией), эту жизнь отрицающим, что опять же признает он в борьбе-исповеди у Сони. «Лучше... предположи, что я самолюбив, завистлив, зол, мерзок, мстителен, ну... и, пожалуй, еще наклонен к сумасшествию», – предлагает он новое объяснение, и оно ближе к истине, чем предыдущее, с Наполеоном [VI. С. 320]. Итак, если с ним действительно случился «промах» или «глупость», как он позже называл свое крушение: муки совести и явку с повинной, то «промах» этот состоял не в том, что он взялся за дело не своего масштаба, а в том (помимо убийства как такового), что он своей уродливо-нелепой проверкой извратил и дискредитировал теорию, сделав из нее в корне ложные выводы.

Почему так произошло? В этом, возможно, самом мистическом из своих больших романов, Достоевский формулирует предельный ответ в терминах наваждения и искушения. «От Бога вы отошли, и вас Бог поразил, дьяволу предал!..», – ставит диагноз Соня, и Раскольников соглашается с ней [VI. С. 321]. Это дьявольское наваждение поражает рассудок героя, а после убийства весь строй его души, заменяя естественную любовь к людям страшным, сатанинским отчуждением от них, граничащим с чистой ненавистью (ср.: «Ему показалось, что он как будто ножницами отрезал себя сам от всех и всего в эту минуту» [VI. С. 90]). До самого конца романа разум его так и остался помраченным: он борется на стороне темных сил против глубин души Раскольникова, где, несмотря ни на что, сохраняется живая связь с бытием, рождающая в герое мучительную жажду жизни и любви. И этот угнетенный разум задним числом перевирает всю теорию, из-за чего мы больше не встречаем ее в канонической форме. Тогда, во время первой беседы со следователем, Раскольников излагал ее без всякой нужды в оправдании. Теперь он прибегает к ней как раз для этого, ища обоснование убийству, которое в итоге «вышло совсем не так, а как-то нечаянно, даже почти неожиданно» [VI. С. 59]. Если не брать в расчет попытку реинтерпретировать теорию в волюнтаристском ключе («Я захотел *осмелиться* и убил... я только осмелиться захотел, Соня, вот вся причина!» [VI. С. 321]), мы видим всюду лишь одну ее модификацию. Ее не раз озвучивает сам Раскольников и – с его уст или без связи с ним – другие люди. Этот извод его теории имеет утилитаристский пафос и выступает в роли переходного звена, соединяющего ее каноническую форму с теорией лужиных. В нем на самом деле много сходного с последней: идея человеческой иерархии, в которой чувствуется дух Средневековья, отходит в тень бескачественно-однородной атомарности, в силу которой люди делятся не по устойчивым чинам, а на основе единичных и ситуативных актов, как в смежной с ней волюнтаристской версии. Но главное, что отличает это переходное звено, заключено в замене *нового полезным*. Теперь мы слышим, что убийство было задумано ради банального ограбления. Разумеется, это не так: к великому удивлению судейских, Раскольников не только не воспользовался ничем из похищенного, но даже не узнал, чем именно он завладел. Все в той же беседе с Соней он говорит, что решил присвоить «старухины деньги», чтобы «употребить их... на обеспечение себя в

университете, на первые, шаги после университета, – и сделать все это широко, радикально, так чтоб уж совершенно всю новую карьеру устроить и на новую, независимую дорогу стать...» [VI. С. 319]. Тут же отрехнувшись от этого объяснения, он возвращается к нему чуть позже в исповедальном разговоре с сестрой. Но в этот раз, вне очистительного света святости, он не может выбраться из пут искустельной лжи и рисует куда более радужную картину: «Я сам хотел добра людям и сделал бы сотни, тысячи добрых дел вместо одной этой глупости, даже не глупости, а просто неловкости, так как вся эта мысль была вовсе не так глупа, как теперь она кажется, при неудаче... (...) Эту глупостью я хотел только поставить себя в независимое положение, первый шаг сделать, достичь средств, и там все бы загладилося неизмеримою, сравнительно, пользой...» [VI. С. 400]¹. Ранее с этой версией сестру Раскольникова знакомит Свидригайлов. И то, что сам он прибегает к этой утилитарно-филантропической схеме, чтобы оправдать перед Дуней брата, говорит о том, что такой ход мысли был понятен и приемлем для него (ср.: «А насчет того, что он убил, то он еще наделает много добрых дел, так что все это загладится» [VI. С. 379]). И не только для него одного. Как не раз потом вспоминал Раскольников, в день первой встречи с будущей жертвой, когда, оставив ей заклад, он заглянул в трактир и там впервые посетила его «странная мысль», он вдруг услышал рядом разговор двух молодых людей. И – поразительно! – речь шла о ней же, «гаденькой» процентщице, которая, как узнал герой, завещала все деньги монастырю, обездолив свою младшую сестру. И тут студент, один из собеседников, стал развивать, по замечанию писателя, «самые обыкновенные и самые частые, не раз уже слышанные им (Раскольниковым. – А.К.), в других только формах и на другие темы, молодые... мысли» [VI. С. 55]. Эти идеи составляли суть модифицированной версии, сводящейся к тому, что благая цель способна оправдать любые средства и потому «одно крошечное преступленье [загладится] тысячами добрых дел»; и как может быть иначе, если «за одну жизнь – тысячи жизней, спасенных от гниения и разложения. Одна смерть и сто (жизней. – А.К.) взамен – да ведь тут арифметика!» [VI. С. 54].

Эта сравнительная калькуляция выгод, рожденная из духа капитализма, новоевропейской науки и с ними связанной социальной физики с ее людьми без свойств, подлежащими статистическому учету, фундирует, как помним, и теорию лужиных. В обеих них мы видим культ измеряемой пользы и прогресса, сводящегося к приросту, диктат абстрактного рассудка и обезличивание масс – словом, все то, что образовывало формулу *Zeitgeist*-а, в котором задышался Достоевский и его ключевые герои. Чуждая этому духу, каноническая версия теории Раскольникова переходит в модифицированную версию раскольниковых путем подмен и искажений – они несоизмеримы. Напротив, последняя переходит в теорию лужиных и обратно совершенно естественно – они близкородственны. Только в замыслах детей (Раскольникову 23 года) все начинается с преступления, а у отцов (Лужину 45 лет) все им заканчивается. Ведь чтобы лужинская теорема – сумма индивидуальных преуспеваний равна общественному благоденствию и согласию – была доказуема, необходимо, чтобы личная выгода не возводилась в культ, но уравнивалась волей к

¹ Писатель указывает, что незадолго до описываемых событий Свидригайлов, возможно, сам отравил свою жену, от которой зависел финансово. Если так и было, то и он пытался «загладить» свой грех, когда, овладев ее состоянием, обнаружил склонность к благотворительности.

солидарности, основанной на общих ценностях и идеалах. Ни этой воли, ни духовного ее основания в идеологии лужиных не прослеживается. Сверх того, по Достоевскому, надежной основой этого рода может служить только вера в бессмертие души и воздаяние за гробом [XXIV. С. 48]. Только ей под силу уравнивать животный эгоизм, питаемый в смертных осознанием их конечности. Однако лужины готовы полагаться не на истины Откровения, а лишь на очевидность «арифметики» с ее « $2 \times 2 = 4$ » и «все люди смертны, Сократ – человек, а Иисус не существовал вовсе». Но если так, формула лужиных-спенсеров включает в себе ложь или заблуждение, одинаково удобные для оправдания собственного эгоизма. Нечего тревожиться: в конце концов «невидимая рука» рынка или эволюции направит ко всеобщему благу даже самую безудержную жажду наживы и власти.

Позже, в «Братьях Карамазовых», Достоевский продумает интересующую нас диалектику более основательно. В черновых набросках к роману устами старца Зосимы он даст лужиним свой последний ответ: «И не мечтайте о том, матерьялисты, что взаимная выгода заставит и вас устроиться в порядке, как бы и впрямь в общество. Не может этого и быть, ибо общество ваше потребует жертв от каждого, а распущенное желание не захочет дать жертв. Сильное желание и сильная способность не захочет быть сравнена с ординарной, а так как нравственной связи не будет, кроме взаимной выгоды хлеба, то и... начнете побивать друг друга в вечной вражде и поедите друг друга, кончится тем» [XV. С. 254]. Видя порочность формулы отцов-ультралибералов, но вслед за ними беря в качестве основы материалистическую науку, социалисты-дети были готовы начать путь к земной идиллии со злодеяния, будь то грабеж или красный террор. Нечего тревожиться: главное, после двигаться в соответствии с выверенным планом, не выдавая по примеру отцов желаемого за реальное, к построению «дивного нового мира»... Но даже если он будет построен, разве не будет в нем царствовать над порядком и всеми расчетами ее величество смерть и, в силу ее неизбежности, зависть и жадность, присущие смертным, и наконец идущая вслед за ними ненависть вечной вражды? И как старец Зосима стремится открыть глаза «положительным» лужиним, так Иванов черт спешит просветить молодых радикалов, намеренных «все разрушить и начать с антропофагии»: «Глупцы, меня не спросились! Помоему, и разрушать ничего не надо, а надо всего только разрушить в человечестве идею о Боге, вот с чего надо приняться за дело! (...) Раз человечество отречется поголовно от Бога..., то само собою, без антропофагии, падет все прежнее мировоззрение и, главное, вся прежняя нравственность... Человек возвеличится духом божеской, титанической гордости и явится человеко-бог» [XV. С. 83]. Потом же эти *homines dei* начнут истреблять друг друга в борьбе за безграничное господство над ограниченными ресурсами.

Русская панацея

Можно долго спорить о том, сколь верны были диагноз и прогноз, данные Достоевским современному миру. На мой взгляд, они подтвердились во многом. В европейских странах, где атеизм распространился особенно скоро и прочно – прежде всего в самой России, вопреки душевной вере писателя, – социалисты действительно взялись строить свой новый мир, топя в крови старый, и у них ничего не вышло. Избежавшие этой участи либеральные де-

мократии по мере сгущения в них сумерек пост-христианства рискуют все больше разбиться о Сциллу «горизонтальной» тоталитарности или Харибду доморощенного варварства, по-лужински славящего свою «отрезанность от прошедшего». Впрочем, оставим диагноз и в завершение поговорим о лекарстве. На первый взгляд, его рецепт прост: не отрекаться от Бога, а, отрекшись, возвращаться к Нему. Но, с точки зрения Достоевского, Бог жил в национальном «теле» русского народа, сей самой истинной своей церкви [XXVII. С. 18–19]. Поэтому для мыслителя не существовало большого различия между крестьянскими и христианскими убеждениями [3. С. 400]. В этом смысле он был певцом и апологетом «долгого Средневековья» (Ж. Ле Гофф), которое – на век поздней, чем на Западе, – завершалось тогда в России [4. С. 119–162]. Его восьмидесятимиллионный народ действительно оставался средневековым: сельский, неграмотный, живший традициями старины, православием, смешанным с суевериями. Писатель верил, что, несмотря на пороки и невежество, русский народ пребывал здоровым в своей основе. От него произойдет «спасение Руси» [XIV. С. 285]. И к нему должны возвращаться за исцелением его дети, отпавшие от него в Модерн. Раскольников получил такую фамилию не из-за одной утраты духовной цельности – он еще и раскольник, сектант, обособившийся от целого. Чтобы спастись, избавившись от неверия и нигилизма, он должен переродиться в народной утробе Руси-Церкви¹. Лучше всего суть панацеи, предлагаемой Достоевским, можно выразить в алхимических образах: жизнь народная – это реторта, а любовь и страдание – катализаторы, ускоряющие в ее содержимом процесс очищения. Хотя в «Преступлении и наказании» доминирует страдание, а в «Братьях Карамазовых» любовь, эти главные силы жизни действуют сообща... Но долгое Средневековье закончилось, и реторта разбилась... «Судите наш народ не по тому, что он есть, а по тому, чем желал бы стать. А идеалы его сильны и святы», – настаивал Достоевский [XXII. С. 43]. Допустим, что он был прав, и приложим ту же мерку к современности. Она погрузится в имперско-потребительскую, гедонистическо-монархическую, либерально-коммунистическую муть, где славно чувствуют себя только лужины и свидригайловы, предпочитающие не иметь никаких убеждений, кроме важности наживы и наслаждения. Тогда весь вопрос в следующем: могут ли любовь и страдание исцеляюще действовать вне старой реторты? Да, несомненно, ибо если «назначению русского человека» не довелось стать «всемирным», то творчество русского гения поистине сделалось таковым [XXVI. С. 147]. Не почва, но время очистило его от наносного и предвзятого, сделав его источником катарсиса для тех, кто наделен всечеловеческим даром сопереживания.

Литература

1. Спенсер Г. Политические сочинения: в 5 т. Т. II. Москва; Челябинск: Социум, 2014. 527 с.
2. Чаадаев П.Я. Полное собрание сочинений и избранные письма: в 2 т. М.: Наука, 1991. Т. I. 798 с.

¹ Достоевский так и определяет этот процесс, имеющий прежде всего экзистенциальный, а не просто интеллектуальный характер: «История постепенного обновления человека, история постепенного перерождения его, постепенного перехода из одного мира в другой, знакомства с новою, доселе совершенно неведомою действительностью» [VI. С. 417]. Не случайно поэтому в период суда и начала каторги матери Раскольникова, от которой сокрыли деяние сына, снится, что он уехал по долгу службы на девять месяцев [VI. С. 414].

3. *Неизданный Достоевский: Записные книжки и тетради (1860–1881 гг.)*. М.: Наука, 1971. 728 с.

4. *Ле Гофф Ж.* Стоит ли резать историю на куски? СПб.: Евразия, 2018. 188 с.

Anton V. Karabykov, V.I. Vernadsky Crimean Federal University (Simferopol, Russian Federation).

E-mail: meavox@mail.ru

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya – Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science. 2021. 63. pp. 275–284.

DOI: 10.17223/1998863X/63/27

THE GENEALOGY OF CRIME: UTILITARIANISM, HISTORIOSOPHY, AND CATHARSIS (DOSTOEVSKY'S VERSION)

Keywords: social Darwinism; social ethics; inequality; Christianity

The study is supported by the Russian Foundation for Basic Research, Project No. 20-011-00622.

The article aims to revise the stereotyped interpretation of the ideological background of the crime around which the plot of Dostoevsky's novel *Crime and Punishment* (1865) unfolds and to give a deeper and more accurate reading of it. According to this reading, the direct motive for the murder of the old usurer and her sister was not Raskolnikov's theory, which he set forth in his article "On Crime" and later, during the first conversation with the investigator, but the 'progressive' beliefs widespread at that time. In the novel, the main mouthpiece of these beliefs is Luzhin. His theory was the first to be stated in the novel, and it is with it that Raskolnikov first connects his atrocity. In what relation to each other are the two theories? What kind of causality connects each with the murder? To answer these questions, the author sequentially examines the theories and then reveals the dialectical connection between them, traced in the novel and other works by Dostoevsky. At the end, a recipe for a panacea is discussed, which the writer prescribed to his modern (and our?) society, captivated by false mindsets and beliefs. It is shown that the quintessence of Luzhin's doctrine consisted in justifying selfishness, unlimited competition, and atomization of society, called to abandon traditional Christian ethics in the name of those 'advanced' ideals. As for Raskolnikov's theory, since he modifies it in the course of events, two main versions of it should be distinguished: canonical and modified ones. Unlike Luzhin, Raskolnikov does not find his theory (its canonical version) anti-Christian. In his opinion, it does not discriminate against anyone, and the permanent confrontation between the 'higher' and 'lower' human types comes from their mutual danger for each other. It is proved that this theory has a predominantly historiosophical character, not devoid of romanticism, and that in general it was the theory of Dostoevsky himself. Thus, the real motives for the murder are not directly related to this theory. Rather, they are added to the theory in a parasitic way and set a mode of using it for people cannot deliberately apply the socio-historical 'laws' elucidated in the canonical version since these laws belong to the mysterious-providential realm. No ideology can be built on their foundation without their radical perversion and forgery. Using them for the purpose of self-examination is also false. Violence that the 'higher' may commit in order to introduce and defend a new idea in the world is not at all an indispensable or essential aspect of their mission. Raskolnikov recognizes it himself. However, he hypostases the moment of violence and transgression making it self-sufficient. It is proved that, whereas Raskolnikov set out the canonical theory without any need for his justification, he created the modified version precisely for this purpose, finding a *post factum* justification for the murder. Being alien to the *Zeitgeist*, the canonical version transforms into a modified version by forgery and distortion for they are incommensurable. On the contrary, the latter goes into Luzhin's theory and back naturally since they are closely related.

References

1. Spencer, H. (2014) *Politicheskie sochineniya: v 5 t.* [Political Works: in 5 vols]. Vol. 2. Translated from English. Moscow; Chelyabinsk: Sotsium.
2. Chaadaev, P.Ya. (1991) *Polnoe sobranie sochineniy i izbrannye pis'ma: v 2* [Complete Works and Selected Letters: in 2 vols]. Moscow: Nauka.
3. Zilberstein, I.S. & Rozenblyum, L.M. (eds) (1971) *Neizdannyy Dostoevskiy: Zapisnye knizhki i tetradi (1860–1881 gg.)* [Unpublished Dostoevsky: Notebooks and Notebooks (1860–1881)]. Moscow: Nauka.
4. Le Goff, J. (2018) *Stoit li rezat' istoriyu na kuski?* [Is it worth cutting history to pieces?]. St. Petersburg: Eurasia.

УДК 1(091):821.161.1:17.037
DOI: 10.17223/1998863X/63/28

А.И. Пигалев

ДОСТОЕВСКИЙ И НИЦШЕ О ПРЕОДОЛЕНИИ НИГИЛИЗМА

В статье рассматривается влияние концепции нигилизма Ф. Ницше на отечественную культуру и ее контексты в творчестве Ф.М. Достоевского. Подчеркивается, что европейский нигилизм обозначал закономерно формирующееся состояние общества и культуры. Русский нигилизм, напротив, был субъективной позицией отрицания. Это различие предопределило понимание способа преодоления нигилизма в отечественной философской традиции и у Достоевского.

Ключевые слова: Ф.М. Достоевский, Ф. Ницше, нигилизм, традиция, модерн

Интерес русских мыслителей, богословов и литераторов к европейской философии XIX в. не только хорошо известен, но ее влияние уже обязательно учитывается в теоретических реконструкциях развития отечественной философии и литературы. Ф.М. Достоевский был одним из тех писателей, для кого европейская философия вынужденно стала необходимой предпосылкой его художественного творчества в силу широкого распространения ее идей и концепций в обществе. Парадоксальная зависимость творчества Достоевского от современной ему европейской философии проявляется в присутствии во всем его литературном творчестве неослабевающей полемики с ней. При этом, однако, европейская философия предстает не в форме учений, не в качестве текстов и идей, а в том виде, в каком она вошла в основания мировоззренческих представлений различных общественных групп в условиях тогдашней России.

Разумеется, прежде всего, речь идет о мировоззрении тех людей, которые уже в наши дни стали называться «лидерами общественного мнения». Но сюда относятся также и те, кто, не будучи таковыми, принял принципы европейской философии в качестве руководства к определенным политическим действиям. Поэтому в полемике с бессознательно принимаемыми представлениями одних и политическими программами других, идейные истоки которых также по большей части оставались скрытыми от их сторонников, особое значение для Достоевского имеет изучение последствий включения определенного комплекса философских принципов в отечественную культуру.

При этом нет необходимости доказывать, что современным Достоевскому мыслителем, который, как он считал, прямо или опосредованно оказал на отечественную культуру наибольшее влияние, является Ф. Ницше, сам, впрочем, испытавший влияние Достоевского. Средоточием этого взаимодействия влияний является идея Ницше о «смерти Бога» и приближающемся нигилизме. Соответствующий термин начал активно использоваться в России еще до того, как он определенным образом был истолкован Ницше. Однако смысл и контексты термина «нигилизм» существенно изменились в тогдашней русской культуре под влиянием именно его идей.

Более того, следование этим идеям в качестве руководства к действию неизбежно запускает разрушительные и, в некоторых случаях, даже катастрофические процессы, затрагивающие и человеческую личность, и общество. В качестве первого и весьма характерного для отечественной культуры проявления этих процессов можно указать на феномен «лишнего человека», открытый и описанный как продукт опосредованной и запаздывающей модернизации. «Лишний человек», получивший европейское образование и усвоивший европейские ценности, стал чужим и неприкаянным в том обществе, в котором он вырос и живет и которое сильно отличается от европейского.

При этом, однако, как подмечено в рассказе «Гамлет Щигровского уезда» И.С. Тургенева, который считается первооткрывателем этого нового явления российской действительности, «лишний человек» мучается отнюдь не из-за своей чуждости и никчемности, и даже не из-за отсутствия почвы и корней, т.е. своей маргинальности, как можно было бы предположить. Оказывается, «лишний человек» страдает из-за своей «неоригинальности», заявляя: «Я, должно быть, и родился-то в подражание другому <...> Ей-богу! Живу я словно тоже в подражание разным мною изученным сочинителям, в поте лица живу; и учился-то я, и влюбился, и женился, наконец, словно не по собственной охоте, словно исполняя какой-то не то долг, не то урок, – кто его разберет!» [1. С. 259].

Таким образом, «лишний человек» страдает от некоторого безличного принуждения, которому он не может, а сначала и не хотел противостоять. Встретившись с восторженной ученической готовностью подражать, затем сменившейся гнетущим чувством зависимости, эта сила стала восприниматься как «не то долг, не то урок». Такое столкновение новшеств европейского модерна с традицией, описанное как сумятица в душе «лишнего человека», Достоевский выявляет и исследует в своих произведениях в качестве первичной реальности. Динамика этого процесса характерным образом проявляется в изменении смысла термина «нигилизм» в России.

Тургенев, привлечший внимание к феномену «лишнего человека», был одновременно тем писателем, который в романе «Отцы и дети» ввел термин «нигилизм» в широкий оборот, хотя в России, как считается, он начал использоваться на три десятилетия раньше. После Тургенева нигилизм стал обозначением мировоззренческих принципов образованных молодых людей, не принадлежавших, как правило, к дворянству. Их отличительной чертой был дух полного отрицания, но в своем мировоззрении они, тем не менее, достаточно последовательно придерживались идей атеизма, материализма, позитивизма и утилитаризма. Естественно, эти идеи могли быть заимствованы только из европейской философии.

Поэтому в плане формы первоначальная разновидность нигилизма в России имела черты, скорее, принимаемой слишком серьезно модной интеллектуальной игры, произвольного предпочтения, которому следуют с энтузиазмом и фанатизмом неопитов, нежели порожденного объективными обстоятельствами мировоззрения. На это указывает и то, что, несмотря на название своего учения, русским нигилистам все же не была чужда некоторая вера. Они верили не только в самих себя, но и, как ни странно, в созидатель-

ную силу нигилизма, с которым они связывали способность обеспечить условия для социальных преобразований.

Иными словами, первоначальный русский нигилизм был субъективной позицией, во многом заимствованной, но, в отличие от европейского нигилизма, он не выражал объективных закономерностей развития того общества, для критического осмысления и преобразования которого его стремились использовать в тот исторический период. Напротив, в европейской культуре тему нигилизма, начиная с Ницше, широко обсуждают, рассматривая его как результат объективных закономерностей, как что-то если и не осуществившееся полностью, то неотвратимо грядущее. Нигилизм предстает как нечто неизбежное и в то же время катастрофическое, как прогрессирующая болезнь общества и культуры, которую Ницше диагностировал, т.е. как реальность, но отнюдь не как проект.

Как писал Ницше, констатируя реальность наступающего нигилизма, «нигилизм уже при дверях: откуда пожаловал этот самый зловещий из всех гостей?» [2. С. 114]. В то же время, говоря об истоках нигилизма, Ницше подчеркивает, что нигилизм представляет собой и определенное состояние сознания. Ницше считает, что «нужды, душевной, телесной, интеллектуальной нужды, самой по себе еще далеко не достаточно, чтобы породить нигилизм, т.е. радикальное отрицание ценности, смысла, идеалов» [Там же]. Кажется бы, европейский нигилизм так же, как и русский, является формой отрицания. Однако его особенностью является то, что он относится совсем не к определенным социально-политическим формам и соответствующим им формам эстетического выражения.

Для Ницше нигилизм – это «из крайности „Бог есть истина“ переход в другую – к фанатичной вере в то, что „все лживо“» [Там же]. В целом с европейским нигилизмом связывается отрицание самого существования нормативных метафизических и, следовательно, трансцендентных структур, которые считаются задающими смысл мира в целом и тем самым человеческого существования в нем. До констатации нигилизма европейское человечество еще продолжало верить в незыблемость нормативного характера трансцендентных структур метафизики и не допускало возможности ее исчезновения. Европейский нигилизм – не отрицание этой веры, а признание самого факта если и не полного исчезновения метафизики, то неотвратимого ослабления ее власти.

Это объясняется тем, что все метафизические сущности, прежде считавшиеся существующими объективно, независимо от человека, теперь истолковываются как всего лишь проекции самоутверждающегося имманентного субъекта. Этот субъект является главной отличительной особенностью модерна, и у него нет других оснований, кроме его самого. Таким образом, европейский нигилизм, в отличие от русского, является отнюдь не осуществлением желания эмпирического субъекта, даже если он понимается в качестве некоторым образом «коллективного», а признанием присущей самой реальности новой особенности, которая должна была, наконец, стать видимой.

Модерн не мог быть религиозным, но тем не менее после «смерти Бога» стремился постулировать принципы, которые замещали бы собой метафизические основания и в силу своей имманентности не были бы одновременно теологическими, как прежде. Сюда должны быть отнесены идеи республиканизма, демократии, социальной справедливости, прав человека, достижимо-

сти человеческого счастья в исторической перспективе и ряд других концепций. Нужно, однако, признать, что во второй половине XIX в. не только все эти идеи были совершенно чужды отечественной культуре, но и объективные предпосылки нигилизма в том смысле, в котором его понимал Ницше, еще не появились.

Лишь усвоение философии Ницше в России внесло существенные изменения в прежнюю концепцию нигилизма, которая, впрочем, в новой форме также оставалась слабо связанной с реальностью общественной жизни. Это сохраняло разрыв между концепцией нигилизма и тем обществом, для описания, осмысления и преобразования которого она предназначалась, но которое на самом деле этой концепции не соответствовало. Однако постепенно отдельные проявления новой формы нигилизма все же начинают обнаруживаться и в отечественной культуре.

Ускорение процесса модернизации проявилось в одной первоначально еще слабо выраженной тенденции, описанной, однако, в качестве уже установившегося состояния И.А. Гончаровым в романе «Обломов». Это, очевидно, гипотетическое изменение положения «лишних людей», когда, во-первых, они, в отличие от Обломова, перестают быть меньшинством и поэтому уже совсем не страдают даже из-за своей неоригинальности. Во-вторых, оказавшись в большинстве (пусть лишь потенциальном), они не видят никаких оснований относить себя к «лишним людям» и не осознают себя в качестве таковых.

Действительно, «лишним человеком», оставшимся в меньшинстве, у Гончарова оказывается уже не носитель особым образом переосмысленных ценностей европейской культуры, как это было прежде. Напротив, это человек, принадлежащий к разрушающейся и исчезающей традиции – Обломов, и поэтому он, в соответствии с логикой распространения модерна в России, неизбежно должен был стать последним «лишним человеком». Тем не менее, несмотря на всю гипотетичность описанных в романе Гончарова изменений, показательными являются практически полное единодушие общественного мнения в его отношении к образу Обломова и, особенно, введение в оборот недвусмысленного ярлыка «обломовщина».

Между тем тенденция к преобладанию людей, некогда осознававших себя в качестве «лишних», возникла не потому, что в российском обществе уже появились предпосылки к этому. Причиной является то, что руководством к действию стало убеждение, будто российское общество, точно так же, как и европейские общества, существует уже после «смерти Бога», и, следовательно, для него также никаких трансцендентных смыслов и ценностей не только не существует, но и никогда не существовало. Достоевский постоянно указывал на это несоответствие между реальностью и ее пониманием, подчеркивая ложность убеждения в том, что основания человеческого существования, в трансцендентность которых человечество долго верило, уже обнаружили свою имманентность и в отечественной культуре.

В этой связи нельзя не согласиться с С.Н. Булгаковым, говорившим о не только литературном, но и философском гении Достоевского. Он считал, что в романах Достоевского «<...> заключено больше подлинной философии, нежели во многих томах ее школьных представителей. Достоевским были предугаданы и такие своеобразные и симптоматические явления европейско-

го сознания, как Ницше (вспомните галерею ницшеанских типов: Раскольников, Кириллов, Ставрогин и Иван Карамазов)» [3. С. 225]. Именно убеждение в возможности построения жизни на имманентных основаниях было заимствовано отечественной культурой вместе с контекстами философии Ницше и именно последствия такого убеждения подвергались критике в произведениях Достоевского.

Особый интерес представляет то, как, рассматривая особенности людей, принадлежащих к образованному сословию в России, Достоевский характеризует выбор политической позиции одним из них (А.И. Герценом). Он довольно резко заявляет, что это выбор «<...> безо всякой нужды и цели, а из одного только „логического течения идей“ и от сердечной пустоты на родине» [4. С. 9]. В характеристике, относящейся к конкретному человеку, подчеркиваются, как представляется, общие предпосылки способа заимствования идей европейской философии XIX в. и, в особенности, философии Ницше в России. Несоответствие реальности ее идеальному образу должно было привести к стремлению навязать личности и обществу некоторые абстрактные модели настоящего и будущего, которые основываются не на закономерностях исторического развития, а возникают лишь из «логического течения идей».

Как отмечал Булгаков, как бы откликаясь на эту характеристику в ходе анализа философских предпосылок мировоззрения Ивана Карамазова, «эгоистическое величие сверхчеловека, мораль господ и мораль рабов, – таковы неизбежные „плоды сердечной пустоты“, остающейся после разрушения морали долга и любви» [5. С. 25]. При этом заимствованный нигилизм, происхождение которого обуславливается лишь «логическим течением идей» и потому не имеющий корней в самой реальности, интересует Достоевского не как некая статичная система идей, данная непосредственно. Нигилизм в качестве активной силы опосредованно присутствует в поведении отдельных личностей и общественных групп, руководствующихся этими идеями в качестве истины в последней инстанции.

Здесь, однако, возникает трудность, связанная с отражением новых явлений общественной жизни в художественной литературе. Если в условиях нигилизма истина не может считаться единственной, поскольку она всегда условна, то и никакая «окончательная интерпретация» невозможна. Между тем, как в другой связи подчеркивал Г.-Г. Гадамер, «<...> литература, и в первую очередь произведение художественной литературы, представляют собой слово, нацеленное, в силу своей природы, на правильное прочтение» [6. С. 133]. За пределы этого противоречия Достоевский выходит, обращаясь к противостоянию смыслов и диалогу, который, однако, далеко не всегда выражает равноправие позиций его участников.

Следует отметить, что хотя диалогичность прозы Достоевского не лежит на поверхности и требует специальной аналитической работы [7], она не может быть сведена лишь к особенностям его новаторского стиля. Его романы указывают отнюдь не на общее согласие, достигаемое спокойным, уважительным чередованием вопросов и ответов, как нередко понимают концепцию диалога, подразумевая прежде всего равноправие его участников. Они указывают, с одной стороны, на раздвоенность сознания, а с другой – на распад мира на обособленные части и невозможность для него существовать в

качестве целого. Это делает все этические различия относительными именно в силу того, что имманентное основание не является и не может быть абсолютным, поскольку его сконструированность с определенного момента не может быть скрыта. Это объясняет и происхождение «перспективизма» Ницше, т.е. зависимости истины от «перспективы», от «точки зрения».

Раздвоенность сознания и образ распадающегося мира обусловлены тем, что нигилизм, находясь в постоянном противоречии с частично сохраняющейся традицией или, во всяком случае, с ее смысловым ядром, становится видимым на фоне ее проявлений. Это позволяет утверждать, что в отечественной культуре имело место настолько напряженное противостояние смыслов, что, будучи выявлено и признано, оно подрывает веру в полновластие нигилизма. Тем не менее, каким бы сложным и запутанным ни было это противостояние, оно достаточно отчетливо воспроизводит те две основные позиции, которые характерны для отношения к нигилизму в практических адаптациях европейской философии в России.

Во-первых, это весьма спорное для того времени признание, что нигилизм в России уже состоялся и поэтому основания человеческого существования отныне могут быть только имманентными. Во-вторых, это либо поиск, либо проектирование имманентных оснований человеческого существования. В европейской философии констатации прихода нигилизма и поиски решений, если не нейтрализующих, то хотя бы ослабляющих его негативные последствия, приводят к созданию формализованных, рационалистических теоретических конструкций. Однако их укоренение в России было сопряжено с большими трудностями.

У Ницше задача преодоления нигилизма решается с помощью понятия сверхчеловека в качестве некоей особой, выделенной точки зрения (новой перспективы) и связанной с этим понятием концепции «вечного возвращения». В содержательном отношении «сверхчеловек» обозначает доведенное до предела понятие самоутверждающегося и благодаря этому ставшего суверенным субъекта. В этом качестве сверхчеловек должен занять место Бога, на что, впрочем, новоевропейский субъект всегда претендовал. В то же время разрушение нормативных метафизических структур, по Ницше, высвобождает упорядоченную ими волю к власти.

Парадокс, однако, заключается в том, что высвободившаяся после «смерти Бога» и разрушения метафизики воля к власти, будучи имманентной и основываясь только на самой себе, начинает выступать в качестве замены нормативных метафизических структур. Соответственно, поиск или конструирование заменителей метафизики, которые не были бы метафизическими, становится главным средством преодоления нигилизма и его катастрофических последствий. Понимание проблемы в отечественной культуре является другим и, хотя оно далеко не всегда лежит на поверхности, оно обнаруживает характерное единство лежащих в его основе философских принципов.

В этой связи нельзя не заметить, что красной нитью через все творчество Достоевского проходит особое внимание к различию условий, в которых существовал нигилизм в Европе и России, с одной стороны, и герменевтика непризнания этого различия, как оно представлено в сознании образованных людей тогдашней России, – с другой. В сущности, противостояние нигилизму в отечественной культуре находилось в русле сопротивления модернизации и

модерну в качестве универсального проекта, хотя и представленного на уровне заимствованных представлений уже его поздней, тогда еще не достигнутой в России фазой.

Именно вследствие этого заимствования модерн демонстрировал траекторию своего развития полностью еще до того, как нигилизм в качестве его финала стал реальностью. В итоге Россия оказалась перед необходимостью решения задачи, которую вынуждены были (и должны будут) решать все культуры, проходящие модернизацию под воздействием не столько внутренних, сколько внешних для них факторов. Этими внешними факторами являются общества, которые модернизировались первыми и так или иначе, но всегда принудительно распространяют свой опыт.

Ответом на такую модернизацию, который сделал бы невозможным полное разрушение традиции, может стать создание некоторого способа сочетания модерна с традиционными формами общества и культуры. В этом случае элементы традиции, как предполагается, должны быть защищены от разрушительного воздействия нигилизма. Такая модель должна стать не столько альтернативой, сколько дополнением бинаризма модерна, допускающего только резкое противостояние по принципу «или / или» и в соответствии с этим строящим свою модель целостности.

Поэтому требовалось создание особой концепции тождества и различия и, следовательно, модели целостности, отличной от той, которая задается новоевропейской метафизикой. Альтернативная концепция целостности должна быть способной сочетать то, что, в соответствии с бинарной логикой, не может быть объединено, и строиться по принципу «и / и». Связанная с таким подходом концепция тождества и различия, описывая способ присоединения «чужого» к «своему», является также видоизменением (или, во всяком случае, попыткой видоизменения) того типа универсализма, который присущ модерну.

В соответствии с логическим законом исключенного третьего, модерн стремится превратить все другое, все отличное от него либо в свою полную противоположность, либо в копию самого себя и тем самым сохраняет противоречия между общим и частным, «своим» и «чужим». Однако сочетание модерна и традиции требует не сохранения антагонистических противоречий, а создания способа их примирения и, таким образом, разрешения. Что касается отечественного контекста, в котором такой подход конкретизируется, то здесь особенно важна знаменитая речь Достоевского о Пушкине. В ней он говорил о «всемирной отзывчивости» как о выражении народного духа.

Именно в этой речи дается общая характеристика такого отношения к распространяющемуся модерну, которое не предполагает сохранения антагонистических противоречий и в то же время не требует принудительного отождествления неотождественного. Достоевский подчеркнул, что «<...> народы Европы и не знают, как они нам дороги! И впоследствии, я верю в это, мы, т.е., конечно, не мы, а будущие грядущие русские люди поймут уже все до единого, что стать настоящим русским и будет именно значить: стремиться внести примирение в европейские противоречия уже окончательно <...>» [8. С. 148]. Как он разъяснял для своих толкователей и критиков, имеется в виду способность «<...> вместить в себе идею всечеловеческого единения, братской любви, трезвого взгляда, прощающего враждебное, различающего и извиняющего несходное, снимающего противоречия» [9. С. 131].

В число задач исследования не входит обсуждение реалистичности или утопичности позиции Достоевского (это обсуждение началось сразу же после его речи и, очевидно, в различных формах и с использованием иных терминов продолжается до сих пор). Сосредоточиваясь лишь на лежащих в основе этой позиции философских принципах, можно утверждать, что «всемирная отзывчивость» предполагает исключение бинарных оппозиций в качестве источника непреодолимой чуждости. Это делает видимыми связи идеи «всемирной отзывчивости» с такими философскими концепциями, которые, с одной стороны, представляются бесконечно далекими от нее, а с другой – несовместимыми друг с другом.

Нетрудно видеть, что характерными структурными аналогами идеи «всемирной отзывчивости» являются, в частности, учение о соборности, а также концепция всеединства и софиология Вл.С. Соловьева. В этом отношении Достоевский следует тем же принципам, которые характеризуют своеобразие отечественной философской традиции в целом. Но исключение бинарных оппозиций, хотя и в других контекстах, предполагается и в особом понимании поздним М. Хайдеггером мышления как поэзии, и в программе деконструкции «метафизики присутствия» Ж. Деррида, изменяющей порядок приоритетов тождества и различия. Таким образом, принадлежность позиции Достоевского, которая не была им сформулирована в качестве философской, именно к философии, причем не только прошлого, но и настоящего, доказывает, что он предвосхитил множество современных тем, актуальных для современности проблем и подчеркнул важность некоторых прежде не проявлявших себя процессов.

Литература

1. *Тургенев И.С.* Гамлет Щигровского уезда // Полное собрание сочинений и писем : в 30 т. Т. 3. М. : Наука, 1983. С. 249–273.
2. *Ницше Ф.* Черновики и наброски 1885–1887 гг. / пер. с нем. В.М. Бакусева ; науч. ред. С.В. Казачков // Полное собрание сочинений : в 13 т. Т. 12. М. : Культурная революция, 2005.
3. *Булгаков С.Н.* Венец терновый. Памяти Ф.М. Достоевского // Сочинения : в 2 т. М. : Наука. 1993. Т. 2. С. 222–239.
4. *Достоевский Ф.М.* Дневник писателя. 1873 // Полное собрание сочинений : в 30 т. Л. : Наука, 1980. Т. 21. С. 5–136.
5. *Булгаков С.Н.* Иван Карамазов (в романе Достоевского «Братья Карамазовы») как философский тип // Сочинения : в 2 т. М. : Наука, 1993. Т. 2. С. 15–45.
6. *Гадамер Г.-Г.* Философия и литература // Гадамер Г.-Г. Актуальность прекрасного : пер. с нем. М. : Искусство, 1991. С. 126–146.
7. *Бахтин М.М.* Проблемы поэтики Достоевского // Собрание сочинений : в 7 т. М. : Русские словари : Языки славянской культуры, 2002. Т. 6. С. 5–300.
8. *Достоевский Ф.М.* Пушкин. (Очерк). Произнесено 8 июня в заседании Общества любителей российской словесности // Полное собрание сочинений : в 30 т. Т. 26. Л. : Наука, 1984. С. 136–149.
9. *Достоевский Ф.М.* Объяснительное слово по поводу печатаемой ниже речи о Пушкине // Полное собрание сочинений : в 30 т. Л. : Наука, 1984. Т. 26. С. 129–135.

Alexander I. Pigalev, Volgograd State University (Volgograd, Russian Federation).

E-mail: pigalev@volsu.ru

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya – Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science. 2021. 63. pp. 285–293.

DOI: 10.17223/1998863X/63/28

DOSTOEVSKY AND NIETZSCHE ON THE OVERCOMING OF NIHILISM

Keywords: Fyodor Dostoevsky, Friedrich Nietzsche, nihilism, tradition, modernity

The article aims to analyze the influence of Nietzsche's concept of nihilism on the Russian culture and to consider its contexts in Dostoevsky's fiction and social and political essays. The study proceeds from the statement of difference between the construal of nihilism in European philosophical tradition that has culminated in Nietzsche's works and its meaning in Russian culture. For Nietzsche, the term "nihilism" meant the objective, albeit terrible and threatening result of the historical development of European culture. Russian nihilism boiled down to the subjective stance of indiscriminate negation that was based on the whimsical combination of ideas borrowed from European atheism, materialism, positivism, and utilitarianism. However, both in Europe and Russia of that time, nihilism disclosed the values and even absolutes as immanent and thus constructed entities. It should be also observed that in Europe the overcoming of nihilism confined itself to the search or construction of the immanent substitutes for the overthrown values and absolutes, while Russian culture in many respects still remained traditional. From this perspective, the vicissitudes of confrontation between modernity and tradition as it was perceived by individuals in the face of the coming nihilism turn out to be the implicit background of Dostoevsky's writings. Whereas Nietzsche's approach to the problem of overcoming nihilism was based on his concept of superman as a peculiar point of view or a peculiar, singled out perspective and was associated with the idea of the "eternal return", Dostoevsky, in tune with the principles of Russian philosophy, relied on the retention of the elements of tradition as an antidote against the nihilistic tendencies of modernity. Such a stance implies the revision of the metaphysics of modernity as a certain pattern of relations between part and whole. It also implies a different approach to the resolution of contradictions and therefore a distinct construal of identity and difference as it was demonstrated in Dostoevsky's speech on Pushkin that introduced the famous idea of the "universal responsiveness". No matter whether Dostoevsky's stance is utopian or not, he still not only argued that he belonged to the tradition of Russian philosophy with its ideas of all-unity and Sophianic unity, but also became one of those who in a way anticipated modern controversies on metaphysics, identity, and difference.

References

1. Turgenev, I.S. (1983) *Polnoe sobranie sochineniy i pisem: v 30 t.* [Complete Works and Letters in 30 vols]. Vol 3. Moscow: Nauka. pp. 249–273.
2. Nietzsche, F. (2005) *Polnoe sobranie sochineniy: v 13 t.* [Complete Works in 13 vols]. Vol. 12. Translated from German. Moscow: Kul'turnaya revolyutsiya.
3. Bulgakov, S.N. (1993a) *Sochineniya: v 2 t.* [Selected Works in 2 vols]. Vol. 2. Moscow: Nauka. pp. 222–239.
4. Dostoevsky, F.M. (1980) *Polnoe sobranie sochineniy: v 30 t* [Complete Works in 30 vols]. Vol. 21. Leningrad: Nauka. pp. 5–136.
5. Bulgakov, S.N. (1993b) *Sochineniya: v 2 t.* [Selected Works in 2 vols]. Vol. 2. Moscow: Nauka. pp. 15–45.
6. Gadamer, H.-G. (1991) *Aktual'nost' prekrasnoy* [The Relevance of the Beautiful]. Translated from German. Moscow: Iskustvo. pp. 126–146.
7. Bakhtin, M.M. (2002) *Sobranie sochineniy : v 7 t.* [Collected Works in 7 vols]. Vol. 6. Moscow: Russkie slovari : Yazyki slavyanskoy kul'tury. pp. 5–300.
8. Dostoevsky, F.M. (1984a) *Polnoe sobranie sochineniy: v 30 t* [Complete Works in 30 vols]. Vol. 26. Leningrad: Nauka. pp.136–149.
9. Dostoevsky, F.M. (1984b) *Polnoe sobranie sochineniy: v 30 t* [Complete Works in 30 vols]. Vol. 26. Leningrad: Nauka. pp. 129–135.

УДК 37

DOI: 10.17223/1998863X/63/29

А.А. Полонников

ЭКЗАМЕН В УНИВЕРСИТЕТЕ: РЕКОНТЕКСТУАЛИЗАЦИЯ

Цель статьи – дереификация понятия «экзамен», проявление зависимости его дефиниций от контекстов употребления: педагогической идеологии, дидактической стратегии, коммуникативных условий. «Экзамену» атрибутирован статус клеточной структуры университетского образования, диспозитива, распределяющего академические структуры, регламентирующего административные решения, регулирующего режимы учебной коммуникации, управляющего порядком включения / исключения знания, а также обеспечивающего связь всех этих элементов. Смена типа экзаменационной организации рассматривается в статье в качестве основной проблемы современной образовательной ситуации.

Ключевые слова: семиозис образования, образовательная альтернатива, образовательный метемпсихоз, аттестация, экспертиза

Введение

Существует поддерживаемое словарями убеждение, что экзамены в университете являются надежной формой проверки знаний студентов, позволяющей «педагогическому коллективу глубоко и неформально проверить и оценить знания и умения учащихся и таким образом определить итоги своей учебно-воспитательной деятельности» [1. С. 600]. Считается, что залогом экзаменационной эффективности являются строгое соблюдение методических требований к нему и профессионализм преподавателя. При этом «хороший» экзамен предстает как строгое диспозиционное отношение, в котором экзаменуемый объемлем мышлением экзаменующего и подчинен средствам его контроля.

Официальной версии противостоит молва, в которой экзамен фигурирует в терминах «лотереи», «сговора между экзаменуемым и экзаменатором», «сдачи студентом знаний, взятых напрокат» и пр. В этом отображении событие экзамена, конечно, никаких знаний не удостоверяет и уж тем более никак не свидетельствует об учебно-воспитательных вкладах педагогов. Даже тогда, когда мы относим эти диффамации экзамена к области студенческого фольклора и на этом основании отказываемся воспринимать их всерьез, понятно, что экзамен гораздо более сложное социальное событие, чем это представлено в словарно-методических скриптах, и что, возможно, само существование методических предписаний не более чем декларация намерений, в то время как реальное значение экзамена находится не в том месте, на которое они указывают.

В этом небольшом исследовании, не претендуя, разумеется, на окончательное решение вопроса экзамена, попытаемся обозначить его ключевые конститутивы, а также некоторые подходы, вне которых реальность экзамена теряет свою определенность.

Социокультурные транскрипции экзамена

Анализ дискурса «экзамена» современной гуманитарной мыслью обнаруживает достаточно дивергентное поле его референций. Например, представители структурно-функциональной социологии П. Бурдьё и Ж.-К. Пассрон видят в экзамене не аттестационную форму, а механизм символического насилия, внушающий студентам сознание неизбежности срока расплаты и обеспечивающий трансляцию им ценностей господствующей культуры [2. С. 147]. Экзамен в их редакции выступает проводником в образование внеобразовательных интересов и использует для их сокрытия «тепловые ловушки»: «справедливость», «паритетность», «объективность». Социологический же анализ служит «демаскировке скрытых отношений власти и указанию тех областей, где эта власть приносит зло субъектам, не осознающим ее влияние» [3. С. 59].

Извне (зadolго до Бурдьё и Пассрона) к экзамену присматривался К. Маркс, видя его работу в упорядочивании социальных отношений. Экзамен, согласно его теории, обеспечивает связь между гражданским обществом и государством, выступая «как бюрократическое крещение знания, официальное удостоверение того, что мирское знание пресуществилось в священное знание (при каждом экзамене само собой разумеется, что экзаменатор знает все)» [4. С. 277]. В этом священном качестве экзамен призван служить социальной стратификации и регулировать вертикально / горизонтальную общественную мобильность¹. Анализ Маркса так же, как и исследования структурных функционалистов, реконтекстуализирует экзамен, извлекает его из собственно образовательного поля и помещает в область более широких социальных связей. Нас же в данном исследовании интересует прежде всего контекст, производный от действий самого образования.

В качестве примера такого рассмотрения может выступить позиция американского социолога и критического педагога П. Макларена, который рассматривает образование сквозь призму ритуала. Последний реализуется как «форма символического действия, состоящая в основном из жестов и поз. Ритуальный жест является формирующим, ибо ритуалы не отражают, а артикулируют» [6. Р. 39–40]. Для Макларена экзамен – часть ритуала, строящегося как демонстративное поведение. Он акцентирует в нем фактичность участия субъекта, а не его осведомленность в тех или иных содержаниях.

В этой перспективе (и языке) экзамен функционирует как инициация, перевод иницилируемых из одной социальной страты в другую. Его значение соотнобразуется с соблюдением переходных правил, ритуальных обязательств. На это обстоятельство указывал Э. Дюркгейм, подчеркнувший специфический смысл экзаменационной процедуры в профессиональном посвящении: «Само по себе *inceptio* (начало) не было экзаменом, это была ритуальная церемония вхождения, присущая всем корпорациям. Везде, чтобы совершить эту сделку..., вы должны были совершить торжественный профессиональный акт в присутствии мастеров корпорации» [7. Р. 101]. В версии польского со-

¹ Своего совершенства, утверждают источники, «бюрократическое крещение знания» достигло на Востоке. В частности, в Китае на протяжении полутора тысяч лет существовал жесткий конкурс многоступенчатых письменных экзаменов для людей, стремящихся занять тот или иной государственный пост. «Через год после сдачи экзаменов обучающихся назначали на должности в соответствии с уровнем знаний» [5. С. 78].

циолога К. Хендрика посредством экзамена создается «магическая граница, обеспечивающая решение задачи селекции, ранжирования и изоляции» [8. S. 4].

Представленные выше критические тематизации экзамена, разумеется, неполные, строятся из внешней перспективы, в которой он отображается как реальность, определяемая метасистемными конститутивами. В результате экзамен приобретает вид экрана их проекции. Такой тип анализа экзамена открывает широкую возможность для критики осуществляемого им скрытого программирования и для выявления каналов политического или культурного доминирования. В то же время данная критическая позиция, при всех ее достоинствах, открывая различные неочевидные значения экзаменационных процедур, невольно скрывает еще одно измерение их рассмотрения. Речь идет, как это было показано на примере исследований П. Макларена, о внутренней референции экзамена, его редактировании в качестве необходимого устройства и условия педагогического воспроизводства. Позиция анализа изнутри позволяет обнаружить в экзамене собственно образовательный интерес, поддерживающий в образовании способность к рефракции¹, созданию в своем «теле» структур, достаточно автономных от социокультурных обстоятельств, позволяющих предъявлять их вовне в инверсированном виде как выражающих общественные интересы.

Педагогические транскрипции экзамена

Обратимся в свете сказанного выше к имманентным образованию рецепциям экзамена. Анализ дискурса педагогической критики, осуществленный польским критическим педагогом М. Якубовским, отмечает в его образовательной экспозиции четыре транскрипции экзамена: с точки зрения учеников, учителей, управленцев и родителей. В *первом* отношении атакуется несправедливость, царящая на экзаменах, их стрессогенность, неясность для экзаменуемых критериев оценивания, субъективизм экспертов, ограниченность времени аттестации, сужающая возможность маневра и ориентировки, неоправданная сложность заданий. Во *втором* объектом критики выступает экзаменационная процедура² – способ оценивания письменных и устных ответов, стандартизация, дискриминирующая оригинальные высказывания экзаменуемых, ошибки и неточности в опросниках, а также организационные упущения, открывающие дорогу подлогу и коррупции. В *третьем* в дискриминируемой позиции оказывается педагог, вынужденный подчиняться избыточным формальным требованиям, осуществлять лишенное смысла документирование и санкционировать поверхностность знаний учащихся. И, наконец, в *четвертом* ракурсе, отражающем позицию родителей, присут-

¹ Рефракция – термин П. Бурдьё, означающий признак автономии системы, ее «способность переводить внешние принуждения и требования в их специфическую форму» [9. С. 53]. В данном случае не только трансформацию внешних требований в контексте собственного интереса, но и способность представлять свой интерес как «внешние требования».

² Примером такой позиции может выступить следующее высказывание: «В дидактике высшей школы нет другой проблемы, которая была бы в такой степени связана с субъективными предпосылками и индивидуальным подходом. Экзамен как типовая форма контроля и оценка знаний действительно порождает множество учебных и воспитательных проблем. Не случайно данную форму контроля зачастую называют интуитивной. Отождествление оценки качества знаний с отметками, отсутствие четких критериев оценки качества, несопоставляемость, случайность, поверхностность, схематизм – наиболее очевидные и существенные недостатки экзаменов» [10. С. 161–162].

ствуют сетования на перегрузку экзаменующихся, длительность сроков экзаменов, большую сессионную нагрузку, объем предметных знаний, подлежащих оценке [11. S. 7–8].

Другой польский критический педагог – Г. Шилинг – исследует пространство маневра преподавателя внутри экзаменационных предписаний, выделяя две стратегии, одна из которых заключается в следовании словарным предписаниям и программе «трансмиссионной дидактической модели, нацеленной на усвоение категоризованных значений» [12. S. 167], вторая используется преподавателем как «условие поддержки самообразования студентов, стимулирования их познавательной автономии...» [Ibid.]. В этом случае экзамен становится шансом встречи преподавателя и студента, возможностью развивающего взаимодействия, что в ситуации господства лекционных образовательных форм, с точки зрения автора, нельзя недооценивать.

При всех позиционных различиях представленные здесь педагогические редакции экзамена сходны в нескольких отношениях. Прежде всего, в ориентации на идеальный экзамен, который, при соблюдении паритетности сторон участников и щадящем режиме коммуникации, может быть педагогом продуктивно реализован. С творческим отношением последнего связывается шанс гуманизации аттестационной процедуры. Кроме этого, критика, представленная в педагогических редакциях экзамена, носит параметральный характер, вынося за скобки вопрос о его контексте – характере образовательной ситуации. Его исключение помещает в слепое пятно критического восприятия сложившуюся форму образования, в которой экзамен лишь один, пусть и важнейший, элемент. Например, вполне справедливая критика экзамена за избыточный формализм и мелочную регламентацию может трактоваться аналитиками как навязанный извне (стандартами, государством, университетской администрацией) бюрократический порядок, одним из имен которого является «образовательный мериторизм»¹.

В радикально же критическом измерении контекст образования подчеркнут, экзамен предстает не связанным ни с чьей-то злой волей или неадекватными управленческими решениями, а обусловленным системным кризисом самого образования. Так, меритористские ухищрения, включая внедрение машинных способов контроля уровня знаний, трактуются как проявления исчерпанности смысла обучения, в результате чего у педагогического персонала не остается никаких мотивирующих учащегося ресурсов, кроме бюрократического принуждения. Ведь направляясь в «университет, мы заранее знаем, что ничему новому нас там не научат, ...что нам предстоит проглотить, не прожевывая, кошмарное количество дефиниций, дистинкций и сугубо формальных тонкостей» [14. С. 400]. Эскалация формализма ведет к дальнейшей ритуализации образовательного «метаболизма», о чем, в частности, пишет Ж. Бодрийяр: «Обмен знаками (знания, культуры) в Университете, между „обучающими“ и „обучаемыми“ является с некоторых пор уже не более чем удвоенной коллизией горечи безразличия (безразличие знаков, влекущее за собой охлаждение социальных и человеческих отношений),

¹ Здесь мы используем определение мериторизма, предложенное польским философом образования З. Мелосиком, который интерпретировал его как «педагогическую идеологию, связывающую социальный статус индивида (или группы) с документированными фактами его (ее) академической успешности» [13. S. 106].

удвоенным симулякром психодрамы (стыдливой просьбы теплоты, присутствия, эдипова обмена, педагогического инцеста, стремящегося заменить собой потерянный обмен работы и знания). В этом смысле Университет остается местом безнадежной инициации в пустую форму ценности, и тем, кто живет в нем уже несколько лет, знакома эта странная работа, настоящая безнадежность не-работы, незнания» [15. С. 195–196].

Следует заметить, что вопрос о форме кризиса образования был и остается одной из важнейших тем гуманитарной полемики. Представленная выше радикальная точка зрения, свойственная главным образом антипедагогике, исходит из тезиса о завершенности проекта институционального образования и делегирует его основные функции культуре и самообразованию. В антипедагогической проекции сама «массовая культура становится „перманентной педагогикой“, необычайно эффективным средством конструирования способов реализации влечений, желаний, установок, а также способов самоидентификации» [16. С. 59–60]. Понятно, что при такой постановке вопроса обсуждение ситуации экзамена лишено смысла.

Менее радикальная позиция в отношении образования и экзамена, на положениях которой будет строиться последующее изложение, во многом связана с социальной феноменологией знания. Соглашаясь с тезисом о системном кризисе институционального образования, ее представители (О. фон Больнов, К. Мэйер-Дравэ, Э. Финк, Д. Ключ-Станьска, Т. Шкудлярек, М.А. Гусаковский и др.) определяют его главным образом в терминах истощенности образовательной модели Просвещения (новоевропейской, модернистской). Ими утверждается, что «современное образование обнаруживает себя в ситуации некоторого смыслового коллапса, который препятствует или чрезвычайно усложняет организацию прежде всего процессов воспитания» [17. С. 30]. Кризис в этом случае не означает окончательной деструкции педагогической системы как таковой, а выступает симптомом необходимости смены правил игры на образовательном поле. О каких собственно правилах речь?

Поскольку в фокусе внимания этого текста находится экзамен, постольку мы имеем дело с порядками знания и интересующие нас правила будут связаны с ними. Не требует отдельного обоснования тезис о том, что на знамени Просвещения был отпечатан знак абсолютизированной научной рациональности. Именно в этом качестве она помещается в центр образовательного взаимодействия, в котором «экзамен и другие формы „испытания“ должны соответствовать требованиям разума» [18. С. 25]. Образовательный процесс, обеспечивающий приобщение к нему студентов, приобретает форму трансгрессии – перемещения структур их субъективности из «профанного» мира (здорового смысла) в мир «сакральный» (Научной Истины), что в феноменологии знания именуется альтернативой¹. Альтернатива имеет дело прежде всего с передаваемым в обучении «единым для всех устройством понимания, интерпретации, типологизации и объективации социокультурных отношений» [20. С. 9]. Не случайно один из ведущих дидактических принципов носит имя «научности».

¹ Альтернатива означает радикальную смену субъектом смыслоорганизующих координат, включая и биографический порядок. Прошлое, например, может оцениваться альтернативом как период заблуждений и неподлинного существования, в то время как постальтернативный период – как просветление и истинная жизнь. «Историческим прототипом альтернативы выступает религиозное обращение» [19. С. 257].

Действующие (и присваиваемые) в практике альтернации правила обеспечивают:

- принадлежность альтернируемого к концептуальной среде альтернации, включающей символы профессиональной и личностной идентичности, легитимные теории, коды регуляции знания (истинное / ложное, включение / исключение, отчужденное / присвоенное);
- соответствие сообществу, с которым альтернируемые устанавливают режим солидарности (академические группы, неформальные сообщества);
- владение ими специальным языком, отграничивающим альтернируемых от других, профессиональных или повседневных акторов.

Экзамен являет собой сцену альтернации, концентрируя в себе основные события образования, подобно клетке организма, символизирующей его единство. Этот порядок, судя по всему, полагают социальные феноменологи, продолжает существовать в образовании и по настоящее время, несмотря на многие ошутимо обозначившие себя в последние десятилетия вызовы. То, что вслед за З. Мелосиком было обозначено как «образовательный мериторизм», в этом контексте приобретает смысл фрейдовской сублимации образования.

Какие же обстоятельства указывают на необходимость смены правил игры образования¹ и обнаруживают проблемность модели альтернации?

Во-первых, это деабсолютизация научной рациональности, вызванная, с одной стороны, завершенностью эпохи великого рассказа, утратившего свое правдоподобие [21. С. 92], а с другой – стремительной редемаркацией эпистемологических границ². В результате возникает диффузия контекстов «научности», ведущая к «распаду единства учебного предмета» [23. С. 149]. Образование вынужденно функционирует в ситуации множества истин, что наносит сокрушительный удар по базовой иллюзии экзамена – системе фундаментального знания³.

Во-вторых, деавтоматизация производства согласованного образовательного дискурса, вызванная перманентным лингвистическим конфликтом, связанным с кризисом репрезентаций (языка как зеркала реальности) [24. С. 9]; конкуренцией в образовательной коммуникации парадоксальных и несоизмеримых позиций, обесценивающих образовательную солидарность [25. С. 50. 26].

В-третьих, детерриторизация образования, мультипликация центров производства и использования знания, порождаемых развитием многообразных форм самообразования, корпоративного обучения, «возникновением интернет-сред и разнокачественных виртуальных образовательных сообществ» [27. С. 120]. Университет перестает быть церковью Просвещения, и это, как полагают критические педагоги, следует признать фактом [28. С. 240].

¹ Здесь следует указать на семантическую значимость предлога «в» (не *в* образовании, а *образо- вания*), поскольку смена правил игры влечет за собой изменение целостной формы институционального образования, его связей с культурой, всего порядка образовательных отношений.

² Речь идет как о внешних границах с другими сферами культуры (религией, политикой, идеологией), так и о внутренних, которые функционируют внутри научного познания и очерчивают познавательную динамику науки как когнитивной системы» [22. С. 192].

³ Ф. Джеймисон указывает на невозможность в онтологически разнородном мире создавать единые описания, обусловленную неспособностью «наших умов... картографировать глобальную мультинациональную и децентрированную коммуникационную сеть, в которую мы попались, будучи индивидуальными субъектами» [24. С. 154].

Однако сложившаяся ситуация, взятая в перспективе образовательной рецепции, во многом напоминает историю со странным ницшеанским героем на площади, возвестившим, что «Бог мертв». Его обращения к публике, как известно, не встречают сочувствия, это заставляет его сказать: «Я пришел слишком рано... – мой час еще не пробил. Это чудовищное событие еще в пути и идет к нам – весть о нем не дошла еще до человеческих ушей» [29. С. 440].

Критические педагоги социально-феноменологического направления, позицию которых мы представили выше, полагают, что попытки оптимизировать альтернативную образовательную модель лишь узаконивают «консервативные методы педагогики и заставляют замолчать их потенциальных критиков. Фактически антиисторический характер нынешней критики представляет собой форму идеологической условной записи, которая делает ее частью той самой проблемы, которую она, как утверждается, решает. ...такая критика поддерживает те условия, в которых она существует» [30. Р. 283–284]. Умеренная критика, иронически замечают С. Ароновиц и Г. Жиру, не отказывается от идеи кризиса образования, но видит его проявления не в исчерпанности действующей образовательной модели, а «в снижении уровня успеваемости учащихся, измеряемой с помощью SAT¹ и других аналогичных тестов, ...(полагая. – А.П.), что о прогрессе в обучении можно точно судить по повышению результатов SAT» [31. Р. 43].

Экзамен versus экспертиза

Альтернативной версии организации образования может быть противопоставлен образовательный процесс, опирающийся на базовую метафору «метемпсихоз». В своем исходном теряющемся в истории значении метемпсихоз означает «перевоплощение души или даже неоднократное вселение ее в человеческое тело, а также в животных или растения, выражая собой регрессию через воплощение» [32. S. 193]. Греческое понимание метемпсихоза ставит акцент на «изменении души, а не на изменении тела» [Ibid.]. В еврейской мистике «метемпсихоз» принадлежит важнейшим концепциям, связанным с духом, выражаемым категориями «диббук» и «странствие душ». «Диббук оккупирует часть личности человека, говорит его устами неестественным для нее голосом. Этот чуждый дух, который может быть изгнан с помощью экзорцизма... Странствия же души – концепция посмертного ее воплощения в другую физическую форму служит ее очищению и совершенствованию» [33. S. 51]. В античном мышлении тезис о метемпсихозе использовал Платон, «трактуя его в значении философской инициации» [34].

Современное прочтение идеи метемпсихоза встречается у российско-американского философа М. Эпштейна: «Для чего я вообще читаю, для чего смотрю фильмы, хожу в музеи? Для того чтобы стать другим, чтобы понять, как чувствует себя женщина, человек другой расы, нации, возраста... Иными словами, культура – это своего рода переселение душ еще при жизни человека... Для нас создается соответствующая ноосфера или инфосфера, где мы можем свободно заниматься таким метемпсихозом, то есть плавать по волнам инаковости» [36].

¹ Тест SAT (Scholastic Assessment Test – академический оценочный тест) оценивает готовность учащегося к поступлению в колледж. Его создатели полагают, что он способен определить уровень грамотности будущего студента, а также спрогнозировать его будущую учебную успешность.

Применительно к образованию метемпсихоз особенно продуктивен в текстуальных отношениях. Практика чтения и письма предстает в их контексте как ряд трансформаций позиций студента-читателя. Она несет в себе «значимые следы... исчезновений и замещений. Отсутствуя эмпирически, пишущий заново возникает в письме, но это уже другой субъект, проявляющий себя именно в формах своего отсутствия» [36. С. 310]. Задача письма-чтения в этой связи заключается не в усвоении содержания сообщения, а в заимствовании позиции иного, воплощенного в тексте¹. В принципе каждый новый текст, подобранный специальным образом, действует как медиатор психического развития, условие ментального перемещения. Тогда философские, социологические, психологические, педагогические и другие гуманитарные тексты, выражая собой «фигуры инаковости», альтернативные миры, артефакты, конструкции второго порядка, новые парадигмы понимания, мышления и деятельности, размещаются в образовании в качестве триггеров позиционных изменений студентов. В залоге метемпсихоза они являют собой дискурсивные организованности, как правило, оппонирующие обыденному восприятию, и их использование означает отказ от привычного опыта отношения с миром, другим, знаком, самим собой. Принимаемая участниками взаимодействия чуждая привычному восприятию точка зрения аналогична психологическому понятию Gestalt. Каждый Gestalt диктует свой угол зрения, так, что «„объективное наблюдение“ становится зависимым от руководящей им теории. Наблюдение оказывается „наполненным теорией“, а тезис об объективности знания, базирующегося на эмпирическом наблюдении, – интеллектуальной фикцией» [38. С. 53].

В упрощенном понимании метемпсихоз может быть воспринят как альтернатива, которая также предполагает «перемещение души». Однако в обсуждаемой образовательной версии он выглядит иначе. Если альтернатива предстает как финальная операция, переход «в лучший из миров» (религиозного мировоззрения, эзотерического опыта, теоретического сознания), то образовательный метемпсихоз связан, *во-первых*, с множественностью переходов, испытанием символической продуктивности разных подходов, теорий, концепций, визуальных перспектив, а *во-вторых*, обусловлен логикой возвращения в пространство повседневности. Образовательный метемпсихоз связан с принятием условности, примеркой на себя формулы «как бы» и отказом от установки «на самом деле»². Перемещение в образовательном метемпсихозе не подчинено прогрессивной схематике, используемой процедурой альтернативы, в которой переход означает обращение к «истинной» реальности и прощание с ложной. Каждая апробируемая артефактическая конструкция предстает в образовании как медиатор самоизменения, способствующий пребыванию студента в возможном мире. Артефакты (текст, изоб-

¹ В образовании тем самым начинает утверждаться новый опыт, «ориентирующий человека на постоянную „заботу о себе“ как постоянное себя созидание и бесконечное „порождение“ себя как Другого» [37. С. 36].

² Использование риторики «„на самом деле“ расставляет все точки над i, утверждает истину в последней инстанции. Говорящий „на самом деле“ более чем уверен в своих словах... и в том, что реальность можно описать истинными высказываниями, отбросив ложные. Речевая стратегия „как бы“ – это стратегия неуверенности в неопределенности, но претендующая на большую глубину по сравнению с разговором на языке „на самом деле“» [39. С. 123–124].

ражение, высказывание) выступают и проводниками в иномир, и одновременно условием его возникновения.

Образовательный метемпсихоз не исключает необходимости некоторых аттестационных процедур, однако их смысл и назначение меняются. Прежде всего, в контексте метемпсихоза фокус внимания участников смещается с результатов обучения на обучающий процесс, который предстает теперь как взаимная позиционная экспертиза. Поскольку символические перемещения обнаружимы исключительно в ходе коммуникации преподавателя и студента (студентов между собой), то их встреча строится как дискурсивный конфликт, состязание занимаемых и трансформируемых позиций, объективация которых составляет задачу в ситуации экспертизы. Действующие в ее ходе отношения динамичны, обратимы и могут быть представлены как предмет предъявления и анализа. Объективность в этом случае следует понимать не как нечто, существующее независимо от взаимодействия, а как то, что только и возникает в его контексте как эффект интерактивной продуктивности. Это означает, что экзамен в прежней форме в условиях образовательного метемпсихоза теряет свой статус, а на его месте оказывается понимающая интеракция ее участников, совместная апробация произведенного коммуникативного продукта и предоставляемых им функциональных возможностей, а самое главное самого себя, действующего на территории используемого дискурса.

Заключение

В ходе исследования установлено, что рецепция экзамена обусловлена различными теоретическими и практическими контекстами, объективация которых позволяет избегать его эссенциалистских и «реалистических» трактовок. Особое значение придается педагогическим интерпретациям экзамена, рассмотренным в критической перспективе. В них экзамен выступает элементом структуры педагогического воспроизводства, реализующим прежде всего внутриобразовательный интерес. Для его экспозиции в публичном пространстве сложившееся образование использует разного рода дискурсивные «прикрытия» вроде тезисов о достижении с помощью экзамена «высокого качества образования» или об экзамене как печати, удостоверяющей университетский уровень человеческого капитала, равно как и о конвертируемости экзаменационно верифицированного знания в профессиональные и личностные поствузовские достижения выпускников. Тем самым утверждается неизменность экзамена и связанного с ним образования.

В ходе анализа выделены две дискурсивные формы организации современного образования, опирающиеся на базовые метафоры: альтернатива и метемпсихоз. Первая из них ориентирует образовательный процесс на передачу кодифицированных значений культуры, вторая – на выработку отношения студентов к содержанию обучения, а также способам его знаково-символической организации. Предложена общая схема новой организации дидактического процесса и способа оценки его эффективности.

Изменение образования, с критической точки зрения, соотнобразуется с трансформацией экзамена как рефлексивного механизма регуляции образовательных отношений, его заменой диалогической процедурой гуманитарной поддержки и экспертизы опыта эпистемологического самоэкспериментирования студентов.

Литература

1. *Экзамены* // Российская педагогическая энциклопедия : в 2 т. / гл. ред. В.В. Давыдов. М. : Большая Российская энциклопедия, 1998. 608 с.
2. Бурдьё П. Воспроизводство: элементы теории системы образования / П. Бурдьё, Ж.-К. Пассрон : пер. с фр. М. : Просвещение, 2007. 267 с.
3. Jabłońska B. Krytyczna analiza dyskursu: refleksje teoretyczno-metodologiczne // Przegląd Socjologii Jakościowej. 2006. Т. II, № 1. S. 53–67.
4. Маркс К. Сочинения : в 39 т. / Маркс К., Энгельс Ф. Т. 1. 2-е. изд. М. : Гос. изд-во полит. лит-ры, 1955. 629 с.
5. Боровская Н.Е. Система императорских экзаменов в Китае // Педагогика: научно-теоретический журнал. 2005. № 10. С. 78–90.
6. McLaren P. Schooling as a Ritual Performance // Toward Political Economy of Educational Symbols and Gestures. New York : Lanham, Boulder ; Oxford : Rowman & Littlefield Publishers Inc., 1999. 326 p.
7. Durkheim É. L'évolution pédagogique en France. 1-re partie. Cours pour les candidats à l'Agrégation prononcé en 1904–1905. Paris, 1938. 136 p.
8. Hernik K. Doświadczenie konwersji przez studentów Wydziału Aktorskiego Akademii Teatralnej w Warszawie. Wpływ instytucji edukacyjnych // Przeglądu Socjologii Jakościowej. 2007. Т. III, № 3. S. 2–115.
9. Бурдьё П. Клиническая социология поля науки // Социоанализ Пьера Бурдьё. Альманах Российско-французского центра социологии и философии Института социологии Российской академии наук. М. : Ин-т эксперим. социологии ; СПб. : Алетейя, 2001. С. 49–95.
10. Вербова К.В. О психологическом аспекте экзамена // ТехноОбраз'2009: материалы VII Междунар. науч.-практ. конф., Гродно, 17–18 марта 2009 г. / под ред. В.П. Тарантей (отв. ред.) [и др.]. Гродно : ГрГУ, 2009. С. 161–165.
11. Jakubowski M. Metody szacowania edukacyjnej wartości dodanej // Buletyn badawczy. 2007. № 14. S. 7–20.
12. Szyling G. Egzaminowanie w szkole wyższej: między (nie)oczywistością znaczeń i złudzeniami zmiany // Forum Oświatowe. 2016. № 28 (2). S. 161–183.
13. Melosik Z. Uniwersytet i społeczeństwo. Dyskursy wolności i władzy. Kraków : Impuls, 2009. 156 s.
14. Ортега-и-Гассет Х. Избранные труды : пер. с исп. М. : Весь Мир, 2000. 704 с.
15. Бодрийяр Ж. Симулякры и симуляция : пер. с фр. Тула, 2013. 204 с.
16. Мелосик З., Шкудлярск Т. Культура, идентичность и образование: мерцание значений. Томск : Изд-во Том. ун-та, 2015. 170 с.
17. Гусаковский М.А. Современный дискурс воспитания в университете: смена правил игры // Образовательные технологии. 2017. № 2. С. 30–42.
18. Рубанцова Т.А. Современная парадигма образования: традиции и инновации // Философия образования. 2017. № 70, вып. 1. С. 23–28.
19. Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания : пер. с англ. М. : Academia-Центр ; МЕДИУМ, 1995. 321 с.
20. Berger P. Święty baldachim. Elementy socjologicznej teorii religii. Kraków : NOMOS, 2005. 236 s.
21. Лиотар Ж.-Ф. Состояние постмодерна : пер. с фр. М. : Алетейя ; СПб. : Ин-т соц. исследований, 1998. 231 с.
22. Визгин П.В. Границы новоевропейской науки: модерн / постмодерн // Границы науки. М. : ИФРАН, 2000. С. 192–227.
23. Сапунов М.Б. Учебный предмет: эпистемологический кризис и его преодоление / М.Б. Сапунов, А.А. Полонников // Высшее образование в России. 2018. Т. 27, №12. С. 144–157.
24. Джеймисон Ф. Постмодернизм, или Культурная логика позднего капитализма : пер. с англ. М. : Изд-во Ин-та Гайдара, 2019. 808 с.
25. Рорти Р. Философия и зеркало природы : пер. с англ. Новосибирск : Изд-во Новосиб. ун-та, 1997. 320 с.
26. Лиотар Ж.-Ф. Постмодерн в изложении для детей: Письма: 1982–1985. М. : Рос. гос. гуманит. ун-т, 2008. 145 с.
27. Полонников А.А. Самообразование в оцифрованном мире (Опыт дидактической концептуализации) // Образование и самообразование в цифровую эпоху : материалы междунар. науч.-практ. конф., 17–18 окт. 2019 г., Минск, Беларусь / редкол.: Е.А. Достанко, Н.Д. Корчало-ва, Д.Ю. Король. Минск : БГУ, 2019. С. 113–130.

28. Гусаковский М.А., Полонников А.А. От классического университета к неклассическому // Университет как центр культуропорождающего образования. Изменение форм коммуникации в учебном процессе / под ред. М.А. Гусаковского. Минск : БГУ, 2004. С. 240–268.
29. Ницше Ф. Полное собрание сочинений : в 13 т. Т. 3: Утренняя заря. Мессинские идиллии. Веселая наука : пер. с нем. М. : Культурная революция, 2014. 640 с.
30. Giroux H.A. Schooling and the myth of objectivity: stalking the politics of the hidden curriculum // McGill Journal of Education. 1981. Vol. 16, № 003. P. 282–304.
31. Aronowitz S., Giroux H.A. Postmodern education: politics, culture, and social criticism. Minneapolis : University of Minnesota Press, 1997. 217 p.
32. Filipowicz A.M. Chrześcijaństwo a reinkarnacja i metempsychoza w świetle polemiki Tertuliana z Platonem // Vox Patrum. 2010. № 30. S. 190–212.
33. Piątek A. Motywy wędrówki dusz i dybuka w kulturze żydowskiej i ich współczesna realizacja w twórczości Jony Wolach // Adeptus. Pismo Humanistów. 2016. № 7. S. 50–66.
34. Zarewicz D. Platoński program wychowania zdrowego obywatela // Kwartalnik pedagogiczny. 2017. № 1 (243). S. 161–176.
35. Генис А.А. Информационное чистилище. Беседа с философом Михаилом Эпштейном. URL: <https://www.svoboda.org/a/29981029.html> (дата обращения: 10.06.2019).
36. Эпштейн М.Н. От знания – к творчеству. Как гуманитарные науки могут изменять мир. М. : СПб. : Центр гуманитарных инициатив, 2016. 480 с.
37. Петрова Г.И. Педагогический резонанс иконического поворота в философии: роль воображения в образовании // Дискурс университета – 2015. Дискурсивное конструирование образовательных событий : материалы IV Междунар. науч.-практ. интернет-конф., Минск, 22–23 октября 2015 г. / редкол.: Д.Ю. Король (отв. ред.) [и др.]. Минск : БГУ, 2015. С. 32–36.
38. Якимов Е.В. Социальное объяснение психологического поведения: дискуссионные проблемы // THESIS. 1993. Вып. 2. С. 214–227.
39. Руднев В.П. Словарь культуры XX века. М. : Аграф, 1997. 384 с.

Aleksandr A. Polonnikov, Belarusian State Pedagogical University named after Maxim Tank (Minsk, Republic of Belarus).

E-mail: alexpolonnikov@gmail.com

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya – Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science. 2021. 63. pp. 294–306.

DOI: 10.17223/1998863X/63/29

A UNIVERSITY EXAM: RECONTEXTUALIZATION

Keywords: semiosis of education; educational alternation; educational metempsychosis; certification; inspection

The relevance of the study is determined by the search for conditions for constructive educational changes, the need and importance of which in the modern socio-cultural situation is rapidly increasing. It is assumed that the key factor of these transformations is the reorganization of the semiotic code of education, its concentrated expression being the exam. The aim of the research is to dereify the concept of exam, to demonstrate the dependence of its definitions on the contexts of application: pedagogical ideology, didactic strategy, and specific communicative conditions. The exam was attributed the status of a cellular structure of university education, a dispositive that distributes academic structures, regulates administrative decisions and modes of educational interaction, controls the order of inclusion/exclusion of knowledge, and ensures the coherence of all educational elements. The change in the type of organization of examination is considered in the article as the main objective of the development of the current educational situation. The research objectives are: deconstruction of socio-cultural and pedagogical editions of the exam in the current humanities studies; objectification of the educational constituents of a university certification procedure; modeling of the conditions for changing the discourse of the exam, which entails the transformation of the educational dispositive. The research uses a set of semiotic, phenomenological, structural-typological, and critical-analytical (deconstructive) methods. The research findings are the following. The dependence of the definitions of the exam on the discourse in which researchers carry out its thematization has been established. Two discursive forms of organization of modern education based on basic metaphors are distinguished, namely: alternation and metempsychosis. The former orients the educational process towards the transmission of codified cultural meanings, whereas the latter towards the development of students' attitude to the content of education, as well as the ways of its semiotic-symbolic organization. The general scheme of the didactic process and a method for assessing its effectiveness are proposed. It has been determined that the exam reception is determined by various theoretical and practical contexts,

the objectification of which allows avoiding its essentialist and “realistic” interpretations. Particular importance is attached to the pedagogical interpretations of the exam viewed from a critical perspective. According to them, the exam is an element of the structure of pedagogical reproduction implementing primarily an intra-educational goal. For its exposure in the public space, the established education uses all sorts of discursive “covers”, such as ideas of achieving a “high quality education” with the help of the exam, or ideas about a university exam as a kind of seal certifying a university level of human capital, as well as about the convertibility of the examination-verified knowledge in professional and personal postgraduate achievements of university graduates. Thus, the immutability of the exam and education associated with it is affirmed. The change in education from the perspective of the critical analysis is consistent with the transformation of the reflexive mechanism for the regulation of educational relations, with the replacement of the exam with a dialog procedure of the humanities’ support and the inspection of students’ experience in epistemological self-experimentation.

References

1. Davydov, V.V. (ed.) (1998) *Rossiyskaya pedagogicheskaya entsiklopediya: v 2 t.* [Russian Pedagogical Encyclopedia: in 2 vols]. Moscow: Bol'shaya Rossiyskaya entsiklopediya.
2. Bourdieu, P. & Passron, J.-C. (2007) *Vosproizvodstvo: elementy teorii sistemy obrazovaniya* [Reproduction: elements of the theory of the education system]. Translated from French. Moscow: Prosveshchenie.
3. Jabłońska, B. (2006) Krytyczna analiza dyskursu: refleksje teoretyczno-metodologiczne. *Przegląd Socjologii Jakościowej*. II(1). pp. 53–67.
4. Marx, K. & Engels, F. (1955) *Sochineniya: v 39 t.* [Works in 39 vols]. Vol. 1. 2nd ed. Translated from German. Moscow: Gosud. izd-vo polit. lit-ry.
5. Borevskaya, N.E. (2005) Sistema imperatorskikh ekzamenov v Kitae [The system of imperial examinations in China]. *Pedagogika: nauchno-teoreticheskiy zhurnal*. 10. pp. 78–90.
6. McLaren, P. (1999) *Schooling as a Ritual Performance: Toward Political Economy of Educational Symbols and Gestures*. New York: Lanham, Boulder; Oxford: Rowman & Littlefield Publishers Inc.
7. Durkheim, É. (1938) *L'évolution pédagogique en France. 1-re partie. Cours pour les candidats à l'Agrégation prononcé en 1904–1905*. Paris: [s.n.].
8. Hernik, K. (2007) Doświadczenie konwersji przez studentów Wydziału Aktorskiego Akademii Teatralnej w Warszawie. Wpływ instytucji edukacyjnych. *Przeglądu Socjologii Jakościowej*. III(3). pp. 2–115.
9. Bourdieu, P. (2001) Klinicheskaya sotsiologiya polya nauki [Clinical sociology of the field of science]. In: Shmatko, N. (ed.) *Sotsioanaliz P'era Burd'e. Al'manakh Rossiysko-frantsuzskogo tsentra sotsiologii i filosofii Instituta sotsiologii Rossiyskoy Akademii nauk* [Socioanalysis of Pierre Bourdieu. Almanac of the Russian-French Center for Sociology and Philosophy of the Institute of Sociology of the Russian Academy of Sciences]. Moscow: Institute of Experimental Sociology; St. Petersburg: Aleteya. pp. 49–95.
10. Verbova, K.V. (2009) O psikhologicheskoy aspektye ekzamina [On the psychological aspect of the exam]. In: Tarantey, V.P. et al. (eds) *TekhnObraz'2009*. Proc. of the Seventh International Conference. Grodno, March 17–18, 2009. Grodno: GrSU. pp. 161–165.
11. Jakubowski, M. (2007) Metody szacowania edukacyjnej wartości dodanej. *Buletyn badawczy*. 14. pp. 7–20.
12. Szyling, G. (2016) Egzaminowanie w szkole wyższej: między (nie)oczywistością znaczeń i złudzeniami zmiany. *Forum Oświatowe*. 28(2). pp. 161–183.
13. Melosik, Z. (2009) *Uniwersytet i społeczeństwo. Dyskursy wolności i władzy*. Kraków: Impuls.
14. Ortega y Gasset, X. (2000) *Izbrannye trudy* [Selected Works]. Translated from Spanish. Moscow: Ves' Mir.
15. Baudrillard, J. (2013) *Simulyakry i simulyatsiya* [Simulacra and simulation]. Translated from French. Tula: Tulskiy poligrafist.
16. Melosik, Z. & Szkudlarek, T. (2015) *Kul'tura, identichnost' i obrazovanie: mertsanie znacheniy* [Culture, identity and education: flicker of meanings]. Translated from English. Tomsk: Tomsk State University.
17. Gusakovskiy, M.A. (2017) Sovremennyy diskurs vospitaniya v universite: smena pravil igry [Modern discourse of education at the university: changing the rules of the game]. *Obrazovatel'nye tekhnologii*. 2. pp. 30–42.
18. Rubantsova, T.A. (2017) Modern paradigm of education: traditions and innovations. *Filosofiya obrazovaniya – Philosophy of Education*. 70(1). pp. 23–28. (In Russian). DOI: 10.15372/PHE20170103

19. Berger, P. & Luckmann, T. (1995) *Sotsial'noe konstruirovaniye real'nosti. Traktat po sotsiologii znaniya* [Social construction of reality. A treatise on the sociology of knowledge]. Translated from English. Moscow: Academia-Tsentr; MEDIUM.
20. Berger, P. (2005) *Święty baldachim. Elementy socjologicznej teorii religii*. Kraków: NOMOS.
21. Lyotard, J.-F. (1998) *Sostoyaniye postmoderna* [Postmodern State]. Translated from French. Moscow: Aleteyya; St. Petersburg: In-t sotsiolog. Issledovaniy.
22. Vizgin, P.V. (2000) Granitsy novoevropeyskoy nauki: modern / postmodern [Borders of New European Science: Modern / Postmodern]. In: Markova, L.A. (ed.) *Granitsy nauki* [Borders of Science]. Moscow: IFRAN. pp. 192–227.
23. Sapunov, M.B. & Polonnikov, A.A. (2018) Uchebnyy predmet: epistemologicheskiy krizis i ego preodoleniye [Academic subject: the epistemological crisis and its overcoming]. *Vyshee obrazovaniye v Rossii – Higher Education in Russia*. 27(12). pp. 144–157.
24. Jamison, F. (2019) *Postmodernizm, ili Kul'turnaya logika pozdnego kapitalizma* [Postmodernism, or the Cultural Logic of Late Capitalism]. Translated from English. Moscow: The Gaydar Institute.
25. Rorty, R. (1997) *Filosofiya i zerkalo prirody* [Philosophy and the Mirror of Nature]. Translated from English. Novosibirsk: Novosibirsk State University.
26. Lyotard, J.-F. (2008) *Postmodern v izlozhenii dlya detey: Pis'ma: 1982–1985* [Postmodernity as presented for children: Letters: 1982–1985]. Translated from French by A.V. Garadzha. Moscow: Russian State University for the Humanities.
27. Polonnikov, A.A. (2019) Samoobrazovaniye v otsifrovannom mire (Opyt didakticheskoy konseptualizatsii) [Self-education in the digitalized world (Experience of didactic conceptualization)]. In: Dostanko, E.A., Korchalova, N.D. & Korol, D.Yu. (eds) *Obrazovaniye i samoobrazovaniye v tsifrovuyu epokhu* [Education and Self-Education in the Digital Age]. Minsk: BSU. pp. 113–130.
28. Gusevskiy, M.A. & Polonnikov, A.A. (2004) Ot klassicheskogo universiteta k neklassicheskomu [From classical to non-classical university]. In: Gusevskiy, M.A. (ed.) *Universitet kak tsentr kul'turoporozhdayushchego obrazovaniya. Izmeneniye form kommunikatsii v uchebnom protsesse* [University as a center of culture-generating education. Changing the forms of communication in the educational process]. Minsk: BSU. pp. 240–268.
29. Nietzsche, F. (2014) *Polnoe sobraniye sochineniy: v 13 t.* [Complete Works: in 13 vols]. Vol. 3. Translated from German. Moscow: Kul'turnaya revolyutsiya.
30. Giroux, H.A. (1981) Schooling and the myth of objectivity: stalking the politics of the hidden curriculum. *McGill Journal of Education*. 16. № 003. pp. 282–304.
31. Aronowitz, S. & Giroux, H.A. (1997) *Postmodern education: politics, culture, and social criticism*. Minneapolis: University of Minnesota Press.
32. Filipowicz, A.M. (2010) Chrześcianstwo a reinkarnacja i metempsychoza w świetle polemiki Tertuliana z Platonem. *Vox Patrum*. 30. pp. 190–212.
33. Piątek, A. (2016) Motywy wędrówki dusz i dybuka w kulturze żydowskiej i ich współczesna realizacja w twórczości Jony Wolach. *Adeptus. Pismo Humanistów*. 7. pp. 50–66.
34. Zarewicz, D. (2017) Platoński program wychowania zdrowego obywatela. *Kwartalnik pedagogiczny*. 1(243). pp. 161–176.
35. Genis, A.A. (n.d.) *Informatsionnoe chistilishche. Beseda s filosofom Mikhailom Epshteynom* [Informational purgatory. Conversation with the philosopher Mikhail Epstein]. [Online] Available from: <https://www.svoboda.org/a/29981029.html> (Accessed: 10th June 2019).
36. Epstein, M.N. (2016) *Ot znaniya – k tvorchestvu. Kak gumanitarnye nauki mogut izmenyat' mir* [From knowledge to creativity. How the Humanities Can Change the World]. Moscow; St. Petersburg: Tsentr gumanitarnykh initsiativ.
37. Petrova, G.I. (2015) Pedagogicheskiy rezonans ikonicheskogo povorota v filosofii: rol' voobrazheniya v obrazovanii [Pedagogical resonance of the iconic turn in philosophy: the role of imagination in education]. In: Korol, D.Yu. (eds) *Diskurs universiteta – 2015. Diskursivnoye konstruirovaniye obrazovatel'nykh sobytiy* [University Discourse – 2015. Discursive construction of educational events]. Minsk: BSU. pp. 32–36.
38. Yakimova, E.V. (1993) Sotsial'noe ob'yasneniye psikhologicheskogo povedeniya: diskussionnye problemy [Social explanation of psychological behavior: controversial problems]. *THESIS*. 2. pp. 214–227.
39. Rudnev, V.P. (1997) *Slovar' kul'tury XX veka* [Dictionary of the Culture of the Twentieth Century]. Moscow: Agraf.

УДК 008:316.42

DOI: 10.17223/1998863X/63/30

А.П. Семенюк, К.А. Семенюк

ПОДПОЛЬНЫЙ ГЕРОЙ И ПРОБЛЕМА САМОИДЕНТИЧНОСТИ В КУЛЬТУРЕ МОДЕРНА

В статье анализируется текст «Записок из подполья» в аспекте проблемы самоидентичности. Показывается, что появление подпольного героя, его философия и отношение к реальности обусловлены специфическими социально-историческими факторами эпохи модерна, понимаемой как современность в расширительном значении. Характеристиками этого типа человека являются неспособность к партиципации, чувство онтологической неполноты, претензия на тотальность, эмфатическая экзальтация, обостренное переживание свободы.

Ключевые слова: проблема самоидентичности, Ф.М. Достоевский, подпольный герой, культура модерна

Можно говорить о том, что на сегодняшний день в отношении творчества Ф.М. Достоевского сложился значительнейший по своей глубине герменевтический горизонт. Благодаря полуторавековой работе по осмыслению текстов Достоевского и пережитому за этот период историческому опыту мы безусловно стали многое понимать глубже и в наследии мыслителя, и в самих себе. Достоевский сегодня справедливо воспринимается очень многими как современный автор, и подпольный герой остается одним из наиболее популярных и востребованных персонажей. В данной статье на основе текста «Записок из подполья» дается интерпретация проблемы идентичности, которая возникла в эпоху модерна.

Проблема личностной и культурной идентичности, действительно, возникает именно в эпоху модерна, в том буквальном значении этого термина – как современности, а не как определенного периода в истории или художественного стиля. Такое понимание термина характерно для большого числа исследователей, трактующих модерн как современную эпоху в расширительном значении (Й. Риттер, Г. Люббе, О. Марквард, Э. Гидденс, А. Хан, Ю. Хабермас и др.)¹.

Уже не раз отмечалось, что «Записки из подполья» – непосредственный предшественник модернистского романа. Здесь мы видим описание героем своего внутреннего мира, подробную фиксацию и артикулирование внутренних состояний; это поток сознания. Мы вправе говорить, что Достоевский фиксирует новый тип личности, не существовавшей дотоле и появляющейся лишь с началом эпохи модерна. Это то, что вошло в историю под названием индивидуальности, мыслящего субъекта и берет начало задолго до XIX в., еще в философии Р. Декарта. Несомненно, что здесь Достоевский ведет скрытый диалог с французским мыслителем.

¹ В данном случае модерн рассматривается как большой исторический тренд, начинающийся от эпохи реформации (или, по меньшей мере, с XVII в.) и длящийся поныне. При таком взгляде на историю культуры постмодерн имплицитно содержит в себе модерн и является его поздней модификацией. Модерн, помимо такой особенности, как проблема идентичности, имеет ряд специфических черт: секуляризация, возникновение национальных государств, капиталистическая экономика и др.

Начиная с Декарта, происходит релятивизация культурных установок субъекта. Мыслящий субъект утверждается как предельная инстанция достоверности. Все, что было «внушено только посредством примера и обычая», нуждается в проверке мышлением [1. С. 255]. Человек полностью отделяется от своего происхождения и сталкивается с необходимостью реализовывать индивидуальную траекторию формирования себя. В традиционном обществе идентичность тотально предопределена рамками традиции, происхождением, обуславливается прошлым. Теперь же возникает полная свобода самоопределения¹. И такая ситуация несет в себе несомненное и очевидное благо для человека, но в то же время оборачивается серьезными проблемами, поскольку индивид может оказаться неспособным реализовать эту возможность. И тогда он обрекается на страдания. «Клянусь вам, господа, что слишком сознавать – это болезнь, настоящая, полная болезнь. Для человеческого обихода слишком было бы достаточно обыкновенного человеческого сознания, то есть в половину, в четверть меньше той порции, которая достается на долю развитого человека нашего несчастного девятнадцатого столетия...» [2. С. 136].

Подпольный герой воплощает противоречия, свойственные человеку модерна. Идентичность современного человека (т.е. человека модерна) множественна и неустойчива. В традиционном обществе человек и его социокультурная роль неразрывны. Целостность человека полностью определяется той ролью, которую он выполняет в обществе. Принадлежность, например, к дворянскому или мещанскому сословию означает, что сущность индивида полностью исчерпывается этой сословной идентичностью. Общество модерна рождается, когда появляется разрыв между социальной ролью и индивидом как таковым².

Подпольный герой понимает условность и ограниченность этих ролей. В этом смысле он – представитель своего времени, но представитель не вполне обычный, а претендующий на исключительность. Особенность, возвышающая его над окружающими – это избыточная склонность к мышлению, «усиленное сознание». Последнее выступает источником и страданий, и в то же время чувства собственного превосходства у героя. С одной стороны, мы видим признания в неспособности к коммуникациям, обвинения себя в бесхарактерности и прочие самоуничижения, с другой – презрение к ограниченности людей деятельных и практических. «Я не только злым, но даже и ничем не сумел сделаться: ни злым, ни добрым, ни подлецом, ни честным, ни героем, ни насекомым. Теперь же доживаю в своем углу, дразня себя злобным и ни к чему не служащим утешением, что умный человек и не может серьезно чем-нибудь сделаться, а делается чем-нибудь только дурак. Да-с, умный человек девятнадцатого столетия должен и нравственно обязан быть существом по преимуществу бесхарактерным; человек же с характером, деятель, – существом по преимуществу ограниченным» [Там же. С. 135].

¹ См. статью В.А. Куренного «Иррациональная сторона рационального», в которой в числе прочего он указывает, что важной структурной особенностью модерна является «высокий уровень неопределенности и утрата людьми чувства онтологической полноты существования» [3. С. 76].

² См.: Куренной В.А. Иррациональная сторона рационального: «Современный человек включен в сложно-структурированные системы взаимодействия, выполняя множество различных социальных ролей. Однако ни одна из них не захватывает его полностью, что выливается в перманентный кризис персональной идентичности» [3. С. 76].

Становится понятно, что именно избыточная склонность к мышлению, а не какое-либо воздействие внешнего мира доставляет страдания подпольному человеку. Бесконечный поток сплетающихся мыслей и переживаний превращается в бремя для их носителя и делает такого человека непригодным к действию. Так, причиной страдания у подпольного героя выступает не любовь, а невозможность любить. «Страдал ведь, господа, уверяю вас. В глубине-то души не верится, что страдаешь, насмешка шевелится, а все-таки страдаю, да еще настоящим, заправским образом; ревную, из себя выхожу... И все от скуки, господа, все от скуки; инерция задавила. Ведь прямой, законный, непосредственный плод сознания – это инерция, то есть сознательное сложа-руки-сиденье. Я уж об этом упоминал выше. <...> Ну а как я, например, себя успокою? Где у меня первоначальные причины, на которые я упрюсь, где основания? Откуда я их возьму? Я упражняюсь в мышлении, а следственно, у меня всякая первоначальная причина тотчас же тащит за собою другую, еще первоначальнее, и так далее в бесконечность. Такова именно сущность всякого сознания и мышления» [2. С. 145].

Подпольный человек не только не стремится к достижению цели, но он даже не имеет намерения приступать к действиям, поскольку именно ему дано понять тщетность любых начинаний. Таким образом, возникает феномен, характерный для культуры модерна, – тип человека, который принципиально не может ни в чем воплотиться, реализоваться, увязая в дурной бесконечности сознания, и который в силу невозможности принять условности социального бытия рискует стать одиноким изгоем среди массы конформистов. Эту коллизию мы можем наблюдать в культуре модерна, когда вдруг некто восстает против абсурдности существующего мироустройства.

Характерным примером в этом отношении может послужить образ шекспировского Гамлета, раздираемого противоречиями рождавшейся новой цивилизации, которая опиралась на индивидуалистическую этику и на рационалистическое миропонимание. Гамлет, тоже охваченный непонятным недугом, отстраненно наблюдающий за жизнью Эльсинора, никак не может слиться с ролью мстителя и делает это только посредством отстранения в театральном действии. Мсть совершается как бы контрабандным путем.

К данному типу, конечно же, следует причислить Рокантена Ж.-П. Сартра, который «не может перестать мыслить», поскольку существует именно в силу того, что мыслит, а тело «живет само по себе». «Жвачка-мысль» делает его неспособным действовать и, соответственно, объективироваться в какие-либо социокультурные формы [4. С. 105]. Это «человек, не имеющий никакой значимости в коллективе», «всего-навсего индивид» [Там же. С. 17], который не был «ни дедом, ни отцом, ни даже супругом, <...> не голосовал» и пр. [Там же. С. 93]. Показательна и та неприязнь, с которой Рокантен описывает хозяина кафе «Мабли»: «Я с улыбкой наблюдаю его оживание – в часы, когда его заведение пусто, пустеет и его голова. С двух до четырех в кафе никого не остается, тогда мсье Фаскель сонно делает несколько шагов, официанты гасят свет, и сознание его выключается – наедине с собой этот человек всегда спит» [Там же. С. 21]. Мсье Фаскель – воплощение того, что Достоевский называет непосредственным делателем. Сущность этого персонажа сводится к его социальной роли. Это антипод Рокантена; он целостен, действует не раздумывая, ему не свойственны сомнения и неопределенность.

Гамлета, Рокантена и подпольного человека объединяет способность видеть абсурдность социального лицемерия¹. В современном мире человек должен уметь убедительно лицемерить, поскольку ему приходится играть неимоверное число ролей. А вот подпольный человек этого делать не умеет и не желает уметь. «Конец концов, господа: лучше ничего не делать! Лучше сознательная инерция! Итак, да здравствует подполье! Я хоть и сказал, что завидую нормальному человеку до последней желчи, но на таких условиях, в каких я вижу его, не хочу им быть (хотя все-таки не перестану ему завидовать. Нет, нет, подполье во всяком случае выгоднее!) Там по крайней мере можно... Эх! да ведь я и тут вру! Вру, потому что сам знаю, как дважды два, что вовсе не подполье лучше, а что-то другое, совсем другое, которого я жажду, но которого никак не найду!» [2. С. 164].

Возникает вопрос, что же собственно жаждет найти парадоксалист? Подобная лабильность границ индивида, приводящих к внезапным трансформациям его «Я», характерна не только для подпольного героя, но и для других персонажей Достоевского, для всей модерности в целом [5. С. 23]. Мучиться вопросами «Кто я?», «В чем мое предназначение, смысл существования?» – специфика современного человека, которому присуща перманентная неудовлетворенность своей идентичностью. Это индивид, включенный в социальные отношения, но не вовлеченный в них полностью. То есть он не может реализовать себя полностью в какой-либо из социальных ролей. И это становится предпосылкой возникновения проблем с персональной идентичностью в современную эпоху. Личность, которая не вмещается в свои социокультурные роли; некто, кто все время другой. Достоевский в данном случае улавливает главную нравственную проблему современности. Против чего восстает подпольный герой? Против того, что человек может быть отчужден от самого себя и редуцирован до состояния элемента некой тотальной целостности (например, системы культуры), вне которой его существование потеряло бы всякий смысл. То есть неотъемлемой особенностью этого современного человека является лишенность целостности и стремление ее восполнить. При этом он не только испытывает онтологическую неполноту, но еще и сам притязает на вездесущность, и в этом несоответствии его притязаний и возможностей заключается источник страданий. Подпольный человек, в слезах переживающий мечты о том, как все добровольно признают его совершенства, а озеро Комо ради него переносят в Рим, красноречивый тому пример [2. С. 181]. С другой стороны, иллюзию целостности как тотальности предоставляли в XX в. тоталитарные системы.

Эпоха модерна рождает противоречивые тенденции. С одной стороны, научно-технический прогресс ведет к унификации, массовизации культурных образцов. С другой – обнаруживается отчетливое сопротивление стандартизации, тоталитаризму массы. В этом отношении Герман Люббе выделяет два полярных способа формирования идентичности в культуре модерна. Идентичность революционного морализма, когда личностная уникальность растворяется во вне-индивидуальных началах, предполагает партиципацию. Личность отчуждается в пользу общественного блага и прагматически обу-

¹ Список примеров можно было бы существенно расширить, включив в него персонажей Ф. Кафки, Р. Музиля, А. Камю и др.

словлена рациональным конструктом великой исторической цели¹. Во втором случае идентичность становится идентификатором уникальной личности, и восполнение онтологической неполноты существования происходит через критику рациональных начал цивилизации и переживание эмфатического смысла. Последнее, по О. Маркварду, и есть переживание полноты бытия, которое только и может сделать жизнь человека осмысленной. Такое переживание достигается в предельном экзистенциальном напряжении, в котором «Я» поставлено в пограничное состояние перехода, когда мое чувствование реальности достигает предельного напряжения [8. С. 47; 9. С. 20]. И в этом смысле оно направлено против монотонной рутины рационализованной повседневности культуры модерна, в которой человеку отводится роль функции, «штифтика», «фортепьянной клавиши» и пр. [2. С. 152].

В чем, например, может быть обострено до предела чувство реального? С точки зрения героя повествования, – это страдание. «И почему вы так твердо, так торжественно уверены, что только одно нормальное и положительное, – одним словом, только одно благоденствие человеку выгодно? Не ошибается ли разум-то в выгодах? Ведь, может быть, человек любит не одно благоденствие? Может быть, он ровно настолько же любит страдание? Может быть, страдание-то ему ровно настолько же и выгодно, как благоденствие? А человек иногда ужасно любит страдание, до страсти, и это факт» [Там же. С. 161].

Страдание тем самым становится сущностным признаком личности. С одной стороны, личность, которая притязает на полную свободу самоопределения, отвергает любые попытки определить ее извне. Но в то же время такая поза отрицания авторитета имеет своей оборотной стороной мучительное сомнение в правомочности такого самообоснования, поскольку, формируя свой образ, личность понимает, что не опирается ни на что другое, кроме собственного мышления. Конструируя свою личность самостоятельно, она подвергает себя самокритике.

Однако именно эта эмфатическая экзальтация делает подпольного человека неуязвимым перед тем, что можно было бы называть «омурованием» [10]. В «Записках» мы встречаем негативный образ «города муравьев» – как метафоры общества, состоящего из людей массы, пытающихся обрести свою идентичность в тотальном, всепроникающем «порядке» [2. С. 160]. Такое замыкание на собственных переживаниях обладает гуманистическим пафосом и противопоставляется дегуманизирующей, деиндивидуализирующей тоталитарности. «Можно сказать, – отмечает И.И. Евлампиев, – что тоталитаризм самых разных оттенков (в том числе и вполне «либеральных» по своей политической видимости) воцарился в XX в. над Европой во многом из-за того, что в европейцах оказалось слишком мало того живого „усиленного сознания“, разрушающего любую определенность, которым обладал подпольный человек» [11. С. 44].

И здесь Достоевский оказывается абсолютно релевантен современности уже в буквальном смысле этого слова – реальности сегодняшнего дня. Мы наблюдаем новую актуализацию партиципативной (особенно того, что называется сегментивной)² идентичности. Сегодня вновь возрастает потребность

¹ См. об этом исследования Г. Люббе по политической теории [6, 7].

² А. Хан называет этим термином принадлежность к группе людей, которых мы считаем «своими» в противоположность «чужакам» [12].

в соотношении себя с тем, что индивид разделяет с большинством представителей общества: религиозной традицией или, в некоторых случаях, национально-этническим началом. Секуляризация, модернизация, глобализация дезориентируют индивида, и как следствие формируется компенсаторный запрос на «незыблемую» и «вечную» архаику. Развеять очарованность такими анахронизмами помогает чтение «Записок из подполья». Вдумчивое прочтение текста убеждает в тщетности любых попыток вписать индивидуальную сущность современного человека в рамки какой бы то ни было групповой идентичности. Никакое соучастие не вернет ему столь желаемое ощущение онтологической полноты.

Литература

1. Декарт Р. Сочинения : в 2 т. : пер. с лат. и фр. М. : Мысль, 1989. Т. 1. 656 с.
2. Достоевский Ф.М. Собрание сочинений : в 10 т. М. : Худ. лит., 1956. Т. 4. 612 с.
3. Куренной В.А. Иррациональная сторона рационального // Отечественные записки. Журнал для медленного чтения. 2013. № 1(52). С. 70–78.
4. Сартр Ж.-П. Стена : Избранные произведения. М. : Политиздат, 1992. 480 с.
5. Киселева М.В. Понятие границы: рецепция Ф.М. Достоевского в австрийской литературе: Ф. Кафка и Р. Музиль : автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 2012. 31 с.
6. Люббе Г. Просвещение и террор. Философско-исторические предпосылки тоталитарной демократии // Вестник Московского университета. Серия 12: Социально-политические исследования. 1992. № 6. С. 51–62.
7. Lübke H. Die Aufdringlichkeit der Geschichte: Herausforderungen der Moderne vom Historismus bis zum Nationalsozialismus. Graz etc.: Styria, 1989. 360 s.
8. Marquard O. Zur Diätetik der Sinnerwartung. Philosophische Bemerkungen // Apologie des Zufälligen. Stuttgart : Reclam, 1986. S. 33–53.
9. Румянцева М.В. Компенсаторная теория в работах Германа Люббе и Одо Маркварда. М. : Изд. дом Высшей школы экономики, 2014. 32 с.
10. Киселева М.В. Превращение человека в насекомое: отголоски «Человека из подполья» Достоевского в творчестве Кафки и Музиля // Предчувствие будущего на рубеже XIX–XX вв. в немецкой, австрийской и русской культурах : междунар. конф. (2010, Москва) // Вопросы философии. 2012. № 2. С. 155–158.
11. Евлампиев И.И. «Записки из подполья» Ф. Достоевского: «живая жизнь» против «мертвой жизни» // Соловьевские исследования. 2011. № 3 (31). С. 25–46.
12. Hahn A. Konstruktionen des Selbst, der Welt und der Geschichte. Frankfurt am Main : Suhrkamp, 2000. 515 S.

Anton P. Semenyuk, Siberian State Medical University (Tomsk, Russian Federation).

E-mail: apsemenyuk76@gmail.com

Ksenia A. Semenyuk, Siberian State Medical University (Tomsk, Russian Federation).

E-mail: marcelp@yandex.ru

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya – Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science. 2021. 63. pp. 307–313.

DOI: 10.17223/1998863X/63/30

THE UNDERGROUND HERO AND THE PROBLEM OF SELF-IDENTITY IN MODERN CULTURE

Keywords: problem of self-identity; Fyodor Dostoevsky; Underground Man; modern culture

The article analyzes the text of *Notes From the Underground* in the aspect of the cultural problem of self-identity. The authors show that the appearance of the Underground Hero, whose philosophy and attitude to reality are caused by the specific cultural and historical factors of the modern era understood as modernity in an expanded sense. Such factors are Descartes's ideas about the thinking subject and the process of individualization of society, the influence of which, according to the authors, is due to the enhanced consciousness of the hero. In this enhanced consciousness, the authors see the main source of problems with self-identity in the hero of the *Notes*. Due to the excess of thinking, the Underground Hero understands the conditionality and limitations of socio-cultural roles. The rejection

tion of the absurdity of social relations turns into an inability of participation for him. The endless stream of intertwining thoughts and experiences turns into a burden for their bearer and makes such a person unfit for action and unable to objectify oneself in any socio-cultural forms. Further, the authors show that similar features are found in other iconic literary characters of modernity – Hamlet by William Shakespeare and Roquentin by Jean-Paul Sartre. In the authors' opinion, the tragedy of the Underground Man is that he is not able to feel as integrity. The ontological incompleteness is compensated for by his attempts to find grounds for integrity in his own self, which is expressed in baseless claims to totality and, ultimately, is resolved in emphatic exaltation. Such an experience is achieved in the ultimate existential tension, in which the "I" is put in a borderline state of transition when one's sense of reality reaches ultimate tension. In this sense, it is directed against the monotonous routine of the rationalized everyday life of modern culture, in which a person is assigned the role of a function, a "pin", a "piano key", etc. In the case of the Underground Hero, the sense of the real is stretched to the limit in suffering. Suffering, thereby, becomes an essential feature of a person. On the one hand, a person who claims complete freedom of self-determination rejects any attempts to define it from the outside. The reverse side of such a pose of denying authority is a painful doubt about the legitimacy of such self-justification since forming one's image one understands that one relies on nothing other than one's own thinking. By constructing one's personality on one's own, a person exposes oneself to self-criticism. However, it is this emphatic exaltation that makes the Underground Man invulnerable to any form of cultural totality. This apparently is the logic of the formation of the free individual's self-identity. In the end, the authors come to the conclusion that a thoughtful reading of the text convinces of the futility of any attempts to fit the individual essence of a modern person into any of the group identity frameworks. No amount of participation will return the much-desired sense of ontological completeness to this person.

References

1. Descartes, R. (1989) *Sochineniya: v 2 t.* [Works: in 2 vols]. Translated from Latin and French. Vol. 1. Moscow: Mysl'.
2. Dostoevskiy, F.M. (1956) *Sobranie sochineniy: v 10 t.* [Collected works: in 10 vols]. Vol. 4. Moscow: Khud. lit.
3. Kurennoy, V.A. (2013) Irratsional'naya storona ratsional'nogo [Irrational side of the rational]. *Otechestvennye zapiski. Zhurnal dlya medlennogo chteniya*. 1(52). pp. 70–78.
4. Sartre, J.-P. (1992) *Stena: Izbrannye proizvedeniya* [The Wall: Selected Works]. Translated from French. Moscow: Politizdat.
5. Kiseleva, M.V. (2012) *Ponyatie granitsy: retseptsiya F.M. Dostoevskogo v avstriyskoy literature: F. Kafka i R. Musil'* [The concept of the border: the reception of F.M. Dostoevsky in Austrian literature: F. Kafka and R. Musil]. Abstract of Philology Cand. Diss. Moscow.
6. Lübke, H. (1992) Prosveshchenie i terror. Filosofsko-istoricheskie predposylki totalitarnoy demokratiy [Enlightenment and Terror. Philosophical and historical preconditions for totalitarian democracy]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 12. Sotsial'no-politicheskie issledovaniya*. 6. pp. 51–62.
7. Lübke, H. (1989) *Die Aufdringlichkeit der Geschichte: Herausforderungen der Moderne vom Historismus bis zum Nationalsozialismus*. Graz etc.: Styria.
8. Marquard, O. (1986) *Apologie des Zufälligen*. Stuttgart: Reclam. pp. 33–53.
9. Rummyantseva, M.V. (2014) *Kompensatornaya teoriya v rabotakh Germana Lyubbe i Odo Markvarda* [Compensatory theory in the works of Hermann Lübke and Odo Marquard]. Moscow: HSE.
10. Kiseleva, M.V. (2012) Prevrashchenie cheloveka v nasekomoe: otgoloski "Cheloveka iz podpol'ya" Dostoevskogo v tvorchestve Kafki i Muzilya [The transformation of a man into an insect: echoes of Dostoevsky's "Man from the Underground" in the works of Kafka and Musil]. *Voprosy filosofii*. 2. pp. 155–158.
11. Evlampiev, I.I. (2011) "Zapiski iz podpol'ya" F. Dostoevskogo: "zhivaya zhizn'" protiv "mertvoy zhizni" [F. Dostoevsky's "Notes from the Underground": "Living Life" versus "Dead Life"]. *Solov'evskie issledovaniya*. 3(31). pp. 25–46.
12. Hahn, A. (2000) *Konstruktionen des Selbst, der Welt und der Geschichte*. Frankfurt am Main: Suhrkamp.

УДК 1 (091)

DOI: 10.17223/1998863X/63/31

Н.А. Тарабанов

ГНОСЕОЛОГИЧЕСКИЕ И ЭТИКО-ЭСТЕТИЧЕСКИЕ ОСНОВАНИЯ ЭКЗИСТЕНЦИАЛЬНОЙ АНАЛИТИКИ ДОСТОЕВСКОГО

Работа выполнена при поддержке Российского фонда фундаментальных исследований (грант № 13-06-00119) в рамках проекта «Концептуальные основания прикладной этики: методология принятия морального решения».

В статье раскрываются гносеологические и этико-эстетические основания экзистенциальной аналитики Достоевского, воплощающего своим житием единство добра, истины и красоты. Таинственность человеческого существования выступает необходимой предпосылкой самопознания и бытия в мире с другими, что составляет один из основополагающих принципов экзистенциальной антропологии, стремящейся дать ответ на вопрос о том, что есть человек.

Ключевые слова: Достоевский, экзистенция, гносеология, этика, эстетика

Эти три свойства Бога и человека –
благо, истина и красота – неделимы <...>

Н.Ф. Федоров [1. С. 461]

Жизнь и творчество Фёдора Михайловича Достоевского (1821–1881) вызывают противоречивые (порой диаметрально противоположные) оценки – от восторженно превозносящих до уничижительно оскорбительных. Помимо прочего, такая неоднозначность объясняется, вероятно, диалектичностью его миропонимания, пронизанного литературно-социологическим психологизмом и экзистенциально-философским антропологизмом; последний, по-видимому, представляет наибольший интерес с точки зрения актуального и по сей день просвещенческого гуманистического проекта, восходящего отчасти к античному (дохристианскому) представлению о единстве *добра* (блага), *истины* (знания) и *красоты* (прекрасного). Исходя из преимущественно концептуально-художественного (литературоведческого) и историко-философского анализа письменного наследия Достоевского, вполне можно прийти к выводу о явно синтетическом характере гносеологических, этических и эстетических оснований его экзистенциальной аналитики.

Экзистенциальная аналитика – термин, отсылающий к феноменологическому проекту М. Хайдеггера, главной целью которого является прояснение смысла человеческого существования через анализ повседневного бытия, которое в качестве предмета исследования или самопознания имеет не вполне определенные границы. Как правило, оно отождествляется с мирским, житейским или обыденным измерением человеческого существования и противопоставляется научному, религиозному или сакральному его измерению. Однако бытие человека в мире вряд ли может быть не повседневным, ибо границы обыденности весьма условны и никогда не могут быть определены

совершенно точно. Такое предположение снимает кажущееся противоречие между эзотерическим и экзотерическим пониманием человеческого бытия, а деятельность священника или ученого является не менее повседневной, нежели творчество писателя или художника. В этой связи справедливо замечание Г.М. Фридлендера: «Признание действительности, объективной правды самой жизни прообразом художественного творчества, его недостижимой по богатству содержания „моделью“ было одним из краеугольных камней реалистической эстетики Достоевского» [2. С. 366]. Как известно, писатель много внимания уделял описанию обыденно-повседневной стороне жизни своих героев: как выглядит интерьер их жилища, во что они одеты и т.п.

Экзистенциальная аналитика предполагает обращение, прежде всего, к персональному опыту повседневности, в котором репрезентируются достаточно определенные структуры человеческого бытия, именуемые *экзистенциалами*: «бытие-в-мире», «бытие-с-другими», «бытие-к-смерти» и др. Модусы бытия мира, как полагает Хайдеггер, выражаются экзистенциалами через возможные модусы человеческого существования, имеющего неразрывную связь с самим этим миром; посредством экзистенциалов человек себя познает. Самопознание является главной целью человеческого существования, на что Достоевский, будучи семнадцатилетним юношей, обратил внимание в письме к брату: «Человек есть тайна. Ее надо разгадать, и ежели будешь ее разгадывать всю жизнь, то не говори, что потерял время; я занимаюсь этой тайной, ибо хочу быть человеком» [3. С. 317]. Переписка с братом и иными корреспондентами является у Достоевского своего рода способом раскрытия экзистенциала «бытие-с-другими», который неразрывно связан с экзистенциалом «бытие-в-мире». Относительно этих экзистенциалов Хайдеггер отмечает: «„Другие“ означает не то же что: весь остаток прочих помимо меня, из коих выделяется Я, другие это наоборот те, от которых человек сам себя большей частью не отличает, среди которых и он тоже <...> На основе этого совместного бытия-в-мире мир есть всегда уже тот, который я делю с другими. Мир присутствия есть совместный-мир. Бытие-в есть со-бытие с другими» [4. С. 118]. Получается, что соприсутствие (совместное бытие-в-мире) выступает чуть ли не обязательным условием самопознания, ибо человек становится собой только во взаимодействии с окружающими людьми; вместе с тем такая философия вполне согласуется с принципом соборности, которого придерживался и Достоевский. Таинственность же человеческого существования, судя по всему, является необходимой предпосылкой бытия-в-мире – в этом заключается один из принципов экзистенциальной антропологии, стремящейся дать ответ на вопрос о том, что есть человек.

В сочинениях Достоевского обнаруживается несколько определений человека. В «Записках из Мертвого дома» (1860–1861) дается, например, следующее определение: «Человек есть существо, ко всему привыкающее, и, я думаю, это самое лучшее его определение» [5. С. 13]. Привыкание как характерная черта человека требует пояснения, которое можно обнаружить у Иммануила Канта в работе «Антропология с прагматической точки зрения» (1798): «<...> *привыкание* (*consuetudo*), и именно потому, что ощущения одного и того же вида вследствие их продолжительности без всякой смены отвлекают внимание от [внешних] чувств и почти уже не осознаются, хотя и *облегчает* перенесение страданий (что ошибочно удостоивается имени одной

из добродетелей – терпения), но в то же время делает *более тягостным* сознание и воспоминание о приобретенном благе, что обычно приводит к неблагодарности (к действительному пороку)» [6. С. 381]. К сожалению, доподлинно неизвестно, был ли Достоевский знаком (и насколько обстоятельно) с трудами Канта, однако К. Мочульский обращает внимание на следующее: «Через неделю после выхода из каторги Достоевский писал брату Михаилу: <...> „Пришли мне Коран, ‘Critique de raison pure’ Канта... и непременно Гегеля, в особенности гегелеву историю философии. С этим вся моя будущность соединена...“» [7. С. 128]. Примечательно однако, как данная Кантом характеристика привыкания, приводящего к неблагодарности (пороку), перекликается с еще одним определением, представленным Достоевским в «Записках из подполья» (1864): «Я даже думаю, что самое лучшее определение человека – это: существо на двух ногах и неблагодарное» [8. Т. 4. С. 156]. В отличие от данного ранее позитивного (утвердительного) определения человека, эта характеристика негативна (отрицательна) и иронично-саркастична. Не менее примечательно, насколько это определение перекликается с тем, как якобы определял человека ученик Сократа, совершившего антропологический поворот в философии: «Когда Платон дал определение, имевшее большой успех: „Человек есть животное о двух ногах, лишенное перьев“, Диоген ошипал петуха и принес к нему в школу, объявив: „Вот платоновский человек!“ После этого к определению было добавлено: „И с широкими ногтями“» [9. С. 226]. Как известно, отталкиваясь преимущественно от (псевдо)платоновского определения, позднее Бозций формулирует ставшую классической рассудочную дефиницию: «<...> человек есть двуногое разумное животное» [10. С. 215].

Именно *разумность* продолжает оставаться наиболее очевидной (по крайней мере, с точки зрения науки) отличительной чертой человека – *Homo sapiens* в биологической систематике. Скорее всего, определение человека как «*существа разумного*» было хорошо известно и Достоевскому, однако он, судя по всему, сторонился его использовать, вероятно потому, что оно чересчур контринтуитивно и вместе с тем крайне неопределенно. Что такое *разум*? Как он соотносится с *верой*? Возможны ли *верующий разум* или *разумная вера*? Недостаточность разума, оказавшегося в эпоху Просвещения исходным началом и главным ориентиром человеческого бытия, по-видимому, вполне сознавалась Достоевским; свидетельством тому может послужить, в частности, отрывок из письма Н.Д. Фонвизиной: «Я слышал от многих, что вы очень религиозны <...> Я скажу вам про себя, что я – дитя века, дитя неверия и сомнения до сих пор и даже (я знаю это) до гробовой крышки. <...> я сложил в себе символ веры, в котором все для меня ясно и свято. Этот символ очень прост, вот он: верить, что нет ничего прекраснее, глубже, разумнее, мужественнее и совершеннее Христа <...> если бы кто мне доказал, что Христос вне истины, и действительно было бы, что истина вне Христа, то мне лучше хотелось бы оставаться со Христом, нежели с истиной» (цит. по: [11. С. 130]). Исходя из этого отрывка, можно сделать вывод о том, что, во-первых, религиозные убеждения Достоевского до конца неочевидны («дитя неверия и сомнения»), а во-вторых, вера и разум не противопоставлены друг другу, а составляют в (бого)человеческом бытии гармоничное (хотя

порой и противоречивое) единство – представление, восходящее к раннехристианскому тезису Климента Александрийского [12. С. 404].

Тем не менее, противостояние веры и разума находит отражение в сюжетных линиях многих литературных произведений писателя, а особенно остро – в «Братьях Карамазовых» (1879–1880). Не случайно поэтому многие представители последующей русской религиозно-философской мысли (Н.А. Бердяев, В.В. Розанов и др.) стремились интерпретировать роман в качестве открытия трансцендентной природы человека и вместе с тем как трагедию религиозного сознания, которое стоит перед роковым выбором между «бегством от Бога» и «бытием в Боге» [13. С. 36]. Однако в романе можно, помимо прочего, обнаружить также и завуалированную полемику Достоевского с Кантом в качестве противоборства между литературными героями, воплощающими положения об антиномиях (тезис и антитезис) в «Критике чистого разума» (1787). Именно на такое скрытое противоборство обратил внимание Я.Э. Голосовкер, подвергший тщательному компаративному анализу и литературоведческому исследованию содержание двух произведений. В результате такого анализа-исследования он приходит, в частности, к следующему выводу: «Если полагать, что – по Канту, – речь в тезисе антиномий идет о „краеугольных камнях“ морали и религии, а в антитезисе о „краеугольных камнях“ науки, то о тех же „краеугольных камнях“ идет речь и в романе» [14. С. 39]. Справедливость этого вывода подтверждается противопоставлением героев романа и их словесных символов, воплощающих тезис и антитезис; так, например, Алёша воплощает тезис (религия), тогда как Иван – антитезис (наука). Как известно, Кант формулирует четыре антиномии чистого разума, выражаемых в противоречии трансцендентальных идей; для наглядности ограничимся приведением только четвертой антиномии: «Тезис К миру принадлежит или как часть его, или как его причина безусловно необходимая сущность <...> Антитезис Нигде нет никакой абсолютно необходимой сущности – ни в мире, ни вне мира – как его причины» [15. С. 284–285]. Что же касается словесных символов романа, воплощающих тезис и антитезис кантовских антиномий, то Голосовкер отмечает следующее: «Словесные символы тезиса символизируют: бессмертие – свободу – бога. Словесные символы антитезиса символизируют: естественную необходимость – пустоту – бесконечность – уничтожение» [14. С. 45]. И далее: «Но воплощая в героях и их словесных символах положения Кантова тезиса и антитезиса, Достоевский и самое, на почве опыта неустранимое, качание коромысла антиномий воплотил в Иване, представленном явно – как антитезис, а тайно – как тезис <...> [Там же]. Таким образом, Иван Карамазов является героем, в котором осуществляется внутренняя борьба между научным разумом и религиозной верой – борьба, которая, как известно, оканчивается его помешательством. Вместе с тем «наука или религия» вполне может оказаться ложной дилеммой, на что также вслед за Достоевским обращает внимание и Голосовкер: «Иван, юный мыслитель, видел единственный путь к победе в гордом мужестве абсолютного атеиста, грядущего человеко-бога, вооруженного наукой перед лицом страшного вакуума природы, причем он совершенно опустил другое, столь же могучее оружие человека, известное автору, – искусство: ибо где человек погибает в истине, там он спасается красотой» [Там же. С. 84–85].

Красота (прекрасное), как известно, является одной из главных эстетических категорий, однако она имеет неоднозначную интерпретацию на протяжении всей истории человечества. В контексте миропонимания Достоевского особое значение имеет античное понятие «*калокагатия*» (от греч. *καλοκάγαθία*) – гармоничное сочетание прекрасного и доброго в характеристике идеального человека, олицетворением которого для писателя несомненно является Христос, свидетельством чему, в частности, служит приводимый ранее отрывок из письма Фонвизиной. Как помним, по Достоевскому, одной только истины недостаточно для человеческого существования, ибо «нет ничего прекраснее, глубже, разумнее, мужественнее и совершеннее Христа». Образ Христа отчасти проявляется в романе «Идиот» (1868), где князь Мышкин предстает «*положительно прекрасным*» героем, изобразить которого явилось главной мыслью романа, как признается автор в письме к С.А. Ивановой: «Главная мысль романа – изобразить положительно прекрасного человека. Труднее этого нет ничего на свете, а особенно теперь. Все писатели, не только наши, но даже все европейские, кто только ни брался за изображение *положительно* прекрасного, – всегда пасовал. Потому что это задача безмерная. Прекрасное есть идеал, а идеал – ни наш, ни цивилизованной Европы еще далеко не выработался. На свете есть одно только *положительно прекрасное* лицо – Христос, так что явление этого безмерно, бесконечно прекрасного лица уже конечно есть бесконечное чудо» [3. С. 342]. В этом фрагменте примечательны, по крайней мере, два момента: во-первых, характеристика «*положительно прекрасного*», вероятно, предполагает возможность существования «*отрицательно прекрасного*», которое вполне может быть воплощено, например, в губительно-роковой красоте Настасьи Филипповны; во-вторых, явно прослеживается удвоенная характеристика прекрасного как бесконечного. Вместе с тем известно, что Шиллер, творчество которого высоко ценил Достоевский, проводил различие между красотой «в идее» («вечной, единой и неделимой») и красотой «в опыте» (гармония «чувственной зависимости» и «моральной свободы»). Более того, красота для Шиллера и некоторых иных философов (Гегель, Хайдеггер и др.) выступала в качестве чувственного образа (явления) истины [12. С. 340] – представление, так или иначе восходящее к античному (дохристианскому) миропониманию. Таким образом, истина и красота тесно связаны друг с другом, также как добро и красота, на что, в частности, обращает внимание В.В. Зеньковский: «Ведь вся беда в том по Достоевскому, что „эстетическая идея помутилась в человеке“. Смысл этой знаменательной фразы может быть истолкован лишь так, что сила, которая была присуща эстетическому началу в его существе, в его изначальной целостности <...> ослабела в нем, *ибо разорвалась эта изначальная связь красоты и добра, искусства и морали*» [17. С. 50].

Единство добра, истины и красоты (хотя бы и в качестве некоторого высшего идеала) понижает, пожалуй, все житнетворчество Достоевского, но особенно наглядно в заключительных строчках его последнего романа, эпилог которого был опубликован за несколько месяцев до кончины писателя. После похорон Илюшечки Снегирева Алеша говорит мальчишкам: «Как хороша жизнь, когда что-нибудь сделаешь хорошее и правдивое!» [8. Т. 10. С. 337]. Уже в этой только фразе символически отображается единство добра («хорошее»), истины («правдивое») и красоты («жизнь»). «Прекрасное есть

жизнь» – тезис, который выдвигает и пытается обосновать Н.Г. Чернышевский в полемике с гегельянской эстетикой [12. С. 341] и с которым, вероятно, согласился бы и Федор Михайлович, несмотря на их достаточно сложные отношения. Кроме того, в библейском Новом Завете (Евангелие от Иоанна, Ин. 14:6), который во время каторги был для Достоевского практически единственно доступной книгой, встречаются такие слова Иисуса: «Я есмь путь, и истина, и жизнь» [17. С. 258]. Учитывая ранее отмеченное отождествление красоты и Христа, а также связь добра и красоты, которая проявляет себя в истине, можно прийти к выводу о том, что экзистенциальная аналитика Достоевского эксплицирует единство добра, истины и красоты через репрезентацию тех гносеологических и этико-эстетических оснований, которые явно обнаруживаются преимущественно в религиозно-философских измерениях его творчества.

Литература

1. Федоров Н.Ф. Сочинения. М. : Мысль, 1982. 711 с.
2. Фридендер Г.М. Реализм Достоевского. М. : Наука, 1964. 404 с.
3. Достоевский Ф.М. О русской литературе. М. : Современник, 1987. 399 с.
4. Хайдеггер М. Бытие и время / пер. с нем. В.В. Библихина. М. : Ad Marginem, 1997. 451 с.
5. Достоевский Ф.М. Собрание сочинений: Записки из Мертвого дома : Роман; Рассказы. М. : Мир книги : Литература, 2007. 384 с.
6. Кант И. Сочинения : в 6 т. / пер. с нем. под ред. В.Ф. Асмуса и др. М. : Мысль, 1966. Т. 6. 743 с.
7. Мочульский К. Достоевский. Жизнь и творчество. Париж : YMCA-PRESS, 1947. 561 с.
8. Достоевский Ф.М. Собрание сочинений : в 10 т. М. : Гос. изд-во худ. лит., 1956. 609 с.
9. Диоген Лаэртский. О жизни, учениях и изречениях знаменитых философов / пер. с греч. М.Л. Гаспарова ; под ред. А.Ф. Лосева. 2-е изд. М. : Мысль, 1986 с. 571 с.
10. Бозций. Утешение философией / пер. с лат. В. Уколовой, М. Цейтлина. М. : РИПОЛ классик, 2020. 254 с.
11. Чулков Г.И. Жизнь Достоевского / сост., подг. текста, коммент. и вступит. ст. О.А. Богдановой. М. : ИМЛИ РАН, 2015. 472 с.
12. Новая философская энциклопедия : в 4 т. М. : Мысль, 2010. Т. 3. 692 с.
13. Достоевский: Сочинения, письма, документы : словарь-справочник / сост. и науч. ред. Г.К. Щенников, Б.Н. Тихомиров. СПб. : Пушкинский Дом, 2008. 470 с.
14. Голосовкер Я.Э. Достоевский и Кант: Размышления читателя над романом «Братья Карамазовы» и трактатом Канта «Критика чистого разума». М. : Изд-во АН СССР, 1963. 102 с.
15. Кант И. Критика чистого разума / пер. с нем. Н. Лосского. М. : Мысль, 1994. 591 с.
16. Зеньковский В.В. Проблема красоты в мирозерцании Достоевского // Путь. 1933. № 37. С. 36–60.
17. Новый Завет. СПб. : Типография Российского библейского общества, 1823. 620 с.

Nikolai A. Tarabanov, Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation).

E-mail: nikotar@mail.tsu.ru

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya – Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science. 2021. 63. pp. 314–320.

DOI: 10.17223/1998863X/63/31

EPISTEMOLOGICAL, ETHICAL, AND AESTHETIC FOUNDATIONS OF DOSTOEVSKY'S EXISTENTIAL ANALYTICS

Keywords: Dostoevsky; existence; epistemology; ethics; aesthetics

The article exposes epistemological, ethical, and aesthetic foundations of Dostoevsky's existential analytics, which embodies (at least, as an ideal) the unity of good, truth, and beauty. Existential analytics is Heidegger's phenomenological project, in which the clarification of sense of human existence by means of analysis of everyday being is the main purpose. The mysteriousness of human existence is a necessary prerequisite of being-in-the-world, and this is one of the principles of existential anthropology, which aims to define man. Dostoevsky gives two definitions of man: 1) "a creature that

can get accustomed to anything" (*The House of the Dead*, 1860–1861), 2) "a being that goes on two legs and is ungrateful" (*Notes from Underground*, 1864). These two definitions are closely intertwined with what Kant writes about *being accustomed*, which leads to *ingratitude* (ungratefulness): "becoming accustomed (consuetudo) in fact makes the endurance of misfortune easy (which is then falsely honored with the name of a virtue, namely patience), for when sensations of exactly the same kind persist for a long time without change and draw one's attention away from the senses, one is barely conscious of them anymore. But this also makes consciousness and memory of the good that one has received more difficult, which then usually leads to ingratitude (a real vice)" (*Anthropology from a Pragmatic Point of View*, 1798). These and other definitions of man are analyzed in the context of Dostoevsky's philosophical and religious world view, as well as his account for relationship between faith and reason. Confrontation between faith and reason are revealed in many story lines of Dostoevsky's writings, and especially in *The Brothers Karamazov* (1879–1880), where religion is opposed to science. However, the "religion or science" dilemma can be false, and it should be completed with art, where beauty is one of basic categories. Dostoevsky argues that Christ is an epitome of beauty and good – what is known as *kalokagathia* in ancient Greek philosophy. Moreover, the following words of Jesus are met in the Bible: "I am the way, and the truth, and the life" (*Gospel of John*, 14:6). Thus, Dostoevsky's existential analytics represents the unity of beauty, good, and truth.

References

1. Fedorov, N.F. (1982) *Sochineniya* [Works]. Moscow: Mysl'.
2. Fridlender, G.M. (1964) *Realizm Dostoevskogo* [Dostoevsky's realism]. Moscow: Nauka.
3. Dostoevsky, F.M. (1987) *O russkoy literature* [About Russian literature]. Moscow: Sovremennik.
4. Heidegger, M. (1997) *Bytie i vremya* [Being and Time]. Translated from German by V.V. Bibikhin. Moscow: Ad Marginem.
5. Dostoevsky, F.M. (2007) *Sobranie sochineniy: Zapiski iz Mertvogo doma* [Collected Works: Notes from the House of the Dead]. Moscow: Mir knigi: Literatura.
6. Kant, I. (1966) *Sochineniya: v 6 t.* [Works: in 6 vols]. Vol. 6. Translated from German by V.F. Asmus. Moscow: Mysl'.
7. Mochulsky, K. (1947) *Dostoevskiy. Zhizn' i tvorchestvo* [Dostoevsky. Life and works]. Paris: YMCA-PRESS.
8. Dostoevsky, F.M. (1956) *Sobranie sochineniy: v 10 t.* [Collected Works: in 10 vols]. Moscow: Gos. izd-vo khudozh. lit.
9. Diogenes Laertius. (1986) *O zhizni, ucheniyakh i izrecheniyakh znamenitikh filosofov* [On the life, teachings and sayings of famous philosophers]. Translated from Greek by M.L. Gasparov. 2nd ed. Moscow: Mysl'.
10. Boethius. (2020) *Uteshenie filosofiey* [Consolation by Philosophy]. Translated from Latin by V. Ukolova, M. Tseytlin. Moscow: RIPOL klassik.
11. Chulkov, G.I. (2015) *Zhizn' Dostoevskogo* [Dostoevsky's Life]. Moscow: RAS.
12. Stepin, V.S., Guseynov, A.A., Semigin, G.Yu., Ogurtsov, A.P. et al. (eds) (2010) *Novaya filosofskaya entsiklopediya: v 4 t.* [New Philosophical Encyclopedia: in 4 vols]. Vol. 3. Moscow: Mysl'.
13. Shchennikov, G.K. & Tikhomirov, B.N. (eds) (2008) *Dostoevskiy: Sochineniya, pis'ma, dokumenty: slovar'-spravochnik* [Dostoevsky: Works, letters, documents: a reference dictionary]. St. Petersburg: The Pushkin House.
14. Golosovker, Ya.E. (1963) *Dostoevskiy i Kant: Razmyshleniya chitatelya nad romanom "Brat'ya Karamazovy" i traktatom Kanta "Kritika chistogo razuma"* [Dostoevsky and Kant: The Reader's Reflections on the novel "The Brothers Karamazov" and Kant's treatise "Critique of Pure Reason"]. Moscow: USSR AS.
15. Kant, I. (1994) *Kritika chistogo razuma* [Critique of Pure Reason]. Translated from German by N. Lossky. Moscow: Mysl'.
16. Zenkovskiy, V.V. (1933) Problema krasoty v mirosozertsanii Dostoevskogo [The problem of beauty in Dostoevsky's world outlook]. *Put'*. 37. pp. 36–60.
17. *Novyy Zavet* [New Testament]. St. Petersburg: The Russian Bible Society, 1823.

УДК: 17.02

DOI: 10.17223/1998863X/63/32

В.В. Чешев

Ф.М. ДОСТОЕВСКИЙ И В.С. СОЛОВЬЕВ: РЕЛИГИОЗНО-ФИЛОСОФСКИЙ ПОИСК

Религиозный поиск Ф.М. Достоевского и В.С. Соловьева имеет антропологический характер. Внимание мыслителей направлено на нравственные основания поведения человека. Если Ф.М. Достоевский решает задачу через образы литературных героев, то В.С. Соловьев создает нравственную философию, в содержании которой отражен опыт писателя. В современных условиях становится возможным осмыслить этот поиск в рамках научного светского сознания.

Ключевые слова: религиозное сознание, нравственность, человек, общество

Творчество Ф.М. Достоевского ценно не только в литературном, но и в философско-мировоззренческом значении. Поиск писателя обращен к человеку, и причина высокой актуальности его наследия обусловлена тем, что сегодня «цивилизованный мир», а вместе с ним и Россия, переживают яростную атаку на человека и человеческую личность. В условиях расширяющихся границ «общества потребления» как никогда за последние два века стал актуален вопрос: есть ли у человека высокое предназначение, есть ли ценности, выходящие за пределы упрощенного чувственного гедонизма, т.е. за пределы пребывания в потоке удовольствий, доставляемых ему собственным телом? Если стремление быть успешным не выходит за пределы названного потока, если успешность определяется количеством и качеством доступных удовольствий, то теряют свое значение смыслы, возвышающие человека. Но, как настаивал Ф.М. Достоевский, человек без смысла жить не может. В последнем случае он скорее умертвит себя, даже если вокруг были бы хлеба, т.е. материальное изобилие. Впрочем, отдельный индивид может прожить жизнь свою физическую жизнь без смысла, но такое невозможно в отношении человека собирательного, т.е. в отношении общества и человечества как целого. Трагические судьбы героев Достоевского есть по большей части попытки прожить жизнь без смысла или в условиях временной утраты (помрачения) смысла. И тогда становится очевидным, что высшие смыслы необходимы человеку и человечеству. Эсцессы немотивированного насилия в прошлом и в настоящем являют себя как симптомы утраты смысла, который необходим индивиду, чтобы быть человеком, чтобы жить человеком. В чем суть смысла, превращающего двуногое существо в человека? Эту тайну разгадывает писатель, и в ее разгадке он останавливается перед тайной падения человека, тайной его низости. Почему и как возможно его падение и есть ли граница этого падения?

«Человек из подполья», Федор Карамазов, Степан Верховенский – все это прецеденты болезненной утраты человеческого Я, которое ищет интеллектуальное оправдание своего положения. И тогда возникает вопрос, что может быть спасением для человека, где искать опору для него. Свой ответ

писатель видит в христианском религиозном сознании, укрепившемся благодаря обстоятельствам его жизни, точнее, через пребывание на каторге и чтение Евангелия, подаренного ему при встрече с женами декабристов. Ядром этого сознания является вера в милосердного Бога, оборачивающаяся верой в человека и превращающаяся в сострадательную любовь человека к человеку. Любовь и сострадание к ближнему предстают у писателя как спасительные основания жизни. Эти чувства есть проявление нравственных начал в человеке, утрата таковых есть утрата человеческого лица. Основание всему начала нравственные – таков основной принцип, принятый писателем. Любовь к ближнему, любовь к нему как к человеку, как существу родственному по природе, по способу его жизни, в том числе любовь к человеку павшему – так предстает у Ф.М. Достоевского проявление в человеке высших нравственных мотивов. В этом чувстве, как учит христианство, проявляются отношения человека и Творца. Христианская заповедь требует возлюбить ближнего своего и Бога, создателя мира и человека. Этим объединяется мир человеческий и мир высший, мир одухотворяющий. Тем самым религиозная антропология становится для писателя основанием его усилий по разгадке тайны человека. Писательский поиск осуществляется в образной форме, он показывает отношения людей ищущих, людей заблудших, людей падших и людей, обретающих путь к спасению через христианскую веру, поскольку «делая человека ответственным, христианство тем самым признает и свободу его» [1. С. 63].

Писатель не одинок в своих размышлениях. По сути все религиозные философы России в XIX в. так или иначе заняты проблемой человека, опираясь при этом на те или иные положения христианской теологии и христианской метафизики в целом. По воззрениям на природу человека ближе всего к поиску Ф.М. Достоевского стоит В.С. Соловьев. И дело здесь не только в личной дружбе писателя и философа. Их совместный поиск дает опыт религиозно-философской антропологии, которая должна быть осмыслена сегодня ввиду стремления к реанимации религиозного сознания, проводимого посредством восстановления православной церкви и в силу возрастания ее роли в общественной жизни современной России. Два великих человека заняты общей антропологической задачей. Один из них решает ее художественными средствами, другой – на пути философского осмысливания. Здесь важно отметить, что в понимании проявлений нравственности оба берут за основу религиозное чувство и оба развивают христианскую религиозную мысль.

Нравственные начала явлены человеку в его переживаниях, влекущих к тем или иным поступкам. Это мир переживаний литературных героев становится сферой творчества Достоевского. Подобным образом с основных человеческих переживаний начинает нравственную философию В.С. Соловьев, полагая, что стыд, сострадание (альтруизм) и благоговение есть основные проявления моральных начал в человеческом существе. В отличие от кантовской этики трансцендентального рационализма, философ полагал, что нравственное чувство, нравственная восприимчивость присущи человеку изначально, они оказываются основанием для полного познания идеи добра разумом человека: «Для того, чтобы идея добра в форме должного получила силу достаточного основания или мотива, нужно соединение двух факторов: достаточной ясности и полноты самой этой идеи в сознании и достаточной нравственной восприимчивости в натуре субъекта» [2. С. 116]. Таково усло-

вие соединения свободной воли с действительностью. В этике И. Канта нравственный поступок есть действие, согласующееся с требованием категорического императива, т.е. с предписанием чистого практического разума, который требует его осуществления независимо от обстоятельств, влияющих на чувства человека, и даже вопреки им. Напротив, в обращении к живой человеческой природе можно видеть принципиальное отличие антропологического подхода Достоевского и Соловьева к проблеме человека. Если в немецком рационализме этический императив есть априорное повеление практического разума, то в антропологии В.С. Соловьева нравственность начинается с человеческих чувств жалости, сострадания и благоговения. Но эти чувства должны быть осмыслены и обрести развитую форму разумного поведения. Нравственная философия предстает в таком случае как развитие нравственных начал до степени осмысленного осознанного поведения. Соединение нравственного сознания и нравственного чувства в философии В.С. Соловьева делает его философию морали более близкой человеку. В своем сознании человек поднимается над первичными формами нравственности, но сознание остается связанным с ними как первоначальными и фундаментальными основаниями морального чувства. Поэтому В.С. Соловьев не согласен с тем, что нравственность создается религией, она ею поддерживается, через нее она осознается, но для этого сама религия должна быть нравственной: «Поэтому когда нам указывают на религию как на нормальную нравственную основу общества, то нужно еще посмотреть, имеет ли сама эта религия нравственный характер, согласна ли она с нравственным началом; и значит, последним основанием и критерием остается это начало, а не религия как такая» [3. С. 348]. Христианская религия, как полагает философ, содержит в себе безусловное нравственное начало, чем и определяется ее роль в истории человечества.

Чтобы возвышать человека, нравственное сознание должно быть деятельным. Герои Достоевского утверждают в этой истине через драмы и страдания, пробуждающие в них глубинные моральные истины. О деятельной стороне нравственного чувства размышляет В.С. Соловьев, показывая, что в истории общества нравственность не может ограничиться индивидуальными достоинствами, не может не переступать границы индивидуальной добродетели. Активная нравственность требует своего воплощения в человеке собирательном, т.е. в обществе. Философ подвергает критике так называемый «отвлеченный субъективизм в нравственности», заключающий нравственность в сугубо личную оболочку существования. Как существо собирательное человек реализует себя в обществе и потому не может не превращать индивидуальную нравственность в правила общественных отношений, поскольку, «когда дело идет об организации общественной среды поначалу безусловного добра, то ведь такая организация есть не ограничение, а исполнение личной нравственной воли, — есть то самое, чего она хочет» [2. С. 340]. В этой связи В.С. Соловьев называет общество собирательным органом делания добра, так что «истина человека состоит в том, чтобы не отделять себя от всего, а чтобы быть вместе со всем» [Там же. С. 259].

В философии В.С. Соловьева нравственное преобразование общества и нравственное возвышение индивида, понимаемое как восхождение к богочеловеку, неотделимы друг от друга. В этом заключается, как полагает фило-

соф, действительная задача христианства. Но на пути такого восхождения есть соблазны, которые обсуждаются обоими мыслителями. В «Легенде об инквизиторе» Ф.М. Достоевский указывает на три искушения, которыми сатана испытывает Иисуса. Это искушение стать магом, превратив камни в хлебы, и этим увлечь людей; искушение гордыни (вообразить себя богом) и искушение абсолютной власти над миром. Христос отвергает названные соблазны, одерживая этим победу над сатаной и открывая путь к богочеловеческому совершенству. Но искушения испытывает не только человеческая личность, они затрагивают и общественно организованного человека. В «Чтениях о богочеловечестве» В.С. Соловьев обращается к этому вопросу и указывает, что названные соблазны испытывает и христианская церковь, хотя как бы в обратном порядке в сравнении с личными искушениями. Первым искушением для христианской церкви стал соблазн власти над миром, которому поддалась католическая церковь. В более позднем реферате философ указывает и на другие слабости средневекового христианства в виде исключительного догматизма, одностороннего индивидуализма и ложного спиритуализма, помешавшим христианству и христианской церкви найти путь к духовному преображению человека, т.е. к совокупному преображению личности и общества. На этой почве вырастает слабость средневекового христианского мировоззрения: «С тех пор как истинное христианское общество первых веков растворилось в языческой среде и приняло ее характер, сама идея общественности исчезла из ума даже лучших христиан. Всю публичную власть они предоставили властям церковным и мирским, а своею задачей поставили только *индивидуальное спасение*» [4. С. 352].

Урок, который может извлечь современное русское общество из сочинений писателя и философа, сводится к «антропологической формуле», весьма определенно утверждаемой ими. Суть ее, как уже отмечалось, в том, что основание всему начала нравственные. Это означает, что нравственность является безусловным законом жизни. Она заключена в природе человека, и исторический прогресс, рассматриваемый как утверждение человека, есть прогресс нравственный. Это не значит, что общественное устройство, его внутреннее системное расчленение задается исключительно некоторыми нравственными правилами. Нет, отвечает на такое утверждение философ: «Начало совершенного добра, открывшееся в христианстве, не упраздняет объективного строения человеческой общественности, а пользуется ею как формой и орудием для воплощения своего безусловного нравственного содержания» [2. С. 339]. В частности, расчленение общества на социальные группы, вызываемое ведением лично-общественного хозяйства, не может напрямую определяться моральными предписаниями. Нравственность действует внутри хозяйственных форм через отношение к труду, отношение к работнику, к природной среде, в конечном счете, к целям хозяйственной деятельности в целом. Как известно, в философско-социологической литературе вопрос о хозяйственной этике был поднят М. Вебером. В русской философии он получил независимое обсуждение в сочинениях В.С. Соловьева и С.Н. Булгакова. Для С.Н. Булгакова его докторское сочинение «Философия хозяйства» было ответом на собственное увлечение марксизмом. Он отмечает, что в общественном сознании эпохи жизнь начинает ощущаться как хозяйство и люди начинают мыслить категориями хозяйства: «Наше время по-

нимает, чувствует, переживает мир как хозяйство, а мощь человечества как богатство преимущественно в экономическом смысле слова... Жизнь есть процесс прежде всего хозяйственный – такова аксиома этого современного экономизма, получившего самое крайнее и даже заносчивое выражение в современном экономическом материализме» [4. С. 8]. С.Н. Булгаков не пишет, что это положение обусловлено наступлением промышленного этапа в общественном развитии, обострившего общественное значение нравственной проблематики. Однако обостренное внимание к нравственной проблематике в русской философии является естественной реакцией на возникавшие проблемы. В.С. Соловьев пишет об «экономизме», исходящем из первичной роли производства, как о некой «плохой метафизике»: «Так как подчинение материальных интересов и отношений в человеческом обществе каким-то особым, от себя действующим экономическим законам есть лишь вымысел плохой метафизики, не имеющей и тени основания в действительности, то в силе остается общее требование разума и совести, чтобы и эта область подчинялась высшему нравственному началу, чтобы и в хозяйственной своей жизни общество было организованным осуществлением добра» [2. С. 412]. Как полагает философ, есть одна непреложная необходимость, это необходимость нравственная.

Актуализация антропологических воззрений русских мыслителей не означает необходимости возврата к религиозному сознанию. Искренний и напряженный поиск, представленный в творчестве Достоевского и Соловьева, раскрыл в определенных границах роль нравственных начал в жизни личности и общества. Результаты этих усилий сохраняют свое значение для современного человека вне зависимости от представлений о природе нравственности, которые положены в его основание. Необходимость нравственных императивов может получить другое нерелигиозное обоснование, хотя их действие в обществе останется тем же самым. Здесь можно воспользоваться аналогией с ситуациями, возникавшими в науках о природе. Второй закон термодинамики был математически оформлен С. Карно на основе представления о теплороде. Концепция теплорода была заменена на механическую теорию тепла, но от этого не изменились уравнения термодинамики, описывающие состояние рабочего тела при переходе тепловой энергии в механическую. Подобным образом светское секулярное объяснение природы нравственных начал в человеческой истории может использовать опыт религиозного сознания, обращавшегося к их исследованию. Современная антропология может решить эту задачу в рамках системной эволюционной теории, раскрывающей становление человека как культурно-биологического вида. Нравственность должна быть представлена как результат и как необходимое условие социального и культурного развития человека, точнее, как системный синтез его культурной и деятельной эволюции.

Необходимым условием и системной причиной социального и культурного развития биологического вида *Homo sapiens* явилось изменение образа жизни благодаря принципиальному новому способу взаимодействия с природным окружением. Речь идет о предметном орудийном действии, с которого начинается становление предметной деятельности, развившейся в ходе социогенеза в организованную хозяйственную деятельность человека. Все предшествующее развитие животного мира предстает как становление мно-

гообразных форм поведения, обусловленных как морфологическим разнообразием животного мира, так и многообразием способов приспособления к естественным природным условиям. Становление и развитие предметной деятельности не прерывают развитие поведения особей и гоминидных сообществ как целого, но открывают его новый этап, поскольку предметная активность сама по себе не может формировать жизненные ценности и определять поведение «гоминидного социума». Новый качественный шаг в развитии поведения гоминидных сообществ, сумевших сформировать деятельное отношение к природе в борьбе за материальные средства обеспечения жизни, заключался в появлении символических средств, формирующих социальную активность особей эволюционирующих сообществ. Одной из основных опор культурогенеза, начавшегося на этой основе, стало развитие психики, способной на эмоциональном психическом и когнитивном уровнях усваивать смыслы как особую невещественную реальность (идеальное). Культура как системно организованный мир смыслов начинает «программировать» поведение человека, заняв место видовых генетических программ прошлого, действовавших на предшествующих этапах биологического развития. Сохранившиеся биологические программы в преобразованном виде встраиваются в культурное (искусственное) поведение человека. В конкретных актах общественного поведения человек переживает и осмысливает опорные смысловые значения, самоопределяясь в мире культуры и в социальном пространстве жизни. Культурный мир, в котором живет и осуществляет свое поведение конкретный индивид, формирует доминанты, глубокое запечатление и переживание которых становятся опорными для человека. Здесь происходит его соприкосновение с ключевыми программными принципами поведения, консолидирующими человека как культурно-биологический вид. Можно утверждать, что эти принципы предстают как нравственные основания человеческого поведения. Модифицируясь в разных культурах, они сохраняются в человеческой психике, если следовать терминологии В.С. Соловьева, как фундаментальные переживания стыда, жалости и благоговения. Их развитие требует осознания нравственных категорий и конструирования для них метафизических (онтологических) оснований. Можно согласиться с русскими мыслителями в том, что нравственное сознание требует Абсолюта, под которым они подразумевают Творца. В рамках светского осмысления природы нравственности таким абсолютом оказывается Жизнь. Общество, названное русским философом собирательным органом делания добра, является собирательным органом продолжения жизни человека как культурно-биологического вида. В этом контексте исторический прогресс выступает и должен выступать как прогресс нравственный. Когда это правило нарушается, общество вступает в разрушительный кризис, несущий ему невольное самоуничтожение. Нравственный поиск и нравственный прогресс, понимаемые как возрастающая степень нравственности общественных отношений, не могут быть заменены экономическим развитием. В этом, собственно, заключается философское завещание русских мыслителей.

Литература

1. Достоевский Ф.М. Дневник писателя. М. : ЭКСМО, 2007. 627 с.
2. Соловьев В.С. Оправдание Добра // Сочинения : в 2 т. М. : Мысль, 1988. Т. 1. С. 47–580.

3. Соловьев В.С. О причинах упадка средневекового миросозерцания // Сочинения : в 2 т. М. : Правда, 1989. Т. 1. С. 344–355.
4. Булгаков С.Н. Философия хозяйства. М. : Наука, 1990.

Vladislav V. Cheshev, Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation).

E-mail: chwld@rambler.ru

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya – Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science. 2021. 63. pp. 321–327.

DOI: 10.17223/1998863X/63/32

FYODOR DOSTOEVSKY AND VLADIMIR SOLOVYOV: RELIGIOUS AND PHILOSOPHICAL SEARCH

Keywords: religious consciousness; morality; man; society

The appeal to Russian religious thinkers is relevant due to the fact that modern consumer trends in the development of society have a destructive impact on the human personality. In these conditions, the relevance of moral and anthropological reflections of the past, which were carried out in the Russian religious thought of the 19th century, increases. Dostoevsky's oeuvre goes beyond the boundaries of fiction, it includes a deep philosophical search in social and moral-religious spheres. His literary heroes strive to find meanings that can fill their lives. The writer believed that these meanings can be found in the sphere of Christian consciousness. This was his philosophical path, presented in the figurative sphere of literature. His contemporary Vladimir Solovyov solved the same problem in the field of philosophical theoretical consciousness. Both thinkers pointed to the primacy of the moral sense for a person, which is later comprehended in moral philosophy. Solovyov calls shame, pity (altruism), and reverence the fundamental manifestations of morality. Religion does not generate moral principles, but gives them expression. The thinkers point to the active nature of moral meanings manifested both in individual and social behavior of a person. In Dostoevsky's works, the actions of the heroes are determined by their moral experiences. Solovyov points to the limitations of abstract subjectivism in morality and to the moral progress of society as an indicator of its historical development. It is important for Solovyov to consider the manifestation of moral principles in human economic activity, which, as he believed, should also be an organized realization of good. The philosophical heritage of Russian thinkers remains significant for the modern secular consciousness, which is looking for the roots of morality in symbolic behavior programs set by culture. In this context, morality appears as a fundamental culture-species program that consolidates the human community as a global cultural and biological species.

References

1. Dostoevsky, F.M. (2007) *Dnevnik pisatelya* [Writer's Diary]. Moscow: EKSMO.
2. Soloviev, V.S. (1988) *Sochineniya. V 2 t.* [Works. In 2 vols]. Vol. 1. Moscow: Mysl'. pp. 47–580.
3. Soloviev, V.S. (1989) *Sochineniya. V 2 t.* [Works. In 2 vols]. Vol. 1. Moscow: Mysl'. pp. 344–355.
4. Bulgakov, S.N. (1990) *Filosofiya khozyaystva* [Philosophy of the Economy]. Moscow: Nauka.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

АНДРУШКЕВИЧ Александр Геннадьевич – младший научный сотрудник Томского научного центра СО РАН (г. Томск).

E-mail: andryusha.fsf@gmail.com

АРТАМОНОВ Денис Сергеевич – кандидат исторических наук, докторант кафедры теоретической и социальной философии Саратовского национального исследовательского государственного университета им. Н.Г. Чернышевского (г. Саратов).

E-mail: artamonovds@mail.ru

БИЗИНА Маргарита Юрьевна – аспирант факультета исторических и политических наук Национального исследовательского Томского государственного университета (г. Томск).

E-mail: rita_biz@mail.ru

ВОЛЬФ Марина Николаевна – доктор философских наук, доцент, директор Института философии и права Сибирского отделения Российской академии наук (г. Новосибирск).

E-mail: rina.volf@gmail.com

ВОРОБЬЕВ Антон Павлович – кандидат политических наук, доцент; доцент кафедры государственного управления и политических технологий Государственного университета управления (г. Москва).

E-mail: camarol@yandex.ru

ВОРОХОБОВ Александр Владимирович – доктор философских наук, доцент кафедры философии и теологии Нижегородского государственного педагогического университета (г. Нижний Новгород).

E-mail: vorokhobov@yandex.ru

ГАПОНОВ Александр Сергеевич – кандидат философских наук, старший научный сотрудник Томского научного центра СО РАН (г. Томск); старший преподаватель кафедры онтологии, теории познания и социальной философии Национального исследовательского Томского государственного университета (г. Томск).

E-mail: gaPONOV@sibmail.com

ГАШКОВ Сергей Александрович – кандидат философских наук, доктор философии Университета г. Пуатье (Франция); доцент кафедры теоретической и прикладной лингвистики Балтийского государственного технического университета (БГТУ) «Военмех» им. Д.Ф. Устинова (г. Санкт-Петербург).

E-mail: sgachkov@hotmail.com, sergegachkov@mail.ru

ГРИШАКИНА Екатерина Георгиевна – кандидат педагогических наук, доцент, начальник научно-аналитического отдела дирекции исследований и анализа Центра социологических исследований (г. Москва).

E-mail: eg@sociocenter.ru

ДЕМИН Илья Вячеславович – доктор философских наук, профессор кафедры философии Самарского национального исследовательского университета им. академика С.П. Королева (г. Самара).

E-mail: ilyadem83@yandex.ru

ДОНСКИХ Олег Альбертович – доктор философских наук, профессор, PhD (Monash, Australia), заведующий кафедрой философии и гуманитарных наук Новосибирского государственного университета экономики и управления – НИИХ (г. Новосибирск).

E-mail: olegdonskikh@yandex.ru

ЕРЕМЕНКО Марина Сергеевна – старший преподаватель кафедры политологии и права Красноярского государственного педагогического университета им. В.П. Астафьева (г. Красноярск).

E-mail: krsk.marina@yandex.ru

ИВЛЕВ Юрий Васильевич – доктор философских наук, профессор кафедры логики философского факультета МГУ им. М.В. Ломоносова (г. Москва).

E-mail: ivlev.logic@yandex.ru

ИСАЕВ Дмитрий Петрович – кандидат исторических наук, доцент кафедры отечественной истории Средних веков и Нового времени Института истории и международных отношений Южного федерального университета (г. Ростов-на-Дону).

E-mail: disaew@mail.ru, dpisaev@sfedu.ru

КАНЕВСКИЙ Павел Сергеевич – кандидат политических наук, доцент, доцент кафедры политологии и социологии политических процессов, заместитель декана по научной работе социологического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова (г. Москва).

E-mail: kanevskiy@socio.msu.ru

КАПИЧЬЯК Якуб – Ph.D., преподаватель кафедры русского языка педагогического факультета Университета Градец Кралове (г. Градец Кралове, Чешская Республика).

E-mail: jakub.kapiciak@uhk.cz

КАРАБЫКОВ Антон Владимирович – доктор философских наук, кандидат филологических наук, доцент кафедры философии Крымского федерального университета им. В.И. Вернадского (г. Симферополь).

E-mail: meavox@mail.ru; <https://omgis.academia.edu/AntonKarabykov>

КОНСТАНТИНОВА Марина Викторовна – кандидат исторических наук, доцент; доцент кафедры политологии и права Красноярского государственного педагогического университета им. В.П. Астафьева (г. Красноярск).

E-mail: marisha1980@list.ru

ЛАДОВ Всеволод Адольфович – доктор философских наук, заведующий лабораторией логико-философских исследований Томского научного центра СО РАН (г. Томск); ведущий научный сотрудник Томского научного центра СО РАН (г. Томск).

E-mail: ladov@yandex.ru

НЕХАЕВ Андрей Викторович – доктор философских наук, доцент, ведущий научный сотрудник Томского научного центра СО РАН (г. Томск); профессор кафедры философии Тюменского государственного университета (г. Тюмень); профессор кафедры философии и социальных коммуникаций Омского государственного технического университета (г. Омск).

E-mail: a.v.nekhaev@utmn.ru

ОГЛЕЗНЕВ Виталий Васильевич – доктор философских наук, доцент, ведущий научный сотрудник Института философии и права СО РАН (г. Новосибирск); профессор кафедры теории и истории государства и права юридического факультета Санкт-Петербургского государственного университета (г. Санкт-Петербург).

E-mail: ogleznev82@mail.ru

ПИГАЛЕВ Александр Иванович – доктор философских наук, профессор, ведущий научный сотрудник кафедры философии Волгоградского государственного университета (г. Волгоград).

E-mail: pigalev@volsu.ru

ПОЛИХИНА Надежда Александровна – заместитель директора Центра социологических исследований (г. Москва).

E-mail: polihina@sociocenter.info

ПОЛОННИКОВ Александр Андреевич – кандидат психологических наук, доцент; доцент кафедры психологии образования Института психологии Белорусского государственного педагогического университета (г. Минск, Республика Беларусь).

E-mail: alexpolonnikov@gmail.com

СЕМЕНИЮК Антон Павлович – доктор философских наук, доцент кафедры философии с курсами культурологии, биоэтики и отечественной истории Сибирского государственного медицинского университета Министерства здравоохранения Российской Федерации (г. Томск).

E-mail: apsemenyuk76@gmail.com

СЕМЕНИЮК Ксения Анатольевна – кандидат философских наук, доцент кафедры философии с курсами культурологии, биоэтики и отечественной истории Сибирского государственного медицинского университета Министерства здравоохранения Российской Федерации (г. Томск).

E-mail: marcelp@yandex.ru

СПРУКУЛЬ Полина Сергеевна – магистр, техник лаборатории логико-философских исследований Томского научного центра СО РАН (г. Томск); аспирант кафедры гуманитарных проблем информатики философского факультета Национального исследовательского Томского государственного университета (г. Томск).

E-mail: polina.sprukul@gmail.com

СУРОВЦЕВ Валерий Александрович – доктор философских наук, профессор, ведущий научный сотрудник Института философии и права СО РАН (г. Новосибирск); заведующий кафедрой истории философии и логики Национального исследовательского Томского государственного университета (г. Томск).

E-mail: surovtssev1964@mail.ru

ТАРАБАНОВ Николай Александрович – кандидат философских наук, доцент кафедры онтологии, теории познания и социальной философии Национального исследовательского Томского государственного университета (г. Томск).

E-mail: mail.tsu.ru

ТИХОНОВА Софья Владимировна – доктор философских наук, доцент, профессор кафедры теоретической и социальной философии Саратовского национального исследовательского государственного университета им. Н.Г. Чернышевского (г. Саратов).

E-mail: segedasv@yandex.ru

ТРОСТЯНСКАЯ Ирина Борисовна – кандидат политических наук, директор дирекции исследований и анализа Центра социологических исследований (г. Москва).

E-mail: trostyanskaya@sociocenter.info

ФЕЛЬДМАН Павел Яковлевич – кандидат политических наук, доцент; доцент кафедры философии и социологии Образовательного учреждения профсоюзов высшего образования «Академия труда и социальных отношений» (г. Москва).

E-mail: pavelfeld@mail.ru

ХАЛЕД Рефаат Кемалзельдин Бадави – аспирант кафедры теоретической и прикладной политологии Института философии и социально-политических наук Южного федерального университета (г. Ростов-на-Дону).

E-mail: refat1968@list.ru

ХАРТ Герберт Лайонел Адольф (1907–1992) – профессор юриспруденции Оксфордского университета (Оксфорд, Великобритания).

ХАХАЛКИНА Елена Владимировна – доктор исторических наук, доцент, профессор, и.о. заведующего кафедрой новой, новейшей истории и международных отношений Национального исследовательского Томского государственного университета (г. Томск).

E-mail: ekhakhalkina@mail.ru

ХИТРУК Екатерина Борисовна – доктор философских наук, профессор кафедры онтологии, теории познания и социальной философии Национального исследовательского Томского государственного университета (г. Томск).

E-mail: lubomudreg@gmail.ru

ЦЕЛИЩЕВА Оксана Ивановна – кандидат философских наук, научный сотрудник Института философии и права СО РАН (г. Новосибирск).

E-mail: oxanatse@gmail.com

ЧЕШЕВ Владислав Васильевич – доктор философских наук, профессор, профессор кафедры философии и методологии науки Национального исследовательского Томского государственного университета (г. Томск).

E-mail: chwld@rambler.ru

ЩАНИНА Екатерина Владимировна – доктор социологических наук, доцент, профессор кафедры «Социология и управление персоналом» Института экономики и управления Пензенского государственного университета (г. Пенза).

E-mail: shchanina@mail.ru

ЯРСКАЯ-СМИРНОВА Валентина Николаевна – доктор философских наук, профессор, директор Научно-образовательного центра региональных мониторинговых исследований, Саратовского государственного технического университета им. Ю.А. Гагарина (г. Саратов).

E-mail: jarskaja@mail.ru

ЯРСКАЯ-СМИРНОВА Елена Ростиславовна – доктор социологических наук, профессор, заведующая Международной лабораторией исследований социальной интеграции Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (г. Москва).

E-mail: elena.iarskaia@gmail.com

Научный журнал

**ВЕСТНИК ТОМСКОГО
ГОСУДАРСТВЕННОГО
УНИВЕРСИТЕТА**

**ФИЛОСОФИЯ. СОЦИОЛОГИЯ.
ПОЛИТОЛОГИЯ**

**TOMSK STATE UNIVERSITY JOURNAL OF PHILOSOPHY,
SOCIOLOGY AND POLITICAL SCIENCE**

2021. № 63

Редактор *Е.Г. Шумская*

Оригинал-макет *О.А. Турчинович*

Дизайн обложки *Яна Яковсона* (проект «Пресс-интеграл»,
факультет журналистики ТГУ)

Учредитель Федеральное государственное автономное образовательное
учреждение высшего образования «Национальный исследовательский
Томский государственный университет»

Подписано в печать 24.11.2021 г. Дата выхода в свет 29.11.2021 г.

Формат 70х100¹/₁₆. Печ. л. 20,75; усл. печ. л. 27; уч.-изд. л. 28,5.

Тираж 50 экз. Заказ № 4838. Цена свободная.

Адрес издателя и редакции: 634050, г. Томск, пр. Ленина, 36
Томский государственный университет

Издание отпечатано на оборудовании Издательства
Томского государственного университета
634050, г. Томск, пр. Ленина, 36, тел. 8(382-2) 53-15-28; 52-98-49
<http://publish.tsu.ru>; e-mail; rio.tsu@mail.ru